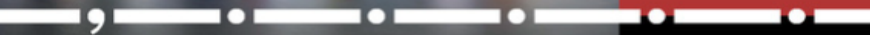
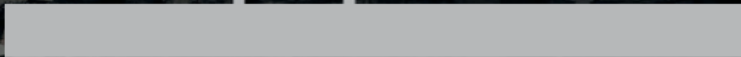

Почему одни страны
БОГАТЫЕ

а другие

БЕДНЫЕ

Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты

Аннотация

«Почему одни страны богатые, а другие бедные» – один из главных политэкономических бестселлеров последнего времени, эпохальная работа, сравнимая по значению с трудами Сэмюэля Хантингтона, Джареда Даймонда или Фрэнсиса Фукуямы. Авторы задаются вопросом, который в течение столетий волновал историков, экономистов и философов: в чем истоки мирового неравенства, почему мировое богатство распределено по странам

и регионам мира столь неравномерно? Ответ на этот вопрос дается на стыке истории, политологии и экономики, с привлечением необычайно обширного исторического материала из всех эпох и со всех континентов, что превращает книгу в настоящую энциклопедию передовой политэкономической мысли.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	11
Предисловие	23
Глава 1	32
Экономика Рио-Гранде	32
Основание Буэнос-Айреса	38
Из Кахамарки...	42
...до Джеймстауна	56
Повесть о двух конституциях	75
Разработать идею, открыть бизнес, получить кредит	84
Не сходя с привычной колеи	92
Как заработать миллиард-другой	97
Подходы к теории мирового неравенства	102
Глава 2	111
Положение вещей	111
Географическая теория	118
Влияние культуры	135
Теория о невежестве	149
Глава 3	160
Экономика 38-й параллели	160
Экстрактивные и инклюзивные экономические институты	168
Двигатели процветания	175

Экстрактивные и инклюзивные политические институты	181
Почему выбор в пользу процветания делается не всегда?	190
Долгая агония Конго	200
Экономический рост при экстрактивных политических институтах	209
Глава 4	218
Мир, который сотворила чума	218
Как появляются инклюзивные политические институты	229
Значительные последствия незначительных различий	236
Условно детерминированный исторический путь	247
Положение вещей: в поисках объяснения	254
Глава 5	276
Я видел будущее	276
На берегах Касаи	296
Длинное лето	304
Извлечение ренты – ненадежный бизнес	319
Что же пошло не так?	331
Глава 6	335
Как Венеция превратилась в музей	335
Римские добродетели...	350
...и римские пороки	365

Из Виндоланды никто не пишет	380
Расходящиеся траектории	385
Последствия раннего роста	394
Глава 7	398
Чулочная проблема	398
Вечный политический конфликт	404
Славная революция	417
Промышленная революция	431
Почему именно в Англии?	454
Глава 8	462
Печатать не дозволяется	462
Небольшая разница, большое значение	472
Кто боится промышленности?	481
Морской запрет	499
Царство пресвитера Иоанна	506
Дети Самаале	514
Затянувшийся упадок	525
Глава 9	528
Пряности и геноцид	528
Слишком уж обычный институт	540
Становление двойственной экономики	556
Развитие вспять	581
Глава 10	587
Воровская честь	587
Ломая барьеры: Французская революция	605
Экспорт революции	618

В поисках современности	629
Корни мирового неравенства	638
Глава 11	644
Черный акт	644
Медленная поступь демократии	660
Как лопаются тресты	679
Свои люди в суде	693
Позитивный отклик и благотворная обратная связь	707
Глава 12	712
Вы больше никогда не сядете в поезд, идущий в Бо	712
От энкомьенды к земельным захватам	734
От раба к Джиму Кроу	747
Железный закон олигархии	761
Негативный отклик и благотворная обратная связь	774
Глава 13	781
Как выиграть в лотерею в Зимбабве	781
Крестовый поход детей?	792
Государство – это кто?	799
El Corralito	812
Новый абсолютизм	822
Царь-хлопок	827
Игровое поле с уклоном	836
Почему бедные страны становятся	843

бедными	
Глава 14	852
Три африканских вождя	852
Конец экстрактивного Юга	872
Возрождение Китая	884
Глава 15	898
Исторические корни	898
Неотразимый шарм авторитарного роста	917
Невозможно сконструировать процветание	935
Крах международной помощи	944
Расширение прав	954
Благодарности	969
Библиография и источники	973
Предисловие	973
Глава 1. Так близко – и так по-разному	974
Глава 2. Теории, которые не работают	977
Глава 3. Как возникают богатство и бедность	980
Глава 4. Груз истории: небольшие отличия и точки перелома	984
Глава 5. «Я видел будущее, и оно работает»: экономический рост в условиях экстрактивных институтов	986
Глава 6. Отдаляясь друг от друга	988
Глава 7. Поворотный момент	990

Глава 8. Лишь бы не у нас: барьеры на пути развития	993
Глава 9. Развитие вспять	995
Глава 10. Распространение процветания	998
Глава 11. Благотворная обратная связь	1000
Глава 12. Порочный круг	1002
Глава 13. Почему сегодня государства терпят неудачу	1005
Глава 14. Ломаю привычные схемы	1008
Глава 15. В поисках причин процветания и бедности	1010
Источники для создания карт	1012
Использованная литература	1017
Фотографии	1055

**Дарон Аджемоглу,
Джеймс А. Робинсон**

**Почему одни
страны богатые,
а другие бедные.**

**Происхождение власти,
процветания и нищеты**

Посвящается Арде и Асу – Д. А.

Para María Angélica, mi vida y mi alma – Дж.

Р.

Daron Acemoglu, James A. Robinson

WHY NATIONS FAIL

The Origins of Power, Prosperity, and Poverty

Перевод с английского Дмитрия Литвинова, Павла Миронова, Сергея Сановича

*Фото на задней стороне обложки: MIT Economics /
L. Barry Hetherington Svein, Inge Meland*

Предисловие к русскому изданию

Открытая вами книга – безусловно, один из наиболее значительных экономических трудов последнего десятилетия. Не уверен, что именно я – человек, давно не занимавшийся профессионально экономической наукой, – наиболее удачный кандидат на авторство предисловия к ней. Все, что я смогу написать здесь, будет, вероятно, субъективно и пропущено через собственный практический опыт. Так сложилось, что мне в течение целого десятилетия российской истории пришлось принимать активное участие в масштабных социальных, экономических и политических преобразованиях в нашей стране. Поэтому могу отнести себя скорее к числу потребителей научного знания в этой сфере.

Меня крайне интересует разворачивающаяся в мировой обществоведческой мысли фундаментальная дискуссия – почему одни страны процветают в экономическом отношении, а другие нет. Если посмотреть список тем, за которые их авторы были награждены Нобелевскими премиями по экономике в последние пятнадцать лет, то ничего близкого к названной мной

теме там не увидишь. Тем не менее мне кажется, что именно эта проблема в каком-то смысле является вершиной экономического знания. Ведь для того, чтобы замахнуться на нее, необходимо профессиональное знание истории народов на всех пяти континентах как минимум за последние 10 тысяч лет. Помимо этого, нужно глубоко осмыслить самые современные достижения экономической науки, этнографии, социологии, биологии, философии, культурологии, демографии, политологии и еще нескольких самостоятельных сфер научных знаний. Неплохо еще и владеть хотя бы базовыми технологическими трендами, понимать отраслевые взаимосвязи от средневековой до современной экономики. Но спрос на результаты здесь настолько велик, что в этой сфере сформировалось несколько школ научной мысли. Не претендуя на полноту знаний, я бы описал их в следующем виде.

Географический детерминизм. Суть позиции его сторонников состоит в том, что наиболее значимым фактором, определяющим долгосрочные тренды странового экономического развития, является географическое положение. Вероятно, сюда же следует отнести и климатический фактор, поскольку по понятным причинам на столетних или даже тысячелетних исторических отрезках эти два фактора жест-

ко связаны между собой. К наиболее серьезным сторонникам этого подхода относятся Джаред Даймонд, книга которого «Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ», переведенная в 2009 году на русский язык, имела в нашей стране большой успех. К этой же школе авторы настоящей книги относят Джеффри Сакса. Вполне справедливо, на мой взгляд, основоположником этого подхода они называют Монтескье, который прямо писал о влиянии климата на законы. Надо сказать, что серьезность этой школы в глазах профессиональных российских читателей была несколько подорвана одним ее российским же последователем, пытавшимся понять, почему Россия не Америка. Однако я бы не стал из-за одного графомана уничижительно судить о целой школе, хотя никак не могу отнести себя к ее последователям.

Другая научная школа – культурный детерминизм, суть которой наиболее афористично сформулирована одним из ведущих ее российских последователей Андреем Кончаловским: «Культура – это судьба». Думаю, что основоположником этой школы следует считать Макса Вебера с его главной научной работой «Протестантская этика и дух капитализма». И хотя сегодня, на фоне недавнего острого и еще не завершённого кризиса в отношениях Севера и Юга Европы, идеи его книги оказались заново востребованы, мне

кажется гораздо более важной не столько собственно протестантская компонента его труда, сколько базовая идея о значимости самих культурных ценностей и традиций для экономического развития, уровня благосостояния и, собственно, судеб народов. Эта система взглядов в последние два десятилетия переживает бурный ренессанс, особенно после ставшего классическим труда Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций» 1993 года. Работы Мариано Грандоны, Лоуренса Харрисона (особенно недавно переведенная на русский язык «Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма») просто сметают убогие рамки политкорректности и, несомненно, выдвигают школу культурного детерминизма в число наиболее передовых и ярких.

Вероятно, поэтому для авторов настоящего труда именно школа культурного детерминизма является, как мне кажется, наиболее серьезным оппонентом. Они сами, относя себя к числу сторонников институциональной школы, многократно в тексте своей работы возвращаются к спору с «культурными детерминистами». Но и у самих институционалистов, как известно, великие учителя – неслучайно одной из основополагающих категорий, на которой базируются логические построения этой книги, является введенное в на-

учный оборот Шумпетером «созидательное разрушение».

Но есть еще одна школа с не менее богатыми научными корнями, которая исходит из того, что основным фактором, определяющим и уровень развития общества, и степень зрелости его политических институтов, является собственно уровень экономического развития. С точки зрения ее сторонников, именно экономика и ее материальная основа определяют тренды социально-политического развития. Этот подход объединяет авторов, имеющих иногда диаметрально противоположные политические взгляды. Достаточно назвать, скажем, основоположника марксизма и Егора Гайдара – теоретика и практика наиболее масштабного в истории перехода от социализма к капитализму. По Марксу, как мы помним, именно развитие производительных сил должно с неизбежностью привести к смене общественно-экономических формаций. А у Гайдара в его важнейшем, с моей точки зрения, труде «Долгое время» целая глава посвящена экономическому детерминизму и опыту XX века. Представление о том, что появление среднего класса в современных обществах формирует спрос на демократию и создает базу ее устойчивости, весьма распространено как в научной среде, так и далеко за ее пределами. К сожалению, по непонятным мне причи-

нам авторы настоящего труда практически не уделили внимания этой научной школе.

На этом можно было бы закончить перечень школ, но у авторов описана еще одна – «школа невежества», как они ее называют. Базовая идея – власти принимают ошибочные решения просто от отсутствия необходимых знаний. Конечно, оспаривать тезис о необходимости профессиональных знаний в управлении государством бессмысленно, однако, на мой взгляд, это настолько банально, что вряд ли стоит всерьез доказывать эту необходимость. В этом вопросе я бы точно согласился с авторами монографии, которые поместили описание этой школы в главу под названием «Теории, которые не работают».

На этом, как мы видим, весьма основательно вспаханном научном поле с фундаментальными научными корнями и бурным развитием в последние полтора-два десятилетия совсем не просто совершить самостоятельный прорыв. Если из моего описания у кого-то сложится впечатление, что авторы просто обозначили свое место на нем, отнеся свою работу к институциональной школе, то это, конечно, не так. Книга, вне всякого сомнения, продвигает вперед и саму институциональную школу, и в целом научные исследования в этой сфере. Сами по себе введенные авторами категории экстрактивных и инклюзивных ин-

ституты содержат и научную новизну, и, вероятно, определенную предсказательную силу. Интуитивная «понятность» этих терминов никак не снижает уровень фундаментальности основанных на них теоретических конструкций. Авторам удалось преодолеть именно то, что и является основной сложностью подобного рода исследований, и предложить язык, который позволяет содержательно вскрыть и описать причины процветания народов и стран на историческом отрезке около 10 тысяч лет и с географическим разбросом на все пять континентов. Как это ни парадоксально, но предлагаемые ими описания причин относительного успеха британской колонизации Северной Америки и относительного неуспеха португальской и испанской колонизации Южной и Латинской Америки выглядят не менее убедительно, чем анализ причин удачи Славной революции Вильгельма Оранского в Англии в 1688 году или неудач Северной Кореи в наши дни. И хотя логика авторов, как было сказано, базируется на введенных ими категориях инклюзивных и экстрактивных политических и экономических институтов, но она, конечно же, не исчерпывается ими. Если позволительно автору предисловия существенно упростить суть изложенной в книге концепции, она выглядит примерно так.

1. В течение длительного времени (десятилетия, столетия, а иногда и тысячелетия) народы накапливают незначительные изменения в уровне сложности общества и действующих в нем социальных механизмов, которые могут несильно отличаться даже у соседних в географическом отношении народов.

2. В какой-то исторический момент происходит масштабное изменение внешней среды (например, географические открытия создают колоссальные торговые возможности, или, скажем, высадившиеся на новых землях колонисты сталкиваются с абсолютно новой природной, климатической и этнографической средой).

3. Какие-то общества оказываются способны не просто принять эти вызовы, а адаптировать, встроить их в свою культуру через рождающиеся в этот момент инклюзивные институты, а для других этот же процесс освоения идет через усиление ранее существовавших экстрактивных институтов. Так начинается дивергенция – расхождение близких по уровню развития, иногда соседних, государств на разные исторические траектории. Далеко не всегда сразу очевидно, какой из вариантов дает долгосрочный результат. Скажем, испанская колонизация Латинской Америки привела к мощному потоку золота в страну, в отличие от английской колонизации Северной Америки. Однако

именно этот поток золота и усилил экстрактивность испанского государства, а отрыв богатеющей испанской короны (обладавшей, как мы сказали бы сейчас, монополией внешней торговли) от иных сословий и стал «началом заката» средневековой испанской монархии.

4. Само по себе зарождение инклюзивных институтов требует совпадения нескольких предпосылок в единственно правильный исторический момент времени («точка перелома»). Главная из этих предпосылок – наличие широкой коалиции разнородных сил, заинтересованных в создании новых институтов, и долгосрочное признание каждой из них права других сил на защиту своих интересов. В этом, по мысли авторов, и состоит основа выживания инклюзивных институтов – безусловное признание их участниками абсолютной ценности плюрализма.

5. Инклюзивные и экстрактивные институты запускают сложные обратные связи, которые могут иметь как положительный («благотворная обратная связь»), так и отрицательный («порочный круг») характер.

6. Инклюзивные институты создают устойчивый долгосрочный рост благосостояния. Экстрактивные институты тоже способны запустить рост, однако он будет неустойчивым и недолгосрочным. Рост при инклюзивных институтах допускает «созидательное

разрушение» и тем самым поддерживает техниче-ский прогресс и инновации. Экстрактивные институ-ты лишь в весьма ограниченных масштабах способны запустить инновационные процессы.

7. В любом случае важнейшей предпосылкой дей-ственности не только экстрактивных, но и инклюзив-ных институтов авторы считают наличие существен-ного уровня «централизации», который дает возмож-ность государству распространить на всю свою тер-риторию действие самих институтов.

Авторы категорически против концепций «истори-ческого детерминизма» и поэтому сдержанно оце-нивают предсказательную силу собственной теории. Однако было интересно познакомиться с их взгляда-ми (иногда очевидными, иногда неожиданными) на возможности экономического роста в ряде стран в ближайшие десятилетия. Так, в оптимистические про-гнозы попадают, скажем, Бразилия и Ботсвана, а в пессимистические – Венесуэла и Китай. Россия, есте-ственно, не была в центре внимания авторов, однако из сделанного ими сжатого анализа они делают пес-симистический вывод в отношении нашего будущего. Не вступая в спор, отмечу, что, если бы авторы сде-лали более подробный анализ нашей истории за по-следние, скажем, сто лет, они бы обнаружили ясно

просматривающееся доминирование в разные периоды экстрактивных или инклюзивных институтов. Думаю, что и те и другие периоды можно было бы легко увидеть как в нашей истории с 1917 по 1991 год, так и в новейшей истории.

При всей привлекательности интеллектуальной конструкции, созданной авторами, она не лишена некоторых слабостей. На мой взгляд, базовая логика авторов выглядит избыточно линейной, явно или неявно придавая термину «инклюзивность» неотделимую позитивную коннотацию. А ведь даже на уровне здравого смысла понятно, что затягивание перехода к инклюзивности для многих стран имело под собой исторические основания. Так, сами авторы убедительно показывают, что победа северян в гражданской войне в США хоть формально и обеспечила принятие в 1865 году поправки к Конституции, запрещающей рабство, однако на деле экстрактивные политические и экономические институты действовали на юге США еще около ста лет. Ясно, что у такого сложнейшего и длительного периода истории не могло не быть глубинных культурных, социальных и экономических причин. Да и само по себе сословное устройство большинства современных государств вплоть до XIX века тоже имело свои фундаментальные основания. Это как минимум означает, что исторически преж-

двухвременный «силовой» переход к инклюзивным институтам может иметь просто неприемлемую социально-экономическую цену. Следовательно, «инклюзивность» при всей ее естественной привлекательности нельзя возводить в абсолют. Собственно, именно это и демонстрирует нам совсем недавняя история Ирака, Ливии и Египта. Мне кажется, что тема «ловушки преждевременной инклюзивности» ждет своего исследования (авторами или их последователями), которое вполне может быть осуществлено не через разрушение, а через развитие предложенной в книге концепции.

Подводя итог, скажу, что эта книга не просто ставит вопросы, она дает ответы, которые, безусловно, приносят новое понимание причин успехов и неудач развития обществ и государств на тысячелетних исторических отрезках. Мало этого, она предлагает универсальный ключ к пониманию этих причин. При этом авторы ухитрились описать эту грандиозную задачу очень простым живым языком, практически не требующим от читателя серьезной профессиональной подготовки. Я уверен, что перевод ее на русский язык (который, на мой взгляд, выполнен очень качественно) откроет широкому кругу российских интеллектуалов новое знание о нашей стране и о мире.

А. Б. Чубайс

Предисловие

Эта книга посвящена огромному разрыву в доходах и уровне жизни, который разделяет самые богатые страны – такие как США, Великобритания и Германия, и самые бедные – страны тропической Африки, Центральной Америки и Южной Азии.

За написанием этого предисловия нас застала «арабская весна», которая началась с так называемой «жасминовой революции» в Тунисе и затронула многие страны Северной Африки и Ближнего Востока. «Жасминовую революцию» спровоцировало самосожжение уличного торговца Мохаммеда Буазизи 17 декабря 2010 года, вызвавшее возмущение и народные волнения по всей стране. Уже 14 января президент Зин эль-Абидин Бен Али, правивший Тунисом с 1987 года, был вынужден уйти в отставку, что, однако, не успокоило протестующих, а, наоборот, усилило их недовольство правящей элитой Туниса. Более того, революционные настроения распространились на соседние страны. Хосни Мубарак, железной рукой правивший Египтом в течение почти тридцати лет, был смещен со своего поста 11 февраля 2011 года. Судьбы политических режимов Бахрейна, Ливии, Сирии и Йемена были еще неизвестны, когда мы за-

канчивали это предисловие.

Причины народного недовольства в этих странах коренятся в бедности большинства населения. Средний египтянин зарабатывает примерно 12 % от того, что получает средний американец, а его ожидаемая продолжительность жизни на десять лет меньше. Двадцать процентов населения Египта живут и во все за гранью нищеты. Но хотя разница между США и Египтом весьма существенна, она все же меньше той пропасти, которая разделяет США и беднейшие страны мира, такие как Северная Корея, Сьерра-Леоне или Зимбабве, где в абсолютной, страшной нищете живет больше половины населения.

Почему Египет настолько беднее США? Что мешает ему стать богаче? Можно ли искоренить бедность в Египте или она неизбежна? Чтобы найти ответы на эти вопросы, стоит послушать, как сами египтяне объясняют свои проблемы и причины восстания против Мубарака. 24-летняя Ноха Хамед, сотрудница каирского рекламного агентства, ясно выразила свое мнение во время демонстрации на площади Тахрир: «Мы страдаем от коррупции, репрессий и плохого образования. Мы выживаем несмотря на эту коррупционную систему и хотим ее изменить». Другой участник демонстрации, двадцатилетний студент-фармацевт Мосаб эль-Шаами, согласен с этим мнением: «Я наде-

юсь, что к концу этого года у нас будет всенародно избранное правительство, права и свободы человека будут защищены, а коррупции, которая разъедает эту страну, будет положен конец». Протестующие на площади Тахрир были единодушны в том, что правительство погрязло в коррупции, неспособно предоставить базовые услуги населению и добиться равенства возможностей для всех граждан.

Вышедших на площадь особенно возмущало отсутствие политических прав и репрессии. Бывший генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) египтянин Мохаммед эль-Барадеи 13 января 2011 года написал в своем «Твиттере»: «Тунис: репрессии + социальная несправедливость + отсутствие каналов для мирного изменения системы = бомба замедленного действия». Жители Египта, так же как и Туниса, были уверены, что их экономические трудности объясняются прежде всего отсутствием у них политических прав. Когда демонстранты начали выдвигать более конкретные требования, то первые двенадцать пунктов – их сформулировал программист и блогер Ваэль Халиль, один из лидеров протестующих, – оказались исключительно политическими. Такие вопросы, как повышение минимальной зарплаты, предполагалось разрешить позже.

По мнению самих египтян, проблемы, которые мешают им развиваться, – это в первую очередь неэффективное и коррумпированное правительство и неэффективные социальные структуры, которые не позволяют гражданам применить свои таланты, мастерство и образование (даже то, которое им удастся получить). Экономические трудности являются прямым следствием монополизации власти узкой элитой и того, как она этой властью распоряжается. Поэтому, делают вывод египетские демонстранты, начинать надо с изменения именно политической системы.

Однако этот вывод полностью расходится с общепринятой теорией, объясняющей трудности Египта. Когда ученые и комментаторы рассуждают о том, почему Египет и подобные ему страны так бедны, они называют совершенно другие причины. Одни утверждают, что бедность Египта объясняется географическими факторами: большую часть страны занимает пустыня, почва бедна, осадков для орошения земель не хватает, и в целом климат не способствует развитию эффективного сельского хозяйства. Другие указывают на культурные традиции египтян, которые рассматриваются ими как неблагоприятные для экономического развития и накопления богатства. У египтян, по мнению этих критиков, отсутствует трудовая этика, которая позволила другим народам прийти

к процветанию. Более того, египтяне в большинстве своем исповедуют ислам, а эта религия также несоместима с экономическим успехом. Наконец, третьи (таких большинство среди экономистов и специалистов по экономическим реформам) уверяют, что правители Египта просто не знают, что именно принесет их стране процветание, и расхлебывают последствия собственной ошибочной политики в прошлом. Вот если бы эти правители получили правильные советы – от правильных советников, – страна встала бы на путь процветания, уверены эти аналитики. Все эти ученые и эксперты совершенно не считают ключом к пониманию экономических проблем, стоящих перед Египтом, тот факт, что страна управляется узкой прослойкой элиты, которая обогащается за счет всего остального населения.

В этой книге мы покажем, что именно обычные египтяне, вышедшие на площадь Тахрир, а вовсе не экономисты и эксперты, оказались правы. На самом деле Египет беден именно потому, что им управляла узкая прослойка элиты, которая организовала экономику таким образом, чтобы обогащаться в ущерб всему остальному населению. Политическая власть в стране была сконцентрирована в одних руках и использовалась для того, чтобы обогащать властную элиту, например самого президента Мубарака, чье

состояние оценивалось в 70 миллиардов долларов. Проигравшими в этой системе оказались простые жители Египта. И именно они, египтяне, а не посторонние, пусть и хорошо образованные наблюдатели, поняли, в чем дело.

В нашей книге мы также продемонстрируем, что подобное объяснение причин бедности страны – объяснение, которое дают сами граждане, – универсально и его можно приложить к любой бедной стране. Неважно, идет ли речь о Северной Корее, Сьерра-Леоне или Зимбабве, – мы покажем, что все бедные страны бедны по тем же причинам, что и Египет. А такие страны, как США и Великобритания, стали богатыми потому, что их граждане свергли элиту, которая контролировала власть, и создали общество, в котором политическая власть распределена значительно более равномерно, правительство подотчетно гражданам и реагирует на их требования, а экономические стимулы и возможность разбогатеть есть у широких слоев населения. Мы попытаемся объяснить, почему для того, чтобы найти истоки огромного неравенства в современном мире, нужно углубиться в прошлое и проследить динамику исторических процессов. В частности, мы увидим, что сегодня Великобритания богаче Египта потому, что в 1688 году в ней (если быть точным, то в Англии) произошла революция, которая измени-

ла политический строй, а затем и экономику страны. Ее граждане завоевали политические права и использовали их, чтобы расширить собственные экономические возможности. Результатом стали две принципиально разные траектории политического и экономического развития у Великобритании и у Египта. Великобританию ее траектория скоро привела, в частности, к промышленной революции.

Но в Египте промышленная революция не произошла и технологии, которые она принесла человечеству, не распространились – потому что Египет в то время находился под властью Османской империи, которая управляла им примерно так же, как спустя столетия будет управлять Хосни Мубарак. Правление турок в Египте закончилось после египетского похода Наполеона (1798), но вскоре страна попала в орбиту влияния Британской колониальной империи, которая была не больше Османской заинтересована в процветании Египта. И хотя египтяне смогли в конце концов избавиться от британского владычества, как в свое время избавились от османского, а в 1952 году свергли своего короля, это все же не было похоже на «Славную революцию» в Англии: вместо того чтобы принципиально изменить политический режим в Египте, этот переворот лишь привел к власти другую группу элиты, столь же узкую и не более заинтересован-

ную в экономическом развитии страны, чем были в этом заинтересованы турки и англичане. В результате социальная структура общества и экономическая система остались прежними, и это обрекло Египет на бедность, которая не преодолена до сих пор.

В этой книге мы увидим, как по траектории развития, подобной египетской, раз за разом начинают двигаться самые разные страны и почему лишь в некоторых случаях эта траектория сменяется на другую, восходящую – как это произошло в 1688 году в Англии и в 1789 году во Франции. Это поможет нам понять, изменилась ли ситуация в Египте сейчас и сможет ли революция, свергнувшая Мубарака, привести к созданию таких политических и экономических институтов, которые обеспечат Египту процветание. Революции, которые происходили в Египте в прошлом, не изменили ситуацию в стране, потому что те, кто в результате приходил к власти, просто занимали место свергнутой элиты и воссоздавали систему самообогащения за счет всех остальных жителей.

Обычным гражданам и в самом деле непросто сосредоточить реальную власть в своих руках и изменить экономическую систему в стране. Однако это возможно, и мы увидим, как это получалось, причем не только в Англии, Франции или США, но и в Японии, Ботсване и Бразилии. Изменение политического ре-

жима – вот где ключ к выходу из бедности и, в конечном счете, ключ к процветанию. В Египте есть признаки именно такой политической трансформации. Вот что говорит Реда Метвали, еще один протестующий на площади Тахрир: «Сейчас здесь собрались вместе мусульмане и христиане, молодые и старые, и все они идут к одной общей цели». Как мы увидим в дальнейшем, именно подобное широкое общественное движение становилось мотором успешных политических трансформаций. Если мы поймем, где и почему удавались эти трансформации, мы сможем лучше оценить потенциал сегодняшних революционных событий – вернется ли после них все на круги своя, как не раз бывало в прошлом, или система принципиально изменится и принесет успех и процветание миллионам людей.

Глава 1

Так близко – и так по-разному

Экономика Рио-Гранде

Город Ногалес разделен пополам стеной. К северу от стены расположен «американский» Ногалес: округ Санта-Круз, штат Аризона, США. Средний доход на семью в этом городе – 30 000 долларов в год. Большинство подростков здесь ходят в школу, а большинство взрослых школу закончили. Несмотря на все критические замечания, которые можно высказать в адрес американской системы здравоохранения, население города обладает относительно неплохим здоровьем и (по мировым меркам) высокой ожидаемой продолжительностью жизни. Многим из жителей Ногалеса больше 65 лет, они имеют доступ к *Medicare*,¹ и это лишь одна из многих государственных услуг, которые граждане воспринимают как сами собой разумеющиеся. А ведь есть еще электричество, телефонная

¹ Одна из федеральных программ медицинского страхования для граждан старше 65 лет. Существует с 1965 года. *Здесь и далее – примечания редактора, если не оговорено иное.*

связь, канализация, здравоохранение, сеть дорог, которые связывают город с другими городами поблизости и со страной в целом, и – далеко не в последнюю очередь – закон и порядок. Жители Ногалеса могут заниматься своими делами без страха за свою жизнь и здоровье. Им не приходится все время опасаться ограбления, экспроприации или чего-то еще, что может угрожать их инвестициям в собственное дело или в недвижимость. Не менее важно, что жители Ногалеса, штат Аризона, воспринимают правительство – пусть оно недостаточно эффективно и в нем бывают случаи коррупции – как своего наемного менеджера. Они могут проголосовать и сменить своего мэра, конгрессмена и сенатора; они голосуют на президентских выборах, которые определяют, кто возглавит страну. Привычка к демократии – их вторая натура.

Жизнь всего в нескольких футах отсюда, к югу от стены, разительно отличается от описанной картины. Хотя жители города Ногалес, штат Сонора, живут в относительно благополучной части Мексики, доход средней семьи в нем равен примерно трети дохода средней семьи в американской части Ногалеса. Большинство взрослых жителей «мексиканского» Ногалеса не окончили школу, а большинство подростков в нее не ходят. Матерей тревожит высокий уровень младенческой смертности. Учитывая плохое со-

стояние государственной системы здравоохранения, не приходится удивляться тому, что жители мексиканского Ногалеса живут не так долго, как их северные соседи. К тому же у них нет доступа и ко многим другим услугам. Дороги к югу от стены находятся в плохом состоянии. Не лучше обстоит дело с поддержанием закона и порядка. Уровень преступности высок, и открыть свой бизнес – дело небезопасное. Вы не только рискуете быть ограбленным, но даже получение всех необходимых разрешений и подкуп всех нужных чиновников, без чего невозможно начать дело, – задача не из легких. А жители Ногалеса, штат Сонора, имеют дело с коррумпированными и некомпетентными чиновниками каждый день.

В отличие от опыта их северных соседей, демократия – сравнительно новый опыт для жителей мексиканского Ногалеса. Вплоть до реформ 2000 года город, так же как и вся остальная Мексика, был под контролем коррупционеров из Институционально-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*).

Как могут быть две части одного города такими разными? Это не спишешь на разницу в географическом положении, климате или типах заболеваний, характерных для той или иной территории, ведь микробы могут беспрепятственно пересекать границу меж-

ду США и Мексикой. Разумеется, состояние здоровья жителей в двух частях города заметно различается, но это никак не связано с естественным эпидемиологическим фоном; дело просто в том, что люди к югу от стены живут в худших санитарных условиях и не имеют доступа к качественной медицинской помощи.

Но, возможно, причина в самих людях? Может быть, жители Ногалеса, штат Аризона, – внуки европейских мигрантов, а их южные соседи – потомки ацтеков? Отнюдь. Происхождение людей по обе стороны стены очень схоже. После того как Мексика обрела независимость от Испании в 1821 году, местность, где сегодня стоят два Ногалеса, была частью штата Старая Калифорния (*Vieja California*) и осталась ею даже после американо-мексиканской войны 1846–1848 годов. Только после покупки Гадсдена² в 1853 году граница США была отодвинута в этот район. Лейтенант Натаниэль Мичлер, армейский топограф, описывая территорию вдоль новой государственной границы, отметил «небольшую долину Лос-Ногалес». Здесь, с двух сторон от границы, и выросли два города. Жители Ногалеса, штат Аризона, и Ногалеса, штат Сонора,

² *Gadsden Purchase* – сделка, в ходе которой США за 10 миллионов долларов купили у Мексики земли площадью 120 000 км², в настоящее время составляющие часть территории штатов Аризона и Нью-Мексико. Со стороны США сделку проводил Джеймс Гадсден.

имели одних и тех же предков, ели одну и ту же еду, слушали одну и ту же музыку и, рискнем утверждать, принадлежали к одной и той же культуре.

Разумеется, существует простое и очевидное объяснение различиям между двумя половинами Ногалеса, и оно, вероятно, давно уже пришло вам в голову: это, собственно, сама граница между двумя этими половинами. Ногалес, штат Аризона, находится в США. В распоряжении его жителей – американские экономические институты, которые позволяют им свободно выбирать профессию, получать образование и необходимые навыки, а их работодателей стимулируют инвестировать в самые передовые технологии, в результате чего они смогут повысить свои прибыли. Жители «американского» Ногалеса имеют доступ и к политическим институтам, которые открывают возможность участия в демократических процедурах – избрании своих представителей и их замене в случае неудовлетворительной работы. В результате политики обеспечивают базовые услуги – от системы здравоохранения и дорог до закона и порядка, – спрос на которые предъявляют граждане.

Жителям Ногалеса, штат Сонора, повезло меньше. Они живут в другом мире, который сформирован работой других институтов, создающих совсем иные стимулы и для жителей «мексиканского» Ногалеса, и

для тех предпринимателей и компаний, которые хотели бы здесь инвестировать. Различные стимулы, которые порождены различными институтами двух Ногалесов и двух стран, в которых расположены эти города, и есть главная причина принципиальных отличий в уровне благосостояния с одной и с другой стороны границы.

Почему американские институты настолько более благоприятны для экономического процветания, чем институты Мексики (да и других стран Латинской Америки)? Ответ на этот вопрос уходит корнями в те различия между государствами и обществами, которые сформировались еще в колониальный период. Институциональная дивергенция началась еще в те далекие времена, но ее последствия ощущаются по сей день. Для того чтобы понять суть этой дивергенции, мы должны начать с момента, когда были основаны первые колонии в Северной и Южной Америке.

Основание Буэнос-Айреса

В начале 1516 года корабли испанского мореплавателя Хуана Диаса де Солиса вошли в обширное русло большой реки на восточном побережье Южной Америки. Продвигаясь вверх по реке вглубь континента, Солис объявил эти земли собственностью Испании, а реку назвал *Río de la Plata*, Серебряная река, потому что у местных жителей обнаружилось большое количество серебра. Аборигены, жившие по обеим сторонам устья, – народность чарруа на территории нынешнего Уругвая и племя керанди, населявшее равнины, которые позже назовут *пампой* (часть современной Аргентины), – встречали гостей враждебно. Местные жители были охотниками и собирателями, они жили маленькими группами, не зная никакой централизованной политической власти. Одна из таких групп чарруа забила Солиса насмерть дубинами, когда путешественник пытался исследовать новые уголки территории, которую он хотел подчинить испанской короне.

В 1534 году Испания, продолжавшая с оптимизмом смотреть на будущее своих колоний, отправила в эти места первую группу поселенцев под предводительством Педро де Мендосы. В том же году Мендоса ос-

новал поселение, из которого впоследствии вырастет город Буэнос-Айрес. Поселение отличалось гостеприимным, умеренным климатом (испанское название *Buenos Aires* буквально означает «хороший воздух») и должно было стать идеальным местом для европейцев. Однако первая попытка испанцев закрепиться в новом поселении оказалась неудачной: ведь они пришли вовсе не за хорошим воздухом, а для того, чтобы извлекать местные ресурсы и заставить местных жителей работать на себя. Но чарруа и керанди не отличались услужливостью. Они отказывались снабжать испанцев припасами, а когда их захватывали в плен, отказывались работать. Они постоянно нападали на новое поселение, осыпая его стрелами из своих луков. Испанцы начали страдать от голода, поскольку не рассчитывали, что добывать себе пищу им придется самостоятельно.

Оказалось, что Буэнос-Айрес совсем не город мечты. Местных жителей было трудно заставить работать. В окрестностях не оказалось месторождений серебра или золота, пригодных для разработки, а серебро, которое видел у туземцев де Солис, проделало, как выяснилось, длинный путь из царства инков, лежавшего в Андах, далеко на западе.

Пытаясь выжить, испанцы стали посылать экспедиции в поисках нового места, более богатого ресур-

сами и населенного более покладистыми жителями, которыми легче будет управлять силой. В 1537 году одна из таких экспедиций под руководством Хуана де Айоласа в поисках пути к царству инков проникла вглубь бассейна реки Параны. По дороге испанцы установили контакт с гуарани, оседлым народом, аграрная экономика которых была основана на культивировании маиса и маниока. Айолас быстро сообразил, что это открывает совсем иные перспективы, нежели бесплодные конфликты с чарруа и керанди. Короткая схватка увенчалась победой испанцев, которые подавили сопротивление гуарани и основали город Нуэстра-Сеньора-Санта-Мария-де-ла-Асунсьон (*Nuestra Señora Santa María de la Asunción*, «город Успения Госпожи нашей Девы Марии»). Город Асунсьон и сегодня остается столицей Парагвая. Конкистадоры переженились на гуаранских принцессах и быстро утвердили себя как новую аристократию. Они адаптировали под свои нужды уже существовавшую у гуарани систему принудительного труда и традицию выплаты дани. Эта была именно такая колония, какую они всегда хотели основать, и всего за четыре года все испанские поселенцы покинули Буэнос-Айрес и перебрались на новое место. А Буэнос-Айрес, «Париж Южной Америки», город с широкими бульварами в европейском стиле, чье богатство основано на

огромных аграрных ресурсах пампы, был снова заселен лишь в 1580 году.

Уход из Буэнос-Айреса и покорение гуарани демонстрирует логику европейской колонизации обеих Америк. Ранние испанские и, как мы увидим дальше, английские колонисты не имели ни малейшего желания обрабатывать землю собственными руками; они хотели, чтобы за них это делали другие, точно так же как золото, серебро и другие сокровища они предпочитали добывать с помощью грабежа.

Из Кахамарки...

Предприятиям Солиса, Мендосы и Айоласа предшествовали более знаменитые экспедиции, в первой из которых Христофор Колумб 12 октября 1492 года открыл один из Багамских островов. Но всерьез испанская экспансия и колонизация обеих Америк началась с вторжения Эрнана Кортеса в Мексику в 1519 году, экспедиции Франсиско Писарро в Чили полутора десятилетиями позже и путешествия Педро де Мендосы по Ла-Плате еще два года спустя. Столетием позже Испания уже покорила и колонизовала почти всю центральную, западную и южную часть Южной Америки, тогда как Португалия заполучила Бразилию на востоке континента.

Испанская стратегия колонизации была очень эффективной. Впервые доведенная до совершенства Кортесом в Мексике, эта стратегия исходила из наблюдения, что лучший способ подавить сопротивление местных жителей – это взять в плен их вождя. Эта стратегия позволяла захватить уже собранные богатства вождя и заставить его подданных обеспечивать захватчиков едой и платить дань. Следующим шагом было утверждение себя в качестве новой элиты и установление контроля над уже существующими

методами сбора налогов и дани и, что особенно важно, принуждения к труду.

Когда 8 ноября 1519 года Кортес и его люди прибыли в великолепную столицу ацтеков Теночтитлан, их приветствовал Монтесума, император ацтеков, который решил послушаться своих советников и встретить испанцев с миром. То, что произошло дальше, прекрасно описано в составленном после 1545 года отчете францисканского монаха Бернардино де Саагуна, знаменитый труд которого известен под названием «Флорентийский кодекс»:

«[Наконец] они [испанцы] смогли захватить в плен Монтесуму... и раздались выстрелы из всех ружей... Страх охватил всех. Как будто сердце у всех ушло в пятки от ужаса. Еще до захода солнца людей начали захватывать в плен, и это буквально ошеломило местных жителей.

С рассветом было объявлено, что требуют доставить себе [испанцы]: белых черепах, жареных индеек, яйца, чистую воду, дрова и древесный уголь... Объявил об этом сам Монтесума. Когда испанцы получили требуемое и удобно устроились в городе, они стали выяснять, какие в нем есть богатства... особенно рьяно они допытывались о золоте. И тогда Монтесума повел испанцев за собой. Они шли, окружая его, и каждый держал его.

И когда они достигли сокровищницы, называемой Теокалько, они увидели принесенные туда все драгоценные камни, опяхала из перьев птицы кетцаль, щиты и золотые диски, золотые ленты, пояса и повязки.

После этого золото было отделено от остальных сокровищ... и переплавлено. Испанцы получили золото в слитках... И потом они пошли дальше, ища все, что может приглянуться им, и забирали это себе.

После этого они пошли к личной сокровищнице Монтесумы, называемой Тотокалько... и забрали все, что ему принадлежало, – все его драгоценности, все ожерелья с подвесками, ленты, украшенные перьями кетцаля, золотые повязки, браслеты, обшитые золотом ленты и бирюзовую диадему, символ императорской власти. Они забрали все».

Военное покорение империи ацтеков было завершено в 1521 году. Кортес – теперь губернатор провинции Новая Испания – с помощью института, который назывался *энкомьенда*,³ начал распределение самого ценного ресурса – местного населения. Энкомьенда возникла в Испании в XIV веке в ходе реконкисты (процесса отвоевания южной части Пиренейского полуострова у мавров – мусульман, которые захватили

³ *Encomienda* (исп.) – букв. «попечение», «защита».

эту территорию еще в VIII столетии). В Новом Свете энкомьенда приняла гораздо более тяжелую форму – коренные жители полностью отдавались во власть испанца-колониста, который назывался *энкомендеро*. Местные жители обязаны были платить энкомендеро оброк и работать на него, а энкомендеро взамен обязывался обратить своих работников в христианство.

Яркое раннее свидетельство того, как работала энкомьенда, дает нам Бартоломе де Лас Касас, доминиканский священник и один из самых непримиримых критиков испанской колониальной системы. Лас Касас прибыл на испанский остров Гаити в 1502 году с экспедицией нового губернатора колоний Николаса де Овандо. Священник быстро понял действительные намерения своих начальников и ужаснулся жестокой эксплуатации коренных жителей, которую он наблюдал каждый день. В 1513 году в качестве капеллана он принял участие в испанском завоевании Кубы и даже был пожалован энкомьендой за свою службу. Однако он отказался от пожалования и начал долгую кампанию за реформу испанских колониальных институтов. Кульминацией его усилий стала книга «Кратчайшее сообщение о разрушении Индий» (1542) – уничтожающая критика варварского испанского владычества. Вот что он писал об энкомьенде в Никарагуа:

«Каждый из испанских поселенцев приезжал

в предназначенный для него город (официально город «вверялся его попечению»), заставлял всех остальных жителей работать на себя, отбирал их и так скудные запасы еды и забирал в свое пользование всю пригодную для обработки землю, которой до него пользовались местные жители. Все местное население – включая знатных людей, старейшин, женщин и детей – он считал своей собственностью и заставлял работать день и ночь без всякого отдыха и только на него».

Рассказывая о завоевании Новой Гранады (современная Колумбия), Лас Касас описывает стратегию испанцев в действии:

«Чтобы добиться своей заранее поставленной цели и захватить все золото, какое только можно, испанцы действовали как обычно: они распределяли между собой всю землю (они называли это «вверить попечению друг друга»), а также все поселения со всеми жителями, которые потом использовались как рабы. Командир испанского отряда отнял у местного короля огромный участок земли для себя и заключил правителя в тюрьму на шесть или семь месяцев, незаконно требуя с него все больше и больше золота и изумрудов. Король, именовавшийся Богота, был так напуган, что в попытках спастись из цепких лап своих мучителей он согласился

наполнить целый дом золотом и отдать его конкистадорам.

Чтобы выполнить обещание, он послал своих людей за золотом, и они шаг за шагом начали заполнять дом золотом и другими драгоценностями. Однако весь дом им заполнить не удалось, и испанцы в конце концов объявили, что лишат его жизни за нарушение обещания. Командир испанцев постановил, что он как представитель закона будет судить короля за нарушение клятвы. Король был приговорен к жестоким пыткам, избежать которых он мог, только исполнив обещание до конца и наполнив золотом весь дом. Его пытали на дыбе, поливали живот горящим свечным жиром, а его ноги и шею приковали к шестам железными кольцами. Пока два человека держали ему руки, другие мучители прожгли насквозь его ступни. Время от времени командир испанцев обращался к королю и говорил, что они будут медленно пытать его до смерти, пока он не прикажет доставить больше золота. В конце концов так и случилось – король не выдержал пыток и умер».

Стратегия и инструменты завоевания, отточенные в Мексике, впоследствии охотно использовались по всей Испанской империи, однако нигде они не достигли большей эффективности, чем в ходе завоевания Перу конкистадорами Франсиско Писарро. Лас Касас

начинает свой рассказ об этом так:

«В 1531 году еще один законченный негодяй отправился со своим отрядом в Королевство Перу. Он имел твердое намерение во всем поступать так же, как и его предшественники – покорители Нового Света».

Экспедиция Писарро началась на побережье около перуанского города Тумбес и двигалась на юг. Поднимаясь в горы, 15 ноября 1532 года конкистадоры достигли города Кахамарка, под которым их поджидала армия императора инков Атауальпы. На следующий день Атауальпа, только что разгромивший своего брата Уаскара в битве за наследство их покойного отца, Уайны Капака, в сопровождении свиты явился в расположение испанцев. Атауальпа был разгневан рассказами о бесчинствах испанцев, в частности об осквернении ими храма солнечного бога Инти. Что случилось дальше – хорошо известно. Испанцы устроили засаду, капкан защелкнулся. Они перебили охрану и слуг Атауальпы, возможно, до двух тысяч человек, и захватили короля в плен. В обмен на свою свободу Атауальпе должен был пообещать, что наполнит одну комнату дворца золотом и еще две такого же размера – серебром. Король выполнил обещание, но испанцы не сдержали слова, и Атауальпа был задушен в июле 1533 года. В ноябре того же года

испанцы захватили столицу инков – Куско и повторили тот же фокус с инкской аристократией: захватывали одного вельможу за другим в плен и вынуждали их отдать золото и серебро. Золото, украшавшее великие культурные сокровища инков, такие как Храм Солнца, было содрано и переплавлено в слитки.

После этого испанцы принялись за население Инкской империи. Так же как и в Мексике, жители были разделены между энкомьендами. Каждому конкистадору из отряда Писарро досталось по одному такому владению. Энкомьенда была главным институтом контроля и организации рабочей силы в период ранней колонизации, но вскоре у этого института появился сильный конкурент. В 1545 году местный житель по имени Диего Гуальпа поднялся высоко в Анды на территории современной Боливии в поисках индейского святилища. Порывом ветра его бросило на землю, и прямо перед его глазами в скале заблистали вкрапления серебра – часть огромного месторождения, которое испанцы называли *El Cerro Rico*, Богатая гора. Вокруг месторождения вырос город Потоси, население которого во времена расцвета, около 1650 года, составляло 160 000 человек, больше, чем в Лиссабоне или Венеции того времени.

Чтобы добывать серебро, испанцам были необходимы горняки – очень много горняков. В заморские

владения был назначен вице-король, глава колониальной администрации Франсиско де Толедо, основной задачей которого было решить проблему рабочей силы. Толедо, прибывший в Перу в 1569 году, потратил первые пять лет на поездки по стране и изучение вверенной ему территории. Кроме того, он организовал массовую перепись всего взрослого населения. Чтобы получить необходимую рабочую силу, Толедо, во-первых, переместил почти все коренное население в новые города-резервации (*reducciones*), которые должны были помочь испанской короне эксплуатировать труд местных жителей. Во-вторых, он возродил и адаптировал инкский механизм управления рабочей силой, который назывался *mita*, что на кечуа (языке инков) означает «поочередно». Инки использовали этот механизм, чтобы принуждать крестьян к работе на государственных плантациях, которые снабжали продовольствием храмы, аристократию и армию. Взамен крестьянам предоставлялась защита и помощь во время голода. В руках Толедо мита, особенно «мита Потоси», стала самой масштабной и тягостной схемой эксплуатации рабочей силы за весь период испанского завоевания.

Толедо очертил огромный район, центр которого совпадал с центром современного Перу и включал большую часть современной Боливии, в общей слож-

ности около двухсот тысяч квадратных миль. Одна седьмая часть всего мужского населения этой территории (только что согнанного в *reducciones*) была обязана работать в шахтах Потоси. «Мита Потоси» действовала в течение всего колониального периода и была отменена только в 1825 году. На карте 1 показан район, в котором действовала мита, наложенный на карту Инкской империи на момент испанского завоевания. Карта демонстрирует, насколько границы района совпадают с центральной частью империи, включающей ее столицу Куско.

Поразительно, но и сегодня вы все еще можете увидеть наследие миты в Перу. Взгляните на провинции Калка и Акомайо. На первый взгляд кажется, что различия между ними быть не должно. Обе они находятся высоко в горах, обе населены говорящими на кечуа потомками инков. Однако провинция Акомайо гораздо беднее, и уровень потребления у ее жителей примерно в три раза ниже, чем у их соседей в Калке. И жители знают об этом. В Акомайо храбреца-иностранца могут спросить: «Вы разве не знаете, что люди здесь гораздо беднее, чем там, в Калке? Как вам только пришло в голову приехать сюда?» Храбреца – потому что добраться до Акомайо из Куско (административного центра региона, а когда-то – столицы Инкской империи) гораздо труднее, чем в соседнюю

Калку. В Калку ведет дорога с твердым покрытием, тогда как дорога в Акомайо в таком состоянии, что проехать по ней можно только на лошади или муле. И в Калке, и в Акомайо жители выращивают одни и те же сельскохозяйственные продукты, но в Калке их продают на рынке, за деньги, а в Акомайо ведут натуральное хозяйство. Это неравенство, заметное как стороннему наблюдателю, так и самим местным жителям, можно объяснить институциональными различиями этих двух провинций – различиями, корни которых уходят во времена Франсиско де Толедо и его плана по эффективной эксплуатации труда коренного населения. Главное различие в истории Акомайо и Калки – Акомайо находилась на территории «миты Потоси», а Калка нет.

Карта 1. Империя инков, сеть инкских дорог и границы области миты

Помимо концентрации трудовых ресурсов и использования миты, Толедо трансформировал энкомьенду в подушный налог – фиксированную сумму, которую ежегодно должен был платить (серебром) каждый взрослый мужчина. Это была еще одна схема принуждения людей к выходу на рынок труда, к тому же уменьшавшая расходы испанских землевладельцев на плату работникам. Еще один институт, распределение товаров (*repartimiento de mercancías*, от испанского глагола *repartir* – «распределять»), также получил свое развитие в период правления Толедо. Под этим термином подразумевалась принудительная продажа товаров местным жителям по ценам, установленным испанцами. Наконец, де Толедо ввел повинность, которая называлась трахин⁴ и заключалась в использовании коренных жителей на испанских предприятиях и плантациях в качестве вьючных животных для переноски тяжелых грузов, например вина, листьев коки и текстиля.

Похожие институты и социальные структуры возникли во всех испанских колониях обеих Америк. После первоначального периода грабежей и охоты за

⁴ *Trajín*, дословно – «перевозка» (исп.).

золотом и серебром испанцы создали сеть институтов, нацеленных на эксплуатацию коренного населения. Все меры в диапазоне от энкомьенды и миты до распределения товаров и трахина были направлены на снижение жизненного уровня коренных жителей до минимума и удержание всех доходов сверх этого минимума в пользу испанцев. Такой результат достигался экспроприацией земель, принуждением к труду, высокими налогами и высокими ценами на товары, покупка которых также была принудительной. Хотя эти институты обогатили испанскую корону и сделали конкистадоров и их потомков очень состоятельными людьми, они же превратили Латинскую Америку в континент с самым высоким уровнем неравенства в мире и подорвали его экономический потенциал.

...до Джеймстауна

Когда испанцы в 1490-х годах начали свое завоевание обеих Америк, Англия была второстепенной европейской страной, только-только оправлявшейся от разрушительных последствий гражданской войны Алой и Белой розы. Она была не в состоянии ни принять участие в схватке за золото и другую добычу колонизаторов, ни заняться выгодной эксплуатацией коренного населения Нового Света. Но примерно сто лет спустя, в 1588 году, Европу потряс неожиданный разгром «Непобедимой армады» – флотилии, которую испанский король Филипп II пытался использовать для вторжения в Англию. Победа англичан была не просто военным успехом, это был знак их растущей уверенности в своих силах на море, и эта уверенность в конце концов позволит Англии принять участие в соперничестве колониальных империй.

В свете этих событий не кажется случайностью тот факт, что англичане приступили к колонизации Северной Америки именно в это время, то есть с сильным опозданием. Англичане выбрали Северную Америку не из-за какой-то ее особой привлекательности, а просто потому, что у них не было другого выбора: подходящих для колонизации территорий в Новом Свете

больше не осталось. Привлекательные части обеих Америк – те, где было множество серебряных и золотых рудников и многочисленное местное население, которое можно эксплуатировать, – были уже заняты. Англичанам достались объедки с испанского и португальского стола. Когда английский писатель и агроном XVIII века Артур Юнг описывал, где с выгодой производятся «основные товары» (под которыми он разумел сельскохозяйственную продукцию, пригодную для экспорта), он отмечал:

«В целом получается, что производство основных товаров в наших колониях тем меньше, чем дальше колонии находятся от солнца. В Вест-Индиях, наших самых жарких колониях, подушевой продукт достигает 8 фунтов, 12 шиллингов и 1 пенса. На юге континента он уже меньше – 5 фунтов и 10 шиллингов на человека. В центре континента – 9 шиллингов и 6 с половиной пенсов. Наконец, в северных поселениях он составляет всего лишь 2 шиллинга 6 пенсов. Такое распределение учит нас одному – всячески избегать основания колоний в северных широтах».

Первая попытка англичан основать колонию на острове Роанок в Северной Каролине состоялась в 1585–1587 годах и обернулась полным провалом. В 1607-м они попробовали еще раз. В самом конце 1606 года

три корабля: «Сьюзан Констант», «Годспит» и «Дискавери» – под командованием капитана Кристофера Ньюпорта отправились к побережью Виргинии. Флотилия, снаряженная Вирджинской компанией,⁵ вошла в Чесапикский залив и поднялась вверх по реке, которую называли Джеймс-ривер, в честь находившегося в тот момент на английском престоле короля Джеймса (Якова) I. 14 мая 1607 года была основана колония Джеймстаун.

Хотя поселенцы с кораблей Вирджинской компании были англичанами, их представление о колонизации было в значительной степени сформировано образцами, которые установили Кортес, Писарро и Толедо. Их первоначальный план состоял в том, чтобы захватить местного вождя, а затем использовать его для получения провизии и для того, чтобы заставить местное население работать на себя.

Когда колонисты впервые сошли на берег, они не знали, что находятся на территории Поухатанского племенного союза, в который входило около тридцати индейских племен и во главе которого стоял великий вождь Вахунсунакок. Столица конфедерации находилась в поселении Веровокомоко, всего в двадцати ми-

⁵ *Virginia Company* – общее наименование для двух английских акционерных обществ – Лондонской и Плимутской компаний, основанных в 1606 году для колонизации Северной Америки и торговли с ней.

лях от Джеймстауна. Колонисты планировали для начала изучить местность. Если местных жителей не удастся принудить к работе на колонистов и доставлять им еду, может быть, получится хотя бы начать торговать с ними? Идея, что можно бы и самим работать и выращивать себе еду, даже не приходила поселенцам в голову. Это совсем не то, чем должны заниматься настоящие покорители Нового Света.

Вахунсунакок быстро узнал о прибытии колонистов и отнесся к их намерениям с большой опаской. По меркам Северной Америки, он управлял довольно обширной территорией. Однако у него было много врагов, а в его племенном союзе отсутствовала жесткая политическая централизация, подобная той, что существовала в империи инков. Вахунсунакок решил выяснить намерения колонистов и отправил к ним посланца с сообщением о том, что он желает наладить дружеские взаимоотношения.

С наступлением зимы 1607 года у поселенцев стала заканчиваться еда, но глава управлявшего колонией совета Эдвард Мари Уингфилд пребывал в полной прострации. Положение спас капитан Джон Смит. Капитан Смит, чьи записи являются одним из главных наших источников о первоначальном развитии колонии, был человеком совершенно невероятной судьбы. Родившись в сельской Англии, в Линкольншире,

он, вопреки желанию отца, отказался вступить в семейный бизнес, а стал наемником, солдатом удачи. Сначала он воевал в составе английской армии в Нидерландах, потом поступил на австрийскую службу и сражался в Венгрии против войск Османской империи. Попав в плен к туркам в Румынии, он был продан в рабство и принужден работать в поле. В один прекрасный день Смиту удалось как-то расправиться со своим хозяином, и он, захватив хозяйскую одежду и лошадь, смог перейти на австрийскую территорию.

В очередную историю Смит угодил уже на пути в Вирджинию, когда его заключили под стражу на борту корабля «Сьюзан Констант» по обвинению в бунте – он отказался выполнить приказ капитана Уингфилда; его собирались судить, как только корабли достигнут побережья Нового Света. Однако когда Уингфилд, Ньюпорт и другие предводители колонистов вскрыли запечатанные приказы Вирджинской компании, то, к их ужасу, выяснилось, что компания назначила Смита одним из членов управляющего совета Джеймстауна.

Поскольку Ньюпорт отправился обратно в Англию за новыми запасами провианта и новыми людьми, а Уингфилд пребывал в вечной нерешительности и никогда не знал, как поступить, спасти колонию пришлось Смиту. Он организовал несколько торговых делегаций к индейцам, в результате которых удалось

обеспечить жизненно необходимый запас еды. Как раз в ходе одной из таких экспедиций Смита захватил в плен Опечанканау, один из младших братьев Вахунсунакока, и Смит предстал перед великим вождем в Веровокомоко. Это был первый европеец, которого видел Вахунсунакок, и, согласно некоторым описаниям этого события, лишь вмешательство дочери вождя Покахонтас спасло Смиту жизнь во время этой встречи. Он был освобожден 2 января 1608 года и вернулся во все еще находившийся на грани голода Джеймстаун. Впрочем, с дефицитом продовольствия вскоре было покончено, потому что в тот же день вернулся из Англии Ньюпорт.

Колонисты Джеймстауна не извлекли уроков из этого первоначального опыта. В 1608 году они продолжили поиски золота и других драгоценных металлов. Они все еще не понимали, что ни торговли с местным населением, ни принуждения его к работе недостаточно, чтобы колония смогла выжить. Смит был первым, кто понял, что весьма успешная модель колонизации, которую создали Писарро и Кортес, попросту не работает в Северной Америке. Ее отличия от Южной были слишком фундаментальными. Смит выяснил, что у жителей Вирджинии, в отличие от инков и ацтеков, не было золота. В своем дневнике он записал: «Известно, что продовольствие – это все их бо-

гатство». Один из первых колонистов по имени Анас Тодкилл ясно выразил в своем подробном дневнике то чувство разочарования, которое испытали Смит и те из колонистов, до которых дошло, что все их надежды рухнули:

«Не было иной заботы, иной надежды, иного труда, иных разговоров, кроме как: где добыть золото, как очистить золото и как нагрузить этим золотом корабли».

Когда Ньюпорт снова отплыл в Англию в апреле 1608 года, он вез с собой груз халькопирита, «золотой обманки». В конце сентября он вернулся в Америку с приказом Вирджинской компании установить более жесткий контроль над местным населением. Компания хотела, чтобы Вахунсунакок был коронован, то есть стал королем и вассалом английского короля Джеймса I. Они пригласили вождя в Джеймстаун, но Вахунсунакок, все еще очень подозрительно относившийся к колонистам, не собирался рисковать тем, что попадет в плен. Джон Смит записал ответ Вахунсунакока:

«Если ваш король послал мне дары, значит, и я тоже король, и это моя земля... Пусть ваш вождь явится ко мне, а не я к нему, и тем более не в этот ваш форт: никогда я не попадусь на такую удочку».

И раз Вахунсунакок не захотел «попадаться на такую удочку», Ньюпорт и Смит вынуждены были сами отправиться в Веровокомоко, чтобы провести обряд коронации. Однако это предприятие обернулось полным фиаско и лишь утвердило Вахунсунакока в решимости избавиться от колонии, причем немедленно. Он запретил своим подданным торговать с англичанами, и Джеймстаун больше не мог покупать продовольствие. Вахунсунакок обрекал колонистов на голодную смерть.

В декабре 1608 года Ньюпорт снова отправился в Англию. С собой он вез письмо Смита, в котором тот умолял Вирджинскую компанию пересмотреть свое отношение к колонии. В Северной Америке нет ни единого шанса на быструю наживу по образцу Мексики и Перу, писал Смит. Тут нет ни золота, ни других драгоценных металлов, а местных жителей невозможно заставить работать и обеспечивать колонистов продовольствием. Смит понял: чтобы появился шанс создать жизнеспособную колонию, работать в ней должны сами колонисты. И он попросил директоров Вирджинской компании прислать подходящих специалистов:

«Когда вы снова отправите сюда людей, я умоляю вас послать лучше три десятка хороших плотников, землепашцев, садовников,

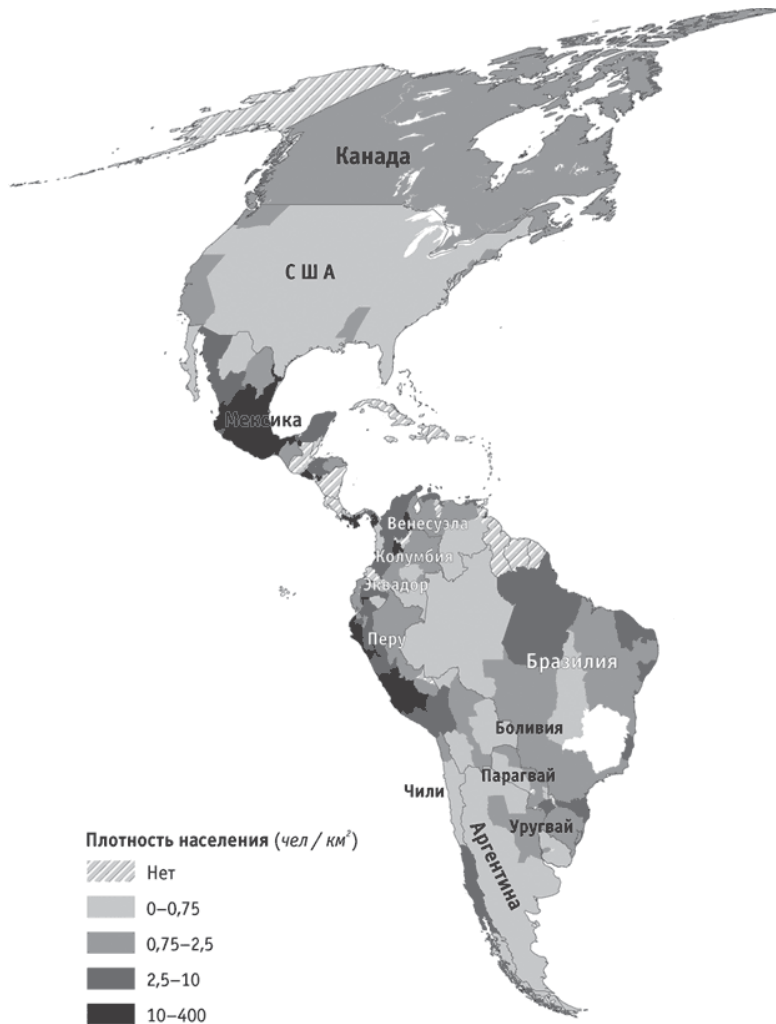
рыбаков, кузнецов, каменщиков, землекопов и корчевщиков деревьев, чем тысячу человек наподобие тех, что уже находятся здесь».

Смиту не хотелось снова получить из Англии бесполезных в Джеймстауне золотых дел мастеров. Находчивость Смита спасла колонию. Некоторые местные племена – кого лестью, а кого силой – ему удалось заставить торговать с колонистами. Когда же договориться не удавалось, он отнимал у индейцев все, что мог. В самой колонии Смит пользовался всей полнотой власти и установил правило: «кто не работает, тот не ест». Так Джеймстауну удалось пережить вторую зиму.

Вирджинская компания была создана в расчете на быстрое обогащение, но после двух катастрофических лет по-прежнему не видела даже намека на будущие прибыли. Директора компании решили, что нужна новая модель управления колонией, и вместо управляющего совета назначили в Джеймстаун губернатора. Первым губернатором колонии стал сэръ Томас Гейтс.

Вняв некоторым из предупреждений Смита, компания решила испытать кое-какие новые подходы, тем более что события «голодной зимы» 1609–1610 годов отчаянно требовали новых решений. Однако новая система управления не давала развернуться Смиту, и

осенью 1609-го он вернулся в Англию. Без его находчивости в поисках продовольствия и при том, что Вахунсунакок окончательно перекрыл поставки в Джеймстаун, колонисты оказались на грани голодной смерти. Из пятисот человек, числившихся в колонии в начале зимы, до марта дотянули только шестьдесят. Ситуация была столь отчаянной, что в Джеймстауне начался каннибализм.

Карта 2. Плотность населения Северной и Южной

Америку в 1500 г.

«Новые подходы», которые предложили колонии губернатор Гейтс и его заместитель сэр Томас Дейл, заключались в строжайшем режиме принудительного труда для английских поселенцев – кроме, разумеется, элиты, которая управляла колонией. Именно Дейл ввел кодекс «Законов божественных, нравственных и военных» (*Lawes Divine, Morall and Martiall*). Они включали в том числе такие положения:

«Ни один мужчина и ни одна женщина не могут перебежать из колонии к индейцам, под страхом смерти.

Любой, кто ограбит огород, частный или общественный, а равно и виноградник, а также тот, кто крадет колосья пшеницы, карается смертной казнью.

Никто из жителей колонии не имеет право продавать или отдавать произведенные в ней товары капитану, матросу, штурману или моряку для вывоза из колонии с целью личной наживы, под страхом смерти».

Раз уж не получается эксплуатировать коренное население, рассуждали в Вирджинской компании, то, может быть, эксплуатировать самих колонистов? Новая модель развития колонии предполагала, что все ее земли будут закреплены за Вирджинской компа-

нией. Работники были расселены по баракам и получали паек, размер которого также определялся компанией. Были сформированы рабочие бригады, каждая из которых отчитывалась перед агентом компании. Это было больше похоже на военное положение, тем более что практически любая провинность каралась смертной казнью. Среди перечисленных выше законов, которые теперь регулировали жизнь в колонии, особенно важным был первый: компания грозила смертью всем, кто попытается убежать. Учитывая новый режим работы, побег и жизнь среди местного населения казались все более привлекательными тем колонистам, которые обязаны были выходить на работы. Еще одним вариантом, если принять во внимание низкую плотность коренного населения Вирджинии того времени, был побег за границу территории, которую контролировала компания. Эти возможности, доступные колонистам, ограничивали власть Вирджинской компании над ними. Она не могла силой принудить всех английских поселенцев к тяжелой работе за минимальный паек.

Карта 2 показывает примерную плотность населения различных регионов обеих Америк ко времени испанского завоевания. Плотность населения на территории нынешних Соединенных Штатов, за пределами нескольких небольших районов, была не больше 3/4

человека на квадратную милю. В Центральной Мексике или Перуанских Андах плотность населения доходила до четырехсот человек на квадратную милю, то есть более чем в пятьсот раз выше. И то, что было возможно в Мексике и Перу, было невозможно в Вирджинии.

Вирджинской компании понадобилось время, чтобы осознать, что первоначальная модель колонизации провалилась в Северной Америке. Еще больше времени ей потребовалось, чтобы понять, что «Законы божественные, нравственные и военные» тоже не работают. И лишь начиная с 1618 года на смену им пришла совершенно новая стратегия. Поскольку силовое принуждение не сработало ни в отношении местного населения, ни в отношении самих поселенцев, пришлось создать стимулы для работы последних. В 1618 году компания утвердила «подушную систему», согласно которой каждый мужчина-поселенец получал по 50 акров земли плюс еще по столько же за каждого члена его семьи и за каждого слугу, которого семья могла привезти с собой в Вирджинию. Поселенцы получили в собственность свои дома и были освобождены от принудительного труда, а в 1619 году в колонии была учреждена Генеральная ассамблея, и каждый взрослый мужчина теперь мог участвовать в разработке законов и управлении ко-

лонией. Это событие положило начало демократии в Соединенных Штатах.

Потребовалось двенадцать лет, чтобы Вирджинская компания усвоила свой первый урок: то, что работало у испанцев в Мексике и Центральной и Южной Америке, не работает на севере. На протяжении XVII века компания пережила целый ряд трудностей – лишь ради того, чтобы усвоить второй урок: единственный способ построить жизнеспособную колонию – это дать колонистам стимулы усердно работать и инвестировать.

По мере развития Северной Америки англичане будут снова и снова пытаться последовать примеру испанцев и установить институты, которые жестко ограничивали бы экономические и политические права всех колонистов, за исключением самых привилегированных. Однако каждый раз эти планы будут проваливаться так же, как это произошло в Вирджинии.

Одна из самых амбициозных попыток в этом направлении была предпринята вскоре после изменения стратегии Вирджинской компании. В 1632 году английский король Карл I подарил десять миллионов акров земли на севере Чесапикского залива Сесилу Калверту, лорду Балтимору. Соответствующий документ, известный под названием Мэрилендская хартия (*The Charter of Maryland*), предоставлял лорду Балти-

мору полную свободу в выборе системы управления своими новыми землями. Раздел VII Хартии гласил, что лорд Балтимор

«для успешного управления сей Провинцией наделяется настоящим Указом полной и абсолютной властью над оной, включая установление и применение там любых законов, какие только он пожелает».

Лорд Балтимор разработал подробный план системы маноров,⁶ американскую версию идеализированной сельской Англии XVII века. План предписывал нарезку земли на участки размером в тысячу акров, хозяевами которых станут лорды. Лорды привлекут арендаторов – они и будут работать на земле и платить ренту привилегированной элите, контролирующей провинцию.

Еще одна подобная попытка имела место в 1663 году, когда была основана и пожалована восьми лордам-собственникам (включая сэра Энтони Эшли-Купера) колония Каролина. Эшли-Купер и его консультант, великий английский философ Джон Локк, составили документ под названием «Основополагающие

⁶ Манор (*manor*) – феодальное поместье в средневековой Англии, в состав которого входили в том числе и надельные зависимых от феодала крестьян. Манориальное хозяйство было основано в первую очередь на барщине и других повинностях крестьян. Владелец манора также имел судебную юрисдикцию над ними.

установления Каролины» (*Fundamental Constitutions of Carolina*), который, как и более ранняя Мэрилендская хартия, рисовал идеал иерархического общества, находящегося под контролем землевладельческой элиты. Преамбула гласит:

«Управление сей провинцией следует привести в соответствие с установлениями нашей монархии, частью коей эта провинция является; и нам следует избегать построения многолюдной демократии».

Положения «Основополагающих установлений» утверждали жесткую социальную иерархию. В самом низу общества располагались литмены (*leet-men*),⁷ причем статья 23 уточняла, что «все дети литменов должны оставаться литменами, и так во всех поколениях». Выше литменов, которые не обладали никакими политическими правами, располагались ландграфы (*landgraves*) и касики (*caziques*),⁸ которым предстояло сформировать местную аристократию. Ланд-

⁷ Досл. «подсудные», «относящиеся к судебной юрисдикции [данного] феодала» – от устар. англ. *leet* – «сеньориальный суд».

⁸ *Kásuk* (исп. *Cacique* или *Cazique*) – «вождь» на языке индейцев араваков, коренного населения Антильских островов, первыми из жителей Нового Света вступивших в контакт с европейцами. Испанцы (а за ними и другие колонизаторы) стали обозначать этим словом всех индейских правителей, а со временем так стали называться некоторые должности в колониальных администрациях.

графы должны были получить по сорок восемь тысяч акров земли каждый. Предполагалось также создание парламента, в котором будут представлены ландграфы и касики, но он имел бы полномочия обсуждать только те меры, которые были заранее одобрены семью лордами-собственниками.

Однако попытка установить эти драконовские законы в Мэриленде и Каролине провалилась, так же как ранее провалилась подобная попытка в Вирджинии. Похожими оказались и причины неудачи: во всех трех случаях оказалось невозможным загнать поселенцев в жесткие рамки иерархического общества просто потому, что у них было слишком много иных возможностей в Новом Свете. Наоборот, приходилось создавать стимулы для их усердной работы в определенной колонии. И вскоре колонисты начали требовать еще большей экономической свободы и более широких политических прав. Теперь и в Мэриленде поселенцы настояли на получении земли в собственность и заставили лорда Балтимора учредить ассамблею. В 1691 году эта ассамблея вынудила короля провозгласить Мэриленд коронной колонией (*crown colony*)⁹ и тем самым уничтожить политические привилегии, которыми обладали Балтимор и его лорды-собственники.

⁹ То есть управляющейся не частным лицом, а губернатором, которого в то время назначал король.

ки. Столь же затяжная схватка определила в конце концов судьбу Северной и Южной Каролины, и опять лорды-собственники проиграли. Обе Каролины стали коронными колониями в 1729 году.

К 1720-м годам все колонии, которые впоследствии составят Соединенные Штаты, имели схожие формы государственного устройства. Во всех были губернаторы и ассамблеи, основанные на представительстве всех мужчин, владевших какой-либо собственностью. Это отнюдь не было демократией; женщины, рабы и колонисты, у которых не было собственности, не могли голосовать в ассамблее. Однако политических прав у колонистов было гораздо больше, чем в большинстве государств того времени. Именно эти ассамблеи и их лидеры объединились, чтобы провести в 1774 году Первый Континентальный конгресс, ставший прелюдией к провозглашению независимости США. Ассамблеи считали, что имеют право определять принципы собственного формирования и самостоятельно устанавливать налоги. Это, как мы знаем, повлекло большие проблемы для английских колониальных властей.

Повесть о двух конституциях

Из вышеизложенного уже ясно, что неслучайно именно Соединенные Штаты, а не Мексика, построили свое развитие на основополагающих документах, которые декларировали принципы демократии, ограничивали возможности правительства и оставляли больше властных рычагов в распоряжении гражданского общества. Документ, который делегаты штатов в мае 1787-го собрались написать в Филадельфии, был итогом длительного процесса, начало которому было положено созданием Генеральной ассамблеи в Джеймстауне в 1619 году.

Процесс, начавшийся после принятия конституции Соединенных Штатов вскоре после обретения ими независимости, и тот же процесс в Мексике, начавшийся чуть позже, также представляют собой разительный контраст. В феврале 1808 года войска Наполеона вторглись в Испанию. К маю они взяли столицу страны Мадрид. К сентябрю испанский король Фердинанд отрекся от престола, борьбу против французов возглавила Верховная центральная хунта (*Junta Suprema Central*). Хунта начала свою работу в городе Аранхуэс, но ввиду приближающейся французской

армии вынуждена была переместиться на юг. В конце концов члены хунты обосновались в портовом городе Кадис, который также был осажден французами, но устоял. Здесь хунта учредила парламент – кортесы. В 1812 году кортесы приняли конституцию, впоследствии получившую название Кадисская, которая провозгласила Испанию конституционной монархией, основанной на принципах народовластия. Конституция также декларировала отмену привилегий и утверждала равенство всех граждан перед законом. Эти требования были неслыханными для элит Южной Америки, которые все еще жили в мире энкомьенды, принудительного труда и абсолютного всевластия колониальной администрации.

Коллапс испанского государства в результате вторжения Наполеона породил кризис власти в латиноамериканских колониях Испании. Начались активные дискуссии о том, следует ли признавать власть Центральной хунты, в колониях стали формироваться собственные хунты. Осознание того факта, что независимость от Испании вполне может стать реальностью, было только вопросом времени. Первая декларация о независимости была провозглашена в 1809 году в Боливии, в городе Ла-Пас, однако прибывший из Перу испанский экспедиционный корпус быстро вернул страну под власть Испании.

В Мексике политические предпочтения элиты начали меняться после так называемого восстания Идальго (1810), во главе которого стоял священник Мигель Идальго. Когда повстанцы 23 сентября захватили город Гуанахуато, они убили местного интенданта – высокопоставленного представителя колониальной администрации, после чего начали убивать уже всех белых людей подряд. Это было больше похоже на классовую борьбу или даже этническую резню, чем на движение за независимость, поэтому все мексиканские элиты объединились против восставших. Независимость, которая, как выяснилось, предполагает участие народных масс в политике, пугала теперь не только испанцев, но и местную элиту. В результате Кадисская конституция, которая открывала дорогу для политической эмансипации народа, была воспринята мексиканскими элитами с большим скептицизмом – они бы никогда не согласились признать ее легитимность.

В 1815 году, после краха наполеоновской империи, король Фердинанд VII был возвращен на престол, а Кадисская конституция отменена. Когда испанская корона начала возвращать себе контроль над американскими колониями, она не встретила трудностей в лоялистской Мексике. Однако в 1820 году испанский корпус, готовившийся в порту Кадис к отправке в Но-

вый Свет, где он должен был продолжить восстановление испанского владычества, поднял бунт против короля. Вскоре к бунтовщикам присоединились военные части по всей Испании, и Фердинанд VII был вынужден восстановить Кадисскую конституцию и снова созвать кортесы.

Новый парламент оказался еще радикальнее того, что принял конституцию 1812 года, и предложил отменить все формы принудительного труда. Кортесы также выступили за отмену привилегий, например неподсудность военных гражданскому суду. Столкнувшись с необходимостью принять эти положения в Мексике, местные элиты решили, что лучше пойдут своим собственным путем, и провозгласили независимость.

Движением за независимость руководил бывший офицер испанской армии Агустин де Итурбиде. 24 февраля 1821 года он обнародовал так называемый «план Игуалы» – собственное видение будущего независимой Мексики. План предполагал установление конституционной монархии во главе с императором и отменял те положения Кадисской конституции, которые мексиканская элита считала угрожающими ее привилегиям и статусу. План получил немедленную поддержку, и Испания быстро поняла, что не сможет остановить неизбежное. Но Итурбиде не про-

сто организовал отделение Мексики от Испанской империи. Правильно оценив возникший вакуум власти, он при поддержке военных провозгласил себя императором Мексики – императором, как выразился великий лидер южноамериканской борьбы за независимость Симон Боливар, «милостью Бога и штыка».

Итурбиде не был скован политическими институтами, какие ограничивают власть президентов США; он быстро сделался диктатором и к октябрю 1822 года разогнал созданный в соответствии с конституцией конгресс, заменив его хунтой, составленной из его собственных назначенцев. Хотя Итурбиде недолго продержался у власти, подобная последовательность событий повторялась в истории Мексики XIX века еще много раз.

С точки зрения современных стандартов конституция США тоже не устанавливала полную демократию. Каждый штат имел право по своему усмотрению решать, кто из его жителей может голосовать на выборах. В то время как северные штаты быстро признали такое право за всеми белыми мужчинами вне зависимости от уровня их дохода и размеров собственности, южные штаты шли к этой норме весьма неспешно. Ни один штат не предоставил избирательное право женщинам и рабам, и одновременно с отменой ценза по

доходу и собственности для белых мужчин было запрещено участие в выборах всем черным мужчинам. Когда Филадельфийский конвент принимал конституцию, рабство, как известно, также было признано конституционным, и самая грязная борьба разыгралась как раз вокруг распределения мест между штатами в палате представителей. Места должны были быть распределены пропорционально населению штатов, однако представители южных штатов потребовали при этих подсчетах учитывать численность рабов. Северные штаты выступили с протестом. Было найдено компромиссное решение: раб учитывается как $3/5$ свободного человека.

Конфликты между Севером и Югом в ходе принятия Конституции и в дальнейшем сдерживались разнообразными компромиссами вроде «правила трех пятых». Со временем появлялись и новые «заплатки», например Миссурийский компромисс, согласно которому при принятии в состав США новых членов надлежало всегда принимать одновременно один рабовладельческий и один нерабовладельческий штат, чтобы обеспечить баланс между сторонниками и противниками рабства в Сенате США. Эти всегда наспех состряпанные «заплатки» все же позволяли политическим институтам США работать в относительно мирной обстановке до тех пор, пока гражданская

война наконец не разрешила противоречия в пользу Севера.

Гражданская война в США была кровавой и разрушительной. Но и до, и после нее значительная доля населения Соединенных Штатов, особенно на севере и на западе страны, пользовалась грандиозными возможностями для развития собственного бизнеса и повышения своих доходов. Ситуация в Мексике была совсем иной. Если США пришлось пережить лишь пять лет политической нестабильности в 1860–1865 годах, то Мексика жила в состоянии постоянной нестабильности в течение первых пятидесяти лет своей государственной независимости. Степень этой нестабильности хорошо иллюстрирует карьера Антонио Лопеса де Санта-Анны.

Санта-Анна, сын чиновника колониальной администрации в Веракрусе, прославился как офицер испанской армии в боях со сторонниками независимости колоний. Однако в 1821 году он перешел на сторону Итурбиде и уже никогда не оглядывался назад. В мае 1833-го он впервые стал президентом Мексики, но исполнял свои обязанности только в течение месяца, после чего предпочел передать их Валентину Гомесу Фариасу. Впрочем, президентство последнего продолжалось всего лишь 15 дней, после чего Санта-Анна вернул себе власть. Однако и в этот раз он продер-

жался не дольше, и в начале июля его снова сменил Гомес Фариас.

Санта-Анна и Гомес Фариас продолжали этот своеобразный «танец» до середины 1835 года, когда Санта-Анну сменил Мигель Барраган. Но Антонио Лопес де Санта-Анна не сдался: он возвращался на пост президента в 1839, 1841, 1844, 1847 и, наконец, в 1853–1855 годах. Всего он был президентом 11 раз, и за время его правления Мексика потеряла Аламо и Техас и проиграла катастрофическую американо-мексиканскую войну, лишившись в результате территорий, которые позже станут американскими штатами Аризона и Нью-Мексико. Между 1824 и 1867 годами в Мексике сменилось 52 президента, и лишь немногие из них пришли к власти в соответствии с регламентом конституции.

Последствия такой беспрецедентной политической нестабильности для экономических институтов и стимулов очевидны. Прежде всего, нестабильность привела к тому, что права собственности оказались не защищены. Она также вызвала значительное ослабление мексиканского правительства, которое почти утратило способность собирать налоги и предоставлять общественные услуги. Пусть Санта-Анна и был президентом Мексики, но он не контролировал обширные территории собственной страны, что позво-

лило США аннексировать Техас. Кроме того, как мы уже убедились, мексиканская декларация о независимости была принята, чтобы защитить экономические институты, сформированные в колониальный период, – те самые институты, которые, по словам великого немецкого географа и исследователя Латинской Америки Александра фон Гумбольдта, превратили Мексику в «страну неравенства». Эти институты, закрепив эксплуатацию коренного населения как основу экономики и всего общества, заблокировали стимулы, которые бы побуждали граждан проявлять инициативу. И в те же самые годы, когда в США пришла промышленная революция, Мексика начала беднеть.

Разработать идею, открыть бизнес, получить кредит

Промышленная революция началась в Англии. Ее первым успехом был полный переворот в технологии производства хлопковых тканей с помощью станков, которые приводились в движение водяным колесом, а позже – паровой машиной. Механизация резко повысила производительность труда рабочих сначала в текстильной, а затем и в других отраслях промышленности. Драйвером технологических преобразований во всех отраслях экономики были инновации, продвигаемые предпринимателями нового поколения, жаждавшими применить на практике свои идеи. Этот расцвет, начавшись в Англии, вскоре перекинулся через океан, в Соединенные Штаты. Люди увидели огромные экономические возможности, которые открывало использование новых технологий, появившихся в Англии. А заимствования из Англии вдохновляли американцев на новые, собственные, изобретения.

Мы можем лучше понять природу этих инноваций, разобравшись в том, кто и как получал патенты на изобретения. Патентная система, защищавшая право интеллектуальной собственности, была формализована в Статуте о монополиях, который был принят ан-

глийским парламентом в 1623 году и частично направлен на то, чтобы ограничить право короля выдавать жалованные патентные грамоты (*letters patent*) любому, кому он пожелает. Таким образом, исключительное право на тот или иной вид деятельности представлялось единственному лицу по произволу монарха.

Зная это, мы будем поражены, что в США патенты получали люди самого разнообразного происхождения и общественного положения, а не только представители богатой элиты. Многие сделали состояния с помощью своих патентов. Возьмите, например, Томаса Эдисона, изобретателя звукозаписи и первой практически применимой электрической лампы накаливания, основателя компании *General Electric*, которая сейчас является одной из крупнейших корпораций в мире. Эдисон был младшим из семерых детей. Его отец, Сэмюел Эдисон, сменил множество профессий – от кровельщика, обшивавшего крыши гонтом, до хозяина таверны. Томас почти не ходил в школу, однако получил домашнее образование: его учила мать.

В 1820–1845 годах только 19 % новых получателей патентов были детьми образованных специалистов или происходили из семей крупных землевладельцев. 40 % новых держателей патентов окончили лишь начальную школу или вообще не имели никако-

го формального образования, как Эдисон. Более того, многие из них, как тот же Эдисон, использовали свои патенты, чтобы основать собственное дело. В той же степени, в которой Соединенные Штаты были более демократическими, чем другие страны, в политическом смысле, они были и наиболее открытыми с точки зрения возможностей изобретателей. Это сыграло решающую роль в том, что эта страна со временем стала самой инновационной экономикой мира.

Однако если вам пришла в голову отличная идея, но вы бедны, то одно дело было получить патент – в конце концов, он не так дорого стоил, – и совсем другое – использовать его, чтобы заработать. Один из способов найти начальный капитал – это продать свой патент. Именно так и поступил Эдисон: за 10 000 долларов он продал компании *Western Union* патент на квадруплексный телеграф. Но продажа патента – хороший способ получить деньги только при том условии, что вы, подобно Эдисону, генерируете новые идеи быстрее, чем могли бы их реализовать самостоятельно (Эдисон получил рекордные 1093 патента в США и еще 1500 в других странах мира). Самым же реалистичным способом извлечь выгоду из своего изобретения было открытие собственного бизнеса. Но чтобы начать дело, нужны деньги, а чтобы получить деньги, нужен банк, который даст их вам в долг.

Изобретателям США и здесь повезло. В течение XIX века в Соединенных Штатах активно развивались финансовый сектор и банковское кредитование, что стало катализатором быстрого экономического роста и индустриализации. Если в 1818 году в США было 338 банков с совокупными активами в 160 миллионов долларов, то к 1914 году банков стало 27 864, а их активы выросли до 27,3 млрд. Американские изобретатели имели легкий доступ к капиталу для открытия собственного бизнеса. Более того, интенсивная конкуренция между банками и другими финансовыми учреждениями обеспечивала доступ к кредиту под достаточно низкие проценты.

Совсем другой была ситуация в Мексике. В 1910 году, когда началась Мексиканская революция, в стране было только 42 банка, при этом два из них контролировали 60 % активов всей банковской системы. В отличие от США, где конкуренция была по-настоящему острой, в Мексике банки практически не конкурировали между собой. Отсутствие конкуренции позволяло банкам взимать очень высокие проценты за кредит, и обычно это приводило к тому, что его могли получить только привилегированные, состоятельные клиенты, которые затем использовали свой беспрепятственный доступ к кредиту для того, чтобы консолидировать свое влияние в различных секторах эконо-

МИКИ.

Форма, которую приобрела мексиканская банковская система в XIX и XX веках, была прямым следствием работы политических институтов, сформировавшихся в стране после обретения ею независимости. За хаосом времен президента Санта-Анны последовала неудачная попытка французского императора Наполеона III установить в стране колониальный режим под управлением своего ставленника императора Максимилиана (1864–1867). В конце концов французов изгнали, была написана новая конституция, однако правительству, которое возглавил сначала Бенито Хуарес, а после его смерти – Себастьян Лердо де Техада, вскоре бросил вызов молодой военный Порфирио Диас. Диас был победоносным генералом, участником войны с Францией, у которого теперь появились политические амбиции. Он собрал армию мятежников и в ноябре 1876 года разбил правительственные войска в битве при Текоаке. В мае следующего года он был избран президентом. Порфирио Диас правил Мексикой практически непрерывно и во все более авторитарном стиле до тех пор, пока не был свергнут в ходе начинавшейся революции тридцать четыре года спустя.

Так же как и его предшественники Итурбиде и Санта-Анна, он начал свою карьеру армейским офице-

ром. Подобные карьеры, разумеется, известны и в США. Первый президент США Джордж Вашингтон был победоносным генералом во время Войны за независимость. Улисс Грант, один из известнейших военачальников армии северян во время гражданской войны, стал президентом в 1869 году. Дуайт Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий объединенными силами антигитлеровской коалиции в Европе, занимал пост президента США в 1953–1961 годах. Однако в отличие от Итурбиде, Санта-Анны и Диаса, никто из них троих не использовал военную силу для того, чтобы самому прийти к власти. Более того, они не использовали военную силу и для того, чтобы избежать передачи власти следующему президенту. Они соблюдали Конституцию. И хотя в Мексике XIX века тоже действовали конституции, они мало ограничивали действия Итурбиде, Санта-Анны и Диаса. Эти трое могли быть отстранены от власти только тем же способом, которым они ее взяли, – военной силой.

Президент Порфирио Диас нарушал права собственности, экспроприировал большие участки земли, раздавал монополии и оказывал другие услуги своим сторонникам, имевшимся во всех отраслях экономики, включая банковскую сферу. В таком поведении не было ничего нового: это именно то, что делали испанские конкистадоры и следовавший их примеру

Санта-Анна.

Причина того, что в Соединенных Штатах банковская система гораздо больше способствовала экономическому процветанию, чем в Мексике, никак не связана с разницей в мотивации банкиров. Погоня за прибылью, которая способствовала монополизации банковской системы Испании, имела место и в США. Но жажда наживы в США была направлена в другое русло экономическими институтами, с которыми сталкивались американские банкиры и которые поддерживали острую конкуренцию между участниками рынка. А это положение дел, в свою очередь, было следствием принципиально отличных от мексиканской ситуации стимулов, которые американские политические институты создавали для политиков. На самом деле в конце XVIII века, когда вскоре после принятия конституции в США стала складываться банковская система, она была очень похожа на ту, что со временем утвердится в Мексике. Политики пытались учредить банковские монополии в каждом штате и передать их в руки друзей и сторонников в обмен на долю в монопольной прибыли. Банки быстро начали ссужать деньги политикам, которые отвечали за регулирование банковской системы, – все точно так же, как Мексике. Однако в США такая ситуация не могла продолжаться долго, поскольку политики, которые пыта-

лись создать банковские монополии, должны были участвовать в выборах и пере выборах. Монополизация банковской системы с последующим предоставлением кредитов политикам, которые ее защищают, — отличный бизнес, но только до тех пор, пока это сходит политикам с рук. Для обычных же граждан такая ситуация совсем не выгодна. В отличие от Мексики, граждане США могут держать политиков под контролем и избавляться от тех из них, кто использует служебное положение для личного обогащения или передачи монополий своим ближайшим друзьям. Широкие, особенно если сравнить с Мексикой, политические права граждан США гарантировали им равный доступ к кредиту. А это, в свою очередь, обеспечило возможность изобретателям и инноваторам зарабатывать на своих идеях.

Не сходя с привычной колеи

В 1870-е–1880-е годы мир быстро менялся, и Латинская Америка не была исключением. Институты, которые создал Порфирио Диас, не были точно такими же, как те, что были создан Санта-Анной или испанской колониальной администрацией. Мировая экономика во второй половине XIX века переживала бум, а новые изобретения в сфере транспорта, такие как пароходы и железные дороги, привели к колоссальному росту объема мировой торговли. Эта волна глобализации привела к тому, что богатые ресурсами страны, такие как Мексика, – или, если быть точным, элиты этих стран – могли обогатиться за счет экспорта сырья и полезных ископаемых в Северную Америку и Западную Европу, которые как раз проходили новый этап индустриализации. В результате Диас и его окружение однажды обнаружили, что мир вокруг быстро меняется, и поняли, что придется меняться и Мексике. Но для них это совсем не означало, что следует избавиться от колониальных институтов и заменить их на какую-то вариацию американских. Напротив, реформы в Мексике были изменениями, так сказать, «не сходя с привычной колеи» (*path-dependent changes*) и привели к утверждению новой инкарнации

тех же институтов, которые сделали бо́льшую часть Латинской Америки бедной и страдающей от высокого уровня неравенства.

Глобализация сделала огромные незанятые пространства обеих Америк вдоль линии фронта ценным ресурсом. Зачастую, конечно, эти «свободные» пространства были незанятыми только на карте, на самом же деле они были заселены коренными жителями, которые изгонялись с большой жестокостью. Тем не менее схватка за этот новый и ценный ресурс стала во многом определяющей в судьбе обеих Америк второй половины XIX века. Однако эти новые возможности не привели к одному и тому же результату в Соединенных Штатах и Латинской Америке, а, наоборот, усилили дивергенцию, вызванную уже существовавшими на тот момент институциональными различиями, особенно в вопросе о праве владения землей. В США длинная серия законодательных актов – начиная с Ордонанса о земле, принятого в 1785 году, и вплоть до Закона о гомстедах (1862) – обеспечила гражданам широкий доступ к землям на фронтире. За исключением вытесненных коренных жителей, остальные американцы пользовались равными правами доступа к земле, что обеспечило быстрое экономическое развитие территории. В большинстве же латиноамериканских стран политические институ-

ты привели к совершенно другому результату. Земли фронта были распределены между теми, кто обладал политическим влиянием или богатством и нужными связями, что привело к дальнейшему их обогащению и росту влияния.

Президент Диас также приступил к упразднению мешающих международной торговле колониальных институтов – он ожидал, что это даст ему и его сторонникам невиданные возможности обогащения. Однако его модель развития была совсем не такой, какую он наблюдал к северу от Рио-Гранде; его политика наследовала Кортесу, Писарро и Толедо и предполагала, что огромные прибыли будет получать элита, в то время как остальное население будет отрезано от выгод, которые сулит экономический бум. Когда инвестиции делает только элита, экономика немного вырастает, но такой экономический рост всегда обогащает только элиту и разочаровывает большинство населения. К тому же этот рост происходит за счет тех, кто лишен прав, например племени яки, живущего в штате Сонора неподалеку от Ногалеса. В 1900–1910 годах до 30 000 яки были депортированы, по существу, превращены в рабов и отправлены на плантации генекена на Юкатане (волокна генекена были ценным продуктом экспорта, поскольку из них делались веревки и канаты).

Живучесть институтов, которые привели Мексику и всю Латинскую Америку к экономической стагнации, ярко иллюстрируется тем, что так же, как и в XIX столетии, в XX веке они порождали очень вялую экономическую динамику, политическую нестабильность, гражданские войны и перевороты, ставшие следствием борьбы различных групп влияния за власть. Мексиканская революция 1910 года свергла Диаса. В течение XX столетия последовали революции в Боливии (1952), на Кубе (1959) и в Никарагуа (1979), продолжительные гражданские войны развернулись в Колумбии, Сальвадоре, Гватемале и Перу. Земельные реформы (или попытки их проведения) в Боливии, Бразилии, Чили, Колумбии, Гватемале, Перу и Венесуэле зачастую включали экспроприацию земли и капитала (или как минимум угрозу экспроприации). Вместе с революциями, экспроприациями и политической нестабильностью пришли военные хунты и разнообразные варианты диктатуры. И хотя в течение XX столетия наметился постепенный тренд в сторону предоставления гражданам более широких политических прав, только к 1990-м годам большинство стран Латинской Америки стали, наконец, демократическими – но даже при этом так и не смогли вырваться из трясины нестабильности.

Эта нестабильность сопровождалась массовыми

репрессиями и убийствами. Национальная комиссия по установлению истины и примирению, созданная в Чили в 1990 году, выяснила, что за время правления Аугусто Пиночета (1973–1990) в стране было убито по политическим причинам 2279 человек, до пятидесяти тысяч были посажены в тюрьму, подвергались пыткам; сотни тысяч были изгнаны с работы. Комиссия по историческому выяснению нарушений прав человека и актов насилия, принесших страдания народу Гватемалы, в своем докладе 1999 года смогла идентифицировать имена 42 275 жертв, но многие утверждают, что всего в 1962–1996 годах в Гватемале были убиты до 200 000 человек, причем 70 000 из них в период правления генерала Хосе Эфраина Риоса Монтта.¹⁰ Генерал остался абсолютно безнаказанным и в 2003 году даже смог выставить свою кандидатуру на президентских выборах; к счастью, он проиграл их. Национальная комиссия по исчезновению людей в Аргентине смогла установить, что около 9000 человек были убиты военными в 1976–1983 годах, хотя подчеркнула, что подлинная цифра может быть еще больше (оценки правозащитников ближе к 30 000).

¹⁰ То есть в течение всего 15 месяцев, с марта 1982 года до августа 1983-го. – *Прим. перев.*

Как заработать миллиард-другой

Долгосрочное наследие колониального общества и сформированных в нем институтов продолжает определять различия между США и Мексикой, а значит, и между двумя частями Ногалеса. Эти различия наглядно демонстрируют два разных пути, которые прошли американец Билл Гейтс и мексиканец Карлос Слим, чтобы стать двумя самыми богатыми людьми в мире – Уоррен Баффет остается третьим претендентом.¹¹ История успеха Гейтса и *Microsoft* широко известны, однако статус Гейтса как самого богатого человека в мире и основателя одной из самых инновационных компаний современности не помешали Министерству юстиции США 8 мая 1998 года вчинить корпорации *Microsoft* иск о злоупотреблении монопольным положением. Конкретным поводом было обязательное включение браузера *Internet Explorer*, разработанного *Microsoft*, в основную поставку ее же операционной системы *Windows*.

Правительство следило за действиями Гейтса уже долгое время, и еще в 1991 году Федеральная торговая комиссия начала расследование предполагаемых нарушений *Microsoft* антимонопольного законо-

¹¹ Данные на момент написания книги.

дательства на рынке компьютеров PC. В ноябре 2001 года корпорация заключила с Министерством юстиции сделку. *Microsoft* пришлось пойти на серьезные уступки, тем не менее многие наблюдатели сочли их недостаточными.

Мексиканец Карлос Слим заработал деньги не на собственных изобретениях. Изначально он преуспел в сделках на фондовом рынке и в покупке и последующей реструктуризации убыточных предприятий. Его главной удачей стало приобретение телекоммуникационной монополии *Telmex*, которую в 1990 году приватизировал президент Карлос Салинас. В сентябре 1989-го правительство объявило, что желает продать 51 % голосующих акций компании (20,4 % всех акций); торги состоялись в ноябре следующего года. Хотя цена, которую предложил Слим, была не самой высокой среди заявок на конкурсе, консорциум во главе с его флагманской компанией *Grupo Carso* выиграл торги. Более того, Слиму удалось договориться об отсрочке оплаты и использовать дивиденды на эти самые, только что полученные им акции *Telmex*, чтобы заплатить правительству. То, что раньше было государственной монополией, стало теперь частной монополией Слима – и весьма прибыльной монополией.

Экономические институты, которые сделали Карлоса Слива богатейшим человеком своей страны, со-

всем не похожи на экономические институты Соединенных Штатов. Для мексиканского бизнесмена барьеры для входа на рынок играют ключевую роль на каждом этапе его карьеры. Среди таких барьеров – дорогие лицензии, которые нужно получить, чтобы начать работать, бюрократическая волокита, политики и уже раскрутившиеся конкуренты и, наконец, трудности с получением финансирования, поскольку банки находятся в сговоре с уже действующими на рынке игроками, которым не нужны новые соперники. Эти барьеры в зависимости от обстоятельств могут быть непреодолимым препятствием, а могут – отличной защитой, которая не оставит шансов вашим потенциальным конкурентам. Чем они окажутся для вас, определяется тем, кого вы знаете, на кого вы можете повлиять – и да, кого вы можете подкупить. Карлос Слим, талантливый и амбициозный бизнесмен, выходец из среднего класса, потомок ливанских эмигрантов, стал настоящим виртуозом получения эксклюзивных контрактов; он смог монополизировать прибыльный телекоммуникационный рынок Мексики, а затем расширил свое влияние на всю Латинскую Америку.

Принадлежащей Слиму монополии *Telmex* приходилось сталкиваться с конкуренцией, но соперникам Слима не сопутствовал успех. В 1996 году компания *Avantel*, поставщик международной и междугородной

телефонной связи, обратилась в мексиканскую Комиссию по конкуренции с просьбой проверить, не является ли *Telmex* доминирующим игроком на рынке. В 1997 году Комиссия объявила, что *Telmex* действительно пользуется монопольным положением (среди прочего) на рынке локальной, междугородной и международной телефонной связи. Но попытки регулирующих ведомств Мексики ограничить монополию ни к чему не привели. Первая причина состоит в том, что Слим и *Telmex* могут прибегнуть к так называемому ходатайству об ампаро (*recurso de amparo*). Термин «ампаро» (букв. «защита, покровительство») обозначает особое судебное решение, которое указывает, что тот или иной закон не должен применяться конкретно в вашем случае. Идея ампаро восходит к мексиканской конституции 1857 года, и изначально эта процедура была призвана защищать личные права и свободы. Однако в руках *Telmex* и других мексиканских монополий ходатайство об ампаро стало инструментом, еще больше укрепляющим их монопольное положение. Вместо того чтобы защищать права человека, ампаро становится лазейкой в принципе равенства всех перед законом.

Слиму удалось сколотить свое состояние во многом благодаря своим политическим связям в Мексике. Когда он решил войти на американский рынок, он

потерпел неудачу. В 1999 году его *Grupo Carso* купила компьютерного ритейлера *CompUSA*. В это время у *CompUSA* действовало соглашение о франшизе с мексиканской компанией *COC Services*, которая продавала товары франчайзера в Мексике. Слим немедленно нарушил это соглашение, чтобы открыть свою собственную сеть магазинов в Мексике и не опасаться конкуренции со стороны *COC Services*. Однако *COC* подала на *CompUSA* в суд Далласа. В Далласе ампаро не действует, Слим проиграл и вынужден был выплатить штраф в 454 миллиона долларов. Как сказал после процесса адвокат, представлявший интересы *COC*, «значение этого вердикта в том, что в современной глобальной экономике компании должны уважать законы США, если они потом хотят работать в этой стране». Когда Слим столкнулся с институтами, существующими в США, и вынужден был действовать, не нарушая предписанных этими институтами правил, его проверенные способы делать деньги перестали работать.

Подходы к теории мирового неравенства

Мы живем в мире, полном неравенства. Различия между разными странами напоминают различия между двумя частями Ногалеса, только в большем масштабе. В богатых странах граждане имеют лучшее здоровье и образование и живут дольше. У них также есть доступ к целому ряду услуг и возможностей – от отпусков до карьерных перспектив, – о которых жители бедных стран могут только мечтать. Жители богатых стран ездят по хорошим дорогам без выбоин, и дома у них есть электричество, канализация и водопровод. Обычно правительства таких стран не арестовывают своих граждан и не угрожают им по собственному произволу; наоборот, государство предоставляет услуги, такие как образование, здравоохранение, поддержание дорог, охрана закона и порядка. Важно и то, что граждане голосуют на выборах и имеют право голоса в решениях о том, в каком направлении пойдет политика их страны.

Контрасты мирового неравенства видны любому, даже жителям бедных стран, у многих из которых нет телевизора или интернета. Восприятие этих контрастов наряду, собственно, с самим неравенством – вот

что заставляет людей нелегально форсировать Рио-Гранде или переплывать Средиземное море: они хотят достичь высоких стандартов жизни и использовать возможности, открывающиеся в богатых странах. Это неравенство не только имеет прямые следствия для жизни граждан бедных стран; оно также порождает недовольство и возмущение, имеющие большие политические последствия для США и для всех стран мира. Объяснить, почему такие различия существуют и откуда они взялись, и есть задача нашей книги. Но это объяснение важно не только само по себе, но и в качестве первого шага на пути к пониманию того, как улучшить жизнь миллиардов людей, которые все еще живут в бедности.

Неравенство между двумя частями Ногалеса – лишь вершина айсберга. Так же как и все остальные жители Северной Мексики, которая активно участвует в выгодной (даже если и не всегда законной) торговле с Соединенными Штатами, жители Ногалеса, штат Сонора, живут гораздо богаче остальных мексиканцев, чей средний доход на семью не превышает 5000 долларов в год. Основа относительного процветания Ногалеса – макиладоры (*maquiladoras*).¹² Первое

¹² Сборочные предприятия, расположенные недалеко от границы США и изготавливающие из американских компонентов различные товары, которые затем реэкспортируются обратно в Штаты.

такое предприятие основал Ричард Кэмпбелл-младший, калифорнийский производитель корзин. Первым арендатором стала компания *Coin-Art*, производитель музыкальных инструментов, принадлежавшая Ричарду Боссе, еще одна фирма которого, *Artley*, изготавливала флейты и саксофоны по другую сторону стены, в американском Ногалесе. За *Coin-Art* последовали *Memorex* (компьютерные кабели), *Avent* (медицинские халаты), *Grant* (солнечные очки), *Chamberlain* (системы дистанционного подъема гаражных дверей для торговой сети *Sears*) и *Samsonite* (чемоданы). Обратите внимание, что все это американские компании и американские бизнесмены, использующие американский капитал и ноу-хау. Относительное (на фоне остальной Мексики) процветание Соноры, таким образом, приходит извне.

Однако по мировым меркам различия между Мексикой и США совсем невелики. Средний гражданин США «всего» в семь раз богаче среднего мексиканца и в десять – среднего жителя Перу или Центральной Америки. Но он (или она) в двадцать раз богаче среднего жителя тропической Африки и в сорок раз богаче жителей беднейших стран Африки, таких как Мали, Эфиопия или Сьерра-Леоне. И это касается не только жителей США. Благосостояние жителей небольшой – но растущей – группы богатых стран, сначала Европы

и Северной Америки, но затем также Австралии, Японии, Сингапура, Южной Кореи и Тайваня, очень сильно отличается от положения жителей остального мира.

Причина того, что Ногалес, штат Сонора, гораздо богаче, чем Ногалес, штат Аризона, проста: совершенно разные институты по обе стороны границы создают совершенно разные стимулы для граждан. Соединенные Штаты гораздо богаче Мексики или Перу благодаря стимулам, которые их институты, и политические, и экономические, создают для граждан, бизнесменов и политиков. Каждое общество живет по экономическим и политическим правилам, которые поддерживаются государством и – коллективно – всеми гражданами. Экономические институты определяют экономические стимулы: для получения образования, для инвестиций, для придумывания и внедрения инноваций и так далее. Выработка экономических институтов и правил происходит в ходе политического процесса, особенности которого, в свою очередь, зависят от институтов политических. Например, от политических институтов зависит, могут ли граждане контролировать политиков и влиять на принимаемые ими решения. Иначе говоря, будут ли политики (пусть и с оговорками) действовать в интересах и по поручению граждан, или они смогут использовать

власть, вверенную им обществом (а то и узурпированную ими), для собственного обогащения и проведения политики, которая выгодна только им, но совершенно невыгодна избирателям. Эти политические институты включают как составную часть конституцию и политический строй (например, демократический), но не ограничиваются ими. Они также включают способность государства регулировать общественные процессы. Не менее важно рассмотреть в более широком контексте, как именно власть распределена в обществе: каковы возможности различных групп граждан ставить общие цели и добиваться их, а с другой стороны – ограничивать другие группы граждан в достижении их целей.

Институты влияют на поведение и стимулы людей, от них зависит успех или крах страны. Личный талант важен на любой ступеньке общества, но даже он требует институциональных условий, чтобы он мог быть реализован. Билл Гейтс, так же как другие легендарные фигуры из мира информационных технологий (например Пол Аллен, Стив Баллмер, Стив Джобс, Ларри Пейдж, Сергей Брин или Джефф Безос), обладал огромным талантом и амбициями. Но и он реагировал на стимулы. Система школьного образования позволила Гейтсу и ему подобным получить уникальные навыки, которые помогли им реализовать свой

талант. Экономические институты позволили всем им легко основать свои компании, не сталкиваясь при этом с непреодолимыми барьерами. Эти же институты обеспечили первоначальное финансирование их проектов. Американский рынок труда позволил им найти и нанять квалифицированных специалистов, а относительно конкурентная рыночная среда позволила построить бизнес и донести товар до покупателя. Эти предприниматели с самого начала были уверены, что их мечты могут реализоваться: они могли рассчитывать на институты и гарантированное ими верховенство права; они могли не опасаться за свои авторские права. Наконец, политические институты обеспечили стабильность и преемственность. То есть, во-первых, гарантировали, что к власти не придет диктатор и не изменит правила игры, не экспроприирует их состояние, не посадит их в тюрьму, не сможет угрожать их жизни и собственности. Во-вторых, институты гарантировали, что никакие партикулярные интересы не смогут направить государственную политику в сторону экономической катастрофы. Иными словами, поскольку государственная власть является одновременно ограниченной и достаточно широко распределенной между различными общественными группами, могут появиться и развиваться экономические институты, способствующие процветанию.

Эта книга продемонстрирует, что, хотя от экономических институтов зависит, будет страна бедной или богатой, именно политика и политические институты определяют выбор этих экономических институтов. В конечном счете хорошие экономические институты в США стали следствием работы политических институтов, которые складывались постепенно, начиная с 1619 года. Наша теория неравенства покажет, как политические и экономические институты взаимодействуют и порождают богатство и бедность и как различные части мира обретают те или иные институты. Наш беглый обзор истории обеих Америк дает некоторое первоначальное представление о том, какие именно силы формируют политические и экономические институты. Различные сочетания институтов, существующие сегодня в разных странах, глубоко укоренены в истории, поскольку после того как общество было организовано определенным образом, эти институты меняются редко и медленно. Мы покажем, что это обстоятельство связано с тем, как именно взаимодействуют экономические и политические институты.

Эта институциональная устойчивость и силы, стоящие за ней, помогают объяснить и то, почему с неравенством так трудно бороться и почему так трудно сделать бедные страны богатыми. Хотя именно ин-

ституты отвечают за разницу между двумя Ногалесами и между Мексикой и Соединенными Штатами, это совершенно не означает, что в Мексике сложился консенсус о том, что институты нужно изменить. С точки зрения тех, кто контролирует политическую власть, нет никакой необходимости вводить более полезные для экономического роста или благосостояния граждан институты, если действующие институты гораздо лучше служат интересам самой власти. Сильные мира сего и остальные граждане часто расходятся во мнениях о том, какие институты нужно сохранить, а какие следует поменять. Карлос Слим вовсе не будет рад, если все его политические связи вдруг растворятся в воздухе, а барьеры для входа на рынок, защищающие его бизнес, исчезнут, – и неважно, что появление на рынке новых игроков сделало бы богаче миллионы мексиканцев.

Поскольку такого консенсуса не существует, именно политические элиты (то есть те, у кого в руках власть) определяют, по каким правилам будет жить общество (и как элиты смогут этой властью распоряжаться). У Карлоса Слива есть власть, чтобы добиваться того, что он хочет. Могущество Билла Гейтса ограничено в гораздо большей степени. Вот почему наша теория – это теория не только экономическая, но и политическая. Эта теория рассказывает о том,

как институты влияют на успех или крах государств, – и потому мы изучаем экономику нищеты и процветания. Она рассказывает и о том, как институты появляются, как они меняются со временем и почему иногда не меняются, даже если приносят нужду и невзгоды миллионам, – и поэтому мы исследуем также и политику нищеты и процветания.

Глава 2

Теории, которые не работают

Положение вещей

Наша книга сосредоточена на объяснении мирового неравенства и некоторых его особенностей, заметных даже невооруженным глазом. Первой страной, в которой имел место продолжительный и устойчивый экономический рост, была Великобритания, то есть изначально, собственно, Англия и Уэльс, а после 1707 года – также и Шотландия. Рост начался и шел постепенно со второй половины XVIII века, когда промышленная революция, опиравшаяся на внедрение в производство важных технологических открытий, начала захватывать одну за другой отрасли английской экономики. Вслед за Англией индустриализация началась в большинстве стран Западной Европы и в Соединенных Штатах. Британское процветание вскоре распространилось и на колонии английских поселенцев в Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Сегодня список тридцати самых богатых государств мира включает именно эти страны плюс Япония, Сингапур

и Южная Корея. Процветание трех последних, в свою очередь, является результатом более широкого процесса развития стран Восточной Азии, многие из которых (помимо трех упомянутых, это еще, например, Тайвань и в более позднее время – Китайская Народная Республика) сумели в наши дни добиться высокого экономического роста.

Список самых бедных стран мира столь же выразителен и характерен, что и список самых богатых. Если составить список из тридцати самых бедных на сегодняшний день стран, то окажется, что большинство из них расположены в Африке южнее Сахары. Несколько стран из этого списка – Афганистан, Гаити, Непал – хотя и не находятся в Африке, имеют важные общие черты с африканскими странами, о чем мы поговорим ниже. Если вы немного углубитесь в историю, то увидите, что список самых богатых и самых бедных стран пятьдесят лет назад несильно отличался от сегодняшнего. Сингапур и Южная Корея не были среди самых богатых, немного иной была и группа самых бедных стран, но общая картина будет удивительно похожа на ту, что мы наблюдаем сегодня. Ситуация сто или сто пятьдесят лет назад была такой же: примерно те же самые страны были как наверху, так и внизу списка.

Карта 3 показывает положение дел в мире по со-

стоянию на 2008 год. Страны, закрашенные черным, – самые бедные в мире, то есть те, где средний душевой доход (экономисты называют такой доход валовым внутренним продуктом, ВВП) составляет менее 2000 долларов в год. Большая часть Африки закрашена именно этим цветом, так же как и Афганистан, Гаити и некоторые части Юго-Восточной Азии (например, Камбоджа и Лаос). Северная Корея также принадлежит к этой группе стран. Страны, отмеченные белым, – самые богатые, с душевым доходом выше 20 000 долларов в год. Здесь тоже без особых неожиданностей: Северная Америка, Западная Европа, Австралия, Япония.

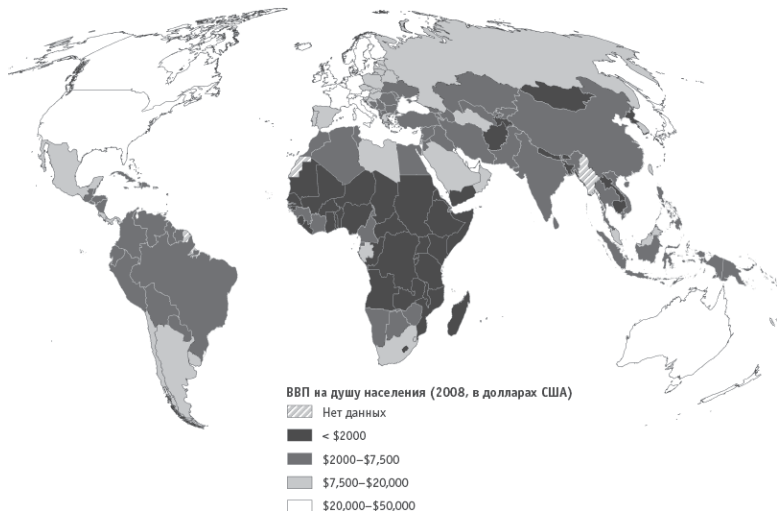
Можно проследить интересный тренд в обеих Америках. Составим список, начиная с самых богатых и заканчивая самыми бедными странами западного полушария. Окажется, что на самом верху находятся США и Канада, за ними следуют Чили, Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай, возможно, Венесуэла (позиция последней зависит от цен на нефть). Затем идут Колумбия, Доминиканская Республика, Эквадор и Перу. Гораздо более бедные Боливия, Гватемала и Парагвай замыкают список. Возьмите ситуацию пятидесятилетней давности, и вы увидите точно такую же последовательность. Сто лет назад: то же самое. Сто пятьдесят лет назад: опять то же самое. То есть де-

ло не только в том, что США и Канада богаче стран Латинской Америки, – существует заметное и устойчивое различие между бедными и богатыми странами внутри самой Латинской Америки.

Еще один интересный тренд вырисовывается на Ближнем Востоке. Там вы найдете богатые нефтью страны, такие как Саудовская Аравия и Кувейт, душевой доход в которых близок к показателям тридцати самых богатых государств. Но если цены на нефть упадут, эти страны быстро скатятся в нижнюю часть списка. Ближневосточные страны, у которых нет или почти нет запасов нефти, такие как Египет, Иордания и Сирия, все имеют уровень дохода, примерно соответствующий Гватемале и Перу. Без нефти страны Ближнего Востока тоже бедны – хотя, так же как и страны Центральной Америки и Андского региона, они не так бедны, как страны Африки южнее Сахары.

Хотя в целом положение стран в списке богатых и бедных довольно устойчиво, нельзя сказать, что не меняется вообще ничего. Во-первых, как мы уже сказали, мировое экономическое неравенство по большей части возникло в конце XVIII века, в результате промышленной революции. Еще в середине этого столетия не только уровень неравенства был значительно ниже, но и распределение богатых и бедных стран по уровню душевого дохода, столь стабиль-

ное в последние два столетия, тоже было иным. Например, вышеописанная ситуация в обеих Америках, которая остается неизменной в последние сто пятьдесят лет, была совсем другой, скажем, пятьсот лет назад. Во-вторых, в последнее время многие страны добились того, что в течение нескольких десятилетий у них был высокий экономический рост. Так случилось во многих странах Восточной Азии после Второй мировой войны, а в последнее время – в Китае. Однако впоследствии многие из таких стран откатились вспять. Например, Аргентина быстро росла в течение пяти десятилетий, вплоть до 1920-х годов и стала одной из богатейших стран в мире. Затем, однако, начался длинный путь вниз. Еще большего внимания заслуживает пример Советского Союза. Он быстро рос приблизительно в 1930–1970-х, но затем наступил быстрый коллапс.

Карта 3. Распределение благосостояния в мире (данные на 2008 г.)

Чем объяснить эти огромные различия в уровне богатства, в скорости и устойчивости экономического роста? Почему западноевропейские страны и их колонии, заселенные европейскими поселенцами, стали быстро расти в начале XIX века, оставив всех остальных далеко позади? Чем объясняется устойчивость позиции той или иной страны в списке богатых и бедных стран обеих Америк? Почему большинство стран Ближнего Востока и тропической Африки не смогли обеспечить экономическое развитие на

уровне европейских стран, тогда как большая часть Восточной Азии добилась поистине головокружительного экономического роста?

Принимая во внимание масштабы экономического неравенства, важность этого явления для жизни едва ли не каждого человека и четкие закономерности, которые можно ясно проследить в исторической перспективе, можно было бы ожидать, что для этого неравенства давно найдено общепринятое объяснение. Однако это не так. Большая часть теорий, предложенных учеными специалистами в различных общественных науках и пытающихся найти истоки богатства и бедности, попросту не работают и не могут объяснить сложившееся положение вещей.

Географическая теория

Одна из широко распространенных и популярных теорий, объясняющих мировое неравенство, – это теория о влиянии географических условий. Она утверждает, что огромный разрыв между богатыми и бедными странами объясняется различиями в их географическом положении. Многие бедные страны, в частности в Африке, Центральной Америке и Южной Азии, расположены между тропиком Рака и тропиком Козерога. Богатые страны, напротив, обычно расположены в умеренных широтах. Такая пространственная концентрация богатства и бедности придает внешнюю убедительность географической теории (и делает ее отправной точкой для многих ученых-общественников и комментаторов), но это совершенно не отменяет ее ошибочности.

Уже в конце XVIII века великий французский философ Шарль де Монтескье обратил внимание на географическое распределение бедности и богатства в мире и предложил свое объяснение. Он утверждал, что жители тропических стран, как правило, ленивы и нелюбознательны. В результате им не хватает усердия в работе и способности к рациональному повышению производительности своего труда, что законо-

мерно приводит их к бедности. Далее Монтескье говорит, что людьми, не склонными к усердному труду, чаще всего правят деспоты, то есть он предполагал, что географическое положение может объяснить и некоторые политические феномены, тесно связанные с экономическими неурядицами, в частности диктатуру.

Теория о том, что жаркий климат неизбежно ведет к бедности, хотя и опровергнута недавними экономическими успехами Сингапура, Малайзии и Ботсваны, все еще находит активных сторонников, таких как экономист Джеффри Сакс. Современная версия этой теории фокусируется не на непосредственном влиянии климата на усердие и мыслительные способности, а на двух дополнительных аргументах: во-первых, тропические болезни, особенно малярия, оказывают сильное негативное воздействие на здоровье, а следовательно, и на производительность труда; во-вторых, почвы в тропиках не подходят для эффективного сельского хозяйства. Вывод тем не менее остается прежним: умеренный климат имеет определенные преимущества перед тропическим и субтропическим.

Однако мировое неравенство не может быть объяснено через воздействие климата, болезней или других факторов, упоминающихся в разных версиях географической теории. Просто вспомните город Нога-

лес. Одна его часть отделена от другой не разными климатическими поясами, географической удаленностью или эпидемиологической обстановкой, а просто границей между США и Мексикой.

Если географическая теория не может объяснить разницу между севером и югом Ногалеса, Северной и Южной Кореей или между Восточной и Западной Германией до падения Берлинской стены, быть может, она способна объяснить нам разницу между Северной и Южной Америкой? Между Европой и Африкой? Нет, и здесь она бесполезна.

История показывает, что не существует простой и долгосрочной связи между климатом и географией с одной стороны и экономическим процветанием – с другой. В частности, не всегда в тропиках жили беднее, чем в умеренных широтах. Как мы убедились в предыдущей главе, на момент открытия Америки Колумбом к югу от тропика Рака и к северу от тропика Козерога (то есть на территории современных Мексики, Центральной Америки, Перу и Боливии) существовали великие цивилизации ацтеков и инков. Это были политически централизованные и довольно сложно устроенные империи, правительства которых умели строить дороги и организовывать помощь своим подданным во время голода. У ацтеков были письменность и деньги; инки, хотя у них и не было

этих двух важнейших элементов развитой цивилизации, умели записывать большие объемы информации с помощью сложных веревочных сплетений и узлов, называемых *кипу*. Напротив, те цивилизации, которые во времена ацтеков и инков существовали к северу и к югу от них (то есть на территории современных США, Канады, Аргентины и Чили), жили по большей части в каменном веке и подобными продвинутыми технологиями не обладали. Американские тропики, таким образом, были гораздо богаче американских умеренных широт. Поэтому «банальный» факт, что жаркие страны всегда бедны, – это не то что банальный, это и не факт вовсе. Наоборот, процветание США и Канады представляет собой «полный поворот кругом» по сравнению с доколониальным периодом.

Этот поворот, разумеется, никак не был связан с географией, зато был напрямую связан с особенностями процесса колонизации. Поворот не ограничивался только Новым Светом. Жители Южной Азии, особенно Индийского субконтинента и Китая, были гораздо богаче, чем жители других частей Азии, и уж точно богаче, чем коренные жители Австралии и Новой Зеландии. В этом регионе богатство и бедность тоже во многих случаях поменялись местами: Новая Зеландия и Австралия обошли по уровню доходов большинство азиатских стран, а из последних самы-

ми богатыми стали Южная Корея, Сингапур и Япония. Поворот имел место даже в субсахарской Африке. До начала активных контактов с европейцами юг Африканского континента был наименее заселен, и ему было еще очень далеко до появления системы управления, хоть сколько-нибудь похожей на государственную и способной хотя бы контролировать собственную территорию. Однако сегодня Южно-Африканская Республика – одна из самых богатых стран Африки к югу от Сахары. Углубившись в историю еще больше, мы снова встретим процветающие тропические цивилизации, такие как Ангкор (на территории современной Камбоджи), Виджаянагара в Южной Индии, Аксум в Эфиопии или, наконец, великую культуру долины Инда с центрами в Мохенджо-Даро и Хараппе (современный Пакистан). История, таким образом, оставляет мало сомнений в том, что между расположением в тропиках и экономическими успехами нет очевидной связи.

Тропические болезни, разумеется, причиняют огромные страдания людям и являются причиной высокой младенческой смертности в Африке, но они не являются причиной африканской бедности. Наоборот, болезни являются *следствием* бедности и того, что правительства этих стран не могут или не находят нужным предпринять меры по охране общественного

здоровья, которые позволили бы эти болезни ликвидировать. В Англии XIX века также имелись серьезные проблемы со здравоохранением, но правительство постепенно инвестировало в постройку водопроводов, систем канализации и очистки сточных вод, а в конечном счете – в создание эффективной системы здравоохранения. Более здоровое население и увеличившаяся продолжительность жизни суть не причины экономических успехов Великобритании, а следствие уже произошедших в стране экономических и политических изменений. То же самое можно сказать и о городе Nogales, штат Аризона, США.

Другой постулат географической теории сводится к тому, что сельское хозяйство в тропиках принципиально не может быть эффективным. Плодородный слой почвы в тропиках слишком тонок и неспособен удержать в себе достаточное количество питательных веществ, утверждают сторонники географической теории и добавляют, что этот плодородный слой почвы к тому же быстро смывается тропическими ливнями. В этом утверждении есть доля истины, но мы увидим, что главная причина низкой эффективности сельского хозяйства (то есть низких урожаев с акра земли) во многих бедных странах, особенно в Африке южнее Сахары, – совсем не качество почвы. Напротив, основная причина кроется в струк-

туре землевладения и в тех стимулах, которые создаются для земледельцев правительством и действующими в данной стране институтами. Мы также покажем, что мировое неравенство невозможно объяснить разницей в эффективности сельского хозяйства. Огромное неравенство, возникшее в мире в XIX веке, стало следствием неравномерного распространения промышленных технологий и неравной эффективности промышленного производства. Это неравенство вовсе не было следствием различий в эффективности сельского хозяйства.

Еще одна популярная версия географической теории была разработана специалистом по экологии и эволюционной биологии Джаредом Даймондом. Он утверждает, что причины неравенства в развитии континентов к началу Нового времени (то есть около 500 лет назад) лежат в различной доступности на разных континентах пригодных для одомашнивания растений и животных, что впоследствии привело к разнице в эффективности сельского хозяйства. В некоторых местах, как, например, в Плодородном полумесяце (на территории современного Ближнего Востока), было множество подходящих для культивации и одомашнивания видов растений и животных. В других местах, например в Америке, их было гораздо меньше. Наличие большого числа пригодных для доместикации ви-

дов сделало возможным и даже привлекательным переход от охоты и собирательства к оседлому земледелию. В результате земледелие возникло в Плодородном полумесяце раньше, чем в Америке, вследствие этого выросла плотность населения, что сделало возможным разделение труда, развитие торговли, урбанизацию и развитие политических институтов. Особенно важно то, что в местах, где оседлое земледелие распространялось более широко, гораздо быстрее происходили технологические инновации. Таким образом, согласно Даймонду, различные возможности для одомашнивания растений и животных на разных континентах повлекли различную интенсивность сельского хозяйства на этих континентах, а следствием этого, в свою очередь, стали различные скорости и направления технологических изменений и разные уровни богатства.

Хотя Даймонд дает убедительные ответы на поставленные им самим вопросы, его теорию нельзя экстраполировать на современность и объяснить ею современное неравенство. Например, Даймонд утверждает, что испанцы смогли завоевать цивилизации Нового Света благодаря тому, что у них была более долгая история земледелия и последующего развития более совершенных технологий. Но ведь наша цель состоит в том, чтобы объяснить, почему бедны

современные мексиканцы и перуанцы, которые живут на бывших территориях ацтеков и инков. Да, у испанцев были пшеница, ячмень и лошади, и это делало испанцев богаче инков, но разница в доходах между первыми и вторыми была не такой большой. Средний доход жителя Испании был, может быть, раза в два больше, чем доход жителя Империи инков. Логика Даймонда предполагает, что после того, как инки получили доступ ко всем тем технологиям и видам животных и растений, которых у них раньше не было, они должны были бы быстро догнать испанцев и достичь их жизненных стандартов. Напротив, в XIX и XX веках разрыв в уровне благосостояния только увеличился: сейчас средний испанец в шесть раз богаче среднего перуанца. Этот разрыв тесно связан с неравномерным распространением современных технологий промышленного производства и имеет мало отношения как к наличию пригодных для доместикации животных и растений, так и к якобы объективно обусловленной и постоянной разнице в эффективности сельского хозяйства в Испании и в Перу.

Если Испания, хотя и с опозданием, переняла новые технологии – паровую машину, железные дороги, электричество, механизацию и фабричное производство, то перуанцы этого не сделали вообще или, в лучшем случае, сделали очень медленно и поло-

винчато. Этот технологический разрыв сохраняется и, более того, воспроизводит себя во все большем масштабе, особенно в условиях, когда новые технологии, в частности информационные, выступают двигателями экономического роста во многих развитых и быстро развивающихся странах. Теория Даймонда не объясняет, почему эти ключевые технологии не распространяются по всему миру и не выравнивают доходы в мире, так же как она не помогает нам понять, почему северная часть Ногалеса настолько богаче своего южного близнеца, хотя пятьсот лет назад оба этих города были частью одной и той же цивилизации.

История Ногалеса высвечивает и еще одну проблему теории Даймонда: как мы уже видели, какими бы недостатками в 1532 году ни обладали империи инков и ацтеков (сегодня это территории Перу и Мексики соответственно), эти страны были уж точно богаче, чем те части Америки, которые позже превратились в США и Канаду. Северная Америка стала такой процветающей именно потому, что активно перенимала технологии и другие достижения промышленной революции. Население Северной Америки становилось все более образованным, железные дороги пересекали Великие равнины. Совсем другим было положение в Южной Америке. Этот разительный контраст не может быть объяснен лишь разницей в географических

условиях Северной и Южной Америки: если уж на то пошло, у Южной Америки они более выгодные.

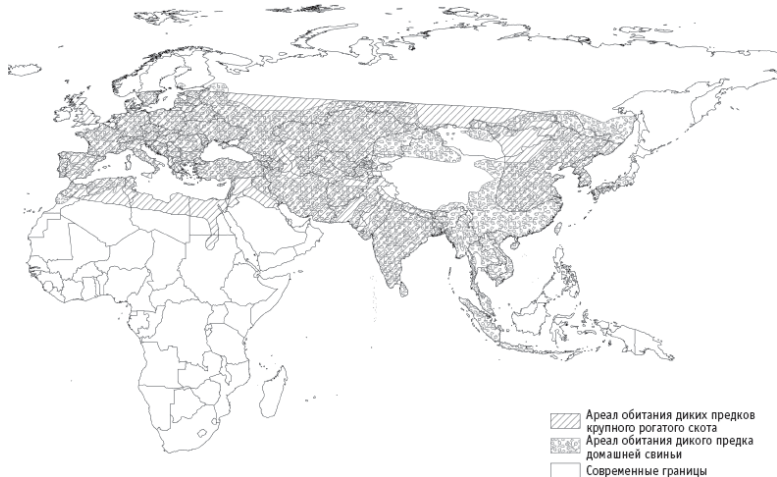
Неравенство в современном мире в основном является следствием неравномерного распространения и применения технологий, и теория Даймонда также не оставляет без внимания это обстоятельство. В частности, Даймонд вслед за историком Уильямом Макнилом утверждает, что ориентация Евразии с востока на запад способствовала распространению сельскохозяйственных культур, домашних животных, а также технологий из Плодородного полумесяца в Западную Европу. А меридиональная – с севера на юг – протяженность Америки стала причиной того, что письменность, независимо изобретенная на территории современной Мексики, не смогла проникнуть ни в Анды, ни в Северную Америку. Однако пространственная ориентация континентов не может дать объяснение современному неравенству. Возьмите Африку. Хотя Сахара представляет собой серьезное препятствие для распространения товаров и идей с севера на юг, это препятствие не является непреодолимым. Португальцы, а затем и другие европейцы, обогнув континент морем, проложили путь в субсахарскую Африку и быстро ознакомили африканцев с европейскими технологиями, причем это случилось во времена, когда разница в доходах населения Афри-

ки и Европы была совсем не такой большой, как сегодня. С тех пор, однако, Африка не только не достигла уровня развития Европы, но наоборот: разрыв в доходах между ними только вырос.

Вполне логично и то, что теория Даймонда, нацеленная на объяснение неравенства между континентами, не очень подходит для объяснения неравенства в пределах одного и того же континента, а ведь именно этот аспект наиболее бросается в глаза в современном глобальном неравенстве. Допустим, пространственная ориентация Евразийского континента может объяснить тот факт, что англичанам было легко воспользоваться изобретениями, сделанными на Ближнем Востоке, и они были избавлены от необходимости делать эти открытия заново. Но теория Даймонда никак не объясняет, почему промышленная революция произошла именно в Англии, а не, скажем, в Молдавии. Кроме того, как отмечает сам Даймонд, Китай и Индия также выиграли от пространственной ориентации Евразии, и там тоже было много пригодных для одомашнивания животных и растений. Однако большинство бедняков мира сейчас живут именно в этих двух странах.

На самом деле лучший способ увидеть внутреннее ограничение теории Даймонда – это взглянуть на его собственные влияющие переменные. Карта

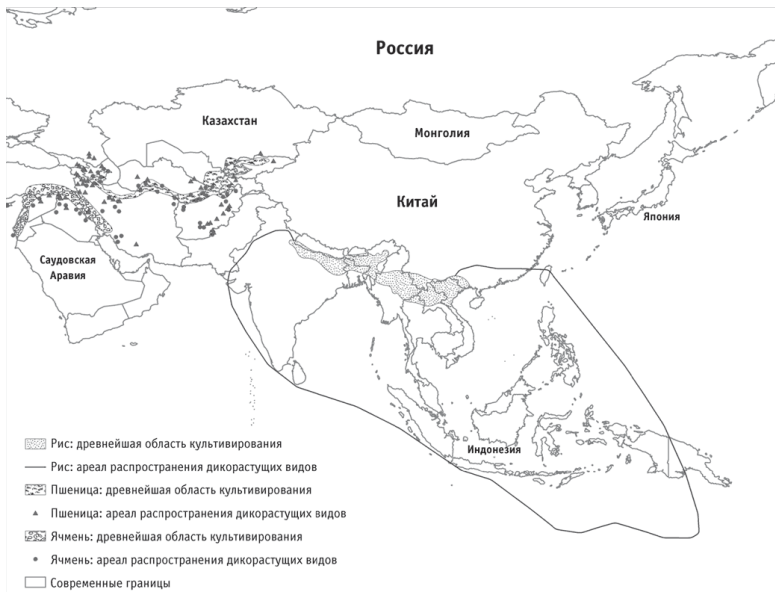
4 демонстрирует распространённость дикого кабана (*Sus scrofa*), предка современной домашней свиньи, и тура, предка современного крупного рогатого скота. Оба вида животных были широко распространены по всей Евразии и даже в Северной Африке. Карта 5 демонстрирует распространённость некоторых предков современных злаков, например дикого риса (*Oryza sativa*), одомашненного в Азии и ставшего основной сельскохозяйственной культурой в регионе, а также предков современных пшеницы и ячменя. Как видно на карте, дикий предок риса был широко распространён по всей Южной и Юго-Восточной Азии, а предки пшеницы и ячменя были распространены вдоль протяженной дуги от Леванта через Иран и Афганистан до территории сегодняшних Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана. Эти дикие виды, прародители основных современных культурных злаков, росли на большей части территории Евразии. Но именно их широкая распространённость подсказывает, что неравенство внутри Евразии нельзя объяснить с помощью теории, которая вся построена на различной доступности пригодных для одомашнивания животных и растений.

Карта 4. Исторические ареалы обитания диких предков крупного рогатого скота и домашней свиньи

Географическая теория не только бесполезна с точки зрения объяснения истоков процветания народов; она исходит из неверных постулатов и в принципе неспособна объяснить современное положение вещей, с описания которого мы начали эту главу. Ее сторонники утверждают, например, что любое устойчивое соотношение в структуре мирового неравенства – например распределение стран обеих Америк по душевому доходу или резкий и постоянный разрыв в уровне благосостояния между Европой и Ближним

Востоком, – можно объяснить более или менее удачным географическим (то есть постоянно неизменным) положением той или иной страны. Но это не так. Мы уже убедились в том, что ситуация в Америке вряд ли определяется географическими факторами. До 1492 года цивилизации в долинах Центральной Мексики, в Центральной Америке и в Андах были передовыми с точки зрения технологического развития и благосостояния, тогда как Северная Америка и территории будущих Аргентины и Чили заметно отставали. Со временем география не изменилась, зато институты, установленные европейцами, повернули вспять судьбу этих регионов.

Карта 5. Исторические ареалы распространения дикорастущих риса, пшеницы и ячменя

По тем же причинам география вряд ли поможет объяснить бедность в странах Ближнего Востока. В конце концов, этот регион был очагом неолитической революции, и первые в истории города появились на территории современного Ирака. Металл был впервые выплавлен на территории современной Турции, и еще в конце Средних веков Ближний Восток мог похвастаться относительно динамичным технологиче-

ским развитием. Как мы увидим в главе 5, не географические условия определили тот факт, что неолитическая революция развернулась именно на Ближнем Востоке, и не географические условия – причина его последующего сравнительного отставания. Расширение и консолидация Османской империи и ее институциональное наследие – вот что препятствует процветанию Ближнего Востока сегодня.

Наконец, географическая теория не может объяснить не только мировое неравенство в целом; она бессильна и в вопросе о том, почему многие страны, такие как Япония или Китай, долгое время пребывают в стагнации, но потом в них начинается быстрый экономический рост. Нам нужна другая, более надежная теория.

Влияние культуры

Другая популярная теория связывает процветание народов с культурными факторами. Эта теория, так же как географическая, имеет благородную родословную и может проследить свое происхождение как минимум до великого немецкого социолога Макса Вебера, который утверждал что Реформация и протестантская этика, которая лежала в ее основе, были ключевыми факторами быстрого развития индустриального общества в Западной Европе. Сегодня теории о культурном влиянии уже не опираются исключительно на религию и указывают также на важность других ценностей и этических установок.

Хотя политкорректность запрещает произносить подобное вслух, но многие из нас до сих пор убеждены, что африканцы бедны, потому что не знают трудовой этики, или потому что они верят в колдовство, или, наконец, потому, что они противятся принятию новых западных технологий. Столь же многие верят, что Латинская Америка никогда не будет богатой, потому что ее жители по природе своей транжиры и голодранцы, заложники особой иберийской культуры – «культуры маньяна».¹³ А когда-то многие из нас вери-

¹³ *Mañana* (исп.) – «завтра».

ли, что традиции китайской культуры, в частности конфуцианские ценности, неблагоприятны для экономического роста. Сейчас, однако, о роли китайской трудовой этики в быстром экономическом росте в Китае, Гонконге и Сингапуре не говорит только ленивый.

Полезна ли теория о влиянии культуры для понимания природы мирового неравенства? И да и нет. Полезна в том смысле, что связанные с культурой социальные нормы имеют большое значение, с трудом меняются и часто поддерживают институциональные различия, которые, как мы утверждаем в этой книге, могут объяснить мировое неравенство. Но по большей части эта теория бесполезна, поскольку те аспекты культуры, которые особенно часто привлекают к себе внимание, – религия, этические принципы, «африканские» или «латиноамериканские» ценности, – как раз не особенно важны для понимания того, как возникло нынешнее неравенство и почему оно столь устойчиво. Другие аспекты культуры – такие как уровень доверия в обществе и склонность членов этого общества к кооперации друг с другом – важнее, но они в основном суть следствие работы определенных институтов, а не самостоятельная причина неравенства.

Обратимся снова к примеру Ногалеса. Как мы уже отмечали, многие черты культуры практически иден-

тичны по обе стороны от стены, однако наблюдаются и заметные различия в ценностях, социальных нормах и повседневных практиках. Однако эти отличия являются следствием того, что эти два города развиваются по расходящимся траекториям, а не причиной этого расхождения. Например, мексиканцы, согласно данным опросов, реже, чем американцы, доверяют окружающим. Но в этом нет ничего удивительного, если учесть, что правительство Мексики не может справиться с наркокартелями и поддержать функционирование беспристрастной судебной системы. То же самое можно сказать и о Южной и Северной Корее, что мы обсудим в следующей главе. Южная Корея – одна из самых богатых стран в мире, тогда как население Северной живет в ужасающей бедности и вынуждено периодически бороться с голодом. Хотя то, что мы называем культурой, выглядит на Севере и на Юге совершенно по-разному, эти различия не сыграли никакой роли в том, как по-разному сложилась судьба двух частей одной страны. Север и юг Корейского полуострова в течение долгого времени имели общую историю. До Корейской войны и раздела страны по 38-й параллели для полуострова был характерен чрезвычайно высокий уровень культурной, языковой и этнической гомогенности. Так же как в случае с Ногалесом, причина различий – сама граница. На Севере

отличный от Юга политический режим, иные институты, создающие иные стимулы. Таким образом, и в Ногалесе, и в Корее любые культурные различия между севером и югом являются следствием различного уровня жизни, а не его причиной.

А как же Африка и африканская культура? Исторически Африка южнее Сахары была беднее других частей света, и ее древние цивилизации не смогли изобрести колесо, письменность (за исключением Эфиопии и Сомали) и плуг. Но пусть эти технологии не использовались в Африке повсеместно до наступления эпохи окончательной колонизации европейскими державами (конец XIX – начало XX века), узнали-то о них африканцы намного раньше. Европейские мореплаватели стали осваивать Западное побережье Африки в конце XV столетия. Корабли из Азии добрались до Восточного побережья континента задолго до того.

Чтобы понять, почему эти технологии не были взяты на вооружение африканцами, давайте углубимся в историю Королевства Конго, которое было расположено в устье одноименной реки, давшей название двум современным государствам – Республике Конго и Демократической Республике Конго. На карте 6 показано, где располагалось Королевство Конго и другое важное государство Центральной Африки – Королевство Бакуба, о котором мы поговорим в дальней-

ШИХ главах.

Карта 6. Королевства Конго и Куба, расселение народностей леле и бушонг

Королевство Конго вступило в контакт с португальцами после того, как в 1483 году сюда прибыл первый европеец, мореплаватель Диогу Кан. К этому времени Королевство Конго было сильно централизованным (по африканским стандартам) государственным образованием, столица которого – Мбанза – имела насе-

ление 60 тысяч человек, что примерно соответствовало населению португальской столицы Лиссабона и превышало население Лондона (ок. 50 000 в 1500 году). Король Конго Нзинга Нкуву принял католичество и стал называться Жуан I, город Мбанза был переименован в Сан-Сальвадор.

Благодаря португальцам конголезцы узнали колесо и плуг. Португальцы даже пытались поддержать распространение этих орудий, направив в страну специальные сельскохозяйственные миссии в 1491 и 1512 годах. Однако все эти усилия были напрасны.

В принципе, конголезцы были совсем не против западных изобретений. Они очень быстро переняли у Запада одну его весьма почтенную технологию – огнестрельное оружие – и начали использовать этот новый мощный инструмент под воздействием рыночного стимула: возникшего спроса на захват и экспорт рабов. Нет никаких признаков того, что какие-либо африканские культурные ценности препятствовали освоению новых технологий и практик. Когда контакты с европейцами стали более глубокими и интенсивными, конголезцы переняли и другие западные технологии – письменность, европейскую одежду и устройство домов. В XIX веке многие африканские страны воспользовались расширяющимися экономическими возможностями, появившимися в результа-

те промышленной революции, и изменили структуру своего производства. В Западной Африке начался быстрый экономический рост, основанный на экспорте пальмового масла и арахиса; по всему югу Африки развивался экспорт в быстро развивающийся регион Ранд на территории современной ЮАР. Однако эти многообещающие экономические эксперименты прекратились, и вовсе не из-за каких-то особенностей африканской культуры или неспособности рядовых африканцев действовать в своих собственных интересах, а сначала из-за колонизации, а потом вследствие политики, которую проводили правительства африканских стран после получения ими независимости.

Подлинная причина того, что конголезцы не переняли передовые технологии, заключалась в том, что у них не было к этому стимулов. Они постоянно сталкивались с риском того, что все, что им удастся произвести, будет экспроприровано (или изъято в виде налога) всемогущим королем, и неважно, принял он католичество или нет. На самом деле совершенно незащищенной была не только их собственность – под угрозой была сама их жизнь. Многих конголезцев захватывали и продавали в рабство – едва ли это можно считать хорошим стимулом для инвестиций в долгосрочный рост производительности. Точно так же

и король не рассматривал в качестве своих приоритетов поощрение применения плуга или повышение эффективности сельского хозяйства; экспорт рабов был гораздо более прибыльным делом.

Утверждение, что сегодня африканцы доверяют друг другу меньше, чем люди в других частях света, может быть, и верно. Но это лишь результат продолжительного воздействия институтов, которые подвергали угрозе гражданские права и право собственности. Возможность быть схваченным и проданным в рабство, несомненно, повлияла на доверие жителей Африки к окружающим.

А как насчет протестантской этики Макса Вебера? Возможно, Нидерланды и Англия – преимущественно протестантские страны – и были первыми примерами экономического чуда в Новое время, но особой связи между их успехами и их религией не было. Франция, страна преимущественно католическая, повторила успех голландцев и англичан уже в XIX веке, а сегодня и Италия присоединилась к этой группе процветающих стран. Если посмотреть дальше на восток, легко увидеть, что экономические успехи стран Восточной Азии никак не связаны ни с одной из форм христианства. Таким образом, мы не находим существенных оснований относить экономические успехи к заслугам протестантской этики.

Давайте обратимся к любимому региону всех сторонников культурной теории – Ближнему Востоку. Большинство ближневосточных стран исламские и, как мы уже отмечали, бедные, если только в них не добывается нефть. Впрочем, даже богатство, которое приносит нефть, не помогло создать современную диверсифицированную экономику в Саудовской Аравии или Кувейте. Разве это не демонстрирует ключевую роль религии?

Хотя и правдоподобная, эта теория неверна, как и все предыдущие. Да, такие страны, как Сирия и Египет, бедны, да, большинство их жителей – мусульмане. Но эти страны имеют системные отличия и во многих других отношениях, которые гораздо важнее с точки зрения экономического развития. Например, все они были провинциями Османской империи, которая сильно и негативно повлияла на путь их исторического развития. После того как Османская империя рухнула, они стали частью Французской или Британской колониальных империй, что также задержало их развитие. После обретения независимости эти страны, как и большинство других колоний, создали иерархически организованные автократии, в которых отсутствовали политические и экономические институты, являющиеся, как мы попытаемся показать, ключевыми для экономического успеха. Путь развития

этих стран был сформирован характером османского, а потом европейского владычества на их территории. Взаимосвязь между исламом и бедностью на Ближнем Востоке – во многом иллюзорная.

Роль исторических обстоятельств в формировании Ближнего Востока особенно хорошо видна на примере тех стран, которые хотя бы на время смогли избавиться от контроля со стороны Османской империи и европейских держав. Зачастую в них возникали условия для быстрых экономических изменений, как это произошло, например, в Египте в 1805–1848 годах, в эпоху правления Мухаммеда Али. Этот правитель смог сосредоточить в своих руках власть после ухода французских войск, которые оккупировали Египет при Наполеоне, и, воспользовавшись слабостью центральной власти Османской империи, основал свою собственную династию, которая в той или иной форме оставалась у власти в Египте вплоть до революции Насера (1952). Реформы Мухаммеда Али, хотя и проводившиеся насильственно, принесли в Египет экономический рост, следствие модернизации армии, бюрократии и налоговой системы, а также развития сельского хозяйства и промышленности. Однако этот процесс модернизации прекратился после смерти Али, и Египет снова попал в орбиту европейского влияния.

Но, возможно, все эти соображения – просто неправильный подход к пониманию роли культуры? Может быть, ключевым культурным фактором является вовсе не религия, а те или иные особенности национальной культуры? Может быть, решающим было влияние английской культуры, и именно это объясняет, почему такие страны, как США, Канада и Австралия, являются столь процветающими?

На первый взгляд эта идея кажется привлекательной, но она не работает. Да, Канада и США были колониями Великобритании, но ими были и Сьерра-Леоне, и Нигерия. Различия в уровне богатства между бывшими английскими колониями такие же огромные, как и вообще различия между странами мира. Английское наследие не является причиной успеха Северной Америки.

Наконец, существует еще один вариант теории о влиянии культуры: может быть, дело не в разнице между англичанами и остальными европейцами, а между европейцами и неевропейцами? Может быть, европейцы обладают неким превосходством перед остальными людьми – благодаря их этическим нормам, мировоззрению, иудеохристианским ценностям или наследию античности? В конце концов, это правда, что Западная Европа и Северная Америка, населенные в основном людьми европейского происхож-

дения, являются наиболее процветающими регионами мира. Может быть, превосходство европейского культурного наследия является ключом к их процветанию – и последней надеждой сторонников теории о ключевой роли культурных факторов? Увы, эта версия теории ничуть не лучше объясняет происходящее, чем все остальные. Среди жителей Аргентины и Уругвая даже больший процент людей европейского происхождения, чем в Канаде и США. Однако уровень экономического развития Аргентины и Уругвая оставляет желать лучшего. А в Японии и Сингапуре всегда было ничтожно мало жителей европейского происхождения, однако они так же процветают, как и многие страны Западной Европы.

Китай, несмотря на массу недостатков своей экономической и политической системы, был самой быстрорастущей страной в мире последних тридцати лет. Бедность в Китае во времена Мао Цзэдуна никак не была связана с китайской культурой; она была следствием избранного Мао катастрофического способа организации экономики и политической жизни. В 1950-е годы он начал проводить политику «большого скачка» – бескомпромиссной индустриализации, которая в результате привела к массовому голоду. В 1960-е Мао начал культурную революцию, которая вылилась в массовое преследование интеллектуалов

и образованных людей вообще – любого, чья верность партии могла быть поставлена под сомнение. Это привело к массовому террору, гибели множества талантливых людей и растрате общественных ресурсов. Точно так же сегодняшний экономический рост в Китае никак не связан с «китайскими ценностями» или изменениями в китайской культуре. Он стал результатом экономической трансформации, запущенной реформами Дэн Сяопина и его единомышленников, которые после смерти Мао Цзэдуна постепенно отказались от социалистических институтов и экономической политики, сначала в сельском хозяйстве, а затем и в промышленности.

Точно так же, как географическая, теория о решающем влиянии культуры не помогает нам понять положение вещей в современном мире. Разумеется, существуют различия в убеждениях, культурных установках и ценностях у жителей США и Латинской Америки, однако так же, как существуют различия между американским и мексиканским Ногалесом или между Южной и Северной Кореей, они являются следствием институциональных различий, современных и имевшихся в прошлом. Теории, настаивающие на том, что в основе Испанской колониальной империи лежит некая «иберийская культура» или «культура латино», не могут объяснить, почему Аргентина и Чили богаче Перу

и Боливии. Другие варианты этой же теории – например, те, что подчеркивают различия между культурой местных народов и культурой колонизаторов, – работают так же плохо. Действительно, в Аргентине и Чили меньше жителей неевропейского происхождения, чем в Перу и Боливии. Но это не делает ссылки на культуру местных народов ни на йоту более убедительными: Колумбия, Эквадор и Перу имеют примерно одинаковый уровень подушевого дохода, однако в Колумбии сейчас живет очень мало индейцев и их потомков, тогда как в Эквадоре и Перу их довольно много.

Наконец, культурные установки, которые обычно меняются очень медленно, вряд ли могут объяснить недавнее экономическое чудо в Восточной Азии и Китае. Хотя институты тоже проявляют историческую устойчивость, при определенных условиях, как мы увидим, они могут меняться быстро.

Теория о невежестве

Еще одно популярное объяснение того факта, что одни страны богаче других, – это «теория о невежестве», которая утверждает, что неравенство в мире существует потому, что жители бедных стран или их правители не знают, как сделать свою страну богатой. Эта теория близка большинству экономистов, разделяющих знаменитое определение, которое дал в 1935 году английский экономист Лайонел Роббинс:

«Экономика – это наука, изучающая человеческое поведение как отношение между целями и ограниченными средствами, имеющими к тому же альтернативное применение».

Дав такое определение, остается сделать только маленький логический шаг для того, чтобы заключить: предназначение экономической науки состоит в поиске оптимального использования ограниченных ресурсов для удовлетворения потребностей общества. И действительно, наиболее важный теоретический результат в экономике, так называемая Первая теорема благосостояния, определяет условия, при которых «рыночное» распределение ресурсов является оптимальным для общественного благосостояния (как его понимают экономисты). «Рыночная экономи-

ка» в данном контексте – это идеальная ситуация, когда люди и компании могут свободно производить, покупать и продавать товары и услуги. В тех случаях, когда что-то идет не так, мы говорим о «несостоятельности рынка» или «сбое рыночного механизма» (*market failure*). Такие сбои представляют собой еще одно объяснение для мирового неравенства, потому что чем больше таких сбоев остается без последствий (то есть не делается попыток устранить их причины) в той или иной стране, тем беднее живут такие страны.

Теория невежества настаивает на том, что бедные страны бедны потому, что в них часто случаются сбои рыночных механизмов, а местные экономисты и властные элиты не знают, как это исправить, и в прошлом следовали неверным советам о том, как следует это исправлять. Богатые страны, соответственно, богаты именно благодаря тому, что сумели понять, какую политику нужно проводить, чтобы успешно исправлять провалы рынка.

Может ли теория невежества объяснить мировое неравенство? Правда ли, что Африка беднее остального мира потому, что лидеры африканских стран совершают одни и те же ошибки в управлении экономикой и приводят свои страны к устойчивой бедности, тогда как лидеры стран Западной Европы лучше

информированы и имеют лучших советников, и это объясняет их относительный успех? Действительно, имеются знаменитые примеры того, как лидеры государств проводили катастрофическую политику, потому что заблуждались относительно ее последствий, однако невежество может объяснить в лучшем случае небольшую часть мирового неравенства.

Один из подобных печальных примеров экономического невежества – устойчивый экономический спад в Гане, начавшийся почти сразу после обретения этой страной независимости от Великобритании. Английский экономист Тони Киллик, работавший советником в правительстве первого президента страны Кваме Нкрумы, подробно описал многие проблемы. Политика Нкрумы была сосредоточена на развитии государственного промышленного сектора, что оказалось весьма неэффективным. Киллик вспоминает:

«Обувная фабрика... будет соединена транспортной артерией длиной 500 километров со скотобойней и мясным заводом, находящимися на севере, и (ныне заброшенным) кожевенным заводом на юге. В результате выделанную кожу придется доставлять с кожевенного завода на обувную фабрику в центре страны, в Кумаси, то есть еще 200 километров на север. А поскольку основной рынок сбыта обуви располагается в районе

столицы страны Аккры, обувь придется везти обратно на юг, это еще 200 километров».

Киллик, несколько смягчая, указывает далее, что это было предприятие, «чья жизнеспособность была изначально подорвана неправильным расположением». Обувная фабрика была только одним из таких проектов. Другим был завод по консервированию манго, который был расположен в той части Ганы, в которой не растет манго, и чей объем выпуска должен был превышать весь мировой спрос на консервированное манго. Однако этот бесконечный список экономически иррациональных проектов не был следствием плохой информированности или экономического невежества Нкрумы и его советников. У них были люди вроде самого Киллика, а в числе советников был даже лауреат Нобелевской премии по экономике сэр Артур Льюис, который прекрасно знал, что такая экономическая политика не принесет пользы. Принятая Нкрумой на вооружение экономическая политика была нужна ему для обеспечения стабильности своего отнюдь не демократического режима, а также для банальной покупки политических сторонников.

Ни в случае с получившей независимость Ганой, ни во многих других случаях вину за разочаровывающие результаты экономического развития нельзя просто возложить на чье-то невежество. В конце концов,

если бы дело было в невежестве, то действующие из лучших побуждений лидеры быстро бы поняли, какая именно экономическая политика увеличивает благосостояние и доходы людей, и начали бы склоняться именно к такой политике.

Возьмем, например, расходящиеся траектории развития Мексики и США. Винить в этом невежество лидеров в лучшем случае наивно. Не разница в образовании или намерениях Джона Смита и Эрнана Кортеса заложила вектор этих расходящихся траекторий и не разница в объеме экономических знаний заставила президента Мексики Порфирио Диаса в конце XIX – начале XX века выбрать экономическую политику, которая обогащала элиту за счет всего остального населения, в то время как американские президенты того времени – Тедди Рузвельт и Вудро Вильсон – проводили противоположную политику. Совершенно различные институциональные ограничения, в рамках которых действовали президенты и элиты, – вот что отличало США от Мексики. Точно так же лидеры тех африканских стран, которые прозябают в бедности последние полвека и население которых страдает от незащищенности прав собственности и неэффективности экономических институтов, довели до нищеты большую часть своих граждан не потому, что считали проводимую ими экономическую политику хоро-

шей. Они проводили ее потому, что считали, что им все сойдет с рук и они могут обогащаться за счет других, – или потому, что считали это удачной политической стратегией, которая позволит им удержаться у власти, покупая поддержку элит и других ключевых групп общества.

Опыт Кофи Бусиа, премьер-министра Ганы в 1971 году, иллюстрирует, до какой степени неверной может быть теория невежества. Бусиа пришлось иметь дело с опасным экономическим кризисом. После прихода к власти в 1969-м Бусиа, так же как прежде Нкрума, проводил несбалансированную инфляционную экономическую политику и удерживал цены при помощи управления сбытом и завышения курса национальной валюты. Хотя Бусиа был политическим оппонентом Нкрумы и его правительство было демократическим, он попал в ту же самую политическую западню. Как и Нкрума, он проводил подобную экономическую политику не из-за собственного невежества или веры в то, что это и есть рецепт экономического успеха для страны. Подобная стратегия была избрана потому, что она приносила политические дивиденды, позволяя Бусиа перераспределять ресурсы в пользу влиятельных групп населения, например городских жителей. Контроль над ценами выжимал все соки из сельского хозяйства, позволяя обеспечивать

дешевой едой сторонников правительства в городах и генерируя прибыль, которая шла на погашение других бюджетных расходов. Однако политика контроля над ценами не могла быть успешной в течение долгого времени. Вскоре Гана столкнулась с серией кризисов платежного баланса и недостатком иностранной валюты. В этой ситуации 27 декабря 1971 года Бусиа был вынужден подписать соглашение с Международным валютным фондом, которое предусматривало резкое снижение курса национальной валюты.

МВФ, Всемирный банк и все международное сообщество оказывали давление на Бусиа, чтобы заставить его осуществить реформы, предусмотренные соглашением. Но хотя международные институты находились в блаженном неведении, сам Бусиа знал, что идет на огромный политический риск. Немедленным следствием девальвации национальной валюты стали массовые беспорядки и рост недовольства в столице страны Аккре. Эти беспорядки усиливались и наконец вышли из-под контроля, и тогда Бусиа был свергнут военными во главе с подполковником Ачампонгом, который сразу же отменил девальвацию.

Теория о невежестве отличается от географической и культурной теорий тем, что содержит и ответ на то, как решить проблему бедности: если невежество является ее причиной, то информация и просве-

щение помогут с ней справиться. В таком случае мы можем «спроектировать» процветание во всем мире, просто давая правильные советы и убеждая политиков им следовать. Однако опыт Бусиа подчеркивает то обстоятельство, что главным препятствием к проведению экономической политики, которая могла бы исправить провалы рынка и стимулировать экономический рост, является не невежество политиков, а стимулы и институциональные ограничения, с которыми приходится иметь дело этим политикам.

Хотя теория о невежестве все еще популярна среди экономистов и западных экспертов по экономической политике и зачастую заставляет их игнорировать все остальные подходы, кроме такого вот «проектирования процветания», на самом деле это всего лишь еще одна неработающая теория. Она не может объяснить ни причины взрывного экономического роста в прошлом, ни сегодняшнее положение вещей – например, почему в таких странах, как Мексика и Перу (а не в США и не в Англии), установились институты, которые приводят к тому, что большая часть населения живет в бедности? Или почему почти все страны Африки южнее Сахары настолько беднее стран Западной Европы или Восточной Азии?

Когда странам удастся сойти с институционального пути, который ведет их к бедности, и встать на путь

устойчивого экономического роста, это происходит не потому, что их невежественные правители вдруг прозревают, начинают меньше заботиться о собственном кармане или получают советы более квалифицированных экономистов. Одна из стран, которая сменила экономическую политику, ведущую к нищете и массовому голоду, на другую, обеспечивающую экономический рост, – это Китай. Однако, как мы увидим ниже, это произошло не потому, что Коммунистическая партия Китая наконец осознала, что коллективная собственность на сельскохозяйственные земли и промышленность создает ужасно неэффективные экономические стимулы. Нет, Дэн Сяопин и его соратники не меньше заботились о собственном благополучии, чем их противники в партии, но они имели другие политические цели: прежде всего они спланировали что-то вроде небольшого переворота и устранили своих влиятельных оппонентов, радикально поменяв все руководство партии, а затем и генеральную линию ее политики. Их экономические реформы, возродившие рыночные стимулы сначала в сельском хозяйстве, а потом и в промышленности, были только следствием политических изменений. Политика, а не хорошие советники или внезапное прозрение, стояла за сменой коммунизма на рыночную экономику.

В этой книге мы покажем, что для того, чтобы понять мировое неравенство, необходимо разобраться в том, почему некоторые общества организованы столь неэффективно. Более того, этим странам иногда удается создать эффективные институты и добиться процветания, но, увы, это редкие случаи. Большинство экономистов и советников при правительствах всегда сосредоточены на том, как сделать «все правильно», однако что действительно нужно – так это понять, почему бедные страны делают «все неправильно». А они делают «все неправильно» чаще всего не из-за невежества своих правителей или культуры народа. Они делают «все неправильно» не по ошибке, а абсолютно намеренно. Чтобы понять, почему так происходит, нужно выйти за пределы экономической науки и на время забыть теории экспертов, знающих, «как все сделать правильно». Наоборот, нужно понять, как на самом деле принимаются решения, кто получает право их принимать и почему эти люди принимают именно такие решения, какие принимают. Традиционно экономисты игнорировали политику, но именно понимание того, как работает политическая система, является ключом к тому, чтобы объяснить мировое экономическое неравенство. Как отметил в 1970-е годы экономист Абба Лернер, «экономика получила титул королевы общественных наук,

занявшись проблемами, которые в политическом измерении уже были решены».

Мы утверждаем, что путь к процветанию лежит через решение базовых политических проблем. Именно потому, что экономика исходила из того, что политические проблемы уже решены, она не смогла найти убедительного объяснения мировому неравенству. Чтобы дать такое объяснение, необходимо привлечь экономику – иначе невозможно понять, как различная экономическая политика и различное социальное устройство влияют на экономические стимулы и поведение. Но это объяснение не в меньшей степени связано и с политикой.

Глава 3

Как возникают богатство и бедность

Экономика 38-й параллели

Летом 1945 года Вторая мировая война близилась к концу, и японская колониальная администрация на Корейском полуострове тоже доживала последние дни. В течение всего лишь месяца после безоговорочной капитуляции Японии (15 августа) Корея была разделена вдоль 38-й параллели на две сферы влияния: на юге всем заправляли американцы, на севере – русские. Непрочный мир в эпоху холодной войны продержался до июня 1950 года, когда армия Северной Кореи вторглась на Юг. Хотя первоначально войскам северян удалось продвинуться довольно далеко и даже захватить столицу Южной Кореи Сеул, уже к осени им пришлось отступить. Именно тогда житель Сеула Хван Пён Вон был разлучен с братом. Во время оккупации Хвану удалось спрятаться и избежать призыва в северокорейскую армию. После ухода северян он остался в Сеуле и продолжал работать аптекарем.

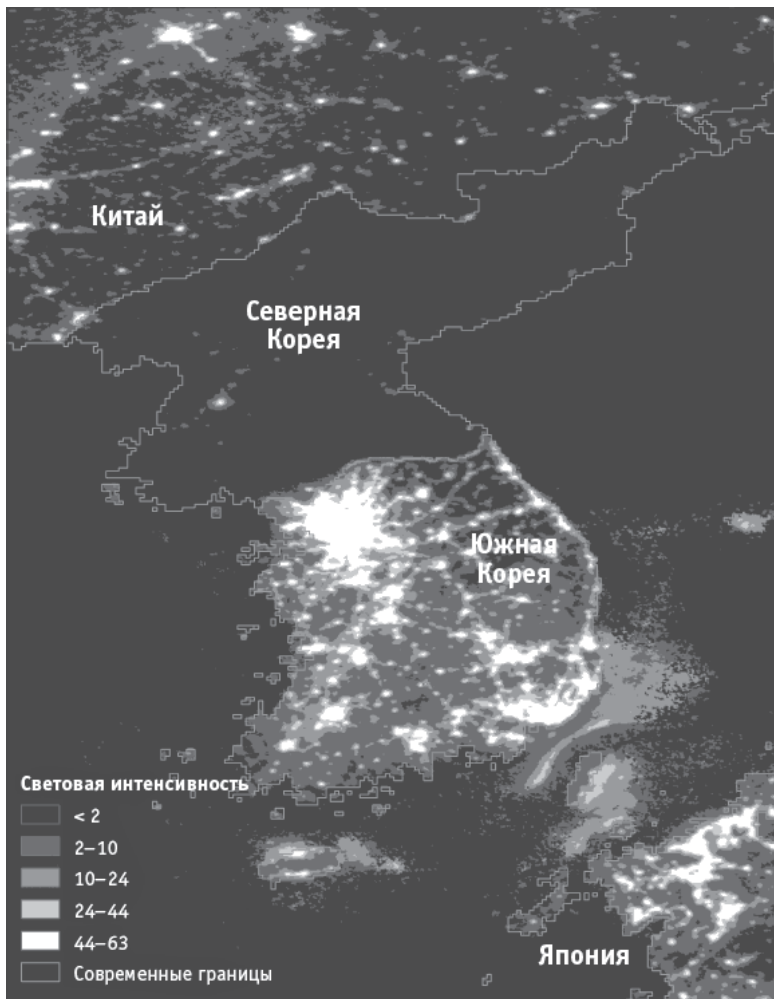
Но его брата, врача в армейском южнокорейском госпитале, насильно увели с собой на Север отступающие солдаты Северной Кореи. Братья, разлученные в 1950 году, снова встретились в Сеуле лишь в 2000-м, через пятьдесят лет, после того как правительства обеих Корей согласились наконец начать ограниченную программу воссоединения семей.

Будучи врачом, брат Хван Пён Вона в конце концов был направлен на работу в военно-воздушные силы – отличная карьера в условиях милитаризованной диктатуры. Но даже жизнь привилегированных граждан Северной Кореи трудно назвать безбедной. Когда братья встретились, Хван Пён Вон стал расспрашивать, как живется к северу от 38-й параллели. У него была машина, а у брата не было. «А телефон у тебя есть?» – спросил он брата. «Нет, – ответил брат. – Есть у дочки, она работает в министерстве иностранных дел. Но чтобы позвонить, нужно знать специальный код». Хван Пён Вон заметил, что все северяне – участники встречи просили у своих южных родственников деньги, и тоже предложил брату денег. Но брат ответил: «Если я вернусь с деньгами, правительство скажет: „Отдай эти деньги нам”, так что лучше не надо». Заметив, какое у брата изношенное пальто, Хван Пён Вон предложил: «Сними свое пальто и оставь его мне, а обратно поезжай в моем». – «Я не могу, – от-

ветил брат, – это пальто я взял напрокат у правительства, чтобы в нем поехать на встречу». Когда они прощались, Хван Пён Вон чувствовал, что брату не по себе и он сильно нервничает, словно боится, что их подслушивают. Он был еще беднее, чем Хван мог себе представить. Брат рассказывал, что живет хорошо, но выглядел ужасно и был худой, как спичка.

Жизненные стандарты жителей Южной Кореи находятся на уровне Португалии и Испании. На Севере, в так называемой Корейской Народно-Демократической Республике, она же Северная Корея, уровень жизни сравним с уровнем жизни в Африке южнее Сахары, то есть примерно в десять раз ниже, чем на Юге. Состояние здоровья северных корейцев и того хуже; средняя ожидаемая продолжительность жизни на Севере на целых десять лет меньше, чем на Юге.

Карта 7 иллюстрирует драматический разрыв в уровне жизни двух Корей. Ночные снимки из космоса показывают степень освещенности территории. В то время как Южная Корея залита ярким светом, ее северный сосед погружен в полную тьму – на ночное освещение не хватает электричества.

Карта 7. Залитая светом Южная Корея и погру-

Эти фантастические различия не пришли к нам из глубины веков. На самом деле их не существовало вплоть до конца Второй мировой войны. Но после 1945 года два правительства – на Севере и на Юге – взяли на вооружение совершенно разную экономическую политику. Экономическая политика и основные государственные институты Южной Кореи были сформированы возглавившим страну выпускником Гарварда и Принстона, непреклонным антикоммунистом Ли Сын Маном, который был избран на пост президента в 1948 году и правил при серьезной поддержке США. Закаленная в Корейской войне и жившая под постоянной угрозой коммунистической агрессии, Южная Корея отнюдь не была демократией. И Ли Сын Ман, и самый знаменитый из его преемников Пак Чон Хи вошли в историю как авторитарные лидеры. Однако оба они управляли рыночной экономикой, в которой уважалась частная собственность. После 1961 года Пак смог эффективно использовать всю мощь государства для того, чтобы ускорить экономический рост: кредиты и субсидии самым успешным фирмам помогли сделать Южную Корею процветающей страной.

Ситуация к северу от 38-й параллели была совсем

другой. Ким Ир Сен, во время Второй мировой сражавшийся против японцев во главе партизан-коммунистов, в 1947 году стал диктатором при поддержке Советского Союза. Он ввел жесткую систему центрального планирования экономики, основанную на его идеологической доктрине – чучхе. Частная собственность была объявлена вне закона, рыночные отношения запрещены. У граждан были отняты не только экономические свободы; все стороны жизни граждан Северной Кореи были жестко регламентированы – это не касалось лишь небольшой группы приближенных самого Ким Ир Сена и его сына и будущего наследника Ким Чен Ира.

Для нас не будет сюрпризом, что экономическое развитие двух Корей пошло в совершенно разных направлениях. Командная экономика Ким Ир Сена и идеология чучхе очень скоро обернулись катастрофой для страны. Подробная статистика по Северной Корее недоступна, поскольку эта страна, мягко говоря, не отличается открытостью. Тем не менее имеющиеся данные подтверждают то, о чем мы догадываемся, наблюдая частые голодовки в этой стране: не только промышленность страны так и не смогла подняться на ноги, но и сельское хозяйство испытало регресс: производительность труда крестьян снизилась! Запрет частной собственности привел к то-

му, что у людей не осталось стимулов для того, чтобы инвестировать, усердно работать или хотя бы поддерживать прежнюю производительность труда. Собственные инновации или даже заимствование чужих инноваций невозможны в удушающей атмосфере репрессий. Однако ни Ким Ир Сен, ни Ким Чен Ир, ни их приспешники не имели ни малейшего намерения как-то реформировать систему, разрешить частную собственность, рыночные отношения и свободу контрактов, менять политические или экономические институты. Поэтому экономическая стагнация Северной Кореи продолжается.

Тем временем в Южной Корее экономические институты стимулировали инвестиции и развитие торговли. Южнокорейские лидеры не жалели средств на образование, и им удалось достичь высоких показателей грамотности и образования в целом. Южнокорейские компании быстро сориентировались и создали собственную модель бизнеса, построенного на сочетании относительно образованной рабочей силы и государственного стимулирования инвестиций, индустриализации, экспорта и заимствования технологий. Южная Корея быстро стала очередным азиатским «экономическим чудом» и одной из самых быстрорастущих экономик в мире.

К концу 1990-х годов, всего лишь через полвека

после разделения, рост в Южной Корее и стагнация в КНДР привели к десятикратной разнице в уровне доходов между двумя частями этой когда-то единой страны. Представьте, какая разница может возникнуть между ними через пару столетий! Экономическая катастрофа в Северной Корее, которая погрузила миллионы людей в пучину голода, особенно поразительна именно при сравнении с ситуацией в Южной Корее: ни культура, ни география, ни разница в образовании не могут объяснить расходящиеся все дальше траектории развития двух Корей. Мы должны изучить институты этих стран, чтобы найти ключ.

Экстрактивные и инклюзивные экономические институты

Экономический успех той или иной страны зависит от институтов – правил, по которым работает ее экономика, – и стимулов, которые получают ее граждане. Сравните подростков в Южной и Северной Корее: чего они ждут от жизни? Подростки на севере растут в бедности, без представления о том, что такое предпринимательство, наконец, без образования, которое могло бы подготовить их к квалифицированному труду. Большая часть образования, которое они получают в школе, – чистая пропаганда, предназначенная для того, чтобы как-то подкрепить легитимность политического режима; у них не так много книг, а тем более – компьютеров. После окончания школы каждый обязательно должен идти в армию, и срок службы составляет десять лет. Хотя для того, чтобы выжить, им приходится заниматься нелегальными экономическими операциями, эти подростки знают, что у них никогда не будет права частной собственности, возможности начать бизнес и разбогатеть. Точно так же они знают, что у них никогда не будет легальной возможности использовать свои способности, чтобы заработать на покупку товаров и услуг, которые им необходимы или

о которых они мечтают. Они даже не могут быть уверены в том, останутся ли у них хоть какие-то личные права.

Подростки на юге получают отличное образование, а экономические стимулы подталкивают их к тому, чтобы усердно работать и преуспевать в выбранной специальности. Южная Корея – это рыночная экономика, построенная на частной собственности. Южнокорейские подростки знают, что, если они будут успешными предпринимателями или наемными профессионалами, они смогут воспользоваться плодами своих усилий, повысить свой уровень жизни, купить дом, машину и получить качественные медицинские услуги.

На юге государство поддерживает рост экономики. Это помогает предпринимателям получать ссуды в банках и занимать деньги на бирже; иностранные компании могут устанавливать партнерские отношения с южнокорейскими фирмами; даже отдельным гражданам проще получить ипотечный кредит на покупку дома. На юге, в общем и целом, вы вправе открыть любой бизнес, какой захотите, но на севере это совсем не так. На юге вы можете нанимать работников, продавать свои товары и услуги на свободном рынке и на нем же покупать все, что вам захочется, – а на севере существует только черный рынок. Таковы институты,

определяющие жизнь в Южной и Северной Корее.

Экономические институты, подобные тем, что существуют в США или Южной Корее, мы назовем *инклюзивными*.¹⁴ Они разрешают и, более того, стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, а это позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки, при этом оставляя право выбора – где именно работать и что именно покупать – за каждым отдельным человеком. Частью инклюзивных институтов обязательно являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты должны также обеспечивать свободный вход на рынок для новых компаний и свободный выбор профессии и карьеры для всех граждан.

Различия между севером и югом Кореи или между США и Латинской Америкой иллюстрируют фундаментальный принцип. Инклюзивные институты способствуют экономическому росту, повышению производительности труда и процветанию. Защищенные права частной собственности являются их центральным элементом потому, что только те, чьи права соб-

¹⁴ От англ. *inclusive* – «включающие в себя», «объединяющие».

ственности защищены, будут готовы инвестировать и повышать производительность труда. Бизнесмен, который предполагает, что все, что он сможет заработать, украдут, экспроприируют или обложат непосильным налогом, не имеет стимулов к работе, не говоря уже об инвестициях и инновациях. Но важно, однако, чтобы права собственности были защищены не только у экономической элиты, а и у широких слоев населения.

В 1680 году английское правительство провело перепись населения своих колоний на острове Барбадос в Вест-Индии. Выяснилось, что в колонии живут около 60 тысяч человек, из которых почти 39 тысяч были африканскими рабами, а оставшаяся треть населения, соответственно, рабовладельцами. Большой частью рабов владели всего 175 крупнейших сахарных плантаторов, им же принадлежала большая часть земли. Их право частной собственности – как на землю, так и на рабов – было отлично защищено. Если один плантатор хотел продать рабов другому, он мог рассчитывать на то, что условия купчей, как и любого другого подписанного ими договора, будут строго соблюдаться. Почему? Дело в том, что из сорока судей и мировых судей на острове двадцать девять сами являлись крупными плантаторами. Кроме того, все восемь высших армейских чинов гарнизона острова

тоже были плантаторами. Несмотря на то, что права частной собственности этой элиты были отлично защищены, на Барбадосе не существовало инклюзивных экономических институтов: две трети его населения составляли рабы, не имевшие доступа ни к образованию, ни возможности заниматься предпринимательством; у них отсутствовали даже стимулы для того, чтобы усердно работать и развивать свои врожденные таланты. Инклюзивные экономические институты требуют, чтобы доступом к участию в экономической активности и защитой прав собственности пользовались различные слои общества, а не только элита.

Защита прав собственности (и вообще судебная система), общественные блага, свобода контрактов и торговли – все это зависит от государства, то есть институции, которая может применить силу для установления порядка, предотвращения хищения и мошенничества и, наконец, для принуждения к исполнению контрактов, заключенных частными лицами и компаниями. Чтобы успешно функционировать, обществу нужны и другие общественные блага: дороги, транспортная система и другая инфраструктура, которая позволит развиваться торговле; правовая система и регулирование экономической активности, которые помогут предотвратить злоупотребления. Хотя многие из этих благ могут быть созданы и част-

ными компаниями, уровень координации, необходимый в масштабе целой страны, так высок, что часто нет иной возможности, кроме как делегировать функции по их производству государству. Государство, таким образом, неизбежно переплетено с экономикой, поскольку в его функции входит обеспечение правопорядка, защиты частной собственности и исполнения контрактов, а зачастую и производство и предоставление ключевых общественных благ. Инклюзивные экономические институты нуждаются в государстве и используют его.

Экономические институты Северной Кореи или колоний в Латинской Америке – такие как мита, энкомьендо и «управление товарами» (*repartimento*), которые мы описали ранее, – не обладают нужными качествами. Частная собственность в Северной Корее просто отсутствует. В Латинской Америке частной собственностью могли владеть испанцы; собственность же местного населения была совершенно незащищенной. Ни в Северной Корее, ни в колониальной Латинской Америке у широких слоев населения не было возможности принимать экономические решения исходя из своих собственных желаний и предпочтений; наоборот, они стали жертвами жестокого принуждения. В Северной Корее государство построило образовательную систему, которая направлена

только на промывание мозгов и пропаганду; однако предотвратить массовый голод государство не смогло. В Латинской Америке колониальная администрация была занята тем, что принуждала местное население работать почти бесплатно. Ни здесь, ни там не существовало ни независимой правовой системы, ни равных возможностей для всех. В Северной Корее правовая система является всего лишь одним из инструментов в руках коммунистической партии; в Латинской Америке она в основном использовалась для того, чтобы поддерживать дискриминацию коренного населения. Мы называем подобные институты – те, которые имеют свойства, противоположные инклюзивным, – *экстрактивными* институтами.¹⁵ Экстрактивными – то есть направленными на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части.

¹⁵ От англ. *to extract* – «извлекать», «выжимать».

Двигатели процветания

Инклюзивные экономические институты помогают создать инклюзивные рынки, которые не только дают людям возможность свободно выбрать профессию, больше всего соответствующую их таланту, но и предоставляют им равные возможности овладеть ею. Те, у кого есть интересные идеи, могут использовать их для открытия собственного бизнеса; люди будут стремиться выбрать работу, на которой их производительность будет максимальной; наконец, менее эффективные бизнесы постепенно будут вытеснены более эффективными. Давайте сравним, как люди выбирают себе занятия в условиях инклюзивных институтов и как они делали это в Боливии и Перу в условиях господства миты. Множество коренных жителей Латинской Америки принуждались к работе в серебряных и ртутных шахтах, вне зависимости от их желания или навыков.

Инклюзивный рынок – это не просто свободный рынок. На Барбадосе в XVII веке тоже работали рыночные механизмы. Но при этом там отсутствовали права частной собственности для всех, кроме узкой группы плантаторов, а значит: рынок Барбадоса не был инклюзивным; наоборот, работорговля была одним из

механизмов принуждения большей части населения к труду и лишения их возможности выбирать занятия в соответствии со своими склонностями и талантами.

Инклюзивные экономические институты также готовят почву для успешной работы двух важнейших двигателей экономического роста и процветания: технологических инноваций и образования. Устойчивый экономический рост почти всегда сопровождается технологическими инновациями, которые помогают повысить производительность всех трех факторов производства: человеческого труда, земли и капитала (то есть совокупности всего необходимого имущества – зданий, уже имеющегося оборудования и т. д.). Вспомним наших прадедов, которые жили больше ста лет назад: у них не было ни самолетов, ни автомобилей, ни большей части лекарств и медицинских услуг, которые мы сейчас воспринимаем как само собой разумеющееся, не говоря уже о водопроводе и канализации, кондиционерах, торговых центрах, радио и кинематографе и уж тем более не говоря об информационных технологиях, робототехнике и станках с программным управлением. А если углубиться в историю еще на несколько поколений, мы увидим еще более низкий уровень жизни и уровень научно-технического развития – до такой степени низкий, что нам иногда трудно представить себе, как люди вообще выживали

в таких условиях. Повышение уровня технологического развития происходит благодаря науке и таким предпринимателям, как Томас Эдисон, который использовал научные идеи, чтобы создать прибыльный бизнес. А этот процесс создания инноваций возможен благодаря экономическим институтам, которые поддерживают частную собственность, гарантируют исполнение контрактов, равенство возможностей и доступ на рынок для новых игроков, которые приносят с собой и новые технологии. Поэтому нас не должно удивлять, что Томас Эдисон реализовал свои возможности именно в Соединенных Штатах, а не в Перу или Мексике. Точно так же именно поэтому высокотехнологичные компании, такие как *Samsung* и *Hyundai*, появляются в Южной Корее, а не в Северной.

Напрямую с технологическим развитием связаны образование, навыки, компетенции и ноу-хау, которые люди приобретают в школе, дома и на работе. Сегодня мы гораздо более производительны, чем наши предки сто лет назад, и не только потому, что у нас есть высокотехнологичные станки и машины, но и потому, что рабочая сила стала гораздо более квалифицированной. Все технологии на свете были бы бесполезны, если бы рабочие не знали, как управлять построенными на основе этих технологий станками. Однако навыки и компетенции важны не только пото-

му, что позволяют управлять сложными устройствами. Люди могут использовать полученное ими образование для того, чтобы делать научные и технологические открытия, на основе которых заработают новые отрасли экономики. В первой главе мы видели, что многие изобретатели времен промышленной революции и даже более поздней эпохи (как тот же Томас Эдисон) не были слишком хорошо образованы. Однако тогдашние инновации были гораздо более простыми, чем в наше время. Нынешний уровень технологического развития требует высокого уровня образования – как от самих изобретателей, так и от работников, которые будут пользоваться их изобретениями. И как раз в такой ситуации особенно важно, чтобы экономические институты обеспечивали людям равные возможности. Скажем, США могут вырастить (или привлечь из-за рубежа) таких людей, как Билл Гейтс, Стив Джобс, Сергей Брин, Ларри Пейдж и Джефф Безос, а также сотни ученых, которые совершат открытия в области био- и информационных технологий, ядерной энергетики или в других технологических отраслях и построить бизнес на основе этих технологий. На рынке всегда велико предложение квалифицированных кадров, потому что большинство подростков могут достичь таких высоких ступеней образования, каких только хотят (или, по крайней мере, могут в силу

природных способностей). Сравните эту ситуацию с положением дел в Конго или на Гаити, где значительная часть детей не могут получить никакого образования, а те, кто могут ходить в школу, сталкиваются с нигде не годным качеством обучения: учитель может вообще не выйти на работу, а если и выйдет, то у него все равно не хватает учебников на всех детей.

Низкий уровень образования в бедных странах связан с тем, что экономические институты не создают стимулов, которые побудили бы родителей инвестировать в обучение своих детей, а политические институты не заставляют правительство строить школы, нанимать учителей и требовать, чтобы эти учителя соответствовали требованиям родителей и самих детей. За низкий уровень образования и отсутствие инклюзивных рынков такие страны платят высокую цену: они не могут применить таланты своих граждан. В этих странах, вероятно, живет много потенциальных Биллов Гейтсов, а может быть, и один-другой Альберт Эйнштейн, которые, однако, не смогли получить образование и поэтому вынуждены заниматься земледелием или проходить обязательную военную службу. Шансов реализовать в профессии, для которой они родились, им в жизни не представилось.

Способность экономических институтов использовать потенциал инклюзивных рынков, поощрять тех-

нологические инновации, инвестировать в человеческий капитал и мобилизовать таланты и навыки значительного числа людей – это необходимое условие экономического роста. Объяснение, почему так часто экономические институты неспособны достичь этих простых целей, – центральная тема нашей книги.

Экстрактивные и инклюзивные политические институты

Все экономические институты созданы обществом. Например, экономические институты Северной Кореи были навязаны стране коммунистами, которые пришли к власти в стране в 1940-е годы, а конкистадоры навязали экономические институты колониальной Латинской Америке. Экономические институты в Южной Корее оказались совсем другими, потому что совсем другие люди с другими интересами и целями формировали общественные и государственные институты этой страны. Другими словами, Южную Корею отличала от Северной ее политическая система.

Политика – это процесс, в ходе которого определяется, кто будет управлять страной. Политика связана с институтами по одной простой причине: несмотря на то, что инклюзивные экономические институты способствуют росту и процветанию страны, некоторым людям или группам людей, таким, например, как элита коммунистической партии Северной Кореи или плантаторы острова Барбадос, может быть выгоднее, если в стране действуют экстрактивные институты. Если в обществе существуют разные взгляды на то, какие институты следует устанавливать, то конечный

результат зависит от того, кто победит в политической игре, то есть сможет заключить выгодный альянс, получить более широкую поддержку или дополнительные ресурсы. Короче говоря, победа в политической игре зависит от распределения власти между разными группами в обществе.

Политические институты – ключевой фактор в этой игре, именно они в конечном счете определяют победителя. Политические институты – это совокупность правил, которые формируют систему стимулов для различных политических игроков. Они определяют, как именно формируется правительство и какие права есть у различных его ведомств. Иными словами, политические институты определяют, у кого в обществе есть власть и как этот кто-то может ее использовать. Если власть сосредоточена в одних руках и ничем не ограничена, значит, мы имеем дело с институтом абсолютной монархии (именно эта форма правления была распространена по всему миру на протяжении большей части его истории). Абсолютистские политические институты, такие как в Северной Корее или колониальной Латинской Америке, помогают тем, кто обладает властью, подстроить экономические институты под себя, то есть приспособить их для собственного обогащения и для дальнейшего укрепления своей власти за счет всех остальных. Политиче-

ские институты, которые распределяют власть между разными силами и группами в обществе и при этом ограничивают все эти группы в применении этой власти, порождают плюралистические политические системы. Вместо того чтобы сосредоточиться в одних руках, власть в таких странах принадлежит широкой коалиции политиков или даже распределена среди множества общественных групп.

Разумеется, между политическим плюрализмом и инклюзивными экономическими институтами существует прямая связь. Однако ключ к пониманию этой связи – осознание того факта, что не один лишь политический плюрализм США или Южной Кореи обеспечивает им инклюзивные экономические институты. Важную роль играет и в достаточной степени централизованное и сильное государство. Особенно отчетливо это видно при сравнении с такой восточноафриканской страной, как Сомали. Как мы увидим далее, политическая власть в Сомали была долгое время распылена между различными группировками. В ситуации, когда нет ни одного игрока, достаточно сильного, чтобы контролировать остальных и решать, что они могут делать, а что не могут, общество разделяется между непримиримыми кланами, и ни один из них не может стать доминирующей силой. Власть каждого клана ограничена только силой другого. Такое

распределение власти в обществе ведет не к появлению инклюзивных экономических институтов, а к хаосу, неизбежному в отсутствие минимальной политической и, следовательно, государственной централизации. Государство не может обеспечить минимальный уровень порядка, необходимый для развития экономики и торговли, или даже элементарную безопасность граждан.

Макс Вебер, с которым мы уже встречались в предыдущей главе, дал самое знаменитое и широко признанное определение ключевого признака государства – «монополизации легитимного физического насилия» в обществе. В отсутствие такой монополизации плюс некоторого уровня централизации, который эта монополизация влечет за собой, государство не может выполнять свою функцию по поддержанию законности и порядка, не говоря уже о предоставлении общественных благ и поддержке и регулировании экономической активности. Когда государство не может достичь минимально приемлемого уровня политической централизации, общество рано или поздно погружается в хаос, как это произошло в Сомали.

Мы будем называть инклюзивными политические институты, которые являются одновременно достаточно плюралистическими и централизованными. Если хотя бы одно из этих условий не соблюдено, мы бу-

дем классифицировать политические институты как экстрактивные.

Между экономическими и политическими институтами существует сильная синергия. Экстрактивные политические институты концентрируют власть в руках элиты и не ограничивают ее в том, как и на что это власть может употребляться. В свою очередь, эта элита конструирует экстрактивные институты, которые позволяют ей эксплуатировать остальное население. Таким образом, экстрактивные экономические институты естественным образом возникают в условиях действия экстрактивных политических институтов. На самом деле, первые не могут выжить без вторых. Инклюзивные политические институты, распределяя власть среди широкого круга лиц, будут неизбежно разрушать основу таких экономических институтов, которые поддерживают экспроприацию ресурсов у большинства населения, создают барьеры для входа новых игроков на рынок и в целом ограничивают круг бенефициаров рыночной экономики узким кругом властных элит.

Например, на Барбадосе плантации, основанные на эксплуатации рабов, не могли бы выжить без политической системы, которая подавляла и полностью исключала рабов из политической жизни. Точно так же экономическую систему Северной Кореи, которая

держит в нищете миллионы людей, но обеспечивает благополучие коммунистической элиты, нельзя себе представить в отсутствие тотального контроля коммунистической партии над обществом.

Такая синергия между экстрактивными экономическими и экстрактивными политическими институтами способствует их взаимному укреплению: политические институты позволяют властной элите сформировать экономические институты, которые не накладывают ограничений на саму элиту и препятствуют появлению новых крупных игроков. Кроме того, появляется возможность определять направление эволюции самих политических институтов. В свою очередь, экстрактивные экономические институты обогащают элиту, что позволяет использовать накопленное богатство для закрепления политического доминирования. Так, на Барбадосе и в Латинской Америке установленный колонизаторами политический режим дал им возможность сформировать такую политическую систему, которая позволяла сколачивать состояния, эксплуатируя всех остальных жителей. Ресурсы, которые элита в результате заполучила в свои руки, были направлены на то, чтобы создать такие армию и полицию, которые защищали бы монополию элиты на власть. Очевидный вывод состоит в том, что экстрактивные политические и экстрактивные экономические

институты поддерживают друг друга и поэтому отличаются устойчивостью.

Их синергия, однако, не ограничивается только этим. Если в условиях экстрактивных политических институтов появляется конкурирующая группа с иными интересами и ей удается одержать победу, она, как и ее предшественники, почти не ограничена в том, как и на что она использует полученную власть. Это создает для пришедшей к власти группы стимулы сохранить экстрактивные политические и воссоздать экстрактивные экономические институты, как это сделал Порфирио Диас в Мексике конца XIX века.

В свою очередь, инклюзивные экономические институты появляются в результате работы инклюзивных политических институтов, которые распределяют власть среди широкого круга граждан и накладывают ограничения на ее произвольное применение. Они также затрудняют узурпацию власти какой-либо одной группой и препятствуют разрушению собственных основ. Иначе говоря, власть не может в таких условиях построить экстрактивные экономические институты, которые будут выгодны только ей одной. А инклюзивные экономические институты тем временем распределяют доходы и активы среди более широкого круга лиц, что обеспечивает устойчивость инклюзивных политических институтов.

Неслучайно уже через год после того, как Вирджинская компания освободила колонистов от необходимости выполнять ее кабальные договоры и передала им землю в собственность (1618), совет колонии постановил, что колония должна управляться самими колонистами. Экономические права, которые получили колонисты, не были бы восприняты ими всерьез, если бы не были подкреплены правами политическими: они еще не забыли, как Вирджинская компания силой пыталась принудить поселенцев работать. И уж тем более, не имея колонисты политических прав, построенная ими экономика не могла бы стать устойчивой и процветающей в долгосрочной перспективе. В действительности комбинация экстрактивных и инклюзивных институтов обычно оказывается весьма нестабильной. Как видно из нашего обсуждения истории Барбадоса, экстрактивные экономические институты вряд ли могут выжить в условиях инклюзивных политических институтов.

Также и инклюзивные экономические институты не могут стать ни основой, ни результатом работы экстрактивных политических институтов. Либо они будут превращены в экстрактивные и станут служить только интересам узкой группы властной элиты, либо экономическая динамика, которую они породят в системе, в конце концов дестабилизирует экстрактивные поли-

тические институты и трансформирует их в инклюзивные. Кроме того, инклюзивные экономические институты обычно уменьшают ренту, которую элита могла бы извлекать, пользуясь экстрактивными политическими институтами: когда на рынках конкурирует много сильных игроков, каждый из них, включая аффилированных с элитой, ограничен необходимостью соблюдать контракты и уважать частную собственность контрагентов.

Почему выбор в пользу процветания делается не всегда?

Политические и экономические институты, которые в конце концов выбирает себе страна, могут быть инклюзивными и способствовать экономическому росту, а могут быть экстрактивными и экономическому росту препятствовать. Страны, в которых действуют экстрактивные экономические институты, опирающиеся на тормозящие (или вовсе останавливающие) экономический рост политические институты, рано или поздно терпят крах и гибнут. Именно поэтому политический процесс выбора институтов является центральным для понимания того, почему одни страны добиваются успеха, а другие терпят крах. Мы должны понять, почему в некоторых странах политические процессы приводят к созданию инклюзивных институтов, способствующих росту экономики, тогда как в большинстве стран мира на протяжении всей истории человечества политические процессы вели и ведут к ровно противоположному результату: утверждению экстрактивных институтов, мешающих экономике расти.

Может показаться самоочевидным, что все без исключения заинтересованы в построении таких инсти-

тутов, которые ведут к процветанию. Разве любой гражданин, любой политик, даже самый жестокий диктатор не захочет сделать свою страну процветающей?

Давайте вернемся в Королевство Конго, которое мы обсуждали выше. Хотя это государственное образование распалось в XVII веке, оно дало имя современной стране, Демократической Республике Конго (Заир), которая получила независимость от Бельгии в 1960 году. Независимое государство Конго под управлением Жозефа Мобуту (1965–1997) переживало почти непрерывный экономический спад, население все больше нищало. Спад продолжился и после того, как Мобуту был свергнут Лораном Кабилой.

Жозеф Мобуту создал в стране экстрактивные экономические институты, отличавшиеся крайне высокой степенью эксплуатации элитой остального населения. Почти все население было низведено до полной нищеты, в то время как приближенные Мобуту, известные как *Les Grosses Legumes* («большие шишки»), фантастически разбогатели. В своем родном городе Гбадолите на севере Конго Мобуту построил себе дворец с огромным аэропортом, способным принимать даже сверхзвуковой лайнер «Конкорд», который он частенько арендовал у *Air France* для путешествий по Европе. В Европе он покупал дворцы и был

собственником целых кварталов в Брюсселе.

Разве самому Мобуту не было бы выгодно сформировать экономические институты, которые бы сделали страну богаче, а не погружали во все большую нищету? Если бы ему удалось добиться процветания Конго – разве не смог бы он забрать себе еще больше денег? Купить «Конкорд», а не брать его в аренду? Построить еще больше дворцов, увеличить свою армию и лучше вооружить солдат? К сожалению для жителей многих стран, ответ на этот вопрос – «нет». Дело в том, что экономические институты, которые способствуют росту, могут изменить баланс богатства и власти в обществе таким образом, что диктатор и другие властные элиты от этого только пострадают.

Фундаментальным свойством любых экономических институтов является то, что они всегда порождают конфликты. Действие различных институтов имеет различные последствия с точки зрения того, как распределяется богатство в обществе, сколько всего этого богатства создается в экономике и в чьих руках сосредотачивается власть. Если институты способствуют экономическому росту, они помогают кому-то выиграть, но кто-то другой может и проиграть. Этот эффект хорошо виден на примере английской промышленной революции, которая заложила основы процветания наиболее развитых на сегодняшний день

стран. Промышленная революция стала результатом цепочки технологических прорывов в использовании пара, на транспорте и в текстильной промышленности. Хотя механизация сделала возможным огромный рост общего богатства и в конечном счете заложила основы современного индустриального общества, в свое время она была встречена многими в штыки, и не из-за невежества или близорукости, а совершенно наоборот.

Это недовольство имело свою – и, к сожалению, убедительную – логику. Экономический рост и технологические инновации создаются в результате процесса, который великий экономист Джозеф Шумпетер называл «созидательным разрушением». В ходе этого процесса старые технологии заменяются новыми; новые сектора экономики привлекают ресурсы за счет старых; новые компании вытесняют признанных ранее лидеров. Новые технологии делают старое оборудование и навыки обращения с ним ненужными. Таким образом, инклюзивные институты и экономический рост, который они подстегивают, порождают как победителей, так и проигравших, как среди экономических, так и среди политических игроков. Боязнь созидательного разрушения часто лежит в основе сопротивления созданию инклюзивных экономических и политических институтов.

Европейская история служит яркой иллюстрацией последствий созидательного разрушения. В XVIII веке, накануне промышленной революции, правительства большинства европейских стран контролировались аристократией и другими традиционными элитами, чей основной доход составляли земельная рента и ренты от торговых привилегий и монопольных прав, которые были пожалованы им монархами вместе с защитой от нежелательных конкурентов. В соответствии с принципом созидательного разрушения развитие городов, новых отраслей промышленности и фабрик привело к оттоку ресурсов из сельского хозяйства, снижению земельной ренты и росту стоимости труда наемных работников, которым землевладельцы теперь вынуждены были платить больше.

Торговые привилегии элиты также оказались под угрозой со стороны новых предпринимателей и купцов и в конце концов исчезли. В общем и целом, именно элита оказалась в проигрыше от индустриализации. Урбанизация и растущее политическое самосознание нарождающегося среднего класса и пролетариата поставили под сомнение монополию земельной аристократии на власть. Поэтому с развитием промышленной революции аристократы проиграли не только экономически; появился риск проигрыша и в сфере политики. Под угрозой потери политической

и экономической власти элиты во многих странах активно сопротивлялись индустриализации.

Аристократия, однако, не была единственной общественной группой, проигравшей в ходе промышленной революции. Ремесленники, чей ручной труд призваны были заменить машины, также выступали против индустриализации. Многие из них организовались и начали бунтовать и разрушать станки, которые считали причиной снижения своего уровня жизни. Это были луддиты, чье имя стало нарицательным обозначением для каждого, кто сопротивляется техническому прогрессу. У английского изобретателя Джона Кея, который в 1733 году придумал летучий челнок – одно из первых значительных усовершенствований в механизации ткацкого дела, луддиты спустя двадцать лет даже сожгли дом. Та же судьба постигла Джеймса Харгривза, изобретателя столь же революционной механической прялки «Дженни».

Ремесленники, однако, не смогли оказать столь же сильное сопротивление индустриализации, как землевладельцы и аристократы. В отличие от земельной аристократии, у луддитов не было политической власти – то есть возможности влиять на проводимую правительством политику пусть даже в ущерб желаниям и интересам тех или иных групп в обществе. Поэтому в Англии индустриализация продолжалась, несмотря

на протесты луддитов и даже гораздо более мощное и организованное сопротивление аристократии.

Однако сопротивление аристократов удалось преодолеть не везде. В Австро-Венгрии и в России, двух абсолютистских империях, где монарх и дворянство были гораздо меньше ограничены во властных полномочиях, они рисковали гораздо большим и смогли сильно замедлить процесс индустриализации. В обоих случаях это привело к стагнации экономики и отставанию от других европейских стран, экономический рост в которых начал быстро ускоряться в XIX веке.

Так или иначе, ясно одно: влиятельные группы в обществе часто противостоят техническому прогрессу и пытаются остановить движение к процветанию. Экономический рост – это не просто появление большого количества более совершенных станков и агрегатов, которыми управляют более многочисленные и более образованные работники. Это еще и глубокий процесс трансформации, причем часто дестабилизирующей, процесс созидательного разрушения. Поэтому экономический рост будет происходить, только если его не удалось заблокировать тем, кто боится от него проиграть и потерять привилегии, на которых основаны их богатство и власть.

Конфликт за ограниченные ресурсы, доходы и власть легко перерастает в борьбу за установление

правил игры, за выбор экономических институтов, которые определяют характер экономической активности и ее бенефициаров. Разумеется, в конфликте невозможно учесть интересы всех сторон одновременно. Кого-то ждет поражение и разочарование, а кого-то – победа и достижение поставленных целей. Для будущего страны невероятно важно, кто победит в этой борьбе. Если удастся одержать верх тем, кто проигрывает от экономического роста, они могут его заблокировать и надолго погрузить страну в эпоху застоя.

Логика, которая объясняет, почему властные элиты не всегда выбирают экономические институты, которые ведут к процветанию, легко применима и к выбору политических институтов. При абсолютизме элита может использовать неограниченную власть, чтобы установить те экономические институты, которые ей выгодны. Будет ли она в таких условиях заинтересована в том, чтобы сделать политические институты более плюралистическими, открытыми для других групп? В общем случае нет, поскольку это ослабит ее власть и затруднит, если не заблокирует полностью, возможность формировать выгодные для себя экономические институты. Здесь, как мы видим, тоже возникает почва для конфликта. Люди, которые страдают от экстрактивных экономических институтов, вряд

ли могут надеяться, что их правители добровольно изменят политические институты и перераспределят власть в пользу конкурентов. Единственный способ сделать политические институты более плюралистическими – заставить элиту пойти на уступки.

Точно так же, как политические институты не становятся плюралистическими автоматически, политическая централизация тоже не происходит сама собой. Разумеется, некоторые стимулы к усилению централизации существуют в любом обществе, особенно там, где о сильном централизованном государстве еще нет и речи. Например, если бы одному из враждующих кланов в Сомали удалось создать централизованное государство, способное поддерживать порядок на всей территории страны, это могло бы сделать и страну, и клан богаче. Что же этому мешает? Главным барьером на пути централизации является боязнь изменений: любой клан, группа и даже отдельный политик, который попытается сделать государство более сильным и централизованным, тем самым сосредоточит власть в своих руках, но сама мысль об этом предсказуемо вызывает ярость у других кланов, групп и политиков, которые в этом случае проиграют. Таким образом, отсутствие централизации означает не только отсутствие законности и порядка на большей части территории страны, но и присутствие боль-

шого количества политических игроков, достаточно влиятельных для того, чтобы воспрепятствовать централизации и даже заставить задумавшихся о ней политиков навсегда отказаться от этой идеи. Политическая централизация в таких обстоятельствах возможна только при условии, что одна из групп достаточно сильна, чтобы сломить сопротивление всех остальных и заняться строительством сильных и централизованных государственных институтов. В Сомали, где власть распылена поровну между всеми группировками, ни один клан не может подчинить себе другие. Именно в этом причина того, что централизация невозможна в течение столь долгого времени.

Долгая агония Конго

Нет более подходящего и при этом более печального примера, демонстрирующего, что экономический рост не может начаться в условиях экстрактивных институтов и что экстрактивные экономические и политические институты напрямую связаны между собой, чем история Конго. Португальские и голландские путешественники, которые посещали Конго в XV и XVI веках, отмечали «ужасающую бедность» этой страны. Технологическое развитие было примитивным по европейским стандартам: конголезцы не знали ни письменности, ни колеса, ни плуга. Причины этой бедности и нежелания конголезских земледельцев перенять эти технологии, даже когда они о них узнали, лежат в экстрактивном характере экономических институтов этой страны.

Как мы уже говорили, политическим центром Королевства Конго была столица Мбанза (впоследствии переименованная в Сан-Сальвадор). Удаленные от столицы территории управлялись представителями элиты, игравшими роль губернаторов отдельных провинций. Богатство элиты происходило из двух источников: плантаций вокруг Сан-Сальвадора и налогов, собираемых на остальной территории королевства. В

основе такой экономики лежало рабство: рабов использовали как местные вожди на плантациях, так и европейцы, обосновавшиеся на побережье. Налогообложение было совершенно произвольным; например, имелся специальный налог, который взимался каждый раз, когда король ронял свой головной убор. Чтобы стать богаче, конголезцам необходимо было инвестировать – например, покупать плуги. Но такие инвестиции не окупились бы: все результаты прироста производства, которого можно было бы добиться, используя новые технологии, были бы экспропрированы элитой во главе с королем. Вместо того чтобы инвестировать в повышение производительности сельского хозяйства и выходить на рынок со своей продукцией, конголезцы вынуждены были отодвигать свои деревни подальше от городов и дорог – то есть от потенциальных рынков сбыта, – и все это ради того, чтобы избежать ограбления со стороны королевских чиновников и не быть захваченными работорговцами.

Таким образом, мы можем утверждать, что причиной ужасающей бедности Конго были экстрактивные экономические институты, которые заблокировали его движение к процветанию и едва ли не повернули его вспять. Правительство Конго не обеспечивало своих граждан общественными благами и услугами, даже такими базовыми, как защищенные пра-

ва собственности и поддержание законности и порядка. Наоборот, государство и было главной угрозой собственности и личным правам. Работоторговля означала, что наиболее важный из всех рынков – инклюзивный рынок труда, на котором люди могут выбрать себе профессию и место работы наиболее эффективным для экономики образом, – просто немыслим. Более того, торговлю между городами и международную торговлю, а также все крупные коммерческие предприятия контролировал король, и эти предприятия могли принадлежать только кому-то из его окружения. Как только португальцы принесли в Конго письменность, элита быстро стала грамотной, однако король не предпринимал попыток распространить грамотность на основную массу населения.

Несмотря на то, к какой ужасающей бедности они приводили, экстрактивные институты в Конго были в своем роде безукоризненно логичными: они приносили узкой группе людей, королю и его окружению, огромные богатства. В XVI веке король Конго вместе со своим двором могли себе позволить импорт предметов роскоши из Европы, а в повседневной жизни были окружены многочисленной прислугой и рабами.

Корни экономических институтов Конго растут из распределения власти между разными группами в обществе, то есть прямо связаны с институтами полити-

ческими. Ничто, кроме восстания подданных, не могло помешать королю распоряжаться чужой собственностью и даже личной свободой конголезцев, любой из которых мог быть в любой момент продан в рабство. Но хотя угроза восстания и была реальной, но все же недостаточной, чтобы защитить собственность и свободу людей. Политические институты Конго были в полной мере абсолютистскими, то есть не накладывали на элиту и короля вообще никаких ограничений, одновременно лишая остальное население какого-либо права голоса.

Разумеется, легко увидеть разницу между экстрактивными политическими институтами Конго и инклюзивными политическими институтами, которые распределяют власть между разными группами в обществе и при этом ограничивают ее применение. Абсолютистские институты Конго держались на штыках королевской армии. В середине XVII века регулярная армия короля состояла из пяти тысяч солдат, пятьсот из которых составляли мушкетеры – грозная сила по тем временам. Это легко объясняет, почему элита и король с таким энтузиазмом с самого начала заимствовали у европейцев именно огнестрельное оружие.

В условиях работы подобных институтов у страны не было шансов на устойчивый экономический рост;

даже временные экономические успехи были маловероятны. Реформирование экономических институтов с целью защитить права частной собственности сделало бы Конго в целом гораздо богаче. Но маловероятно, что элита бы что-то приобрела от повышения общего уровня жизни. Во-первых, король и его окружение проиграли бы чисто экономически, потеряв доход, который приносили работоторговля и труд рабов на плантациях. Во-вторых, такие реформы были бы возможны только в том случае, если власть короля и влияние элиты были бы сильно ограничены. Например, если король продолжает безраздельно повелевать пятью сотнями своих мушкетеров, то кто поверит манифесту об отмене рабства? Что помешает королю впоследствии передумать? Единственной реальной гарантией необратимости изменений послужила бы реформа политических институтов таким образом, что подданные короля получили бы право голоса в определении размера налогов и случаев, когда возможно применение силы мушкетерами, то есть если бы политическая сила граждан сдерживала бы власть короля. Но в этом случае сомнительно, чтобы поддержание роскошного образа жизни короля и его двора по-прежнему оставалось бы приоритетом для власти. Таким образом, подобный сценарий реформ сделал бы экономические институты общества более эффек-

тивными, но элита оказалась бы в проигрыше – как экономически, так и политически.

Взаимодействие между экономическими и политическими институтами Конго пятьсот лет назад до сих пор остается важным для понимания, почему эта страна так и не может выбраться из ужасающей бедности. Установление европейского владычества в этих местах и выше по течению реки Конго в ходе так называемой схватки за Африку¹⁶ в конце XIX века привело к еще более вопиющему бесправию населения (в том числе полному отсутствию прав собственности), чем это было в доколониальном Конго. Экстрактивные экономические и политические институты, которые обогащали узкую группу властной элиты за счет всего остального населения, были снова воспроизведены, только теперь этой узкой группой стали бельгийские колонизаторы, и прежде всего король Леопольд II.

Когда в 1960 году Бельгийское Конго обрело независимость, привычная система экономических институтов и стимулов снова воспроизвела себя и привела к тем же плачевным результатам. И вновь суперэкстрактивные экономические институты поддерживались суперэкстрактивными политическими инсти-

¹⁶ *Scramble for Africa* – период острой конкуренции ведущих европейских держав из-за новых территориальных захватов в Африке.

тутами. Ситуация усугублялась еще и тем, что европейские колонизаторы включили в границы Бельгийского Конго территории множества доколониальных государственных образований и районов обитания этнических групп, которые слабо контролировались центральным правительством, находившимся в столице Киншасе. Хотя президент Мобуту и смог использовать всю мощь государства, чтобы наполнить свои собственные карманы – например, в процессе так называемой «заиризации», которую он проводил с 1973 года и которая сопровождалась массовым изъятием собственности у иностранных компаний и граждан, – он все же оставался главой слабо централизованного государства, которое с трудом контролировало большую часть своей территории и вынуждено было обратиться за иностранной помощью, чтобы предотвратить отделение двух провинций – Катанги и Касаи – в 1960-х годах. Слабая централизация, которая подчас ставит государство на грань полного развала, характерна не только для Конго, но и для всей субсахарской Африки.

Современная Демократическая Республика Конго остается бедной потому, что в ней до сих пор отсутствуют базовые экономические институты, которые могли бы послужить основой экономического роста. Не география, культура, невежество граждан или

правителей делают Конго бедной страной – бедность приносят экстрактивные экономические институты. И они до сих пор не были заменены на более продуктивные потому, что политическая власть до сих пор сосредоточена в руках элиты, у которой нет стимулов для того, чтобы защищать права собственности простых людей и предоставлять им базовые общественные блага, повышать их уровень жизни и поддерживать экономический рост. Наоборот, интересы элиты заключаются в том, чтобы извлекать как можно больше доходов и использовать их для поддержания собственной власти.

Элита не использует свою власть и для того, чтобы сделать государство более централизованным, – ведь это принесет те же проблемы (возникновение сильной оппозиции и рост политической конкуренции), что и экономический рост. Более того, так же как и в большинстве других стран тропической Африки, вооруженные конфликты между соперничающими группами, пытающимися отобрать контроль над экстрактивными институтами у центрального правительства, похоронили даже те осторожные и половинчатые попытки усилить централизацию, которые имели место.

История древнего Королевства Конго, как и история современного Конго, убедительно показывает, как вы-

бор политических институтов определяет выбор институтов экономических, а значит, и формирует стимулы, которые отвечают за рост экономики. Эта история также демонстрирует, почему политический абсолютизм и экономические институты, которые обогащают немногих за счет всех остальных, образуют симбиоз.

Экономический рост при экстрактивных политических институтах

Демократическая Республика Конго – экстремальный пример, там царит беззаконие, а права собственности не защищены вообще. Конечно, в большинстве случаев такая ситуация будет противоречить интересам элиты, поскольку разрушит любые экономические стимулы и приведет к тому, что экспроприировать у населения будет нечего. Главная идея этой книги состоит в том, что экономический рост и процветание приходят вместе с инклюзивными политическими и экономическими институтами, тогда как экстрактивные институты ведут к стагнации и нищете. Это, однако, не означает ни того, что при экстрактивных институтах рост невозможен, ни того, что все эти институты одинаковы.

Есть два разных, хотя и дополняющих друг друга механизма, которые ведут к экономическому росту при экстрактивных институтах.

Во-первых, элита может направить ресурсы в высокопроизводительные сектора экономики, которые она контролирует. Известный пример экономического ро-

ста такого типа – Карибские острова в XVI–XVIII веках. Большую часть населения там составляли рабы, в тяжелейших условиях работавшие на плантациях и поставленные на грань выживания. Многие из них умирали от недоедания или переутомления. На Барбадосе, Кубе, Гаити, Ямайке в XVII и XVIII столетиях плантаторы, составлявшие меньшинство населения, контролировали все политические институты и владели всей собственностью, включая рабов. У большинства населения не было никаких прав, права же элиты, напротив, были прекрасно защищены. Несмотря на экстрактивные экономические институты, которые позволяли варварски эксплуатировать большую часть населения, эти острова были одними из самых богатых колоний в мире, поскольку могли дешево производить сахар и продавать его на мировом рынке. Экономика островов начала стагнировать только тогда, когда появилась необходимость переключиться на новые виды экономической активности, а это угрожало и доходам, и власти сахарных плантаторов.

Другой пример такого типа – это индустриализация и экономический рост в СССР начиная с первой пятилетки (1928–1932) и вплоть до 1970-х годов. Политические и экономические институты в СССР были в высшей степени экстрактивными, а рыночные отношения были почти полностью запрещены. Тем не

менее Советский Союз достиг довольно высоких темпов экономического роста, поскольку мог использовать силу государства, чтобы перебросить трудовые ресурсы из сельского хозяйства, где они использовались неэффективно, в промышленность.

Во-вторых, экономический рост может начаться в том случае, если инклюзивные институты каким-то образом, хотя бы частично, возникают в условиях экстрактивных политических институтов. Многие страны с экстрактивными политическими институтами никогда не решатся выстроить инклюзивные экономические институты, поскольку элите угрожает процесс созидательного разрушения. Однако степень сосредоточения власти в одних руках меняется от страны к стране. В некоторых странах позиции элиты настолько крепки, что она может пойти в сторону формирования инклюзивных экономических институтов, поскольку уверена, что даже это не будет угрожать ее политической власти. В других случаях режим с экстрактивными политическими институтами может унаследовать инклюзивные экономические институты от предшественника и по каким-то причинам принять решение не менять их, по крайней мере до поры до времени.

Быстрая индустриализация Южной Кореи при генерале Пак Чон Хи – хороший пример. Пак пришел к вла-

сти в результате военного переворота 1961 года, но в его распоряжении оказалась страна с практически полностью экстрактивными экономическими институтами и к тому же сильно зависящая от военно-политической поддержки США. Хотя режим Пака был авторитарным, он чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы не бояться возможных негативных для себя лично последствий экономического роста, и активно поддерживал его. В отличие от СССР и большинства других примеров роста в условиях экстрактивных институтов, Южная Корея в 1980-х годах смогла успешно перейти к инклюзивным политическим институтам. Этот успех был обусловлен рядом факторов.

К 1970-м годам экономические институты Южной Кореи стали в такой степени инклюзивными, что исчез один из главных стимулов для сохранения экстрактивных политических институтов: экономическая элита вряд ли могла еще более повысить свое благосостояние, даже если бы могла эксплуатировать в своих интересах свой доступ к власти. Относительно низкий уровень неравенства доходов также способствовал тому, что элита в меньшей степени опасалась плюрализма и демократии. Критически важная для страны необходимость в поддержке США, особенно учитывая угрозу с севера, означала, что военная диктатура не сможет в течение долгого времени применять репрес-

сии по отношению к сильному демократическому движению в стране. И хотя успешное покушение на Пак в 1979 году привело к еще одному военному перевороту во главе с Чон Ду Хваном, назначенный последним преемник Ро Дэ У начал процесс политических реформ, и в результате к 1992 году Южная Корея стала консолидированной¹⁷ либеральной демократией. В СССР же ничего подобного не произошло, рост исчерпал свои возможности, экономика начала падение в 1980-е годы и окончательно рухнула к 1990-м.

Китайский экономический рост сегодня имеет много общего и с советским, и с южнокорейским опытом. Хотя изначально рост китайской экономики был обусловлен радикальными реформами в сельском хозяйстве, реформы в промышленности проходили гораздо медленнее. Даже сегодня государство и коммунистическая партия играют главную роль в определении того, какие отрасли и компании получают дополнительные ресурсы для развития и начнут быстро расширяться, создавая состояния для одних и разоряя других. Так же как СССР времен расцвета, Китай растет быстро, но это все еще рост в условиях экстрак-

¹⁷ Консолидированная («развитая») демократия – политическое устройство, при котором все участники политического процесса принимают демократические институты и процедуры как единственно допустимые и приемлемые.

тивных институтов, под контролем государства, без заметных признаков перехода к инклюзивным политическим институтам. Тот факт, что и экономические институты Китая все еще далеки от полной инклюзивности, также предполагает, что южнокорейский вариант перехода к полностью инклюзивным институтам менее вероятен, хотя исключить его, конечно, нельзя.

Важно отметить, что политическая централизация важна для обоих упомянутых нами механизмов экономического роста при экстрактивных институтах. Без достаточно высокого уровня централизации элиты Барбадоса, Кубы, Гаити и Ямайки не смогли бы поддерживать законность и порядок и защитить даже свою собственность. Без значительной централизации и уверенного контроля над всеми властными ресурсами ни южнокорейские военные, ни китайские коммунисты не чувствовали бы себя в достаточной безопасности, чтобы проводить масштабные экономические реформы и при этом не бояться потерять власть. Наконец, не будучи централизованным, государство в Советском Союзе и Китае не смогло бы перебросить ресурсы из низко- в высокопроизводительные отрасли экономики. Таким образом, главная черта, которая отделяет одни экстрактивные политические институты от других, – это степень политической централизации. В тех странах, где она низка, как, на-

пример, в странах Африки южнее Сахары, трудно достичь высокого экономического роста даже на короткий промежуток времени.

Хотя экстрактивные экономические институты и могут генерировать экономический рост, этот рост редко бывает устойчивым, и уж точно это не рост, который сопровождается созидательным разрушением. Когда и политические, и экономические институты экстрактивны, техническому прогрессу и процессу созидательному разрушению просто неоткуда взяться. В течение некоторого времени государство может поддерживать экономический рост путем перераспределения ресурсов, в том числе человеческих, но такой рост имеет глубокие внутренние ограничения. Когда предел достигнут, рост останавливается, как он остановился в СССР 1970-х годов. Более того, даже когда этот рост все еще был высоким, технический прогресс в большинстве отраслей был минимален. Только в военной промышленности, благодаря колоссальным ресурсам, которые в нее вкладывали за счет всех остальных отраслей хозяйства, активно развивались новые технологии: СССР даже удалось на какое-то время обогнать США в космической и ядерной гонках. Но этот рост без созидательного разрушения и технического прогресса во всех областях не мог быть устойчивым и в конце концов резко

прекратился.

Кроме того, условия, при которых экономический рост может сочетаться с экстрактивными институтами, по своей природе очень хрупки. Они могут быть разрушены конфликтами, которые всегда сопровождают работу экстрактивных институтов. На самом деле, экстрактивные политические и экономические институты всегда способствуют конфликтам, поскольку концентрируют огромную власть и все доходы в руках узкой группы. Если другая группа сможет одержать победу в схватке, вся власть и все ресурсы достанутся ей. Соблазн велик. Поэтому, как мы увидим, когда будем обсуждать закат и падение Римской империи и городов майя (см. стр. 218 и 198), борьба за контроль над абсолютистскими политическими институтами, обеспечивающими полную, неограниченную власть, тлеет постоянно и периодически разгорается, перерастает в гражданскую войну, приводит к смене режима, а иногда даже к полному краху и развалу страны. Одним из следствий этого является то, что даже если в условиях экстрактивных институтов и удастся достичь некоторого уровня централизации, это все равно ненадолго. Практика показывает, что конфликты из-за контроля над экстрактивными институтами часто приводят к гражданской войне и росту беззакония, закрепляют развал центральной власти, как это

произошло в большинстве стран Африки южнее Сахары и в некоторых странах Южной Азии и Латинской Америки.

Наконец, если рост экономики происходит в условиях экстрактивных политических, но в той или иной мере инклюзивных экономических институтов, как это было в Южной Корее, всегда есть риск того, что изменятся (станут более экстрактивными) как раз экономические институты и рост остановится. Те, в чьих руках власть, рано или поздно придут к выводу, что им выгоднее использовать ее не для поддержания экономического роста, а для ограничения конкуренции, увеличения своей доли в общем пироге или даже просто для ограбления успешных предпринимателей. Если политические институты не станут инклюзивными, возможность применять силу произвольно и использовать власть, чтобы перераспределять ресурсы, в конце концов подорвет основы экономического роста.

Глава 4

Груз истории: небольшие отличия и точки перелома

Мир, который сотворила чума

В 1346 году бубонная чума, «черная смерть», достигла генуэзской колонии Тана в устье реки Дон на Азовском море. Чума, переносчиками которой были живущие на крысах блохи, пришла в Европу из Восточной Азии вместе с товарами, которые шли по великой трансазиатской торговой артерии – Шелковому пути. Благодаря активной торговле, которую вели генуэзские купцы, зараженные крысы быстро распространили чуму из Танаиса по всему Средиземноморью. К началу 1347 года чума достигла Константинополя. Весной 1348-го она распространилась по Франции, Северной Африке и Италии и убивала примерно половину населения каждой территории, которой она достигала. За приходом чумы во Флоренцию наблюдал итальянский писатель и поэт Джованни Боккаччо. Позже он вспоминал это событие так:

«Болезнь начала проявлять свое плачевное действие страшным и чудным образом. Не так, как на востоке, где кровотечение из носа было явным знамением неминуемой смерти, – здесь в начале болезни у мужчин и женщин показывались в пахах или под мышками какие-то опухоли, разраставшиеся до величины обыкновенного яблока... Затем признак указанного недуга изменялся в черные и багровые пятна, появлявшиеся у многих на руках и бедрах и на всех частях тела... Казалось, против этих болезней не помогали и не приносили пользы ни совет врача, ни сила какого бы то ни было лекарства: почти все умирали на третий день после появления указанных признаков».¹⁸

Англичане видели, что зараза приближается, и прекрасно понимали, чем это грозит. В середине августа 1348 года король Эдуард III попросил архиепископа Кентерберийского организовать специальные молебны, и многие епископы отправили приходским священникам письма, которые надлежало зачитать в церквях после проповеди. Эти наставления должны были помочь людям справиться с предстоящими невзгодами. Ральф Шрусберийский, епископ Батский, писал клирикам своей епархии:

¹⁸ Здесь и далее цитаты из «Декамерона» Бокаччо даны в переводе А. Н. Веселовского.

«Господь Всемогущий со Своего небесного престола насылает гром, молнию и другие кары, чтобы поразить сыновей Своих, грех которых Он желает искупить. И ныне, когда ужасный мор, пришедший с Востока, бесчинствует в соседнем королевстве, мы должны молиться непрестанно, с верою в сердце и со страхом Божиим, чтобы мор сей не протянул и в наш край свои ядовитые щупальца, не поразил и не пожрал нашу паству. Посему надлежит нам всем обратиться к Господу с покаянием, непрестанно исповедуя грехи наши и читая псалмы».

Но это не помогло. Чума пришла и быстро истребила примерно половину населения Англии. Такие катастрофы могут оказывать сильнейшее воздействие на общественные институты. Многие люди решили вообще отказаться от соблюдения общественных норм. Как отмечал Бокаччо,

«некоторые утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять, по возможности, всякому желанию, смеяться и издеваться над всем, что приключается, – вот вернейшее лекарство против недуга... что, быть может, стало впоследствии причиной меньшего целомудрия в тех из женщин, которые исцелялись от недуга».

Но главное, что чума привела к значительным со-

циальным, экономическим и политическим изменениям в средневековой Европе.

В начале XIV века в Европе сохранялся феодализм – социально-экономическая и политическая система, которая сформировалась в Западной Европе после падения Римской империи. В ее основе лежала система взаимоотношений между королем, находящимся на самом верху «феодальной лестницы», феодалами в середине и крестьянами в самом низу. Король владел землей и жаловал ее феодалам в обмен на военную службу. Феодалы, в свою очередь, предоставляли землю крестьянам, которые должны были в течение определенного числа дней бесплатно работать на феодала, а также платить различные налоги и подати. Крестьяне, которые из-за своего зависимого (*servile*) положения назывались сервами (*serfs*), были прикреплены к земле и не имели права покинуть ее без разрешения феодала, который был не только землевладельцем, но и судьей, жюри присяжных и полицией в одном лице. Эта система носила ярко выраженный экстрактивный характер: богатство, созданное руками множества крестьян, присваивалось узким слоем землевладельцев.

Огромный дефицит рабочей силы, к которому привела чума, пошатнул основы феодального порядка и побудил крестьян требовать изменения своего поло-

жения. Например, в аббатстве Эйншем крестьяне потребовали сокращения многих податей и штрафов, а также отмены повинности в виде бесплатной работы на сеньора. Новый договор с ними начинался так:

«В год мора и чумы, что случился в 1349 году, едва ли два арендатора осталось в поместье, и даже они высказали намерение покинуть его, если только брат Николас Аптонский – тогдашний аббат и сеньор их – не согласится изменить условия их работы».

Он согласился. Требования крестьян были выполнены.

То, что случилось в Эйншеме, происходило повсеместно. Крестьяне начали освобождаться от принудительного и бесплатного труда на сеньора, а также от других повинностей. Их заработки стали расти. Правительство пыталось положить этому конец и в 1351 году приняло Статут о работниках, который гласил:

«Так как большая часть народа и больше всего рабочих и слуг уже умерли в эту чуму, то некоторые, видя затруднительное положение господ и малочисленность слуг, не желают служить иначе, как получая чрезмерное вознаграждение... мы, имея в мысли те серьезные неудобства, которые могут произойти от недостатка, в особенности в пахарях и других сельских рабочих... постановили:

Чтобы каждый мужчина и каждая женщина королевства нашего Англии... обязаны служить тому, кто их позовет, и брать то вознаграждение деньгами и натурой, которое в местностях, где они обязаны будут служить, обыкновенно давали в двадцатый год царствования короля нашего в Англии [король Эдуард III взшел на престол 25 января 1327 г., таким образом, речь идет о 1347 г.] или в последние пять или шесть лет». ¹⁹

Фактически статут пытался закрепить оплату крестьянского труда на уровне, который существовал до прихода «черной смерти». Английскую элиту особенно волновали случаи, когда один феодал переманивал крестьян другого. Решение было простым – наказывать переход от одного феодала к другому тюрьмой:

«И если жнец, косец или другой сельский рабочий или слуга какого бы состояния ни был, находящийся у кого-либо на службе, раньше окончания условленного в договоре срока от названной службы без разумной причины или без позволения хозяина уйдет, то должен быть наказан заключением в тюрьму, и никто... никому не должен платить или обещать платить вознаграждение натурой или деньгами больше обычного, как сказано выше».

¹⁹ Здесь и далее пер. Д. М. Петрушевского.

Попытка властей остановить спровоцированный «черной смертью» процесс изменения социальных институтов и системы распределения доходов провалилась. В 1381 году разразилось крестьянское восстание, и мятежникам во главе с Уотом Тайлером удалось даже захватить большую часть Лондона. Восстание было подавлено, а Тайлер убит, однако дальнейших попыток применить Статут о работниках больше не предпринималось. Феодалные повинности сокращались, в Англии стал формироваться инклюзивный рынок труда, а значит, начали расти и заработки крестьян.

Пандемия чумы, по-видимому, прокатилась по всему миру, и повсюду погибла примерно одна и та же доля населения. С демографической точки зрения последствия чумы в Восточной Европе были такими же, как в Англии и Западной Европе. Теми же самыми были и социально-экономические следствия чумы: рабочих рук не хватало, и люди стали требовать большей свободы от своих хозяев. Однако на востоке Европы более мощным оказался другой механизм. Да, недостаток рабочих рук мог означать рост заработков в условиях инклюзивного рынка труда. Но дефицит рабочей силы также стимулировал феодалов к тому, чтобы поддерживать экстрактивный характер рынка труда, в основе которого лежал крепостной труд.

Как мы уже видели в Статуте о рабочих, в Англии феодалы пытались добиться той же цели. Однако там переговорная сила крестьян оказалась достаточной, чтобы они добились своего. Не так обстояли дела в Восточной Европе. После чумы восточноевропейские землевладельцы начали захватывать все новые земли, так что их поместья – и так более крупные, чем у западных соседей, – стали еще обширнее. В то же время города оставались более слабыми и не такими густонаселенными, как на Западе. Вместо того чтобы приобрести новые права, восточноевропейские крестьяне оказались под угрозой того, что потеряют даже имеющиеся.

Социально-экономические последствия «черной смерти» особенно ярко проявились после 1500 года, когда на Западе вырос спрос на продовольственные товары из Восточной Европы: пшеницу, рожь, мясо и другие. 80 % ржи поступало в Амстердам с берегов Эльбы, Вислы и Одера. Вскоре уже половина всей быстро растущей внешней торговли Голландии была ориентирована на Восточную Европу. Чтобы рост производства успевал за ростом спроса на их товары на Западе, восточноевропейские землевладельцы постепенно, шаг за шагом усиливали контроль над рабочей силой. Впоследствии этот процесс назовут «вторым изданием» крепостничества, чтобы отличить

от гораздо более мягкого крепостного права эпохи Высокого Средневековья. Феодалы повысили налоги с крестьянских хозяйств и при этом забирали половину выращенного натурой. В польском Корчине в 1533 году вся работа на феодала оплачивалась. Однако к 1600-му уже в половине случаев феодалы пользовались подневольным крепостным трудом. В 1500 году в Мекленбурге (Восточная Германия) крестьяне должны были выполнять неоплачиваемую работу на сеньора только несколько дней в году. К 1550 году это был уже один день в неделю, а к 1600-му – три дня в неделю. В Венгрии феодалы получили полный контроль над своей землей в 1514 году и установили, что каждый крестьянин обязан один день в неделю бесплатно работать на господина. К середине XVI века обязательными стали два дня бесплатной работы в неделю, а к концу столетия повинность возросла до трех дней. Крепостные, которых касались эти законы, составляли в это время до 90 % всего сельского населения.

Хотя в 1346 году большой разницы между политическими и экономическими институтами Западной и Восточной Европы не было, к началу XVII столетия это были уже два разных мира. На Западе работники были свободны от феодальных повинностей и пут феодального права, и им скоро предстояло оказаться

в самом центре бурно развивающейся рыночной экономики. Крестьяне Восточной Европы тоже становились частью рыночной экономики, но лишь в качестве крепостных, которых силой заставляют работать на хозяина и выращивать сельскохозяйственные продукты, пользующиеся спросом на Западе. Это тоже была рыночная экономика, но она не была инклюзивной. Интересно, что такая институциональная дивергенция случилась как раз с теми двумя регионами, которые очень мало различались в начале пути: на востоке феодалы были немного более сплоченными, у них было несколько больше прав, а их земельные владения были менее рассредоточены территориально. В то же время города Восточной Европы были меньше по размеру и более бедными, а крестьяне – хуже организованы. В масштабах истории эти различия кажутся небольшими. Однако они оказались очень важными для жителей обоих регионов: когда феодальный порядок был подорван «черной смертью», эти небольшие различия направили Западную и Восточную Европу по разным траекториям институционального развития.

«Черная смерть» – это яркий пример исторической «точки перелома»: важного события или стечения обстоятельств, которое разрушает существующий экономический и политический порядок. Точка перело-

ма подобна обоюдоострому мечу, удар которого может резко повернуть траекторию развития страны как в одну, так и в другую сторону. С одной стороны, в точке перелома замкнутый круг воспроизводства экстрактивных институтов может быть разрушен и им на смену могут прийти более инклюзивные институты, как это произошло в Англии. С другой стороны, экстрактивные институты могут еще более укрепиться, как это произошло в случае со «вторым изданием» крепостничества в Восточной Европе.

Понимание того, как история и точки ее перелома определяют траекторию развития экономических и политических институтов, помогает нам построить более полную и совершенную теорию, объясняющую истоки современных богатства и бедности. Кроме того, это позволяет разобраться в текущем положении вещей в мире и попытаться выяснить, почему одни страны совершают переход к инклюзивным политическим и экономическим институтам, а другие нет.

Как появляются инклюзивные политические институты

Англия была первой страной, которая смогла совершить прорыв и добиться устойчивого экономического роста в XVII веке. Масштабным сдвигам в английской экономике предшествовали английские революции, которые изменили экономические и политические институты страны, сделав их гораздо более инклюзивными, чем когда-либо прежде. Инклюзивные институты не только оказали огромное влияние на экономические стимулы и общий уровень богатства, но и определили, кто больше всех выиграет от экономического роста. Эти институты возникли не как результат консенсуса; наоборот, их породила ожесточенная борьба за власть между различными группировками, которые оспаривали легитимность друг друга и добивались установления таких институтов, которые будут выгодны только им самим. Кульминацией конфликта, развернувшегося в XVI–XVII веках, стали два события: Английская гражданская война (1642–1651) и Славная революция (1688).

Славная революция ограничила власть короля и его министров и передала парламенту полномочия для формирования экономических институтов. В то

же время она открыла возможности для участия широких слоев граждан в политике и позволила им оказывать значительное влияние на работу правительства и на функционирование государства в целом. Славная революция заложила основы плюралистического общества, одновременно запустив быстрый процесс политической централизации. Она создала первый в мире более или менее полный набор инклюзивных политических институтов.

Это, в свою очередь, привело к тому, что экономические институты Англии тоже начали становиться более инклюзивными. Ни крепостное право, ни жесткие феодальные ограничения эпохи Средних веков не продержались в Англии даже до начала XVII века. Тем не менее в стране оставалось еще много препятствий для свободной экономической активности. Как внутренняя, так и международная торговля заметно страдали от монополизма. Король и его министры произвольно устанавливали налоги и манипулировали правосудием. Архаичная система прав собственности на большую часть земли делала инвестиции в нее рискованными, поскольку землю во многих случаях нельзя было продать.

Все изменилось после Славной революции. Государство создало систему институтов, которые стимулировали инвестиции, инновации и торговлю. Оно

твердо защищало права собственности, включая права собственности на идеи, закрепленные в патентах, что было необыкновенно важно для стимулирования инноваций. Государство поддерживало правопорядок в стране. Беспрецедентным в английской истории было распространение принципов английского права на всех граждан. Прекратилось произвольное установление новых налогов, а почти все монополии были упразднены. Правительство активно помогало развитию коммерции, в особенности промышленности и торговли, не только устраняя барьеры на пути предпринимателей, но и поставив им на службу мощный английский военно-морской флот. Четко определяя права собственности на все активы, правительство способствовало быстрому развитию инфраструктуры, особенно дорог, каналов и позже железных дорог, которые стали главным двигателем следующего этапа индустриального развития экономики.

Эти нововведения принципиально изменили экономические стимулы для рабочих и предпринимателей и запустили маховик экономического развития, которое проложило дорогу к промышленной революции. Во-первых и в-главных, промышленная революция была основана на крупнейших технологических достижениях эпохи, которые, в свою очередь, стали практическим результатом накопления научных зна-

ний в Европе в течение предыдущих нескольких веков. Это был настоящий скачок в будущее, ставший возможным благодаря таланту и любознательности целого ряда гениальных ученых, упорно стремившихся к познанию мира. Однако цепь научных открытий вылилась в промышленную революцию именно благодаря развитию рыночной экономики, которая сделала технологическое изобретательство и применение его результатов на практике коммерчески привлекательным делом. Инклюзивный характер институтов рыночной экономики позволил людям найти своим талантам наилучшее применение. Знания и профессиональные навыки широких масс населения играли ключевую роль в промышленной революции. Именно благодаря относительно высокому – по меркам того времени – уровню образования, в Англии появилось столько предпринимателей, способных применить новые технологии в своем бизнесе. Мало того, у них была возможность нанять рабочих, достаточно подготовленных к обращению с техническими новинками.

Не случайно, что промышленная революция началась в Англии всего спустя несколько десятилетий после Славной революции. Великие изобретатели, такие как Джеймс Уатт (усовершенствовавший паровую машину), Ричард Тревитик (построивший первый паровоз), Ричард Аркрайт (создавший прядильную ма-

шину) и Изамбард Кингдом Брюнель (менявший представления о пределах технологических возможностей при постройке каждого нового своего парохода), могли воспользоваться коммерческим потенциалом своих изобретений, будучи уверенными, что их права собственности священны. Кроме того, у них был доступ на рынок, где они могли с выгодой продать свои изобретения другим. В 1775 году, сразу после того, как был продлен патент Уатта на его модель паровой машины – он называл ее «Огненной машиной» (*Fire Engine*), – изобретатель писал своему отцу:

«Дорогой отец,
несмотря на разнообразное и жесткое сопротивление, я наконец добился от Парламента закрепления за мной и моими наследниками права собственности на мою новую Огненную машину по всей Великобритании и на ее плантациях на ближайшие 25 лет, что, я надеюсь, сулит мне большие выгоды, ведь значительный спрос на нее уже есть».

Это письмо демонстрирует два обстоятельства. Во-первых, возможность заработать на своих изобретениях: «значительный спрос» в Великобритании и «на ее плантациях», то есть в заморских колониях, действительно мотивировали Уатта в работе. Во-вторых, он смог добиться нужного решения от парламента.

Это говорит о том, что парламент откликнулся на нужды предпринимателей и изобретателей.

Технологические достижения, желание и готовность бизнеса инвестировать и расширяться, эффективное использование умений и талантов людей – все это стало возможным благодаря инклюзивным экономическим институтам, которые появились в Англии. Они, в свою очередь, были основаны на инклюзивных политических институтах.

Англия смогла сделать свои политические институты инклюзивными, опираясь на два фактора. Прежде всего ее политические институты были достаточно централизованными, чтобы их можно было изменить, причем изменить радикально, что и случилось после Славной революции. Этот фактор резко отличал Англию от большей части стран тогдашнего мира, однако не от других западноевропейских стран, например от Франции или Испании, которые в этом отношении были весьма похожи на Англию.

Более важным оказался второй фактор. Накануне Славной революции в стране сформировалась широкая и мощная коалиция, способная наложить прочные и долговечные ограничения на власть монарха и его министров. Последние, в свою очередь, вынуждены были уступить требованиям этой коалиции. Это и создало основу для плюралистических политиче-

ских институтов, заложивших фундамент для инклюзивных экономических институтов и, в конечном счете, для первой в истории промышленной революции.

Значительные последствия незначительных различий

Мировое неравенство резко выросло после английской промышленной революции, поскольку лишь часть остального человечества переняла технологические инновации, созданные такими людьми, как Аркрайт, Уатт и их многочисленные последователи. Реакция разных стран на беспрецедентную волну новых технологий определила их дальнейшую судьбу – от прозябания в бедности до достижения устойчивого экономического роста – и во многом зависела от траектории исторического развития их институтов. К середине XVIII века политические и экономические институты разных стран уже заметно различались. Но откуда пришли эти различия?

К 1688 году британские политические институты гораздо дальше продвинулись на пути к плюрализму, чем французские и испанские, но если мы отступим на сто лет назад, в 1588 год, различия почти исчезнут. Всеми тремя странами правили абсолютные (в той или иной степени) монархи: в Англии – Елизавета I, в Испании – Филипп II, во Франции – Генрих II. Все они вынуждены были постоянно бороться с представительными органами собственных стран – английским

парламентом, испанскими кортесами и французскими Генеральными штатами, которые требовали себе больше полномочий, в том числе права контролировать власть монарха. Но эти представительные органы отличались один от другого своей структурой и степенью влияния на ключевые элементы государственной политики. Например, английский парламент и испанские кортесы устанавливали налоги, тогда как Генеральные штаты не могли определять налоговую политику Франции; эта привилегия оставалась за королем.

Налоговые полномочия кортесов были не так уж важны для испанской короны, которая начиная с 1492 года построила огромную колониальную империю в Америке и получала колоссальную прибыль от добычи там золота и серебра. В Англии ситуация была иной. Елизавета I не обладала финансовой независимостью испанских монархов, и если она хотела установить более высокий налог, ей приходилось просить об этом парламент. В обмен парламент требовал уступок у Елизаветы, прежде всего – ограничения права монарха даровать монополии. Победа в этой борьбе, хоть и не сразу, досталась парламенту. Испанские кортесы аналогичную борьбу проиграли. Внешняя торговля Испании не просто была монополизирована – она была монополизирована самой ис-

панской монархией.

Эти различия, которые изначально могли показаться незначительными, начали играть все более важную роль в XVII веке. Хотя Америка была открыта в 1492 году, а Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды на южной оконечности Африки и достиг Индии в 1498-м, лишь после 1600 года начался резкий рост мировой торговли, особенно на трансатлантических направлениях. В 1585 году в Роаноке (ныне Северная Каролина) была сделана первая попытка колонизации Северной Америки англичанами. В 1600 году была создана Английская, а в 1602-м Голландская Ост-Индские компании. В 1607 году Вирджинская компания основала колонию Джеймстаун. В 1620-х произошла колонизация островов Карибского моря, в частности, Барбадос был завоеван в 1627 году. Франция также перешагнула через Атлантику, основав в 1608 году город Квебек – столицу Новой Франции (ныне это территория Канады). Однако последствия этой экономической экспансии оказались совершенно разными для Англии и для Франции с Испанией как раз в силу весьма небольших различий на старте.

Елизавета I и ее наследники не смогли монополизировать торговлю с Америкой и сосредоточить в своих руках, тогда как другим европейским монархам это удалось. В результате в Англии, благодаря трансат-

лантической торговле и колонизации, начала складываться большая группа состоятельных купцов, мало связанных с короной, но ни во Франции, ни в Испании этого не произошло. Английские купцы не желали терпеть контроль со стороны монарха и требовали изменений в политических институтах, в частности ограничения королевской власти. Они и сыграли ключевую роль в Английской, а затем и в Славной революциях.

Подобные конфликты происходили повсеместно. Например, в 1648–1652 годах французскому правящему дому пришлось выдержать столкновение с Фрондой.²⁰ Разница состояла в том, что в Англии у противников абсолютизма были гораздо более высокие шансы победить: их было гораздо больше, и они располагали гораздо более существенными финансовыми ресурсами, чем оппоненты монархов в Испании и Франции.

Дивергенция путей развития Англии, Франции и Испании в XVII веке ярко иллюстрирует, как небольшие отличия между странами, проходя через точки перелома, становятся определяющими для их судеб. Крупное событие или стечение обстоятельств может разрушить сложившийся баланс экономических и по-

²⁰ *Fronde* (фр. «праща») – антиправительственные мятежи и смуты 1648–1653 гг., фактически поставившие Францию на грань гражданской войны.

литических сил и стать точкой перелома на пути институционального развития страны. Это может случиться и с какой-нибудь одной страной, как, например, произошло в коммунистическом Китае после смерти Мао Цзедуна в 1976 году. Однако зачастую в точке перелома оказываются сразу несколько стран, как это было в эпоху колонизации, а потом и деколонизации. Обе эти эпохи изменили весь мир.

Точки перелома столь важны потому, что они воздвигают труднопреодолимые барьеры на пути постепенного самоусовершенствования системы, основанной на синергии между экстрактивными политическими и экстрактивными экономическими институтами. Непрерывная взаимная поддержка этих институтов порождает порочный круг: те, кто выигрывает от сохранения статус-кво, лучше организованы и располагают более значительными ресурсами, что позволяет им блокировать любые важные изменения, угрожающие их экономическим привилегиям и доступу к власти.

В точке перелома небольшие институциональные отличия приводят к совершенно разным ответам на вызовы времени. Так, относительно небольшие отличия на старте вывели Англию, Францию и Испанию на совершенно разные траектории развития. В данном случае точкой перелома стали огромные возможно-

сти, которые открыла для европейцев колонизация и трансатлантическая торговля.

Хотя в точках перелома даже небольшие институциональные отличия могут иметь далеко идущие последствия, не все эти отличия обязательно небольшие, и, разумеется, следствия значительных отличий будут еще более важными. Пусть отличия Англии от Франции в 1588 году были небольшими, но различия между Западной и Восточной Европой были гораздо более заметными. На Западе сильные централизованные государства, такие как Англия, Франция и Испания, имели, пусть и не очень развитые, конституционные процедуры и институты (соответственно парламент, Генеральные штаты и кортесы). Экономические институты этих стран также имели много общего, например, ни в одной из них не было крепостного права.

Совсем другим было положение в Восточной Европе. Например, Речью Посполитой (унией, а затем федерацией Королевства Польского и Великого княжества Литовского) управляла узкая прослойка элиты, именуемая шляхтой. Шляхта была настолько сильна, что даже смогла сделать пост короля выборным. Власть избранного короля не была абсолютной, такой же, какой пользовался французский «король-солнце» Людовик XIV. Тем не менее это тоже был абсолютизм

– абсолютная власть элиты, основанная на экстрактивных политических институтах. Шляхта управляла по большей части аграрной страной, большинство населения которой составляли крепостные, у которых не было никаких экономических возможностей и даже права на свободное передвижение. Дальше на восток российский император Петр Великий тоже строил абсолютную монархию, причем значительно более жесткую и экстрактивную, чем мог бы себе представить Людовик XIV, символ европейского абсолютизма. Простой способ увидеть огромный разрыв между Западной и Восточной Европой, сформировавшийся к началу XIX века, – взглянуть на карту 8, на которой показано, в каких странах в 1800 году еще существовало крепостное право. В странах, закрашенных темным, оно все еще сохранялось; в странах, оставленных светлыми, его не было. Темным закрашена Восточная Европа, светлыми остались страны Западной Европы.

Однако институты Западной Европы не всегда так сильно отличались от своих аналогов на востоке. Дивергенция началась в XIV веке, когда пришла «черная смерть». Существовавшие до того отличия были небольшими. И действительно, Англия и Венгрия даже управлялись членами одной и той же семьи – Анжуйского дома. Принципиальные отличия между За-

падом и Востоком проявились только после пандемии чумы, и именно они предопределили все большее расхождение траекторий развития в XVII–XIX веках.

Но откуда взялись те отличия, пусть небольшие, которые уже существовали к XIV веку? Почему уже к этому времени политические институты в Западной и Восточной Европе различались? Почему баланс сил между монархом и парламентом был в Англии не таким, как во Франции и Испании? Как мы увидим в следующей главе, даже гораздо менее сложные общества, чем наша современная цивилизация, создают систему политических и экономических институтов, оказывающих огромное влияние на жизнь людей. Это утверждение верно даже для обществ охотников-собирателей, как показывают исследования сохранившихся традиционных сообществ, таких как бушмены Ботсваны, которые не знают оседлого земледелия и даже не имеют постоянных поселений.

Карта 8. Крепостное право в Европе в 1800 г. (указаны современные границы государств)

Нет двух сообществ с одинаковыми институтами; различаются традиции и особенности права собственности – вплоть до того, как следует делить тушу убитого животного или имущество, награбленное у соседей. Некоторые сообщества признают власть старейшин, другие нет; некоторые рано достигают определенного уровня политической централизации, дру-

гие нет. Постоянно тлеющие экономические и политические конфликты разрешаются в разных обществах по-разному, в зависимости от исторических обстоятельств, личной роли отдельных людей и просто случайности.

Вначале эти отличия могут быть небольшими, но они могут накапливаться, формируя тренд. Так же как гены двух изолированных групп будут все больше различаться в силу дрейфа генов, то есть накопления случайных генетических мутаций, два изначально похожих общества будут медленно отдаляться друг от друга институционально. Хотя «дрейф институтов», так же как дрейф генов, не имеет определенного направления и даже необязательно имеет кумулятивный (накопительный) характер, но если он продолжается столетиями, то может привести к заметным, а иногда и принципиальным различиям. Появившиеся в результате институционального дрейфа различия начинают влиять на то, как общество реагирует на политические и экономические вызовы. И в этот момент небольшие отличия становятся судьбоносными.

Огромные различия между путями экономического развития, по которым идут разные страны, появились в результате сложной взаимосвязи между институциональным дрейфом и точками перелома. Существующие политические и экономические институ-

ты – неважно, результат ли это институционально-го дрейфа или выбора, который сделало общество в точке перелома, – создают платформу, на которой будут разворачиваться будущие изменения. «Черная смерть» и развитие мировой торговли после 1600 года были точками перелома в судьбе европейских держав и, наложившись на уже имевшиеся институциональные различия между ними, предопределили расхождение траекторий их развития. Поскольку в 1346 году крестьяне Западной Европы обладали большей независимостью и большей переговорной силой, чем их собратья на востоке, «черная смерть» на западе привела к ликвидации феодализма, а в Восточной Европе – ко «второму изданию» крепостничества. А поскольку дивергенция между Восточной и Западной Европой началась еще в XIV веке, то новые экономические возможности, возникшие в XVII–XIX столетиях, повлекли совершенно разные последствия в этих двух частях Европы. Поскольку к 1600 году власть короля в Англии была более слабой, чем во Франции и в Испании, трансатлантическая торговля способствовала созданию новых, более плюралистических институтов именно в Англии, тогда как во Франции и Испании она лишь укрепила власть монарха.

Условно детерминированный исторический путь

Под давлением истории формируются те политические и экономические институты, которые определяют баланс сил и очерчивают границы возможного в политике. В конечном счете от этого зависит, какой путь развития для страны будет намечен в очередной точке перелома. Этот путь развития, однако, не является исторически детерминированным, неизбежным: он зависит от конкретных обстоятельств в точке перелома. На какой путь институционального развития встанет страна, зависит, в частности, от того, какая из враждующих групп одержит верх, какие группы смогут составить коалицию с другими, какие политические лидеры смогут повернуть ситуацию в свою пользу.

Роль таких обстоятельств хорошо видна в истории появления инклюзивных политических институтов в Англии. Тот факт, что в Славной революции 1688 года одержали победу общественные группы, выступавшие за ограничение королевской власти и больший плюрализм политических институтов, не только не был предопределен – он просто стал результатом удачного стечения обстоятельств. Например, этот успех был напрямую связан с тем, что трансатлан-

тическая торговля обогатила независимых от монарха купцов и вселила в них уверенность в своих силах. Но всего за сто лет до этого было совершенно неочевидно, что Британия со временем будет «править морями», колонизирует значительную часть Северной Америки и островов Карибского моря, поставит под свой контроль большую часть мировой торговли с Америкой и Индией. Ни Елизавета I, ни ее предшественники из династии Тюдоров не смогли построить сильные военно-морские силы. Английский флот, состоявший главным образом из кораблей каперов²¹ и судов, принадлежавших частным купцам, был гораздо слабее испанского. Однако прибыль, которую сулила трансатлантическая торговля, привлекла достаточно каперов, чтобы испанское превосходство на море оказалось под вопросом. В 1588 году испанцы решили положить конец английскому разбою на море, а заодно удержать Англию от вмешательства в войну, которую боровшиеся за независимость нидерландские провинции начали против испанской короны.

Испанский король Филипп II снарядил мощный флот, который был назван «Непобедимой армадой» и

²¹ Капер (приватир) – пират на государственной службе: частное лицо, получившее от властей патент на захват, ограбление и уничтожение торговых судов враждебного государства.

во главе которого встал герцог Медина-Сидония. Многим казалось, что испанцы неизбежно одержат убедительную победу, которая позволит им укрепить свое доминирующее положение на морях, а может быть, даже свергнуть Елизавету I и получить контроль над Британскими островами. Но в действительности все произошло совсем не так. Плохая погода и ошибочная стратегия, которую избрал Медина-Сидония (назначенный командующим в последний момент, после смерти более опытного флотоводца), привели к тому, что Армада не смогла использовать свои преимущества перед английским флотом. Несмотря на все трудности, англичане смогли рассеять и уничтожить большую часть кораблей противника, хотя их собственный флот был далеко не таким мощным. На карте 9 можно увидеть финал драмы – маршрут, по которому англичане гнались за спасающимися от нихцелевыми кораблями Армады.

После этой невероятной победы воды Атлантики оказались открыты для англичан наравне с испанцами; не будь этой победы – и силы, которые в конце концов привели Англию к переломной точке Славной революции 1688 года и установлению плюралистических политических институтов после нее, так и не вышли бы на историческую сцену.

Конечно, в 1588 году никто не мог предсказать по-

следствий неожиданной победы англичан. Вряд ли кто-то из современников понимал, что через столетие эта победа приведет страну в точку перелома, в которой Англия совершит выбор в пользу политического плюрализма.

Однако ошибочно было бы думать, что точка перелома всегда сулит политическую революцию, которая принесет изменения к лучшему. В истории полно примеров того, как революция или радикальное социальное движение приводили к смене одной тирании на другую. Немецкий социолог Роберт Михельс назвал это явление «железным законом олигархии» – особенно пагубным вариантом порочного круга. Окончание эпохи колониализма после Второй мировой войны стало точкой перелома для многих бывших колоний. Однако в большинстве стран Африки южнее Сахары и во многих странах Азии независимые правительства подтверждали закон Михельса, воспроизводя или даже усугубляя худшие черты колониальных администраций: они сосредоточили власть в своих руках, избавились от любых ограничений собственного произвола и уничтожили даже те слабые стимулы для инвестиций, которые имелись в стране. Лишь в нескольких бывших колониях, например в Ботсване (см. стр. 162), точка перелома направила страну на путь создания политических институтов, которые спо-

способствуют экономическому росту.

Карта 9. Гибель Непобедимой армады и ключевые

точки поворотного момента 1588 г.

Точка перелома может дать старт движению в сторону экстрактивных, а не инклюзивных институтов. Инклюзивные институты, хотя они и запускают свой собственный «круг благоразумия» (*virtuous circle*) – механизм самовоспроизводства и самоусиления, все же могут, столкнувшись с препятствиями в точке перелома, изменить направление развития и постепенно становиться все более экстрактивными. Это, однако, тоже не предопределено исторически, а зависит от обстоятельств. Как мы увидим в главе 6, средневековая Венецианская республика сделала важные шаги в сторону инклюзивных политических и экономических институтов. Однако если в Англии после Славной революции 1688 года инклюзивные институты постепенно становились все сильнее, то в Венеции они постепенно выродились в экстрактивные институты, контролируемые узким слоем элиты, которая смогла монополизировать в своих руках как политическую власть, так и экономические возможности.

Положение вещей: в поисках объяснения

Появление инклюзивных институтов и начало устойчивого экономического роста в XVIII веке привели к развитию рыночной экономики сначала в Англии, а затем и во многих других уголках света, не в последнюю очередь потому, что многие из этих уголков были колонизированы англичанами. Однако если эффект от экономического роста в Англии был поистине всемирным, то распространение породивших его экономических и политических институтов было совсем не таким глобальным. Влияние промышленной революции было разным в разных странах мира, так же как приход «черной смерти» имел разные последствия для Западной и Восточной Европы, а развитие трансатлантической торговли вывело Англию и Испанию на совершенно разные траектории развития. Институты, сформировавшиеся к тому времени в разных странах мира, предопределили, как именно повлияет промышленная революция на каждую из них. Эти институты были и в самом деле весьма различными: изначально небольшие различия между странами постепенно накапливались и, более того, усиливались, проходя через очередные точки перелома. С последстви-

ями этих различий нам приходится иметь дело до сих пор, поскольку развитие по порочному кругу бедности чаще всего (но не всегда!) только усиливало эти различия. Понимание природы этих различий – ключ к тому, чтобы объяснить, как возникло мировое экономическое неравенство, которое мы наблюдаем сегодня.

В некоторых странах в некоторых частях света удалось построить институты, очень похожие на английские, хотя пришли к ним совсем другим путем. Подобные институты будут сформированы, например, в европейских колониях – в Австралии, Канаде и США, хотя к моменту начала промышленной революции этот процесс там только стартовал. Как мы убедились в главе 1, процесс, начавшийся с основанием колонии в Джеймстауне и достигший своего апогея во время Войны за независимость и принятия Конституции США, сильно напоминал борьбу английского парламента за ограничение прав короля. В обоих случаях результатом стало централизованное государство с плюралистическими политическими институтами. В странах, избравших эту траекторию развития, промышленная революция быстро набрала обороты.

Страны Западной Европы, прошедшие во многом похожий путь, к моменту, когда началась промышленная революция, тоже имели сходные с английскими политические институты. И все же небольшие отли-

чия Англии от остальных стран послужили причиной того, что промышленная революция началась именно здесь, а не, скажем, во Франции. Промышленная революция в корне изменила ситуацию на континенте и поставила европейских монархов перед лицом новых вызовов. Их ответ на эти вызовы спровоцировал целый ряд конфликтов, кульминацией которых стала Великая французская революция – еще одна историческая точка перелома, которая привела к тому, что институты стран Западной Европы стали еще более сходны с английскими, в то время как отставание Восточной Европы еще усилилось.

Пути институционального развития остального мира были столь же разнообразны. Завоевание Америки европейскими колониальными империями обусловило дивергенцию между Северной Америкой, где Канада и США построили инклюзивные институты, и Южной Америкой, где институты были крайне экстрактивными. Эта дивергенция объясняет экономическое неравенство между разными странами обеих Америк. Установленные испанскими конкистадорами экстрактивные институты оказались живучими и привели большую часть Южной и Центральной Америки к бедности. Аргентина и Чили, однако, демонстрировали гораздо лучшие экономические результаты, чем их соседи. Коренное население этих стран было со-

всем немногочисленным, полезных здесь было мало, поэтому испанцы сосредоточились в первую очередь на землях ацтеков, майя и инков. Неслучайно самый бедный регион Аргентины – это северо-запад, единственная часть страны, которая была интегрирована в испанскую колониальную экономику. Устойчивая бедность этого региона – прямой результат работы экстрактивных политических институтов, во многом сходный с наследием миты Потоси в Боливии и Перу (см. стр. 28).

Тем временем институты, сформировавшиеся в Африке, сделали эту часть света наименее подготовленной к тому, чтобы воспользоваться плодами промышленной революции. В течение как минимум последней тысячи лет Африка, за редким и недолгим исключением нескольких стран, накапливала отставание от остального мира как в технологиях, так и в политическом развитии, а в конечном счете – в уровне благосостояния. Именно здесь централизованные государства сформировались очень поздно и не очень успешно. Там, где они все-таки укрепились – например, в Конго, – это обычно были жестокие абсолютистские системы, которые быстро приходили к краху. Наряду с Африкой от отсутствия централизованного государства страдают Афганистан, Гаити, Непал, которые тоже не смогли сформировать правительство,

способное контролировать всю территорию страны и поддерживать уровень стабильности, минимально необходимый хотя бы для ограниченного экономического роста. Хотя эти страны расположены в других частях света, по своей институциональной структуре они больше всего похожи на страны Африки южнее Сахары и потому остаются одними из беднейших на планете.

Корни экстрактивных институтов Африки лежат в том же накоплении небольших различий, которые со временем, проходя через точки перелома, становятся судьбоносными. В данном случае негативные тенденции носили особенно злокачественный характер, в особенности в период расширения трансатлантической работорговли. Она создала новые возможности для Королевства Конго уже в тот самый момент, когда в него прибыли первые европейские работорговцы. Международная торговля изменила Королевство Конго так же сильно, как она изменила страны Европы, но, как и в других случаях, определяющими оказались первоначальные различия. Спрос на рабов трансформировал конголезский абсолютизм из обычного экстрактивного – основанного на изъятии выращенных населением продуктов, да и то не всех, – в гиперэкстрактивный, когда основой экономики стало массовое порабощение населения и последующая

продажа рабов португальцам в обмен на огнестрельное оружие и предметы роскоши для конголезской элиты.

Небольшие различия на старте между Англией и Конго привели к тому, что в точке перелома, возникшей с расширением трансатлантической торговли, Англия встала на путь построения плюралистических политических институтов, в то время как в Конго была потеряна последняя надежда на то, что абсолютизм удастся реформировать. В большинстве африканских стран существенная прибыль, которую приносила работорговля, приводила не только к увеличению ее масштабов и к тому, что права собственности защищались все хуже, но и к постоянным военным конфликтам и, следовательно, разрушению даже тех немногих институтов, что еще работали. В течение нескольких веков любой процесс централизации государства всегда рано или поздно поворачивал вспять, и в конечном счете попытки многих африканских стран построить централизованное государство так и остались безуспешными. Хотя иногда на почве эксплуатации выгодной работорговли в Африке все же появлялись сильные государственные образования, их власть была основана на вооруженном насилии и грабеже. Таким образом, точка перелома, ознаменовавшаяся открытием Америки, помогла Англии

сформировать инклюзивные институты, в то же время сделав институты Африки еще более экстрактивными.

Хотя работорговля в общем и целом прекратилась после 1807 года, последующие формы европейского колониализма также не принесли Африке процветания: они не только обратили вспять некоторые зачатки экономической модернизации в Южной и Западной Африке, но и покончили с любой надеждой на самостоятельное реформирование своих институтов самими африканскими странами. Даже за пределами территорий, где нормой жизни стали массовые грабежи и убийства – таких как Конго, Мадагаскар, Намибия или Танзания, – надежды на смену траектории институционального развития оказались призрачными.

Мало того, колониальные администрации в 1960-х годах оставили Африке еще более неудачное институциональное наследие, чем те институты, с которых она начинала до прихода европейцев. Особенности политических и экономических институтов, сформировавшихся во многих странах Африки во времена колониализма, привели к тому, что обретение независимости от метрополии стало не шансом изменить эти институты к лучшему, а отличной возможностью для беспринципных политиков воспользоваться экстрактивным характером этих институтов, а зачастую

и усилить их экстрактивность. Стимулы, которые колониальные административные структуры создавали для политиков, привели к воспроизводству абсолютистских государств, не способных при этом ни контролировать собственную территорию, ни обеспечить защиту прав собственности даже на той части территории, которую они контролировали.

Промышленная революция не пришла в Африку и по сей день потому, что этот континент уже долгое время страдает от порочного круга укрепления и воспроизводства экстрактивных политических и экономических институтов. В дальнейшем (см. стр. 535) мы увидим, как в XIX веке король Кхама, дед первого премьера независимой Ботсваны Серетсе Кхамы, начал модернизацию политических и экономических институтов своей страны. Уникальный случай, но они не были уничтожены в период колониализма, во многом благодаря дипломатическому таланту, хитрости и настойчивости, которые Кхама и последующие лидеры страны проявляли в отношениях с колониальными властями. Пройдя через точку перелома, связанную с обретением независимости, эти модернизированные Кхамой институты заложили основу экономических и политических успехов Ботсваны. Это еще один пример того, какими важными могут оказаться небольшие различия на старте.

Существует традиция рассматривать исторические события как неизбежные следствия глубинных процессов и действия глубинных факторов. Хотя мы уделили много внимания тому, как историческое развитие экономических и политических институтов может приводить как к образованию порочного круга, так и «круга благоразумия» (*virtuous circle*), на примере развития английских институтов видно, что стечение обстоятельств тоже может играть значительную роль.

Серетсе Кхама, учившийся в 1940-х годах в Англии, влюбился там в белую девушку по имени Рут Уильямс. В результате расистский режим апартеида Южной Африки добился от англичан того, чтобы они запретили Кхаме возвращаться в английский протекторат Бечуаналенд (прежнее название Ботсваны), и Кхама был вынужден отречься от престола. Когда он все же вернулся, чтобы принять участие в борьбе за независимость страны, он решил не использовать в своих интересах сложившиеся институты, а адаптировать их к потребностям современности. Кхама был совершенно необычным для Африки правителем, посвятившим себя обустройству своей страны и не заботившимся о накоплении личного богатства; большинству африканских стран не так повезло с лидерами. В успехе Ботсваны сочетались оба фактора: и историческое развитие институтов, и стечение обстоя-

ательств, которое привело к тому, что эти институты были не разрушены, как почти везде в Африке, а укреплены.

В XIX веке абсолютистские режимы, во многом похожие на африканские или восточноевропейские, заблокировали индустриализацию во многих странах Азии. В Китае режим абсолютной монархии сочетался со слабостью (либо полным отсутствием) вольных городов, купцов и промышленников. Китай был крупнейшей морской державой и активно вел торговлю на дальние расстояния за много столетий до того, как этим начали заниматься европейцы. Но в самый неподходящий момент, в конце XIV – начале XV века, он фактически самоустранился из международной морской торговли, поскольку правящая в Китае династия Мин решила, что созидательное разрушение, спровоцированное активными торговыми связями с другими странами, начинает угрожать власти императора в Поднебесной.

В Индии эволюция институтов породила в уникальной степени лишенную гибкости наследственную кастовую систему, которая ограничивала работу рыночных механизмов и эффективное распределение трудовых ресурсов даже гораздо сильнее, чем феодализм средневековой Европы. Кроме того, система

каст помогла укрепиться абсолютистским правителям из династии Великих Моголов. Системы, чем-то напоминающие кастовую систему Индии, существовали и в Европе. Фамилии, распространенные сейчас в англоязычном мире – такие как Бейкер, Купер и Смит,²² – это память о профессиях, передававшихся по наследству: Бейкеры пекли хлеб, Куперы делали бочки, а Смиты ковали железо. Но в Европе это цеховое разделение никогда не было таким жестким, как кастовая система в Индии, и происхождение постепенно перестало быть определяющим при выборе профессии. Индийские купцы торговали по всему Индийскому океану, а в самой Индии активно развивалось текстильное ремесло, однако система каст и абсолютизм Великих Моголов стали труднопреодолимым препятствием для развития инклюзивных экономических институтов в Индии. К XIX веку ситуация еще меньше подходила для начала индустриализации, чем раньше, поскольку Индия стала колонией Англии и метрополия установила здесь экстрактивные институты.

Китай никогда формально не был чьей-либо колонией, но потерпев поражение от англичан в двух «опиумных» войнах 1839–1842 и 1856–1860 годов, был вынужден согласиться на подписание целой серии уни-

²² *Backer, Cooper, Smith* – соответственно «пекарь», «бочар» и «кузнец».

зительных соглашений, которые позволяли европейцам экспортировать в Поднебесную свои собственные и колониальные товары (в первую очередь опиум). Неспособность Китая и Индии воспользоваться плодами промышленной революции привела к тому, что Азия (за исключением Японии) начала отставать в развитии от уходящей все дальше и дальше вперед Западной Европы.

Институциональное развитие Японии в XIX веке также иллюстрирует, как накопление небольших различий между странами и прохождение через исторические точки перелома определяет судьбы народов. В Японии, так же как и в Китае, существовал абсолютистский режим. Род Токугава, пришедший к власти в 1603 году, управлял феодальной системой страны, в частности запретив внешнюю торговлю (и вообще контакты с иностранцами). Япония тоже оказалась в точке перелома, возникшей под угрозой иностранного вторжения: в июле 1853 года в залив Эдо вошли четыре американских военных корабля и командор Мэтью Перри потребовал от японских властей торговых преференций, подобных тем, что Англия получила от Китая в результате «опиумных» войн. Однако в Японии эта точка перелома привела к совсем другим последствиям. Дело в том, что, несмотря на географическую

близость и активное взаимодействие двух стран, к XIX веку пути институционального развития Китая и Японии уже успели несколько разойтись.

Хотя Япония была абсолютистским государством с экстрактивными институтами, влияние рода Токугава на других крупных феодалов было ограниченным, а его первенство постоянно оспаривалось. Хотя и в Китае не были редкостью крестьянские восстания и покушения на власть императора, власть последнего была там гораздо более прочной, а оппозиция ему – гораздо хуже организована. Среди крупных китайских феодалов не было ни одного, кто мог бы оспорить власть императора, а тем более предложить иной путь институционального развития. Это отличие от Японии – незначительное, если сравнить с теми различиями, которые отделяли Японию с Китаем от Западной Европы, – стало определяющим в тот момент, когда обе страны оказались в точке перелома перед лицом угрозы со стороны непрошенных гостей из Англии и США. И если в Китае абсолютистский режим удержался и после «опиумных» войн, то в Японии американская угроза помогла оппозиции консолидироваться и успешно свергнуть режим Токугава, совершив революцию, так называемую реставрацию Мейдзи, о которой мы подробно поговорим в главе 10. Эта революция позволила Японии сделать свои по-

литические и особенно экономические институты более инклюзивными и заложила фундамент невероятно быстрого экономического роста в XX веке. Китай же в этот период все еще прозябал под властью абсолютизма.

История о том, что Япония отреагировала на угрозу со стороны США, запустив процесс фундаментального реформирования своих институтов, помогает нам понять другой важный механизм современного экономического мироустройства: как именно происходит переход от стагнации к быстрому росту. После Второй мировой войны Южная Корея, Тайвань и, наконец, Китай достигли головокружительных темпов экономического роста, пойдя по тому же пути, что ранее избрала Япония. В каждом из этих случаев началу экономического роста предшествовали фундаментальные изменения в экономических (хотя, как видно на примере Китая, необязательно политических) институтах страны.

Другой важный вопрос: почему быстрый экономический рост иногда внезапно заканчивается, а реформирование институтов вдруг идет вспять? Так же, как решительные шаги в пользу установления инклюзивных институтов могут вывести страну на траекторию быстрого роста, крутой поворот в сторону от этой траектории может привести к длительной стагнации эконо-

номики. Но еще чаще, как это было в Аргентине или Советском Союзе, быстрый рост прекращается потому, что он происходил в рамках экстрактивных институтов и не мог преодолеть внутренние ограничения системы. Как мы уже видели, это может происходить по двум причинам: либо режим становится настолько экстрактивным, что обрушивается под собственным весом; либо отсутствие инноваций и созидательного разрушения постепенно истощает импульс экстрактивного роста. Как в эти внутренние ограничения экстрактивного роста уперся Советский Союз, мы расскажем в следующей главе.

Если политические и экономические институты, сложившиеся в Латинской Америке в последние пятьсот лет, стали прямым следствием испанского колониального владычества, то институты Ближнего Востока были сформированы османской колонизацией. В 1453 году турки-османы под предводительством султана Мехмеда II взяли Константинополь и сделали его своей столицей. До конца столетия турки завоевали большие территории на Балканах, а в первой половине XVI века под их власть перешли Ближний Восток и Северная Африка. К 1566 году, когда умер султан Сулейман Великолепный, Османская империя простиралась от Туниса на востоке через Египет и Аравий-

ский полуостров, включая Мекку, вплоть до территории современного Ирака. Султан Османской империи был абсолютным монархом, который прислушивался к советам всего нескольких приближенных, однако власть не делил даже с ними. Экономические институты, которые установили османы, были в высшей степени экстрактивными. Например, в Османской империи вообще не существовало частной собственности на землю: вся земля в империи формально принадлежала султану. Земельный налог и налог на сельскохозяйственную продукцию, наряду с военными трофеями, были главными источниками наполнения государственной казны. Однако Османы не могли контролировать Ближний Восток так же уверенно, как они контролировали сердце своей империи – Малую Азию, или так же, как испанская корона контролировала Латинскую Америку. Османы постоянно встречали сопротивление, например со стороны бедуинов Аравийского полуострова. Империя не только не могла поддерживать стабильность и порядок на Ближнем Востоке, ей даже не хватало сил собирать на этой огромной территории налоги, и эти полномочия султан отдавал на откуп частным лицам, которые получали право выжимать из населения столько налогов, сколько смогут. Эти откупщики были не только независимы от центрального правительства, но и весьма

могущественны. Налоги, которые они устанавливали на востоке империи, были исключительно высоки: они варьировались от половины до двух третей от стоимости всей произведенной продукции, причем большая часть этих денег оседала в руках самих откупщиков. Из-за неспособности государства поддерживать элементарный порядок на Ближнем Востоке различные вооруженные банды постоянно боролись за контроль над ней, что делало собственность жителей абсолютно незащищенной. В Палестине, например, ситуация была столь тяжелой, что начиная с конца XVI века крестьяне бросали самые плодородные земли и уходили подальше в горные районы, где было легче укрыться от бандитов.

Экстрактивные институты, установленные в городах Османской империи, были ничуть не менее удушающими. Торговля была под государственным контролем, а выбор профессии строго регулировали цеха и гильдии. Экономические институты Ближнего Востока продолжали оставаться экстрактивными и к началу промышленной революции, и это обрекло регион на долговременную стагнацию.

К 1840-м годам османские султаны уже предприняли несколько попыток реформировать свою империю – в частности, обуздать вооруженные банды в отдаленных регионах и прекратить практику пожалова-

ния откупов на сбор налогов. Но режим абсолютной монархии сохранялся в империи до Первой мировой войны, а реформы тормозила обычная боязнь созидательного разрушения: элиты опасались, что потеряют власть или экономические привилегии. Хотя реформаторы в правительстве Османской империи обсуждали введение частной собственности на землю, чтобы повысить производительность труда в сельском хозяйстве, дальше обсуждений дело не пошло: желание сохранить политический контроль и право произвольно назначать налоги оказалось сильнее.

Турецкое колониальное управление на Ближнем Востоке сменилось после 1918 года европейским. Когда же и эта колониальная эпоха закончилась, события развивались по сценарию африканских стран южнее Сахары после обретения ими независимости: экстрактивные институты колониальной эпохи достались местной элите и были использованы ею для собственного обогащения и укрепления собственной власти. В некоторых случаях, как, например, в Иордании, эта элита была непосредственно сформирована еще колониальными властями (что, впрочем, часто имело место и в Африке; мы об этом мы еще поговорим).

Те страны Ближнего Востока, у которых нет запасов нефти, имеют доходы на душу населения на уровне бедных латиноамериканских стран. Они, однако,

не пострадали от такого разрушительного явления, как работорговля, и к тому же смогли позаимствовать больше технологий из Европы. Кроме того, в Средние века Ближний Восток был относительно развитой частью мира, по крайней мере в экономическом плане. Поэтому сегодня он не настолько беден, как Африка, но большинство его жителей все еще относительно бедны.

* * *

Как мы убедились, ни географическая, ни культурная теория, ни теория о невежестве не помогают нам понять причины современного положения вещей. Они не дают удовлетворительного объяснения основным признакам глобального неравенства: тому факту, что экономическая дивергенция в мире началась после промышленной революции в Англии в XVIII и XIX веках и затем распространилась в Западной Европе и колониях европейских держав; устойчивости экономического отставания одних стран Латинской Америки от других; хронической бедности африканских или ближневосточных стран; различиям между Западной и Восточной Европой; переходам в некоторых странах от стагнации к быстрому экономическому росту и обратно. Наша институциональная теория такие объяс-

нения дает.

В последующих главах этой книги мы обсудим более детально, как именно работает наша теория институтов, и воспользуемся ее преимуществами, чтобы проанализировать целый ряд феноменов: от причин неолитической революции до коллапса нескольких мировых цивилизаций. Этот коллапс мог происходить либо из-за внутренних ограничений роста в условиях экстрактивных институтов, либо из-за того, что движение в сторону создания инклюзивных институтов оказалось недостаточно решительным и его удалось обратить вспять.

Мы увидим, как и почему Англия совершила решительный поворот в сторону инклюзивных институтов во время Славной революции. В частности, мы подробно ответим на следующие вопросы:

- Как существовавшие до того в Англии институты, пройдя через точку перелома, возникшую с началом трансатлантической торговли, трансформировались в новые, инклюзивные институты?
- Как эти институты смогли сохраниться, укрепиться и заложить основу для промышленной революции и какую роль в этом сыграл «круг благоразумия» (*virtuous circle*), а какую – стечение обстоятельств?

- Каким образом многие абсолютистские режимы, построенные на экстрактивных институтах, стойко сопротивлялись распространению появившихся в ходе промышленной революции новых технологий?
- Почему европейцы уничтожили малейший шанс на экономический рост во многих странах, которые они сделали своими колониями?
- Каким образом порочный круг бедности и «железный закон олигархии» успешно помогли экстрактивным институтам сохраниться во многих странах, куда так и не пришла промышленная революция, и обречь эти страны на прозябание и бедность?
- Почему в те страны, в которых государству не удалось достичь минимально необходимого уровня централизации, до сих пор не пришли – и вряд ли скоро придут – современные технологии?

Из нашего обсуждения так же станет ясно, почему страны, сумевшие изменить свои институты и сделать их более инклюзивными – такие как Франция или Япония, – а также страны, которые смогли предотвратить движение вспять от инклюзивных к экстрактивным институтам – например, США и Австралия, – оказались гораздо более восприимчивыми к технологиям промышленной революции и за счет этого вырвались вперед. Как и в Англии, это не всегда был глад-

кий процесс, но счастливое стечение обстоятельств и «круг благоразумия» помогли преодолеть много препятствий на этом пути.

Наконец, мы увидим, почему современные неудачи в развитии тех или иных стран тесно связаны с их институциональной историей; как часто советы реформаторов бывают основаны на неверных гипотезах и могут ли эти советы завести в тупик; способны ли те или иные страны и сегодня использовать точки перелома, в которые их приводит история, чтобы резко изменить свою судьбу, реформировать институты и встать на путь процветания.

Глава 5

«Я видел будущее, и оно работает»: экономический рост в условиях экстрактивных институтов

Я видел будущее

Институциональные различия определяли динамику экономического роста на протяжении всех эпох. Но если большинство обществ в истории человечества было построено на экстрактивных институтах, значит ли это, что они никогда не знали экономического роста? Конечно, нет. Экстрактивные институты по определению требуют накопления богатства – в ином случае что же сможет элита выжать из своих подданных? И правитель, которому удалось сосредоточить всю политическую власть в своих руках и выстроить централизованное государство, будет заинтересован в том, чтобы поддерживать правопорядок и установить систему правил и институтов, стимулирующую активность в экономике.

Но рост в условиях экстрактивных институтов отличается от роста, который возникает на основе институтов инклюзивных. Самое главное отличие в том, что он не будет устойчивым, не сможет стимулировать и использовать технологические прорывы; это будет рост, основанный на уже имеющихся технологиях. Экономическое развитие СССР является яркой иллюстрацией и того, как власть и созданные ею стимулы могут стимулировать быстрый экономический рост, и того, как этот рост замедляется и в конце концов останавливается совсем.

Когда закончилась Первая мировая война, победители и проигравшие собрались в знаменитом Версальском дворце под Парижем, чтобы определить контуры нового мира. Особую роль на конференции играл президент США Вудро Вильсон. Выделялось отсутствие представителей России. Старый царский режим был свергнут большевиками в октябре 1917 года, после чего в стране разразилась гражданская война между красными и белыми. Англия, Франция и США отправили экспедиционные корпуса на помощь белым в их борьбе с большевиками. Позже в Москву была направлена также миссия под руководством молодого дипломата Уильяма Буллита и прославленного журналиста и интеллектуала Линкольна Стеф-

фенса. Их задачей было выяснить планы большевиков и узнать, можно ли с ними договориться. Стеффенс имел репутацию ниспровергателя основ, он сделал себя имя журналистскими расследованиями, разоблачавшими ужасы капитализма в Америке. Он побывал в России еще во время революции, и его присутствие должно было убедить большевиков, что миссия не враждебна по отношению к ним, и вселить к ней доверие. Буллит и Стеффенс привезли обратно в США предложения от Ленина о том, каким образом США могли бы наладить мирный диалог с большевиками. Стеффенс вернулся под большим впечатлением от увиденного и оценил потенциал советского режима очень высоко. В 1931 году он вспоминал в своей автобиографии:

«В Советской России я увидел революционное правительство с эволюционной программой. Их план состоит не в том, чтобы расправиться с таким злом, как нищета, огромные состояния, подкуп, привилегии, тирания и война, — они пытаются устранить сами причины их появления. Они установили диктатуру небольшого, но хорошо подготовленного меньшинства с тем, чтобы за несколько поколений на научной основе полностью изменить экономику и привести свою страну сначала к экономической демократии, а в конце концов и к демократии политической».

Вскоре после возвращения из своей дипломатической поездки Стеффенс зашел навестить своего старого друга – скульптора Джо Дэвидсона – и застал его за работой: тот лепил с натуры бюст богатого финансиста Барнарда Баруха.

– Итак, – спросил Барух, – вы, кажется, побывали в России?

– Я побывал в будущем, – ответил Стеффенс. – И оно работает!

Позже он немного подправил эту фразу, и в историю вошел афоризм: «Я видел будущее, и оно работает».

Вплоть до начала 1980-х годов многие люди на Западе видели в СССР будущее человечества и продолжали верить, что это будущее работает. В некотором смысле так оно и было, или, точнее, так было до поры до времени. Ленин умер в 1924 году, и к 1927-му власть сосредоточил в своих руках Сталин, который скоро уничтожил своих политических противников и начал быструю индустриализацию России. Кампания индустриализации началась с хорошей встряски Госплана – созданного в 1921 году Государственного комитета по планированию. Именно в этом учреждении был разработан первый пятилетний план на 1928–1933 годы. Экономический рост по-сталински не отличался изощренностью: развитие промышленности

по команде государства и на деньги, полученные от огромных налогов на сельское хозяйство. Но у коммунистического государства не было эффективной налоговой системы, поэтому вместо прямого налогообложения Сталин выбрал путь коллективизации сельского хозяйства. Коллективизация означала отмену частной собственности на землю, бывших владельцев которой, крестьян, сгоняли в гигантские коллективные хозяйства, которыми управляла Коммунистическая партия. Это позволило Сталину легко изымать продукты сельского хозяйства, чтобы кормить рабочих, строивших новые заводы. Последствия такой политики для жителей села были поистине катастрофическими. В колхозах полностью отсутствовали стимулы для усердной работы, и производительность труда крестьян резко упала. Огромная часть продукции изымалась, так что оставшегося не хватало даже на еду. Начался голод. В конце концов в процессе насильственной коллективизации до шести миллионов человек погибли, а сотни тысяч были убиты или сосланы в Сибирь.

Ни построенные с таким трудом новые заводы, ни колхозы не были экономически эффективны, потому что не использовали наилучшим образом имевшиеся у Советского Союза ресурсы. Вроде бы это должно было привести Советский Союз к экономической стаг-

нации, если не к катастрофе. Но экономика, напротив, начала быстро расти. Объяснить это нетрудно. Возможность для каждого человека делать собственный выбор в условиях свободного рынка – самый эффективный способ найти лучшее применение общественным ресурсам. Когда же все эти ресурсы контролируются государством или узким слоем элиты, то не удастся ни создать правильных стимулов для работы, ни даже оптимально распределить рабочую силу в соответствии с талантами каждого отдельного человека. Но в некоторых случаях производительность труда и капитала в отдельных секторах (например, в тяжелой промышленности Советского Союза) может быть настолько высокой, что даже такой экстрактивный инструмент, как прямая переброска в эти секторы ресурсов, может способствовать экономическому росту.

Как мы уже видели в главе 3, экстрактивные институты островов Карибского моря, таких как Барбадос, Куба, Гаити или Ямайка, могли поддерживать относительно высокий уровень подушевого дохода, просто направляя все ресурсы в производство сахара, пользовавшегося устойчивым спросом на мировом рынке. Производство сахара руками рабов, конечно, не было эффективным, не влекло технологического развития и не запускало процесс созидательного разрушения, что, однако, не помешало этим странам достичь

определенного уровня богатства в условиях экстрактивных институтов.

Ситуация в Советском Союзе была похожей, только роль карибских сахарных плантаций здесь играла промышленность. Рост промышленности дополнительно ускорялся еще и следующим обстоятельством: уровень технологического развития России был настолько ниже европейского и американского, что простое перераспределение ресурсов в пользу индустрии, пусть рассчитанное неоптимально и при этом принудительное, приносило огромные плоды.

До 1928 года большинство населения России жило в деревне. Технологии, которыми пользовались крестьяне, были примитивными; стимулов к усердному труду и повышению производительности у них почти не было. И откуда им было взяться? С последними пережитками русского феодализма было покончено только перед Первой мировой войной. Таким образом, огромный экономический потенциал процесса превращения крестьян в промышленных рабочих все еще оставался не востребуемым. Сталинская индустриализация была лишь одним из возможных – и крайне жестоким – способом реализации этого потенциала. Принуждая массы бедных, занятых в низкопроизводительном хозяйстве крестьян перебираться в города для работы на заводах, Сталин добился

резкого повышения производительности труда даже с учетом того, что сами эти заводы были организованы весьма неэффективно. Между 1928 и 1960 годами национальный доход СССР рос на 6 % в год – по-видимому, мировой рекорд того времени. Этот быстрый рост произошел не в силу технологических прорывов, а только благодаря более эффективному распределению трудовых ресурсов и государственным инвестициям в новые заводы и фабрики.

Рост был столь быстрым, что он ввел в заблуждение целые поколения западных интеллектуалов, а не только Линкольна Стеффенса. Заблуждалось и Центральное разведывательное управление США. Да что там, сами советские лидеры были обмануты этим ростом. Например, Никита Хрущев прославился тем, что, обращаясь к западным дипломатам в 1956 году, пообещал: «Мы вас закопаем». Даже в 1977 году популярный учебник по экономике, написанный одним английским экономистом, утверждал, что советская и похожие на нее экономики превосходят капиталистические по таким показателям, как экономический рост, полная занятость, стабильность цен и даже поддержание альтруистических устремлений среди населения. Бедняга капитализм был признан более эффективным только в обеспечении политической свободы.

Самый же распространенный учебник по экономи-

ке, написанный Полом Самуэльсоном, лауреатом Нобелевской премии по экономике, предсказывал грядущее доминирование СССР в экономике. В издании 1961 года говорилось, что национальный доход Советского Союза превзойдет национальный доход США если не к 1984 году, то уж точно к 1997-му. В издании 1980 года предсказание мало изменилось, разве что сроки были сдвинуты до 2002 или 2012 года.

Хотя политика Сталина и последующих лидеров СССР помогла добиться быстрого экономического роста, она не могла сделать его устойчивым. К 1970-м годам рост почти остановился. Главный урок, который можно из этого извлечь, состоит в том, что экстрактивные институты не могут поддерживать непрерывные технологические инновации: этому препятствует как отсутствие экономических стимулов, так и сопротивление элит. Кроме того, после того как все ресурсы, до этого использовавшиеся неэффективно, были принудительно перенаправлены в промышленность, дальнейшее принуждение уже не сулило больших экономических дивидендов. В результате советская система оказалась в тупике: отсутствие инноваций и слабые стимулы для работников фактически остановили развитие экономики. Единственная область, в которой СССР ценой огромных усилий удалось сохранить инновационность, это военная про-

мышленность (включая аэрокосмическую). Благодаря этому Советский Союз смог запустить в космос первую собаку (Лайку) и первого человека (Юрия Гагарина). Другим известным продуктом советской военной промышленности стал автомат АК-47.

Госплан, осуществлявший централизованное планирование всей советской экономики, считался всемогущим ведомством. Одним из преимуществ пятилетних планов, которые разрабатывались в Госплане, должен был стать длинный временной горизонт, необходимый, во-первых, для разработки инноваций, а во-вторых, для инвестиций, которые требуются для внедрения этих инноваций в производство. В действительности же внедрение новых технологий в советской промышленности было мало связано с пятилетними планами, которые регулярно переписывались, пересматривались или просто игнорировались. Если какие-то технологии и внедрялись, это чаще всего делалось по прямому указанию Сталина и Политбюро, причем эти приказы часто менялись, иногда на прямо противоположные.

Все планы назывались «предварительными». Нам удалось найти только один «окончательный» план – это план развития легкой промышленности на 1939 год. Но еще в 1930-м сам Сталин говорил в одной из своих речей:

«Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство разворачивается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана».

Сталин желал иметь неограниченную возможность награждать политически лояльных и наказывать политически нелояльных – и то и другое исключительно по своему собственному усмотрению. Что касается Госплана, его основной задачей было поставлять диктатору информацию, чтобы тому было легче следить за действиями своих союзников и противников. В результате многие руководители просто боялись принимать хоть какие-то решения. Если сделанный тобой выбор окажется неправильным, тебя расстреляют. Так что лучше ничего не делать и попытаться избежать всякой ответственности.

Пример того, что могло грозить человеку, который слишком добросовестно относился к работе, вместо того чтобы угадывать желания Коммунистической партии, – это последствия переписи населения 1937 года. Когда были подсчитаны ее результаты, стало ясно, что ни о каких 180 миллионах населения, на которые рассчитывал Сталин (и даже о 168 миллионах, о

которых он заявлял еще в 1934 году), не может быть и речи: численность населения СССР составила всего 162 миллиона человек. Перепись 1937 года была первой за 11 лет и, соответственно, впервые учитывала результаты массового голода, коллективизации и репрессий начала 1930-х. Все это не могло не иметь демографических последствий, которые и отразились на результатах переписи. Сталин отреагировал на эти подсчеты репрессиями против тех, кто готовил и проводил перепись: многие из них были сосланы в Сибирь или расстреляны. Диктатор приказал провести еще одну перепись в 1939 году. На этот раз организаторы поняли свою задачу правильно: согласно их подсчетам, оказалось, что в СССР живет 171 миллион человек.

Сталин понимал, что в советской экономике у работников немного стимулов к усердному труду. Стимулы были необходимы, и иногда Сталин действительно пытался их создать. Например, дополнительные поставки продовольствия в регионы, где падала производительность труда, могли побудить рабочих зарабатывать больше. Более того, уже к 1931-му Сталин отбросил идею о том, что вот-вот будет создан новый «человек социализма», чье желание трудиться никак не будет связано с материальными стимулами. В известной «Речи на совещании хозяйственников»

он раскритиковал «уравниловку» и призвал не только сильнее дифференцировать зарплаты в зависимости от квалификации, но и премировать работников за ударный труд.

Поучительно будет разобраться в том, как именно работала система поощрения. Обычно от каждого предприятия требовалось, чтобы оно выполняло установленный для него производственный план (впрочем, эти планы регулярно пересматривались и менялись). Начиная с 1930-х годов работникам выплачивалась премия в том случае, если плановых показателей удавалось достичь. Премииальные могли быть значительными, для инженеров и руководителей они могли доходить до 37 % от оклада. Но введение подобных бонусов не стимулировало технологические инновации, а как раз наоборот. Во-первых, отвлечение ресурсов предприятия от выполнения текущего задания на обновление технологий грозило невыполнением плана – и, соответственно, невыплатой бонусов. Во-вторых (и это еще важнее), плановые показатели на текущий год обычно устанавливались в процентах от достигнутого в прошлом году. В результате предприятие было сильнейшим образом заинтересовано в том, чтобы ни в коем случае не увеличивать выпуск, потому что в этом случае в будущем году его придется снова увеличивать, ведь плановые

показатели могут только расти. Занижение плана, таким образом, становилось лучшим способом его выполнить и получить премию. То, что премии выплачивались ежемесячно, также способствовало тому, что работники, а с ними и все предприятие в целом, были сосредоточены на сегодняшнем дне, в то время как инновации требуют некоторых жертв сегодня с тем, чтобы принести отдачу завтра.

Даже когда с помощью премий и других стимулов удавалось мотивировать работников, возникали другие проблемы. Центральное планирование было негодным заменителем того, что великий экономист XVIII века Адам Смит назвал «невидимой рукой рынка». Когда план задавался в тоннах стального листа, этот лист прокатывался слишком толстым (и тяжелым). Если план был сформулирован в квадратных метрах стального листа, то этот лист, соответственно, прокатывался слишком тонким, однако в обоих случаях план формально был выполнен. То же самое относилось, например, к люстрам: если в плане значилось, сколько тонн люстр должно произвести предприятие, их делали такими тяжелыми, что они едва могли удержаться на потолке.

К 1940-м годам лидеры Советского Союза, в отличие от поклонников социализма на Западе, уже хорошо понимали, к каким последствиям приводит отсут-

ствии стимулов у работников. Однако советские руководители действовали так, как будто это были технические проблемы, которые и решить можно чисто техническими методами. Например, вместо выплаты премий за выполнение плана они разрешили предприятиям оставлять часть прибыли у себя и затем самостоятельно распределять ее среди работников. Но «мотивация прибылью» работала ничуть не лучше, чем простая выплата премиальных. Дело в том, что система цен, которая использовалась в том числе и для расчета прибыли, была почти никак не связана с реальной ценностью технологий и инноваций.

В отличие от ситуации в рыночной экономике, цены в Советском Союзе устанавливались государством и были мало связаны с реальной стоимостью товаров и услуг. Для точечного поощрения инноваций в самых важных областях в СССР в 1946 году была даже учреждена специальная система премий и наград именно за технологические достижения. Не позднее 1948 года был установлен порядок, согласно которому рационализатор должен был получать денежное вознаграждение за свое изобретение, однако премии были слишком маленькими и никак не коррелировали с реальной ценностью инновации. Лишь в 1956 году принцип назначения этих премий был изменен и они стали пропорциональны ценности конкретной инно-

вазии с точки зрения роста производительности. Однако поскольку производительность вычислялась на основе тех же государственных цен, система стимулов вновь оказалась весьма неэффективной. Примеры этой неэффективности можно перечислять долго. Приведем лишь один характерный пример: поскольку премиальный фонд не мог превышать определенной доли общего фонда заработной платы, никакого стимула снижать этот последний, то есть сокращать численность персонала, у предприятий не было.

Внимание к различным системам управления и схемам поощрения маскировало фундаментальные внутренние пороки системы. Пока вся власть была сосредоточена в руках Коммунистической партии, невозможно было изменить базовые стимулы для работников, какая бы система премирования не использовалась.

При этом с момента прихода к власти коммунисты пользовались не только пряником, но и кнутом, причем кнут применялся часто и охотно. Но производительность труда не помогло увеличить и это. Целая серия законов устанавливала уголовную ответственность для любого, кто мог быть заподозрен в недобросовестности. Например, закон, принятый в июне 1940 года, объявил уголовным преступлением отсутствие на рабочем месте (или даже просто перекур) в тече-

ние более чем 20 минут. Это «преступление» каралось усиленными исправительно-трудовыми работами на том же предприятии сроком до шести месяцев со снижением зарплаты до 25 %. Подобные наказания не просто вводились за все возможные проступки, но и действительно применялись с ужасающей регулярностью. В 1940–1955 годах 36 миллионов человек, примерно треть взрослого населения СССР, были обвинены в подобных преступлениях. Из них примерно 15 миллионов оказались в тюрьме и около 250 тысяч были расстреляны. Таким образом, за нарушения трудового законодательства тюремному заключению подвергался примерно 1 миллион человек в год, и эта цифра не включает 2,5 миллиона сосланных Сталиным в Сибирь за весь период.

Но не помогало даже это. Можно насильно отправить кого-то на фабрику, но нельзя угрозами заставить работника мыслить и порождать новые идеи. Принуждение могло способствовать росту производства сахара на Барбадосе и Ямайке, но не могло компенсировать отсутствие стимулов к труду в промышленности СССР.

Невозможность создания эффективных стимулов в централизованной экономике, управляемой Госпланом, была связана не с тем, что схемы поощрения были организованы неправильно. Сама система, на-

целенная на экстрактивный рост, сопротивлялась повышению собственной эффективности. Приказ вышестоящего начальника мог помочь в решении элементарных экономических проблем. Но для того, чтобы пойти дальше, чтобы рост стал устойчивым, требовалось, чтобы люди начали реализовывать свой талант и выдвигать неординарные идеи – а именно этого советская система допустить не могла. Лидерам Советского Союза пришлось бы отказаться от экстрактивных экономических институтов, которые они построили, но это угрожало их неограниченной политической власти. И действительно, едва Михаил Горбачев начал попытки уйти от чисто экстрактивных экономических институтов в 1987 году, власть Коммунистической партии обрушилась, а вскоре рухнул и Советский Союз.

СССР удалось достичь высоких темпов экономического роста даже в условиях экстрактивных институтов потому, что большевикам удалось выстроить сильное, централизованное государство и использовать его для перераспределения ресурсов в пользу промышленности. Но как это всегда бывает с ростом, основанным на работе экстрактивных институтов, он не был связан с техническим прогрессом, а потому не мог стать устойчивым. Однажды замедлившись, он

быстро сошел на нет. Тем не менее этот пример позволяет нам лучше понять, как экстрактивные институты могут – пусть недолго – способствовать высокой экономической активности.

На протяжении истории большинство народов управлялись экстрактивными институтами, и если с их помощью удавалось достичь минимального уровня законности и порядка, за этим часто следовал пусть неустойчивый, но экономический рост. Многие точки поворота в истории как раз приводили к тому, что одна из борющихся за власть групп одерживала победу над соперниками, укрепляла и развивала экстрактивные институты и добивалась на какое-то время повышения темпов экономического роста. В дальнейшем в этой главе мы обсудим природу институциональных инноваций, которые позволяют укрепить централизованное государство и дать импульс росту экономики. Затем мы рассмотрим пример неолитической революции, которая обеспечила переход человечества к сельскому хозяйству и легла в основу современной мировой цивилизации. В последней части главы мы проанализируем закат городов-государств майя, чтобы еще раз увидеть, почему экстрактивный рост не бывает устойчивым и почему это связано не только с отсутствием технического прогресса, но и с неизбежной (и часто сопряженной с насилием) борьбой раз-

личных групп за контроль над извлекаемыми из экономики ресурсами.

На берегах Касаи

Касаи – один из самых больших притоков Конго. Исток реки расположен в Анголе, далее она течет на север и впадает в Конго к северо-востоку от Киншасы, столицы современной Демократической Республики Конго. В целом ДРК – бедная страна, и все же между этническими группами, населяющими ее, всегда существовали значительные различия в материальном благосостоянии. Касаи как раз разделяет две такие разные группы. Вскоре после того, как река пересекает границу Конго, на ее западном берегу появляются поселения народа леле, тогда как на восточном берегу обосновались бушонги (см. карту 6, стр. 85). Кажется бы, большой разницы в доходах между ними существовать не должно, ведь их разделяет всего лишь река, которую легко пересечь на лодке. Обе народности имеют общее происхождение и родственные языки. Объекты их материальной культуры – дома, одежда, ремесленные изделия – также похожи по стилю.

Тем не менее, когда антрополог Мэри Дуглас и историк Ян Вансина начали изучать две эти группы в 1950-х годах, они обнаружили громадные различия. Дуглас писала:

«Леле бедны, а бушонги богаты... Все, что

есть у леле, есть и у бушонгов, только в гораздо больших количествах; все, что умеют делать леле, бушонги умеют делать еще лучше».

На самом деле найти объяснение этой разницы несложно. Важное различие между леле и бушонгами напоминает различие между регионами Перу, затронутыми и не затронутыми митой Потоси, и состоит в том, что леле вели натуральное хозяйство, а бушонги производили товары на продажу. Дуглас и Вансина также обратили внимание на то, что леле пользуются более отсталыми технологиями. Например, у них не было охотничьих сетей, хотя сети резко упрощают поимку добычи. Дуглас пишет: «Отсутствие сетей согласуется с общим нежеланием леле тратить время и усилия на производство оружия и орудий производства».

Важные различия имелись также в сельскохозяйственных технологиях двух племен и в их общественной организации. Бушонги использовали сложную систему севооборота, которая включала последовательное чередование пяти различных сельскохозяйственных культур на протяжении двухгодичного цикла. Они выращивали ямс, сладкий картофель, маниок (кассаву) и бобы и собирали два, а то и три урожая кукурузы в год. У леле такой системы не было, и они довольствовались лишь одним урожаем кукурузы

в год.

Два народа отличались также и тем, насколько успешно в их среде поддерживался правопорядок. Леле жили в хорошо укрепленных деревнях, которые постоянно враждовали одна с другой. Каждому леле, рискнувшему наведаться в соседнюю деревню или даже просто пойти в одиночку в лес на поиски пищи, грозило нападение или похищение. У бушонгов такие случаи если и бывали, то крайне редко.

Что кроется за этими различиями в сельскохозяйственных методах, в уровне технологий и безопасности? Разумеется, не география привела к тому, что у леле были отсталые сельскохозяйственные технологии и охотничьи орудия. Дело и не в невежестве: леле прекрасно знали о том, какие орудия и технологии есть у бушонгов и как те ими пользуются. Альтернативным объяснением могли бы быть культурные различия. Может быть, культура леле не поощряла их к тому, чтобы плести охотничьи сети и строить более надежные хижины? Но и это объяснение не кажется удовлетворительным. Как и все остальные жители Конго, леле всегда охотно покупали оружие. Как отмечает Дуглас, «их желание приобрести оружие... показывает, что их культура не препятствует использованию новых технологий, если только это не требует больших усилий и слишком тесной кооперации». Та-

ким образом, ни культурная предрасположенность, ни невежество, ни география не могут объяснить сравнительный успех бушонгов на фоне их соседней леле.

Разница между племенами кроется в различиях политических институтов, которые сформировались у тех и других. Как мы отмечали ранее, леле живут в хорошо укрепленных деревнях, которые не являются частью единого политического пространства. На другом берегу Касаи дела обстоят иначе. Около 1620 года человек по имени Шиам возглавил настоящую политическую революцию, которая привела к объединению бушонгов и возникновению Королевства Куба с Шиамом во главе (см. карту 6). До этого момента жизнь бушонгов вряд ли заметно отличалась от жизни леле; отличия стали следствием изменений социальной организации, которую провел Шиам на восточном берегу реки. На основе политических институтов, которые он построил, появилось настоящее централизованное государство. Оно было не просто более централизованным, чем раньше, оно было построено на сложных, многоступенчатых социальных иерархиях и институтах. Шиам и его последователи создали бюрократию для сбора налогов, систему законов и полицию, нужную для того, чтобы подданные подчинялись закону. Власть вождей королевства сдерживалась наличием советов старейшин, с которыми во-

жди обязаны были консультироваться перед принятием решений. В королевстве имелся даже своего рода суд присяжных – вероятно, единственный в доколониальной тропической Африке. Тем не менее централизованное государство, выстроенное Шиамом, было абсолютистским и служило инструментом для извлечения максимальных доходов посредством эксплуатации населения. Шиама и его наследников никто не избирал, а политика, которую они проводили, определялась самой элитой, а не через народное представительство.

Политическая революция, создавшая централизованное королевство Куба и укрепившая в нем нормы правопорядка, легла в основу революции экономической. Сельское хозяйство было реформировано на основе новых технологий, которые резко повысили производительность труда. Злаки, лежавшие в основе пищевого рациона, были заменены более урожайными культурами, завезенными из Америки (главным образом кукурузой, маниоком (кассавой) и красным перцем). Интенсивный цикл севооборота, введенный бушонгами, позволил им вдвое повысить урожайность. Для того чтобы собирать такой урожай и поддерживать севооборот, потребовалось больше рабочих рук. С этой целью возраст вступления мужчины в брак был снижен до двадцати лет, что позволяло ему раньше

включаться в работу в поле. Здесь разница с леле становится особенно заметной: мужчины леле обычно женились в тридцать пять и только после этого начинали участвовать в сельскохозяйственных работах. До этого они занимались главным образом распрямами и нападениями.

Связь между политической и экономической революциями очевидна. Король Шиам и его сторонники хотели иметь возможность извлекать больше ресурсов из населения, которое, соответственно, должно было производить больше продовольствия, чем нужно было самим земледельцам, чтобы прокормить себя, то есть создать излишки производства. Хотя Шиам и не организовал на восточном берегу Касаи инклюзивные институты, некоторый уровень централизации государства и правопорядка, которые появляются вместе с экстрактивными институтами, могут привести к умеренному экономическому росту. Поддержка экономической активности, разумеется, была в интересах Шиама и его окружения, поскольку в отсутствие этой активности им просто нечего было бы выжимать из населения. Точно так же как Сталин, король Шиам силой навязал своим подданным целый набор институтов, которые позволяли создавать достаточное количество богатства, чтобы система продолжала функционировать. По сравнению с полным отсутствием за-

кона и порядка на западном берегу Касаи эта система была передовой и обеспечивала известное материальное благополучие жителям, даже с учетом того, что большинство излишков изымал король. Тем не менее это благополучие было – и не могло не быть – весьма относительным. Так же как в СССР, в Королевстве Куба не был запущен процесс созидательно-разрушения, и после изначального прорыва технологии перестали совершенствоваться. Эта ситуация так и не поменялась вплоть до конца XIX века, когда до королевства добрались первые солдаты бельгийских колониальных войск.

Достижения короля Шиама демонстрируют, как умеренный экономический прогресс может быть достигнут в условиях экстрактивных институтов. Экономический рост требует наличия централизованного государства. Для того чтобы оно возникло, часто требуется политическая революция. Как только королю Шиаму удалось выстроить дееспособное государство, он смог использовать его мощь для того, чтобы изменить структуру экономики и повысить урожаи основных культур, что, в свою очередь, открыло для него широкие возможности по налогообложению населения.

Почему эта революция произошла именно у бушон-

гов, а не у их соседей леле? Разве у леле не могло быть своего короля Шиама? То, чего удалось достичь Шиаму, не было обусловлено географией, культурой или какими-то уникальными знаниями. У леле тоже могла бы произойти такая же революция, которая могла бы повлечь такое же изменение институтов.

Почему этого не произошло, мы не знаем – слишком мало у нас сведений о том, как было устроено это сообщество в те далекие времена. Скорее всего, это просто историческая случайность. Такого же рода случайность, возможно, обусловила и тот факт, что 12 000 лет назад обитатели Ближнего Востока начали еще более радикальную институциональную революцию, которая привела к появлению оседлых сообществ и началу одомашнивания важнейших видов растений и животных. К разговору об этой революции мы сейчас и перейдем.

Длинное лето

Примерно в XV тысячелетии до н. э. ледниковый период закончился, и климат Земли резко потеплел. Изучение ледовых щитов Гренландии показывает, что за очень короткое время средняя температура выросла примерно на 15 градусов Цельсия. Потепление сопровождалось резким ростом населения планеты, которому способствовало (также вызванное потеплением) увеличение популяций пригодных для охоты животных и распространение пригодных в пищу растений. Правда, вскоре, уже в XIV тысячелетии до н. э., этот процесс стремительно пошел вспять, но примерно после 9600 г. до н. э. средняя температура на Земле снова выросла (на целых семь градусов Цельсия всего за одно десятилетие) и с тех пор уже не падала до минимумов ледникового периода. Археолог Брайан Фейган называет этот продолжающийся до сих пор период «длинным летом». Потепление климата стало точкой перелома, которая привела к «неолитической революции», в ходе которой люди перешли к оседлому образу жизни и начали заниматься земледелием и животноводством. Начиная с этого момента вся история человечества была согрета солнцем «длинного лета».

Животноводство и земледелие принципиально отличаются от охоты и собирательства. Эти новые занятия были основаны на одомашнивании различных видов животных и растений – в том числе через вмешательство в естественный цикл их роста и развития и изменение их генетических характеристик – с тем, чтобы увеличить пользу, которую они приносят человеку. Одомашнивание – это технологическая инновация, позволяющая людям получать гораздо большее количество пищи от каждого вида одомашненных животных и растений. Например, прежде чем начать доместикацию кукурузы, люди собирали дикий маис, предшественник нынешней культурной кукурузы. Початки дикого маиса очень маленькие, едва достигают в длину нескольких сантиметров. По сравнению с початками современной кукурузы это просто карлики. Но постепенно, выбирая растения с более крупными зёрнами, которые при этом не выпадали из початков, а успевали созреть, люди вывели современную кукурузу, питательная ценность которой в пересчете на площадь посевов гораздо больше.

Самые ранние свидетельства о земледелии и животноводстве, и в частности об одомашнивании растений и животных, обнаружены на Ближнем Востоке, главным образом у подножий холмов на территории, которая простирается от юга современного Израиля,

через палестинские территории и Сирию, вплоть до Юго-Восточной Турции, Северного Ирака и Западного Ирана. Древние остатки самых ранних домашних растений: эммера (пшеницы двузернянки) и двурядного ячменя – были найдены на территории современного города Иерихон на западном берегу реки Иордан; они относятся к 9500 году до н. э. Эммер, а также домашний горох и чечевица были обнаружены дальше на север, в Сирии, в местечке Телль-Асвад под Дамаском. Оба археологических городища, где были сделаны эти находки, относятся к так называемой натуфийской культуре, и оба, вероятно, были крупными поселениями – в том, что находится на территории Иерихона, могло жить до пятисот человек.

Почему первые земледельческие общины появились именно в этих краях, а не где-то еще? Почему именно натуфийцы, а не кто-то еще, одомашнили горох и чечевицу? Может быть, им повезло и они жили именно там, где было много подходящих для одомашнивания видов? С разнообразием растений, которые имело смысл одомашнить, этим первым земледельцам и в самом деле повезло. Но ведь и многие другие люди жили рядом с такими же растениями, однако одомашнить их не смогли. Как мы уже видели на карте 4 и карте 5 в главе 2, генетические и археологические исследования показывают: многие дикие пред-

ки современных домашних животных и растений были распространены на огромных территориях, иногда в миллионы квадратных километров. Если говорить о домашних животных, то их дикие предки были распространены по всей Евразии. И хотя Плодородный полумесяц действительно изобиловал дикими растениями, подходящими для доместикации, вряд ли это был единственный такой регион на Земле.

Не обилие пригодных для одомашнивания животных и растений на территории проживания было определяющим в судьбе натufийцев. Их главной особенностью было то, что они стали оседлыми еще до того, как начали заниматься земледелием. Одним из доказательств этого являются найденные в натufийских поселениях зубы газелей. Эти зубы состоят из корешковой коры (зубного цемента), соединительной костной ткани, которая нарастает слоями. Цвет слоев ткани, появившихся в периоды особенно активного роста – весной и летом, отличается от цвета слоев, выросших зимой. Разрезав зуб, можно увидеть цвет последнего слоя, который успел вырасти до того, как газель была убита. Используя этот метод, можно определить, в какое время было убито животное. В натufийских поселениях были найдены зубы газелей, убитых как зимой, так и весной, и летом. Это указывает на то, что поселения были круглогодичными.

Городище Абу-Хурейра на берегу Евфрата – одно из наиболее изученных натуфийских поселений. На протяжении почти сорока лет ученые вскрывали один археологический слой городища за другим и собрали самые подробные сведения об особенностях оседлой жизни людей до и после перехода от собирательства к земледелию. Поселение Абу-Хурейра возникло, вероятно, около 9500 года до н. э., и еще примерно в течение пятисот лет его жители продолжали заниматься исключительно охотой и собирательством. По оценкам археологов, в доземледельческой Абу-Хурейре жило от ста до трехсот человек.

Имеется множество причин того, почему то или иное сообщество охотников-собирателей становится оседлым. Постоянные переходы с одного кочевья на другое даются непросто: приходится тащить за собой (или на себе) детей и стариков, и почти нет возможности нести еще и запасы еды. Поэтому дни переходов – это голодное время. Кроме того, такие полезные для сбора и обработки дикой пищи инструменты, как серпы и точильные камни, трудно переносить с собой на новое место из-за их веса.

Однако есть данные о том, что даже кочевые охотники-собиратели делали запасы еды, например в пещерах. Одним из преимуществ кукурузы является как раз то, что ее можно долго хранить. В частности, по-

этому ее так активно культивировали по всей доколумбовой Америке. Возможность хранить пищу и особенно делать запасы пищи, по-видимому, была одной из важнейших причин, которые побудили людей перейти на оседлый образ жизни.

Хотя для сообщества в целом переход к оседлости может быть объективно выгодным, это совсем не обязательно произойдет в действительности. Группа кочевых охотников-собирателей либо должна сознательно принять это решение, либо что-то должно ее вынудить. Некоторые археологи предполагают, что рост плотности населения и начавшееся вследствие этого снижение уровня жизни стали ключевыми факторами в переходе к оседлому образу жизни. Однако плотность у натуфийцев была не выше, чем у их предшественников, так что доказательств перенаселенности у нас нет. Изучение обнаруженных скелетов и зубов жителей натуфийских поселений не подтверждают и теорию об ухудшении условий жизни или состоянии здоровья натуфийцев. В частности, хронический недостаток еды может приводить к недоразвитию зубной эмали – гипоплазии. Так вот, у натуфийцев это заболевание встречается реже, чем у их потомков, уже перешедших к земледелию.

Оседлая жизнь также имеет не только плюсы, но и минусы. В частности, разрешение конфликтов, веро-

ятно, было гораздо более сложным делом для оседлых сообществ, чем для кочевых, потому что поссолившиеся кочевники могли просто разойтись в разные стороны. Но оседлому земледельцу, который построил дом и обзавелся имуществом, слишком тяжелым для переноски, уже нелегко было просто сняться с одной стоянки и перейти на другую. Поселениям натуфийцев были необходимы механизмы разрешения конфликтов и более определенное понятие о собственности. Нужно было решать, кто из жителей имеет право пользоваться подходящим для выращивания растений участком земли рядом с деревней, кто может собирать фрукты на том или ином участке, кто может ловить рыбу на том или ином отрезке реки. Для всего этого нужно было выработать правила и создать институты, которые сделали бы эти правила обязательными для всех.

Таким образом, чтобы стать оседлыми, охотникам-собирателям недостаточно было просто перестать перемещаться в пространстве; сначала им нужно было совершить институциональную революцию. В ходе этой революции появилась бы элита, которая сосредоточит в своих руках основную власть и использует ее для поддержания порядка и для защиты собственности, одновременно получая возможность извлекать ресурсы из эксплуатации остального насе-

ления. Именно такая революция – во многом напоминающая ту, что совершил на берегах Касаи король Шиама, – могла сделать возможным переход к оседлой жизни.

И действительно, археологические данные подтверждают: сложные социальные структуры, в основе которых лежали иерархия, имущественное неравенство и поддерживающие такое положение дел законы и порядки – иными словами, зачатки экстрактивных институтов, – появились у натуфийцев задолго до того, как они занялись земледелием. Одно из убедительных доказательств этого факта было найдено в погребениях натуфийской культуры. Некоторые покойники были похоронены вместе с большим количеством обсидиана (вулканического стекла) и раковин моллюска денталиума (морского зуба), которые происходят с берега Средиземного моря, недалеко от горы Кармель. Были в этих захоронениях и другие украшения: ожерелья и браслеты, сделанные из собачьих зубов, оленьей кости и морских раковин. В других погребениях никаких украшений не было.

Раковины и вулканическое стекло были предметами торговли, и контроль над ней, вероятно, был одним из источников неравенства и привилегий власть имущих. Дополнительные свидетельства неравенства в натуфийской культуре были найдены к северу от Га-

лилейского моря (озера Кинерет), в Эйн-Маллахе. В этом городище, помимо примерно пятидесяти круглых хижин и нескольких амбаров для хранения пищи, было найдено более крупное и тщательно оштукатуренное строение, стоявшее в центре деревни, на расчищенном участке. Все указывает на то, что это был дом вождя. Некоторые захоронения в этом поселении столь же явно указывают на высокий статус погребенных. Кроме того, есть указания на то, что жители поселения практиковали поклонение черепам, вероятнее всего черепам собственных предков.

Свидетельства культов, которых придерживались натуфийцы, обнаружены на всех археологических объектах, ассоциирующихся с натуфийской культурой, особенно много их в районе Иерихона. Таким образом, целый ряд убедительных доказательств свидетельствует о том, что натуфийцы, еще не став земледельцами, уже имели относительно сложную систему социальных институтов и элиту, членство в которой переходило по наследству. Люди той эпохи были включены в систему иерархических политических институтов, вели торговлю на относительно дальние расстояния и имели квазирелигиозные культы.

Формирование политической элиты, вероятно, и привело к переходу к оседлому образу жизни; земледелие и животноводство появились уже позже. Как

показывают исследования натуфийских поселений, оседлая жизнь необязательно связана с земледелием и скотоводством. Люди могут начать оседлый образ жизни, но все еще добывать пищу с помощью охоты и собирательства. В конце концов, «длинное лето» сделало дикие растения более питательными, а шансы на удачную охоту более высокими, так что привлекательность охоты и собирательства, по идее, должна была только вырасти. Многих людей это, вероятно, устраивало, особенно если охота и собирательство не требовали слишком больших усилий. Даже важные технологические инновации необязательно ведут к изменению статус-кво. Известный факт: когда в быту йир-йоронт, одной из народностей австралийских аборигенов, появилась такая важная вещь, как железный топор, это не привело к росту производительности – поскольку никаких серьезных стимулов для работы у йир-йоронт так и не появилось, а добывать минимальные средства к существованию стало гораздо проще, то люди стали просто больше спать.

Традиционное, то есть географически детерминированное объяснение причин неолитической революции – это объяснение занимает центральное место в теории Джареда Даймонда, которую мы подробно обсуждали в главе 2, – состоит в том, что она произошла там, где людям – просто в силу счастливого стечения

обстоятельств – было доступно много видов растений и животных, пригодных для одомашнивания. Земледелие и скотоводство стали привлекательными и побудили людей к оседлости. А уже после того, как люди стали оседлыми, в обществе появилась иерархия, возникла религия и другие социальные институты.

Этот подход имеет много сторонников, однако изучение памятников натуфийской культуры указывает, что телега в теории Даймонда поставлена впереди лошади. Институциональные изменения произошли в древних сообществах до того, как они перешли к оседлому сельскому хозяйству. И именно эти институциональные изменения стали причиной как перехода к оседлости (который, в свою очередь, послужил толчком для продолжения этих изменений), так и неолитической революции. Именно такая последовательность событий прослеживается не только у подножий холмов Плодородного полумесяца, который лучше всего изучен археологами, но и в других независимых очагах неолитической революции – в Америке, Африке южнее Сахары и в Восточной Азии.

Разумеется, переход к земледелию привел к росту производительности в сельском хозяйстве и существенному росту населения. Например, в районе Иерихона и Абу-Хурейры ранние деревни земледельцев были гораздо больше, чем поселения кочевни-

ков. В среднем при переходе к земледелию размер поселений вырос от двух до шести раз. Да и другие следствия перехода к оседлости, о которых обычно упоминают в связи с неолитической революцией, без сомнения, имели место: развивалось разделение труда; ускорялся технологический прогресс; более сложные и, видимо, менее эгалитарные формы общественного устройства постепенно брали верх. Но эти изменения не были обусловлены наличием в том или ином месте большего числа пригодных для доместикации видов животных и растений. Наоборот, они были следствием институциональных, социальных и политических изменений в обществе, которые сделали возможным и привлекательным оседлый образ жизни и переход к культивированию домашних растений.

Хотя «долгое лето» и наличие подходящих видов растений и животных были необходимы для перехода к оседлости, не эти факторы определяли, где и когда он случился. Переход совершился в результате взаимодействия точки перелома – «долгого лета» – и небольших, но важных институциональных различий. После потепления климата в некоторых обществах – например, у натуфийцев – возникли элементы того, что мы сейчас называем социальной иерархией и политической централизацией. Так же как позднее об-

щество бушонгов короля Шиама, эти сообщества изменились и усложнились, чтобы наиболее эффективно использовать ставшие более доступными (в связи с изменением климата) ресурсы – растения и животных. И так же, как и в случае с Королевством Куба, именно элита больше всех выигрывала от новых возможностей и политической централизации.

В других же сообществах, современных натуфийцам, институты отличались вроде бы совсем немного, но достаточно, чтобы не позволить политическим элитам использовать точку перелома и перейти на новый уровень развития. Эти группы отстали от набиравшего ход процесса политической централизации и усложнения социальной структуры; у них не появились постоянные оседлые поселения, экономика которых будет основана на земледелии. Так же как в других случаях, о которых мы говорили выше, это привело к дивергенции путей институционального развития.

А тем временем тренды, возникшие в определенном месте, начали распространяться по миру, хотя и неравномерно. Например, земледелие пришло в Европу с Ближнего Востока около 6500 года до н. э., прежде всего благодаря тому, что туда начали переселяться сами земледельческие общины. В результате институты в Европе начали развиваться по траекто-

рии, отличной от пути развития многих других регионов земли, в частности Африки, где были другими изначальные условия, а изменения, ставшие следствием «долгого лета», произошли гораздо позже и в другой форме.

Хотя институциональные инновации натуфийцев, скорее всего, легли в основу неолитической революции, они сами не оставили следа в письменной истории человечества и не обеспечили непрерывного процветания в местностях, где сегодня располагаются Израиль, палестинские территории и Сирия. В настоящее время Сирия и Палестина являются относительно бедными, а благополучие Израиля было главным образом создано евреями, прибывшими из Европы после Второй мировой войны, и связано с их высоким уровнем образования и доступом к самым современным технологиям.

Экономический рост в натуфийской культуре не был устойчивым по тем же причинам, по которым первоначальный рост советской экономики вскоре сменился стагнацией и крахом. Хотя экономический рост у натуфийцев был очень важным, революционным для своего времени явлением, он все же оставался ростом в условиях экстрактивных институтов. Скорее всего, он не раз приводил к серьезным конфлик-

там из-за контроля над экстрактивными институтами и над рентой, которую они приносят. На каждую группу, которая смогла наладить извлечение ресурсов из собственного населения, всегда найдется другая, которая захочет занять ее место во власти. Иногда конфликт между группами приводит просто к смене элиты. А иногда он разрушает всю систему экстрактивных институтов и открывает путь к полному коллапсу государства, как это случилось больше тысячи лет назад с могущественной цивилизацией майя.

Извлечение ренты – ненадежный бизнес

Земледелие зародилось независимо в нескольких регионах земли. На территории современной Мексики тоже появились государства и общества, сумевшие построить постоянные поселения и поддерживать в них жизнь с помощью оседлого сельского хозяйства. И так же как натуфийцы, они смогли добиться умеренного экономического роста. Экстрактивные институты, сформировавшиеся в городах-государствах на севере современной Мексики, в Белизе, Гватемале и Западном Гондурасе, легли в основу довольно изощренной цивилизации. История цивилизации майя иллюстрирует не только возможности роста при экстрактивных институтах, но и принципиальные ограничения, с которыми этот рост сталкивается, а именно угрозу политической нестабильности: различные группы, соперничающие за контроль над рентой, начинают воевать друг с другом, и это в конце концов приводит к крушению общества и государства.

Первые города майя появились около 500 года до н. э. Однако их век оказался сравнительно недолгим, и уже к I веку н. э. они перестали существовать. Новая эпоха – так называемый классический период – про-

должалась с 250 до 900 года; это было время расцвета культуры майя. Но за следующие шестьсот лет и эта цивилизация пришла в упадок: к началу XVI столетия, когда в эти края прибыли испанские конкистадоры, величественные дворцы и храмы майя в Тикале, Паленке и Калакмуле заросли тропическим лесом. Их руины были заново открыты только в XIX веке.

Города майя никогда не были объединены в одно государство, хотя некоторые города находились в подчинении у других. Они были связаны между собой главным образом тем, что их жители говорили на родственных языках (общим числом тридцать один). Кроме того, города часто объединялись в союзы ради войны друг с другом. Мы можем идентифицировать около пятидесяти городов майя по сохранившимся глифам (знакам письменности майя).

От майя дошло около 15 тысяч надписей, в которых освещены многие аспекты жизни, культуры и религии майя. Кроме того, эта цивилизация разработала сложный календарь, в котором для больших промежутков времени использовался так называемый «длинный счет». На наш современный календарь он был похож тем, что тоже отсчитывал годы от некоей фиксированной даты и был един для всех майянских городов. «Длинный счет» начинался в 3114 году до н. э., но мы не знаем, какое значение этот год имел

для майя – даже самые ранние предшественники этой цивилизации появились гораздо позже.

Майя были хорошими строителями и самостоятельно изобрели строительный цемент. Их сооружения, а также надписи на них (они часто содержат даты «длинного счета») служат богатым источником информации о развитии городов майя. Благодаря этим надписям археологи могут подсчитать, сколько зданий было построено в том или ином году во всех городах майя. Скажем, в VI веке н. э. строили немного. Например, к дате «длинного счета», которая соответствует 514 году по нашему календарю, относятся всего десять зданий. Но после этого начался рост, и к 672 году возводилось уже около двадцати зданий в год, а к середине VIII столетия эта цифра достигла сорока. Но затем темпы строительства снова пошли вниз, причем стремительно: к IX веку общее число новых построек сократилось до десяти в год, а к X веку и вовсе до нуля. Эти цифры дают ясную картину развития, расцвета и последовавшего коллапса цивилизации майя после VIII века.

Сведения о числе построенных сооружений можно дополнить списком правителей майя. В городе Копан, сейчас это Западный Гондурас, сохранился знаменитый монумент, известный как «алтарь Q». Надпись на монументе содержит имена всех правителей

города, начиная с основателя династии К'инич-Йаш-К'ук'-Мо, «Царя Зеленого Солнца, кецаля и ары», названного, как мы видим, не только в честь Солнца, но и в честь двух экзотических птиц Центральной Америки, перья которых очень ценились у майя. Согласно дате «длинного счета» на алтаре Q, К'инич-Йаш-К'ук'-Мо пришел к власти в Копане в 426 году н. э. и основал династию, которая правила городом четыреста лет. У некоторых наследников К'инич-Йаша были не менее занимательные имена. Глиф тринадцатого правителя означает «18 кроликов», его преемника звали «Бледно-голубая обезьяна», на смену которому пришел «Бледно-голубой панцирь», умерший в 763 году. Последним царем Копана был Йаш-Пасах-Чан-Йопат, или «Первое рассветное небо, освященное богом», – шестнадцатый по счету потомок К'инич-Йаша, наследник Бледно-голубого панциря. После этого нам известно только одно имя – Укит-Ток, «Хозяин кремней». После Йаш-Пасаха строительство зданий (и, соответственно, записи об этом) прекращается: судя по всему, династия была свергнута. Укит-Ток, по-видимому, даже не стал правителем, а так и остался всего лишь претендентом на власть.

Еще один способ проникнуть в историю Копана предложили археологи Анн-Коринн Фретер, Нэнси Гонлин и Дэвид Уэбстер. Постепенный закат и паде-

ние Копана на протяжении 850 лет его истории, с 400 по 1250 годы н. э., они смогли проследить с помощью так называемой гидратации обсидиана, которая позволяет датировать вулканическое стекло по процентному содержанию в нем воды. После извлечения из вулканической породы обсидиан теряет воду с известной скоростью, благодаря чему археологи могут установить дату извлечения. Фрейтер, Гонлин и Вебстер проследили, где именно в долине Копана были найдены те или иные образцы обсидиана, и таким образом смогли оценить, до какого момента город расширялся и когда его территория снова начала сокращаться. Поскольку мы умеем довольно точно оценивать, сколько жилых домов и других зданий помещалось на определенной территории, то можно подсчитать и общее число жителей. В 400–449 годах население города было ничтожным – может быть, шестьсот жителей или около того. Однако это число достаточно быстро росло и достигло максимума в 750–799 годах, когда в городе насчитывалось 28 000 жителей. Хотя сейчас эта цифра не кажется нам особенно внушительной, по тем временам это очень много: получается, что Копан был больше и Парижа, и Лондона того времени. А ведь другие города майя, такие как Тикаль или Калакмуль, были гораздо более обширными, чем Копан. Данные анализа дегидратации обсидиана под-

тверждают то, что нам уже известно из дат «длинного счета»: около 800 года Копан достиг пика своего расцвета. После этого начался упадок, и к 900 году население сократилось до 15 000. Затем спад пошел еще более быстрыми темпами, и к 1200 году число жителей упало до минимума восьмисотлетней давности.

Основы экономического развития городов майя классического периода были теми же, что факторы первоначального успеха у бушонгов и натуфийцев: экстрактивные институты и централизация государства. В составе институтов майя имелось несколько ключевых элементов. Примерно в 100 году н. э. в городе Тикаль (территория современной Гватемалы) возник новый тип правящей династии. Представители элиты, которые назывались ахавы («правители», «вожди»), консолидировались вокруг царя, который именовался кухуль-ахав («священный владыка»), образуя иерархию аристократов. Священный владыка правил с помощью этой элиты и выполнял функции посредника между людьми и богами. Насколько нам известно, такая политическая система не предполагала никакого участия простого народа, но обеспечивала некоторую стабильность и для него. Кухуль-ахав собирал с земледельцев дань и заставлял работать на строительстве грандиозных государственных сооружений. Экономика Тикаля пережила серьезный

подъем. Для нее, как и для экономики других городов майя, были характерны разделение труда и высокий уровень специализации. До нас дошли сведения об искусных гончарах, ткачах, плотниках, слесарях и ювелирах майя. Кроме того, жители Тикаля торговали вулканическим стеклом, шкурами ягуаров, морскими раковинами, какао, солью и птичьими перьями, причем как друг с другом, так и с другими городами майя. У них, по-видимому, была какая-то денежная система, и они, так же как позже ацтеки, использовали бобы какао в качестве валюты.

Классический период майя очень напоминает эпоху расцвета Королевства Куба: в обоих случаях развитие стало возможным после укрепления экстрактивных институтов, а Йаш-Э'б-Шоок сыграл в Тикале ту же роль, что и король Шиама у бушонгов. Новые политические институты Тикаля привели к значительному росту материального благосостояния, при этом большая часть выигрыша, конечно, досталась ахавам и кухуль-ахаву. Эта система окончательно оформилась приблизительно в 300 году н. э. и уже мало менялась в дальнейшем. Мы знаем, что в эту эпоху происходили улучшения в технологиях ирригации и водоснабжения, однако в целом сельскохозяйственные технологии оставались крайне примитивными. Мастерство строителей, художников и ремесленников со време-

нем стало более совершенным, но в целом технологические инновации были редким исключением в экономике.

У майя не работал процесс созидательного разрушения. Зато другие формы разрушения были представлены в изобилии. Богатства, накопленные элитой и кухуль-ахавом в результате контроля над экстрактивными институтами, тратились на разорительные и все более частые войны с соседями. Хроники войн зафиксированы в надписях майя, причем специальный глиф сообщал о том, когда именно по «длинному счету» произошел конфликт. Планета Венера почиталась как небесная покровительница войны, и некоторые ее положения на орбите майя считали особенно благоприятными для боевых действий. Глиф, символизировавший войну, археологи называют «звездные войны» – на нем изображена звезда, которая поливает землю не то кровью, не то водой.

Надписи также содержат сведения о конфигурации военных союзов и о противостоянии между этими союзами. Более крупные города-государства: Тикаль, Калакмуль, Копан и Паленке – воевали друг с другом, одновременно превращая в своих вассалов города поменьше. Свидетельства этому мы находим в глифах, которые обычно фиксируют престолонаследие: в этот период мы видим, что власть в небольших

городах перешла не к законному наследнику, а к правителю соседнего города.

На карте 10, составленной по результатам исследований археологов Николая Грубе и Саймона Мартина, показаны основные города майя и различные виды контактов между ними. Карта лишней раз демонстрирует, что хотя крупные города – такие как Калак-муль, Дос-Пилас, Пьедрас-Неграс и Йашчилан – наладили активные дипломатические контакты, некоторые из них периодически оказывались в подчинении у других городов. И все они часто воевали.

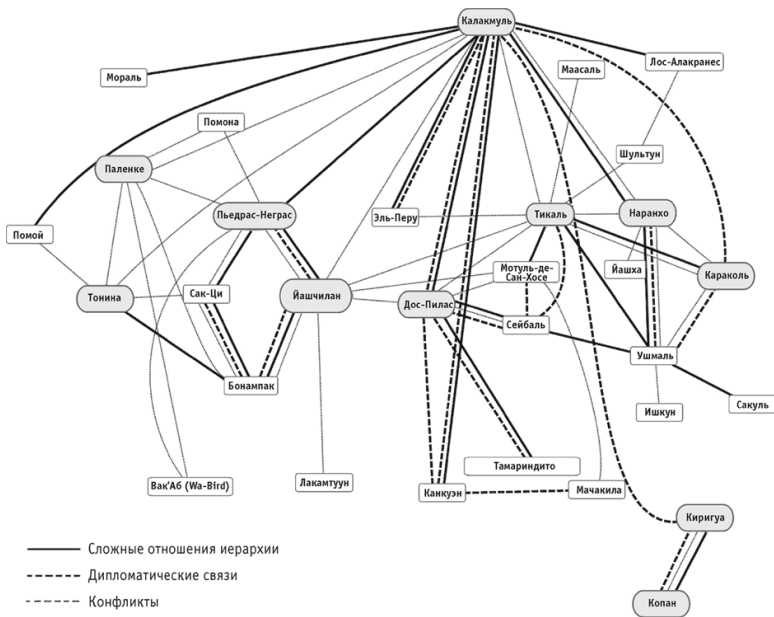
Мы знаем, что коллапс цивилизации майя совпал по времени с крушением политической модели, согласно которой власть была сосредоточена в руках кухуль-ахавов. Как мы уже видели, в Копане после смерти в 810 году кухуль-ахава Йаш-Пасаха верховных правителей уже не было. Примерно в это время опустели и царские дворцы. В двадцати милях к северу от Копана, в Киригуа, последний «царь Нефритового неба» взошел на престол между 795 и 800 годами. Последнее построенное в городе здание датировано 810 годом – годом смерти Йаш-Пасаха. Вскоре опустел и весь город.

Эта история характерна для заката цивилизации майя: политические институты, в свое время обеспечившие условия для развития торговли и сельско-

го хозяйства, для роста населения, вдруг прекратили свое существование, причем внезапно. Дворцы опустели, прекратились пышные придворные церемонии, никто больше не украшал храмы... И как только рухнули политические институты, процесс централизации государства обратился вспять, разразился экономический кризис и население начало быстро сокращаться.

В некоторых случаях крупные города погибли в результате внезапной вспышки насилия. Классическим примером тут может служить Петексбатун (также на территории современной Гватемалы); его величественные храмы были в какой-то момент разрушены ради того, чтобы возвести из полученного камня оборонительные стены (как мы увидим в следующей главе, нечто подобное происходило и в поздней Римской империи). Позже даже в таких городах, как Копан, где изначально насилие не было таким уж частым, многие общественные сооружения и монументы были повреждены или разрушены. В некоторых городах элита смогла остаться у власти даже после свержения кухуль-ахавов. По некоторым данным, в Копане продолжали возводить публичные постройки еще в течение двухсот лет, но и там цивилизация в конце концов сошла на нет. В большинстве же городов элита исчезла сразу после того, как был свергнут «священ-

ный владыка».

Карта 10. Города майя и схема контактов и конфликтов между ними

Имеющиеся у нас археологические данные не дают определенного ответа на вопрос о том, почему кухуль-ахавы были свергнуты, почему окружающая их элита потеряла власть, а политические институты, лежавшие в основе классического периода цивилиза-

ции майя, рухнули. Мы знаем, что это было как-то связано с возросшим уровнем насилия внутри самих городов. Правдоподобной кажется версия о том, что в городах появилась оппозиция (возможно, в виде какой-то группировки внутри самой элиты) и начались междоусобные распри.

Хотя экстрактивные институты позволили городам майя достичь известного уровня процветания, а элите – разбогатеть и получить возможность строить грандиозные сооружения и создавать уникальные художественные ценности, система оказалась нестабильной. Экстрактивные институты, обогащавшие узкий слой элиты, создавали огромное неравенство и, что еще важнее, обостряли борьбу за контроль над ресурсами между противоборствующими группировками. Этот конфликт в конце концов привел цивилизацию майя к закату.

Что же пошло не так?

Экстрактивные институты столь часто встречаются в истории, потому что в их основе лежит действительно сильная логика: они могут обеспечить относительно высокий уровень благосостояния всем гражданам, перераспределив при этом большую часть доходов в пользу элиты, которая поэтому заинтересована в поддержании этих институтов. Чтобы в условиях экстрактивных институтов начался рост, требуется в первую очередь политическая централизация государства. Когда она достигнута, правительство – или контролирующая его элита – обычно получает мощные стимулы для того, чтобы инвестировать в экономику и развивать ее самостоятельно или создавать условия для того, чтобы это делали другие (поскольку расширение экономики расширяет размер ренты, которую может извлечь элита при помощи экстрактивных институтов). Элита даже может попытаться воспроизвести некоторые атрибуты инклюзивных институтов и рынков. В случае карибских плантаций главной функцией экстрактивных институтов было принуждение рабов к работе на сахарных плантациях. В СССР Коммунистическая партия перенаправляла ресурсы из сельского хозяйства в промышленность и

пыталась выстроить систему стимулов для рабочих и директоров заводов. Как мы убедились ранее, эти усилия были подорваны самой логикой системы.

Перспектива экстрактивного роста подталкивает правителей к централизации государства. Именно ради этого король Шиама создал Королевство Куба, а натуфийцы разработали пусть примитивные, но все же нормы закона и порядка, политическую иерархию и институты, которые в конце концов привели к неолитической революции. Похожие процессы, по-видимому, стали катализатором зарождения оседлых обществ в Америке и их перехода к земледелию. Ярчайшим примером того, к чему могут привести подобные процессы, стала цивилизация майя, построенная на гиперэкстрактивных институтах, принуждавших большинство населения работать на благо узкого слоя элиты.

Однако рост при экстрактивных институтах значительно отличается от роста при институтах инклюзивных. Самое главное – он неустойчив. По своей сути, экстрактивные институты не способствуют процессу созидательного разрушения и в лучшем случае помогают добиться очень ограниченного технического прогресса. В результате экономический рост, основанный на таких институтах, имеет естественный «потолок» и рано или поздно закончится. Советский опыт

иллюстрирует эту проблему очень ярко. Пока Советский Союз догонял наиболее технологически развитые страны и перераспределял ресурсы из низкоэффективного сельского хозяйства в промышленность, экономический рост был очень высоким. Но в конце концов стимулы, предложенные производителям во всех отраслях сельского хозяйства и промышленности, не смогли побудить их заниматься инновациями. Инновации появлялись только в некоторых областях индустрии, куда ресурсы лились рекой и где система поощрения была более совершенной, потому что именно в этих областях СССР прямо конкурировал с Западом. Экономический рост в СССР, каким бы высоким он ни был в определенный момент, не мог продолжаться долго и начал затухать уже в 1970-е годы.

Отсутствие созидательного разрушения и инноваций – не единственная причина, по которой рост при экстрактивных институтах принципиально ограничен. История городов-государств майя иллюстрирует более зловещий и, увы, более частый итог такого роста, также обусловленный внутренней логикой экстрактивности. Поскольку экстрактивные институты создают колоссальные богатства для элиты, у других общественных групп возникает огромный соблазн силой отнять у элиты власть над этими институтами и заменить собой элиту. Поэтому нестабильность и

вооруженная борьба за власть являются родовыми чертами экстрактивного роста. Причем они не только усиливают неэффективность, но и могут обратить вспять процесс консолидации государства, а иногда даже свергнуть страну в пучину полной анархии и хаоса, как это случилось с городами-государствами майя на закате классического периода.

Итак, экстрактивный рост имеет естественные ограничения. Однако пока он их не достиг, этот рост может производить большое впечатление на современников. Многие жители СССР (и еще больше жителей других стран) были впечатлены ростом советской экономики в 1920–1960-е и даже в 1970-е годы – точно так же, как сейчас они восхищаются сногсшибательным ростом китайской экономики. Но как мы подробнее обсудим в главе 15, коммунистический Китай – это еще один пример страны, которая быстро растет при экстрактивных институтах, но вряд ли сможет сделать этот рост устойчивым, если только в ней не произойдет фундаментальной политической реформы и не утвердятся инклюзивные политические институты.

Глава 6

Отдаляясь друг от друга

Как Венеция превратилась в музей

Группа островов, образующих Венецию, лежит на севере Адриатического моря. В Средние века Венеция была одним из богатейших городов мира, с отлично развитым набором инклюзивных экономических институтов, опиравшихся на постепенно развивавшуюся политическую инклюзивность. Она обрела независимость в 810 году, в крайне удачное время. Экономика Европы понемногу возрождалась из упадка, последовавшего после коллапса Римской империи, а германские короли, и прежде всего Карл Великий, восстанавливали сильную и централизованную политическую власть. Это вело к стабильности, повышению уровня общей безопасности и расширению торговли, чем Венеция могла отлично воспользоваться благодаря своему уникальному положению. Это была держава мореплавателей, располагавшаяся в самом центре Средиземноморья. Из стран Востока сюда привозили специи, а из Византии – различные ре-

месленные изделия, а также рабов.

Венеция быстро разбогатела. К 1050 году, когда город уже в течение столетия (а то и больше) переживал экономический бум, его население составило 45 000 человек. К 1200 году эта цифра выросла более чем в полтора раза, до 70 000. А к 1330 году население вновь выросло на 50 % и достигло 110 000 человек: примерно столько же, сколько в Париже того времени, и втрое больше, чем в Лондоне.

Одной из основ экономического развития Венеции стала серия инноваций в области контрактного права, сделавшая экономические институты значительно более инклюзивными. Самым знаменитым из этих изобретений была комменда (*commenda*), зачаточный тип акционерного общества, срок существования которого ограничивался продолжительностью одного торгового плавания. В состав комменды входило два партнера – купец-путешественник и остававшийся в Венеции инвестор (*commendator*). Инвестор вкладывал в предприятие капитал, а второй партнер сопровождал груз, чтобы продать его в месте назначения и закупить новые товары. Обычно коммендатор вкладывал львиную долю капитала, так что молодые предприниматели, еще не имевшие собственных оборотных средств, могли начать с того, чтобы отправиться с товаром в путешествие по договору коммен-

ды.

Если путешествие оказывалось прибыльным, то договор комменды предусматривал два типа распределения прибыли. В случае «односторонней» комменды инвестор предоставлял 100 % капитала и получал 75 % прибыли. Если же комменда была двусторонней, то остающийся в Венеции партнер предоставлял 67 % капитала и получал 50 % прибыли.

Изучая официальные документы, легко заметить, насколько важным инструментом социальной мобильности была комменда: в торговых документах Венеции то и дело появляются все новые имена людей, не относившихся к прежней венецианской элите. В документах за 960, 971 и 982 годы количество новых имен составляет соответственно 69, 81 и 65 % от всех имен.

Подобная экономическая инклюзивность и возвышение все новых семей, разбогатевших на торговле, вынуждали политическую систему становиться все более открытой. Дож, управлявший Венецией, избирался на свою должность пожизненно общим собранием всех граждан, хотя на практике голосованием управляли представители нескольких влиятельных семейств. Хотя полномочия дожа были весьма широки, его власть постепенно все более ограничивалась вследствие общих изменений в политических

институтах. После 1032 года одновременно с дожем стали избирать советников (*consiglieri*), деятельность которых была направлена как раз на предотвращение концентрации в руках у дожа абсолютной власти. Первым дожем, избранным по новой системе, стал Доменико Флабьянико, зажиточный торговец шелком, происходивший из семьи, представители которой прежде не занимали высоких постов.

За этими институциональными изменениями последовало значительное расширение венецианской торговой и морской мощи. В 1082 году венецианские купцы получили серьезные торговые привилегии в Константинополе. В столице Византии даже появился венецианский квартал, в котором уже очень скоро насчитывалось 10 000 жителей.

В развитии Венеции мы снова вполне отчетливо видим, как инклюзивные экономические и политические институты начинают поддерживать друг друга. Экономическое расширение республики, оказывавшее все большее давление на политические институты, приобрело взрывообразный характер после убийства дожа в 1171 году и последовавших за этим политических и экономических реформ. Первой важной новацией было создание Большого совета, который с этого момента стал единственным источником политической власти в Венеции. Большой совет состав-

лся из граждан, занимающих различные государственные посты, например судей, в нем преобладали представители аристократических семейств. Каждый год специальный номинационный комитет, членом которого избирались из состава Большого совета, выдвигал сто новых кандидатур в совет. Кроме того, Большой совет избирал членов двух нижестоящих органов – Сената и Совета сорока, выполнявших различные законодательные и исполнительные функции. Наконец, Большой совет избирал советников дожа (*consiglieri*), число которых теперь было увеличено с двух до шести.

Второй законодательной новацией стало создание еще одного органа, Малого совета, который избирался из членов Большого совета и, в свою очередь, избирал дожа. Формально этот выбор должен был быть утвержден общим собранием граждан, однако поскольку выдвигалась всего одна кандидатура, выбор дожа оказывался полностью в руках Малого совета. Третье нововведение состояло в том, что новый дож должен был при вступлении в должность принести присягу, которая ограничивала его власть. Со временем все эти ограничения были довольно последовательно ужесточены – дож теперь должен был подчиняться городским чиновникам, любое его решение должно было быть одобрено советниками дожа, ко-

торые также контролировали, чтобы дож подчинялся всем решениям Большого совета.

Эти политические реформы вели к развитию дальнейших институциональных инноваций – появлению независимых выборных чиновников, судей и апелляционных судей, выработке новых форм частных контрактов и законов, в том числе и о банкротстве. Эти новые венецианские экономические институты позволили создать новые юридические формы бизнеса и новые типы контрактов. Быстро развивались и финансовые инновации, и уже в то время в Венеции можно различить некоторые черты современной банковской системы. Казалось, ничто не способно остановить динамичное движение Венеции в сторону полностью инклюзивных институтов.

Однако во всем этом развитии наблюдалось определенное напряжение. Экономический рост, поддержанный инклюзивными венецианскими институтами, сопровождался созидательным разрушением. Появление каждой новой волны предприимчивых молодых людей, разбогатевших благодаря комменде и подобным экономическим институтам, приводило к снижению доходов представителей старой элиты. И дело не ограничивалось снижением доходов – порой речь заходила об угрозе их политической власти. Аристократы, заседавшие в Большом совете, постоянно испы-

ывали искушение закрыть доступ к системе для новых людей.

В первые годы существования Большого совета выборы в него проводились ежегодно. Как мы уже видели, в конце года четыре выборщика, избранные по жребию, выдвигали сто новых кандидатур на следующий год (после чего их утверждение происходило автоматически). Однако 3 октября 1286 года в Большой совет было внесено предложение о том, чтобы кандидатуры претендентов утверждались большинством Совета сорока (этот орган находился под полным контролем аристократических семей). Предлагалось также, чтобы члены Совета сорока обладали правом вето в отношении новых кандидатур (ранее такого права у них не было).

Предложение было отклонено. Однако уже через два дня была выдвинута новая инициатива, и на этот раз она была одобрена. Теперь кандидат автоматически утверждался в случае, если в Большом совете в свое время заседали его отец или дед. В остальных же случаях было необходимо утверждение кандидатуры советниками дожа. А 17 октября была принята еще одна поправка – теперь кандидат в Большой совет должен был быть утвержден Советом сорока, советниками дожа и самим дожем.

Эти дебаты и поправки 1286 года проложили путь

для нового регламента, введение которого в истории Венеции известно как «Закрытие» (*La Serrata*). В феврале 1297-го было принято решение о том, что если вы были членом Большого совета в предыдущие четыре года, то ваша кандидатура автоматически выдвигалась снова и автоматически одобрялась. Новые же кандидатуры должен был одобрять Совет сорока, однако для этого было достаточно лишь двенадцати голосов. А после 11 сентября 1298 года для действующих членов совета и членов их семей одобрение уже не требовалось. Так Большой совет был фактически закрыт для кандидатов извне, а участие в нем стало по сути дела привилегией наследственной аристократии. Это положение в 1315 году зафиксировала «Золотая книга» (*Libro d'Oro*) – официальный реестр венецианской знати.

Граждане Венеции, оказавшиеся за пределами этого узкого круга нарождающейся правящей элиты, не хотели поступиться своими правами просто так, без борьбы. В 1297–1315 годах в Венеции сохранялось постоянное политическое напряжение. В попытках найти компромисс с самыми яркими противниками нововведений аристократы увеличили численность Большого совета с 450 до 1500 человек. Но расширение совета сопровождалось и расширением репрессий. В 1310 года в городе была учреждена полиция,

и гайки стали закручиваться все туже, чтобы обеспечить консолидацию нового политического порядка.

После политического «закрытия» Большой совет решил произвести и экономическое. Наряду с переходом к экстрактивным политическим институтам начался переход к экстрактивным экономическим институтам. Самым важным было запрещение комменды – то есть одной из самых значительных институциональных инноваций, которые и сделали Венецию богатой. Это не должно нас удивлять. Комменда была выгодна для новых игроков на рынке, и сложившаяся купеческая элита пыталась им помешать. Это был еще один шаг в сторону более экстрактивных экономических институтов. Следующий шаг был сделан в 1314 году, когда республика принялась национализировать торговлю. Была организована система принадлежащих государству торговых галер, и начиная с 1324 года граждан, желавших заняться коммерцией, стали облагать высокими налогами. Международная торговля окончательно сосредоточилась в руках старых семей. Это было началом конца Венеции как процветающего государства. После того как все основные направления бизнеса оказались монополизированы узкой прослойкой элиты, падение только ускорилось. Венеция могла бы стать первым в мире инклюзивным обществом, однако не смогла этого сде-

лать в результате политических интриг. Политические и экономические институты становились все более экстрактивными, и скоро Венеция столкнулась со снижением торгового оборота. К началу XVI века ее население сократилось до ста тысяч человек. В период 1650–1800 годов, когда население Европы бурно росло, в Венеции шел обратный процесс.

В наши дни единственная отрасль экономики, существующая в Венеции (если не считать незначительные объемы рыболовства), – это туризм. Венецианцы, которые когда-то открывали новые торговые пути и развивали передовые экономические институты, сегодня пекут пиццу, делают мороженое и выдувают поделки из разноцветного стекла на потребу ордам иностранных туристов. Иностранцы приезжают посмотреть на диковины эпохи, которой положила конец *La Serrata*, – на Дворец дождей и на коней собора Св. Марка, отнятых у Константинополя в те времена, когда Венецианская республика правила Средиземноморьем. Венеция превратилась из лидера экономики в музей.

В этой главе мы поговорим об историческом развитии институтов в различных частях мира и объясним, почему они развивались по-разному. В главе 4 мы видели, каким образом траектория развития институтов Западной Европы начала расходиться с траекторией

развития институтов Восточной Европы, как английские институты начали все сильнее отличаться от институтов остальных стран Западной Европы. Это расхождение было следствием небольших вначале институциональных различий, возникавших в основном в результате появления точек перелома на пути институционального развития. Довольно заманчиво думать, что эти институциональные различия представляют собой верхушку огромного исторического айсберга, при этом глубоко на его подводной части находятся английские и европейские институты, неумолимо дрейфующие в сторону от институтов других частей света под влиянием событий, произошедших много тысяч лет назад. Так сказать, остальное – история.

Однако на самом деле это не так, и минимум по двум причинам. Прежде всего, движение в сторону инклюзивных институтов, как показывает пример Венеции, может оказаться обратимым. Венеция стала процветать, однако в результате определенных преобразований в ее политических и экономических институтах процветание обернулось упадком. В наши дни Венеция богата лишь потому, что люди, зарабатывающие деньги где-то совсем в других местах, предпочитают тратить их в Венеции, наслаждаясь картинами ее былой славы. Тот факт, что развитие инклю-

живных институтов может повернуть вспять, наглядно демонстрирует отсутствие какого-либо простого, кумулятивного процесса институциональных улучшений.

Кроме того, небольшие институциональные различия, играющие важнейшую роль в точках переломов, являются по своей природе крайне мимолетными. В силу своей неустойчивости они могут оказаться обратимыми, направить вектор движения вспять, затем вновь в первоначальную сторону – и вновь повернуть его назад. Далее в этой главе мы увидим, что, вопреки всем гипотезам о влиянии географии или культуры, Англия, сделавшая в XVII веке решающий шаг в сторону инклюзивных институтов, была в течение тысячелетий своего рода тихой заводью. Причем речь идет не только о тех далеких временах, когда на Ближнем Востоке совершалась неолитическая революция, но и о раннем Средневековье после падения Западной Римской империи. Британские острова были далекой пограничной окраиной империи и, разумеется, играли в ее жизни значительно меньшую роль, чем римские провинции в континентальной Западной Европе, Северной Африке, на Балканах, в Малой Азии или на Ближнем Востоке. После падения Западной Римской империи в V веке уровень жизни в Британии также очень сильно понизился. Однако политические

революции, которые в конце концов привели к промышленной революции, произошли не в Италии, не в Турции и не в континентальной Европе, а именно на Британских островах.

Тем не менее понимание римского наследия критически важно для анализа исторического пути, который привел к промышленной революции в Англии и странах, которые вскоре последовали за ней, причем по нескольким причинам. Прежде всего Рим, как позднее и Венеция, достаточно рано разработал и провел в жизнь основные институциональные инновации. Так же как и в Венеции, изначальный экономический успех Рима был основан на инклюзивных институтах – как минимум по стандартам того времени. Как и в Венеции, эти институты стали со временем более экстрактивными, причем этот поворот был также совершен вполне сознательно. В случае Рима водоразделом стал переход от республики (510–49 г. до н. э.) к империи (49 г. до н. э. – 476 г. н. э.). Несмотря на то, что в течение республиканского периода Рим смог выстроить впечатляющую мировую державу, несмотря на цветущую международную торговлю и отличную систему дорог, построенных римлянами на всех завоеванных территориях, значительная часть римской экономики была экстрактивной. Переход от республики к империи лишь повысил степень экстрактивности,

что со временем привело к смутам, нестабильности, а в конце концов – к крушению государства, что мы уже наблюдали на примере городов-государств майя.

Но теперь мы увидим и еще одну, значительно более важную вещь. Институциональное развитие средневековой Западной Европы, хотя и не было прямым продолжением истории развития Рима, стало тем не менее следствием точек перелома, возникших в регионе вследствие падения Западной Римской империи. Эти точки перелома практически не имели аналогов в других частях мира, таких как Африка, Азия или Америка. При этом мы покажем на примере Эфиопии, что, когда аналогичные точки перелома возникали в других местах, институциональные реакции на них были практически такими же. Падение Рима привело к установлению феодализма, и побочными продуктами этого процесса стали постепенное упразднение рабства и появление вольных городов, находившихся вне сферы влияния монархов или аристократии. В ходе этого процесса также возник набор институтов, в которых феодалы имели меньшую политическую власть. Феодальная система пережила хаос, возникший в годы «черной смерти», а затем и дальнейшее укрепление независимых городов и крестьянства за счет монархов, аристократов и крупных землевладельцев. Именно в рамках европейской фео-

дальной системы начали реализовываться возможности, созданные атлантической торговлей. Многие части мира не прошли через подобные точки перелома и вследствие этого начали дрейфовать по иному пути развития.

Римские добродетели...

В 133 году до н. э. народный трибун Тиберий Гракх был забит до смерти членами римского сената, а его тело безо всяких погребальных церемоний выбросили в Тибр. Его убийцами были такие же римские аристократы, как и сам Тиберий, а покушение спланировал его двоюродный брат Публий Корнелий Сципион Назика. Тиберий Гракх имел безупречную аристократическую родословную. Он был потомком нескольких прославленных деятелей Римской республики, в том числе Луция Эмилия Павла, героя Иллирийской и Второй Пунической войн, и Сципиона Африканского – победителя Ганнибала. Почему же против Гракха обратились влиятельные сенаторы, включая его собственного двоюродного брата?

Ответ на этот вопрос позволит нам ощутить всю степень напряжения, существовавшего в Римской республике, и понять причины ее последующего падения. Причиной разногласий между Тиберием и влиятельными сенаторами стали крайне важные вопросы – распределение земли и права *плебеев*, рядовых римских граждан.

Ко времени Тиберия Гракха Рим представлял собой хорошо организованное и стабильное государ-

ство. Политические институты Рима и добродетели римских граждан-воинов (запечатленные, к примеру, на знаменитой картине Жака-Луи Давида «Клятва Горациев», на которой изображены братья, клянущиеся своему отцу в том, что они будут сражаться за родину, не жалея жизни) до сих пор воспринимаются многими историками как основа процветания республики. Республика была учреждена в 510 году до н. э., когда граждане свергли последнего римского царя Луция Тарквиния, известного также как Тарквиний Гордый. Впоследствии были созданы весьма разумные политические институты со множеством инклюзивных элементов. Город управлялся магистратами (чиновниками), которые переизбирались ежегодно. Такой порядок снижал возможность злоупотреблений и того, что власть будет сосредоточена в одних руках. Институты республики были построены на системе сдержек и противовесов, позволявшей распределять власть в достаточно широких слоях населения. При этом, однако, не все общественные группы имели равное представительство при голосовании, поскольку оно было непрямым. Кроме того, до трети населения, по некоторым оценкам, составляли рабы, жизненно необходимые в античном производстве. Разумеется, у рабов не было никаких личных прав, не говоря уже о политическом представительстве.

Так же, как гораздо позднее в Венеции, в политических институтах республики имелись элементы плюрализма. У плебеев был собственный орган самоуправления – народное собрание, которое избирало трибуна (представителя плебса), обладавшего правом вето в отношении решений магистратов, а также правом законодательной инициативы. Именно плебеи в 133 году до н. э. привели к власти Тиберия Гракха, избрав его своим трибуном. Плебеи завоевали свои права в результате нескольких сецессий (лат. *secessio*, от *secedo* – «ухожу»), своеобразных забастовок, во время которых горожане, в том числе и солдаты, демонстративно покидали город, отказываясь сотрудничать с патрицианскими магистратами, пока их требования не будут удовлетворены. Понятно, что подобная угроза становилась особенно серьезной во время войн. Судя по всему, именно в ходе одной из сецессий в V веке до н. э. плебеи завоевали право избирать собственного трибуна и принимать законы, регулировавшие жизнь плебса. Эти политические и юридические гарантии, хотя и довольно ограниченные по нашим нынешним стандартам, создали экономические возможности для граждан и привнесли некоторую степень инклюзивности в экономические институты. Одним из результатов этого стал расцвет средиземноморской торговли в эпоху Римской республи-

ки. Археологические свидетельства дают основания полагать, что, хотя уровень жизни большинства граждан республики и рабов лишь немного превышал прожиточный минимум, многие римляне, включая некоторых простых граждан, имели значительные доходы и доступ к публичным услугам, таким как городская канализация и уличное освещение.

Более того, имеются свидетельства определенного экономического роста в эпоху республики. Данные об экономическом состоянии римлян можно получить в результате изучения остатков кораблекрушений. Выстроенная римлянами держава представляла собой в определенном смысле паутину торговых путей, в узлах которой располагались портовые города – от Афин, Антиохии и Александрии на востоке до самого Рима, а затем Карфагена и Кадиса (а позднее и Лондона) далеко на западе. По мере расширения территории Римского государства росли объемы торговли и перевозок. Эти процессы можно отследить по обломкам торговых кораблей, найденных археологами на дне Средиземного моря.

Эти обломки можно датировать различными способами. На кораблях, шедших из Италии в Галлию, часто перевозились амфоры с вином или оливковым маслом. С Иберийского полуострова также шло испанское оливковое масло, которое затем продава-

лось или бесплатно раздавалось в Риме. На глиняных амфорах часто делались оттиски печатей, содержавшие информацию о том, кто и когда изготовил сосуд. Недалеко от берега реки Тибр в Риме расположен небольшой холм, который называется Монте-Тестацчо или Монте-деи-Коччи.²³ Это холм искусственного происхождения: он сложен из черепков от приблизительно 53 миллионов амфор. Откупоренные и опустошенные амфоры выбрасывались за ненадобностью, и со временем из глиняных черепков образовалась довольно высокая гора.

Возраст других товаров и самого корабля порой можно определить с помощью радиоуглеродного анализа – довольно эффективного метода, который используют в наши дни археологи для датировки органических остатков. Растения в процессе фотосинтеза используют энергию солнца для преобразования углекислого газа в глюкозу. В ходе этого процесса растения поглощают некоторое количество естественного радиоактивного изотопа углерода – углерод-14. После смерти растения углерод-14 перестает поступать в его ткани, а уже накопившийся изотоп начинает разлагаться в ходе радиоактивного распада. Найдя обломки корабля, археологи могут попытаться опреде-

²³ От лат. *mons testaceus* – «гора из черепков». Второе название, *Monte dei Cocci*, того же происхождения: «черепки», по-итальянски *cocci*.

лить возраст дерева, из которого он был построен, сравнивая количество углерода-14 в нем с ожидаемыми значениями углерода-14 в атмосфере. Поскольку скорость распада изотопа известна, появляется возможность определить, когда было срублено дерево. Лишь около двух десятков известных остатков античных кораблекрушений старше 500 года до н. э. Возможно, это были даже не римские корабли – они могли принадлежать, к примеру, карфагенянам. Однако затем количество крушений римских кораблей начинает резко расти. Для периода, примерно соответствующего времени рождения Христа, их известно 180.

Обломки кораблекрушений – еще один отличный способ очертить контуры римской экономики. Обилие кораблей можно считать признаком определенного экономического роста, однако важно поместить эти данные в правильный контекст. Вероятно, до двух третей груза этих кораблей принадлежало государству: это были налоги натурой и дань, которые доставлялись из завоеванных провинций в Рим, а также зерно и оливковое масло из Северной Африки, предназначенные для бесплатной раздачи гражданам города. Благодаря этим плодам экстрактивности и возникла гора Тестаччио.

Еще один весьма интересный способ, с помощью которого можно оценить параметры экономического

роста в античности, появился у нас благодаря проекту «Гренландское ледяное ядро». Дело в том, что во время снегопада на опускающихся на землю снежинках оседают небольшие количества присутствующих в атмосфере загрязнений, в особенности частички металлов – свинца, серебра и меди. В арктических широтах выпавший снег замерзает, образуя новый слой поверх слоев снега, образовавшихся в предыдущие годы. Этот процесс продолжается тысячелетие за тысячелетием и дает ученым уникальную возможность узнать, насколько высоким было загрязнение атмосферы многие десятки веков назад. В 1990–1992 годах в рамках проекта в ледяном щите Гренландии была пробурена скважина глубиной 3030 метров (что соответствует примерно 250 000 лет человеческой истории). Один из основных выводов этого исследования (как и некоторых предшествующих) состоит в том, что примерно с 500 года до н. э. начинается заметный рост загрязнения атмосферы. Доля свинца, серебра и меди стабильно растет и достигает пика в I веке н. э. (примечательно, что в следующий раз доля свинца в атмосфере достигнет этих же пиковых значений лишь в XIII столетии). Эти данные показывают, насколько активно (в сравнении с предшествующим и последующим периодами) развивалось горное дело в Риме. Подобный рост объемов добычи явным образом сви-

детельствует об экономическом росте.

Однако этот рост не был достаточно стабильным, ведь он происходил в условиях институтов, которые были лишь частично инклюзивными, а частично – экстрактивными. Несмотря на то, что граждане Рима обладали определенными политическими и экономическими правами, в Риме было широко распространено рабство (в высшей степени экстрактивный институт), а элита, сословие патрициев, доминировала и в экономике, и в политике. К примеру, хотя у плебеев Рима и имелись народное собрание и собственные трибуны, реальная власть была сосредоточена в руках Сената, состоявшего из крупных землевладельцев-патрициев. Согласно римскому историку Титу Ливию, Сенат был учрежден еще Ромулом, основателем и первым царем Рима, и состоял из ста старейшин патрицианских родов. Их потомки и составили класс сенаторов, хотя впоследствии к ним и стали время от времени добавляться выходцы из плебейского сословия. Земля в Римском государстве распределялась в высшей степени неравномерно, в особенности далеко зашли противоречия ко II веку до н. э. Именно в этом и состоял корень проблем, решить которые намеревался плебейский трибун Тиберий Гракх.

В результате экспансии Рима в страны Средиземноморья богатства текли в Вечный город рекой. Одна-

ко плоды изобилия доставались в основном немногочисленным патрицианским семьям, а пропасть неравенства между богатыми и бедными постоянно расширялась. К тому же источником богатства сенаторов был не только контроль над прибыльными провинциями, но и крупные поместья по всей Италии. В этих поместьях работали рабы, часто из числа военнопленных, захваченных в войнах, которые вел Рим. При этом важно понимать, откуда взялись эти поместья. Армия Рима времен республики состояла из солдат-граждан, в основном мелких землевладельцев, сначала из самого Рима, а затем и из других областей Италии. При необходимости они отправлялись на войну, а затем снова возвращались на свою землю. По мере того как римская держава расширялась, а войны становились все более продолжительными, эта модель работала все хуже. Солдаты не могли вернуться к своей земле в течение нескольких лет, в результате чего их хозяйства приходили в упадок, а их семьи погружались в пучину долгов и оказывались на грани разорения и голода. Многие из них были вынуждены бросать свои участки, и те со временем присоединялись к поместьям сенаторов. По мере того как класс сенаторов становился все богаче и богаче, в Риме концентрировались огромные массы безземельных граждан (часто это были ветераны, уволенные из

армии). Поскольку у них больше не было земли, на которую можно было бы вернуться, они искали пропитания в Риме.

К концу II века до н. э. ситуация достигла точки кипения – разрыв между богатыми и бедными достиг небывалого уровня, а в Риме скопилось множество недовольных граждан, в любую минуту готовых взбунтоваться и растерзать патрицианскую аристократию. Однако политическая власть по-прежнему принадлежала богатым землевладельцам-сенаторам, которых вполне устраивала ситуация, сложившаяся в течение последних двух столетий. Большинство из них было совершенно не заинтересовано в том, чтобы менять систему, прекрасно служившую их интересам.

Согласно греческому историку Плутарху (45–127 гг.), Тиберий Гракх во время своих поездок по Этрурии (регион в Центральной Италии) узнал о сложностях, с которыми сталкивались семьи римских солдат. То ли вследствие этого, то ли в результате других трений с влиятельными сенаторами он приступил к разработке смелой земельной реформы. В 133 году до н. э. плебеи избрали его трибуном, и Гракх воспользовался этим, чтобы предложить свой план: специальная комиссия должна была расследовать факты незаконного захвата общественных земель, а затем сократить все участки, площадь которых превы-

шала триста акров, и перераспределить излишки в пользу безземельных римских граждан. Ограничение в 300 акров, по сути дела, было взято из очень старого римского закона, который игнорировался и не применялся уже несколько сот лет. Предложение Тиберия Гракха было крайне негативно встречено сенаторами, которым удалось на некоторое время блокировать проведение реформы. Однако затем Тиберий смог использовать своих сторонников, чтобы вывести из игры другого трибуна, угрожавшего наложить вето на проект. В конце концов предложенная Гракхом земельная комиссия была создана, однако Сенат снова воспрепятствовал ее работе, не выделив необходимых для этого денег.

Открытый конфликт разгорелся, когда Тиберий Гракх потребовал, чтобы комиссии по земельной реформе были переданы средства, которые завещал римскому народу царь малоазиатского города Пергам. Он также попытался во второй раз подряд избраться трибуном, отчасти из-за того, что боялся преследований со стороны Сената, когда оставит свой пост. Это дало сенаторам повод обвинить Тиберия в попытке захватить власть и стать пожизненным правителем. Сенаторы напали на Гракха и его сторонников, в результате чего многие из них были убиты. Одним из первых пал сам Тиберий, но его смерть не ре-

шила проблему: впоследствии и другие римские политики также предпринимали попытки провести земельную реформу, а также реформировать и другие аспекты римской экономики и римского общества. Некоторых из этих политиков ждала та же участь, что и Тиберия Гракха. К примеру, его старший брат Гай, тоже трибун, был также убит патрициями.

В течение последующего столетия напряжение, тлевшее в обществе, не раз прорывалось наружу – в частности, во время Первой и Второй гражданских войн (88–87, 83–82 гг. до н. э.). Луций Корнелий Сулла, агрессивный защитник интересов сенаторов, не только подавил любые попытки политических реформ, но и серьезно урезал полномочия плебейского трибуна. Эти же вопросы стали ключевыми в эпоху Юлия Цезаря и обеспечили ему поддержку горожан во время его борьбы против Сената.

Политические институты, лежавшие в основе Римской республики, были упразднены Юлием Цезарем в 49 году до н. э., когда он со своими легионами перешел через пограничную реку Рубикон, отделявшую провинцию Цизальпинская Галлия от Италии, и направился в Рим. Город подчинился Цезарю, но затем разразилась очередная гражданская война. Несмотря на все заслуги и победы Цезаря, он был убит недовольными сенаторами во главе с Брутом и Кассием

в 44 году до н. э., а Римская республика перестала существовать в прежнем виде. Между сторонниками Цезаря Марком Антонием и Октавианом и его противниками разразилась новая гражданская война. А когда Марк Антоний и Октавиан победили, они стали воевать друг с другом, пока Октавиан не взял верх в битве у мыса Акций в 31 году до н. э.

Карта 11. Римская империя в 117 году

Начиная со следующего года Октавиан, носивший с

28 года до н. э. имя Цезаря Августа, управлял Римом единолично, и его правление продолжалось в течение следующих 45 лет. Август стал первым римским императором, хотя сам он предпочитал именоваться принцепсом – «первый среди равных» [в Сенате], и историки предпочитают называть эту политическую систему принципатом (а не империей). На карте 11 показана Римская империя в период своего наибольшего расцвета в 117 году н. э. На ней можно увидеть и реку Рубикон, которую столь судьбоносно перешел Цезарь.

Семена будущего падения Рима были брошены в землю как раз в момент перехода от республики к принципату, а затем и к империи. Частично инклюзивные политические институты, сформировавшие основу для экономического успеха республиканского Рима, постепенно утрачивали свое значение. Когда-то республиканский режим – даже при том, что сенаторы и другие богатые римляне пользовались привилегиями, – не был абсолютистским и не позволял сконцентрировать всю власть в одних руках. Инициированные Августом изменения (как и в случае с *La Serrata* в Венеции тысячу с лишним лет спустя) были политическими, однако привели к значительным экономическим последствиям. В результате этого процесса изменений к V веку Западная Римская империя значи-

тельно ослабла и в экономическом, и в военном отношении и оказалась на грани краха.

...и римские пороки

Флавий Аэций был одним из самых значительных деятелей поздней античности. Английский историк Эдвард Гиббон, автор книги «История упадка и падения Римской империи», называл его «последним из римлян». С 433 по 454 год, когда он был убит по приказу императора Валентиниана III, генерал Аэций был, пожалуй, самым влиятельным человеком в Римской империи. Он навел порядок во внутренней и внешней политике и принял участие в нескольких важных битвах против варваров, а также против других римских полководцев в ходе непрерывных гражданских войн. С конца II века гражданская война стала вполне привычным фактом жизни в Римской империи. Начиная со смерти императора Марка Аврелия в 180 году и заканчивая падением Западной Римской империи в 476-м, не было почти ни одного десятилетия, не омраченного гражданской войной или дворцовым переворотом. Не так уж много императоров этой эпохи пали в бою или умерли своей смертью, большинство же из них было убито узурпаторами или погибло от рук своих собственных солдат.

Карьера Аэция наглядно отражает изменения, произошедшие в римском государстве со времен респуб-

лики и ранней империи. Дело не только в том, что он постоянно участвовал в непрерывных гражданских войнах, и не в его безграничном влиянии на все аспекты политической жизни империи (влиянии, совершенно несравнимом с гораздо более лимитированной властью полководцев и сенаторов прежних времен) – его карьера показывает, насколько коренным образом менялась судьба римлян.

Во времена поздней империи так называемые варвары, которые в свое время были покорены и включались в состав римских армий или использовались как рабы, сами стали доминировать во многих частях страны. В молодости и сам Аэций побывал в плену у варваров – сначала в качестве заложника у вестготов Алариха, а затем у гуннов. Взаимоотношения Рима с этими варварами наглядно показывают, насколько изменилось положение дел со времен республики. Аларих считался одновременно и свирепым врагом, и союзником Рима; в 405 году ему даже было поручено командовать одной из римских армий, однако уже в 408 году Аларих вторгся в пределы Италии, а через два года взял Рим.

Точно так же то врагами, то союзниками для римлян были гунны. Несмотря на то, что в свое время гунны держали Аэция в плену, позднее отряды гуннов сражались бок о бок с его легионами в очередной граж-

данской войне. Однако и гунны недолго оставались верными. В 451 году гунны под предводительством Атиллы сражались против римлян в битве на Каталаунских полях в Галлии. На сей раз союзниками римлян выступили вестготы под началом Теодориха I.

Несмотря на эту чехарду, римская элита не оставляла попыток привлечь варварских вождей на свою сторону. Причем цель здесь часто заключалась не в защите римских территорий, а в создании очередного альянса во внутренней политической борьбе. К примеру, вандалы под предводительством Гейзериха разорили значительную часть Иберийского полуострова, а затем, начиная с 429 года, начали захватывать Северную Африку, «житницу Рима». В ответ римляне предложили Гейзериху в жены несовершеннолетнюю дочь императора Валентиана III. В то время Гейзерих был уже женат на дочери одного из готских вождей, но ради того, чтобы породниться с императором, развелся с женой под предлогом того, что она пыталась его убить, и отправил ее обратно к готам, предварительно отрезав несчастной уши и нос. К счастью для новой невесты, она была слишком молода, чтобы отправиться к будущему мужу, и осталась в Италии. Впоследствии она вышла замуж за влиятельного генерала Петрония Максима – именно он спланировал интригу, в результате которой Аэций был казнен импера-

тором Валентинианом III (который и сам вскоре был убит в результате очередного заговора Максима).

Петроний Максим, в свою очередь, провозгласил себя императором, однако его правление было крайне недолгим и закончилось гибелью во время нападения вандалов Гейзериха на Италию, которое завершилось новым захватом и разграблением Рима.

К началу V века варвары буквально стояли у ворот империи. Некоторые историки полагают, что это стало возможным из-за того, что Рим был ослаблен в борьбе с более серьезными противниками, с которыми столкнулись римляне во времена поздней империи. Однако успехи готов, гуннов и вандалов в борьбе против Рима были симптомом, а не причиной падения римской державы. Ведь во времена республики Риму приходилось противостоять куда более организованным и опасным противникам, например карфагенянам. Причины падения Рима сходны с причинами, которые привели к упадку города-государства майя. И там, и здесь это падение было предопределено работой все более экстрактивных политических и экономических институтов, вызывавших все новые распри и гражданские войны.

Причины падения Рима можно проследить в глубину истории вплоть до времени, когда Август сосредото-

точил в своих руках единоличную власть, в результате чего политические институты постепенно стали дрейфовать в сторону экстрактивности. К примеру, важные изменения произошли в структуре армии. Упразднение сессии лишило общество важнейшего инструмента, который в свое время обеспечил политическое представительство для простых римлян. Император Тиберий, ставший преемником Августа в 14 году, упразднил народное собрание плебеев и передал все его полномочия Сенату. Лишившись права политического голоса, граждане Рима получили взамен полные пригоршни зерна, оливкового масла, вина и свинины. Их постоянно развлекали с помощью цирковых зрелищ, прежде всего гладиаторских боев. В результате реформ Августа императоры начали опираться не на армию, состоявшую из солдат-граждан, а на преторианскую гвардию, группу привилегированных профессиональных солдат, созданную принцепсом. Со временем гвардия стала вполне самостоятельным игроком на политическом поле, и преторианцы не раз решали, кто станет следующим императором. Зачастую этот вопрос разрешался не мирным путем, а с помощью заговоров, переворотов и гражданских войн. Август принимал меры к тому, чтобы укрепить патрицианскую аристократию в противовес простым гражданам, и неравенство, которое в свое вре-

мя привело к конфликту Тиберия Гракха с патрициями, росло и усиливалось.

Концентрация власти в одних руках привела к тому, что защищенность прав собственности у простых римлян уменьшилась. По мере роста империи росла (вследствие конфискаций) и площадь государственных земель, которые во многих областях составляли уже более половины всей территории. Борьба за контроль над ресурсами усилилась – примерно так же, как это будет происходить в городах-государствах майя.

Хотя достаточно разумные властители конца I–II веков, такие как Траян (98–117), Адриан и Марк Аврелий, и приостановили дальнейшее падение, они не смогли или не захотели решить фундаментальные институциональные проблемы. Никто из них не захочет отказаться от единоличной власти или воссоздать эффективные политические институты эпохи Римской республики. И хотя деятельность Марка Аврелия и была в целом успешной, его преемником стал его сын Коммод, напоминавший скорее неуправляемых Калигулу или Нерона, чем собственного отца-философа.

Гражданские войны стали обыденностью еще задолго до наступления хаоса V века и нашествия варварских орд. К примеру, в 193 году генерал Септимий Север отнял власть у императора Дидия Юлиана (ко-

торый сам взошел на престол, убив императора Пертинакса). Затем Север, третий император так называемого «года пяти императоров», развязал войну против двух других претендентов – Песценния Нигера и Клодия Альбина – и одержал над ними победы в 194 и 197 годах соответственно. Всю собственность обоих Север конфисковал.

Растущая нестабильность в обществе проявлялась даже в планировке и обустройстве городов империи. К III веку каждый более или менее крупный город был обнесен оборонительной стеной. Во многих случаях жители разрушали более древние памятники и возводили из их камней фортификационные сооружения. В Галлии до прихода римлян в 125 году до н. э. было принято основывать поселения на вершине холмов, поскольку так их было проще защищать. После наступления «римского мира» (*Pax Romana*) города стали строить и на незащищенных равнинах, однако в III веке прежний обычай пришлось вернуть вновь.

Вместе с политической нестабильностью пришли и другие перемены, которые приводили к еще большей экстрактивности экономических институтов. Несмотря на то, что в 212 году римское гражданство было даровано почти всем свободным жителям империи, сам статус гражданина к тому времени неузнаваемо изменился. Исчезло даже теоретическое представле-

ние о том, что все граждане равны перед законом. К примеру, во времена императора Адриана (117–138) в отношении различных категорий римских граждан явным образом применялись различные нормы закона. Роль гражданина коренным образом отличалась от того, что было в дни республики. Теперь у граждан не было возможности повлиять на политические и экономические решения созывом народных собраний.

В Риме сохранялось и рабство, хотя у историков имеются определенные разногласия по поводу того, сокращалась или увеличивалась на самом деле доля рабов в общем составе населения на протяжении столетий. Столь же важным было и то обстоятельство, что по мере развития империи все больше некогда свободных крестьян оказались привязаны к земле и превратились в подневольных полурабов – колонов. Статус колонов активно обсуждался в юридических документах более позднего времени, таких как кодекс Феодосия и кодекс Юстиниана, но начало этой практике закрепощения было, по всей видимости, положено уже в правление императора Диоклетиана (284–305). Права землевладельца в отношении его колонов становились все более широкими. Император Константин в 332 году позволил землевладельцу сажать на цепь колона, который мог замышлять по-

бег, а с 365 года колонам было запрещено продавать свою собственность без разрешения хозяина.

Мы уже использовали обломки кораблекрушений и гренландский лед для того, чтобы отследить экономический рост Рима эпохи расцвета, давайте теперь воспользуемся ими, чтобы отследить упадок Римской империи. К началу VI века число известных нам кораблекрушений, на пике расцвета экономики достигавшее 180 за столетие, упало до двадцати. После крушения Рима торговля в Средиземноморье почти прекратилась, и некоторые ученые даже утверждают, что ей не удалось вернуться к римскому уровню вплоть до XIX века. Аналогичную историю рассказывает нам гренландский лед. Римляне использовали для чеканки своих монет серебро, а свинец применялся для изготовления водопроводных труб и столовых приборов. После максимальных значений для I века остаточные следы свинца, серебра и меди в ледяных слоях снизились.

Экономический рост во времена Римской республики был впечатляющим, как и другие примеры развития в условиях экстрактивных институтов (например, в Советском Союзе). Однако этот рост был ограниченным и неустойчивым, несмотря на то, что существовавшие институты были частично инклюзивными. Рост опирался на сравнительно высокую про-

изводительность в сельском хозяйстве, поступление значительных ресурсов из провинций и на международную торговлю, однако не подкреплялся ни технологическим прогрессом, ни созидательным разрушением. Римляне унаследовали от своих предков письменность, некоторые основные технологии, умение изготавливать орудия и оружие из железа, некоторые навыки земледелия и строительства. На раннем этапе развития республики были сделаны и другие изобретения – бетон, насос, водяное колесо. Однако затем, в период империи, наступил технологический застой. К примеру, не появилось никаких нововведений в конструкции кораблей – римлянам так и не удалось придумать навесной руль, и кораблями по-прежнему управляли с помощью кормового весла. Медленно шло и распространение водяных колес, поэтому это изобретение так и не смогло революционизировать римскую экономику. Даже такие великие изобретения, как акведуки и централизованная система канализации, были основаны на более старых технологиях, лишь усовершенствованных римлянами. Экономический рост в принципе может происходить и без инноваций, на основе уже имеющихся технологий, однако у римлян это был рост без созидательного разрушения. И понятно, что он не мог оказаться долговечным. По мере того как права собственности станови-

лись все менее защищенными, а экономические права граждан сужались параллельно с сужением их политических прав, снизился и экономический рост.

Самой примечательной особенностью новых технологий в римский период является то, что вопросами их создания и распространения занималось государство. Поддержка государства – это совсем неплохо, но лишь до тех пор, пока правительство не решит, что оно не заинтересовано в технологическом развитии, – а такое случается достаточно часто, если власть боится созидательного разрушения. Римский писатель Петроний рассказывает следующую историю:

«Был такой стекольщик, который сделал небьющийся стеклянный фиал. Он был допущен с даром к цезарю и, попросив фиал обратно, перед глазами цезаря бросил его на мраморный пол. Цезарь прямо-таки насмерть перепугался. Но стекольщик поднимает пиал, погнувшийся, словно какая-нибудь медная ваза, вытаскивает из-за пояса молоток и преспокойно исправляет фиал. Сделав это, он вообразил, что ему уже принадлежат все блага Юпитерова неба, в особенности когда император спросил его, знает ли еще кто-нибудь способ изготовления такого стекла. Стекольщик, видите ли, и говорит, что нет; а цезарь велел отрубить ему голову, потому что, если бы это искусство стало всем известно,

золото ценилось бы не дороже грязи».²⁴

В этой истории стоит отметить два интересных момента. Прежде всего изобретатель не попытался основать собственное дело и заработать на своем изобретении, а отправился за наградой к императору. Это ярко демонстрирует роль римского правительства в контроле над технологиями. А император тут же уничтожил инновацию, поскольку ее внедрение могло повлечь побочные экономические эффекты. Именно так и проявляется боязнь созидательного разрушения.

В эпоху империи можно найти целый ряд примеров того, как власть боялась политических последствий созидательного разрушения. Светоний рассказывает, что как-то раз к императору Веспасиану (правил в 69–79 годах) пришел человек, который придумал, как можно с гораздо меньшими затратами поднимать колонны на Капитолийский холм. Колонны были огромными и тяжелыми, и их подъем был очень сложной задачей, которая требовала тысяч людей и огромных расходов. Веспасиан не стал убивать этого человека, он

«выдал за выдумку хорошую награду, но от услуг отказался, промолвив: «Уж позволь мне

²⁴ Пер. под редакцией Б. Ярхо.

подкормить мой народец».²⁵

И вновь мы видим, как изобретатель приходит к правителю. Возможно, в данном случае это было более оправданно, чем в случае с сосудом из небьющегося стекла, поскольку изготовление и транспортировка колонн были государственной задачей. Однако инновация была вновь отвергнута из-за боязни созидательного разрушения (причем речь тут идет скорее не об экономических его последствиях, а о политических). Веспасиан опасался, что, если ему не удастся держать «свой народец» под контролем и в состоянии довольства, это сможет привести к политической дестабилизации. Римский плебс должен быть занят делом и всем доволен, поэтому для императора вполне имело смысл загружать людей даже ненужной работой, например заставляя вручную тащить на крутой холм тяжелые колонны. Для сохранения же нужной степени довольства плебсу постоянно раздавали деньги, хлеб и масло, а также устраивали для него бесплатные пышные цирковые представления – таков знаменитый принцип «хлеба и зрелищ». Пожалуй, совсем не случайно, что оба эти примера относятся ко времени вскоре после падения республики. Римские императоры имели куда больше возможностей

²⁵ Пер. М. Л. Гаспарова.

для того, чтобы предотвратить перемены, чем республиканские магистраты.

Еще одна важная причина отсутствия технологических инноваций коренилась в распространенности рабства. По мере расширения территории Римской империи в рабов обращалось огромное количество военнопленных. Зачастую их приводили в Италию для работы на крупных поместьях. Многим же гражданам Рима и вовсе не нужно было работать – они жили на подачки от правительства. Откуда же было взяться инновациям? Мы уже говорили о том, что источником инноваций служат новые люди с новыми идеями, создающие новые решения для старых проблем. В Риме же на производстве работали рабы, а позднее полукрепостные колонны. Ни у тех, ни у других не было никаких стимулов для инноваций, поскольку пользу от этих инноваций получили бы не они сами, а их хозяева. В этой книге мы еще увидим множество примеров того, что экономика, основанная на принудительном труде, рабстве и крепостной зависимости, почти всегда противится инновации. Это справедливо как для Древнего мира, так и для Нового времени. К примеру, северные штаты США приняли участие в промышленной революции, а южные – нет. Разумеется, рабство и крепостная зависимость создавали огромное богатство для тех, кто владел рабами или контролировал

крепостных, однако эти институты не порождали технологических инноваций и не вели к процветанию общества в целом.

Из Виндоланды никто не пишет

К 43 году н. э. легионы римского императора Клавдия смогли окончательно покорить Англию, но остановились у границы Шотландии. Последняя попытка продвинуться на север была предпринята Агриколой, римским наместником провинции Британия, который в 85 году приступил к строительству ряда фортов для защиты северной границы провинции. Одним из крупнейших таких фортов был Виндоланда в 35 милях к западу от современного Ньюкасла. Он изображен на карте 11, в далеком северо-западном углу Римской империи. Позднее форт Виндоланда стал частью созданного императором Адрианом пограничного вала протяженностью 85 миль, однако в 103 году, когда там служил римский центурион Кандид, это была отдельно стоящая крепость. Кандид, занимавшийся вместе со своим другом Октавием снабжением римского гарнизона, получил от него следующий ответ на свое письмо:

«Октавий шлет привет брату своему Кандиду. Я несколько раз писал тебе о том, что купил около пяти тысяч модиев пшеницы и поэтому мне нужны деньги. Если ты не сможешь отправить мне хотя бы пятьсот динариев, я потеряю свой

депозит (около 300 динариев), что приведет к немалому смущению. Поэтому я прошу тебя отправить мне деньги как можно быстрее. Шкуры, о которых ты пишешь, находятся в Катарактонии – напиши, чтобы их мне выдали вместе с повозкой, о которой ты пишешь. Я бы забрал их и раньше, но я беспокоюсь о том, что они попортятся из-за плохих дорог. Поговори с Терцием относительно восьми с половиной динариев, которые он получил от Фаталия. Он пока не записал их на мой счет. Не забудь отправить мне деньги, чтобы пшеница оказалась на моем гумне. Передавай привет Спектаку и Фирму. Прощай».

Переписка между Кандидом и Октавием иллюстрирует некоторые важные аспекты экономического процветания Англии в римскую эпоху – в частности, наличие развитой денежной экономики с определенными финансовыми услугами. Она также говорит о наличии развитой системы дорог, пусть порой и плохого качества. Она рассказывает о наличии фискальной системы, собиравшей налоги для выплаты жалования Кандиду. Но прежде всего она показывает, что оба участника переписки были грамотными и могли пользоваться преимуществами своеобразной почтовой системы. В римской Англии активно развивалось гончарное производство (в основном на территории

современного Оксфордшира); там были города, а в городах – бани и другие общественные здания; а в строительстве домов использовались связующий известковый раствор и черепица.

К IV веку начался упадок, а после 411 года римляне ушли из Англии. Основная масса войск была отозвана; оставшиеся перестали получать жалование. Римская система управления рухнула, чиновники были изгнаны местным населением. К 450 году все следы экономического процветания практически исчезли. Деньги почти полностью вышли из обращения. Жители покинули города, дороги заросли травой. Гончарное производство сохранилось, но керамика стала грубой и кустарной. Строители разучились строить из камня и забыли, как пользоваться связующим раствором. Кровли теперь крыли ветками, а не черепицей. Все меньше становилось грамотных людей. И никто больше не писал писем из Виндоланды.

После 411 года Англия испытала экономический обвал и превратилась в бедную и тихую глухомань – причем не впервые. В предыдущей главе мы уже видели, как примерно в 9500 году до н. э. на Ближнем Востоке началась неолитическая революция. Во времена, когда обитатели Иерихона и Абу-Хурейры уже жили в небольших городах и работали в полях, жители Англии все еще занимались охотой и собиратель-

ством, и это будет продолжаться еще пять с половиной тысяч лет. Англичане не изобрели ни земледелия, ни скотоводства; и то и другое было привнесено извне мигрантами с Ближнего Востока, которые на протяжении тысячелетий расселялись по Европе. И во времена, когда население Англии осваивало все эти ключевые инновации, жители Ближнего Востока уже изобрели город, письменность и гончарный круг.

К 3500 году до н. э. в Месопотамии (территория современного Ирака) уже возникли такие крупные города, как Урук и Ур. В Уруке в середине IV тысячелетия до н. э. жили 14 000 человек, впоследствии это число выросло до 40 000. Гончарный круг был изобретен в Месопотамии примерно в то же время, что и колесный транспорт. Приблизительно тогда же египетская столица Мемфис превратилась в крупный город. В обоих регионах независимо была изобретена письменность. И в то время как египтяне строили великие пирамиды в Гизе, то есть примерно в 2500 году до н. э., англичане возвели свою самую значительную древнюю постройку – кольцевое мегалитическое сооружение в Стоунхендже. По английским меркам это было очень даже неплохо, однако в этом каменном кругу не поместилась бы даже одна церемониальная барка из тех, что были захоронены у подножия пирамиды царя Хуфу (Хеопса). Англия продолжала пле-

стись в хвосте цивилизации и заимствовать все инновации с Ближнего Востока и с берегов Средиземного моря – и это продолжалось как до периода римского владычества, так и во время него.

Но несмотря на столь неблагоприятную предысторию, именно в Англии возникло первое по-настоящему инклюзивное общество и именно там началась промышленная революция. Ранее (стр. 135) мы уже говорили, что это произошло в результате целого ряда взаимодействий между небольшими институциональными различиями и точками перелома – к примеру, пандемией «черной смерти» и открытием Америки. Отличие Англии от других стран имеет свои исторические корни, однако история Виндоланды показывает, что эти первоначальные различия были не такими уж глубокими и уж точно не были исторически предопределены – ни во времена неолитической революции, ни даже в эпоху римской гегемонии. И все же со второй половины V века, с начала периода, который историки обычно называют Темными веками, Англия вновь скатилась к бедности и политическому хаосу. На протяжении следующих столетий в Англии не будет существовать эффективного централизованного государства.

Расходящиеся траектории

Развитие инклюзивных институтов и последовавший за ним промышленный рост в Англии не были прямым следствием работы римских (и более ранних) институтов. Разумеется, это не значит, что крушение Западной Римской империи было незначительным событием. Наоборот, это было важнейшее событие, так или иначе повлиявшее на дальнейшую историю большей части Европы. Поскольку различные части Европы проходили через одни и те же точки перелома, их институты формировались сходным, специфически европейским образом. Падение Римской империи было одной из этих общих точек перелома, причем важнейшей. Европейская траектория развития резко контрастирует с траекториями, по которым двигались другие регионы мира, включая тропическую Африку, Азию и Америку (которые отчасти развивались иначе именно потому, что не проходили через те же точки перелома, что и Европа).

Римская Англия рухнула в одночасье. Но в Италии, или римской Галлии (современной Франции), или даже в Северной Африке крушение империи выглядело иначе – многие формы старых институтов продолжали в той или иной форме действовать. Однако не

приходится сомневаться в том, что переход от единого римского государства к множеству варварских королевств, которыми управляли франки, вестготы, остготы, вандалы или бургунды, был в высшей степени болезненным. Каждое из этих новых государств было значительно слабее, чем исчезнувшая империя, и все они страдали из-за вторжений внешних врагов. С востока на них наседали конница гуннов. Развитие ислама как религии и политической силы в течение ста лет после смерти пророка Мухаммеда (632) привело к созданию новых исламских государств на значительной части территории Византийской империи, в Северной Африке и в Испании. Наконец, с севера хлынули викинги на своих боевых ладьях. Все эти процессы сотрясали Европу и в итоге привели к возникновению нового типа общества, которое принято называть феодальным. Раздробленность этого общества была его институциональным свойством, поскольку центральная власть в то время была слабой, хотя правители, подобные Карлу Великому, и пытались ее укрепить.

Феодальные институты, основанные на принудительном крепостном труде, были, очевидно, экстрактивными. Именно они привели к тому, что рост в Европе в течение довольно длительного периода Средневековья был экстрактивным и медленным. Однако при этом они стали побочной причиной для поздней-

шего развития. К примеру, по мере закрепощения крестьян и превращения их в сервов в Европе исчезало рабство. С момента, когда у феодала появилась возможность ограничить мобильность своих крестьян в рамках крепостного права, он больше не видел необходимости в том, чтобы держать у себя еще и рабов (неизбежных в экономике предшествующего, античного периода). Кроме того, феодальная раздробленность создала вакуум власти, в котором могли процветать независимые города, специализировавшиеся на ремесленном производстве и торговле. И когда в Западной Европе после «черной смерти» изменился баланс сил и крепостное право постепенно начало рушиться, появилась возможность для развития гораздо более плюралистического общества, в котором немислимы рабы.

Точки перелома, позволявшие развиваться феодальному обществу, были различными, однако они не были полностью ограничены Европой. Вполне уместным будет провести сравнение с современной африканской страной Эфиопией – наследницей древнего Королевства Аксум, возникшего примерно во II веке н. э. на побережье Красного моря. Для своего времени Аксум был вполне развитым государством, которое в эпоху своего расцвета (III–VI) поддерживало торговые связи с Индией, Аравией, Грецией и Римской им-

перией. Аксумиты, как и римляне, пользовались деньгами, умели строить монументальные общественные здания и дороги, а кроме того, у них были довольно схожие с римскими технологии (например, в области сельского хозяйства и судоходства). Между Аксумом и Римом существуют также довольно интересные идеологические параллели. В 312 году римский император Константин прекратил гонения на христианство, а в 337 году крестился. Примерно в это же время крещение принял и Эзана, король Аксума. На карте 12 показано местоположение исторического государства Аксум на территории современных Эфиопии и Эритреи, а также его форпосты на аравийском берегу Красного моря.

Аксум, подобно Риму, также пришел в упадок, и обстоятельства его падения напоминают события, происходившие в Западной Римской империи. Роль гуннов и вандалов в данном случае сыграли арабы, которые в VII веке продвинулись из глубин Аравии к Красному морю и далее на юг по побережью Аравийского полуострова. Аксум потерял свои территории в Аравии и контроль над торговыми путями. Это ускорило падение – перестали печататься деньги, городское население уменьшилось, а центр государства сдвинулся вглубь Африканского континента, в горы современной Эфиопии.

Феодальные институты в Европе стали развиваться после коллапса централизованного римского государства. То же самое произошло и в Эфиопии, но здесь двигателем развития явилась система, которая называлась «гульт» и обозначала земли, пожалованные императором местному властителю. Институт гульта упоминается уже в рукописях XIII века, хотя мог возникнуть и значительно раньше. Само слово *gult* амхарского происхождения и означает «пожалованное поместье». Смысл этого института состоял в том, что в обмен на пожалованную землю держатель гульта должен был служить императору, особенно в случае войны. В свою очередь, держатель гульта имел право обложить оброком людей, обрабатывавших его землю. Согласно данным исторических источников, держатели гульта забирали у крестьян от половины до трех четвертей урожая. Эта система развилась независимым образом и имела множество черт сходства с европейским феодализмом, хотя и была, пожалуй, значительно более экстрактивной. Даже на пике развития крепостного права в Англии сервы должны были платить менее обременительный оброк и отдавали своему хозяину в той или иной форме около половины своего урожая.

Карта 12. Империя Акс ум и сомалийские кланы

Однако Эфиопия не может олицетворять собой всю Африку. Во множестве других африканских государств рабство так и не сменилось крепостной зависимостью. Африканское рабство и институты, его поддерживавшие, продолжали действовать на протяжении еще многих столетий. В конечном итоге и Эфиопия пошла по своему пути. После VII века Эфиопия, изолированная в горах Восточной Африки, осталась в стороне от таких процессов, как возникновение вольных городов, постепенное ограничение власти монархов и развитие атлантической торговли после открытия Америки, – а именно эти процессы определили институциональный путь Европы.

Вследствие этого эфиопская версия абсолютистских институтов в целом не менялась. Африканский континент постепенно начал взаимодействовать с Европой и Ближним Востоком: Восточная Африка стала основным поставщиком рабов в арабский мир, а Западная и Центральная Африка вступили в мировую экономику в качестве источника рабов во время европейской экспансии, связанной с атлантической торговлей. Влияние атлантической торговли на различие путей развития Западной Европы и Африки представляет собой еще один пример институционального расхождения, возникающего в результате взаимо-

действия между точками перелома и сложившимися к этому моменту институциональными различиями. Если в Англии прибыль от работорговли помогала обогащению противников абсолютизма, то в Африке она, напротив, помогла создать и укрепить абсолютизм.

На еще большем отдалении от Европы процессы институциональных сдвигов также легко могли идти своим собственным путем. К примеру, в Америке, отрезанной от Евразии примерно в XVI тысячелетии до н. э., когда растаял Берингов пролив, вечные льды которого некогда соединяли Аляску с Сибирью, появились институциональные инновации, аналогичные инновациям натуфийской культуры и тоже приводившие к оседлости, появлению иерархии и неравенства, – иными словами, экстрактивные институты. Сначала они возникли на территории современной Мексики, а затем и в горных районах Перу и Боливии. После одомашнивания кукурузы эти инновации привели к началу американской неолитической революции. Именно в этих местах возникли ранние формы экстрактивного роста, как мы уже видели на примере городов-государств майя. Однако аналогично тому, как значительные прорывы к инклюзивным институтам и промышленному росту в Европе не происходили в местах, где глубоко укоренились институты римского мира, так и инклюзивные институты в Амери-

ке впоследствии развивались не на территории этих ранних цивилизаций. В сущности, как мы уже видели в главе 1, эти плотно заселенные цивилизации довольно извращенным образом взаимодействовали с европейским колониализмом. В результате возник тот самый «полный поворот кругом», превративший сравнительно богатые регионы Америки в сравнительно бедные. В наши дни Соединенные Штаты Америки и Канада, возникшие значительно позже, чем развитые цивилизации Мексики, Перу и Боливии, оказались значительно богаче всех остальных стран Америки.

Последствия раннего роста

Многовековой период между неолитической революцией, начавшейся примерно в 9500 году до н. э., и британской промышленной революцией конца XVIII века изобилует всплесками экономического роста, возникшими благодаря институциональным инновациям, которые в конце концов исчезли. В Древнем Риме республиканские институты, сделавшие возможной некоторую долю экономического оживления и позволившие создать огромную империю, постепенно исчезли после переворота, совершенного Юлием Цезарем, и направленных на укрепление империи реформ Августа. Римская империя просуществовала несколько веков, прежде чем началось ее окончательное исчезновение, и ее падение было долгим; однако уже в тот момент, когда сравнительно инклюзивные республиканские институты уступили место более экстрактивным институтам империи, экономический регресс стал неизбежным.

Сходная динамика была позже характерна и для развития Венеции. Ее экономическое процветание возникло благодаря институтам, имевшим важные инклюзивные элементы, однако их влияние практически исчезло после того, как существовавшая элита за-

крыла систему для новых участников и даже прямо запретила экономические институты, сделавшие возможным это процветание.

Несмотря на всю важность наследия Рима, развитие институтов в Британии и британская промышленная революция не были прямыми плодами этого наследия. Хотя исторические факторы в той или иной степени определяют, как именно пойдет процесс развития институтов, однако это не простое и не предопределенное влияние, проявляющееся к тому же лишь кумулятивно. Древний Рим и средневековая Венеция наглядно показывают, как легко могут быть обращены вспять первые шаги в сторону инклюзивности. Экономический и институциональный ландшафт, созданный римской цивилизацией в Европе и на Ближнем Востоке, не привел к укоренению инклюзивных институтов в этих регионах в последующие столетия. В действительности этим институтам предстояло прежде всего возникнуть и в наибольшей степени развиться как раз в Англии, где римляне имели самые слабые позиции и откуда они исчезли практически в одночасье в V веке. Вместо этого, как мы говорили в главе 4, история делает свое дело при помощи институциональных сдвигов, создающих институциональные различия (пусть пока и небольшие), которые затем усиливаются при взаимодействии с точками пе-

релома. Это происходит из-за того, что подобные различия часто настолько незначительны, что могут быть легко сглажены и не всегда проявляются вследствие обычного кумулятивного процесса.

Разумеется, Рим оказывал на Европу достаточно продолжительное воздействие. Римское право и институты повлияли на законы и институты, созданные в королевствах варваров после падения Западной Римской империи. Крушение Рима создало децентрализованный политический ландшафт, а это, в свою очередь, привело к установлению феодального порядка. Исчезновение рабства и возникновение свободных городов представляли собой длительные, растянутые во времени (и, разумеется, исторически вовсе не детерминированные) побочные продукты этого развития. До некоторой степени осознанными и последовательными они стали после того, как феодальное общество было до самых основ потрясено «черной смертью». Из праха чумы возникли более сильные города, а крестьянство уже не было привязано к земле или обязательствам феодального строя. Именно эти точки перелома, возникшие вследствие крушения Римской империи, и привели к сильному институциональному сдвигу, уникальным и сходным образом повлиявшему на все страны Западной Европы – в отличие от тропической Африки, Азии или Амери-

ки.

К XVI веку Европа уже сильно отличалась от этих регионов с институциональной точки зрения. Несмотря на то, что в целом Европа не была богаче самых заметных азиатских цивилизаций Индии или Китая, она отличалась от них в нескольких качественных аспектах. К примеру, в ней развились совершенно уникальные институты общественного представительства, которым предстоит сыграть основную роль в развитии других инклюзивных институтов. Как мы увидим в последующих двух главах, именно небольшие институциональные отличия определили уникальность пути развития Европы; особенно важны эти различия были для Англии, поскольку именно там особенности феодального порядка позволили максимально полно развернуться фермерам с коммерческой хваткой и независимым городским центрам, в которых могли процветать купцы и промышленники. Горожане и фермеры получили право политического голоса и начали требовать от монарха более надежных гарантий прав собственности и развития новых экономических институтов. Этот процесс обрел свою максимальную силу в XVII веке.

Глава 7

Поворотный момент

Чулочная проблема

В 1583 году Уильям Ли, окончив курс в Кембридже, вернулся в родной городок Калвертон, чтобы занять там место приходского священника. Незадолго до этого королева Елизавета I (1558–1603) издала указ, согласно которому каждый ее подданный должен был постоянно носить вязаную шапочку.²⁶ Как вспоминал потом Ли,

«лишь вязальщицы умели делать подобные уборы, однако же немало времени приходилось затратить, чтобы связать даже одну шапочку! Тут я стал думать и обратил внимание на мою мать и сестер и мелькание их спиц в вечернем свете. Если такой головной убор можно изготовить с

²⁶ Имеется в виду так называемая монмутская шапка (*Monmouth cap*). Согласно указу 1571 года, каждый англичанин, за исключением лордов, богатых землевладельцев и других высокопоставленных особ, обязан был носить по воскресеньям и праздникам «шапку из шерсти, связанную в Англии». Ношение головных уборов иностранного производства было при этом запрещено.

помощью двух спиц из одной шерстяной нити, то почему бы не использовать несколько спиц, чтобы подтягивать нить?»

Это внезапное озарение положило начало механизации текстильной промышленности. Ли полностью захватила идея изготовить такую машину, которая бы освободила людей от монотонного бесконечного ручного вязания. «Я стал пренебрегать моим долгом по отношению к церкви и собственной семье, – вспоминал он в своих мемуарах. – Мысли о моей машине и ее создании съедали мое сердце и разум».

И вот в 1589 году его «станок для вязания чулок» был готов. Ли поехал в Лондон с намерением добиться аудиенции у Елизаветы I, продемонстрировать ей, сколько пользы может принести его механизм, и попросить ее величество предоставить ему патент, который бы не позволил другим копировать его конструкцию. Сняв дом, в котором можно было установить машину, он через депутата парламента Ричарда Паркинса добился аудиенции у Генри Кэри, лорда Хадсона, члена королевского Тайного совета. Кэри пригласил Елизавету посмотреть машину, однако ее реакция была обескураживающей. Она отказалась предоставить Ли патент, заметив:

«Вы замахиваетесь слишком высоко, мастер Ли. Подумайте, что это может означать для моих

бедных подданных. Это наверняка ударит по ним, так как лишит их работы и сделает нищими».

Разочарованный изобретатель отправился во Францию, чтобы попытать счастья там. Когда же и здесь он потерпел неудачу, то вернулся в Англию, где обратился с просьбой о предоставлении патента уже к Якову I (1603–1625), преемнику Елизаветы I. Но король также отказал ему, и на тех же основаниях, что и Елизавета. Оба монарха боялись механизации вязального ремесла как дестабилизирующего политического фактора: механизация лишит людей работы, создаст безработицу, приведет к политической нестабильности и будет угрожать королевской власти. Станок для вязания чулок обещал огромный рост производительности, но она же грозила запустить процесс созидательного разрушения.

* * *

Реакция на блестящее изобретение Ли иллюстрирует основную идею этой книги. Боязнь созидательного разрушения – это главная причина, по которой рост уровня жизни, начиная с неолитической эпохи и до промышленной революции, не был устойчивым. Технологические инновации приносят человеческому обществу процветание, однако они также ведут к замене

старого новым, уничтожению экономических привилегий и политического влияния некоторых людей. Для устойчивого экономического роста нам нужны технологии, новые способы производства, а в большинстве случаев их предлагают молодые таланты вроде Уильяма Ли. Эти новшества приносят обществу процветание, но процесс созидательного разрушения, которым они сопровождаются, угрожает отобрать средства для жизни у тех, кто работает по старым технологиям, например вяжет вручную, – технологии Ли должны были лишить вязальщиц работы.

Что еще более важно, серьезные инновации, такие как вязальная машина Ли, угрожают и устоявшейся политической модели. В конце концов, вовсе не забота о судьбах тех, кто мог стать безработным в результате внедрения машины Ли, заставила Елизавету I и Якова I отказать ему в патенте, а их боязнь того, что они могут проиграть в политическом отношении: монархи прекрасно понимали, что появление массы людей, потерявших работу из-за нового изобретения, создаст политическую нестабильность, которая будет представлять угрозу для их власти. Как мы видели на примере луддитов (стр. 120), элиты зачастую могут не принимать в расчет сопротивление рабочих, таких как ручные вязальщицы. Зато элиты гораздо более эффективно сопротивляются нововведениям, ес-

ли что-то угрожает их собственной власти. То обстоятельство, что от созидательного разрушения они теряют гораздо больше, означает не только то, что они не будут сами вводить инновации, но и то, что они всеми силами будут сопротивляться таким инновациям. Таким образом, для внедрения наиболее радикальных технологий общество нуждается в новых людях, и этим новым людям вместе с созидательным разрушением, которое они несут с собой, часто противостоят несколько сил, включая могущественных правителей и элиту.

До Англии XVII столетия экстрактивные институты на протяжении всей истории были нормой во всем мире. В определенных случаях они были способны обеспечить экономический рост, как это было показано в предшествующих двух главах, особенно если в них присутствовали определенные инклюзивные элементы, как в Венеции или Риме. Но экстрактивные институты не допускали созидательного разрушения. Рост в их условиях не был устойчивым и быстро заканчивался из-за отсутствия инноваций, из-за политической борьбы, вызванной желанием получить выгоды от изъятия средств, или же из-за того, что новые инклюзивные элементы в конце концов подверглись изменениям, как это было в Венеции.

Продолжительность жизни обитателя поселения

Абу-Хурейра натуфийской культуры, вероятно, не слишком отличалась от продолжительности жизни гражданина Древнего Рима. Продолжительность жизни среднего римлянина была примерно такой же, как и среднего жителя Англии XVII века. Что касается доходов, то мы можем судить о них по Эдикту о максимуме цен, изданному императором Диоклетианом в 301 году н. э. Эдикт устанавливал расценки на труд определенных рабочих специальностей. Мы не знаем в точности, насколько полно диоклетиановские расценки были проведены в жизнь, но когда специалист по истории экономики Роберт Аллен использовал его эдикт для реконструкции уровня жизни типичного неквалифицированного работника той эпохи, он обнаружил, что этот уровень почти полностью совпадает с уровнем жизни неквалифицированного работника в Италии XVII века. В Англии же заработная плата была выше и постоянно росла, а вместе с тем менялась и ситуация. Как это происходило – тема данной главы.

Вечный политический конфликт

Конфликт вокруг институтов и распределения ресурсов можно проследить на протяжении всей истории человечества. Мы видели, например, как политический конфликт влиял на развитие Древнего Рима и Венеции, где он в конечном счете был решен в пользу элиты, которая смогла укрепить свою власть.

История Англии тоже полна конфликтов между монархией и ее подданными, между различными фракциями, борющимися за власть, между элитами и простыми гражданами. Однако результатом таких конфликтов не всегда было усиление могущества тех, кто находился у власти. В 1215 году бароны – феодалы, стоящие ниже короля, – восстали против короля Иоанна и заставили его подписать на лугу Раннимед близ Лондона Великую хартию вольностей (см. карту 9 на стр. 156). В этом документе провозглашались некоторые базовые принципы, которые стали серьезным вызовом королевской власти. Самым важным было то, что согласно хартии король был обязан советоваться с баронами, если хотел поднять налоги. Самой спорной стала статья 61, где говорилось:

«Чтобы бароны избрали двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают, которые

должны всеми силами блюсти, и охранять, и заставлять блюсти мир и вольности, какие мы им пожаловали и этой настоящей хартией нашей подтвердили».²⁷

В общем, бароны составили совет, функцией которого было гарантировать выполнение королем хартии, а в случае ее невыполнения король давал баронам право

«теснить нас <то есть короля> всеми способами... то есть путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено <нарушение> согласно их решению».

Королю Иоанну Великая хартия совсем не понравилась, и как только бароны разошлись, он убедил папу аннулировать ее. Однако и политическое могущество баронов, и влияние Великой хартии остались в силе. Англия сделала первый неуверенный шаг в сторону плюрализма.

Борьба за политические институты продолжалась, и власть монарха была ограничена еще в большей степени, когда в 1265 году был учрежден выборный парламент. В отличие от народного собрания плебеев в Древнем Риме или от избираемых законодательных органов нашего времени, английский парламент

²⁷ Перевод Д. М. Петрушевского.

первоначально пополнялся исключительно из числа феодальной знати, то есть его членами становились рыцари и наиболее богатые аристократы страны. Но несмотря на то, что английский парламент состоял из знати, в его деятельности можно увидеть две основополагающие черты. Во-первых, он представлял интересы не только придворной элиты, окружавшей монарха, но и более широких кругов знати, многие представители которой были заняты различными видами предпринимательства, такими как торговля или производство. Позднее в этот круг вошли и джентри, мелкопоместное дворянство, то есть сформировался новый класс коммерчески ориентированных и более мобильных землевладельцев. Таким образом, парламент обеспечивал соблюдение интересов достаточно широких слоев общества – во всяком случае, по стандартам того времени.

Во-вторых (и это в какой-то степени следствие первого пункта), многим членам парламента совершенно не нравились попытки короны усилить собственную власть, и они-то и составили то ядро сопротивления монархии, сила которого проявится гораздо позже в ходе Английской, а затем и Славной революций.

Великая хартия и парламент не могли остановить конфликты в элите и борьбу между претендентами на престол. Эта борьба внутри элиты вылилась в Вой-

ну роз – длительное противостояние домов Ланкастер и Йорк, двух семейств, претендовавших на королевскую власть. Победителями оказались Ланкастеры, чей претендент на престол Генрих Тюдор стал в 1485 году королем Генрихом VII.

В эту эпоху начались и еще два связанных один с другим процесса. Первый – это рост политической централизации, который начался при Тюдорах. Вскоре после восшествия на престол Генрих VII принудил могущественных феодалов распустить свои частные армии, укрепив и обезопасив таким образом власть короля. Затем его сын Генрих VIII с помощью своего министра Томаса Кромвеля произвел административный переворот в правительстве. В 1530-х годах Кромвель начал построение бюрократического государства. Министры, ранее представлявшие собой не более чем челядь короля, стали теперь частью независимой системы прочных институтов. Это сопровождалось разрывом Генриха VIII с католической церковью и «ропуском» (секуляризацией) монастырей, в ходе которого Генрих экспроприировал все церковные земли. Церковь перестала быть соперником светской власти, и это тоже стало частью мер по обустройству более централизованного государства.

А эта централизация означала прежде всего, что возникает почва для возникновения инклюзивных ин-

ституты. Процесс, начатый Генрихом VII и Генрихом VIII, был не просто консолидацией государственных институтов, он в то же время увеличивал общественный спрос на более широкое политическое представительство. В принципе, политическая централизация может привести к установлению абсолютизма, когда король и его приближенные способны сокрушить любую могущественную группу общества. Естественно, по этой причине всегда будет существовать оппозиция государственной централизации, как мы видели в главе 3. Однако централизация государственных институтов может породить и спрос на появление определенных форм плюрализма, и именно это случилось в Англии эпохи Тюдоров. Когда бароны и местные элиты осознали, что политическая власть становится все более централизованной и что этот процесс не остановить, они пожелали иметь право голоса в определении того, как эта власть будет использоваться. В Англии конца XV и XVI веков это означало, что группы оппозиции будут предпринимать энергичные усилия, чтобы превратить парламент в противовес короне и хотя бы частично контролировать работу государственных органов. Таким образом, Тюдоры не только запустили процесс политической централизации – одного из ключевых условий для образования инклюзивных институтов, – но и косвенным обра-

зом повлияли на зарождение плюрализма, еще одной опоры этих институтов.

Это развитие политических институтов происходило на фоне других крупных изменений в самой природе общества. Самым значительным из них было усиление политической конкуренции, в результате чего широкие слои населения получили возможность предъявлять свои требования монарху и политической элите. Крестьянское восстание 1381 года (стр. 139) было важнейшим историческим событием; впоследствии английская элита столкнулась еще с целым рядом народных восстаний. Политическая власть стала распределяться не только от короля к лордам, но и от элиты к простому народу. Эти перемены, наряду со все новыми ограничениями королевской власти, сделали возможным возникновение широкой коалиции, противостоящей абсолютизму, и таким образом заложили фундамент плюралистических политических институтов.

Хотя и с некоторыми оговорками, политические институты, которые были унаследованы и развиты Тюдорами, оставались вполне экстрактивными. В 1603-м умерла Елизавета I, дочь Генриха VIII, вступившая на престол в 1558 году. Она не оставила наследника, и на смену Тюдорам пришла династия Стюартов. Первому королю этой династии, Якову I, достались

в наследство не только старые институты, но и конфликт вокруг них. Яков хотел быть абсолютным монархом. Хотя государство стало более централизованным, а социальные перемены привели к перераспределению власти в обществе, политические институты пока не отличались плюрализмом. В экономике экстрактивность институтов проявлялась не только в случаях, подобных истории с изобретением Уильяма Ли: повсюду были монополии, монополии... Едва ли не любое производство было монопольным. Когда в 1601 году в парламенте зачитали список монополий, один из членов саркастически поинтересовался: «А на хлеб монополии еще нет?» К 1621 году в Англии насчитывалось семь тысяч монополий. Как пишет английский историк Кристофер Хилл, англичанин жил

«в доме, построенном из монопольных кирпичей, с окнами... из монопольного стекла, обогреваемом монопольным углем (а в Ирландии – монопольными дровами), который горел на решетке из монопольного железа... Мылся он монопольным мылом и крахмалил белье монопольным крахмалом. Он носил монопольную тесьму, монопольный лен и монопольную кожу, расшитую монопольной золотой нитью. Его одежда стягивалась монопольным ремнем, скреплялась монопольными пуговицами и монопольными

заколками. Выкрашена она была монопольными красителями. Он ел монопольное масло, монопольную смородину, монопольную селедку, монопольного лосося и монопольных омаров. Его еда была приправлена монопольной солью, монопольным перцем и монопольным уксусом... Он писал монопольными перьями на монопольной бумаге, читал он (с помощью монопольных очков и при свете монопольных свечей) монопольные печатные книги».

Все эти монополии и множество других отдавали в руки отдельных лиц или групп право контроля над производством множества товаров. Они препятствовали той самореализации талантов, которая жизненно важна для экономического процветания. Как Яков I, так и его сын и наследник Карл I стремились усилить монархию, уменьшить влияние парламента и установить абсолютистские институты, похожие на те, что возникли в Испании и во Франции, чтобы еще больше усилить свой контроль над экономикой и сделать ее еще более экстрактивной. Пик конфликта между Яковом I и парламентом пришелся на 1620-е годы. Центральным пунктом этого конфликта был контроль над торговлей – как заморской, так и на Британских островах. Полномочия короны по установлению монополий были главным источником доходов государства, кроме того, они часто использовались для поощрения

сторонников короля. Неудивительно, что этот экстрактивный институт, не допуская входа на рынок новых игроков и тормозивший развитие рынка, сильно мешал деловой активности и коммерческим интересам многих членов парламента. В 1623 году парламента одержал серьезную победу, приняв Статут о монополиях, запрещавший Якову I устанавливать новые монополии на территории Британии. Тем не менее прерогативой короля оставалось пожалование монополий в международной торговле, так как полномочия парламента не распространялись на международные дела. Уже существующие монополии – как внутренние, так и международные – оставались в силе.

Заседания парламента не были регулярными, и созывал его король. По договоренности, возникшей еще в эпоху Великой хартии, король должен был собирать парламента также для одобрения новых налогов. В 1629 году, через четыре года после вступления на престол, Карл I отказался созывать парламента, продолжая политику своего отца Якова I по укреплению абсолютистского режима. Он ввел практику принудительных займов, то есть подданные были обязаны «давать займы» королю, при этом король мог в одностороннем порядке изменить условия займа, а то и вовсе отказаться платить по долгам. Карл устанавливал и продавал монополии в той сфере, которая

осталась в его ведении после принятия Статута о монополиях, – в заморской торговле. Он также стремился уничтожить независимость судебной системы и пытался влиять на решение судебных дел. Этот монарх ввел множество новых податей и налогов, самым тяжелым из которых был «корабельный налог» – в 1634 году он собирался с прибрежных графств на нужды королевского флота, а с 1635-го был распространен и на внутренние графства. Корабельный налог взимался ежегодно, вплоть до 1649 года.

Все более тиранические замашки Карла и его экстрактивная политика вызвали раздражение и сопротивление по всей стране. В 1640 году началась война с Шотландией, и так как для содержания армии денег было недостаточно, король был вынужден созвать парламент и просить его увеличить налоги. Так называемый Короткий парламент заседал всего три недели. Парламентарии отказались разговаривать о налогах, зато завалили монарха множеством жалоб, так что Карлу пришлось распустить их. Шотландцы тем временем поняли, что Карл не пользуется народной поддержкой, и вторглись в Англию, захватив город Ньюкасл. Карл вынужден был пойти на переговоры, но шотландцы потребовали, чтобы в них участвовал парламент. Карлу пришлось созвать то, что впоследствии было названо Долгим парламентом, – он

заседал вплоть до 1648 года, и депутаты отказались разойтись, даже когда Карл потребовал этого.

В 1642 году между королем и парламентом разразилась гражданская война (ходя среди парламентариев насчитывалось немало сторонников короны). Развитие этого конфликта показывает, что это была борьба за политические институты. Парламент хотел положить конец абсолютистским политическим институтам, король стремился усилить их. Корни же этого конфликта были экономические. Многие поддерживали корону, потому что она гарантировала им прибыльные монополии. К примеру, корона защищала местные монополии, находившиеся под контролем купцов из городов Шрусбери и Освестри, от конкуренции со стороны лондонских торговцев. Эти купцы, разумеется, выступали за Карла I.

С другой стороны, металлургическая промышленность процветала главным образом в Бирмингеме и его окрестностях, потому что монополии там были слабо развиты и новичкам, желавшим получить доступ в этот бизнес, не нужно было проходить семилетний срок ученичества, как это требовалось в других регионах страны. Так что во время гражданской войны бирмингемцы делали оружие и поставляли добровольцев в армию парламента. Точно так же отсутствие цеховой регламентации в графстве Ланкашир

привело к тому, что там до 1640 года бурно развивалось производство «новых тканей» (*new draperies*) – нового вида более тонкого текстиля. Область, где концентрировалось это производство, была единственной частью Ланкашира, которая поддерживала парламент. Под предводительством Оливера Кромвеля сторонники парламента, так называемые «круглоголовые» (они не носили париков и очень коротко стриглись), победили роялистов, которых называли «кавалерами».

Карла судили и казнили в 1649 году. Однако поражение и падение монархии не привело к установлению инклюзивных институтов. Напротив, монархию сменила диктатура Оливера Кромвеля, а через два года после смерти последнего, в 1660 году, монархический строй был восстановлен, а многие привилегии, отмененные в 1649-м, возвращены. Карл II, сын казненного короля, вступил на престол с тем же намерением установить в Англии абсолютизм. Его усилия были продолжены его братом и наследником Яковом II, который стал королем в 1685 году. В 1688-м попытка Якова восстановить абсолютную монархию вызвала очередной кризис и еще одну гражданскую войну. На сей раз парламент был более организован и един. Парламентарии призвали в Англию голландского штатгальтера Вильгельма Оранского и его же-

ну Марию, дочь Якова и протестантку, чтобы они заняли английский трон. Вильгельм с армией высадился в Бриксэме (графство Девон, см. карту 9 на стр. 156) и объявил себя королем, пообещав, что он будет править в рамках конституционной монархии при верховенстве парламента. Через два месяца после этого армия низложенного короля Якова развалилась, а сам он бежал во Францию.

Славная революция

После победы парламент и Вильгельм начали переговоры о новом государственном устройстве. Будущие изменения Вильгельм изложил в своей «Декларации», которую он опубликовал незадолго до высадки в Англии. Затем они были закреплены в Декларации прав, которую парламент принял в феврале 1689 года и которая была зачитана Вильгельму на том же заседании, на котором ему была предложена корона Англии. Декларация, которую впоследствии, когда она получила силу закона, назвали Билль о правах, была во многих смыслах неопределенной. И тем не менее она в целом устанавливала некоторые важнейшие конституционные принципы. Она определяла порядок престолонаследования, который отличался от принятых в то время правил. Если парламент смог сместить одного монарха и заменить его другим, то почему бы ему не сделать этого снова?

В Билле о правах также утверждалось, что монарх не может отменять или нарушать законы и что никакой новый налог недействителен без одобрения парламента. Кроме того, там устанавливалось правило, по которому собирать армию в Англии можно было только с согласия парламента. Неопределенность де-

кларации видна в таких ее пунктах, как статья 8, где говорится: «Выборы членов парламента должны быть свободными», но не объясняется, что значит «свободные». Еще более расплывчатой кажется статья 13, главный смысл которой в том, что парламент должен собираться «часто». Учитывая, что вопрос о том, когда именно будет собираться парламент и будет ли он собираться вообще, был предметом споров уже на протяжении целого столетия, можно было бы ожидать несколько большей конкретности от этой статьи.

Впрочем, подобная неопределенность объяснима: эти статьи в любом виде было просто необходимо включить в декларацию. Во время правления Карла II был принят Трехлетний билль, согласно которому парламент созывается на заседания по меньшей мере раз в три года. Однако Карл безнаказанно игнорировал этот закон, потому что у парламента не было никакого средства принудить монарха к его соблюдению. После 1688 года парламент мог бы попытаться найти какой-то способ принуждения монарха к выполнению закона – как его нашли бароны после того, как король Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей. Однако парламентарии не сделали этого, потому что им это было уже не нужно: ведь после 1688 года право принятия основных решений и так перешло к парламенту. Даже в отсутствие

особых конституционных правил и законов Вильгельм сам уступил многие полномочия, которыми обладали прежние короли Англии. Он перестал вмешиваться в решения судебной власти и отказался от старинных привилегий, в том числе и обращения в пользу монарха таможенных пошлин. Все вместе эти изменения в политических институтах знаменовали триумф парламента в борьбе с королевской властью и конец абсолютизма в Англии, а впоследствии и во всей Великобритании.

С этих пор парламент твердо контролировал политику государства. Поэтому ситуация теперь сложилась совершенно иная, так как интересы парламента были совершенно не похожи на интересы королевской династии Стюартов. Поскольку многие из членов парламента занимались торговлей и производством, в их интересах было обеспечить соблюдение прав собственности. Стюарты часто нарушали эти права, теперь же их следовало защищать. Более того, в ту пору, когда государственные расходы контролировали Стюарты, парламент противился повышению налогов и усилению королевской власти вообще. Теперь же, когда государственный бюджет контролировал сам парламент, он охотно повышал налоги и выделял деньги на то, что считал нужным. Главной из таких насущных нужд было усиление флота в интере-

сах заморской торговли, которую вели многие члены парламента.

Еще более важным стало развитие плюралистических политических институтов. Теперь рядовой житель Англии получил возможность доступа к парламентам и к политическим и экономическим институтам, формируемым в парламенте, в таком масштабе, который был невозможен, когда власть была сосредоточена в руках короля. Отчасти это произошло, конечно, потому, что парламентам был выборным. Но так как Англия того времени была еще далеко не демократией, доступ к парламентам подразумевал лишь весьма умеренную степень обратной связи парламентариев с избирателями. Наряду с прочими признаками неравноправия надо отметить и тот факт, что в XVIII веке менее 2 % населения имели избирательные права, причем это были только мужчины. Города, где началась промышленная революция – Бирмингем, Лидс, Манчестер и Шеффилд, – не имели независимого представительства в парламенте. А вот сельские округа, напротив, были представлены в нем в избыточном количестве. Плохо было еще и то, что в сельских избирательных округах, «графствах» (*counties*), существовал имущественный ценз (к выборам допускались только те, кто владел определенным количеством земли), а многие городские избирательные

округа (*boroughs*) находились под контролем небольших групп элиты, которые не допускали новую промышленную буржуазию к выборам и не давали промышленникам выставлять свои кандидатуры. В городке Бэкинге, к примеру, право голоса имели только тринадцать человек. В довершение ко всему существовали еще так называемые «сгнившие округа»,²⁸ в которых когда-то действительно были избиратели, но впоследствии эти округа «сгнили» – либо по причине того, что жители переселились куда-то в другое место, либо этот город просто перестал существовать – как, например, Данвич на восточном побережье Англии, который был буквально смыт в океан в результате землетрясения и берегового оползня. Тем не менее за каждым из этих «гнилых округов» числилось некоторое количество жителей, которые выбирали по два представителя в парламент. В несуществующем Олд-Сарэме числилось семь избирателей, в несуществующем Данвиче – тридцать два, и оба этих «сгнивших округа» выставляли по два депутата парламента. Но были и другие способы влиять на парламент и, следовательно, на экономические институты. Важнейшим из них была подача петиций, и для развития

²⁸ *Rotten boroughs* – то есть обезлюдившие и фактически не существующие населенные пункты, тем не менее продолжающие посылать своих депутатов в парламент.

плюрализма после Славной революции это был более значимый механизм, чем ограниченная выборная демократия. Любой гражданин мог обратиться с петицией к парламенту, и многие так и поступали. Важно, что когда люди обращались с петицией, парламент был обязан выслушать их. Именно это в большей степени, чем что-нибудь еще, знаменовало собой падение абсолютизма, вовлечение в политическую жизнь действительно широких слоев общества и рост плюрализма в Англии после 1688 года. Чрезвычайная активность в подаче петиций показывает, что по-настоящему широкие слои общества, которые не могли ни заседать, ни даже быть представленными в парламенте, все-таки имели способы влиять на работу государственных органов. И они использовали эти способы.

Лучше всего это иллюстрирует ситуация с монополиями. Мы видели выше, что монополии были в XVII веке стержнем экстрактивных экономических институтов. Первая атака парламента на них увенчалась принятием Статута о монополиях, а в ходе Английской гражданской войны они стали главным яблоком раздора. Долгий парламент отменил все внутренние монополии, которые так затрудняли жизнь промышленникам и купцам. Хотя Карл II и Яков II не смогли восстановить их, им удалось удержать за собой внеш-

неэкономические монополии. Одной из этих монополий была Королевская Африканская компания, монопольную хартию которой подписал в 1660 году Карл II. Эта компания владела монополией на прибыльную африканскую торговлю рабами, а ее управляющим и самым крупным акционером был брат короля Яков, который вскоре стал королем Яковом II. После 1688 года компания потеряла не только своего управляющего, но и главного защитника: ведь Яков последовательно защищал монополию от «посягательств» независимых работорговцев, которые тоже хотели покупать рабов в Западной Африке и продавать их в Северную и Южную Америку. Это был чрезвычайно прибыльный бизнес, и Королевская Африканская компания столкнулась с множеством проблем, когда английская атлантическая торговля стала свободной.

В 1689 году компания захватила корабль одного такого «посягателя», некоего Найтингейла, однако тот вчинил компании иск за незаконный захват товара, и верховный судья Холт постановил, что действия компании были незаконны, так как ее монополия основана на королевском патенте, а не особом статуте, который может быть принят только парламентом. Так судья Холт на все времена отдал все монополии, а не только те, которые относились к Королевской Африканской компании, в руки парламента. До 1688 года

король Яков II тут же отправил бы в отставку любого судью, позволившего себе подобное решение. После 1688 года ситуация изменилась.

Теперь парламент должен был решать, что делать с каждой монополией в отдельности, и петиции стали поступать десятками. Сто тридцать пять таких запросов было подано «посягателями», которые требовали свободного доступа к атлантической торговле. Хотя Королевская Африканская компания отвечала таким же множеством петиций, у нее было мало шансов на успех в борьбе с теми, кто требовал ограничения деятельности монополии. «Посягатели» преуспели благодаря тому, что им удалось представить свои требования не только как защиту своих собственных коммерческих интересов, а как защиту интересов всей нации (что, впрочем, было правдой). В результате только пять из этих 135 петиций были подписаны самими «посягателями», а 73 исходили из избирательных округов за пределами Лондона; в поддержку компании было подано восемь петиций. Из колоний, которые тоже были включены в процесс подачи петиций, в пользу «посягателей» их было подано 27, а в пользу компании – 11. «Посягатели» также собрали гораздо больше подписей под своими петициями – 8000 против 2500 подписей за компанию. Борьба продолжалась до 1698 года, когда монополия Ко-

ролевской Африканской компании была отменена.

Пройдя эту точку перелома в судьбе экономических институтов и выйдя на новый уровень обратной связи с обществом, парламентарии приступили к ряду ключевых изменений в экономических институтах и политике правительства, которые в конечном счете открыли дорогу промышленной революции. Права собственности, недостаточно защищенные при Стюартах, охранялись теперь более надежно. Парламент начал процесс реформ экономических институтов, способствуя развитию мануфактурного производства, а не удушая его налогами. «Налог на очаги» – ежегодный налог на любую печь или плиту, который сильнее всего бил по производителям и против которого они более всего протестовали, – был отменен в 1689 году, вскоре после того, как Вильгельм и Мария взошли на трон. Вместо того чтобы облагать налогом очаги, парламент установил поземельный налог.

Перераспределение налогового бремени было не единственным примером политики в поддержку владельцев мануфактур, которую проводил парламент. Вскоре последовал целый ряд указов и законов, способствующих расширению рынка и увеличению прибыльности текстильного производства. Все это имело и политический смысл, так как многие из членов парламента, оппозиционно настроенные по отноше-

нию к свергнутому королю Якову, были вовлечены в этот новый мануфактурный бизнес. Парламент также принял законы, открывавшие дорогу для полного пересмотра прав собственности на землю и позволявшие избавиться от многих архаических форм землепользования и землевладения.

Еще одним приоритетом для парламента стало реформирование финансовой сферы. Хотя и в период до Славной революции банковская и финансовая деятельность развивалась, однако этот процесс был ускорен созданием в 1694 году Банка Англии, который стал источником средств для промышленности. Это было еще одним прямым следствием Славной революции. Основание Банка Англии открыло дорогу для еще более широкой «финансовой революции», которая привела к развитию финансовых рынков и банковского дела. К началу XVIII столетия кредиты стали доступны для любого человека, способного предоставить залог. Это положение иллюстрируют сохранившиеся отчеты относительно небольшого лондонского банка *C. Hoare's & Co* за период с 1702 по 1724 год. Хотя банк продолжал ссужать деньги аристократам и лордам, две трети его самых крупных заемщиков в это время вовсе не принадлежали к привилегированным классам. Напротив, они были купцами и бизнесменами, включая некоего Джона Смита, чье имя звучит как

синоним «типичного англичанина», который в 1715–1719 годах взял у банка ссуды на общую сумму 2600 фунтов.

Итак, мы показали, как Славная революция изменила английские политические институты, сделав их более плюралистическими, и тем самым заложила основу их инклюзивности. Но произошло и еще одно, и более значительное, изменение в институтах, связанное со Славной революцией: парламент продолжил процесс политической централизации, начатый при Тюдорах. Это означало не просто наложение новых ограничений, не только возросшую степень государственного регулирования в экономике, не только то, что английское государство стало расходовать деньги на новые цели, но и в целом то, что возможности и способность государства возросли во всех областях деятельности. Этот факт снова демонстрирует связь между политической централизацией и плюрализмом: до 1688 года парламент противился тому, чтобы государственная власть стала более эффективной и была более обеспечена ресурсами, потому что он не мог контролировать ее. После же 1688 года ситуация кардинально изменилась.

Государство стало расширять сферу своей деятельности, и вскоре государственные расходы достигли примерно 10 % национального продукта. Этот

процесс поддерживался расширением налогооблагаемой базы, особенно путем введения многочисленных новых акцизов, наложенных на сырьевые товары местного производства. Для того времени это был очень большой государственный бюджет, и пропорционально он был даже больше, чем мы видим сейчас в некоторых странах мира. Государственный бюджет Колумбии, к примеру, достиг этого уровня только в 1980-х годах. Во многих регионах Черной Африки – например, в Сьерра-Леоне – национальный бюджет и сегодня составляет пропорционально гораздо меньшую часть экономики, если не учитывать масштабную иностранную помощь.

Но расширение государственного участия в экономике – это только часть процесса политической централизации. Более важны качественные изменения в функционировании государственных органов и в поведении тех, кто их контролирует, и тех, кто в них работает. Структура органов управления в Англии берет свое начало еще в Средневековье, но, как мы уже видели (стр. 255), важные шаги в сторону политической централизации и развития современных органов управления были предприняты Генрихом VII и Генрихом VIII. Однако государственное управление эпохи Тюдоров еще очень далеко отстоит от его современных форм, которые начали складываться после 1688

года. К примеру, назначения на многие посты совершались исходя из политической целесообразности, а не на основании личных заслуг или способностей кандидата, и у государства все еще были весьма ограниченные возможности повысить налоги.

После 1688 года парламент стал совершенствовать свои возможности по изысканию доходов, которые могли бы быть обложены налогом, и этот процесс хорошо проиллюстрирован ростом налоговой бюрократии: число налоговых инспекторов выросло с 1211 человек в 1690 году до 4800 в 1780-м. Сборщики акцизных налогов действовали по всей стране, и их контролировали налоговые контролеры, которые ездили с инспекциями, измеряя и регистрируя количество зерна, пива и других товаров, подлежащих акцизному налогообложению. Масштаб этих операций можно оценить на примере служебных поездок контролера Джорджа Каупертвейта, маршруты которых восстановил историк Джон Брюер. С 12 июня по 5 июля 1710 года Каупертвейт проехал 290 миль по округу Ричмонд в графстве Йоркшир. За это время он посетил 263 трактира, 71 солодовню, 20 свечных производств и одну пивоварню. В общем и целом он провел 81 измерение количества произведенной продукции и проверил работу девяти сборщиков акциза, находившихся у него в подчинении. Восемь лет спустя мы застаем мистера

Каупертвейта столь же деятельным, но на сей раз его активность сосредоточена в округе Уэйквилд, где он проезжает в среднем более 19 миль в день и работает по шесть дней в неделю, инспектируя ежедневно по четыре-пять предприятий. А в свой выходной день (в воскресенье) он заполняет отчеты, откуда мы и узнали столь подробно о его деятельности.

Несомненно, акцизное налогообложение нуждается в очень продуманной системе записей. Чиновники вели записи трех различных типов, и каждая из этих записей должна была согласовываться с двумя другими, и любой подлог в записях был серьезным преступлением. Столь высокого уровня государственного надзора за обществом некоторым бедным странам не удастся достичь и в наши дни, а это ведь 1710 год! Еще стоит заметить, что после 1688 года государство стало при назначении чиновников руководствоваться в большей степени их личными качествами, чем соображениями политической целесообразности, и выстраивать мощную инфраструктуру управления страной.

Промышленная революция

Промышленная революция повлияла на все сферы английской экономической жизни. Она принесла многочисленные улучшения в транспорте, металлургии, использовании паровой энергии. Но самой серьезной областью инноваций была механизация текстильного производства и развитие ткацких фабрик. Этот динамичный процесс начался благодаря институциональным изменениям, берущим начало в Славной революции. Речь идет не только о запрете внутренних монополий, установленном в 1640 году, или о различных налогах и доступе к финансовым ресурсам. Речь идет прежде всего о фундаментальной реорганизации экономических институтов в интересах изобретателей и предпринимателей, которая стала возможна из-за повышения надежности гарантий прав собственности.

Эффективные гарантии сыграли, в частности, ключевую роль в революции на транспорте, которая проложила путь промышленной революции. После 1688 года все больше средств вкладывалось в строительство каналов и платных дорог. Эти инвестиции снижали стоимость транспортных услуг и явились важным условием для начала промышленной революции. До 1688 года инвестиции в транспортную инфраструктуру-

ру сдерживались самоуправными действиями королей династии Стюартов. Изменения, произошедшие после 1688 года, живо иллюстрирует случай с рекой Солверп в графстве Вустершир. В 1662 году парламент выпустил акт, поощряющий инвестиции с целью сделать эту реку судоходной, и семья Болдуин вложила в это предприятие шесть тысяч фунтов. За это Болдуины получили право взимать пошлину за плавание по реке. В 1693 году на рассмотрение парламента был внесен билль о передаче прав на пошлину графу Шрусбери и лорду Ковентри. Этот акт был оспорен сэром Тимоти Болдуином, который немедленно представил парламенту петицию, в которой говорилось, что предложенный билль, по существу, лишает прав собственности его отца, который уже сделал значительные вложения в превращение реки в судоходную, ожидая покрыть издержки взимаемой за навигацию пошлиной. Болдуин заявлял, что «новый акт имеет целью сделать недействительным вышеупомянутый акт и аннулировать все действия и средства, использованные для его исполнения».

Подобную передачу прав как раз и практиковали Стюарты. Болдуин отмечал, что «лишение прав собственности без согласия любого лица, приобретшего их в соответствии с парламентским актом, может иметь весьма опасные последствия». В описанном

случае новый акт не был принят и права Болдуинов были восстановлены. После 1688 года права собственности стали гораздо более защищенными – частично благодаря тому, что защита этих прав была в интересах многих членов парламента, частично из-за того, что на созданные к этому времени плюралистические институты можно было оказывать влияние путем подачи петиций. Здесь мы видим, что после 1688 года политическая система стала значительно более инклюзивной и создала в Англии условия относительного равенства.

В основе транспортной революции и, если взглянуть более широко, всей реформы землевладения, которая протекала в XVIII веке, лежали парламентские акты, изменившие саму природу собственности. До 1688 года считалось, что вся земля в Англии в конечном счете принадлежит короне (прямое наследие феодальной организации общества), однако это была всего лишь юридическая фикция. Многие участки земли были обременены различными архаичными формами владения и многочисленными встречными тяжбами. Много земли находилось также в так называемом доверительном владении (*equitable estates*), а это означало, что владелец не может заложить, сдать в аренду или продать свою землю. Общинная земля часто могла использоваться только для традици-

онных нужд. Существовало огромное множество препятствий к тому, чтобы использовать землю экономически наиболее выгодным образом. Парламент начал менять такое положение дел, разрешив группам землевладельцев обращаться с петициями, в которых они просили упростить и реорганизовать права собственности. Соответствующие изменения затем были включены в сотни парламентских актов.

Эта реорганизация экономических институтов проявилась и в возникшем на повестке дня вопросе защиты английского текстильного производства от импорта. Неудивительно, что в этом случае парламентарии и их избиратели не возражали против различных входных барьеров и монополий. То, что могло увеличить их собственный рынок и их прибыль, встречало поддержку. Однако, что существенно, работа плюралистических политических институтов – тот факт, что парламент представлял широкие слои общества, наделял их властью и прислушивался к ним, – означала, что эти барьеры входа не должны душить других предпринимателей или препятствовать появлению новых, как это произошло в Венеции благодаря *La Serrata* (стр. 209). Могущественные производители шерсти вскоре сделали это открытие.

В 1688 году одним из главных предметов импорта в Англию были ткани из Индии, ситец и муслин, что со-

ставляло примерно четверть всего текстильного импорта. Также имел значение шелк из Китая. Ситец и шелк импортировались Английской Ост-Индской компанией, которая до 1688 года владела государственной привилегией на монопольную торговлю с Азией. Однако эта монополия и политическая мощь Ост-Индской компании поддерживались огромными взятками, которые компания давала королю Якову II. После 1688 года компания оказалась в уязвимом положении и вскоре подверглась атаке. Борьба вокруг Ост-Индской компании протекала в форме напряженной войны петиций, которые подавали купцы, желавшие свободно торговать на Дальнем Востоке и в Индии. Они требовали у парламента, чтобы им предоставили возможность конкурировать с Ост-Индской компанией, а компания, в свою очередь, отвечала встречными петициями и заодно предлагала ссудить парламенту денег. Компания в конце концов проиграла, и для конкуренции с ней была создана еще одна, новая Ост-Индская компания. Но производители текстиля желали не только того, чтобы торговля с Индией была открыта для новых игроков: они также хотели, чтобы импортируемые из Индии дешевые ткани облагались пошлиной или даже вовсе были запрещены. Английские производители с трудом конкурировали с дешевым индийским импортом. И хотя в тот момент наиболее

крупные английские мануфактуры производили шерстяные ткани, производители тканей из хлопка становились все более заметными и с экономической, и с политической точки зрения.

Производители шерсти начали предпринимать попытки защитить себя уже в 1660-е годы. Они инициировали принятие ряда законов против роскоши, которые, среди прочего, запрещали использование более легких тканей. Также они пролоббировали в 1666 и в 1678 годах законы, согласно которым хоронить покойников разрешалось исключительно в шерстяных саванах. Эти меры должны были защитить рынок шерстяных тканей от натиска конкурентов из Азии, с которым английским производителям пришлось столкнуться. Однако в то время Ост-Индская компания все еще была достаточно сильна, чтобы противостоять попыткам ограничить импорт азиатских тканей.

Ситуация изменилась после 1688 года. В 1696–1698 годах производители шерсти из Восточной Англии и западной части страны объединились с изготовителями шелка из Лондона, Кентербери, а также с Левантийской компанией с целью ограничения импорта. Импортёры шелка из Леванта, пусть они и потеряли незадолго до этого свою монополию, все же хотели запретить импорт шелка из Китая, чтобы создать нишу шелков из Османской империи. Эта коалиция

обратилась в парламент с петицией, в которой требовала установить ограничения на ношение азиатского хлопка и шелка, а также на окрашивание и набивку азиатских тканей в Англии. В результате в сентябре 1701 года парламент издал «Акт о более действенном найме на работу бедняков посредством поддержки производителей в нашем королевстве». В нем говорилось:

«Все выделанные шелка, бенгальский хлопок и материи, смешанные с шелком, от производителей из Персии, Китая или Ост-Индии, все ситцы, раскрашенные, набитые, окрашенные или расписанные там, которые ввозятся или будут ввозиться в наше королевство, запрещаются для ношения».

Итак, носить азиатские шелка и ситцы было теперь в Англии противозаконно. Однако их было все еще можно импортировать с целью реэкспорта в континентальную Европу или в другие части света, особенно в американские колонии. Более того, необработанный ситец можно было ввозить в Англию и обрабатывать там, а муслиновые ткани не были под запретом. После еще одного длительного раунда борьбы все лазейки в законодательстве (или то, что таковыми считали английские фабриканты шерстяных тканей) были закрыты Ситцевым актом 1721 года:

«После 25 декабря 1722 года для любого человека или группы людей будет противозаконно использовать или носить в Великобритании, в составе любого предмета одежды или швейного изделия, любой набивной, раскрашенный, расписанный или окрашенный ситец».

Хотя новый закон избавил английские шерстяные мануфактуры от азиатской конкуренции, он по-прежнему вынуждал их конкурировать с английскими производителями хлопка и льна – эти материалы смешивали для производства популярной фланелевой ткани. Избавившись от азиатской конкуренции, шерстяные фабриканты начали атаку на лен. Лен по большей части выращивался в Шотландии и Ирландии, что давало английским шерстянщикам некоторые формальные основания для того, чтобы требовать запрещения импорта из этих стран.²⁹ Однако влияние производителей шерсти имела определенные границы. Их новые притязания встретили сильное сопротивление со стороны производителей фланели в активно развивающихся промышленных центрах – Манчестере, Ланкастере и Ливерпуле.

Плюралистические политические институты подразумевают возможность доступа различных групп к по-

²⁹ Шотландия вошла в состав Великобритании только в 1707 г.

литическому процессу. Петиции выходили из-под пера обеих сторон, множество подписей было собрано «за» и «против», и в результате победу в этом противостоянии одержали новые интересы. Манчестерский акт 1736 года признал, что

«большие количества материи, сделанной из льняной нити и волокон хлопка, были произведены в течение нескольких последних лет, а также окрашены и расписаны в пределах Королевства Великобритания».

Далее в тексте содержалось следующее положение:

«Ничто в упомянутом Акте [1721 года] не должно толковаться или быть интерпретировано в смысле запрета ношения или использования в предметах одежды, домашнего обихода, мебели или иного подобного любого вида материи, сделанной из льняной нити и хлопковолокна, произведенной и окрашенной или расписанной любым цветом или цветами в пределах королевства Великобритания».

Манчестерский акт стал важной победой для ставших на ноги производителей хлопка. Но еще более важным оказалось его историческое и политическое значение. Во-первых, он продемонстрировал высоту входных барьеров, допустимую в услови-

ях плюралистических политических институтов парламентской Англии. Во-вторых, в течение следующих пятидесяти лет именно технологические инновации в производстве хлопковых тканей сыграли центральную роль в промышленной революции, а внедрение системы фабричного производства привело к фундаментальным изменениям в общественном укладе.

Хотя после 1688 года на внутреннем рынке и были созданы единые правила игры, на внешнем рынке парламент пытался сохранить неравноправие. Это намерение явно подтверждают не только Ситцевые, но и Навигационные акты, первый из которых был издан в 1651 году и которые с некоторыми изменениями оставались в силе в течение следующих двухсот лет. Эти акты издавались с целью облегчить Англии монополизацию международной торговли, хотя в основном эта монополизация проводилась не государством, а частным сектором. Основным принципом заключался в том, что английская торговля должна осуществляться с помощью английского флота. Акты запрещали транспортировку товаров из-за пределов Европы в Англию и ее колонии иностранными кораблями. Также закон запрещал кораблям третьих стран ввозить в Англию товары из любой европейской страны. Такое преимущество английских торговцев и производителей естественным образом увеличивало их

прибыли и поощряло дальнейшие инновации в этих новых и чрезвычайно прибыльных отраслях экономики.

К 1760 году сочетание всех этих факторов: обновленных и усовершенствованных прав собственности, улучшенной инфраструктуры, изменений в системе налогового регулирования, упрощения доступа к финансам и активной поддержки торговцев и производителей – стало давать результаты. С этого времени отмечается увеличение числа запатентованных изобретений и ускорение технологических изменений, которые станут основой промышленной революции. Перемены становятся очевидными. Модернизация происходила во многих отраслях, отражая улучшение институционального климата. Одной из важнейших областей была разработка силовых приводов, и здесь наиболее известной инновацией стала усовершенствованная Джеймсом Уаттом паровая машина. Первой революционной идеей Уатта было добавление дополнительной камеры-конденсатора, так что теперь цилиндр, в котором ходил поршень, мог постоянно оставаться горячим, его больше не приходилось то нагревать, то охлаждать. Затем Уатт внедрил много других идей, в том числе более эффективных методов трансформации энергии пара в механическую энергию, в особенности планетарную зуб-

чатку передачу. Эти усовершенствования Уатта базировались на работах предшественников – прежде всего английского изобретателя Томаса Ньюкомена, а также французского физика и механика Дени Папена.

История изобретения Папена представляет собой еще один пример того, как в условиях экстрактивных институтов боязнь созидательного разрушения препятствует совершенствованию технологий. Папен разработал проект парового котла еще в 1679 году, а в 1690 году переработал его в паровой двигатель с поршнем. В 1705 году он использовал этот элементарный двигатель для постройки первого в мире парохода. К тому времени Папен был профессором математики в университете города Марбург в немецком ландграфстве Гессен-Кассель. Он решил испытать свой пароход, спустившись на нем по реке Фульда до реки Везер. Любое судно, шедшее этим маршрутом, должно было останавливаться в городе Мюнден. В те времена судоходство по рекам Фульда и Везер было монополизировано гильдией лодочников. Папен, вероятно, предвидел возможные неприятности, и по просьбе изобретателя его друг и учитель, известный немецкий физик Готфрид Лейбниц, написал главе государства, курфюрсту Касселя, прошение о том, чтобы Папену «позволили без затруднений пройти через Кассель». Однако просьба Лейбница не бы-

ла удовлетворена: он получил довольно резкий ответ, в котором говорилось, что

«советники курфюрста не нашли возможным удовлетворить указанную просьбу и без объяснения причин просили сообщить Вам об их решении, и, как следствие, Его Высочество не дает согласия».

Несмотря на эту неудачу, Папен все же решился предпринять свое путешествие. Когда его пароход прибыл в Менден, гильдия лодочников сначала попыталась заставить местного судью вынести решение о конфискации судна, но не достигла успеха. Тогда лодочники напали на корабль Папена и разломали его на куски вместе с паровым двигателем. Папен умер нищим и был похоронен в неизвестной могиле. В Англии Тюдоров или Стюартов изобретателя, вероятно, постигла бы та же судьба, но после 1688 года все изменилось. На самом деле первоначально Папен планировал доплыть на своем суденышке до Лондона.

Основными усовершенствованиями в области металлургии в 1780-е годы мы обязаны Генри Карту. Он ввел в употребление новые технологии лигатур, что позволило ему выплавлять ковкое железо значительно более высокого качества. Это сыграло решающую роль в производстве деталей машин, гвоздей и инструментов. Производить значительные количества

ковкого железа с использованием технологий Корта стало еще проще благодаря нововведениям Абрахама Дерби и его сыновей, которые впервые использовали каменный уголь для плавки железа в 1709 году. В 1762 году этот процесс был улучшен Джоном Смитом. Он применил силу воды для приведения в действие мехов, которые нагнетали воздух в горн доменной печи. После этого появилась возможность заменить древесный уголь, который применялся в черной металлургии, каменным углем, значительно более дешевым и доступным.

Хотя инновации явным образом накапливались, качественный скачок приходится на середину XVIII века. И особенно заметно это было на примере текстильной промышленности. Базовой операцией при производстве тканей является прядение, которое заключается в сплетении между собой волокон растительного или животного происхождения (например, хлопка или шерсти) для получения нити. Затем из этих нитей ткется ткань. Одним из величайших технологических нововведений Средневековья была прялка, которая заменила ручное прядение. В Европе это изобретение появилось около 1280 года и было, возможно, позаимствовано на Ближнем Востоке. После этого технология прядения не менялась вплоть до XVIII века. Существенный сдвиг произошел в 1738 году, ко-

гда Льюис Пол запатентовал новый способ прядения с использованием цилиндров, вытягивающих нить, — раньше прядильщик производил эту операцию вручную. Машина работала не слишком хорошо, но технологические новшества, которые добавили Ричард Аркрайт и Джеймс Харгривз, произвели в прядении настоящую революцию.

В 1769 году Аркрайт, которого мы теперь считаем одним из столпов промышленной революции, запатентовал свою прядильную машину, которая была большим шагом вперед по сравнению с машиной Льюиса. Он создал партнерство с двумя производителями чулок, которых звали Джедидайя Стратт и Сэмюел Нид. В 1771 году партнеры построили в Кромфорде одну из первых в мире фабрик. Новые машины приводились в движение силой воды, но позднее Аркрайт ввел существенное улучшение, заменив воду паром. К 1774 году на его предприятии работали шестьсот рабочих, а он активно расширял производство, основывая новые фабрики в Манчестере, Мэтлоке, Бате и Нью-Ланарке в Шотландии. Инновационные разработки Аркрайта дополнил в 1764 году Харгривз, который изобрел прялку «Дженни», а та, в свою очередь, была доработана в 1779 году Сэмюелом Кромптоном, построившим мюль-машину. Позднее Ричард Робертс разработал автоматическую

мюль-машину. Последствия этих инноваций были поистине революционными: в начале XVIII столетия прядильщики, работавшие вручную, тратили 50 тысяч часов, чтобы спрясть сто фунтов хлопка. С помощью водяной мельницы Аркрайта эту работу можно было выполнить за 300 часов, а с помощью автоматической мюль-машины – за 135.

Параллельно с механизацией прядения шла и механизация ткачества. Первым важным шагом в этом направлении было изобретение в 1733 году Джоном Кеем самолетного челнока. Хотя в самом начале благодаря этому изобретению просто увеличилась производительность ручного труда ткачей, главным последствием стало начало общей механизации ткацкой отрасли. В 1785 году Эдмунд Картрайт предложил механический ткацкий станок, в котором использовался самолетный челнок. Начиная с этого момента возник целый ряд инноваций, которые в конце концов привели к замене ручного труда в ткачестве машинами, что мы уже видели в области прядения.

Английская текстильная промышленность не только выступила движущей силой промышленной революции, но и революционизировала мировую экономику. С 1780 по 1800 год английский экспорт, главным продуктом которого были хлопковые ткани, удвоился. Рост этого сектора двигал вперед всю экономику. Со-

единение технологических и организационных инноваций создало модель экономического прогресса, изменившую экономику мира и сделавшую мир богаче.

Новые люди с новыми идеями были определяющим фактором этого процесса изменений. Рассмотрим инновации в области транспорта. В Англии прошло несколько волн таких инноваций: сначала каналы, затем дороги, наконец железная дорога. Каждая из этих волн выводила на сцену своих новаторов. Строительство каналов начало развиваться в Англии после 1770 года, и к 1810-му каналы уже связывали между собой важные районы с растущим производством. По мере развития промышленной революции каналы сыграли важную роль в уменьшении затрат на транспортировку объемных товаров, таких как хлопковые ткани, и исходных ресурсов для них, таких как хлопок-сырец и уголь для паровых машин. Среди первых новаторов в области строительства каналов были такие люди, как Джеймс Бриндли, которого герцог Бриджуотер нанял для строительства Бриджуотерского канала. Этот канал связал важнейший промышленный город Манчестер с портом Ливерпуля. Родившийся в сельской местности Дербишира Бриндли был по профессии слесарем. Он был известен как человек с инженерной смекалкой, умеющий находить интересные решения технических задач, и это привлек-

ло внимание герцога. У Бриндли не было опыта работы в транспорте – как и у других знаменитых каналостроителей, например Томаса Телфорда, который начинал как простой каменщик, или Джона Смитона, который делал рабочие инструменты.

Точно так же не было никакого специального опыта у знаменитых строителей дорог и железнодорожных путей. Джон Макадам, который около 1816 года разработал технологию строительства дорог с щебеночным покрытием, был вторым сыном мелкого аристократа. Ричард Тревитик, построивший в 1804 году первый паровоз, был сыном угледобытчика из Корнуолла, и Ричард с раннего возраста принимал участие в делах отца. Его воображение поразили паровые двигатели, которые использовались для откачки воды из шахт. Еще более значительными были инновации Джорджа Стефенсона, сына неграмотных родителей, а позднее – изобретателя знаменитого паровоза «Ракета». Он начинал карьеру в роли механика на угольной шахте.

Новые люди стояли и у руля критически важной отрасли – хлопкового текстильного производства. Некоторые пионеры этой новой отрасли промышленности ранее серьезно занимались производством и продажей шерстяных тканей. Например, когда шерстящик Джон Фостер в 1835 году переключился на хлопок и

открыл фабрику «Блэк Дайк Миллз», на него работали семьсот ткачей, управлявшихся с ручными ткацкими станками. Но люди, подобные Фостеру, были в меньшинстве. Лишь примерно каждый пятый из ведущих промышленников того времени имел ранее хоть какое-нибудь отношение к какой-либо производственной деятельности. Это и неудивительно. Прежде всего, производство хлопковых тканей развивалось в новых городах на севере Англии. Фабрики были абсолютно новым способом организации производства. Производство шерстяных тканей было организовано совершенно иначе – сырье выдавалось работникам на дом, и они пряли и ткали его независимо друг от друга. Поэтому у большинства производителей шерсти не было достаточно современного оборудования, чтобы они, подобно Фостеру, могли перейти к производству хлопковых тканей. Новички в этой отрасли, они были просто вынуждены развивать и внедрять новые технологии. Быстрое распространение хлопковых тканей разорило производителей шерсти – вот созидательное разрушение в действии.

Процесс созидательного разрушения перераспределяет не только доход и богатство, но и политическое влияние – в этом пришлось убедиться Уильяму Ли, когда власти не приняли его изобретение, опасаясь политических последствий. Но как только инду-

стриализация распространилась на Манчестер и Бирмингем, владельцы новых фабрик и группы представителей среднего класса, возникшие в фабричных городах, начали выступать с протестами против ограничения своих прав и политики правительства, не соответствующей их интересам. Первой мишенью их атак стали Хлебные законы, которые запрещали ввоз зерна – всех зерновых и злаковых, но прежде всего пшеницы, – если цена на зерно на английском рынке падала слишком низко. Таким образом поддерживались на высоком уровне прибыли крупных землевладельцев. Но если подобная политика была очень выгодна крупным землевладельцам, которые выращивали пшеницу, она была очень невыгодна для промышленников в городах, потому что им приходилось платить работникам больше, чтобы компенсировать рост цен на хлеб.

С увеличением численности рабочих на новых фабриках и в промышленных городах им стало легче организовывать протесты и устраивать гражданские беспорядки. К 1820-м годам стало понятно, что новые промышленники и новые промышленные центры не будут долее терпеть свое отчуждение от политического процесса. 16 августа 1819 года на площади Сент-Питерс-филдс в Манчестере был запланирован митинг протеста против политической систе-

мы и государственной политики. Организатором митинга был Джозеф Джонсон, владелец фабрики по производству щеток и один из основателей радикальной газеты *Manchester Observer*. В числе его соратников были Джон Найт, производитель хлопковых тканей и активист-реформатор, и Джон Такер Сакстон, издатель *Manchester Observer*. Собралось около 60 тысяч протестующих, многие из них держали плакаты «Нет Хлебным законам», «Всеобщее избирательное право», «Голосование бюллетенями» (имея в виду, что голосование должно быть тайным, а не открытым, как в 1819 году). Власти были очень обеспокоены и подтянули к месту событий шестьсот кавалеристов из Пятнадцатого гусарского полка. Когда начались выступления, местная мэрия выдала ордер на арест ораторов. Но когда полиция попыталась выполнить этот приказ, участники митинга начали сопротивляться и возникла драка. В этот момент на собравшихся налетели гусары. В течение нескольких беспорядочных минут были убиты 11 и ранены еще примерно 600 человек. *Manchester Observer* назвала эти события «бойней при Петерлоо».

Однако, учитывая изменения, произошедшие к тому времени в экономических и политических институтах, репрессии не могли стать в Англии долгосрочным решением проблемы. «Бойня при Петер-

лоо» так и осталась единичным инцидентом. После манчестерских беспорядков политические институты Англии стали уступать давлению реформаторов под угрозой еще более опасных волнений. Эта угроза стала особенно актуальной после Июльской революции во Франции (1830), которая смела с престола короля Карла X, пытавшегося воссоздать абсолютизм Бурбонов, существовавший до Французской революции 1789 года. В 1832-м британское правительство приняло Акт о народном представительстве (*The Representation of the People Act*), предоставлявший широкие права Бирмингему, Лидсу, Манчестеру и Шеффилду и увеличивший число избирателей. Теперь и фабриканты могли быть представлены в парламенте.

Это изменение в распределении политической власти направило политический процесс в сторону, благоприятную для новых интересов, представленных в парламенте. В 1846 году логика этого процесса привела к отмене ненавистных Хлебных законов, и это вновь продемонстрировало значение созидательного разрушения для распределения не только доходов, но и политической власти. И естественно, изменения в распределении политической власти в свою очередь привели к дальнейшему перераспределению доходов. Именно из-за инклюзивной природы англий-

ских институтов сам этот процесс стал возможен. Те, кому созидательное разрушение наносило ущерб, те, кто страшился его, теперь уже не могли его остановить.

Почему именно в Англии?

Промышленная революция началась и достигла наибольшего успеха в Англии из-за уникально инклюзивных экономических институтов этой страны. Они же, в свою очередь, были выстроены на основании инклюзивных политических институтов, сформированных Славной революцией. Именно Славная революция укрепила и упорядочила права собственности, улучшила финансовые рынки, положила конец государственным монополиям в международной торговле, сняла барьеры для развития промышленности. Именно Славная революция сделала политическую систему открытой и отвечающей на экономические нужды и чаяния общества. Инклюзивные экономические институты дали таким талантливым людям, как Джеймс Уатт, возможности и стимулы для продвижения их знаний и идей и для влияния на систему в своих собственных интересах и в интересах всей нации.

Естественно, как только эти люди добивались успеха, они сразу же начинали вести себя, как и все прочие, – они так же не желали, чтобы у кого-то появилась возможность вторгнуться в их сферу бизнеса и конкурировать с ними; они так же боялись созидательного разрушения, которое могло бы в результате

привести к их устранению из бизнеса, как когда-то они сами устранили с рынка других. Однако после 1688 года подобные желания стало труднее воплощать в жизнь.

В 1775 году Ричард Аркрайт получил патент, который, как он надеялся, даст ему в будущем монополию на быстрое распространение прядильного производства. Однако он не смог подтвердить ее в судебном порядке.

Почему этот уникальный процесс начался в Англии и почему именно в XVIII столетии? Почему именно Англия стала развивать плюралистические политические институты и порвала с экстрактивными? Как мы уже видели, политическое развитие, приведшее к Славной революции, стало следствием нескольких взаимосвязанных процессов. Центральным из них был политический конфликт между абсолютизмом и его противниками. Исход этого конфликта не только положил конец попыткам возродить в Англии абсолютизм в его обновленной и еще более суровой форме, но и дал право голоса тем, кто стремился к фундаментальным изменениям общественных институтов. Противники абсолютизма не просто хотели выстроить другую, столь же абсолютную систему власти. Это была ситуация, в корне отличающаяся от той, которая возникла, когда Ланкастеры победили Йорков в ходе

войны Алой и Белой розы. Напротив, Славная революция привела к возникновению нового режима, основанного на конституционном правлении и плюрализме.

Такой результат стал следствием изменения английских институтов и способов их реакции на точки перелома. В предыдущей главе мы видели, как феодальные институты появились в Европе после падения Западной Римской империи. Феодализм распространился по всей Европе – и в Западной, и в Восточной. Но, как показано в главе 4, после «черной смерти» пути Западной и Восточной Европы разошлись. Незначительные поначалу различия в политических и экономических институтах привели к тому, что Запад двигался по пути институционального развития, а Восток – институционального регресса. Однако первый путь не обязательно и не неизбежно должен был привести к инклюзивным институтам – для этого нужен был еще ряд важных критических моментов.

Хотя первой попыткой установить базовые институциональные основания для конституционной монархии была Великая хартия, многие другие регионы Европы, в том числе и Восточной Европы, пережили подобные конфликты и их история знала подобные документы. И все-таки после «черной смерти» Западная Европа явно стала развиваться иным путем, от-

личным от Восточной. Документы, подобные Великой хартии, начали играть все большую роль на Западе, а на Востоке их значение уменьшалось. В Англии еще до революций XVII века было законодательно установлено, что король не имеет права вводить новые налоги без согласия парламента. Не менее важна была медленная, пошаговая передача власти от элиты к более широким слоям граждан, как это видно на примере политической мобилизации сельских сообществ в Англии, в частности в ходе Крестьянского восстания 1381 года.

Этот институциональный дрейф создал точку перелома, когда его траектория пересеклась с другим процессом – масштабным расширением трансатлантической торговли. Как мы видели в главе 4, ключевым вопросом, от которого зависело будущее развитие институтов, был вопрос о том, сможет ли корона монополизировать эту торговлю. В Англии растущее влияние парламента привело к тому, что Тюдоры и Стюарты оказались не в состоянии сделать это. В результате возник новый класс торговцев и предпринимателей, которые в дальнейшем яростно сопротивлялись попыткам восстановить в Англии абсолютную монархию. Уже в 1686 году в одном только Лондоне 702 купца занимались экспортом в регион Карибского моря и 1283 импортировали оттуда товары. Экспортом в Се-

верную Америку и импортом из нее занимались 691 и 626 торговцев соответственно. Все они нанимали себе складских рабочих, моряков, клерков – всех, кто был им необходим. В других важнейших портах: Бристоле, Ливерпуле, Портсмуте – тоже было полно таких купцов. Эти «новые люди» желали и требовали изменения экономических институтов, и чем больше они богатели благодаря своей торговле, тем влиятельней становились. Те же силы просыпались во Франции, в Испании и в Португалии. Но здесь монархам куда успешнее удалось установить контроль над торговлей и над извлечением прибылей. Класс новых людей, которому суждено было изменить Англию, возник и в этих странах, но здесь он был гораздо более слабым и малочисленным.

Когда в 1642 году собрался Долгий парламент и вспыхнула гражданская война, эти торговцы первыми выступили на защиту дела парламента. В 1670-х годах они же массово участвовали в создании партии вигов, которая должна была противостоять абсолютистским притязаниям Стюартов, а в 1688 году «новые люди» стали главной силой, сбросившей с трона Якова II. Так появление новых коммерческих возможностей в связи с открытием Америки, широкий доступ для английских купцов к трансатлантической торговле и к экономике развивающихся колоний, наконец,

состояния, которые они сколотили на этой торговле, – все это изменило баланс сил в борьбе между монархией и противниками абсолютизма.

Возможно, самым важным оказалось здесь то, что появление и расширение различных интересов – от интересов мелкопоместного дворянства, то есть класса коммерческих фермеров, появившегося при Тюдорах, до интересов различных групп мануфактурных производителей и атлантических торговцев – означало, что коалиция против абсолютизма Стюартов становится не только более сильной, но и более широкой. Эта коалиция окрепла еще больше с формированием в 1670-х годах партии вигов, которая стала организационной основой для дальнейшей защиты интересов «новых людей».

Это расширение политического участия и стало той почвой, на которой после Славной революции вырос плюрализм. Если бы все те, кто боролся против Стюартов, имели схожие интересы, то свержение Стюартов напоминало бы победу Ланкастеров над Йорками: интересы одной узкой группы взяли верх над интересами другой. В конце концов это свержение привело бы к воссозданию в той или иной форме все тех же экстрактивных институтов. Широкая же коалиция означала, что спрос на создание плюралистических политических институтов будет выше. Без опре-

деленной доли плюрализма существовала опасность, что чьи-то интересы возобладают в ущерб интересам других. Тот факт, что парламент после 1688 года представлял такую широкую коалицию, – это важнейшая причина того, что парламент вынужден был принимать петиции, даже если они исходили от представителей слоев, не представленных в нем, в том числе и от тех, кто вовсе не имел права голоса. Это был ключевой фактор в противодействии попыткам какой-либо одной группы установить монополию за счет других, как это пытались сделать производители шерсти до Манчестерского акта.

Славная революция стала историческим событием именно потому, что она была осуществлена широкой коалицией и в дальнейшем привела к укреплению и расширению влияния этой коалиции, а это, в свою очередь, повлекло установление конституционного режима, при котором были ограничены как исполнительная власть в целом, так и, что не менее важно, могущество каждого конкретного человека во власти. Именно эти ограничения, к примеру, помешали производителям шерстяных тканей уничтожить потенциальных конкурентов – хлопковых и фланелевых фабрикантов. Наконец, эта широкая коалиция была не только важнейшим фактором усиления парламента после 1688 года, но она также означала, что внут-

ри самого парламента существует механизм, который воспрепятствует любой фракции стать слишком могущественной и начать злоупотреблять властью. Это и был решающий шаг в формировании политического плюрализма и в усилении инклюзивных экономических и политических институтов, что мы увидим в главе 11.

И все-таки ни один из этих факторов не делал появление по-настоящему плюралистического режима неизбежным, и развитие событий в этом направлении было в некоторой степени следствием непредсказуемого хода истории. Коалиция, подобная вышеописанной, смогла низложить Карла I в ходе Английской революции, но привело это лишь к диктатуре Оливера Кромвеля. Яков II теоретически мог бы и одолеть Вильгельма Оранского. Иными словами, ход институциональных изменений был не менее непредсказуемым, чем исход политических конфликтов. Однако в данных конкретных обстоятельствах сочетание исторического шанса и сложившейся коалиции стало решающим фактором, приведшим к возникновению плюрализма и инклюзивных институтов.

Глава 8

Только не у нас: барьеры на пути развития

Печатать не дозволяется

В 1445 году в немецком городе Майнце Иоганн Гутенберг явил миру новое изобретение – печатный пресс с наборной кассой. Этому изобретению суждено было оказать самое значительное влияние на последующую экономическую историю человечества. До сих пор книги либо переписывались от руки писцами (это был медленный и трудоемкий процесс), либо собирались из оттисков, сделанных с отдельной для каждой страницы цельной деревянной матрицы. Книг было мало, они были редкостью и стоили очень дорого. После изобретения Гутенберга это положение начало меняться. Печатные книги оказались куда более доступными. Без них невозможны были бы ни массовая грамотность, ни всеобщее образование.

В Западной Европе важность печатного дела оценили сразу. В 1460 году новое изобретение вышло за границы германских земель – печатный пресс

был установлен во французском Страсбурге. К концу 1460-х новая технология стала распространяться в Италии, типографии появились в Риме и Венеции, а затем во Флоренции, Милане и Турине. В 1476 году Уильям Кекстон организовал печатню в Лондоне, а два года спустя подобная уже имелась и в Оксфорде. В это же время книгопечатание распространилось в Нидерландах, Испании и даже в Восточной Европе, где типографии открылись в Будапеште (в 1473-м) и в Кракове (в следующем году).

Однако не все считали книгопечатание душеполезным изобретением. Не позднее 1485 года фирман османского султана Баязида II строго запретил мусульманам печатать тексты на арабском языке.³⁰ Этот запрет был в дальнейшем подтвержден сыном Баязида, султаном Селимом I (1515). Еще в начале XVIII столетия в Стамбуле насчитывалось около 80 000 переписчиков книг, а первая типография появилась на территории Османской империи лишь в 1727 году, когда султан Ахмед III специальным указом разрешил печатнику по имени Ибрагим Мютефферика устано-

³⁰ Считалось, что на священном языке Корана (и вообще арабским шрифтом) позволительно писать лишь от руки. Поскольку в Османской империи арабским шрифтом записывались также турецкие и персидские тексты, этот запрет принципиально сокращал ассортимент печатных изданий. Впоследствии запрет был распространен также и на христианские типографии.

вить в Стамбуле печатный станок. Но даже этот запоздалый шаг сопровождался множеством оговорок. Хотя в высочайшем указе и говорилось о «счастливом дне, когда западная техника откроет свое лицо, словно невеста, и не будет больше таиться», работа печатника проходила под строжайшим контролем. Указ гласил:

«Дабы в книгах не было опечаток, листы будут проверять мудрые, уважаемые и испытанные в вере знатоки шариата – достопочтенный Исхак, кади [судья] Стамбула, достопочтенный Сахиб, кади города Салоники, и достопочтенный Асад, кади Галаты, да умножатся заслуги их. А от лица прославленных общин дервишей свое заключение даст достопочтенный Муса, столп правоверных богословов, шейх общины Мевлевихане при мечети Касым-паша, да умножится мудрость и знания его».

Итак, Мютефферика получил высочайшее разрешение открыть типографию, однако все, что он печатал, надлежало представлять на суд трех знатоков религиозных установлений и норм религиозного права. Возможно, мудрость и знания кади – как и всех остальных – умножились бы значительно быстрее, если бы печатные книги стали более доступными. Но этого не случилось даже несмотря на то, что Мютефферика получил разрешение открыть типографию.

Неудивительно, что за много лет – с 1728 по 1743 год, когда он перестал заниматься делами типографии, – Мютеферрика смог напечатать всего лишь семнадцать книг. Семья первопечатника пыталась продолжить его дело, однако им удалось напечатать еще только семь книг до 1797 года, когда сдались и они.

В других регионах Османской империи, за пределами сегодняшней Турции, дела с книгопечатанием обстояли еще хуже. Например, в Египте первый печатный станок заработал только в 1798-м: он был привезен французами в ходе военной кампании Наполеона Бонапарта, пытавшегося захватить страну, но потерпевшего неудачу. Даже во второй половине XIX столетия книгоиздание в Османской империи представляло собой преимущественно переписывание от руки уже существующих книг.

Отказ принять книгопечатание оказал очевидное негативное влияние на уровень грамотности, образования и экономического развития. Вероятно, в 1800 году только 2–3 % подданных Османской империи были грамотны – против 60 % взрослых мужчин и 40 % взрослых женщин в Англии. В Нидерландах и Германии уровень грамотности был еще выше. Османские земли далеко отстали даже от таких европейских стран, как Португалия, где лишь 20 % взрослого насе-

ления умели читать и писать.

Принимая во внимание тот факт, что институты Османской империи были в высшей степени абсолютистскими и экстрактивными, легко понять причины настороженности султанов по отношению к книгопечатанию. С помощью книг распространяются идеи, и в результате население становится все труднее удержать в узде. Хотя некоторые из этих идей могут оказаться полезными с экономической точки зрения, другие будут противоречить существующему политическому и социальному порядку. Кроме того, книги уменьшают влияние тех, кто контролирует изустную передачу знаний, ведь книги делают знание доступным любому, кто освоил искусство чтения. Это грозит подорвать существующий порядок вещей, при котором распространение знания находится под контролем элит. Османские султаны и религиозный истеблишмент боялись того созидательного разрушения, которое стало бы результатом распространения знаний. И они решили запретить книгопечатание.

Промышленная революция стала переломным моментом для подавляющего большинства стран. Некоторые государства, такие как Англия, не только разрешали, но и стимулировали свободную торговлю, индустриализацию и предпринимательство – и их экономика быстро росла. Многие – например, Османская

империя, Китай и другие абсолютистские режимы – значительно отстали от первой группы государств, так как их правительства препятствовали развитию промышленности или по крайней мере не поощряли его. Политические и экономические институты этих стран выработали определенную реакцию на технологические инновации, вновь и вновь воспроизводя привычный алгоритм взаимодействия существующих институтов и точек перелома. В результате эти институты вступали во все больший конфликт с экономическими перспективами.

Османская империя вплоть до своего краха в конце Первой мировой войны оставалась абсолютистским государством и таким образом была способна успешно противостоять или препятствовать инновациям, таким как книгопечатание и его следствие – созидательное разрушение. Причина того, что экономические изменения, подобные происходившим в Англии, не коснулись Османской империи, – это естественная связь между экстрактивной, абсолютистской политической системой и экстрактивными экономическими институтами. Абсолютизм – это форма правления, не стесненная законами или оглядкой на волю других людей, хотя в действительности абсолютные монархи правят, опираясь на поддержку небольших групп элиты. В России XIX столетия, к примеру, царь был

абсолютным властителем, опиравшимся на дворянство, составлявшее около 1 % населения. Эта узкая группа выстроила политические институты таким образом, чтобы они укрепляли ее влияние. В России не существовало ни парламента, ни политического представительства вплоть до 1905 года, когда царь учредил Думу. Впрочем, скоро были урезаны и те скудные полномочия, которыми первоначально она была наделена. Неудивительно, что экономические институты были экстрактивными и были организованы таким образом, чтобы обеспечить как можно большее благосостояние для царя и дворянства. Основой этого общественного устройства, как и многих других экстрактивных экономических режимов, была система принудительного труда и тотального контроля, в данном случае – в особенно порочной форме русского крепостного права.

Абсолютизм был не просто формой политического устройства, препятствующей индустриализации. Хотя абсолютистским режимам несвойственен плюрализм и они боятся созидательного разрушения, многие из них представляли собой централизованные государственные системы – по крайней мере, достаточно централизованные для того, чтобы обеспечить действенность запрета на инновации, в том числе книгопечатание. Странам же вроде Афганистана, Гаити

или Непала даже в наши дни не хватает политической централизации. В Черной Африке ситуация еще хуже. Как мы показывали ранее, без централизованного государства, способного обеспечить порядок, соблюдение определенных правил и обеспечение прав собственности, инклюзивные институты появиться не могут. В этой главе будет описано, что во многих субсахарских регионах (к примеру, в Сомали или Южном Судане) серьезнейшим барьером на пути индустриализации стало отсутствие какой-либо формы политической централизации. Без таких естественных предпосылок роста индустриализации не имеют никакого шанса пробиться к свету.

Абсолютизм и недостаток централизации (или слабая централизация) – это два различных барьера на пути развития промышленности. Но они также связаны между собой: оба поддерживаются, с одной стороны, страхом перед созидательным разрушением, а с другой – осознанием того факта, что процесс политической централизации часто ведет к укреплению абсолютизма. Сопротивление политической централизации мотивируется теми же соображениями, что и сопротивление инклюзивным политическим институтам: прежде всего страхом утраты политической власти (в данном случае – в пользу более централизованного государства и тех, кто его контролирует). Как

мы видели в предыдущей главе, в процессе политической централизации в эпоху Тюдоров различные местные элиты Англии стали требовать права голоса и представительства в национальных политических институтах. Они рассматривали это как компенсацию за утраченное политическое влияние. В результате был создан более сильный парламент, который в конце концов открыл дорогу инклюзивным политическим институтам.

Но во многих других случаях происходит ровно противоположное: процесс политической централизации приводит к установлению еще более жесткого абсолютизма. Это хорошо видно на примере установления абсолютизма в России. Петр Великий, правивший в 1682–1725 годах, основал новую столицу, Санкт-Петербург, вырвав таким образом власть из рук старой аристократии – московского боярства. Приступая к созданию современного бюрократического государства и модернизации армии, он распустил боярскую Думу, посадившую его на престол, и ввел «Табель о рангах» – совершенно новую социальную иерархическую систему, в основе которой лежала государева служба. Он также поставил под контроль Церковь, как это сделал в свое время Генрих VIII при централизации английского государства. В ходе этого процесса политической централизации Петр отбирал власть у дру-

гих институтов и концентрировал ее в собственных руках. Его военная реформа привела к мятежу старой царской гвардии, стрельцов. За Стрелецким бунтом последовали другие – Башкирское восстание (1704–1711) и мятеж Кондрата Булавина (1707–1709). Однако все они были разгромлены.

Усилия Петра Великого в деле политической централизации России увенчались успехом, а оппозиция его реформам была подавлена, однако во многих других странах мира победили силы, противостоявшие укреплению централизованного государства (подобные российским стрельцам) и видевшие в этом укреплении угрозу собственному могуществу. Недостаточная централизация привела к укреплению различных экстрактивных политических институтов в этих странах.

В этой главе будет показано, как многие страны, не сумевшие ответить на важнейшие вызовы промышленной революции, оказались за бортом прогресса и не смогли воспользоваться преимуществами, которые сулило развитие промышленности. Это случилось по разным причинам – в результате действия абсолютистских и экстрактивных политических институтов, как в Османской империи, или же из-за отсутствия политической централизации, как в Сомали.

Небольшая разница, большое значение

В течение XVII столетия абсолютизм сдал свои позиции в Англии, однако укрепился в Испании. Кортесы, испанский эквивалент английского парламента, имели не более чем формальное значение. Фундамент государственного здания Испании был заложен в 1492 году, когда в результате брака королевы Изабеллы и короля Фердинанда объединились королевства Арагон и Кастилия. В этом же году завершилась и Реконкиста – долгий процесс вытеснения мусульман с Пиренейского полуострова. Арабы и берберы завоевали эти области еще в VIII веке, и в ходе многовекового правления мусульман в Испании расцвели большие города – Гранада, Кордова и Севилья. Последнее мусульманское государство на Пиренейском полуострове, Гранада, как раз и покорилось христианам в том же году, когда объединились Арагон и Кастилия, а Колумб достиг Американского континента и провозгласил над новыми землями суверенитет Изабеллы и Фердинанда, финансировавших его плавание.

В результате слияния королевских домов Кастилии и Арагона и последовавшей затем череды династических браков и наследств в Европе образовалась но-

вая супердержава. Изабелла умерла в 1504 году, и королевой Кастильской стала ее дочь Хуана, жена Филиппа Габсбурга, сына императора Священной Римской империи Максимилиана I. В 1516-м инфант Карл, сын Хуаны и Филиппа, был коронован как Карл I, король Кастилии и Арагона. По смерти отца Карл унаследовал также Нидерланды и Франш-Конте, которые прибавились к его пиренейским и американским владениям. В 1519 году, когда умер его дед Максимилиан I, Карл получил в наследство германские земли Габсбургов и стал императором Священной Римской империи под именем Карл V. Так слияние двух испанских королевств привело к созданию раскинувшейся на разных континентах империи, а Карл продолжил курс на усиление абсолютистского государства, начатый Изабеллой и Фердинандом.

Процесс создания и укрепления абсолютистского режима в Испании финансировался разработкой месторождений ценных металлов, которые были открыты в Америке. Уже к 1520 году серебро в больших количествах было обнаружено в Гуанахуато (Мексика), а немного спустя и в мексиканском Сакатекасе. Завоевание Перу в 1532 году принесло короне еще большие богатства. Ценности поступали в виде особой доли – «королевской пятой части» – от любой военной добычи и с любой шахты. Как мы видели в гла-

ве 1, огромное месторождение серебра было открыто в Потоси к 1540 году, и это принесло еще больше средств в казну испанских королей.

В момент слияния Кастилии и Арагона Пиренейский полуостров был одним из самых экономически успешных регионов Европы. После укрепления своей абсолютистской политической системы Испания пришла сначала к относительному, а с начала XVII века и к абсолютному экономическому упадку. Едва ли не первым деянием Изабеллы и Фердинанда по окончании реконкисты было изгнание евреев. Примерно 200 000 испанских евреев было дано на сборы четыре месяца. Они должны были распродать все свое движимое и недвижимое имущество, часто по бросовым ценам, и при этом им не разрешалось вывозить из страны золото или серебро. Похожая человеческая трагедия разыгралась более сотни лет спустя – в 1609–1614 годах Филипп III изгнал из Испании морисков – крещеных потомков мусульман, населявших некогда исламские государства на юге Испании. Так же как когда-то евреи, мориски вынуждены были покинуть страну, взяв с собой лишь движимое имущество. Брать золото, серебро или иные ценные металлы им запрещалось.

В эпоху правления Габсбургов права собственности в Испании не были надежно защищены. Сын Кар-

ла V Филипп II, унаследовавший престол в 1556 году, дважды объявлял о дефолте по долгам (в 1557-м, а затем в 1560 году) и вынужден был прибегнуть к помощи немецких банкирских семейств – Фуггеров и Вельзеров. Немецких банкиров сменили генуэзские, которые в свою очередь были разорены в результате череды банкротств испанских Габсбургов – в 1575, 1596, 1607, 1627, 1647, 1652, 1660 и 1662 годах. Таким же важным фактором, как и ненадежность прав собственности в абсолютистской Испании, было влияние абсолютизма на экономические институты в сфере торговли и развитие испанской колониальной империи. Как мы видели в предыдущей главе, своим экономическим успехом Англия была обязана стремительной торговой экспансии. Хотя Англия занялась атлантической торговлей позже Испании или Португалии, ей все же удалось относительно широко использовать новые возможности, которое предоставляли колонии. Колониальные товары, которые в Испании наполняли королевскую казну, в Англии обогащали зарождающийся класс купцов. Именно это купеческое сословие обеспечит в дальнейшем динамичность ранней английской экономики и станет стержнем политической коалиции противников абсолютизма.

В Испании процессы, которые могли бы запустить экономический прогресс и привести к институцио-

нальным изменениям, так и не начались. После открытия Америки Изабелла и Фердинанд возложили организацию торговых связей между новыми колониями и Испанией на Торговое консульство (*Consulado de mercaderes*) – гильдию севильских купцов. Члены гильдии контролировали всю трансатлантическую торговлю и гарантировали короне, что она получит свою долю богатств Америки. Свободный доступ к колониальной торговле для других участников был закрыт, и каждый год огромная флотилия судов, груженных драгоценными металлами и дорогими товарами, прибывала из Америки в Севилью. Узкая, монополизирующая база этой торговой деятельности означала, что никакой более или менее обширный класс купцов не сможет обогатиться, используя возможности, которые открывала торговля с колониями. Даже торговля в пределах самого Американского континента была жесточайшим образом регламентирована. К примеру, купец из Новой Испании (примерно совпадает с границами нынешней Мексики) не мог торговать напрямую с партнером в Новой Гранаде (территория сегодняшней Колумбии).

Подобные торговые ограничения в пределах Испанской империи снижали ее экономическое благосостояние, а также наносили и косвенный ущерб, лишая испанцев потенциальных выгод, которые Испа-

ния могла бы иметь, торгуя с какой-либо иной, более процветающей империей. Тем не менее для короны эти ограничения были привлекательны, так как гарантировали постоянный приток серебра и золота в казну.

Установление экстрактивных экономических институтов в Испании стало прямым результатом установления абсолютизма, иного – по сравнению с английским – хода развития политических институтов. И Королевство Кастилия, и Королевство Арагон имели собственные кортесы – парламент, представляющий различные группы (*estates*) государства. Как в Англии для введения новых налогов требовалось согласие парламента, так и в Испании для этого требовалось согласие кортесов. Однако кортесы Кастилии и Арагона изначально представляли только большие города, а не в равной степени городские и сельские области, как это было в Англии. К XV столетию в кортесах были представлены лишь 18 городов, каждый из которых делегировал двоих депутатов. Поэтому кортесы не отражали интересов столь же широких слоев общества, как английский парламент, и они так и не превратились в орган, где сталкиваются различные интересы и который стремится ограничить абсолютизм. Кортесы не могли устанавливать законы, и даже их полномочия в налоговой сфере были весьма ограни-

ченны. Все это позволило испанской монархии легко справиться с кортесами, когда она концентрировала в своих руках абсолютную власть. Даже бесперебойно получая из Америки серебро, Карл V и Филипп II были вынуждены постоянно повышать налоговые сборы, чтобы финансировать ряд захватнических войн. В 1520 году Карл V решил провести через кортесы закон о повышении налогов. Городские верхи использовали этот момент, чтобы потребовать изменений в структуре кортесов и более широких полномочий для себя. Вскоре оппозиция перешла к насильственным действиям, которые стали впоследствии известны как восстание комунерос. Королевские войска подавили мятеж, однако постоянные столкновения продолжались до самого конца XVI века, пока корона не решила вовсе отобрать у кортесов право назначать новые налоги и повышать старые. Хотя борьба короля с кортесами шла с переменным успехом, в конце концов верх одержала монархия: после 1664 года кортесы более не собирались, пока не возродились к жизни во время вторжения Наполеона почти 150 лет спустя.

В Англии конец абсолютизма в 1688 году ознаменовался не только укреплением плюралистических политических институтов, но и дальнейшим упрочением все более эффективного централизованного государства. В Испании же триумф абсолютизма имел обрат-

ный эффект. Хотя монархии удалось усмирить кортесы и теперь ничто не мешало королю вести себя так, как ему заблагорассудится, тем не менее повысить тот или иной налог стало гораздо труднее, даже когда это пытались сделать по договоренности с каждым городом по отдельности. В то время как в Англии создавалась эффективная фискальная бюрократия, испанское государство двигалось в противоположном направлении. Корона не только не смогла гарантировать предпринимателям соблюдение прав собственности, но и стала торговать государственными должностями (причем купленную должность часто можно было превратить в наследственную), а также сделала возможным получение за деньги иммунитета от судебного преследования.

Последствия работы подобных экстрактивных политических и экономических институтов в Испании были предсказуемы. В течение XVII века, в то время как Англия двигалась по пути расширения торговли и быстрой индустриализации, Испания скатывалась в пропасть всеобъемлющего экономического упадка. В начале столетия горожане составляли пятую часть населения Испании, к концу его – всего лишь одну десятую, и этот процесс сопровождался постоянным обнищанием испанского народа. Благосостояние Испании падало, а Англия становилась все богаче и бога-

че.

Живучесть и даже укрепление абсолютизма в Испании – еще один пример небольших изначальных отличий, которые приобретают серьезное значение в критические переломные моменты. В данном случае небольшие отличия Испании от Англии состояли в разной структуре и разной силе представительских институтов, а переломным моментом стало открытие Америки. Сочетание этих факторов привело к тому, что Испания и Англия пошли по столь разным дорогам. Относительно инклюзивные экономические институты, возникшие в Англии, сделали возможным беспрецедентный экономический динамизм, который вызвал к жизни промышленную революцию, в то время как в Испании индустриализация не имела бы никаких перспектив. В то время как промышленные технологии распространялись во многих странах мира, испанская экономика находилась в таком глубоком упадке, что ни у короны, ни у землевладельческой элиты не возникало ни малейшего повода для того, чтобы препятствовать индустриализации.

Кто боится промышленности?

У абсолютистских государств, чьих политических институтов не коснулись изменения, подобные тем, что имели место в Англии после 1688 года, было мало надежд получить выгоды от инноваций и новых технологий, которые принесла промышленная революция. Например, в Испании недостаточные гарантии прав собственности и глубокий экономический упадок привели к тому, что у людей просто исчезли стимулы вкладывать деньги и вообще тратить их. А в России и Австро-Венгрии индустриализацию тормозили не только пассивность и бесхозяйственность элиты и постоянный экономический спад, но и само правительство, активно противодействовавшее любым попыткам внедрить новые технологии и инвестировать в инфраструктуру – например, в железные дороги, которые могли бы послужить распространению этих самых технологий.

Во времена промышленной революции, то есть в XVIII и XIX веках, политическая карта Европы значительно отличалась от сегодняшней. Священная Римская империя – лоскутное одеяло, сшитое из более чем четырех сотен политических образований (большинство которых в конце концов вошло в состав объ-

единенной Германии), – занимала почти всю Центральную Европу. Дом Габсбургов все еще представлял из себя политическую силу первой величины, и его империя Габсбургов, также известная как Австро-Венгерская, раскинулась на огромной площади – около 250 000 кв. миль, даже при том, что с 1700 года, когда на испанском троне утвердились Бурбоны, она не включала в себя Испанию. Это было четвертое по численности населения государство в Европе – седьмая часть жителей континента были его подданными. В конце XVIII века в земли Габсбургов на западе входили Австрийские Нидерланды – территория, которая сегодня называется Бельгией. Но самой большей частью их владений были земли, окружавшие собственно Австрию и Венгрию, – Чехия и Словакия на севере, Словения, Хорватия, бóльшая часть Италии и Сербия на юге. На востоке в состав империи входили часть сегодняшней Польши и Румыния. Купцы во владениях Габсбургов имели куда меньшее влияние, чем в Англии, а в системе землевладения в Восточной Европе преобладало крепостное право (как мы видели в главе 4, Венгрия и Польша оказались в самой сердцеви-не процесса «вторичного закрепощения» на востоке континента).

Габсбурги, в отличие от Стюартов, преуспели в сохранении абсолютной власти. Франц I, последний им-

ператор Священной Римской империи, правивший в 1792–1806 годах и вплоть до своей смерти в 1835-м остававшийся также императором Австро-Венгрии, был убежденным сторонником абсолютной монархии. Он не признавал никаких ограничений собственной власти и всячески стремился сохранить этот статус-кво. Основу его политики составляло противодействие изменениям – изменениям любого рода. В 1821 году он ясно выразил это в речи, произнесенной перед школьными учителями Любляны и в принципе весьма характерной для Габсбургов:

«Мне нужны не какие-то там гении, а добрые, честные подданные. Ваша задача – сделать молодых людей именно такими. Тот, кто служит мне, должен учить тому, что я велю. Если он этого сделать не в состоянии или у него какие-то новые идеи, то пусть уходит, или же я выгоню его сам».

Императрица Мария Терезия, правившая в 1740–1780 годах, отвечала на предложения по улучшению государственной системы просто: «Оставьте все как есть». Тем не менее и она, и ее сын Иосиф II (император в 1780–1790) предпринимали попытки построить более сильное, более централизованное государство и более эффективную систему управления. Но при этом они желали сохранить контекст политической системы, в которой их действия не встречали ни-

каких ограничений, системы, лишенной практически любых элементов плюрализма. Национального парламента, который хотя бы в какой-то степени осуществлял контроль за монархией, в Австро-Венгрии не существовало, имелись лишь местные сословные собрания, исторически обладавшие определенными полномочиями в сфере сбора налогов и рекрутского набора. Возможность контроля над действиями монарха в империи Габсбургов была еще меньше, чем в Испании, а политическая власть еще более сконцентрирована в руках монарха.

С усилением абсолютизма Габсбургов в XVIII веке влияние общественных институтов все более ослабевало. Когда депутация жителей австрийской провинции Тироль подала Францу прошение о введении конституции, тот ответил:

«Ах, вы желаете конституции!.. Ну так слушайте: мне все равно, я дам вам конституцию, только учтите, что солдаты подчиняются мне, и я не буду просить вас дважды, если мне потребуются деньги... В любом случае я советую вам хорошенько подумать, прежде чем говорить».

Получив такую отповедь, тирольские лидеры отвечали: «Если Вы так настроены, то лучше совсем не иметь конституции», на что Франц заметил: «Вот и

мне так кажется».

Франц распустил Государственный совет, который Мария Терезия использовала как площадку для консультаций со своими министрами. И с этого момента не стало больше ни консультаций, ни какого-либо публичного обсуждения высочайших решений. Франц создал полицейское государство и ввел жесточайшую цензуру, которая преследовала любые идеи, которые могли быть расценены как хотя бы в какой-то степени радикальные. Граф Хартиг, много лет состоявший при императоре адъютантом, описал концепцию власти Франца как

«неустанное поддержание власти суверена и отрицание любых притязаний какой-либо части народа на участие в этой власти».

В реализации этой политической программы императору помогал князь фон Меттерних, назначенный еще в 1809 году министром иностранных дел. Меттерних пережил императора Франца, он оставался на посту министра почти 40 лет, все это время сохраняя власть и влияние.

В основе экономических институтов государства Габсбургов лежали феодальные порядки и крепостное право. И чем дальше на восток империи, тем сильнее был феодализм – это была часть общей схемы изменения экономических институтов при дви-

жении с запада на восток Европы, которую мы рассмотрели в главе 4. Мобильность рабочей силы была жестко ограничена, а эмиграция запрещена. Когда английский филантроп Роберт Оуэн попытался убедить австрийское правительство предпринять ряд социальных реформ, которые могли бы улучшить условия жизни бедноты, один из помощников Меттерниха Фридрих фон Гентц ответил ему: «Мы вовсе не желаем, чтобы широкие массы стали состоятельными и независимыми... Как бы мы тогда ими правили?»

Помимо крепостного права, которое делало совершенно невозможным появление свободного рынка труда и лишало массу сельского населения любых экономических стимулов и инициативы, абсолютная монархия Габсбургов покоилась на монополиях и иных ограничениях торговли. Экономику городов контролировали профессиональные гильдии, которые не позволяли чужакам заниматься профессиональной деятельностью в данном городе. Внутренние³¹ таможенные пошлины в пределах самой Австрии существовали вплоть до 1775 года, а в Венгрии – до 1780-го. Импортные пошлины при этом были весьма высоки, а на импорт и экспорт многих товаров был вообще наложен запрет. Подавление свободного рынка и

³¹ То есть взимавшиеся при перевозке товара из одной части страны в другую.

создание экстрактивных экономических институтов — черта, которая, несомненно, присуща всякому абсолютизму, но австрийский император зашел еще дальше. Стимулы для личной инициативы и готовность использовать новые технологии вступали в противоречие далеко не только с экстрактивными экономическими институтами. Мы уже видели в главе 2, как попытки внедрить использование плуга в Королевстве Конго потерпели неудачу, потому что у крестьян не было для этого стимулов. Король Конго сознавал, что, если он сможет побудить свой народ использовать плуг, производство сельскохозяйственной продукции вырастет, а благосостояние людей увеличится, а из этого и он сам сможет извлечь выгоду. Это соображение потенциально привлекательно для всех правителей, в том числе и для абсолютных монархов. Проблема Конго состояла в том, что люди понимали: сколько бы они ни произвели, всё это отберет монарх, так что нет никаких оснований инвестировать в производство или использовать более прогрессивные технологии. Что же касается империи Габсбургов, то Франц и не пытался побудить своих подданных внедрять новые технологии. Напротив, он противодействовал им в этом, препятствовал распространению технологий, которые люди хотели бы использовать хотя бы в рамках существующих экономических

институтов.

Борьба с инновациями шла сразу на двух фронтах. Во-первых, Франц I всячески противился развитию промышленности. Индустриальное развитие означало рост числа фабрик, а это, в свою очередь, вело бы к притоку бедняков в города, в особенности в столицу империи Вену. В дальнейшем жители бедных рабочих кварталов могли бы стать опорой противников абсолютизма. Политика Франца состояла в том, чтобы сохранить за патриархальными аристократическими элитами то же высокое положение в обществе, которое они занимали веками, и вообще удерживать статус-кво. Обществу надлежало пребывать в своем изначальном, аграрном виде. И наилучший способ сохранения этого статус-кво Франц видел в том, чтобы препятствовать постройке мануфактур. Он сделал это открыто – в 1802 году специальный указ запретил учреждение новых фабрик в Вене. Вместо того чтобы стимулировать ввоз и освоение нового фабричного оборудования – а это основа индустриализации! – император запрещал его импорт вплоть до 1811 года.

Во-вторых, Франц был категорически против строительства железных дорог, одного из величайших изобретений промышленной революции. Когда на стол императора лег проект постройки Северной железной дороги, он ответил: «Нет-нет, я не буду этого делать,

ведь по этой дороге в страну может приехать революция!»

Итак, австрийское правительство не предоставляло предпринимателям концессии на строительство паровых железных дорог, и в результате первым рельсовым путем в империи стала дорога на конной тяге. Линия конки, связавшая города Линц на Дунае и Будейовице на Влтаве, была построена с такими уклонами и радиусами поворотов, которые исключали возможность ее последующей переделки в паровую железную дорогу. И так продолжалось вплоть до 1860-х годов! Экономический потенциал развития железнодорожного сообщения в империи первым оценил банкир Соломон Ротшильд, представитель влиятельной банкирской семьи в Вене. На проживавшего в Лондоне Натана Ротшильда, брата Соломона, огромное впечатление произвел паровоз «Ракета», построенный Джорджем Стефенсоном. Натан Ротшильд быстро оценил потенциал парового транспорта, связался с братом и попросил его прозондировать возможности развития железных дорог в Австрии, где, как полагал Натан, семья может получить большие прибыли от инвестиций в железнодорожное строительство. Соломон согласился, но дело кончилось ничем, потому что император Франц опять просто ответил «нет».

Препятствия, которые император Франц воздвиг

гал на пути развития промышленности и железнодорожного сообщения, были логическим продолжением его настороженности по отношению к созидательному разрушению, которое неизбежно сопровождает развитие индустриальной экономики. Главным приоритетом императора было сохранение стабильности экстрактивных институтов, лежавших в основе его власти, и привилегий традиционных элит, поддерживающих эту власть. В таком контексте от индустриализации не только не приходилось ждать выгоды – она могла подорвать самые основы устоявшихся феодальных порядков. Франц хорошо понимал, что серьезные экономические изменения несут угрозу его политической власти. Именно поэтому он препятствовал развитию промышленности и экономическому прогрессу в целом, искусственно законсервировав техническую отсталость, которая проявлялась в самых разных областях жизни. К примеру, даже в 1883 году, когда 90 % железа в мире выплавлялось с использованием каменного угля, более половины этого металла на территориях Габсбургов производилось с помощью гораздо менее эффективного древесного угля. Равным образом и производство текстиля так и не было полностью механизировано, и вплоть до конца Первой мировой войны, когда Австро-Венгерская империя прекратила свое существование, ткани все

еще изготавливались вручную.

Австро-Венгрия не была одинока в своем отторжении промышленного прогресса. К востоку от нее, в России, также действовала абсолютистская система политических институтов, созданная Петром Великим и уже упоминавшаяся ранее в этой главе. Как и в Австро-Венгрии, экономические институты в России были крайне экстрактивными, основанными на крепостном праве, согласно которому более половины населения страны было прикреплено к земле. Крепостные должны были три дня в неделю работать бесплатно на земле своего барина. Они не имели свободы передвижения, были лишены возможности выбирать род занятий, и хозяин по собственной прихоти мог продать их другому барину. Радикальный философ Петр Кропоткин, один из основателей современного анархизма, оставил живое описание того, что представляло из себя крепостное право в царствование Николая I, правившего Россией в 1825–1855 годах. Он с детских лет слышал рассказы о том,

«как мужчин и женщин отрывали от семьи, продавали, проигрывали в карты, либо выменивали на пару борзых собак, или же переселяли на окраину России... как отнимали детей у родителей и продавали жестоким или же развратным помещикам; про то,

как ежедневно с неслыханной жестокостью пороли на конюшне; про девушку, утопившуюся, чтобы спастись от насилия; про старика, поседевшего на службе у барина и потом повесившегося у него под окнами; про крестьянские бунты, укрощаемые николаевскими генералами запарыванием до смерти десятого или же пятого и опустошением деревни... Что же касается до той бедности, которую во время поездок я видел в некоторых деревнях, в особенности в удельных, принадлежавших членам императорской фамилии, то нет слов для описания всего».

Точно так же, как и в Австро-Венгрии, российский абсолютизм не создал системы экономических институтов, которые бы вели к процветанию общества. В придворных кругах преобладал страх перед созидательным разрушением, которое могло быть порождено развитием промышленности и железных дорог. В царствование Николая I выразителем подобных настроений был граф Егор Канкрин, занимавший пост министра финансов в 1823–1844 годах. Канкрин сыграл ведущую роль в противостоянии изменениям в обществе, которые открыли бы путь к экономическому процветанию.

Целью политики Канкринина было укрепление традиционных политических опор режима, прежде всего

помещичьей аристократии, сохранение патриархального и аграрного общественного уклада. Став министром финансов, Канкрин тут же остановил проект, разработанный предыдущим министром Гурьевым, согласно которому средства Государственного коммерческого банка разрешалось направлять на развитие промышленности. Вместо этого Канкрин реанимировал Государственный заемный банк, упраздненный во время наполеоновских войн. Когда-то этот банк был создан специально для льготного субсидирования крупных помещиков – именно такого рода политику поддерживал Канкрин. Для получения кредита клиент в качестве обеспечения должен был заложить своих крепостных, так что подобный заем могли получить только помещики, имевшие в собственности крестьян. Для формирования капитала Государственного заемного банка Канкрин перевел туда счета из Коммерческого банка, убив таким образом двух зайцев – теперь на поддержку промышленности уже не оставалось средств.

Взгляды Канкрина были продиктованы страхом, что экономические изменения повлекут за собой изменения политические, и тех же воззрений придерживался и царь Николай. Его восшествие на престол в декабре 1825 года едва не было сорвано мятежом группы армейских офицеров, так называемых декабри-

стов, предлагавших радикальную политическую программу социальных реформ. Николай писал своему брату, великому князю Михаилу:

«Революция на пороге России. Но, клянусь, она не проникнет в Россию, пока во мне сохранится дыхание жизни!»

Николай страшился социальных перемен, которые повлекло бы за собой создание современной экономики. Как он говорил в своей речи в собрании производителей на Московской мануфактурной выставке,

«необходимо и правительству, и фабрикантам обратить свое внимание на такой предмет, при отсутствии которого сами фабрики скорее будут злом, нежели благом. Это – попечение о рабочих, которые, ежегодно возрастая числом, требуют деятельного и отеческого надзора за их нравственностью, без чего эта масса постепенно будет портиться и обратится, наконец, в сословие столько же несчастное, сколько опасное для самих хозяев».

Как и Франц I, Николай опасался, что созидательное разрушение, следствие развития современной промышленной экономики, подорвет патриархальный политический уклад России. По указанию Николая Канкрин предпринял ряд шагов, призванных еще более замедлить рост промышленности, в частности за-

претил несколько промышленных выставок, которые ранее регулярно проводились для демонстрации новых технологий и облегчения обмена ими.

В 1848 году Европа была потрясена серией революционных выступлений. Под впечатлением от них московский генерал-губернатор Арсений Закревский, в чьи обязанности входило поддержание общественного порядка, писал Николаю:

«Для сохранения спокойствия и процветания, каковыми в настоящее время наслаждается только Россия, правительство не должно позволять объединений бездомного и разгульного люда, который с легкостью присоединяется к любому движению, грозящему разрушением общественного и частного порядка».

Эта рекомендация была доведена до сведения николаевских министров, и в 1849 году был принят новый закон, жестко ограничивший число фабрик, которые дозволялось открывать в каждом из районов Москвы. Закон в особенности воспрещал учреждение новых хлопковых и шерстяных прядильных мануфактур, а также железоделательных фабрик. Для создания новых производств в других областях – например, ткацких или красильных – требовалось специальное разрешение генерал-губернатора. В конце

концов хлопкопрядильное производство было прямо запрещено. Закон был направлен на то, чтобы остановить дальнейшую концентрацию в городе рабочих – потенциальных бунтовщиков.

Препоны ставились не только на пути развития промышленности, но и в деле развития железных дорог – точно так же, как и в Австро-Венгрии. До 1842 году в России существовала одна-единственная железная дорога – Царскосельская линия, тянувшаяся на семнадцать миль от Санкт-Петербурга до императорских резиденций в Царском Селе и Павловске. Так же как Канкрин противился развитию промышленности, он не видел смысла и в расширении железнодорожного сообщения, которое, по его мнению, привело бы к нежелательной мобильности населения:

«Железные дороги – это не всегда следствие естественной необходимости, а чаще предмет искусственных нужд и роскоши. Они побуждают к ненужным перемещениям с места на место, весьма характерным для нашего времени».

Канкрин отверг многочисленные предложения о постройке железнодорожных путей, и даже линия, соединявшая Москву и Санкт-Петербург, была проложена только в 1851 году. Политику Канкрин продолжил граф Клейнмихель, главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий. Эта должность предпо-

лагала принятие почти единоличных решений о постройке железнодорожных путей, и Клейнмихель использовал ее, чтобы отбить у инвесторов всяческое желание к подобным проектам. После 1849 года он даже использовал свою власть для того, чтобы подвергнуть цензуре дискуссию в прессе о развитии железнодорожного сообщения.

Карта 13. Железные дороги Европы в 1870 г.

На карте 13 показаны последствия такой деятель-

ности. В то время как Британия и большинство стран Северо-Западной Европы к 1870 году были покрыты плотной сетью железных дорог, на бескрайних равнинах России их было весьма мало. «Антижелезнодорожная» политика была пересмотрена только после поражения, нанесенного России Британией, Францией и Турцией в Крымской войне (1853–1856), когда возникло понимание того, что отсталое железнодорожное сообщение – это серьезная угроза безопасности России. В Австро-Венгрии за пределами собственно Австрии и западных областей империи железные дороги также не получили распространения, хотя революции 1848 года и принесли некоторые изменения в остальные земли империи – прежде всего отмену крепостного права.

Морской запрет

В свое время абсолютизм утвердился не только в большинстве стран Европы, но и в Азии, и там он точно так же препятствовал индустриализации в переломное время промышленной революции. Это хорошо иллюстрируют примеры китайских династий Мин и Цин или турецкой династии Османов. При династии Сун (960–1279) Китай был мировым лидером по числу технологических инноваций. Китайцы изобрели часы, компас, порох, бумагу и бумажные деньги, фарфор, доменную печь для выплавки чугуна – и все это намного раньше, чем в Европе. А прялка и водяное колесо появились в Китае примерно в то же время, когда их стали использовать в Европе. Как следствие этого, уровень жизни в Китае в 1500 году был по крайней мере не ниже, чем в Европе. К тому же многие века в Китае существовало централизованное государство, посты в котором распределялись на меритократической основе. Однако государственным строем Китая была абсолютная монархия, и экономический рост происходил в условиях экстрактивных институтов. Не существовало никакого политического представительства иных групп общества, кроме семьи императора, – ничего похожего на парламент или корте-

сы. Положение купцов в Китае всегда было шатким, и великие изобретения эпохи Сун были сделаны не в результате рыночных инициатив, а были инспирированы правительством путем поощрения, а то и прямых приказов. Немногие из них были внедрены в коммерческий обиход.

В эпоху династий Мин и Цин, сменивших династию Сун, государство стало затягивать гайки еще сильнее. Причиной этого процесса была обычная логика экстрактивных институтов. Как и большинство правителей, стоящих во главе экстрактивных институтов, самодержавные императоры Китая не любили изменений, стояли на страже статус-кво и боялись созидательного разрушения. Лучше всего это демонстрирует история международной торговли. Как мы могли видеть, открытие Америки и новые способы организации международной торговли сыграли ключевую роль в политических конфликтах и институциональных переменах в Европе Нового времени. В Китае же купцы обыкновенно вели дела внутри страны, а заморская торговля была монополизирована государством.

В 1368 году взошел на престол император Чжу Юаньчжан, первый представитель династии Мин; ему предстояло править тридцать лет. Опасаясь, что заморская торговля может стать политически и социально дестабилизирующим фактором, император за-

претил любую международную перевозку товаров за исключением тех случаев, когда она была организована правительством и имела целью подношение даров, а отнюдь не коммерческую выгоду.³² Более того, Чжу Юаньчжан казнил сотни предпринимателей, обвиненных в том, что они пытались под видом доставки даров организовать торговые миссии. В 1377–1397 годах были прекращены даже экспедиции для подношения даров. Император запретил своим подданным торговать с чужеземцами, а китайским кораблям – совершать дальние плавания.

Однако в 1402 году на трон взошел император Чжу Ди (Юнлэ), царствование которого стало одним из наиболее славных периодов китайской истории. По указу Юнлэ и на деньги государства были снаряжены шесть грандиозных экспедиций в Юго-Восточную и Южную Азию, в Аравию и даже Африку. Китайцы знали о существовании всех этих земель благодаря многовековой истории торговых отношений, но ничего подобного по масштабу до сих пор не случалось. Экспедициями командовал адмирал Чжэн Хэ. Первая флотилия насчитывала 62 огромных «корабля-сокровищницы» и 190 судов меньшего размера, нагруженных пресной водой и различными припасами. Всего

³² Формально «морской запрет» был введен как мера борьбы с пиратством.

на борту этой армады находилось 27 800 человек, в том числе множество солдат.

После шестого по счету плавания император Юнлэ решил в 1422 году отложить отправку следующей экспедиции. Его преемник Чжу Гаочи, правивший в 1424–1425 годах, также не дал разрешения на подготовку нового плавания. А после скоропостижной смерти Чжу Гаочи императором стал Чжу Чжаньцзи, который в 1433 году отправил в море последнюю экспедицию Чжэн Хэ, однако после нее все морские предприятия были вновь запрещены, а в 1436-м даже постройка морских судов была объявлена вне закона. «Морской запрет» оставался в силе вплоть до 1567 года.

Эти события представляют собой лишь один из примеров экстрактивности, препятствовавшей любой экономической деятельности, которая могла быть воспринята как потенциально дестабилизирующая. Однако они имели очень серьезные последствия для экономического развития Китая. Как раз в то время, когда международная торговля и открытие Америки в корне изменили Англию, Китай отгородился от подобных важных перемен и замкнулся в себе, причем эта самоизоляция отнюдь не закончилась с отменой «морского запрета» в 1567 году.

В 1644 году династия Мин была свергнута манчжурами – народом, пришедшим из внутренних районов

Восточной Азии. Манчжуры основали династию Цин. Последовал период сильной политической нестабильности, в ходе которого цинские императоры проводили массовые захваты собственности своих подданных. В 1690-х годах Тянь Чен, удалившийся на покой ученый чиновник и неудачливый купец, писал:

«Более пятидесяти лет прошло с основания династии Цин, а империя с каждым днем становится все бедней. Крестьяне нищие, ремесленники нищие, купцы нищие, да и чиновники нищие. Зерно дешево, но трудно съесть столько, сколько нужно для жизни. Ткань дешева, но трудно покрыть свое тело. Товары перевозятся с рынка на рынок полными лодками, но продавать их приходится за бесценок. Оставшиеся не у дел чиновники обнаруживают, что у них нет средств, чтобы содержать свои семьи. Безусловно, все эти четыре сословия разорены».

В 1661 году император Канси повелел, чтобы все люди, живущие на берегу моря от Вьетнама до провинции Чжэцзян – то есть, в сущности, вдоль всего южного побережья, самого коммерчески активного региона Китая, – были переселены на семнадцать миль в глубь материка. Чтобы обеспечить выполнение этого приказа, берег патрулировали войска, до 1693 года было запрещено любое, даже прибрежное море-

плавание. Этот запрет периодически возобновлялся на протяжении XVIII столетия, что почти полностью уничтожило китайскую морскую торговлю. Несмотря на временные послабления, мало кто рисковал вкладывать в этот бизнес деньги, учитывая, что завтра император может передумать и вновь запретить всякие морские сношения, и тогда инвестиции в корабли, оборудование и товар не принесут прибыли, а то и вообще не окупятся.

Причина, по которой династии Мин и Цин противились международной торговле, нам вполне понятна — это боязнь созидательного разрушения. Основной целью власти была политическая стабильность. Международная торговля рассматривалась как потенциально дестабилизирующий фактор, поскольку она обогащает класс купцов и со временем те неизбежно поднимут голову и потребуют политических прав, как это случилось в Англии во время атлантической экспансии. Так считали не только правители династий Мин и Цин, таково же было и мнение императоров династии Сун, хотя они охотно финансировали технологические инновации и допускали определенную степень свободы торговли (не позволяя ей, однако, выйти из-под своего контроля). При минских и цинских императорах ситуация ухудшилась: контроль государства над экономической деятельностью усилился, а мор-

ская торговля была запрещена. Конечно, и в эпоху Мин и Цин в Китае существовали рынки и торговля, кроме того, правительство облагало домохозяйства не слишком тяжелыми налогами. Однако оно мало что делало для поддержки инноваций, предпочитая политическую стабильность процветанию торговли и промышленности. Последствия подобного контроля над экономикой предсказуемы: китайская экономика в течение XIX и в начале XX века пребывала в застое, в то время как в экономиках многих других стран происходила индустриализация. К 1949 году, когда Мао Цзэдун установил в Китае коммунистический режим, это была одна из беднейших стран мира.

Царство пресвитера Иоанна

Абсолютизм как система политических институтов и связанных с ними экономических явлений характерен не только для Европы и Азии. Эта система существовала и в Африке – например, абсолютной монархией было Королевство Конго, которое мы рассматривали в главе 2. Пример еще более устойчивого африканского абсолютизма – это Эфиопия, она же Абиссиния. Истоки местных институтов мы исследовали в главе 6, когда обсуждали становление феодализма после упадка государства Аксум. Абиссинский абсолютизм оказался даже более долговечным, чем его европейские аналоги, потому что ему противостояли совершенно иные вызовы и точки перелома.

Эфиопия стала христианской еще в IV столетии, после крещения Эзаны, сына императора Аксума. К XIV веку эту страну начали считать в Европе местом действия легенды о пресвитере Иоанне, вымышленном правителе далекого христианского государств, которое в результате распространения ислама было некогда отрезано от христианской Европы. Сначала полагали, что царство пресвитера Иоанна находится где-то в Индии, но по мере того как в Европе росли знания об Индийском субконтиненте, стало понятно, что это

не так. Царь христианской Эфиопии казался наиболее естественным воплощением героя легенды, тем более что он постоянно пытался убедить европейских монархов составить коалицию, которая могла бы противостоять вторжениям мусульман; он отправлял дипломатические миссии в Европу как минимум начиная с 1300 года и в конце концов даже убедил португальского короля послать в Эфиопию солдат.

Эти солдаты, а также дипломаты, иезуиты и иные путешественники, ожидавшие увидеть легендарного пресвитера Иоанна, оставили много отчетов о пребывании в Эфиопии. Один из наиболее интересных с экономической точки зрения – записки капеллана дипломатической миссии Франсишку Альвареша, который провел в Эфиопии больше семи лет (1520–1527). Кроме того, известны мемуары иезуита Мануэла де Алмейды, жившего в Эфиопии с 1624 года, и Джона Брюса, который путешествовал по стране в 1768–1773 годах. Воспоминания всех этих людей дают богатый материал для знакомства с политическими и экономическими институтами Эфиопии того времени и не оставляют сомнений, что Эфиопия была образцовым примером абсолютизма. Никаких плюралистических институтов не существовало – никакого контроля, никаких пределов могуществу императора, чье право на власть основывалось на том, что его род вос-

ходит к легендарным царю Соломону и царице Савской.

Следствием абсолютизма и политики императора было полное отсутствие гарантий прав собственности. Брюс пишет:

«Вся земля в стране принадлежит царю. Он дает ее тем, кому благоволит, до тех пор, пока он им благоволит, и отбирает ее по своему усмотрению. Когда он умирает, вся пожалованная им земля опять поступает в распоряжение короны. Мало того, по смерти существующего владельца, сколько бы он ни владел к тому времени участком, участок возвращается к царю, а не переходит к старшему сыну».

Альвареш говорит, что «урожаи были бы богаче и возделанной земли было бы куда больше, если бы могущественные вельможи не так плохо обращались с народом». С этим мнением согласуется и отчет Алмейды об устройстве эфиопского общества:

«Обычное дело для императора заменять земельные участки или вовсе отбирать землю у каждого, кто ей владеет, раз в два-три года, иногда каждый год, а то и по нескольку раз в году, так что этому никто не удивляется. Часто один человек пашет землю, другой сеет на ней, а жнет третий. А значит, выходит так, что никто не заботится о земле, которой пользуется. Никто

даже не сажает деревьев, потому что каждый знает, что тот, кто посадит, весьма редко может дожждаться от них плодов. Тем не менее царю это выгодно, потому что все подданные полностью зависят от него».

Эти описания демонстрируют множество черт сходства между политэкономическими системами Эфиопии и стран европейского абсолютизма, причем в Эфиопии абсолютизм был более жестким, а экономические институты – более экстрактивными. Мало того, как мы подчеркивали в главе 6, Эфиопии не коснулись те переломные события, которые способствовали ослаблению абсолютизма в Англии. Она была отрезана от многих процессов, которые сформировали современный мир. Но даже если бы эта изоляция не была такой полной, то, учитывая степень абсолютизма в Эфиопии, подобные процессы, скорее всего, только укрепили бы экстрактивные институты в этой стране. Например, как и в Испании, вся международная торговля в Эфиопии, включая весьма прибыльную работоторговлю, была под полным контролем монарха. На самом деле Эфиопия никогда и не была полностью изолирована от остального мира – европейские путешественники искали здесь царство пресвитера Иоанна, страна вынуждена была вести войны против исламских соседей. И тем не менее, как точ-

но заметил историк Эдвард Гиббон, «со всех сторон охваченные кольцом врагов их религии, эфиопы спали почти тысячу лет, забыв о мире, который забыл о них».

Когда в XIX веке началась европейская колонизация Африки, Эфиопия была независимым царством, которым управлял рас³³ Касса, взошедший в 1855 году на престол под именем Теодроса II. Новый император приступил к модернизации государства, создал более централизованную бюрократическую и судебную системы, и армию, способную контролировать страну и, возможно, даже помериться силами с европейскими колонизаторами. Во всех провинциях он поставил военных губернаторов, которые должны были собирать налоги и отсылать их в столицу. Отношения Теодроса с европейскими державами были непростыми, и в 1868 году он в припадке гнева приказал бросить в тюрьму английского консула и еще нескольких англичан. В ответ англичане послали в Эфиопию экспедиционный корпус, который разбил войско императора. Теодрос покончил с собой.

И тем не менее Эфиопии после реформ Теодроса удалось добиться самого большого триумфа во всей истории антиколониальной борьбы XIX века – отбить

³³ Полководец и глава провинции. Титул, примерно соответствующий европейскому титулу «герцог».

атаку итальянцев. В 1889 году трон перешел к Менелику II, которому сразу же пришлось иметь дело с Италией, желавшей основать колонию в его владениях. В 1884 году германский канцлер Бисмарк собрал в Берлине конференцию, на которой европейские державы попытались установить определенные правила «схватки за Африку» – то есть решить, как именно они будут делить Африку в соответствии со сферами их интересов. На этой конференции Италия заявила свои права на Эритрею, провинцию Эфиопии у Красного моря, и на Сомали. Эфиопия на конференции представлена не была.

В 1896 году итальянцы отправили армию в Южную Эритрею. В ответ Менелик сделал то же самое, что сделал бы на его месте европейский средневековый король, – он приказал знати собирать вооруженное ополчение. Ополчение не может вести боевые действия в течение долгого времени, однако это хороший способ быстро собрать большое войско. Стотысячное ополчение Менелика уничтожило 15-тысячный экспедиционный корпус итальянцев в битве при Адуа (1896). Это было самое серьезное поражение, нанесенное африканской страной европейской державе, и оно обеспечило Эфиопии еще сорок лет независимости.

Последний император Эфиопии, рас Тафари, был

коронован в 1930 году под именем Хайле Селассие. Он правил до тех пор, пока не был свергнут в ходе второго итальянского вторжения, которое началось в 1935 году. Однако с помощью Англии он вернулся из изгнания уже в 1941 году и далее оставался на престоле до 1974-го, когда был снова свергнут группой армейских офицеров-марксистов, которые затем довели страну до еще большего обнищания. Основные экстрактивные экономические институты абсолютистской Эфиопии, такие как *гулт* (см. стр. 178), сложившиеся после упадка Аксума, действовали вплоть до революции 1974 года, когда они были упразднены.

Сегодня Эфиопия – одна из беднейших стран мира. Доход среднего жителя страны составляет примерно сороковую часть дохода среднего жителя Великобритании. Большинство эфиопцев обитает в сельских районах и живет натуральным сельским хозяйством. У них нет в достаточном количестве ни чистой воды, ни электричества, ни возможности учиться в школе, ни доступа к медицинским услугам. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в Эфиопии составляет около пятидесяти пяти лет, и лишь треть взрослого населения грамотна. Сравнение Эфиопии и Англии – показатель царящего в мире неравенства. И причина, по которой Эфиопия находится в столь тяжелом по-

ложении, коренится в абсолютизме, институты которого действовали вплоть до недавнего прошлого. Абсолютизм основывался на экстрактивных экономических институтах, что означало нищету для большинства эфиопов, хотя император и знать, естественно, получали огромные доходы. Но самое долговременное влияние абсолютизма сказалось в том, что эфиопское общество оказалось неспособно использовать преимущества индустриализации XIX и начала XX века. Именно это стало источником нынешней ужасающей нищеты Эфиопии.

Дети Самаале

Абсолютистские политические институты по всему миру препятствовали индустриализации косвенно (определенным образом организуя экономику) или прямо, как мы видели на примерах Австро-Венгрии и России. В конце XIX века многие страны, особенно в Африке, страдали от отсутствия государственной власти, которая могла бы обеспечить минимальный уровень законности и порядка, необходимый для функционирования современной экономики. В Африке не нашлось лидеров, аналогичных русскому царю Петру I, который начал процесс политической централизации и консолидации российского абсолютизма, или английским Тюдорам, которые централизовали государство, не уничтожив при этом (скажем прямо – не сумев уничтожить) парламент и другие институты, ограничивающие абсолютизм. Даже если бы элиты африканских стран и хотели принять промышленную революцию, то в отсутствие столь же высокого уровня политической централизации это было бы невозможно.

Сколь разрушительные последствия имеет отсутствие политической централизации, можно увидеть на примере Сомали – государства, расположенного

на Африканском Роге. С древнейших времен население Сомали было разделено на шесть племен. Четыре самых больших: дир, дарод, исак и хавийе – возводят свой род к мифическому прародителю Самаале. Эти племена обитают в основном на севере Сомали (хотя их представители встречаются также на юге и на востоке), и даже сегодня они ведут традиционный образ жизни пастухов-кочевников, переходя с пастбища на пастбище со своими стадами коз, овец и верблюдов. На юге страны живут люди племен дигил и раханвайн – это оседлые земледельцы. Территории, которые занимают все эти племена, изображены на карте 12 (стр. 177).

Сомалиец идентифицирует себя прежде всего с точки зрения принадлежности к одному из этих шести племен, однако они чрезвычайно многочисленны и включают множество подгрупп. Прежде всего, имеются кланы, которые возводят свою родословную к прародителю одного из племен. Однако гораздо большее значение имеют группы внутри кланов, которые объединяют «тех, кто платит дийю», то есть кровных родственников, которые в случае убийства одного из членов группы выплачивают (или получают) *дийю*, то есть компенсацию, «плату за кровь». Сомалийские кланы и дийя-группы испокон века участвовали в почти непрерывных распрах из-за скудных ре-

сурсов, имевшихся в округе, в особенности из-за воды и хороших пастбищ. Члены кланов и групп постоянно совершали набеги на соседние кланы и дийя-группы, чтобы угнать их скот. Хотя у кланов и были вожди, которых называли «султанами», а также старейшины, но на самом деле власть в клане была распределена таким образом, что каждый взрослый сомалиец обладал правом голоса в вопросах, имевших ключевое значение для клана в целом. Это право можно было использовать на неформальном собрании всех взрослых мужчин клана. Не существовало ни писаных законов, ни полиции, ни заслуживающей упоминания судебной системы, и лишь законы шариата служили формальной рамкой, в которую заключался так называемый *хеер* (сомал. *xeer*) – свод обычного права, то есть совокупность общепринятых прав и обязанностей, соблюдения которых группа может требовать от своих членов и членов других групп при взаимодействии с ними. С появлением колониальной власти эти *хееры* стали записываться. К примеру, род хассан-угас (*Hassan Ugaas*) представлял собой дийя-группу из примерно пяти сотен человек и был одним из кланов племени дир в Британском Сомали. Восьмого марта 1950 года *хеер* этого клана был записан британским комиссаром округа, и три его первых параграфа гласили:

1. Если человек из рода хассан-угас будет убит кем-то из другого рода, то ближайшие родственники должны получить двадцать верблюдов из всей платы за кровь (сто верблюдов), а остальные воемьдесят верблюдов делятся между всеми людьми хассан-угас.

2. Если человек из рода хассан-угас будет ранен чужаком и его раны будут оценены в тридцать три и одну треть верблюда, то десять верблюдов даются ему и остаются у его джиффо-группы [подгруппа дийя-группы].

3. Убийство одним членом рода хассан-угас другого члена подлежит компенсации в размере тридцати трех и одной трети верблюда, которые выплачиваются только ближайшим родственникам. Если виновник не в состоянии выплатить всю пеню или ее часть, его род должен помочь ему.

То, что хеер уделяет главное внимание убийствам и ранениям, свидетельствует о почти постоянных боевых действиях между дийя-группами и кланами. Главной целью этих действий были кровная месть и получение «платы за кровь». Преступление в отношении конкретного человека было вместе с тем преступлением против всей дийя-группы и требовало коллективной же компенсации. Если такая компенсация не

выплачивалась, группу, к которой принадлежал преступник, ждало возмездие. Когда в Сомали появились современные средства транспорта, «плата за кровь» стала взиматься и за тех, кто погиб или был ранен в дорожно-транспортных происшествиях. Впрочем, в хееере рода хассан-угас упоминается не только убийство. Параграф 6 гласит:

«Если человек из рода хассан-угас нанесет кому-либо оскорбление на совете рода, он должен заплатить оскорбленному 150 шиллингов».

В начале 1955 года стада, принадлежащие кланам хабар-толджало (*Habar Tol Ja'lo*) и хабар-юнис (*Habar Yuunis*), паслись по соседству в области Домберелли. Между пастухами возникла ссора из-за того, где пасти верблюдов, и человек из клана юнис ранил человека из клана тол-джало. Месть клана юнис не заставила себя ждать – на тол-джало было совершено нападение, один человек был убит. Согласно кодексу кровной мести клан юнис предложил людям тол-джало компенсацию – «плату за кровь», и это предложение было принято. Пеню, которая, как правило, исчислялась в определенном количестве верблюдов, полагалось выплачивать лично, однако в ходе соответствующей церемонии один из тол-джало убил человека из клана юнис, по ошибке приняв его за члена

дийя-группы убийцы. Это привело к полномасштабной войне, и в течение следующих сорока восьми часов были убиты тринадцать человек из клана юнис и двадцать шесть из тол-джало. Война продолжалась еще год, пока старейшины обоих кланов не собрались под эгидой английской администрации, выступившей посредником, и не выработали удовлетворившее обе стороны решение (определенную систему обмена штрафами). Эти штрафы выплачивались в течение следующих трех лет.

Таким образом, выплата компенсации «за кровь» обеспечивалась угрозой продолжения насилия и возможным новым раундом кровной мести, однако даже после выплаты конфликт не всегда прекращался: обычно вражда лишь временно затухала, но затем вспыхивала вновь. Это было следствием того, что политическая власть в сомалийском обществе была как бы «размазана» среди всех взрослых мужчин почти на равных основаниях. Но в отсутствие централизованного государства, способного обеспечить общественный порядок, не говоря уж о гарантиях прав собственности, подобное распределение власти во все не вело к появлению инклюзивных институтов. Никто не признавал чьего-либо верховенства, и никто, в том числе и британские колониальные власти, когда они появились в Сомали, не был в состоянии навести

порядок в этом обществе. В отсутствие политической централизации Сомали не могла использовать преимущества промышленной революции. Невозможно было представить себе ни инвестора, который стал бы вкладывать деньги в новые технологии или заимствовать их из Британии, ни организатора, который был бы способен создать структуры, необходимые для этого заимствования.

У сложного политического устройства Сомали были и менее заметные последствия. Например, у сомалийцев имелась собственная письменность, однако они ею практически не пользовались (в отличие от соседей – жителей Эфиопии). Мы уже упоминали ранее о подобных технологических загадках африканской истории: например, до установления колониального владычества в XIX веке во многих африканских обществах не употреблялся колесный транспорт, а в сельском хозяйстве – плуг. Во многих случаях африканцам были известны эти орудия, однако они ими не пользовались. Мы видели на примере Королевства Конго, что это было вызвано главным образом тем, что экономические институты не создавали стимулов для усвоения новых технологий. Не здесь ли кроется и причина нежелания пользоваться письменностью?

Некоторое представление об этой проблеме можно получить, изучив Королевство Такали, распола-

гавшееся к северо-западу от Сомали, в Нубийских горах Южного Судана. Королевство образовалось в конце XVIII века, когда некоему Измаилу удалось объединить под своей властью несколько воинских отрядов, и сохраняло независимость до 1884 года, когда оно вошло в состав Британской империи. Короли и народ Такали были знакомы с арабской письменностью, но практически не пользовались ею – если не считать королевской и дипломатической переписки. Поначалу эта ситуация озадачивает. Традиционный взгляд историков на развитие письменности начиная со времен древней Месопотамии – это представление о том, что письменность распространялась по мере возникновения государств и была нужна прежде всего для записи различной хозяйственной информации, для нужд управления и сбора налогов. Неужели в государстве Такали во всем этом не было необходимости?

На этот вопрос попыталась ответить историк Джанет Эвальд, которая в конце 1970-х работала над реконструкцией истории Королевства Такали. Как выяснилось, частично странная ситуация с письменностью объяснялась тем, что население противилось использованию писанных документов, поскольку люди опасались, что эти документы будут использованы для контроля над ресурсами, такими как ценные

пастбища, и это позволит королю завладеть ими. Люди также боялись, что в результате записей возникнет более последовательное и более тяжелое налогообложение. Наследники Измаила не преуспели в построении сильного государства, хотя и стремились к этому. Государство было недостаточно авторитетным, чтобы суметь навязать свою волю подданным вопреки их желанию.

Однако были и другие, менее очевидные, но не менее важные факторы. Не только простые пастухи, но и вожди королевства Такали сопротивлялись политической централизации и предпочитали устное взаимодействие с подданными, потому что это предоставляло им максимально возможную свободу действий – ведь писанные законы и правила гораздо труднее (а иногда и вообще невозможно) отменить; непросто и отрицать само их существование. Писанные законы задают постоянные правила игры, а сильные мира сего хотят иметь возможность изменить эти правила в любой момент. Получалось, что ни масса населения, ни вожди Такали не видели в широком распространении письменности никаких преимуществ. Простые люди боялись, что власти могут использовать письменность в своих интересах, а сами властители видели в отсутствии письменности дополнительные гарантии собственного шаткого могущества. Про-

тивоедействие широкому распространению письменности было сознательной политикой государства Такали. Хотя для сомалийского общества институциональная, сформировавшаяся элита еще менее характерна, чем для Королевства Такали, вполне вероятно, что распространению грамотности (как и внедрению хотя бы самых элементарных новых технологий) у них препятствовали аналогичные силы.

Пример Сомали показывает, как недостаток политической централизации влияет на экономический рост. Мы ничего не знаем о попытках создать подобную централизацию в Сомали, однако ясно, что это было бы очень и очень непросто. Политическая централизация означала бы, что одни кланы должны будут находиться под контролем других. Но все кланы противились любому возвышению соперника и неизбежному при этом снижению собственного могущества. Равномерное распределение военной силы в обществе также затрудняло создание централизованных политических институтов. В сущности, стремление к централизованной власти со стороны одного из кланов не только встретило бы сильнейшее сопротивление со стороны других, но могло стоить этому клану потери уже имеющегося положения и влияния. В результате недостаток политической централизации и, как следствие, отсутствие даже самых элементарных

гарантий привели к тому, что сомалийское общество не имело никаких стимулов для развития технологий, повышающих производительность труда. Пока в конце XIX – начале XX века в других частях света шел полным ходом процесс индустриализации, сомалийцы непрерывно сражались друг с другом, все глубже погружаясь в пропасть экономической деградации.

Затянувшийся упадок

Промышленная революция создала в XIX веке и позже преобразующие точки перелома для всего мира: в тех странах, которые позволяли своим гражданам инвестировать в новые технологии и стимулировали эти инвестиции, начался быстрый экономический рост. Однако многие общества во всех концах мира не смогли преуспеть на этом пути – или сознательно выбрали иной путь. Государства, в которых преобладали экстрактивные политические и экономические институты, не создавали подобных стимулов. Испания и Эфиопия являют собой примеры того, как контроль абсолютной монархии над политическими институтами душил экономическую инициативу задолго до XIX столетия. Аналогичные результаты были и у других абсолютистских режимов – к примеру, у Австро-Венгерской, Российской и Османской империй, а также у Китая, тем более что в этих странах правители, боясь созидательного разрушения, не просто пренебрегали стимулированием экономического прогресса, но и прямо пытались заблокировать процесс индустриализации и внедрения новых технологий, которые она несла с собой.

Однако абсолютизм – это не единственная форма,

которую могут иметь экстрактивные политические институты, и не единственный фактор, препятствующий индустриализации. Инклюзивные политические и экономические институты, со своей стороны, нуждаются в определенном уровне политической централизации, когда государство обеспечивает законность и порядок, гарантирует соблюдение прав собственности и при необходимости поощряет экономическую активность, инвестируя средства в общественную инфраструктуру. Еще и сегодня во многих странах, таких как Афганистан, Гаити, Непал или Сомали, государство неспособно поддерживать даже элементарный порядок, а экономические стимулы полностью уничтожены. При этом политической централизации в подобных обществах противятся по тем же причинам, по каким абсолютистские режимы отвергают перемены: это зачастую вполне обоснованный страх, что изменения приведут к перераспределению власти и появлению новых правителей, новых доминирующих кланов и правящих элит. Точно так же, как абсолютизм блокирует движение к плюрализму и экономические перемены, действуют и традиционные элиты и кланы, царящие в нецентрализованных обществах. Поэтому именно те страны, в которых в XVIII–XIX веках наблюдался дефицит политической централизации, оказались в особенно невыгодном положении к началу про-

мышленной эры.

Поскольку воспользоваться преимуществами индустриализации не смогли самые разнообразные формы экстрактивных институтов – от абсолютных монархий до нецентрализованных обществ, точка перелома, созданная промышленной революцией, оказала совершенно различное воздействие на различные регионы земного шара. Как будет показано в главе 10, те общества, которые к тому моменту уже предприняли определенные шаги в сторону формирования инклюзивных институтов (такие как США или Австралия), и те, которые бросили серьезный вызов абсолютизму (например, Франция или Япония), воспользовались преимуществами новых экономических возможностей и вступили на путь быстрого экономического роста. Таким образом, в XIX веке вновь была реализована уже известная нам схема влияния точек перелома на существующие различия в институтах – влияния, которое вело ко все большему институциональному и экономическому расхождению, причем на сей раз с куда бóльшим размахом и с более фундаментальными последствиями для уровня благосостояния или бедности этих стран.

Глава 9

Развитие вспять

Пряности и геноцид

Молуккский архипелаг, входящий в состав современной Индонезии, состоит из трех групп островов. В начале XVII века на северных Молуккских островах существовали независимые султанаты Тидоре, Тернате и Бакан. В центре архипелага располагалось островное государство Амбон. А на юге находились острова Банда – маленький архипелаг, в то время не имевший определенной политической принадлежности. Хотя сейчас Молуккские острова кажутся нам весьма удаленным регионом, в то время они были центральным узлом международной торговли, так как только здесь выращивались такие ценные специи, как гвоздика и мускатный орех, при этом мускатный орех во всем мире рос только на островах Банда. Жители этих островов производили и экспортировали редкие приправы, получая взамен продукты и ремесленные товары с острова Ява, со складов Малакки на Малайском полуострове, а также из Индии, Китая и Аравии.

Первый контакт островитян с европейцами произошел в XVI веке, когда португальские моряки прибыли сюда для покупки пряностей. До этого специи шли в Европу через Среднюю Азию и Ближний Восток, по торговым путям, которые к этому времени контролировала Османская империя. Чтобы получить прямой доступ к Островам пряностей, европейцы искали морской путь вокруг Африки или через Атлантический океан. Первым мыс Доброй Надежды смог обогнуть португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш в 1488 году, а до западного побережья Индии вскоре добрался его соотечественник Васко да Гама (1498). Теперь у европейцев был собственный, независимый от турок, путь к Островам пряностей.

Португальцы немедленно попытались поставить всю торговлю специями под свой контроль и в 1511 году захватили Малакку. Этот стратегический порт в западной части Малайского полуострова притягивал торговцев со всей Юго-Восточной Азии: здесь они продавали товары индийским, китайским и арабским купцам, а те уже отправлялись с ними на Запад. Португальский путешественник Томе Пиреш писал в 1515 году:

«В Малакке происходит обмен и торговля между различными народами, живущими в тысячах миль друг от друга... Всякий, кто

станет повелителем Малакки, возьмет за горло Венецию».

Когда Малакка оказалась в их руках, португальцы попытались монополизировать прибыльную торговлю пряностями, однако не преуспели в этом. Конкуренты, которых они здесь встретили, оказались им не по зубам.

В XIV–XVI веках Юго-Восточная Азия благодаря торговле специями испытывала заметный экономический рост. Быстро развивающиеся города-государства, такие как Ачех, Бантен, Малакка, Макасар, Пегу и Бруней, производили и экспортировали пряности наряду с другими продуктами, например твердыми породами дерева.

Формы правления в этих государствах были абсолютистскими, схожими с теми, что бытовали в то же время в Европе. Развитие политических институтов, а также экономическое развитие, включая технологические новшества в военном деле и международную торговлю, находилось под влиянием сходных процессов. Государственные институты становились все более централизованными, и монарх, претендовавший на абсолютную власть, сосредоточивал в своих руках все больше рычагов правления. Как и абсолютистские правители Европы, монархи Юго-Восточной Азии очень рассчитывали на доходы от международ-

ной торговли, сами участвуя в ней и обеспечивая монополию местным и иностранным элитам. В абсолютистской Европе такая политика привела к определенному экономическому росту, но для долговременного экономического благополучия она была не самым лучшим выбором, так как предполагала весьма высокие барьеры для входа на рынок и недостаточные гарантии прав собственности для большинства игроков. Однако процесс развития торговли продолжался в Юго-Восточной Азии даже в то самое время, когда португальцы пытались установить свои правила игры в Индийском океане.

Карта 14. Юго-Восточная Азия, Острова пряностей, Амбон и Банда в 1600 г. (Указаны современные границы государств)

Присутствие европейцев стало значительно более заметным и имело гораздо более важные последствия, когда португальцев сменили голландцы. Они быстро поняли, что монополия на доставку в Европу ценных пряностей Молуккских островов может принести куда больше выгоды, чем торговля в условиях конкуренции с другими купцами в регионе – будь то

местными или европейскими. В 1600 году они убедили правителя острова Амбон подписать договор, который предоставлял голландцам монополию на торговлю гвоздикой. После основания Голландской Ост-Индской компании (1602) голландцы продолжали попытки прибрать к рукам всю торговлю пряностями и любой ценой уничтожить конкурентов. Эти попытки шли на пользу Голландии, но во вред странам Юго-Восточной Азии.

Голландская Ост-Индская компания была вторым в истории Европы акционерным обществом, возникшим вслед за Английской Ост-Индской компанией. Оба предприятия сыграли важную роль в историческом развитии современных корпораций, а также в промышленном развитии Европы. Как и Английская, Голландская Ост-Индская компания располагала собственной армией и имела полномочия объявлять войну и захватывать новые земли. Используя военную мощь компании, голландцы успешно устранили всех потенциальных конкурентов, мешавших им реализовать монопольный договор с правителем Амбона. В 1605 году голландцы захватили ключевой форт португальцев и депортировали оттуда всех торговцев. Затем они двинулись на север Молуккского архипелага, принудив правителей островов Тидоре, Тернате и Бакан дать обязательство, что в их владениях не бу-

дет выращиваться и продаваться гвоздика. Договор, подписанный с султаном Тернате, даже позволял голландцам уничтожать гвоздичные деревья, если они обнаружат их на острове.

Амбон управлялся примерно так же, как большинство стран Европы и Америки того времени. Население должно было платить подати правителю и выполнять для него обязательные работы. Голландцы переняли и упрочили эту систему, стараясь выжать из местного населения как можно больше трудовых усилий, а из острова в целом – как можно больше гвоздики. До прихода голландцев правители Амбона облагали натуральной податью гвоздикой большие семейные общины. Голландцы установили порядок, согласно которому выращивать определенное количество гвоздики обязано было каждое домохозяйство. Помимо этого, каждое домохозяйство должно было выполнять для голландцев и другие принудительные работы.

Голландцы также захватили острова Банда, что позволило им установить монополию на торговлю мускатным орехом. Но политическое устройство островов Банда было не таким, как на Амбоне: на этих островах имелось множество небольших независимых городов-государств, не связанных никакой иерархией. Эти государства, которые на самом деле пред-

ставляли собой просто маленькие городки, управлялись общим собранием граждан. Там не было ни центральной власти, с которой голландцы могли бы договориться о монополии, ни налоговой системы, с помощью которой они могли бы захватить весь мускат. Значит, голландцам придется конкурировать здесь с английскими, португальскими, индийскими и китайскими купцами, и они не получат пряностей, если они не смогут дать за них более высокую цену, чем конкуренты.

Первоначальные надежды на монополию рухнули, и тогда губернатор Голландской Ост-Индии Ян Питерсон Кун выдвинул альтернативный план. В 1618 году Кун основал на острове Ява крепость Батавию – новую столицу Голландской Ост-Индской компании. В 1621 году он прибыл на архипелаг Банда с военным флотом и вырезал почти все население островов – вероятно, около пятнадцати тысяч человек. Все вожди были убиты вместе со своим подданными, в живых осталось совсем немного народу – ровно столько, сколько было нужно, чтобы сохранить технологию выращивания мускатного ореха и производства мациса.³⁴ После завершения этой бойни Куну легко было выстроить политическую и экономическую инфра-

³⁴ Производное (высушенный присемянник) мускатного ореха, «мускатный цвет». Мацис и собственно мускатный орех (семя того же растения) имеют разный вкус и запах и считаются разными пряностями.

структуру, оптимальную для эксплуатации плантаций. Острова были поделены на шестьдесят восемь округов, которые были отданы в управление шестидесяти восьми голландцам – по большей части бывшим и действующим служащим Ост-Индской компании. Эти шестьдесят восемь новых плантаторов научились у выживших жителей архипелага технике выращивания и производства пряностей. Они также получили право по льготным ценам купить у Ост-Индской компании рабов, чтобы заселить опустошенные острова и производить пряности, которые затем обязаны были по фиксированным ценам продавать компании.

Экстрактивные институты, созданные голландцами на Островах пряностей, начали работать, хотя островам Банда это стоило пятнадцати тысяч невинных жизней, а голландское владычество обрекло острова на отсталость. К концу XVII века голландцы сократили поставки специй примерно на 60 %, в результате чего цена на мускат подскочила вдвое.

Впоследствии Голландия распространила стратегию, опробованную на Молуккских островах, на весь регион, и это имело серьезные последствия для развития экономических и политических институтов во всей остальной Юго-Восточной Азии. Длительная коммерческая экспансия нескольких государств региона, начавшаяся в XIV веке, была остановлена. Даже

те страны Юго-Восточной Азии, которые не были прямо колонизированы Голландской Ост-Индской компанией, оказались в изоляции и были лишены доступа к международной торговле. Намечавшиеся экономические и политические перемены в Юго-Восточной Азии были загублены в зародыше.

Чтобы избежать агрессии Голландской Ост-Индской компании, некоторые местные князьки вообще перестали выращивать любые экспортные культуры и прекратили всякую коммерческую активность. Автаркия стала еще более полной, чем до прихода голландцев. В 1620 году правитель государства Бантен на острове Ява приказал вырубить все перечные деревья в своих владениях в надежде, что теперь голландцы оставят его в покое. Когда в 1686 году один голландский купец посетил остров Магинданао на юге Филиппинского архипелага, местные жители рассказали ему: «Здесь можно так же выращивать мускат и гвоздику, как и в Малакке. Но их здесь нет сейчас, потому что старый раджа перед смертью велел уничтожить их полностью. Он боялся, что голландская компания придет сюда войной из-за них».

То же самое слышал другой европейский торговец о правителе филиппинского острова Магинданао уже в 1699 году: «Он запретил нам сажать перечные деревья, чтобы нам не пришлось воевать с компанией

или с другими могущественными силами».

В прибрежных районах Юго-Восточной Азии приходили в упадок города и даже началось сокращение численности населения. В 1635 году бирманцы перенесли свою столицу из лежащего на побережье города Пегу в город Ава, находящийся далеко в глубине страны, на берегах реки Иравади.

Мы не знаем, по какому пути пошло бы развитие государств Юго-Восточной Азии, не случись голландской агрессии. Возможно, в них укрепились бы свои собственные формы абсолютизма, а может быть, они еще долго пребывали бы в том же политическом состоянии, что и в конце XVI века. Или они могли продолжить движение по пути развития международной торговли, шаг за шагом выстраивая все более инклюзивные институты. Но голландский колониализм в корне изменил направление экономического и политического развития и Молуккских островов, и всего этого региона. Народы Юго-Восточной Азии отвергли деловую активность, стали склоняться к изоляционизму и ко все более абсолютистским формам правления. В течение следующих двух веков у них не было никаких шансов воспользоваться преимуществами тех инноваций, которые распространялись по всему миру в ходе промышленной революции. Ну и наконец, даже если они отказывались от торговли, это еще не

могло избавить их от европейцев – и к концу XVIII века практически все территории региона вошли в состав европейских колониальных империй.

В главе 7 мы видели, как европейская атлантическая экспансия подстегнула развитие инклюзивных институтов в Британии. Но, как показывает пример Молуккских островов под властью голландцев, подобная экспансия могла также заложить основы экономической отсталости в самых разных уголках мира, насадив там экстрактивные институты или способствуя усилению уже имевшихся. Экспансия европейцев могла прямо или косвенно вредить зарождавшейся международной торговле и промышленности в разных регионах земного шара либо вести к укреплению тех институтов, которые препятствовали индустриализации. Как следствие этого, пока в некоторых частях света быстро развивалась промышленность, регионы, ставшие частью европейских колониальных империй, были лишены возможности воспользоваться преимуществами от развития новых технологий.

Слишком уж обычный институт

Распространение европейского военно-морского и коммерческого влияния в Юго-Восточной Азии на заре Нового времени положило конец многообещающему периоду экономического расширения и институциональных перемен в этом регионе. В то же самое время, когда Голландская Ост-Индская компания развивала свою торговлю пряностями, в Африке происходило становление иного вида торговой деятельности – работорговли.

Рабство в южных штатах США часто называют «специфическим институтом». Однако исторически, как отмечает великий исследователь античности Мо-зес Финли, ничего специфического в рабстве нет, оно свойственно практически всем обществам. Оно независимо появилось, как мы уже видели раньше, и в Древнем Риме, и в Африке, которая длительное время была главным – хотя и не единственным – источником рабов для Европы.

В римскую эпоху рабы поставлялись в основном с побережья Балтийского моря, населенного племенами славян, с Ближнего Востока и из Северной Европы. Однако к началу XV века европейцы перестали обращать в рабство друг друга. С другой стороны, Аф-

рика к этому моменту так и не перешла в своем развитии от рабовладения к системе крепостного права, как это было в средневековой Европе. До самого начала Нового времени в Восточной Африке шла оживленная торговля людьми, и огромное количество рабов переправлялось через Сахару на Аравийский полуостров. Более того, обширные средневековые государства Западной Африки: Мали, Гана и Сонгаи – широко использовали рабов в органах управления, в армии и в сельском хозяйстве, переняв эту практику у мусульманских стран Магриба, с которыми они торговали.

Развитие сахарных плантаций в карибских колониях в начале XVII века привело к резкому расширению международной работорговли и к беспрецедентному росту удельного веса этого вида торговли в экономике самой Африки. В XVI веке за Атлантический океан было вывезено около 300 000 рабов. По большей части они были родом из Центральной Африки, а вывозили их главным образом из Конго и португальской базы к югу от этой колонии – из Луанды, нынешней столицы Анголы. В это время объемы транссахарской работорговли все еще превышают объемы трансатлантической – за то же время на север в качестве рабов отправались 550 000 африканцев. Ситуация меняется в XVII столетии, когда около 1 350 000 жителей конти-

нента были проданы в рабство за Атлантический океан, и большинство из них оказались в Северной и Южной Америке. Количество же рабов, отправляемых через Сахару, осталось примерно на прежнем уровне. В XIX столетии очередной скачок – 6 000 000 рабов пересекло Атлантику, и всего лишь 700 000 – Сахару. Если сложить данные по всем частям Африки за весь этот период, мы получим свыше 10 000 000 африканцев, которые были вывезены с континента в качестве рабов.

Карта 15 (стр. 252) дает представление о масштабах работорговли. В рамках современных государственных границ она отображает приблизительную оценку ее объемов в XV–XIX веках в процентах к численности населения соответствующей территории на 1400 год. Чем темнее цвет, тем более интенсивной была работорговля. К примеру, в Анголе, Бенине, Гане и Того общий экспорт рабов за весь период превысил численность населения этих стран на 1400 год.

Внезапное появление по всему побережью Западной и Центральной Африки европейцев, рыщущих в поисках рабов, не могло не привести к переменам в африканских обществах. Большинство рабов, предназначенных для переправки в Америку, были захвачены в ходе войн и затем доставлены на побережье. Рост военной активности подпитывался и масштаб-

ным импортом огнестрельного оружия и боеприпасов, на которые европейцы выменивали рабов. К 1730 году на западноафриканское побережье поставлялось по 180 000 ружей ежегодно, а с 1750 года до начала XIX века только британцы продавали здесь от 283 000 до 394 000 ружей каждый год. В 1750–1807 годах англичане продали африканцам также небывалое количество пороха – 22 000 тонн, в среднем же они сбывали его по 384 тонны в год плюс 91 тонну свинца ежегодно. Не менее бойко торговля шла и в Экваториальной Африке. На побережье Лоанго на севере королевства Конго европейцы продавали ежегодно по 50 000 ружей.

Все эти войны не только несли с собой смерть и страдания, но и заложили основу специфического развития Африки. До начала Нового времени африканские общества отличались меньшей централизацией, чем евразийские. Большинство этих обществ представляли собой небольшие группы, во главе которых стояли племенные вожди или в крайнем случае царьки, контролировавшие землю и прочие ресурсы. Многие общества, как мы видели на примере Сомали, вообще не имели никакой политической иерархии. Работорговля запустила два разнонаправленных политических процесса. Во-первых, многие африканские общества стали более абсолютистскими, и эта

реорганизация преследовала одну цель: захватывать и продавать европейцам своих соплеменников или представителей других групп. Во-вторых – как следствие первого процесса, хотя и парадоксальным образом в противовес ему, – войны и работорговля в конечном счете разрушали любой порядок и любую легитимную государственную власть, существовавшие в Черной Африке.

Карта 15. Вывоз рабов из Африки

Помимо масштабных военных действий, рабов захватывали и в ходе мелких набегов. Даже закон превратился в один из инструментов порабощения: неважно, какое преступление вы совершили, наказанием за него в любом случае было порабощение. Английский торговец Фрэнсис Мур наблюдал послед-

ствия этого на побережье Сенегамбии в Западной Африке в 1730-х годах:

«С тех пор как здесь в ходу работорговля, все наказания были заменены на продажу в рабство; учитывая выгоду от подобных приговоров, они очень сильно расширяют понятие преступления, чтобы можно было получить больше прибыли от продажи преступника. Не только убийство, кража или прелюбодеяние караются продажей в рабство, но и совсем ничтожные проступки влекут за собой такое же наказание».

Все институты, в том числе и религиозные, были развращены соблазном захватить и продать раба. Примером может послужить знаменитый оракул в Арочукву, на востоке Нигерии. Согласно местным верованиям, через этот оракул выражалась воля влиятельного божества, которого признавали большинство этнических групп региона: иджо, ибибио и игбо. К оракулу прибегали, когда было необходимо рассудить какой-либо спор. Истцы, прибывшие в Арочукву, должны были спуститься из города к реке Кросс-ривер, к пещере, вход в которую был обрамлен человеческими черепами. В пещере находился оракул. Жрецы святилища, которые были в сговоре с работорговцами и купцами из племени аро, оглашали волю божества. Частенько случалось, что оракул «проглатыв-

вал» человека: на самом деле истца выводили из пещеры через другой вход и отправляли вниз по Кросс-ривер к тому месту, где ждали корабли европейцев.

Подобные процессы, в ходе которых все законы и обычаи бывали попораны и извращены ради захвата как можно большего количества рабов, оказали самое разрушительное действие на политическую централизацию (хотя в некоторых местах они, наоборот, привели к созданию сильных государств, единственным смыслом существования которых было опять же только одно – захват и продажа рабов). Королевство Конго, вероятно, можно считать первой африканской страной, начавшей процесс превращения в государство работорговцев – и этот процесс продолжался вплоть до того момента, пока оно не было разрушено гражданской войной. Другие государства работорговцев возникли в Западной Африке – Ойо в Нигерии, Дагомея в Бенине, а чуть позже – Ашанти в Гане.

Расширение империи Ойо в середине XVII века привело к немедленному увеличению экспорта рабов на побережье. Усиление этого государства стало результатом переворота в военном деле, который заключался в том, что правители Ойо завезли с севера лошадей и создали мощную кавалерию, которая производила опустошение в рядах пешего противника. По мере экспансии Ойо на юг, в сторону побережья

Гвинейского залива, захватывались лежащие на пути государственные образования, а их жители продавались в рабство. В 1690–1740 годах Ойо установило свою монополию на протяжении всего Невольничьего берега.³⁵ Согласно приблизительным оценкам, от 80 до 90 % рабов, проданных на этом побережье, были жертвами захватнических походов Ойо.

Подобная драматическая взаимосвязь между войной и количеством рабов прослеживается в XVIII веке и западнее, на Золотом берегу (современная Гана). После 1700 года государство Ашанти начало экспансию из внутренних областей подобно тому, как это ранее происходило с государством Ойо. В течение первой половины XVIII столетия эта экспансия вылилась в так называемые Аканские войны, в ходе которых Ашанти уничтожало одно независимое государственное образование за другим. Последнее из этих государств, Гиаман, было завоевано в 1747 году. Подавляющее большинство из 375 000 рабов, отправленных с Золотого берега в первой половине XVIII века, были захвачены именно во время Аканских войн.

Очевидно, что это насильственное изъятие многих тысяч местных жителей оказало самое серьезное влияние на демографию. Невозможно выяснить точ-

³⁵ *Slave Coast* – берег залива Бенин и прибрежные районы современного Того, Бенина и Западной Нигерии.

но, каково было количество населения Африки до начала Нового времени, однако ученые делают различные более или менее правдоподобные оценки демографических последствий работорговли. По мнению историка Патрика Меннинга, численность населения районов Западной Африки и побережья Экваториальной Африки, откуда поставлялись на экспорт рабы, в начале XVIII столетия составляло от 22 до 25 миллионов человек. Исходя из консервативной оценки, согласно которой население этого региона, не будь работорговли, росло бы в XVIII – начале XIX века на 0,5 % в год, Меннинг делает вывод, что к 1850 году его численность должна была составлять по меньшей мере 46–53 миллиона. Но на самом деле эта численность оказалась вдвое меньше.

Причины этой катастрофической разницы заключаются не только в том, что с 1700 по 1850 год около восьми миллионов человек были вывезены из региона в качестве рабов. Еще миллионы были убиты в ходе непрерывных войн, которые велись с целью захвата рабов. Кроме того, рабство и работорговля в Африке подрывали основы семьи и брака и могли привести только к снижению рождаемости.

С конца XVIII века в Британии нарастает движение за освобождение рабов, вождем которого становится харизматичный аболиционист Уильям Уилбер-

форс. После череды неудач аболиционисты в 1807 году все-таки добились того, что британский парламент принял закон о запрете работорговли. В следующем году за Британией последовали Соединенные Штаты. Однако британское правительство пошло дальше: оно активно попыталось воплотить этот закон в жизнь и направило в Атлантику военные корабли, чтобы пресечь работорговлю. Для того чтобы эти меры возымели эффект, потребуется некоторое время, да и само рабство во всей Британской империи будет запрещено лишь в 1834 году, однако с этого момента дни атлантической работорговли были сочтены.

Несмотря на то, что закат работорговли после 1807 года привел к постепенному снижению спроса на рабов на африканском побережье, это вовсе не означало, что само влияние рабства на африканские общества и институты вдруг волшебным образом исчезло. Многие африканские государства были построены именно вокруг процесса работорговли, и британцы, положившие конец последней, не могли изменить этого обстоятельства. Мало того, внутри самой Африки рабство получило еще более широкое распространение, и в конечном счете оно формировало пути развития континента не только до, но и после 1807 года.

На место рабству пришла так называемая «узаконенная торговля» (*legitimate commerce*) – этот термин

был придуман для описания экспорта из Африки новых товаров, не запрещенных законом о работорговле. Такими товарами были пальмовое масло и кокосовый орех, арахис, слоновая кость, каучук и гуммиарабик. По мере роста доходов европейцев и североамериканцев с распространением промышленной революции возрастал и спрос на эти продукты. Африканские же элиты, как и в случае с работорговлей, постарались выжать все возможные выгоды из «узаконенной торговли». Однако им приходилось делать это в весьма специфических обстоятельствах: рабство давно стало обыденным фактом общественной жизни, но внешний спрос на рабов резко упал. Что же делать со всеми этими рабами, если их нельзя уже продать европейцам? Ответ очевиден: их можно с выгодой заставить работать здесь же, в Африке, на производстве новых товаров для экспортной «узаконенной торговли».

Лучше всего с этой точки зрения изучен пример империи Ашанти (на территории нынешней Ганы). До 1807 года это государство самым тесным образом участвовало в процессе захвата и экспорта рабов, которых переправляли на побережье и выставляли на продажу на рынках в одном из больших «невольничьих фортов» – в Кейп-Косте или Эльмине. После 1807 года, когда такая возможность исчезла, полити-

ческая элита империи Ашанти приступила к реорганизации экономики. В действительности ни рабство, ни работорговля никуда не исчезли, просто рабы теперь были расселены на обширных плантациях вокруг столичного города Кумаси, а затем и по всей империи (территория которой примерно соответствовала внутренним областям нынешней Ганы). Рабы трудились в золотодобыче и выращивании орехов кола, в производстве разнообразных пищевых продуктов, а также интенсивно использовались в качестве носильщиков, так как в Ашанти не был распространен колесный транспорт. К востоку от Ашанти тоже происходили подобные изменения. К примеру, в Дагомее обширные плантации пальмового масла возле портов Уида и Порто-Ново, принадлежавшие королю, обрабатывались рабским трудом.

Так запрет работорговли вместо того, чтобы привести к исчезновению рабства в Африке, привел всего лишь к «перепрофилированию» рабов, чей труд нашел теперь применение тут же в Африке, а не в Америке. Более того, многие из политических институтов, созданных в эпоху работорговли в течение двух предыдущих столетий, сохранились неизменными, а соответственные схемы поведения продолжали существовать. Например, в Нигерии в 1820–1830-х годах прекратило свое существование некогда могуще-

ственное Королевство Ойо. Падение Ойо было вызвано гражданскими войнами и возвышением других городов-государств народа йоруба к югу от Ойо, таких как Илорин и Ибадан. Все эти государства также активно участвовали в работоторговле. В 1830-х годах столица империи Ойо была разграблена, и города йоруба стали воевать с Королевством Дагомея за первенство в регионе. Всю первую половину столетия шли почти постоянные войны, и в них захватывалось огромное количество рабов. Тем временем шли своим чередом и похищения людей, и приговоры оракулов, и мелкие захватнические рейды. Похищения стали в Нигерии таким обычным делом, что родители не позволяли детям играть вне хижин из страха, что их схватят и продадут в рабство.

В результате рабство, на смену которому так и не пришли договорные трудовые отношения, оставалось в ходу в Африке на протяжении всего XIX века. Точные цифры получить вряд ли возможно, однако, судя по многочисленным отчетам путешественников и торговцев, в западноафриканских королевствах Ашанти и Дагомея, так же как и в городах-государствах йоруба, едва ли не половину населения составляли рабы. Более надежные данные можно извлечь из архива французских колониальных властей Западного Судана, то есть территории, включавшей в се-

бя части современных Сенегала, Мали, Буркина-Фасо, Нигера и Чада. В этом регионе в 1900 году 30 % населения были рабами.

Учреждение колониальной администрации после «схватки за Африку» – как и переход к «законной торговле» в свое время – также не привело к уничтожению рабства на Черном континенте. Хотя большинство эпизодов военного вмешательства европейцев в африканские дела происходило под предлогом борьбы с рабством и освобождения рабов, ситуация менялась медленно. В большинстве регионов колониальной Африки рабство продержалось как минимум до начала XX века. В Сьерра-Леоне, например, оно было официально отменено лишь в 1922 году, даже несмотря на то, что столица страны Фритаун была основана в конце XVIII века именно в качестве пристанища для освобожденных рабов, репатриированных на родину из Америки. Затем Фритаун стал важной базой британской эскадры, занимавшейся борьбой с работорговцами, сюда же британские моряки доставляли рабов, обнаруженных на борту захваченных судов работорговцев. Несмотря на все эти символические обстоятельства, рабство в Сьерра-Леоне продержалось еще почти сто лет после того, как было законодательно запрещено в Британской империи.

Лежащая к югу от Сьерра-Леоне республика Либере

рия также была основана в 1840 году как дом для освобожденных американских рабов. Но и здесь рабство дожило до середины XX столетия. По некоторым оценкам, даже в 1960-е годы четверть всей рабочей силы в стране составляли подневольные батраки, жившие и работавшие в условиях, не отличающихся от рабских.

Учитывая экстрактивные экономические и политические институты, основанные на работорговле, индустриализация не получила распространения в Черной Африке. Этот регион переживал застой и даже регресс, в то время как другие части света реформировали свои новые, современные экономики.

Становление двойственной экономики

Концепция «двойственной экономики», впервые предложенная в 1955 году сэром Артуром Льюисом, до сих пор оказывает влияние на взгляды большинства ученых, изучающих проблемы слаборазвитых стран. Согласно Льюису, для многих слаборазвитых или недостаточно развитых экономик характерна двойственная структура, деление на «современный» и «традиционный» секторы. Современный сектор, то есть наиболее развитая часть экономики, связан с городом, современной индустрией и использованием технологических новшеств. Традиционный сектор связан с деревней, сельским хозяйством, отсталыми институтами и технологиями. Один из этих отсталых институтов в сельском хозяйстве – общинная (а не частная) земельная собственность. В традиционном секторе, согласно Льюису, рабочая сила используется настолько неэффективно, что ее можно перебрасывать в современный сектор без снижения продуктивности сельского хозяйства. Для целого поколения специалистов по экономике развития, выросших на идеях Льюиса, «проблема развития» решается просто: надо лишь переместить людей и сред-

ства из традиционного сектора (сельское хозяйство, деревня) в современный сектор (промышленность и города). В 1979 году Льюис получил Нобелевскую премию за свои работы по экономике развития.

Льюис и его последователи были по большей части правы в своем определении двойственных экономик. Южно-Африканская Республика может служить одним из наиболее показательных примеров такой экономики. Пропасть, разделяющая отсталый, бедный традиционный сектор и богатый современный, здесь особенно наглядна. Двойственную экономику, если использовать определение Льюиса, можно наблюдать в Южной Африке повсюду. Один из самых драматических способов убедиться в этом – пересечь границу провинций Квазулу-Натал (бывшей Натал) и Транскей. Граница между провинциями проходит по реке Большой Кей. К востоку от реки, в Натале, стоят богатые прибрежные виллы, дальше простираются территории, покрытые плантациями сочного сахарного тростника. Дороги великолепны, вся местность так и дышит процветанием.

За рекой же все выглядит так, как будто вы попали в другое время и в другую страну. Местность опустошена, она не зеленая, а коричневая, поскольку полностью лишена растительности. Вместо прекрасных современных домов с водопроводом, канализа-

цией и прочими современными удобствами люди живут в примитивных хижинах, а пищу готовят на кострах. Уклад жизни здесь традиционный, бесконечно далекий от образа жизни на восточном берегу реки.

Теперь нас уже не удивит, что эта разница связана с различиями экономических институтов по обе стороны реки. На восточном берегу мы обнаруживаем частную собственность, функционирующую судебную систему, рынки, коммерческое сельское хозяйство, промышленность. На западном берегу, в провинции Транскей, господствует общинная собственность на землю, всем заправляют всемогущие вплоть до недавнего времени вожди. Если смотреть на это через призму льюисовской теории двойственной экономики, то контраст между двумя провинциями иллюстрирует общие проблемы развития Африки. В действительности мы можем пойти еще дальше, констатируя, что в историческом смысле вся Африка подобна провинции Транскей, где к бедности приводят работа допотопных экономических институтов, отсталые технологии и власть племенных вождей. Итак, в соответствии с этой теорией, экономическое развитие в данном случае означало бы просто превращение Транскея в Натал.

Концепция Льюиса во многом верна, однако она упускает из виду общую логику становления двой-

ственной экономики и ее отношения с экономикой современной. Отсталость Транскея – это не следствие естественной исторической отсталости Африканского континента. Различия в экономике Транскея и Наталя – ситуация, сложившаяся относительно недавно, и она вовсе не естественного происхождения. Эта ситуация была сознательно создана южноафриканской белой элитой для того, чтобы иметь источник дешевой рабочей силы для собственного бизнеса и возможность избавиться от конкуренции со стороны черных африканцев. Двойственная экономика – это еще один пример отставания, но сложившегося не естественным образом в течение столетий, а искусственно созданного.

Южно-Африканская Республика и Ботсвана, как мы увидим ниже, избежали большей части вредных последствий работорговли и войн, которые она с собой несла. Обширные контакты коренных жителей Южной Африки с европейцами начались, когда Голландская Ост-Индская компания в 1652 году основала свою первую базу в Столовой бухте (ныне гавань Кейптауна). В это время западная часть Южной Африки была населена очень редко, по большей части готтентотскими племенами охотников и собирателей. Далее на восток – там, где сейчас находятся провинции Сискей и Транскей, – обитали многочисленные племена,

занимавшиеся сельским хозяйством. Первоначально они не имели интенсивных связей с новой голландской колонией и не были втянуты в работоторговлю. Южноафриканское побережье лежало далеко от традиционных рынков работоторговли, а народ коса, населявший территорию провинций Сискей и Транскей, жил на достаточном удалении от береговой линии, чтобы не привлекать к себе внимания. Поэтому эти общества не испытали на себе действия многих напастей, поразивших Западную и побережье Центральной Африки.

Изоляция этих областей закончилась в XIX веке. Для европейцев климатические условия и эпидемиологическая ситуация в Южной Африке оказались весьма привлекательными. В отличие от той же Западной Африки, климат южной части континента был умеренным, а такие тропические болезни, как малярия или желтая лихорадка, превратившие большую часть Африки в «кладбище белого человека» и сильно затруднявшие поселение там европейцев на постоянной основе, были распространены гораздо меньше. В целом Южная Африка была куда более благоприятным местом для европейских поселенцев.

Экспансия вглубь страны началась вскоре после того, как англичане в ходе наполеоновских войн отняли Кейптаун у голландцев. За этим последовала че-

реда так называемых Кафрских войн, которые шли по мере того, как голландские поселенцы продвигались все дальше вглубь континента. Проникновение во внутренние области Южной Африки стало более интенсивным в 1835 году, когда оставшиеся здесь европейцы голландского происхождения, называвшиеся теперь африканерами или бурами, начали свою знаменитую массовую миграцию, получившую впоследствии известность как «Великий трек». Целью «Великого трека» был уход из прибрежной зоны, в том числе окрестностей Кейптауна, попавших под британское управление. Впоследствии африканеры основали два независимых государства во внутренних областях юга Африки – Оранжевую республику и Трансвааль.

Следующая эпоха в развитии Южной Африки наступила с открытием в 1867 году значительных месторождений алмазов в Кимберли, а в 1886 году – крупных залежей золота в Йоханнесбурге. Эти огромные минеральные богатства немедленно побудили англичан распространить свой контроль на всю территорию Южной Африки. Сопrotивление этому процессу со стороны Оранжевой республики и Трансвааля привело к знаменитым англо-бурским войнам в 1880–1881 и 1899–1902 годах. После неожиданного поражения на первом этапе военных действий Британии в конце

концов все же удалось присоединить государства африканеров к Капской провинции и Наталу, и в 1910 году был образован Южно-Африканский Союз.

Помимо борьбы между африканерами и англичанами, на развитие региона оказало влияние и становление горнодобывающей промышленности, а также увеличение числа европейских поселений. Особенно заметно это влияние проявлялось в росте спроса на продукты питания, а это создавало новые экономические возможности для коренных африканцев как в сельском хозяйстве, так и в торговле. Как показывает историк Колин Банди, народ коса в Сискее и Транскее отреагировал на эти экономические возможности очень быстро. Уже в 1832 году, еще до начала золотой лихорадки, один моравский миссионер в Транскее отметил небывалую экономическую активность в провинции и все возрастающий спрос со стороны африканцев на новые потребительские товары, которые появились вместе с европейцами. Он писал:

«Чтобы получить все эти вещи, они старались... раздобыть денег своим трудом и приобрести одежду, холодное оружие, плуги, фургоны и другие полезные предметы».

Гражданский инспектор Джон Хемминг, описывая свой визит в Финголенд (район Сискея) в 1876 году, отмечает те же процессы:

«Я был изумлен улучшениями, которых племя финго добилось за последние несколько лет... Где бы я ни проходил, я везде обнаруживал основательные хижины и кирпичные или каменные постройки. Во многих случаях были возведены кирпичные дома... и высажены фруктовые деревья; везде, где запасы воды давали такую возможность, вода была проведена для ирригации культивируемой земли; склоны холмов и даже гор обрабатывались везде, где мог пройти плуг. Обширность полей поразила меня, я много лет уже не видел такого количества обрабатываемой земли».

Как и в других частях Черной Африки, плуг был определенной новинкой, однако, как выяснилось, африканские земледельцы вполне готовы при возможности перенять эту технологию. Они были подготовлены и к тому, чтобы инвестировать в фургоны и ирригационные работы.

С развитием сельскохозяйственной экономики жесткие племенные институты стали отходить на второй план. Есть также множество свидетельств перемен в формах собственности на землю. В 1879 году некий чиновник в Умзимкулу (область в провинции Транскей) отмечал «растущее желание части коренных жителей стать собственниками земли – они уже приобрели 38 000 акров». Три года спустя он же запи-

сал, что около восьми тысяч африканцев в округе купили и стали обрабатывать 90 000 акров земли.

Южная Африка, конечно, не была на переднем крае промышленной революции, однако и здесь изменения шли своим чередом. Частная собственность на землю подрывала власть вождей и побуждала все новых людей покупать землю, чтобы увеличить свое благосостояние, – нечто неслыханное еще несколько десятилетий назад. Этот процесс показывает, как быстро ослабление экстрактивных институтов и системы абсолютистского управления может привести к проявлению экономического динамизма. Один из примеров успеха – история Стефана Санджика из Сискея, фермера и выходца из самых бедных слоев общества. В одном из своих выступлений в 1911 году Санджика рассказал, что, когда он впервые признался отцу, что хочет купить землю, тот ответил: «Купить землю?! Как это можно – купить землю? Ты что, не знаешь, что земля принадлежит Богу, а Он дает ее только вождям?»

Реакцию отца Санджика можно понять, но Санджика она не испугала. Он устроился на работу в городке Кинг-Вильямс и, согласно его воспоминаниям,

«предусмотрительно открыл личный банковский счет, на который откладывал часть своих сбережений... Но только когда

я накопил 80 фунтов... я купил пару волов с ярмом, упряжью, плугом и прочим сельскохозяйственным инвентарем... Потом я приобрел маленькую ферму... Я не стал бы рекомендовать эту работу [управление собственной фермой] в качестве профессии для своих друзей... В любом случае им придется осваивать современные методы, приносящие прибыль».

Необычайно важное свидетельство, подтверждающее экономический динамизм и процветание африканских фермеров в этот период, можно найти в письме миссионера методистской церкви У. Дж. Дэвиса, написанном в 1869 году. В адресованном в Англию послании он с удовольствием упоминает, что собрал 46 фунтов наличными «для Ланкаширского фонда помощи борьбы с хлопковым кризисом³⁶». То есть в это время процветающие африканские фермеры жертвовали деньги в помощь переживающим трудный период английским рабочим-текстильщикам.

Этот новый экономический динамизм, естественно, не слишком радовал традиционных вождей, которые, в соответствии с концепцией, нам уже знакомой, со-

³⁶ Экономический кризис 1866 года, сильнее всего затронувший текстильную промышленность Великобритании, стал следствием так называемого «хлопкового голода» – резкого сокращения поставок в Европу американского хлопка из-за гражданской войны в США (1861–1865).

чили, что он подтачивает их благосостояние и власть. В 1879 году губернатор провинции Транскей Мэтью Блайт столкнулся с противодействием при межевании земли на частные владения. Как писал Блайт,

«некоторые вожди возражали, но большинство людей были довольны... Вожди видели, что установление индивидуального владения землей может разрушить их влияние в среде старост деревень».

Вожди также сопротивлялись сельскохозяйственным улучшениям, таким как рытье ирригационных каналов или строительство загонов. Они понимали, что эти улучшения – всего лишь прелюдия к закреплению личных прав собственности на землю, начало конца для них самих. Европейские наблюдатели даже отмечали, что вожди и другие традиционные авторитеты – к примеру, знахари – пытались запрещать все «европейские новшества»: новые зерновые культуры, новые орудия труда, такие как плуг, многие другие товары. Но включение провинций Сискей и Транскей в британское колониальное государство ослабило могущество патриархальных вождей и старейшин, и их сопротивление было недостаточным, чтобы остановить этот новый экономический рост в Южной Африке. В Финголенде в 1884 году один европейский наблюдатель замечал, что коренные жители

«перенесли свою лояльность на нас. Их вожди превратились в своего рода почетных землевладельцев без какой-либо политической власти. Люди больше не боятся зависти вождей или их смертоносного оружия – колдуна, которого потеснили богатый скотовод, способный советник, умелый земледелец... Вожди теперь уравнинены со всеми – теперь человек из племени финго не слишком оглядывается на них, он становится прогрессивным. Хотя он все еще простой земледелец, но у него есть фургоны и плуги; он роет ирригационные каналы; он владеет отарами овец».

Даже самых зачаточных инклюзивных институтов и размывания власти вождей оказалось достаточно для того, чтобы началось резкое оживление африканской экономики. Увы, этот бум продлился недолго. Между 1890 и 1913 годами экономический рост не только внезапно остановился, но и сменился упадком. В течение этого периода две силы работали на разрушение сельского процветания и динамизма, которых добились африканцы в предыдущие 50 лет. Первая – это противостояние с конкурентами – белыми колонистами: африканские земледельцы снижали цену на те же самые зерновые, что выращивались и белыми. В ответ колонисты решили вовсе выдавить африканцев из бизнеса.

Второй фактор был еще более пагубным. Белым нужны были дешевые рабочие руки для использования в бурно развивающейся горнодобывающей отрасли, и они могли заполучить достаточное их количество, только сделав африканцев нищими. И белые методично работали над этим в течение нескольких десятилетий.

Показания Джорджа Албу, президента Горнопромышленной ассоциации, перед Следственной комиссией в 1897 году, очень точно иллюстрируют логику насильственной нищеты, в которую загоняли африканцев для того, чтобы получить дешевых рабочих. Албу рассказывает, как он решил сделать рабочую силу дешевле, «просто сообщив парням, что их зарплата урезана». Вот эти показания:

Комиссия: А если, скажем, после этого кафр [черный африканец] просто вернется обратно к своим краалям [загонам для скота]? Правительство пойдет вам навстречу, если вы обратитесь к ним с просьбой заставить его работать?

Албу: Конечно, я могу его заставить... Как же можно позволять ниггеру ничего не делать? Я думаю, кафра надо заставлять работать, чтобы он оправдывал свое существование.

Комиссия: Если человек может прожить, не работая, как вы заставите его работать?

Албу: Ну, налогом его обложу...

Комиссия: Итак, вы бы не разрешили кафру владеть землей в этой стране, однако он должен работать на белых и обогащать их?

Албу: Он должен делать часть работы, чтобы помочь своим же соседям.

Обе задачи – устранение конкуренции для белых фермеров и получение большого количества дешевой рабочей силы – были разом решены с принятием в 1913 году Акта о землях коренного населения. Этот закон, предвосхитивший концепцию двойственной экономики Льюиса, разделил Южную Африку на две части – современную и процветающую с одной стороны и первобытную и нищую с другой. И процветание, и нищета были предусмотрены самим этим законом, который отдавал 87 % земли белым фермерам, которые составляли всего 20 % населения. Оставшиеся 13 % земли отходили африканцам. Земельный акт был, конечно же, не первой законодательной нормой такого рода – европейцы шаг за шагом вытесняли африканцев во все более тесные резервации. Но лишь закон 1913 года открыто закрепил эту ситуацию, положив тем самым начало южноафриканскому режиму апартеида, когда все политические и экономические права были сосредоточены в руках белого меньшинства, а черное большинство было ли-

шено и тех и других.

Согласно акту, несколько территорий, включая регионы Транскей и Сискей, были объявлены «резервациями-хоумлендами» (*homelands*) для африканцев. Позже эти резервации стали называться бантустанами (африк. – *Bantoeestan*, «страна банту») – отражение типичной риторики южноафриканского режима апартеида, подчеркивавшего, что народ коса не был коренным населением Южно-Африканской Республики, а входил в состав народов банту, мигрировавших с территории Восточной Нигерии тысячу лет назад. Таким образом получалось, что африканцы имеют ничуть не больше прав на эту землю, чем европейские поселенцы (а на деле, разумеется, значительно меньше).

На карте 16 (стр. 266) показано то смехотворное количество земли, которым наделил африканцев Земельный акт 1913 года и еще один закон, принятый в 1936 году. Она также содержит данные 1970 года о подобном же разделе земли, который был произведен в ходе постройки еще одной двойственной экономики – Зимбабве, которую мы обсудим в главе 13.

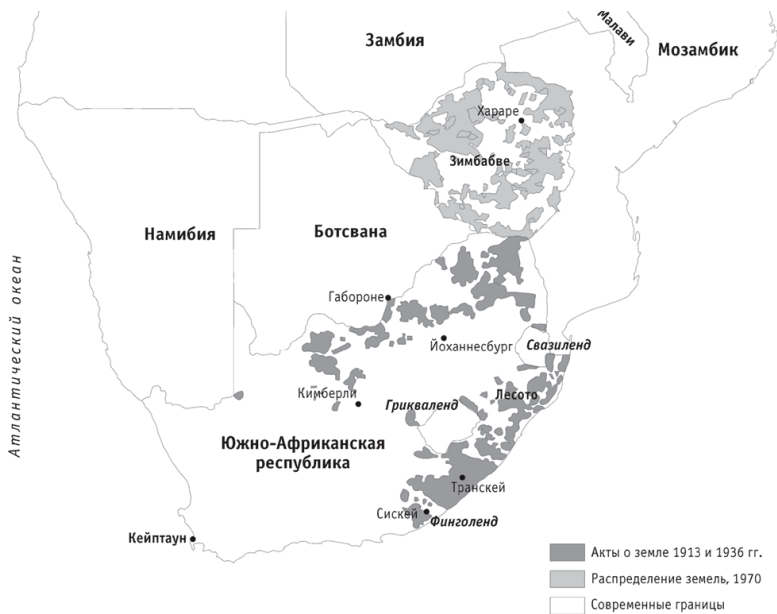
Закон 1913 года предусматривал меры на случай, если черные исполыщики и самовольные поселенцы станут обрабатывать землю на белой территории в любом ином качестве, кроме арендаторов. Как объяс-

нил министр по делам местного населения,

«целью Акта должно стать прекращение на будущее всех взаимоотношений, предполагающих какое бы то ни было партнерство между европейцами и коренным населением в отношении земли или ее плодов. Все новые договоры с коренными жителями должны быть исключительно договорами об услужении. Добросовестный договор такого рода не содержит ничего, что препятствовало бы нанимателю платить африканцу натуральным продуктом или разрешением обрабатывать определенный участок его земли... Но местный не имеет права платить хозяину за право занимать его землю».

Специалистам по экономике развития, посетившим Южную Африку в 1950–1960 годах, когда эта академическая дисциплина еще только оформлялась, а идеи Артура Льюиса получали все более широкое распространение, контраст между нищими бантустанами и процветающей экономикой белых африканеров казался прекрасной иллюстрацией теории двойственной экономики. Представители «белого» сектора были образованными горожанами и использовали современные технологии. Бантустаны были бедными, аграрными и отсталыми, производительность труда здесь была крайне низкой, а люди необразован-

ными. Казалось, что время здесь застыло.

Карта 16. Количество земли, выделенной белым меньшинством в пользу африканцев в Южной Африке и Зимбабве

Тем не менее двойственная экономика не является чем-то естественным или неизбежным. Это порождение европейского колониализма. Да, бантустаны были бедными и технологически отсталыми, но все это было результатом политики правительства, которое

насильственно подавило экономический рост в среде африканского населения, чтобы создать резерв дешевой и необразованной рабочей силы для горнодобывающего и сельскохозяйственного секторов, которые контролировали белые. После 1913 года множество африканцев было выселено с их земель, которые тут же были захвачены белыми, и свезено в хоумленды, слишком маленькие по площади, чтобы обеспечить переселенцам независимое существование. Как и предполагалось, в результате африканцы были вынуждены зарабатывать на жизнь в рамках «белой экономики», продавая свой труд за гроши. Они были лишены каких бы то ни было экономических стимулов, а все преимущества, полученные в течение предыдущих 50 лет, исчезли. Люди бросали свои плуги и вновь брались за мотыги – если вообще брались за какую-то сельскохозяйственную работу. Гораздо чаще африканцы оставались просто дешевой наемной рабочей силой, источником которой и должны были стать хоумленды.

Но уничтожены оказались не только экономические стимулы. Начавшиеся политические перемены тоже вели к регрессу. Власть традиционных вождей, совсем недавно пришедшая в упадок, вновь упрочилась, потому что частью проекта по созданию дешевой рабочей силы было устранение частной соб-

ственности на землю. Таким образом вожди снова взяли в свои руки контроль над общинной землей. Эта мера была законодательно закреплена в 1951 году, когда правительство приняло Акт о властях банту, но еще в 1940-м Дж. Финдлей высказал следующий постулат:

«Племенная собственность – это гарантия того, что земля никогда не будет должным образом обрабатываться и никогда не будет по-настоящему принадлежать коренному населению. У дешевой рабочей силы должно быть дешевое место для размножения, так что пусть африканцы обустроят его за свой счет».

За лишением африканских фермеров прав собственности последовало массовое обнищание. Оно породило не только становление институтов отсталой экономики, но и подпитывающее их бедное население.

Множество данных свидетельствует о падении уровня жизни в хоумлендах после Земельного акта 1913 года. Транскей и Сискей вступили в полосу затяжного экономического упадка. Записи горнодобывающих компаний о найме на работу, собранные историком Френсисом Уилсоном, показывают, что этот упадок был характерен и для экономики Южной Африки в целом. За период с 1911 по 1921 год зарплаты

шахтеров упали на 30 %. Даже в 1961 году, несмотря на относительно устойчивый экономический рост в Южной Африке, эти зарплаты все еще были на 12 % ниже, чем в 1911-м. Неудивительно, что к этому времени Южная Африка стала страной с наибольшим уровнем неравенства в мире.

Но даже и в этих обстоятельствах разве не могли африканцы найти себе место в европейской, современной экономике? Например, начать собственный бизнес или получить хорошее образование, необходимое для карьерного роста? Правительство сделало все, чтобы этого не происходило. Африканцам не позволено было приобретать собственность или открывать свое дело в «европейском» секторе экономики – то есть на 87 % всей территории страны. Режим апартеида также хорошо осознавал, что образованный черный – это конкурент белому, а не просто дешевая рабочая сила для шахт и белых фермеров. Уже в 1904 году в горнодобывающем секторе была введена система квотирования рабочих мест, причем африканцы не могли претендовать на целый ряд профессий и должностей: африканец не мог стать амальгаматором, пробирщиком, рабочим на уступе, кузнецом, котельщиком, полировщиком латуни, плавильщиком латуни, мастером по возведению рудничной крепи... и этот список можно продолжать и продол-

жать.

В один миг африканцам запретили выполнять любую хоть сколько-нибудь квалифицированную работу в шахтах. Это было первым воплощением в жизнь пресловутого принципа «цветного барьера» (*colour bar*), одного из расистских изобретений южноафриканского режима. В 1926 году «цветной барьер» был распространен на всю экономику и оставался в силе до 1980-х. Неудивительно, что черные африканцы были недостаточно образованными: южноафриканское государство не только закрыло для них любую возможность воспользоваться экономическими выгодами от образования, но и отказалось вкладывать средства в развитие «черных» школ и лишило стимулов «черную» школьную систему. Эта политика достигла своего пика в 1950-х годах, когда правительство Хендрика Фервурда, одного из архитекторов системы апартеида, продержавшейся до 1994 года, приняло Акт об образовании банту. Смысл этого закона был недвусмысленно изложен самим Фервурдом в речи 1954 года:

«Людьми банту следует управлять так, чтобы они во всех отношениях годились лишь для своего сообщества. В обществе европейцев им не место, кроме выполнения некоторых работ... Поэтому не надо допускать их до тех

видов обучения, цель которых – интеграция в европейское общество, раз они не могут быть и никогда не будут туда интегрированы».

Естественно, тип двойственной экономики, черты которого намечены в речи Фервурда, в целом отличается от двойственной экономики по теории Льюиса. В Южной Африке такая экономика не была неизбежным результатом процессов развития. Она была сознательно выстроена государством. В ЮАР по мере экономического развития не происходило заметных перемещений бедных людей из «отсталого» в «современный» сектор. Напротив, основой успеха «современной» экономики стало как раз наличие в стране «отсталого» сектора, который давал возможность белым работодателям извлекать огромные прибыли, выплачивая ничтожные деньги неквалифицированным черным рабочим. Конечно, в Южной Африке черным африканцам было невозможно выбраться из западни традиционной экономики, из хоумлендов. Но это не та проблема, которую мог бы излечить процесс экономического развития. Хоумленды сами обеспечивали развитие «белой» экономики.

Не должно удивлять нас и то, что тип экономического развития, выбранный «белой» Южной Африкой, имел крайне ограниченные возможности, так как основывался на экстрактивных институтах, которые бе-

лые выстроили для эксплуатации черных. Белые обладали правами собственности, они развивали образование, они имели возможность добывать золото и алмазы и выгодно продавать их на международном рынке. Однако свыше 80 % населения Южной Африки были лишены доступа к большинству видов экономической деятельности. Черные не могли реализовать свои таланты; они не могли стать квалифицированными рабочими, мелкими предпринимателями, а тем более крупными бизнесменами, инженерами или учеными. Экономические институты были экстрактивными: белые богатели, лишая благосостояния черных. И конечно, белые южно-африканцы пользовались всеми преимуществами своего уровня жизни, который был сравним с уровнем Западной Европы, в то время как черное население ЮАР вряд ли было богаче населения других стран Черной Африки. Этот экономический рост без созидательного разрушения, рост, от которого выигрывали только белые, продолжался ровно до тех пор, пока росли доходы от продажи золота и алмазов. И в 1970-е годы рост экономики прекратился.

И это вновь не должно вызывать удивления, так как система экстрактивных экономических институтов была возведена на в высшей степени экстрактивном политическом фундаменте. До своего демонтажа в 1994 году южноафриканская политическая система

наделяла всей властью исключительно белых, лишь они могли избирать и быть избранными. Белые составляли подавляющее большинство в полиции, в армии и в политических структурах. Все эти структуры были построены на базе военного господства белых поселенцев. Ко времени образования Южно-Африканского Союза в 1910 г. африканерские государства Оранжевая республика и Трансвааль отличались явной расовой сегрегацией, черное население в них было почти полностью лишено возможности участия в политической жизни. В Натале и Капской колонии черные допускались к выборам при условии наличия у них определенного количества собственности, и чаще всего этой собственности у них не было. Положение в Натале и Капской колонии в 1910 году оставалось прежним, но к 1930-м годам коренные жители были лишены гражданских прав на всей территории Южной Африки.

Господство двойственной экономики в Южной Африке окончилось в 1994 году, но не по тем причинам, которые излагал сэр Артур Льюис. Падение «цветного барьера» и уничтожение бантустанов не стало результатом естественного хода экономического развития. Сами черные южноафриканцы поднялись против режима, который не признавал за ними базовых прав и закрывал им возможности экономического ро-

ста. После восстания в Соуэто в 1976 году протесты становились все более организованными и мощными и в конце концов положили конец системе апартеида. Так усилиями черного населения пала двойственная экономика Южной Африки, созданная «белыми» политическими силами.

Развитие вспять

Существование неравенства в современном мире вызвано тем, что в XIX–XX веках некоторые страны смогли воспользоваться плодами промышленной революции, технологиями и методами организации производства, которые она принесла, в то время как другие – нет. Новые технологии – это не единственный двигатель процветания, но, возможно, самый важный. Страны, которые не приняли новых технологий, не смогли использовать преимущества и других двигателей прогресса. Как мы видели в этой и предыдущей главах, эта невозможность была обусловлена их экстрактивными институтами, а те, в свою очередь, могли быть следствием как абсолютистских режимов в этих странах, так и недостатка государственной централизации. Но в данной главе мы также показали, что в некоторых случаях экстрактивные институты, источник бедности народов, были навязаны этим народам извне – или же, по крайней мере, развитие этих институтов было спровоцировано теми же процессами, которые питали европейский экономический рост: торговой и колониальной экспансией Европы. И в самом деле, успехи европейских колониальных империй часто строились либо на разрушении захвачен-

ных независимых государств и их экономик, либо на создании экстрактивных институтов «с нуля», как это было на островах Карибского моря, куда европейцы, истребив местное население, стали завозить африканских рабов для работы на плантациях.

Мы никогда не узнаем точно, какими путями пошло бы развитие независимых городов-государств на островах Банда, в провинции Ачех на Суматре или в Бирме (Мьянме), если бы его не прервало вмешательство европейцев. Возможно, мы бы увидели бы в этих регионах собственные «славные революции» или же медленное движение в сторону более инклюзивных институтов, основанное на торговле пряностями и другими ценными товарами. Но все эти вероятные сценарии отменила экспансия Голландской Ост-Индской компании. Она не оставила местному населению никаких надежд на независимое развитие островов Банда и вместо этого принесла на острова геноцид. Благодаря ее политике и другие города-государства в разных частях Юго-Восточной Азии были вытеснены из международной торговли.

Похожим образом развивалась и экономическая история одной из самых древних цивилизаций Азии – индийской, с той только разницей, что разворот развития вспять здесь произошел по вине не голландцев, а англичан. В XVIII веке Индия была первым в ми-

ре производителем и экспортером тканей. Индийские ситцы и муслины наводняли европейские рынки, ими торговали по всей Азии и даже в Восточной Африке. Основным поставщиком индийского текстиля на Британские острова была Английская Ост-Индская компания. Основанная в 1600 году, то есть за два года до одноименного голландского предприятия, Английская Ост-Индская компания в течение всего XVII века пыталась установить монополию на экспорт ценных товаров из Индии. Для этого ей пришлось бороться с португальцами, обосновавшимися в Гоа, Читтагонге и Бомбее, и с французами, основавшими базы в Пондишери, Чанданнагаре, Янаме и Карайкале.

Славная революция, как это уже было описано в главе 7, стала неприятным сюрпризом для Ост-Индской компании. Как мы помним, монополия компании была гарантирована королями династии Стюартов, и после 1688-го эта монополия немедленно оказалась под ударом и даже была упразднена на десять с лишним лет. Это был весьма заметный удар по могуществу компании: как было показано ранее (стр. 249), британские текстильные фабриканты смогли убедить парламент запретить импорт ситца, который был самым прибыльным товаром для Ост-Индской компании.

В XVIII веке под управлением Роберта Клайва Ост-

Индская компания перешла к другой тактике и начала строить собственную континентальную империю. В то время Индийский субконтинент был разделен на множество мелких политических образований, фактически независимых, хотя большинство из них номинально находились под властью могольского императора в Дели. Сначала Ост-Индская компания утвердилась в Бенгале на востоке Индии, разгромив местные силы в битвах при Плесси (1757) и Буксаре (1764). Затем компания начала разграбление местных богатств и не просто захватила в свои руки, но даже ужесточила местную экстрактивную налоговую систему, доходы от которой ранее доставались индийским правителям из династии Великих Моголов. Эта экспансия совпала по времени с серьезным сокращением производства тканей в Индии, так как на этот товар в Британии больше не было спроса. Сокращение сопровождалось депопуляцией городов и ростом нищеты. Так начался длительный период «обратного развития» Индии. Вскоре индийцы уже покупали текстиль у англичан, а вместо производства тканей выращивали опиум, который Ост-Индская компания продавала в Китай.

Атлантическая работоторговля привела к реализации подобного же сценария и в Африке, пусть африканские общества к моменту появления европейцев и

стояли на более низкой ступени развития, чем Юго-Восточная Азия и Индия. Многие африканские государства были превращены в настоящие военные машины, нацеленные на захват рабов и их продажу европейцам. По мере того как распри между различными вождествами и государствами в различных частях Африки перерастали в постоянную войну между ними, политические институты этих обществ, во многих случаях еще не достигших заметной степени централизации, дробились и освобождали место для устойчивых экстрактивных институтов. Это, как мы увидим далее, и предопределило крах современных африканских государств.

В той же малой части континента, которая не была затронута работоторговлей – например, в Южной Африке, – европейцы создали другую систему институтов, на сей раз нацеленных на то, чтобы создать резерв дешевой рабочей силы для принадлежащих белым шахт и ферм. Южноафриканское государство построило двойственную экономику, лишив 80 % населения возможности заниматься квалифицированными профессиями, коммерческим сельским хозяйством или предпринимательством.

Все эти факты не только объясняют, почему индустриализация не коснулась большей части мира, но и демонстрируют, что экономическое развитие может

иногда подпитывать или даже продуцировать отсталость в определенных секторах местной или мировой экономики.

Глава 10

Распространение процветания

Воровская честь

Англия XIX века (точнее, Великобритания, образовавшаяся после объединения в 1707 году Англии, Уэльса и Шотландии) нашла простой способ обращения с преступниками: с глаз долой – из сердца вон. На территории империи возникло множество каторжных тюрем. До американской Войны за независимость осужденные преступники для отбывания каторги направлялись по большей части в американские колонии. Однако после 1783 года независимые Соединенные Штаты совершенно не собирались принимать у себя британских каторжников, и английские власти вынуждены были искать для последних новое пристанище. Сначала подумывали о Западной Африке, однако местный климат и местные болезни, такие как малярия и желтая лихорадка, к которым у европейцев не было иммунитета, были столь смертоносны, что даже преступники не заслуживали того, чтобы их отправляли прямиком на «кладбище бело-

го человека». Следующим кандидатом стала Австралия. Ее восточное побережье уже исследовал знаменитый мореплаватель, капитан Джеймс Кук. 29 апреля 1770 года Кук высадился в прекрасной бухте, которую назвал Ботаническим заливом (*Botanist Bay*) в честь натуралистов из состава экспедиции, открывших здесь множество новых видов растительности. Побережье казалось просто идеальным местом для будущего размещения британских колониальных властей: климат умеренный, природа настолько прекрасна, насколько можно только себе представить. И в январе 1788 года флотилия из 12 кораблей под командованием капитана Артура Филлипа с осужденными каторжниками на борту бросила якорь в Ботаническом заливе. 26 января – сегодня эта дата отмечается как День Австралии – колонисты разбили лагерь на берегу бухты, которая сейчас находится в центре города Сиднея. Колония была названа Новый Южный Уэльс.

На борту одного из кораблей, который назывался «Александр» и которым командовал капитан Дункан Синклер, прибыла семейная пара каторжников, Генри и Сюзанна Кейбл. Сюзанна обвинялась в воровстве и первоначально была приговорена к смертной казни. Этот приговор впоследствии заменили на 14 лет каторги с отбыванием таковой в американских коло-

ниях. Однако план этот был нарушен провозглашением независимости Соединенных Штатов, а тем временем Сюзанна встретила в суде замка Норвич некоего Генри Кейбла, такого же каторжника, как она, и влюбилась в него. В 1787 году по новому решению суда она должна была отправиться на каторгу в Австралию, но Генри оставляли в Англии. К тому времени у них уже родился маленький сын, которого тоже называли Генри. Решение суда означало, что семья будет разлучена.

Сюзанну уже вели к тюремной лодке на Темзе, когда весть о ее горестных обстоятельствах достигла ушей известной благотворительницы леди Кадоган. Та организовала кампанию по воссоединению четы Кейбл, и с полным успехом: теперь уже обоим супругам вместе с младенцем Генри предстояло плавание в Австралию. Более того, леди Кадоган собрала по подписке 20 фунтов и купила на них вещи, которые семья должна была получить уже по прибытии в Австралию. Однако когда «Александр» прибыл в Ботанический залив, выяснилось, что узел с вещами куда-то исчез. Так, по крайней мере, заявил капитан Синклер.

Что оставалось делать семейству Кейбл? По законам Англии и Великобритании – ничего. Хотя в 1787 году в Британии и существовали уже инклюзивные политические и экономические институты, но эта инклю-

живность не распространялась на каторжников, которые не имели практически никаких прав. У них не было собственности. Они даже не могли свидетельствовать в суде. Синклер знал все это и, вероятно, просто украл мешок с пожитками. Он так никогда и не признался в этом, однако надменно заявлял, что Кейблы не посмеют привлечь его к суду. С точки зрения британского закона правда была на его стороне, и в Британии на этом все бы и закончилось.

Но не в Австралии. Здесь дело оказалось на рассмотрении Дэвида Коллинза, военного судьи, в форме следующего заявления:

«Генри Кейбл и его жена, новые поселенцы в этом месте, до отплытия из Англии имели некий мешок, погруженный на борт транспорта «Александр» под командованием Дункана Синклера и содержащий одежду и некоторые другие вещи, необходимые им в их нынешнем положении, каковые были собраны и куплены на средства многих милосердных людей и предоставлены в распоряжение вышеозначенного Генри Кейбла, его жены и ребенка. Несколько раз были сделаны запросы на выдачу вышеозначенного мешка у капитана «Александра», стоящего в порту, без какого-либо результата, за исключением малой части содержимого мешка, а именно нескольких

книг. Остальное, значительно более ценное, содержимое мешка до сих пор находится на борту вышеозначенного корабля «Александр», капитан которого, по-видимому, отказывается выдать означенное имущество его владельцам, указанным выше».

Генри и Сюзанна оба были неграмотны и не могли подписать заявление, они только поставили кресты внизу. Слова «новые поселенцы в этом месте» были затем вычеркнуты, однако они очень показательны. Кто-то вполне отдавал себе отчет, что, если Генри Кейбл и его жена будут обозначены как «каторжники», дело не будет иметь никакой перспективы. И у этого кого-то возникла идея назвать их «новыми поселенцами». Вероятно, для судьи Коллинза это было уже немного слишком, и похоже, что именно он и вычеркнул эти слова. Но заявление сработало. Коллинз не отложил дело, а созвал судебное заседание с настоящим жюри присяжных, полностью набранных из солдат. Синклера вызвали в суд. Хотя Коллинз не особо надеялся на успешный исход дела, тем более что жюри состояло из людей, которых специально назначили в Австралию, чтобы охранять каторжников, таких как Кейблы, тем не менее истцы выиграли. Капитан Синклер пытался построить свою защиту на том, что чета Кейбл – всего лишь уголовники. Но вердикт был

вынесен, и капитан был присужден к выплате 15 фунтов.

Чтобы вынести подобный вердикт, судья Коллинз не стал прибегать к британским законам. Он вообще их игнорировал. Это было первое гражданское дело, рассмотренное судом в Австралии. Первое уголовное дело показалось бы в Британии столь же экстравагантным. Один из каторжников был признан виновным в краже – он украл у своего товарища кусок хлеба стоимостью в два пенса. В те времена это дело не имело никаких шансов попасть в суд, так как фигурантами его были два уголовника, которым не разрешалось иметь никакой собственности. Но Австралия не была Британией, а ее законы не были британскими. Она очень быстро разошлась с метрополией в применяемом уголовном и гражданском праве, как и во многих экономических и политических институтах.

Население исправительной колонии Новый Южный Уэльс сначала сплошь состояло из каторжников и их охраны, в основном солдат. «Вольных» поселенцев в Австралии было мало до 1820-х, и хотя практика высылки осужденных в Новый Южный Уэльс была прекращена в 1840 году, в Западную Австралию их доставляли до 1868-го. Каторжники должны были заниматься «обязательным трудом», то есть выходить на принудительные работы, а охрана получала деньги за

эти работы. Первоначально заключенным не платили ничего, им давали только пищу. Однако эта система – как и те подходы, которые Вирджинская компания практиковала в Джеймстауне, – оказалась не слишком успешной, потому что у каторжников не было стимулов трудиться добросовестно и выполнять работу хорошо. В качестве наказания заключенного могли избить и выслать на остров Норфолк площадью всего 13 квадратных миль, расположенный более чем в 1000 миль к востоку от Австралии в Тихом океане. Но так как ни избиения, ни высылки не оказывали желаемого эффекта, нужно было искать для них стимулы. И в конце концов солдаты и охранники пришли к простой мысли: конечно, каторжники есть каторжники, но даже они не будут продавать свой труд за бесценок.

Конечно, имелись еще аборигены, общим числом, видимо, около миллиона на момент основания Нового Южного Уэльса. Но аборигены были рассеяны по бескрайним просторам континента, и количество их в Новом Южном Уэльсе было совершенно недостаточным для того, чтобы экономически оправдать их эксплуатацию. Иными словами, Австралия лишена была тех возможностей, которые имелись у колонистов в Латинской Америке. Таким образом, охрана вынуждена была вступить на путь, который в результате привел к формированию институтов еще более инклюзивных,

чем те, что остались в Британии. Каторжникам были назначены рабочие нормы, по выполнению которых они могли работать уже на себя и продавать продукты своего труда. Охрана также получала прибыли от новой экономической свободы заключенных. Выработка продукции возрастала, а охранникам принадлежала исключительная монополия на продажу товаров каторжникам. И самым ходовым товаром был ром.

В то время Новый Южный Уэльс, как и другие английские колонии, управлялся губернатором, назначенным из Лондона. В 1806 году на эту должность был назначен капитан Уильям Блай – человек, который 17 лет тому назад командовал кораблем его величества «Баунти», и именно при нем и произошел знаменитый мятеж. Блай был поборником строгой дисциплины – возможно, именно эта черта характера более всего способствовала бунту. Его повадки с тех пор не изменились, и он немедленно бросил вызов ромовым монополистам. Это вызвало очередной мятеж, на этот раз со стороны торговцев ромом, которых возглавил отставной солдат Джон Макатур.

События, вошедшие в историю как «Ромовый бунт», развивались неудачным для Блая образом, и в результате мятежники опять одолели его – на сей раз на твердой земле, а не на борту «Баунти». Макатур арестовал Блая. Британские власти впоследствии вы-

слали дополнительный военный контингент для усмирения бунта, Макартура заключили под стражу и отправили в Англию. Однако он скоро был отпущен на свободу и вернулся в Австралию, где ему снова предстояло сыграть значительную роль в политической и экономической жизни колонии.

Корни «Ромового бунта» были экономическими. Стратегия по стимулированию каторжников принесла немалые барыши таким людям, как Макартур, который прибыл в Австралию солдатом в составе второй флотилии в 1790 году. В 1796-м он вышел в отставку из армии и посвятил себя бизнесу. К тому времени у него уже была первая овца, и он хорошо понимал, сколько денег может принести в Австралии овцеводство и экспорт шерсти. На дороге от Сиднея в глубь континента высились Голубые горы. Когда европейцы впервые пересекли их в 1813 году, оказалось, что за горами раскинулись бескрайние травяные луга. Это был настоящий овечий рай.

Вскоре Макартур был уже самым богатым человеком в Австралии. Его последователи, магнаты-овцеводы следующего поколения, стали известны как «сквоттеры» – захватчики, так как земли, на которых они пасли свой скот, им не принадлежали: эти пастбища находились в собственности британского правительства. Однако сначала на эту мелочь мало кто

обращал внимание. Сквоттеры были австралийской элитой, своего рода «сквоттерократией».

Несмотря на наличие этой «сквоттерократии», Новый Южный Уэльс совершенно не напоминал абсолютистские режимы Восточной Европы или южноафриканские колонии. Здесь никогда не было ни крепостного права, как в Австро-Венгрии или России, ни многочисленного коренного населения, как в Мексике и Перу. Напротив, Новый Южный Уэльс многими чертами напоминал скорее вирджинский Джеймстаун: элита колонии сочла, что в ее интересах выстроить здесь такие институты, которые будут куда более инклюзивными, чем в Австро-Венгрии или России, Мексике или Перу. Единственной рабочей силой здесь были осужденные, а единственным способом сделать их труд продуктивным оказалось платить им за него деньги.

Скоро каторжникам также разрешили открывать собственное дело и нанимать в работники своих товарищей по несчастью. Что еще более знаменательно, после отбывания срока им даже стали давать землю и полностью восстанавливать в правах. Некоторые из них разбогатели, в том числе и неграмотный Генри Кейбл. К 1789 году у него уже была гостиница под названием «Вздыбленный конь» и своя лавка. Затем он купил корабль и занялся торговлей тюленьими шкура-

ми. К 1809 году он владел по крайней мере девятью фермами с примерно 470 акрами земли и несколькими лавками и домами в Сиднее.

Следующий крупный конфликт в Сиднее начался из-за противоречий между элитой и остальными колонистами – каторжниками, бывшими каторжниками и их семьями. В элиту, помимо разбогатевших бывших солдат вроде Макартура, входили и вольные поселенцы, привлеченные сюда шерстяным бумом. Большая часть собственности все еще находилась в руках этой элиты, а тем временем бывшие каторжники и их потомки желали прекращения практики каторжных транспортов, возможности быть судимыми судом присяжных из равных себе, а также доступа к ничейным землям. Элита же ничего этого не хотела. Главным желанием входивших в нее людей было законодательное закрепление прав на землю, которую они захватили. Ситуация стала походить на ту, что была характерна для Северной Америки двумя столетиями раньше. Как мы уже показывали в главе 1, вслед за победами наемных работников над Вирджинской компанией последовали аналогичные события в колониях Мэриленд и Каролина. В Новом Южном Уэльсе роли лорда Балтимора и сэра Энтони Эшли-Купера сыграли соответственно Макатур и сквоттеры. Британское правительство и на этот раз приняло сторону

элиты, хотя и опасалось, что в один прекрасный день у Макартура и сквоттеров возникнет искушение провозгласить независимость колонии.

В 1819 году Лондон направил в колонию чиновника Джона Биджа, главу следственной комиссии, которая должна была ознакомиться с местными нововведениями. Бидж был неприятно изумлен тем, сколь широкими правами пользовались каторжники, и потрясен устройством экономических институтов этой исправительной колонии. Лондонский чиновник рекомендовал радикальный пересмотр правил: заключенных не следует допускать к владению землей, никому впредь не дозволено платить каторжникам за работу, амнистии запретить, наказания устрожить. Бидж рассматривал сквоттеров как естественно появившуюся аристократию Австралии и надеялся, что в будущем местное население будет автократически управляться этой аристократией. Этим надеждам не суждено было сбыться.

В то время как Бидж пытался повернуть ход истории вспять, бывшие каторжники и их сыновья и дочери требовали себе все более широких прав. Наиболее важным здесь было то, что они, как это когда-то происходило в Соединенных Штатах, хорошо осознавали, что для получения экономических и политических прав надо добиваться допуска к процессу приня-

тия решений. Они потребовали таких выборов, в которых они могли бы принимать участие на равных, и таких представительских институтов, где им нашлось бы место.

Движение бывших каторжников и их потомков возглавил яркий писатель, ученый и журналист по имени Уильям Уэнтворт. Он был одним из руководителей экспедиции, которая впервые перешла через Голубые горы, – той самой экспедиции, что открыла для сквоттеров бескрайние пастбища Австралии, и сейчас его именем назван один из городков в этих горах. Симпатии Уэнтворта всегда были на стороне каторжников – возможно, потому, что в свое время его отец, которого обвинили в грабеже на большой дороге, вынужден был согласиться на ссылку в Австралию, чтобы избежать суда и обвинительного приговора. Уэнтворт был страстным сторонником того, что мы называем инклюзивными институтами: выборного представительского собрания, суда присяжных для бывших каторжников и их семей, прекращения высылки преступников в Новый Южный Уэльс. Он начал издавать газету «Австралиец», которая с момента основания стала главным рупором критиков существующих политических порядков.

Макартур испытывал личную неприязнь и к самому Уэнтворту, и уж тем более к целям, которые тот про-

возглашал. Он прошелся по списку сторонников Уэнтворта, дав им следующие характеристики:

«приговорен к повешению уже по прибытии сюда; был неоднократно порот; лондонский еврей; бывший еврейский откупщик, впоследствии лишенный лицензии; выслан в Австралию за работоторговлю; неоднократно был порот уже здесь; сын четы каторжников; мошенник, весь в долгах; аферист из Америки; недостойный адвокат; бродяга, пытавшийся открыть здесь музыкальную лавчонку, но разорившийся; женат на дочери четы каторжников; женат на каторжанке, бывшей ярмарочной плясунье».

И тем не менее противодействие Макартура и сквоттеров не могло остановить ход истории в Австралии. Требование представительских институтов крепло, его невозможно было подавить. До 1823 года британский губернатор правил Новым Южным Уэльсом более или менее единолично. Но в этом году его власть была ограничена советом – вновь созданным органом, члены которого назначались британским правительством. Первоначально состав совета пополнялся из числа сквоттеров и других представителей элиты, которые не были в прошлом каторжниками (в их числе которых был и Макартур), но долго так продолжаться не могло. В 1831 году губерна-

тор Ричард Бурк уступил общественному давлению и впервые разрешил бывшим каторжникам входить в состав жюри присяжных.

Бывшие заключенные (а на самом деле и многие вольные поселенцы) добивались также прекращения практики высылки каторжников из Британии в Австралию, потому что это повышало конкуренцию на рынке труда и снижало уровень заработной платы. Сквоттерам, напротив, нравилось, когда зарплаты снижались, но в итоге они проиграли: в 1840 году высылка в Новый Южный Уэльс была прекращена, а в 1842-м был создан законодательный совет колонии, на две трети состоящий из выборных депутатов (оставшаяся треть назначалась губернатором). Бывшие каторжники также могли избираться и голосовать, если у них имелась собственность в определенном объеме – и у многих из них она имелась.

К 1850 году избирательное право в Австралии было распространено на всех взрослых белых мужчин. Требования бывших каторжников и их семей вышли далеко за пределы, которые мог себе когда-либо вообразить Уильям Уэнтворт. Теперь он оказался на стороне консервативных сил и выступал за неизбираемое законодательное собрание. Но точно так же, как когда-то Макартур, Уэнтворт был не в состоянии замедлить ход истории и затормозить процесс появле-

ния все более инклюзивных политических институтов. В 1851 году штат Виктория, выделившийся из Нового Южного Уэльса, и штат Тасмания стали первыми в мире регионами, где было введено по-настоящему тайное голосование на выборах, что снизило возможность покупки голосов и коррупцию. До сих пор в англоязычных странах выражение «голосование по-австралийски» (*Australian ballot*) служит синонимом термина «тайное голосование».

Изначальные политические условия в Сиднее (Новый Южный Уэльс) и в Джеймстауне (Вирджиния) за 181 год до этого были весьма похожи – пусть джеймстаунские поселенцы и были по большей части свободными наемными работниками, а не каторжниками. В обоих случаях ситуация не давала возможности построить колониальные экстрактивные институты по образцу Латинской Америки: в распоряжении обеих колоний не было ни достаточно многочисленного местного населения, которое можно было бы эксплуатировать, ни месторождений золота или серебра, ни плодородных почв, которые сделали бы экономически выгодным плантаторское рабовладельческое земледелие. Работоторговля в 1780-х годах все еще была в ходу, и Новый Южный Уэльс легко можно было бы заселить рабами, если бы это было выгодно. Но это не было выгодно.

И Вирджинская компания в Северной Америке, и солдаты с вольными поселенцами, управлявшие Новым Южным Уэльсом, действовали под давлением обстоятельств, шаг за шагом выстраивая инклюзивные экономические институты, которые развивались в тесной связке с инклюзивными политическими институтами. В Новом Южном Уэльсе для этого потребовалось даже меньше усилий, чем в Виргинии, а дальнейшие попытки повернуть этот процесс вспять провалились.

Австралия, как и Соединенные Штаты, пошла по собственному пути развития инклюзивных институтов, отличному от того, на который вступила Англия. Потрясения, подобные тем, что испытала Англия во время гражданской войны и после нее, в ходе Славной революции, оказались не нужны в Соединенных Штатах и Австралии из-за разницы в начальных условиях – что, конечно, не означает, что инклюзивные институты в Новом Свете выросли там сами по себе, без каких-либо конфликтов. В конце концов, Соединенным Штатам для этого пришлось хотя бы преодолеть британский колониализм. В Англии же абсолютизм пустил настолько глубокие корни, что для его искоренения потребовалась революция.

В Соединенных Штатах и в Австралии социальной

революции не было. Хотя лорд Балтимор в Мэриленде и Джон Макартур в Новом Южном Уэльсе, возможно, и вдохновились бы ролью вождей революции, но им не удалось приобрести такое влияние на общество, чтобы их планы принесли свои плоды. Выстроенные в Соединенных Штатах и Австралии инклюзивные институты привели к тому, что промышленная революция быстро распространилась на эти страны, и они начали богатеть. По той же дороге вскоре пошли и такие колонии, как Канада и Новая Зеландия.

Однако были и иные пути к инклюзивным институтам. Большая часть государств Западной Европы выбрала третий способ прийти к инклюзивным институтам под влиянием Французской революции, свергнувшей абсолютизм во Франции и вызвавшей серию международных конфликтов, в ходе которых институциональные реформы распространились почти по всей Западной Европе. Экономическим последствием этих реформ стало появление инклюзивных экономических институтов в большинстве западноевропейских стран, промышленная революция и экономический рост.

Ломая барьеры: Французская революция

В течение трех столетий до 1789 года Франция была абсолютной монархией. Французское общество было разделено на три сословия. Духовенство представляло собой первое сословие, вторым сословием было дворянство, к третьему сословию принадлежали все остальные. Представители различных сословий подлежали суду по разным законам, а первые два сословия имели такие права, каких не имело третье. Дворянство и духовенство не платили налогов, в то время как простые подданные вынуждены были платить по несколько различных податей, что, конечно, не является неожиданным для глубоко экстрактивного режима. Мало того, церковь не только была исключена из налогообложения, она еще и владела обширными земельными наделами и могла в своих владениях устанавливать свои собственные налоги. Король, дворянство и клир наслаждались роскошью и негой, а большинство третьего сословия пребывало в жалкой нищете. Разные законы для разных сословий не только гарантировали знати и духовенству экономические выгоды, но и обеспечивали им политическую власть. Жизнь во французских городах XVIII века была

груба и тяжела. Производство регулировали могущественные гильдии, которые обеспечивали неплохой доход своим членам, не давая чужакам возможности войти на рынок и начать свое дело. «Старый порядок» (*ancien régime*), как позднее стали называть этот строй, считался нерушимым и неизменным. Появление новых предпринимателей и вообще талантливых людей могло нарушить стабильность и, таким образом, рассматривалось как дело недопустимое.

Если жизнь в городах была тяжелой, то жизнь крестьянина была еще хуже. Как мы уже видели, к этому времени крайние формы крепостного права, при которых крестьянин был прикреплен к земле и принужден работать на своего господина, во Франции давно ушли в прошлое. Тем не менее еще оставались в силе и различные ограничения передвижения по стране, и большая часть феодальных повинностей, которые крестьяне несли в пользу монарха, дворянства или церкви.

На этом фоне Французская революция стала радикальной точкой перелома. 4 августа 1789 года Учредительное собрание приступило к полному изменению французского законодательства, начав разработку новой конституции. Одиннадцатого августа был принят декрет «Об уничтожении феодальных прав и привилегий». Его первая статья гласила:

«Национальное собрание окончательно упраздняет феодальный порядок. Оно постановляет, что из прав и повинностей феодальных и чиншевых,³⁷ те, которые относятся к личному или вещному крепостному праву, отменяются без вознаграждения³⁸».

Статья IX добавляла:

«В области налогов будут навсегда уничтожены денежные, личные и земельные привилегии. Налоги будут взиматься со всех граждан и всего имущества одинаковым образом и в одинаковой форме. Национальное собрание обсудит, каким образом, начиная уже со второго полугодия текущего фискального года, осуществить пропорциональное распределение налогов».

Таким образом Французская революция одним махом отменила феодальную систему со всеми свойственными ей повинностями и сборами и полностью устранила налоговые льготы для дворянства и духовенства. Но, видимо, самой радикальной, даже невообразимой в то время, была статья XI:

³⁷ Чинш (польск. *czynsz* от лат. *census*) – оброк деньгами или продуктами, который выплачивался крестьянином-арендатором помещику. В русской исторической литературе термин употребляется в отношении не только Польши, но и других стран феодальной Европы.

³⁸ Здесь и далее – пер. П. Н. Галанзы.

«Все граждане, без различия происхождения, могут быть допущены ко всем должностям и званиям духовным, гражданским и военным, и никакая полезная профессия не будет влечь за собой лишения дворянского звания³⁹».

Итак, теперь все были равны перед законом, и не только в повседневной жизни или ремесле, но и в политическом смысле. Революционные реформы после августа 1789 года продолжались. В результате у церкви было отнято право назначать особые налоги, а клирики превратились в государственных служащих. Устранение строгих границ между социальными и политическими ролями разных сословий привело к падению барьеров, мешавших экономической деятельности. Гильдии и все профессиональные ограничения были отменены, что создало равные для всех конкурентные условия в городах.

Эти реформы стали первым шагом к окончанию власти французских абсолютных монархов. За декретом 4 августа последовали несколько десятилетий смуты и войн. Но повернуть вспять движение от абсолютизма и экстрактивного «старого порядка» к инклюзивным политическим и экономическим институтам было уже невозможно. За переменами эпохи Фран-

³⁹ Дворянин мог быть лишен дворянского звания, если, например, начинал заниматься торговлей.

цузской революции последовал ряд экономических и политических реформ, кульминацией которых стало создание Третьей республики в 1870 году, в результате чего во Франции установился тот тип парламентской системы, который в Англии начал образовываться еще во время Славной революции.

Французская революция принесла с собой много насилия и страданий, хаос и войны. И все-таки благодаря ей развитие Франции перестали тормозить экстрактивные институты, мешавшие ранее экономическому росту и процветанию, как это было в абсолютистских государствах Восточной Европы, таких как Австро-Венгрия и Россия.

Почему история французской абсолютной монархии закончилась революцией 1789 года? Мы уже видели, что многие абсолютистские режимы были жизнеспособны на протяжении очень долгого времени, несмотря на экономический застой и социальные неурядицы. Как это бывает в большинстве случаев с революциями и радикальными реформами, к Французской революции привело стечение разных обстоятельств и факторов, и они были тесно связаны с быстрой индустриализацией Британии. И конечно, путь это был, как обычно и бывает, вынужденный, так как многочисленные попытки монархии стабилизировать режим провалились, а революция оказалась гораздо бо-

лее успешной в деле изменения институтов Франции и других частей Европы, чем это можно было себе представить в 1789 году.

Множество законов и привилегий Франции бытовали еще со времен Средневековья. Они не только ставили первое и второе сословия в более выгодное положение, чем большинство населения, но и давали представителям этих сословий исключительное право обращения к монарху. Людовик XIV правил Францией 44 года (1661–1715), хотя официально взошел на престол еще в 1643-м, в возрасте пяти лет. «Король-солнце» укрепил единоличную власть монарха и продолжил процесс усиления абсолютизма, начавшийся за несколько столетий до него. Многие его предшественники периодически консультировались с так называемым Собранием нотаблей, состоявшим из наиболее знатных аристократов, специально отобранных для этой цели короной. Хотя по закону роль собрания была чисто консультативной, оно все-таки служило некоторым ограничителем монаршего своевластия. Но Людовик XIV правил, не обращаясь к собранию. Под его властью Франция достигла определенного экономического роста – в частности, за счет участия в трансатлантической и колониальной торговле. Жан-Батист Кольбер, талантливый министр финансов Людовика, приложил также уси-

лия к развитию промышленности, которая финансировалась и контролировалась государством, обеспечив своего рода экстрактивный экономический рост. Впрочем, этот незначительный экономический подъем обогащал почти исключительно первое и второе сословия.

Людовик XIV желал также упорядочить французскую налоговую систему, поскольку у государства нередко возникали проблемы с финансированием частых войн и постоянной армии, с содержанием блестящего королевского двора и роскошных дворцов. Невозможность взимать налоги даже с низшего дворянства сильно ограничивала бюджетные поступления.

Несмотря на то, что экономический рост был ничтожным, французское общество к моменту вступления на престол Людовика XVI (1774) изменилось в огромной степени. Более того, копившиеся в течение предыдущего периода налоговые проблемы привели к настоящему фискальному кризису, а Семилетняя война с Британией, которая продолжалась с 1756 по 1763 год и в ходе которой Франция потеряла Канаду, оказалась весьма дорогим удовольствием. Многие значительные политические деятели Франции пытались сбалансировать королевский бюджет, реструктурировав долги и повысив налоги. Среди них были Анн

Робер Жак Тюрго, один из самых известных экономистов своего времени; Жак Неккер (игравший заметную роль и после революции), а также Шарль Александр де Калонн. Однако никто из них в этом не преуспел. Калонн убедил Людовика созвать Собрание нотаблей. Король и его советник ожидали, что собрание одобрит предлагаемые реформы, – совершенно так же, как когда-то Карл I был уверен, что английский парламент запросто согласится оплачивать армию, собранную для войны с шотландцами в 1640 году. Но собрание неожиданно решило, что только представительский орган, Генеральные штаты, может санкционировать реформу.

Генеральные штаты, учрежденные еще в 1614 году, сильно отличались от Собрания нотаблей. Если последнее состояло исключительно из знати и его члены отбирались лично королем из числа представителей высшей аристократии, то первые включали в себя представителей всех трех сословий. И когда Генеральные штаты собрались в 1789 году в Версале, тут же стало ясно, что никакое согласие невозможно. Противоречия были неустранимы, ведь третье сословие видело в сложившейся ситуации шанс увеличить свое политическое влияние и хотело получить больше мест в Генеральных штатах, а дворянство и духовенство, естественно, этому противились. Первое за-

седание 5 мая 1789 года закончилось с единственной резолюцией: надлежит сформировать еще более авторитетный орган, Национальное собрание. Это углубило политический кризис.

Третье сословие, в особенности купцы, предприниматели, ремесленники и представители других профессий, требовавшие для себя больших политических полномочий, увидели шанс добиться этой цели. Семнадцатого июня депутаты третьего сословия при поддержке низших слоев духовенства и дворянства провозгласили себя Национальным собранием и поклялись не расходиться, пока не будет разработана новая конституция. 9 июля 1789 года Национальное собрание объявило себя Учредительным собранием – высшим представительным и законодательным органом страны.

Обстановка по всей стране, а особенно в Париже, накалялась. В ответ на действия Национального собрания консервативное окружение Людовика XVI убедило короля отправить в отставку Неккера, министра финансов и реформатора. Это привело к еще большей радикализации улицы. Результатом стал штурм Бастилии 14 июля 1789 года. Вот теперь революция началась всерьез. Неккер был восстановлен в должности, а революционный маркиз де Лафайет встал во главе Национальной гвардии Парижа.

Еще более важным фактором, чем взятие Бастилии, стала законодательная деятельность Учредительного собрания, которое, обретя уверенность в своих силах, в ночь на 4 августа 1789 года приняло несколько важных декретов, упразднивших феодализм и особые привилегии первого и второго сословий. Однако эти радикальные решения привели к расколу внутри самого Собрания, где боролись между собой конфликтующие взгляды на будущее устройство общества. Собрание разделилось на отдельные клубы, из которых наиболее известен Якобинский клуб, позднее вставший во главе революции.

Тем временем представители дворянства массово бежали из страны, становясь эмигрантами (*émigrés*). Многие в окружении короля убеждали его разогнать Собрание и энергично сопротивляться революции — либо своими силами, либо с помощью иностранных держав, например Австрии, родной страны королевы Марии-Антуанетты (именно в Вене нашли убежище большинство *émigrés*). И поскольку революционная улица видела здесь угрозу своим завоеваниям, революция становилась все более радикальной. 29 сентября 1791 года Учредительное собрание приняло окончательную редакцию Конституции, согласно которой Франция становилась конституционной монархией. Всем гражданам гарантировались равные пра-

ва, феодальная зависимость и феодальные повинности были устранены, как и привилегии профессиональных гильдий. Франция оставалась монархией, но теперь король играл весьма ограниченную роль в политической системе и был ограничен в собственных действиях.

На развитие революции неизбежное воздействие оказала и война, вспыхнувшая между Францией и так называемой «первой коалицией», состоявшей из нескольких европейских стран во главе с Австрией. Эта война усилила решимость и радикализм революционеров, так называемых «санкюлотов».⁴⁰ Результатом радикализации стал террор, который стали проводить якобинцы во главе со своими вождями Робеспьером и Сен-Жюстом и который достиг невиданных масштабов после казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты. В ходе террора были казнены не только множество аристократов и контрреволюционеров, но и некоторые видные деятели революции, включая таких еще недавно популярных лидеров, как Бриссо, Дантон или Демулен.

Но террор скоро вышел из-под контроля, и в июле 1794 года его жертвами пали сами же его вожди, Ро-

⁴⁰ *Sans-culottes* – франц. «те, кто не носит кюлотов», то есть коротких панталон до колен. Кюлоты считались признаком аристократии в отличие от длинных брюк, которые носил простой народ.

беспьер и Сен-Жюст. Затем последовала фаза относительного спокойствия – сперва под не слишком эффективным управлением Директории (1795–1799), а потом с концентрацией власти в руках триумvirата консулов Дюко, Сийеса и Наполеона Бонапарта. Молодой генерал Бонапарт уже во время Директории получил известность своими военными успехами, и в дальнейшем его влияние только росло вплоть до 1799 года. Вскоре консулат сменился единоличным правлением Наполеона.

Период с 1799 по 1815 год стал эпохой величайших побед Франции – битвы при Аустерлице и Йене, Ауэрштедте и Ваграме поставили континентальную Европу на колени. Эти победы позволили Наполеону беспрепятственно воплощать в жизнь свою политическую волю – проводить реформы и кодифицировать право на огромной подвластной ему территории. Падение Наполеона в 1815 году вызвало определенный откат назад: сокращение гражданских прав и реставрацию французской монархии под властью Людовика XVIII. Однако все это лишь ненадолго замедлило окончательное торжество инклюзивных политических институтов. Силы, выпущенные на волю революцией 1789 года, навсегда покончили с французским абсолютизмом. Таким образом, Франция и та часть Европы, в которую были экспортированы революционные

реформы, оказались готовы принять участие в процессе индустриализации в XIX веке.

Экспорт революции

Накануне Французской революции в 1789 году по всей Европе существовали жесткие ограничения на деятельность евреев. Например, в немецком Франкфурте жизнь еврейской общины была подчинена порядкам, установленным еще в Средневековье. Во всем Франкфурте проживало не более пятисот еврейских семей, и все они жили в особом квартале-гетто, который был отгорожен от остального города стеной и назывался Юденгассе (*Jüden-gasse*) – «еврейская улица». Евреи не имели права покидать гетто ночью, в субботу и в дни христианских праздников.

На Еврейской улице царил страшная теснота. Улица имела около четверти мили в длину и не более двенадцати (а в некоторых местах и десяти) футов в ширину. Евреи жили под постоянным гнетом и в условиях строгой регламентации. Каждый год в гетто могли быть приняты не более двух новых семей, а пожениться могли не более двенадцати пар, и только в том случае, если обоим молодоженам исполнилось не менее 25 лет. Евреям не разрешалось заниматься сельским хозяйством; они не имели права торговать оружием, пряностями, вином или зерном. До 1726 года они обязаны были носить особые опознаватель-

ные знаки – два концентрических желтых кольца на одежде у мужчин и полосатую накидку для женщин. Все евреи платили особый подушный налог.

Когда во Франции разразилась революция, на франкфуртской Еврейской улице жил успешный предприниматель – Майер Амшель Ротшильд. К началу 1780-х годов Ротшильд уже был ведущим торговцем монетами, изделиями из металла и произведениями искусства во Франкфурте. Но, как и остальные евреи города, он не мог открыть дело за пределами гетто или переселиться в другую часть города.

Вскоре все изменилось. В 1791 году французское Учредительное собрание уравнило французских евреев в правах с остальными гражданами. Затем французские армии оккупировали Рейнскую область и уравнили евреев на западе Германии в правах с прочими гражданами. Во Франкфурте последствия развивались неожиданным и, похоже, изначально не предусмотренным образом. В 1796 году французы подвергли Франкфурт артиллерийской бомбардировке, попутно снеся до основания половину Юденгассе. Около двух тысяч евреев оказались без крова над головой и вынуждены были искать пристанища за пределами гетто. Среди них оказался и Ротшильд. Раз уж гетто было разрушено, а французы, занявшие город, отменили массу законодательных ограничений

для евреев, последние поспешили использовать новые возможности, открывавшиеся для бизнеса. Например, появилась возможность заключить с австрийской армией контракт на поставку зерна, чего раньше себе и представить было невозможно.

К концу революционного десятилетия Ротшильд был одним из самых богатых евреев Франкфурта и его бизнес крепко стоял на ногах. Полная эмансипация евреев произошла только в 1814 году, в правление Карла фон Дальберга, которого Наполеон в ходе своей реорганизации Германии сделал курфюрстом Майнцским, однако уже за два года до этого на смертном одре Майер Амшель мог сказать своему сыну: «Теперь ты гражданин».

Все эти события не означали окончательного освобождения евреев, так как вслед за падением Наполеона произошел некоторый откат, особенно по результатам Венского конгресса 1815 года, определившего политическое устройство послевоенной Европы. Однако назад в гетто Ротшильдам отправляться не пришлось: фирма «Майер Амшель Ротшильд и сыновья» стала самым богатым банкирским домом Европы XIX века с отделениями во Франкфурте, Лондоне, Париже, Неаполе и Вене.

Это не единичный случай. Сначала армии революционной Франции, а затем наполеоновские захватили

огромную часть континентальной Европы, и почти во всех регионах, куда вторглись французы, существовали порядки, сохранившиеся со времен Средневековья: у власти были короли, принцы и знать, повсюду – и в городе, и в деревне – имелись ограничения торговли. Крепостное право и феодализм во многих из этих стран были куда более укоренены, чем в самой Франции. В Восточной Европе, включая Пруссию и венгерскую часть Австро-Венгрии, крестьяне были прикреплены к земле. На Западе эта прямая форма крепостничества уже исчезла, но крестьяне должны были выполнять для землевладельца разнообразные обязательные работы (барщину), платить оброк и различные подати. К примеру, в герцогстве Нассау-Узинген крестьяне должны были платить и выполнять 230 различных видов пошлин и работ. Пошлины включали в себя, скажем, налог с забоя скота – он называлась «кровавая десятина»; существовали также «пчелиная» и «восковая» десятины. При продаже или покупке какой-нибудь собственности полагалось также платить пошлину помещику.

Гильдии, регулировавшие всю экономическую активность в городах, также были традиционно более сильными в германских землях, чем во Франции. В западногерманских городах Кельн и Аахен гильдии препятствовали внедрению прядильных и ткацких ма-

шин. Во многих городах – от Берна в Швейцарии до Флоренции в Италии – власть была сосредоточена в руках нескольких семейств.

Вожди Французской революции, а затем и Наполеон экспортировали завоевания революции в подобные страны, и это привело к уничтожению абсолютизма и феодальных земельных отношений, к роспуску гильдий и установлению принципа равенства всех перед законом – важнейшей концепции права, которую мы будем обсуждать более детально в следующей главе. Таким образом, Французская революция подготовила не только Францию, но и бóльшую часть остальной Европы к построению инклюзивных институтов и к последующему экономическому росту.

Как мы уже видели, в 1792 году несколько европейских государств, встревоженных тем, что происходило во Франции, объединились вокруг Австрии, чтобы напасть на Францию, заставить ее освободить Людовика XVI и сокрушить Французскую революцию. Все ожидали, что наспех собранные революционные армии будут быстро разгромлены на поле битвы. Однако после ряда поражений в этой изначально оборонительной войне армии Французской республики стали одерживать победу за победой. Конечно, у французов были серьезные организационные проблемы, требовавшие решения, однако французская армия оказа-

лась более боеспособной, чем другие страны, благодаря важному нововведению – всеобщей воинской повинности. Введенный в августе 1793 года всеобщий воинский призыв позволил французам выставить огромную армию и получить преимущество, основанное на численном перевесе, еще до того, как на сцену вышел Наполеон с его полководческими талантами.

Первоначальные военные успехи навели руководство Республики на мысль расширить границы Франции с тем, чтобы создать своего рода буферную зону между революционной Францией и враждебными монархиями – Пруссией и Австрией. Французы быстро завоевали Австрийские Нидерланды и Объединенные провинции, то есть территорию современных Бельгии и Нидерландов. Они также оккупировали бо́льшую часть нынешней Швейцарии. В 1790-е годы французы полностью контролировали эти территории.

Карта 17. Империя Наполеона

Германские государства поначалу оказывали сильное сопротивление. Однако к 1795 году французы захватили германские области на левом берегу реки Рейн. Пруссия вынуждена была признать это положение вещей, и оно было закреплено Базельским миром. В 1802 году эти области были официально включены в состав Франции.

Во второй половине 1790-х годов главным театром военных действий стала Италия, где французы всту-

пили в противоборство с Австрией. Савойя была аннексирована Францией еще в 1792 году, но патовая ситуация в Италии сохранялась вплоть до вторжения Наполеона в апреле 1796-го. В ходе своей первой крупной континентальной кампании Наполеон к началу 1797 года занял почти всю северную Италию кроме Венеции, которую удерживали австрийцы. Кампо-Формийский мир, заключенный Францией и Австрией в октябре того же года, означал выход Австрии из Первой коалиции и признавал протекторат Франции над вновь образованными республиками Северной Италии – Цизальпинской и Лигурийской. Тем не менее французы уже после заключения договора продолжали распространять свой контроль на остальную территорию Италии. Они заняли Папскую область и в марте 1798 года провозгласили Римскую республику. В январе следующего года был оккупирован Неаполь и провозглашена Партенопейская республика. За исключением Венеции, все еще остававшейся под властью Австрии, всю Италию теперь контролировали французы – либо установив в различных ее частях прямое правление (как в Савойе), либо создав различные зависимые государства, как в случае с Цизальпинской, Лигурийской, Римской и Партенопейской республиками.

Очередной раунд противостояния партия вылил-

ся в войну со Второй антифранцузской коалицией (1798–1801), но и эта война закончилась тем, что французы сохранили свои завоевания в Италии и других частях Европы. В оккупированных французской революционной армией землях начались быстрые реформы, в ходе которых были отменены пережитки крепостного права и феодальных земельных отношений и провозглашено равенство всех граждан перед законом. Духовенство было лишено своего особого статуса и светской власти, а городские ремесленные гильдии были распущены или по крайней мере сильно ослаблены. Так случилось в Австрийских Нидерландах сразу же после французского вторжения, так было и в Объединенных провинциях, где французы учредили Батавскую республику, политические институты которой очень напоминали французские. В Швейцарии ситуация тоже была схожей: гильдии распущены, а их имущество экспроприировано, господство церкви и феодальных лендлордов упразднено, феодальные привилегии отменены.

Наполеон был в первую очередь заинтересован в установлении прочного контроля над завоеванными территориями. Для этого ему приходилось налаживать связи с местными элитами или ставить на ключевые должности членов своей семьи и близких людей, как это было в краткий период его господства в

Испании и Польше. Но помимо этого Наполеон желал продолжить и углубить революционные реформы. Что еще более важно, он использовал принципы римского права и идею равенства всех перед законом, сделав их основой законодательной системы, которая теперь известна как кодекс Наполеона. Сам Наполеон рассматривал кодекс как свое главное наследие и хотел распространить его действие на все подвластные ему территории.

Естественно, реформы, которые принесла с собой Французская революция и Наполеон, не были необратимыми. В некоторых местах, например в немецком Ганновере, старые элиты быстро восстановили свое влияние после падения Наполеона и большинство французских нововведений было отменено. Но в других случаях феодальные порядки, гильдии и знать удавалось упразднить навсегда или сильно ослабить. В частности, кодекс Наполеона остался в силе во многих странах даже после ухода французов. И хотя французские армии и принесли Европе много страданий, они также радикально изменили положение дел в ней. На большей части континента ушли в прошлое феодальные отношения, могущество гильдий, абсолютистские режимы во главе с королями и князьями, экономическое, социальное и политическое влияние духовенства – иными словами, установления старого

порядка, ставившего права людей в зависимость от происхождения.

Все эти перемены создали тот тип инклюзивных экономических институтов, который открыл путь индустриализации в Европе. К середине XIX века индустриализация шла полным ходом почти во всех странах, ранее подвергшихся французской экспансии, и лишь в таких государствах, как Австрия или Россия, которые Наполеону не удалось завоевать, или Польша и Испания, где владычество Франции было временным и ограниченным, все еще продолжался застой.

В поисках современности

Осенью 1867 года Окубо Тосимити, один из видных вельмож японского феодального княжества Сацума, приехал из столицы Эдо (ныне Токио) в провинциальный город Ямагути. 14 октября он встретился там с правителем княжества Тёсю. Предложение Тосимити были простым: объединить военные силы, двинуться совместным маршем на Эдо и свергнуть сёгуна, тогдашнего правителя Японии. К тому времени Окубо уже заручился согласием князей Тоса и Аки. Согласие правителя Тёсю завершило формирование тайного союза Саттё («союз Сацумы и Тёсю»).

В это время Япония была экономически отсталой страной, которой с начала XVII века управлял дом Токугава, чей основатель в 1603 году взял себе титул сёгун, то есть «командующий». Японский император был отстранен от реальной власти, за ним остались чисто церемониальные функции. Сёгуны из рода Токугава принадлежали к верхушке феодальной знати, имевшей в управлении собственные княжества и взимающей с них налоги. Среди этих феодальных образований было и княжество Сацума, в котором правил род Симадзу. Эти феодалы, опираясь на военное сословие – знаменитых самураев, управляли об-

ществом, по структуре своей похожим на средневековое европейское – со строгим делением на профессиональные сословия, торговыми ограничениями, высокими аграрными налогами. Столицей сёгунов был город Эдо, они монополизировали и контролировали иностранную торговлю, запретив при этом чужеземцам высаживаться на берег Японии. Политические и экономические институты были экстрактивными, а Япония – бедной страной.

Но власть сёгунов не была абсолютной. Даже после того, как дом Токугава пришел к власти в 1600 году, его представители не получили полного контроля над страной. Южное княжество Сацума оставалось достаточно независимым, чтобы позволить себе торговлю с окружающим миром через острова Рюкю. Именно в столице Сацума, городе Кагосима, родился в 1830 году Окубо Тосимити. Сын самурая, он, естественно, тоже стал самураем. Первым его таланты разглядел Симадзу Нариакира, *даймё* (князь) Сацума, который стал быстро продвигать его по карьерной лестнице. В это время Нариакира уже вынашивал планы использовать воинов княжества Сацума для свержения сёгуна. Он хотел развивать торговлю с Азией и Европой, хотел упразднить старые феодальные экономические институты и построить в Японии современное государство. Конец этим планам поло-

жила смерть даймё в 1858 году. Его преемник Симадзу Хисамицу⁴¹ был более осторожен в своих мечтах, по крайней мере поначалу.

К этому времени Окубо Тосимити стал все чаще приходить к мысли о том, что Японии давно пора упразднить феодальную систему сёгуната. Он постарался убедить в этом и Хисамицу. Чтобы получить поддержку в своем начинании, они решили снова предоставить свободу действий императору. Договор, который Тосимити к тому времени заключил с княжеством Тоса, гласил, что «в стране не должно быть двух монархов, как не должно быть двух господ в одном доме; управление должно перейти в руки единого правителя». Однако заговорщики хотели не просто восстановить власть императора, а полностью изменить политические и экономические институты в стране. Одним из подписавших договор со стороны княжества Тоса был Сакамото Рёма. Когда Сацума и Тёсю выдвинули свои армии, Сакамото представил сёгуну программу, состоящую из восьми пунктов, и пытался убедить его подписать эту программу, чтобы избежать гражданской войны. Программа была весьма радикальной, и хотя в первом пункте говорилось, что «политическая власть в стране должна вернуться к императорскому двору и все законы должны из-

⁴¹ Младший брат Нариакеры и регент его сына Симадзу Тадаёси.

даваться двором», речь в документе шла о чем-то гораздо большем, чем восстановление власти императора. Пункты 2, 3, 4 и 5 гласили:

2. Следует учредить два законодательных органа, Верхнюю и Нижнюю палату, и все меры правительства должны быть основаны на их согласном решении.

3. Членами совета должны стать уважаемые представители землевладельцев, знати и народа, а прошлые традиционные должности, потерявшие значимость и смысл, следует отменить.

4. Иностранные отношения должны регулироваться на основе согласного решения совета.

5. Законы и нормы прошлых лет следует отменить и принять новые.

Сёгун Токугава Ёсинобу согласился подписать эту программу, и 3 января 1868 года была провозглашена Реставрация Мейдзи. Император Мейдзи был вновь облечен всей полнотой власти. Хотя силы княжеств Сацума и Тёсю заняли столицу сёгуната Эдо и императорскую столицу Киото, их предводители опасались, что клан Токугава попытается взять реванш и восстановить сёгунат. Окубо Тосимити хотел сокрушить дом Токугава навсегда. Он убедил императора

упразднить княжество Токугава и конфисковать его земли. 27 января бывший сёгун Токугава Ёсинобу атаковал силы Сацума и Тёсю. Началась гражданская война, но продолжалась она лишь до лета, когда клан Токугава был полностью разгромлен.

Следствием Реставрации Мейдзи стало начало институциональных реформ в Японии. В 1869 году феодальная система была отменена и триста феодальных владений поступили в ведение правительства и были превращены в префектуры, которыми управляли назначаемые правительством губернаторы. Налогообложение было централизовано, и новое бюрократическое государство заняло место старого феодального. В 1869 году было провозглашено равенство всех социальных групп перед законом и отменены все ограничения на внутренние перемещения и торговлю. Класс самураев был упразднен (хотя это и вызвало несколько мятежей). Введено было право частной собственности на землю, и любой подданный императора мог отныне свободно выбирать себе профессию.

Государство всерьез озаботилось постройкой современной инфраструктуры. В отличие от некоторых абсолютистских режимов Восточной Европы, японское правительство осознавало важность железнодорожного сообщения и в 1868 году принялось за

постройку первой железнодорожной линии Токио – Иокогама. Было открыто и пароходное сообщение между Токио и Осакой. Правительство также поощряло развитие мануфактурного производства, а Окубо Тосимити, ставший к тому времени министром финансов, приложил много сил к индустриализации японской экономики. Пионером этого процесса был бывший правитель княжества Сацума, который еще в эпоху сёгуната построил в своих владениях фабрики по производству посуды, пушек и хлопковой пряжи, закупал английские прядильные станки и уже в 1861 году наладил первое современное хлопкопрядильное производство в Японии. Кроме того, он построил две современные судовой верфи.

К 1890 году Япония была первой азиатской страной, имеющей письменную конституцию, которая предусматривала конституционную монархию, выборный парламент и независимую судебную систему. Эти перемены стали решающим фактором в превращении Японии в первую азиатскую страну, сумевшую поставить себе на службу преимущества промышленной революции.

В середине XIX столетия и Китай, и Япония были бедными государствами, находившимся под властью абсолютистских режимов. Китайские правители в те-

чение столетий с подозрением относились ко всяческим переменам. И хотя между Китаем и Японией того времени есть много сходства – сёгунат Токугавы так же запрещал заморскую торговлю в XVII веке, как это ранее делали китайские императоры, и так же противился любым политическим и экономическим новшествам, – имелись также и заметные отличия. Китай был централизованной бюрократической империей, которой управлял император, наделенный абсолютной властью. Конечно, и у императорской власти были ограничения, и самым действенным из них был страх перед возможным бунтом. В 1850–1864 годах весь Южный Китай был охвачен Тайпинским восстанием, в ходе которого погибли миллионы людей – как в результате военных действий, так и от возникшего как следствие войны массового голода. Однако никакой институционализированной оппозиции императору не существовало.

Структура японских политических институтов была иной. Сёгунат отодвинул на задний план императора, однако, как мы видели, власть сёгунов Токугава не была абсолютной, и такие княжества, как Сацума, сохраняли определенную независимость и даже имели возможность самостоятельно вести внешнюю торговлю.

Как и в случае с Францией, важным следствием британской промышленной революции с точки зрения

Китая и Японии стала их собственная военная уязвимость. Китай потерпел унижительное поражение от Британии в первой «опиумной» войне (1839–1842), подобная же перспектива стала весьма реальной и для Японии, когда американская эскадра под командованием коммодора Мэттью Перри вошла в залив Эдо в 1853 году. Осознание того факта, что экономическая отсталость влечет за собой отставание в военной области, стало главной причиной возникновения программы Симадзу Нариакеры. Властители княжества Сацума понимали, что экономический рост – а возможно, и само выживание Японии – могут быть достигнуты только путем институциональных реформ, однако сёгун будет противиться, ведь его власть зиждется на существующем порядке. Чтобы начать реформы, сначала следовало вывести из игры сёгуна, что и было сделано.

Ситуация в Японии середины XIX века была похожа на китайскую, однако различия в исходных политических институтах привели к тому, что в Китае совершить политический переворот оказалось значительно труднее – императорская власть была свергнута лишь в 1911 году. Вместо того чтобы проводить реформы, китайцы пытались противостоять британской военной мощи, ввозя в страну современное оружие. Японцы же строили собственную оружейную

промышленность. В результате первоначальных различий в институтах каждая из этих стран по-своему реагировала на вызовы, которые ставило перед ними XIX столетие, и в конце концов судьбы Китая и Японии оказались драматически различными в точке перелома, созданной промышленной революцией. Японцы реформировали свои институты, и их экономика встала на путь быстрого роста, но в Китае силы, желавшие институциональных перемен, оказались недостаточно влиятельными. Экстрактивные институты в этой стране продолжали действовать вплоть до 1949 года, когда власть захватили коммунисты под руководством Мао Цзэдуна, после чего эти институты сменились на еще более реакционные.

Корни мирового неравенства

В этой и в трех предыдущих главах мы рассказывали о том, как инклюзивные политические и экономические институты, возникшие в Англии, открыли дорогу промышленной революции и почему одни страны извлекли из промышленной революции пользу и смогли начать экономический рост, а другие или вообще отказались начать индустриализацию экономики, или усиленно сопротивлялись ей. Вступит ли страна на путь индустриализации, оказалось следствием работы ее институтов. Соединенные Штаты, претерпевшие трансформацию, подобную английской Славной революции, к концу XVIII века уже развили свою собственную систему инклюзивных политических и экономических институтов. Таким образом они стали первым государством, способным перенять новые технологии, родившиеся на Британских островах, а вскоре и превзойти в этом Британию, став локомотивом индустриализации и технологической революции. Австралия проделала схожий путь в развитии своих институтов, хотя и несколько позже. После зарождения относительно инклюзивных институтов Австралия вступила на путь экономического роста. Австралия и США смогли провести индустриализацию и

добиться экономического прогресса, потому что их относительно инклюзивные институты не мешали развитию новых технологий, инновациям и созидательному разрушению.

Иначе обстояли дела в большинстве других колоний европейских держав. Если сравнить с Австралией и Соединенными Штатами, то направление их развития было прямо противоположным. Недостаточная плотность коренного населения или недостаток природных ресурсов в Австралии и США привели к тому, что колониализм там принял совсем иные формы, чем в других колониях, хотя и здесь населению пришлось вести тяжелую борьбу за свои политические права и за построение инклюзивных институтов. Однако на Молуккских островах, как и в других регионах, колонизированных европейцами в Азии, на Карибах и в Южной Америке, у населения было мало шансов победить в подобной борьбе. В этих местах колониальные власти либо ввели в обиход новые типы экстрактивных институтов, либо переняли и поддерживали местные, уже существовавшие здесь экстрактивные институты, чтобы выкачивать из колоний ценные ресурсы – от пряностей и сахара до серебра и золота. Во многих таких регионах были приведены в действие такие институциональные изменения, которые делали практически невозможным развитие инклюзивных

институтов. Во многих случаях власти явным образом подавляли любое промышленное развитие и зачатки инклюзивных экономических институтов. У большинства этих регионов не было никакой возможности воспользоваться преимуществами индустриализации в течение XIX, а иногда даже XX века.

Пути развития самих европейских стран также отличались от динамики роста в Австралии и США. В то время как в Британии в конце XVIII века набирали обороты промышленная революция, большинство европейских государств оставались под властью абсолютистских режимов, под властью монархов и аристократии, главным источником доходов которых были земельные поместья или торговые привилегии, которыми они пользовались благодаря запретительным барьерам. Созидательное разрушение, которое неизбежно проявилось бы в ходе процесса индустриализации, могло свести на нет привилегии высших классов и лишить их ресурсов и рабочей силы. Аристократия экономически проигрывала от индустриализации. Что еще важнее, она проигрывала от нее и политически, так как процесс индустриализации, без сомнения, несет с собой угрозу стабильности и политические перемены, разрушает монополии и власть элиты.

Тем не менее в результате институциональных изменений в Британии и промышленной революции

в странах Европы были созданы новые возможности для развития. Хотя страны Западной Европы по-прежнему оставались под властью абсолютизма, в них тоже начался институциональный сдвиг, подобный тому, что случился в Британии в предыдущем столетии. В свою очередь, иной была ситуация в Восточной Европе, в Османской империи и в Китае. Эти различия также были вызваны различной степенью распространения индустриализации. Как в свое время «черная смерть» или развитие трансатлантической торговли, так и точка перелома, возникшая в результате индустриализации, усилила уже существующий конфликт между институтами во многих европейских странах. Одним из важнейших факторов стала Французская революция 1789 года. Конец абсолютизма открыл во Франции дорогу инклюзивным институтам, и страна вступила в эпоху индустриализации и экономического роста. Но в действительности итоги Французской революции были куда более значительными. Экспорт революционных институтов привел к упразднению экстрактивных порядков в нескольких соседних странах. Таким образом, Французская революция положила начало индустриализации не только во Франции, но и в Бельгии, Нидерландах, Швейцарии, а также в некоторых частях Германии и Италии. Далее на восток реакция на Французскую рево-

люцию была отчасти похожа на последствия «черной смерти» в XIV веке – вместо того чтобы ослабить феодальные порядки, она, напротив, укрепила их. Экономическое отставание Австро-Венгрии, России и Османской империи лишь увеличилось, однако этим абсолютистским монархиям удалось продержаться до Первой мировой войны.

Еще в некоторых регионах мира абсолютизм был столь же живучим, как в Восточной Европе. В частности, именно так дела обстояли в Китае, где пришедшая на смену династии Мин династия Цин установила государственную систему, основанную на традиционном аграрном обществе и враждебную по отношению к международной торговле. Однако и в пределах Азии существовали серьезные институциональные различия между регионами. Если Китай отреагировал на промышленную революцию примерно так же, как и Восточная Европа, то Япония пошла скорее по западноевропейскому пути. Здесь, как и во Франции, для изменения системы потребовалась революция – Реставрация Мейдзи, в результате которой Япония встала на путь институциональных реформ и экономического роста.

Мы также видели, что абсолютизм оказался очень живучим и в изолированной от остального мира Эфиопии. В других частях континента, в Западной и

Центральной Африке, те же силы экономического прогресса, которые были порождены международной торговлей и в XVIII веке трансформировали английское общество и государство, способствовали укреплению экстрактивных институтов – следствия работорговли. В одних странах это привело к разрушению уже сложившегося общественного уклада, в других – к созданию экстрактивных государств работорговцев.

Схемы институционального развития, которые мы описывали ранее, в конечном счете предопределили, какие из государств получают преимущества от возможностей, открывшихся в XIX веке, а каким этого сделать не удастся. Корни неравенства в мире, которое мы сегодня наблюдаем, лежат именно в этом расхождении траекторий развития. За некоторыми исключениями, нынешние богатые страны – это именно те, кто в начале XIX века смог запустить у себя процесс индустриализации и технологические инновации, а нынешние бедные – те, кто в этом не преуспел.

Глава 11

Благотворная обратная связь

Черный акт

Замок Виндзор, располагающийся к западу от Лондона, представляет собой одну из крупнейших королевских резиденций в Англии. В начале XVIII века замок был окружен бескрайними лесами, полными оленей, но к нашему времени от них мало что осталось. Один из местных лесничих по имени Бэптист Нанн в 1722 году был втянут в опасный конфликт. 27 июня он записал:

«Ночью черные трижды выпустили по две пули в окно моей комнаты, и я согласился выплатить им пять гиней в Крауторне 30-го числа».

Другая запись в дневнике Нанна гласит: «Новая напасть. Один из них явился под мухой и угрожал все здесь уничтожить». Кто же эти «черные», которые стреляют в королевского лесничего, вымогают у него деньги? «Черные» – это группы местных жителей, которые чернили себе лица, чтобы лучше спрятаться в ночи. В это время таких правонарушителей было мно-

го по всей Южной Англии – они охотились на королевских оленей и другую дичь, поджигали стога и амбары, уничтожали загоны для скота и рыбные пруды.

На первый взгляд, это было чистой воды хулиганство. Но только на первый. Незаконная (браконьерская) охота на оленей в принадлежащих королю или аристократам лесах велась издавна. В 1640-х годах, во время гражданской войны, вся популяция оленей на землях вокруг Виндзорского замка была полностью уничтожена. После Реставрации, когда Карл II взошел на трон, леса вновь были заселены оленями. Но «черные» не были обычными браконьерами, которые охотились на оленей ради еды, – они занимались и совершенно бессмысленным разрушением. С какой же целью?

Краеугольным завоеванием Славной революции была плюралистическая система интересов, представленных в парламенте. Никто из купцов, промышленников, представителей мелкопоместного дворянства или аристократии, поддерживавших принца Оранского, а затем Ганноверскую династию, воцарившуюся после смерти королевы Анны в 1714 году, не был в одиночку настолько силен, чтобы диктовать остальным свою волю. Попытки восстановить на престоле династию Стюартов продолжались в течение почти всего XVIII столетия. После смерти Якова II

(1701) его сына, Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта, так называемого Старого претендента, признали в качестве законного наследника английского престола короли Франции, Испании, папа римский, а также сторонники династии Стюартов в Англии и Шотландии, так называемые якобиты. В 1708 году Старый претендент попытался вернуть себе трон с помощью французских войск, но безуспешно. На протяжении следующих десятилетий произошло несколько якобитских мятежей, включая два самых значительных из них (1715 и 1719). В 1745–1746 годах сын Старого претендента, Чарльз Эдуард Стюарт по прозвищу Младший претендент, сделал новую попытку захватить власть, но его войска были разбиты британской армией.

Партия вигов, с которой мы уже встречались (стр. 210–211) и которая была основана в 1670-х годах, чтобы представлять новые торговые и экономические интересы, была главной организационной силой Славной революции. Виги доминировали в парламенте с 1714 по 1760 год и попытались использовать свое могущество, чтобы ограничить права других партий, вырвать у политических конкурентов их долю пирога. В этом виги ничем не отличались от королей династии Стюартов, кроме одного – у них не было абсолютной власти. В их устремлениях вигов сдерживали две силы – их противники в парламенте (в основном партия

тори, составлявшая оппозицию вигам) и те самые институты, за создание которых они сами в свое время боролись ради усиления парламента, предотвращения возвращения к абсолютизму и реставрации Стюартов. Плуралистическая структура общества, возникшая в ходе Славной революции, означала также, что все население в целом – а не только те его слои, что формально были представлены в парламенте, – надеялось на определенное участие в принятии решений. Так что бесчинства «черных» были всего лишь ответом простого народа на злоупотребления вигов.

Случай Уильяма Кадогана, победоносного генерала эпохи якобитских мятежей и войны за Испанское наследство (1701–1714), показывает, каким именно образом виги ущемляли права простых людей и что привело к появлению «черных». Георг I даровал Кадогану титул барона (1716), а затем и графа (1718). Генерал был также влиятельным членом Регентского совета лордов-судей, в ведении которого были главнейшие дела государства, а одновременно действующим главнокомандующим. Кадоган купил около тысячи акров земли в Кавершэме, примерно в двадцати милях к западу от Виндзора. Здесь он построил огромный дом, разбил красивые сады, а на 240 акрах устроил олений парк. При этом были нарушены права соседей поместья: ведь испокон веков эти люди могли

пасти скот, копать торф и собирать хворост там, где считали нужным. В результате Кадоган стяжал ненависть соседей, и 1 января 1722 года, а затем еще раз в июле его парк подвергся набегу «черных». Они были верхом и вооружены. Во время первого нападения было убито 16 оленей.

Кадоган был не одинок в своем несчастье. Поместья многих знатных землевладельцев и политиков также подвергались нападениям «черных», и правительство вигов не собиралось спускать дело на тормозах. В мае 1723 года парламент принял Черный акт, увеличивший еще на 50 число уже перечисленных в законе преступлений, наказанием за которые была виселица. Согласно Черному акту, преступлением объявлялось не только ношение оружия, но и «чернение» лица. Вскорости был принят соответствующий закон, который позволял и это самое чернение карать виселицей.

Элита партии вигов начала охотно применять новое законодательство. Бэптист Нанн раскинул в Виндзорском лесу целую сеть информаторов, чтобы вычислить личности «черных». Вскоре нескольких налетчиков арестовали. После того как их схватили, повесить их было делом несложным. В конце концов, Черный акт был уже принят, виги стояли во главе парламента, парламент – во главе страны, а какие-то «черные»

вдруг встали на дороге у некоторых влиятельных вивгов. Даже сэр Роберт Уолпол, государственный секретарь, а затем премьер-министр (и, как и Кадиган, влиятельный член Регентского совета лордов-судей), был лично заинтересован в этом деле. Ему принадлежала часть Ричмонд-парка на юго-западе Лондона, разбитого на общинных землях Карлом I. Этот парк тоже нарушал старинные права местных жителей на выпас скота, охоту на кроликов и сбор хвороста, однако на это ограничение прав поначалу мало кто обращал внимание – выпас скота и охота продолжались своим чередом, пока Уолпол не поставил смотрителем парка своего сына. С этого момента парк был закрыт и обнесен новой стеной, а на его территории были расставлены капканы на людей. Уолпол любил охоту на оленей и построил в Хафтоне, прямо на территории парка, охотничий домик. Вскоре и ему пришлось столкнуться с яростью местных «черных».

10 ноября 1724 году местный житель Джон Хантридж был обвинен в соучастии в незаконной охоте на оленей и пособничестве «черным» – оба преступления карались повешением. Судебное преследование Хантриджа было инициировано на самом верху – Регентским советом лордов-судей, тон в котором задавали Уолпол и Кадоган, причем Уолпол зашел настолько далеко, что лично допрашивал осведомите-

ля Ричарда Блэкберна, выжимая из него показания на Хантриджа. Казалось, что обвинительный приговор неминуем, однако вышло иначе: в конце судебного заседания, которое длилось восемь или девять часов, присяжные признали Хантриджа невиновным, поскольку сочли, что доказательства были собраны недолжным образом.

Но не всем «черным» или их пособникам везло так, как повезло Хантриджу. Хотя еще нескольких из них тоже оправдали или же их наказания были мягкими, однако многих из «черных» повесили или отправили на каторжные работы в Северную Америку, как это было принято в то время. Закон оставался в силе вплоть до его отмены в 1824 году.

И все же история Хантриджа показательна. Жюри присяжных состояло не из простолюдинов, подобных обвиняемому, а из крупных землевладельцев и дворян, которые, казалось бы, должны явно симпатизировать лорду Уолполу. Однако на дворе был уже не XVII век, когда суд Звездной палаты послушно выполнял волю королей из династии Стюартов, был просто инструментом репрессий против оппонентов, а король мог смещать судей, решения которых были ему не по нраву. Теперь и виги вынуждены были считаться с законом, с тем, что закон нельзя применять выборочно и произвольно и что никто не может стоять

выше закона.

События вокруг Черного акта демонстрируют, что Славная революция послужила установлению верховенства закона и что эта концепция была особенно сильна в Англии и в целом в Британии. Правящая элита здесь была стеснена этим принципом в гораздо большей степени, чем сама могла себе представить. Тут надо заметить, что «власть закона» – это не то же самое, что «законная власть». Хотя виги и имели возможность принимать драконовские, репрессивные законы, чтобы устранить мешавшие им действия простого народа, тем не менее им приходилось сталкиваться с дополнительными препятствиями, которые возникали вследствие власти закона. Принятые вигами законы противоречили правам, которые дала каждому гражданину Славная революция и последовавшие за ней перемены в политических институтах, устранившие «божественное» право королей и привилегии элиты.

Если взглянуть в исторической перспективе, то «власть закона» – в сущности, очень странная концепция. Почему, собственно, закон должен применяться ко всем одинаково? Если король и аристократия имеют политическую власть, а остальные ее не имеют, то естественным кажется совершенно иной

подход: что позволено монарху и знати, то не позволено и наказуемо для всех прочих. Конечно, власть закона невозможно себе представить в условиях абсолютистских политических институтов. Это порождение плюралистических политических порядков и широких политических коалиций, которые служат основой этого плюрализма. Лишь когда множество личностей и групп имеют право голоса при принятии решений и политическую силу, с которыми считаются остальные личности и группы, идея о том, что все они заслуживают равного отношения, обретает смысл. К началу XVIII столетия Британия была уже достаточно плюралистической страной, и руководители вигов узнали на собственном опыте, что, в полном соответствии с концепцией власти закона, законы и политические институты могут ограничивать их собственную власть.

Но почему же виги и другие члены парламента готовы были терпеть подобные ограничения? Почему они не использовали свое влияние в парламенте и других государственных органах, чтобы заставить суды последовательно применять Черный акт, и почему они не разгоняли присяжных всякий раз, как видели, что судебный процесс принимает невыгодный для них оборот? Ответ на этот вопрос позволяет нам глубже понять суть Славной революции и то, почему она просто не заменила старый абсолютизм новым, – дело

тут во взаимодействии плюрализма и верховенства закона, а также в динамизме «благотворной обратной связи». Как было показано в главе 7, Славная революция была не просто сменой правящих элит, а бунтом против абсолютизма, и этот бунт был поддержан широкой коалицией мелкого дворянства, купцов и промышленников вместе с партийными объединениями виггов и тори. Следствием этой революции стало возникновение инклюзивных политических институтов, и верховенство закона стало побочным продуктом этого процесса. При том что на свою долю власти претендовало сразу множество сторон, самой естественной оказалась такая система законов и ограничений, которую можно было бы применить ко всем этим сторонам, чтобы ни одна из них не получила слишком много власти – ведь это, в конце концов, подрывало бы сами основы плюрализма. Таким образом, концепция, согласно которой должны существовать пределы и рамки, ограничивающие произвол людей у власти – то есть концепция власти закона, – была частью логики плюрализма.

Поэтому не должно вызывать удивления, что принцип верховенства закона наряду с идеей о том, что права монарха вовсе не божественного происхождения, стал ключевым аргументом «против» в дискуссии об абсолютной монархии Стюартов. Как отмечал бри-

танский историк Э. П. Томпсон, в ходе борьбы против абсолютизма

«были предприняты серьезные усилия, чтобы создать такой тип правящего класса, на который была бы распространена власть закона и чья легитимность была бы основана на справедливости и универсальности законодательства. Таким образом, сами правители оказались, вольно или невольно, заложниками своей собственной риторики. Они играли в эту игру по тем правилам, которые они приняли в начале игры, но они не могли изменять эти правила, иначе вся игра лишилась бы смысла».

А если бы «игра лишилась смысла», то это открыло бы дорогу к реставрации абсолютизма, к сосредоточению власти в руках одной из групп из состава широкой коалиции, а то и к возвращению Стюартов. По словам Томпсона, парламент потому и противился попыткам реставрации абсолютизма, что упразднение власти закона и возвращение королевских привилегий означало бы угрозу для их собственности и их жизни.

Более того, это коренилось в самой природе тех средств, которые противники короны избрали для защиты самих себя, – эти средства не могли быть ис-

пользованы только для защиты их собственного класса. Верховенство закона во всех своих формах основано на идее беспристрастности и универсальности закона, и этот принцип распространяется на людей любого класса и положения.

С самого своего утверждения принцип верховенства закона не только удерживал в узде абсолютизм, но и запустил процесс своего рода «благотворной обратной связи»: если законы применяются в равной степени ко всем, то ни одна группа и ни один человек, будь он хоть Уолпол, хоть Кадоган, не могут стоять выше закона, а простые люди, обвиняемые в посягательстве на чужую частную собственность, так же как и все остальные, имеют право на беспристрастный суд.

Мы увидели, как зарождались инклюзивные экономические и политические институты. Но почему эти институты оказались столь долговечны? История Черного акта и ограничений в его применении демонстрирует нам эту «благотворную обратную связь» (*virtuous circle*) – своего рода «порочный круг наоборот», мощный процесс позитивной обратной связи, который предохраняет институты от попыток демонтажа и фактически приводит в действие си-

лы, действующие в направлении дальнейшего развития инклюзивности. Логика благотворной обратной связи частично основана на том, что инклюзивные институты, нацеленные на ограничение власти и плюралистическое распределение политического влияния в обществе, сами по себе являются неотъемлемой частью концепции верховенства закона. Если не будет ограничено право той или иной группы диктовать свою волю другим (даже если эти другие – простые граждане, как тот же Хантридж), то это угрожает самому принципу верховенства закона. Если же этот принцип будет на время отброшен – например, ради наказания крестьян, протестующих против вторжения сильных мира сего на их общественные земли, – то где гарантия, что в дальнейшем этот принцип не будет отброшен вновь? И когда им будут пренебрегать снова и снова, что помешает короне и аристократам отобразить назад то, что торговцы, предприниматели и мелкопоместные дворяне завоевали за предыдущие полвека? В самом деле, когда этот принцип в следующий раз постараются обойти, может рухнуть все здание плюрализма. Политическую систему нельзя подвергать такому риску, и поэтому плюрализм и его следствие, принцип верховенства закона, становятся основой британских политических институтов. И, как мы увидим далее, когда плюрализм и принцип

верховенства закона уже утвердились, возникает общественный запрос на еще более развитый плюрализм и еще более широкое участие граждан в политических процессах.

Благотворная обратная связь вырастает не только из естественной логики плюрализма и принципа верховенства закона, но и потому, что инклюзивные политические институты направлены в сторону поддержки инклюзивных экономических институтов. А это, в свою очередь, ведет к более справедливому распределению доходов, к тому, что все более широкие слои населения получают доступ к власти, а поле политической игры становится более ровным и более справедливым. Это уменьшает потенциальные выгоды от узурпации политической власти и сводит к минимуму стимулы для восстановления экстрактивных политических институтов. Все эти факторы играли важную роль в становлении демократических политических институтов в Британии.

Кроме того, плюрализм создал более открытое общество и проложил широкую дорогу для независимых СМИ. Это облегчило тем группам, которые были заинтересованы в инклюзивных институтах, доступ к информации и организацию противодействия возможным атакам на эти институты. Здесь очень важно отметить, что в Англии цензура в прессе была отменена

уже в 1688 году. Как мы увидим далее в этой главе, в США газеты сыграли столь же значительную роль в процессе приобщения граждан к участию в управлении и в запуске благотворной обратной связи институционального развития.

Но хотя благотворная обратная связь обеспечивает устойчивость инклюзивных институтов, она вовсе не является ни неизбежным, ни необратимым явлением. И в Британии, и в США инклюзивные политические и экономические институты постоянно подвергались изменениям. В 1745 году Чарльз Эдуард Стюарт, Младший претендент, дошел со своей армией до Дерби (в сотне миль от Лондона), пытаясь восстановить политические институты, упраздненные Славной революцией. Однако он потерпел поражение. Более важной угрозой для инклюзивных институтов была угроза внутренняя. Как мы видели на примере манчестерской «бойни при Петерлоо» (стр. 207) и как мы еще раз увидим это при более детальном рассмотрении, представители британской политической элиты взвешивали возможность применения насилия с целью предотвратить дальнейшее движение политической системы в сторону большей открытости, однако они так и не перешли эту грань. Точно так же и в США инклюзивным экономическим и политическим институтам противостояли серьезные силы, которые

при иных условиях могли бы и преуспеть, однако этого не случилось. Конечно, поражение этих сил не было предопределено изначально. Причину того, что британские и американские инклюзивные институты выжили и стали со временем лишь прочнее, надо искать не только в действии благотворной обратной связи, но и в благоприятных исторических обстоятельствах.

Медленная поступь демократии

Реакция на Черный акт показала простым людям Британии, что у них больше прав, чем они ранее предполагали. Они могли защищать традиционные устои своей жизни и свои экономические интересы в судах, а также в парламенте – с помощью петиций или прибегнув к лоббированию. Однако подобный плюрализм все еще не означал полноценной демократии. Большинство взрослых мужчин по-прежнему не имели избирательных прав. У женщин этих прав не было вовсе. В уже существовавших демократических структурах имелось множество несправедливостей. Все это предстояло изменить.

Благотворная обратная связь инклюзивных институтов не просто сохраняет то, что уже было достигнуто ранее, но и прокладывает путь развития в направлении еще большей инклюзивности. У британской элиты, которая в XVIII веке пыталась сохранить свое политическое влияние и не допустить перемен, не было ни единого шанса на успех. Эта элита сама пришла к власти, бросив вызов королям с их «богоданными» правами и открыв простому народу доступ к политическим процессам, однако затем она же попыталась ограничить круг тех, у кого есть этот до-

ступ, ничтожным меньшинством. Однако все больше и больше людей были готовы требовать для себя политических прав – и прорыв был лишь вопросом времени. И в 1831 году он случился.

В течение первых трех десятилетий XIX века в Британии нарастало общественное недовольство – по большей части это была реакция на рост социальной несправедливости. Народные массы все громче требовали, чтобы их допустили к политическому представительству. За движением луддитов (1811–1816), в ходе которого рабочие боролись против введения новых технологий, грозивших им (как они думали) снижением доходов, последовал ряд конфликтов, участники которых уже явно требовали политических прав, – таковы были бунт в Спа-Филдз в Лондоне (1816) и «бойня при Петерлоо» в Манчестере (1819). Во время «восстания Свинга»⁴² в 1830 году сельскохозяйственные работники выступали против снижения уровня жизни, которым грозила механизация. В те же дни в Париже разразилась Июльская революция 1830 года. Среди властных элит стало распространяться понимание того, что недовольство народных масс достиг-

⁴² Мятеж получил свое название по имени вымышленного персонажа – капитана Свинга (*Captain Swing*), от имени которого были составлены некоторые из писем с угрозами в адрес землевладельцев и крупных фермеров (*прим. перев.*).

ло точки кипения и единственный способ погасить революцию – удовлетворить требования народа и начать парламентскую реформу.

Таким образом, неудивительно, что выборы 1831 года в Британии прошли под лозунгами, посвященными преимущественно одной теме – политической реформе. Со времен сэра Роберта Уолпола прошло почти сто лет, и теперь виги были куда более склонны прислушиваться к желаниям простых людей – и они пообещали расширить круг лиц, обладающих правом голоса. Однако это было лишь небольшое увеличение электората, вопрос о всеобщем избирательном праве, пусть пока даже только для мужчин, в повестке дня не стоял. Виги выиграли выборы, и их лидер граф Грей стал премьер-министром. Граф Грей не был радикалом, вовсе нет. Он и остальные виги были вынуждены приступить к реформам не потому, что считали более широкое избирательное право более справедливым, и не потому, что хотели поделиться властью.

Британская демократия – это не подарок элиты народу. Это завоевание широких масс, которые добились победы благодаря определенным политическим процессам, происходившим в Англии и других частях Британии в течение нескольких предыдущих столетий. Реформа были неизбежна, потому что правящие круги хорошо понимали: эта реформа – единственный

способ обеспечить устойчивость их собственной власти. Граф Грей в своей знаменитой парламентской речи в защиту политических реформ выразил это совершенно ясно:

«Нет большего противника ежегодно избираемого парламента, всеобщего избирательного права и тайного голосования, нежели я. Главное мое устремление – не способствовать этим нововведениям, а положить конец всяким надеждам на них и вообще подобным проектам... Цель моей реформы – предотвратить неизбежную революцию. Эти перемены призваны сохранить, а не свергнуть существующие порядки».

Большинство народа хотело избирательных прав вовсе не ради самих этих прав, а чтобы иметь возможность защищать собственные интересы за столом переговоров – в парламенте. Это хорошо понимали чартисты, которые начали борьбу за всеобщее избирательное право начиная с 1838 года. Имя движению чартистов (*chartists*) дала Народная хартия (*People's Charter*) – петиция, поданная ими в парламент, а это название, в свою очередь, отсылало к Великой хартии вольностей. Чартист Джозеф Рейнер Стефенс внятно объяснил, почему всеобщие выборы и всеобщее избирательное право – ключевое требование народа:

«Вопрос о всеобщем избирательном праве – это вопрос о столь же насущной вещи, как нож и вилка, хлеб и сыр. Под «всеобщим избирательным правом» я разумею, что каждый работающий человек в стране имеет право на добротную куртку на плечах, на хорошую шляпу на голове, надежную крышу над головой и добрый ужин на столе».

Стефенс отлично понимал, что именно всеобщие выборы – это самый надежный способ обеспечить народу Британии остальные права, в том числе и право на приличную куртку, шляпу, крышу и ужин.

В конце концов графу Грею удалось и провести в парламенте Первый акт о реформе, и утихомирить революционное брожение, не сделав в то же время никаких серьезных шагов в сторону всеобщих выборов. Реформы 1832 г. были весьма робкими, они увеличили число имеющих право голоса лишь с 8 до 16 % взрослого мужского населения (то есть с 2 до 4 % всего населения). Эти реформы также решили проблему «сгнивших округов»⁴³ и дали право независимого представительства новым промышленным городам, таким как Манчестер, Лидз и Шеффилд. Однако многие проблемы так и остались нерешенными. И вскоре вновь слышались требования расширения

⁴³ См. примечание на стр. 263.

избирательных прав, и вновь начал подниматься социальный протест. Реакцией на него стало продолжение реформ.

Почему британская элита не смогла оставить все эти требования без ответа? Почему граф Грей считал ограниченные – пусть даже весьма ограниченные – реформы единственным способом сохранить систему? Почему правящие круги были вынуждены выбрать, с их точки зрения, меньшее из двух зол – реформу вместо революции? Почему они не смогли употребить всю свою власть на то, чтобы подавить протест силой, не задумываясь о реформах? Почему они не поступили так же, как в свое время конкистадоры в Южной Америке или как австро-венгерские и русские монархи поступят несколько десятилетий спустя, когда требования изменений докатятся и до этих стран? Или как те же британцы поступали на Карибах или в Индии – то есть использовали силу, чтобы подавить протесты? Ответ на этот вопрос кроется в концепции благотворной обратной связи. Экономические и политические перемены, уже произошедшие в Британии, сделали применение репрессивной силы задачей одновременно и непривлекательной для элиты, и чем дальше, тем менее выполнимой. Как пишет Э. Р. Томпсон,

«бурные события 1790–1832 гг. стали сигналом

о том, что баланс изменился, и правители Англии столкнулись лицом к лицу с пугающим выбором. Они могли либо отступить от принципа верховенства закона, демонтировать хорошо отрегулированные конституционные структуры, отказаться от собственной риторики и перейти к силовому правлению – или же самим подчиниться ими же выработанным правилам и отказаться от собственной гегемонии... Поначалу они сделали пару неверных шагов в первом направлении. Но в конце концов, не осмелившись разбить вдребезги свой собственный образ в своих же глазах и отказаться от 150-летней истории конституционного правления, они сдались закону».

Иными словами, те же самые силы, благодаря которым британская элита не захотела переступить через принцип верховенства закона в истории с Черным актом, заставили ее отказаться от репрессий и силового правления, так как это снова грозило стабильности всей системы. Если отказ от верховенства закона при попытках применения Черного акта грозил лишь ослаблением той системы, которую торговцы, предприниматели и мелкое дворянство выстроили в ходе Славной революции, то установление репрессивной диктатуры в 1832 году было чревато полным ее крушением. В самом деле, организаторы дви-

жения за парламентские реформы хорошо понимали важность принципа верховенства закона и его символическое значение для британских политических институтов. Они использовали соответствующую риторику в защиту своей точки зрения. Одна из первых организаций, созданных для продвижения парламентской реформы, называлась «Хэмпденский клуб» – по имени депутата парламента, который первым воспротивился введению Карлом I «корабельного налога». Как мы видели в главе 7, это стало ключевым моментом первого крупного выступления против абсолютизма Стюартов.

Инклюзивные экономические институты вели к развитию инклюзивных рынков и более эффективному распределению ресурсов и профессиональных навыков, к дальнейшим технологическим инновациям. Все эти факторы уже в полной мере проявились в Британии к 1831 году. Подавление народного протеста и борьба с инклюзивными политическими институтами могла разрушить эти ценные приобретения, и если бы правящие круги противилась дальнейшему развитию демократии, они сами могли бы вследствие этого разрушения потерять собственное благосостояние.

Еще один аспект этой положительной обратной связи состоит в том, что под воздействием инклюзивных экономических и политических институтов вер-

ховная власть становится менее централизованной. Как мы видели в главе 8, в Австро-Венгрии и в России монарх и аристократия рисковали много потерять в процессе индустриализации и реформ. В отличие от этих стран, в Британии начала XIX столетия на кону стояло гораздо меньше: здесь не было крепостного права, доля принудительного труда на рынке была относительно мала, меньше было и монополий с сопутствующими им барьерами для входа на рынок. Стимулов цепляться за власть у британской элиты было значительно меньше.

Логика благотворной обратной связи также подразумевает, что политические репрессии разного рода становятся все менее осуществимыми, и по той же причине – этого не допускает сама суть взаимодействия между инклюзивными экономическими и политическими институтами. Инклюзивные экономические институты ведут к более равномерному распределению благ, чем экстрактивные. Таким образом они дают гражданам больше возможностей и «выравнивают» поле политической игры, даже когда дело доходит до борьбы за власть. Поэтому для сравнительно небольшой группы элиты становится труднее усмирить массу недовольных граждан силой, чем удовлетворить их требования или по крайней мере некоторые из них. Кроме того, репрессии против урбанизиро-

ванного, компактно проживающего и в известной степени организованного населения эпохи промышленной революции были гораздо более сложной задачей, чем подавление выступлений небольших групп сельских жителей или крепостных крестьян.

Так благотворная обратная связь привела Британию к Первому акту о реформе (1832). Но это было лишь начало. Предстоял еще долгий путь к подлинной демократии, потому что в 1832 году правящие круги дали народу только то, что они вынуждены были дать, и не более того. Тема парламентской реформы вновь была поднята движением чартистов, в чьей Народной хартии (1838) были выдвинуты следующие требования:

- Избирательное право для любого мужчины, достигшего возраста 21 года, находящегося в здравом уме и не подверженного уголовному преследованию за преступления.
- Защита избирателя в процессе голосования.
- Никакого имущественного ценза для депутатов парламента – таким образом, избирательные округа смогут выдвигать людей по своему выбору, без оглядки на их богатство или бедность.
- Заработная плата для депутатов, которая даст возможность честному торговцу, рабочему или друго-

му лицу служить своему избирательному округу, когда он оторван от своего дела, чтобы заботиться об интересах страны.

- Равенство избирательных округов, обеспеченное пропорциональным представительством в соответствии с количеством избирателей и не позволяющее небольшим округам блокировать голоса крупных.

- Ежегодные выборы в парламент, что является наилучшим средством от подкупа и запугивания, так как если голоса избирательных округов еще можно покупать раз в семь лет (даже при баллотировании), никакого кошелька не хватит (при введении всеобщего избирательного права), чтобы покупать их каждые двенадцать месяцев; а также потому, что депутаты, избранные всего лишь на год, не смогут игнорировать или пренебрегать интересами своих избирателей так, как они это делают сейчас.

Чартисты организовали серию массовых демонстраций, парламент постоянно обсуждал возможность дальнейших реформ. Хотя движение чартистов прекратило свою деятельность после 1848 года, эстафету подхватили Национальный союз реформ, основанный в 1864 году, и Лига реформ, созданная годом позже. В июле 1866 года беспорядки в Гайд-парке, участники которых также требовали перемен, вновь

поставили вопрос о реформе на первое место в политической повестке дня. Такое давление привело к определенным результатам в виде Второго акта о реформе (1867), согласно которому общая численность электората удваивалось, при этом избиратели из числа рабочего класса теперь составляли большинство в городских избирательных округах. Вскоре было введено и тайное голосование, а также предприняты шаги по искоренению коррупции в ходе избирательного процесса – например, практики так называемых «ухаживаний» (*treatings*), то есть покупки голосов, в обмен на которые за избирателями «ухаживали», обычно предлагая им еду, выпивку или деньги.

В следующий раз объем электората удвоился в результате Третьего акта о реформе (1884), когда избирательное право получили уже 60 % мужчин. В 1918 году, по окончании Первой мировой войны, был принят Акт о народном представительстве, распространивший избирательное право на мужчин старше 21 года и тех женщин старше 30 лет, которые платили налоги или были замужем за налогоплательщиками. Этот закон готовился еще во время войны и был уступкой правительства рабочему классу, который следовало поощрить, чтобы он и дальше воевал и производил военную продукцию. Возможно, британское правительство впечатлили и эксцессы русской

революции.

Наконец, в 1928 году все женщины получили избирательные права наравне с мужчинами.

Параллельно постепенному развитию все более инклюзивных политических институтов шло движение и в сторону более инклюзивных экономических институтов. Одним из важнейших следствий Первого акта о реформе стала отмена в 1846 году Хлебных законов. Как мы видели в главе 7, Хлебные законы практически остановили импорт пшеницы и других злаков в Британию, в результате чего цены на эти товары поддерживались на высоком уровне и обеспечивали огромные прибыли местным крупным землевладельцам. Новые депутаты парламента из Манчестера и Бирмингема выступали за дешевое зерно и низкие импортные пошлины. Они победили, и благосостоянию землевладельцев был нанесен серьезный ущерб.

За этими изменениями в составе электората и, вследствие этого, в других политических институтах последовали дальнейшие политические реформы. В 1871 году премьер-министр и глава либеральной партии Гладстон открыл государственную службу для общественного контроля, поставив набор служащих на меритократическую основу, и тем продолжил процесс строительства государственных институтов, начатый еще в эпоху Тюдоров. И правительства либералов,

и кабинеты консерваторов в этот период выдвинули значительное количество законодательных инициатив, касавшихся рынка труда, – в частности, были отменены Акты о хозяине и работнике, которые позволяли работодателю в определенных случаях ограничивать свободу передвижения работников. Это принципиально улучшило систему трудовых отношений для наемных рабочих.

В 1906–1914 годах либеральные кабинеты Герберта Асквита и Дэвида Ллойд Джорджа стали тратить государственные средства на построение общедоступной системы публичных услуг, включая здравоохранение, помощь безработным, государственные пенсии, поддержку минимальной заработной платы, с особым вниманием к распределительной функции налогообложения. В результате этих финансовых нововведений налоги в пересчете на долю национального продукта увеличились более чем вдвое за первые три десятилетия XX века. Налоговая система стала также в большей степени прогрессивной, что значило, что богатые люди стали платить пропорционально больше налогов.

Тем временем система образования, ранее либо находившаяся под контролем религиозных организаций и рассчитанная главным образом на элиту, либо платная, постепенно становилась все более доступ-

ной для простого народа. В соответствии с Актом об образовании (1870) правительство взяло курс на введение всеобщего образования. В 1891 году образование стало бесплатным. В 1893 году был установлен минимальный возраст, в котором ребенок мог оставить школу, – одиннадцать лет (уже в 1899-м он был повышен до 12 лет). Были также введены субсидии для детей из нуждающихся семей. В результате этого число десятилетних детей, посещавших школу, составлявшее в 1870 году жалкие 40 %, к 1900-му выросло до 100 %. Наконец, по Акту об образовании 1902 года, средства на содержание школ были значительно увеличены, а также были учреждены средние школы (*grammar schools*), впоследствии ставшие фундаментом среднего образования в Британии.

Развитие инклюзивных институтов в Британии – это образец «медленной» благотворной обратной связи. Политические перемены неуклонно вели к построению все более инклюзивных политических институтов, а сами эти перемены были следствием требований широких масс населения, с каждой реформой получавших возможность все более широкого участия в политической жизни. Эти перемены тоже были постепенными. Каждое десятилетие было ознаменовано очередным шагом – то меньшим, то большим – в сторону демократии. Решение, делать ли следую-

ший шаг в этом направлении, каждый раз становилось предметом ожесточенной дискуссии, и результат этой дискуссии каждый раз был не известен заранее. И тем не менее благотворная обратная связь формировала факторы, которые уменьшали величину ставок в игре, где призом была власть. Кроме того, эта обратная связь способствовала укреплению верховенства закона, который не давал использовать репрессии против тех, кто требовал, в сущности, того же, чего в свое время элита требовала от Стюартов. Шансов, что подобный общественный конфликт может вылиться в полномасштабную революцию, становилось все меньше, а вероятность того, что он будет разрешен с помощью все более инклюзивных институтов, — все больше.

Такого рода постепенные перемены имеют огромное преимущество. Они меньше пугают элиту, чем одномоментный переворот всей системы. Каждый шаг сам по себе мал, и вполне разумным кажется пойти на уступку незначительному требованию, вместо того чтобы вступать в тяжелое противостояние. Этим частично объясняется, почему Хлебные законы были отменены без каких-либо серьезных конфликтов. К 1846 году крупные землевладельцы уже не контролировали законодательную деятельность парламента (это было результатом Первого акта о реформе).

И тем не менее если бы в 1832 году вопросы расширения электората, реформирования «сгнивших округов» и отмены Хлебных законов были поставлены на рассмотрение одновременно, то сопротивление землевладельцев было бы значительно более сильным. Порядок, при котором сперва были проведены ограниченные политические реформы и только потом отменены Хлебные законы, смягчил остроту конфликта.

Постепенность перемен предохраняла также и от опасности вдруг оказаться в совершенно новой общественной ситуации. Насильственное разрушение системы всегда означает, что взамен нее необходимо выстроить нечто полностью новое. Так было в случае с Французской революцией: первые демократические эксперименты привели к Большому террору, а затем несколько раз восстанавливался монархический строй, пока наконец в 1870 году окончательно не утвердилась республика. Так было и с русской революцией, в ходе которой всеобщее желание создать более справедливую общественную систему вылилось в диктатуру одной-единственной партии и построение более жестокого, кровавого и порочного режима, чем старая Российская империя, которой он пришел на смену. Именно в упомянутых странах постепенная реформа оказалась невозможной, потому что в их общественном устройстве недоставало плю-

рализма, а институты были в высшей степени экстрактивными. Именно плюрализм, вышедший на сцену в ходе Славной революции, и введенная ею же власть закона были теми факторами, которые сделали постепенные изменения возможными в Британии.

Консервативный английский политик и философ Эдмунд Бёрк, убежденный противник Французской революции, писал в 1790 году:

«Необходима величайшая осторожность, если кто-либо собирается снести здание, которое в течение многих поколений в достаточной степени отвечало общественным нуждам, или же выстроить его заново, не имея перед глазами никаких образцов или чертежей, доказавших свою пригодность для этой цели».

С точки зрения долгосрочной перспективы Бёрк ошибался. Французская революция все-таки заменила прогнившее здание старого режима и открыла дорогу для развития инклюзивных институтов не только во Франции, но и в большинстве стран Западной Европы. Однако предостережение Бёрка не вовсе лишено смысла. Постепенная реформа британских политических институтов, начавшаяся в 1688 году и достигшая своего пика через три десятилетия после смерти Бёрка, была более эффективным процессом, поскольку из-за ее постоянного характера ей было

сложнее сопротивляться, и в конце концов эти реформы оказались более долговечными и устойчивыми.

Как лопаются тресты

Исторические корни инклюзивных институтов США можно усмотреть в политической борьбе в колониях Вирджиния, Мэриленд и Северная и Южная Каролина в эпоху британского владычества (стр. 19–28). Затем эти институты были закреплены Конституцией США с ее системой сдержек и противовесов. Однако принятие Конституции не означало конца развития инклюзивных институтов. Как и в Британии, они становились все сильнее в результате действия механизма благотворной обратной связи.

К середине XIX века все белые мужчины (но не женщины и не чернокожие) в США имели право голосовать. Экономические институты стали более инклюзивными – к примеру, этому способствовало принятие Закона о поселенческих участках (1862), который давал возможность поселения на землях фронта всем желающим, вместо того чтобы оставить их в распоряжении политической элиты. Однако, как и в Британии, угрозы инклюзивным институтам существовали в Америке всегда. С окончанием гражданской войны на севере США начался быстрый экономический рост. Некоторые предприниматели смогли воспользоваться развитием железнодорожной сети, промыш-

ленности и торговли, чтобы сколотить себе крупные состояния. Столь быстрый экономический успех привел к тому, что многие из этих людей и их компаний стали использовать все более и более нечистоплотные методы. Подобных бизнесменов называли «баронами-разбойниками», потому что они действовали весьма грубо, стараясь добиться монополии и не допустить вхождения на рынок новых игроков, которые могли бы стать для них конкурентами, будь правила игры одинаковы для всех. Одним из самых известных таких «баронов» был Корнелиус Вандербильт, знаменитый своей фразой: «Какое мне дело до закона? Разве у меня мало могущества?»

Еще один «барон-разбойник», Джон Рокфеллер, основал в 1870 году компанию *Standard Oil*. Он быстро устранил всех конкурентов в городе Кливленд, штат Огайо, где находилась штаб-квартира компании, и попытался монополизировать транспортировку и продажу нефти и нефтепродуктов. В 1882 году Рокфеллер создал на основе своей компании огромную монополистическую группу – как мы сказали бы сегодня, трест. К 1890 году *Standard Oil* контролировала 88 % всей нефтепереработки в США, а в 1916-м Рокфеллер стал первым в истории миллиардером. Карикатуры того времени изображают *Standard Oil* в виде гигантского спрута, чьи щупальца обвивают не только неф-

тяную промышленность, но и Капитолийский холм.

Почти столь же одиозной фигурой был и Джон Пирпонт Морган, основатель банковского конгломерата *J. P. Morgan*, который после многочисленных слияний превратился в сегодняшний *JP Morgan Chase*. В 1901 году Морган и Эндрю Карнеги основали компанию *U. S. Steel* – первую фирму с капитализацией более чем в миллиард долларов и в течение долгого времени крупнейшую сталелитейную корпорацию мира.

В 1890-х годах большие тресты стали проникать почти во все отрасли экономики, многие из них контролировали более 70 % своего сектора. К ним относились такие известные бренды, как *Du Pont*, *Eastman Kodak* и *International Harvester*. Исторически в северной и центральной части Соединенных Штатов рынки были относительно более конкурентными и с более равными условиями для всех участников, чем в остальных регионах страны, особенно в южных штатах. Но в описываемый период конкуренция уступила место монополиям, а имущественное неравенство стало резко расти.

Частью плюралистической политической системы США к тому времени уже был широкий слой граждан, имеющих доступ к политической власти, и этот слой граждан был способен противостоять подобным эксцессам. Те, кто стали жертвами монополистических

действий «баронов-разбойников» или не были готовы терпеть их бесцеремонное хозяйничанье в целых сферах промышленности, стали объединяться. Сначала возникло Популистское, а впоследствии – Прогрессивное движение.

Популистское движение зародилось на волне долгого аграрного кризиса, поразившего Средний Запад в конце 1860-х годов. В 1867 году была образована Национальная ассоциация по защите земледелия (*The National Grange of the Order of Patrons of Husbandry*), призванная мобилизовать фермеров на борьбу с нечестными и дискриминирующими способами ведения бизнеса. На местных выборах 1873 и 1874 годов Ассоциация получила большинство в 11 избирательных округах Среднего Запада, а недовольство сельского населения вылилось в 1892 году в создание Народной партии, представитель которой получил 8,5 % голосов на президентских выборах этого года. На двух следующих выборах «популисты» участвовали в двух безуспешных кампаниях кандидата от Демократической партии Уильяма Дженнингса Брауна, который взял на вооружение многие их лозунги. Первоначально стихийная оппозиция трестам теперь была достаточно хорошо организована, чтобы противостоять влиянию Рокфеллера и прочих «баронов-разбойников» на национальную политику.

Подобные народные объединения постепенно начинали влиять на политическую повестку дня, а затем и на законодательство, особенно в той его части, что касалась роли государства в регулировании монополий. Первым важным законодательным пакетом такого рода стал Акт о торговле между штатами (1890), согласно которому была создана Комиссия по торговле между штатами и началось развитие федерального регулирования в промышленности. Вслед за ним вскоре последовал Антитрестовый акт Шермана. Этот закон, до сих пор остающийся краеугольным камнем антимонопольного законодательства США, стал плацдармом для наступления на тресты «баронов-разбойников». Самые серьезные шаги по ограничению влияния трестов предпринимали президенты, в предвыборных программах которых значились реформы и обуздание «баронов-разбойников»: Теодор Рузвельт (1901–1909), Уильям Тафт (1909–1913) и Вудро Вильсон (1913–1921).

Ключевой политической силой, стоявшей за анти-трестовым движением и добившейся федерального регулирования индустрии, было все то же «фермерское голосование». Инициаторами первых попыток отдельных штатов в 1870 году ввести государственное регулирование на железных дорогах были фермерские организации. И в самом деле, почти все

59 антитрестовских петиций, направленных в Конгресс до принятия Акта Шермана, были инициированы в сельскохозяйственных штатах и сформулированы такими организациями, как Союз фермеров, Альянс фермеров, Ассоциация взаимопомощи фермеров и Союз защитников животноводства. Фермеры видели свой коллективный интерес в том, чтобы противостоять монополистическим практикам в промышленности.

Крах «популистов», сильно ослабленных после того, как они всем своим авторитетом поддержали проигравших на выборах демократов, вызвал к жизни «прогрессистов» – пестрое по составу реформистское движение, программа которого позаимствовала много пунктов у «популистов». Начальный этап деятельности Прогрессивного движения тесно связан с фигурой Тедди Рузвельта, который был вице-президентом при президенте Уильяме Маккинли, а после убийства последнего в 1901 году занял президентское кресло. Прежде чем поселиться в Белом доме, Рузвельт был бескомпромиссным губернатором штата Нью-Йорк и приложил на этом посту много сил для искоренения политической коррупции и «аппаратной политики». В своем первом обращении к Конгрессу в качестве президента США Рузвельт поднял вопрос о трестах. По его словам, процветание Соединенных

Штатов базируется на рыночной экономике и предпринимательском духе, но в то же время

«существуют действительно серьезные недостатки, а также широко распространенное в умах американцев убеждение, что большие корпорации, известные как «тресты», в определенных своих проявлениях и тенденциях вредят общему благосостоянию. Это мнение проистекает не из зависти или придирчивости и не из недостатка гордости за великие промышленные достижения, которые поставили нашу страну во главе наций, борющихся за экономическое первенство. Оно основано не на недостаточном понимании того, что переменам в условиях ведения бизнеса должны соответствовать новые методы, и не на игнорировании того факта, что для больших свершений, которых требует мировой прогресс, необходима концентрация капитала. Это мнение опирается на искреннее убеждение, что концентрация капитала, хотя ее и не следует запрещать вовсе, должна стать предметом постоянного внимания и строгого контроля. И я убежден в правильности этого мнения».

И далее:

«Задачей тех, кто отвечает за социальные улучшения, должно стать как освобождение бизнеса от преступного мошенничества, так

и освобождение всей политической жизни от преступного насилия».

Заключение же речи было таким:

«В интересах всего народа, всей нации было бы, не вмешиваясь в компетенцию властей штатов в существенных пунктах, учредить властные органы, отвечающие за надзор и регулирование деятельности всех корпораций, ведущих дела в разных штатах. Это особенно необходимо, когда речь идет о корпорациях, получающих часть своих доходов благодаря определенным монополистическим элементам или тенденциям их бизнеса».

Рузвельт предложил Конгрессу создать федеральное агентство, которое имело бы полномочия расследовать дела больших корпораций и, если это необходимо для учреждения такого агентства, принять соответствующие поправки в Конституцию. В 1902 году Рузвельт использовал Акт Шермана, чтобы расформировать компанию *Northern Securities*, а это ущемляло интересы Моргана. В дальнейшем антимонопольные иски были предъявлены компаниям *Du Pont*, *American Tobacco* и *Standard Oil*. В дополнение к Акту о торговле между штатами по инициативе Рузвельта в 1906 году был принят Акт Хепберна, который расширял права Комиссии по торговле между штатами, предостав-

для особые полномочия по проверке финансовых отчетов железнодорожных компаний и вводя в ее компетенцию новые сферы бизнеса. Преемник Рузвельта на посту президента Уильям Тафт преследовал тресты с еще большей настойчивостью, венцом же его антитрестовской деятельности стал роспуск компании *Standard Oil* в 1911 году. Тафт провел и другие важные реформы, в том числе и установление федерального налога на прибыль, который был введен с принятием Шестнадцатой поправки к Конституции (1913).

Апогеем «прогрессивистских» реформ стала предвыборная кампания Вудро Вильсона в 1912 году. В своей книге «Новая свобода», вышедшей годом позже, Вильсон писал:

«Если монополии продолжают существовать, они навсегда займут место у кормила государства. Я не думаю, что когда-нибудь монополизм захочет ограничивать сам себя. Если в этой стране есть люди, достаточно влиятельные, чтобы наложить руку на управление Соединенными Штатами, они постараются это сделать».

Рузвельт приложил усилия для расширения действия Акта Шермана, добившись принятия Антитрестового акта Клейтона (1914) и создав Федеральную

торговую комиссию, призванную следить за исполнением последнего. Кроме того, после расследования, проведенного «Комитетом Паджо»⁴⁴ по делу так называемого денежного треста, Вильсон стал выступать за усиление регулирования и финансового рынка также. В 1913 году он создал Федеральный резервный фонд, который должен был пресекать попытки монополистических действий в финансовом секторе.

Появление на сцене «баронов-разбойников» с их монопольными трестами в конце XIX – начале XX века показывает, как мы уже отмечали в главе 3, что рыночная экономика сама по себе еще не гарантирует устойчивость инклюзивных институтов. Несколько фирм могут захватить рынок, заломить заоблачные цены на свою продукцию и при этом не пускать на рынок других, более эффективных игроков и новые технологии. Рынок, если его предоставить самому себе, может перестать быть инклюзивным институтом и стать жертвой влияния экономически и политически могущественных сил. Для устойчивости инклюзивных экономических институтов необходим не просто рынок, а инклюзивный рынок, предоставляющий равные для всех условия входа на него и эко-

⁴⁴ *Pujo Committee* – следственная комиссия в составе Комитета по банкам и финансам Конгресса США, которую возглавлял конгрессмен от Луизианы Арсене Паджо (*Ars ne Pujo*).

номическую перспективу для большинства участников. Монополии, которые поддерживает политическая власть, этим условиям противоречат. Однако описанная нами реакция на появление монополистических трестов демонстрирует, что политические инклюзивные институты представляют собой силу, способную противодействовать попыткам сделать рынок менее инклюзивным.

Вот она, благотворная обратная связь в действии! Инклюзивные экономические институты представляют собой основу, на которой могут строиться инклюзивные политические институты, а последние, в свою очередь, препятствуют попыткам упразднить первые. Процесс уничтожения трестов в США, в отличие от того, что мы наблюдали в Мексике (стр. 38–40), демонстрирует эту способность благотворной обратной связи. В то время как в Мексике не оказалось политического института, способного запретить монополию Карлоса Слива, акты Шермана и Клейтона в Соединенных Штатах на протяжении последнего столетия неоднократно использовались для запрещения трестов, монополий и картелей – иными словами, для того, чтобы рынок оставался инклюзивным.

Американский опыт первой половины XX века показывает также важнейшую роль свободных СМИ в формировании благотворной обратной связи. В 1906

году президент Рузвельт ввел в обиход термин «разгребатель грязи» (*muckraker*), намекающий на одного из персонажей «Путешествия пилигрима» Джона Баньяна.⁴⁵ «Разгребателями грязи» Рузвельт называл газетчиков, которые казались ему слишком навязчивыми. Слово прижилось и стало обозначать журналистов – пусть и навязчивых, но эффективных, – которые вытаскивали на свет темные дела «баронов-разбойников», включая подкуп местных и федеральных политиков. Пожалуй, самой знаменитой «разгребательницей грязи» была Ида Тарбелл, чья вышедшая в 1904 году книга «История компании *Standard Oil*» сыграла ключевую роль в том, что общественное мнение было настроено против Рокфеллера и его бизнеса, и в конце концов это привело к расформированию *Standard Oil* в 1911 году. Еще один известный «разгребатель» – адвокат и литератор Луис Брендайс, которого президент Вильсон впоследствии назначил председателем Верховного суда. Брендайс в своей книге «Чужие деньги и как банкиры их используют» исследовал ряд финансовых скандалов, и эти исследования оказали большое влияние на деятельность «Комитета Паджо». Газетный магнат Уильям Рэндольф Херст также играл заметную роль в «разгребании грязи». В 1906 году он разместил в сво-

⁴⁵ Джон Баньян – английский писатель-моралист XVII века.

ем журнале *Cosmopolitan* серию статей Дэвида Грэма Филлипса под общим названием «Измена Сената», которая положила начало кампании за прямые выборы в Сенат – еще одна ключевая реформа «прогрессистов», ставшая реальностью с принятием Семнадцатой поправки к Конституции США (1913).

«Разгребатели грязи» сыграли важную роль в том, чтобы вдохновить политиков на действия против трестов. «Бароны-грабители» ненавидели журналистов, но политические институты Соединенных Штатов не оставляли им возможности заставить своих врагов замолчать. Инклюзивные политические институты поощряли процветание свободных СМИ, а свободные СМИ, в свою очередь, уменьшали вероятность того, что попытки подорвать инклюзивные экономические и политические институты останутся незамеченными и тем более окажутся успешными. И наоборот, подобная свобода невозможна в условиях экстрактивных политических институтов, при абсолютизме или диктатуре, когда у режима есть возможность предотвращать появление сколь-нибудь серьезной оппозиции. Информация, предоставляемая свободными СМИ, стала важнейшим фактором в политической жизни США первой половины XX века. Без такой информации граждане Соединенных Штатах не узнали бы об истинных масштабах злоупотреблений «ба-

ронов-разбойников» и не смогли бы в конце концов обуздать тресты.

Свои люди в суде

Франклин Делано Рузвельт, кандидат от Демократической партии и двоюродный брат Тедди Рузвельта, был избран президентом в 1932 году, в разгар Великой депрессии. Он пришел к власти, получив таким образом от народа мандат на реализацию пакета масштабных мер по преодолению кризиса. Ко времени инаугурации Рузвельта в начале 1933 года четверть всех работоспособных граждан Америки были безработными, множество было ввергнуто в нищету. Выпуск промышленной продукции упал вдвое по сравнению с периодом до начала депрессии (1929), инвестиции практически прекратились. Политика, которую Рузвельт предложил для того, чтобы выйти из этой ситуации, получила название «Новый курс».

На выборах Рузвельт одержал убедительную победу: за него было отдано 57 % голосов, а демократы получили большинство и в Конгрессе, и в Сенате, – этого было достаточно для того, чтобы провести «Новый курс» в жизнь. Тем не менее некоторые из предполагаемых законодательных нововведений представляли из себя конституционную проблему, и дело дошло до Верховного суда, для которого электоральный мандат Рузвельта имел гораздо меньше веса.

Одним из краеугольных камней «Нового курса» был Акт о восстановлении национальной промышленности. В первой его статье были перечислены меры, которые Рузвельт и его команда считали важнейшими для возрождения экономики: ограничение конкуренции в промышленности, наделение рабочих более широкими правами по организации профсоюзов и регулирование условий труда. Вторая статья учредила Управление общественных работ, инфраструктурные проекты которого включали в себя строительство железнодорожного вокзала на Тридцатой улице в Филадельфии, моста Трайборо, гидроэлектростанции Гранд-Кули, а также шоссе, соединяющего острова архипелага Флорида-Кис с материком. Президент Рузвельт подписал Акт о восстановлении национальной промышленности 16 июня 1933 года, однако он вскоре был оспорен в Верховном суде. 27 мая 1935 года Верховный суд единогласным решением постановил, что Статья I Акта не соответствует Конституции. Вердикт суда гласил:

«Исключительные обстоятельства могут требовать исключительных мер. Но исключительные обстоятельства не могут создавать новые или расширять существующие конституционные полномочия».

До того как решение суда вступило в силу, Рузвельт

реализовал следующий пункт своей программы и подписал Акт о социальном обеспечении, заложивший основы «социального государства» (*welfare state*) в США: система пенсий, пособий по безработице, помощь семьям с несовершеннолетними детьми, некоторые элементы общественного здравоохранения и пенсии по инвалидности. Был также подписан Акт о регулировании трудовых отношений, который вновь расширял права рабочих по организации профсоюзов, наделял их правом вести коллективные переговоры или проводить забастовки в случае спора с работодателями. Эти меры также столкнулись с противодействием Верховного суда, и пока в рамках судебной системы шла борьба, Рузвельт был переизбран в 1936 году с еще более впечатляющим результатом – 61 % голосов. Получив столь значительную поддержку населения, он вовсе не был расположен позволять Верховному суду вмешиваться в его политические решения. Свои планы он изложил в одном из регулярных обращений к народу, которое было передано по радио 9 марта 1937 года. Рузвельт начал свою речь с напоминания о том, что во время его первого президентского срока все его насущно необходимые решения едва не были заблокированы Верховным судом. Затем он продолжил:

«Я вспоминаю тот вечер 9 марта, четыре года

назад, когда я впервые обратился к вам по радио. Мы тогда находились на самом дне банковского кризиса. Вскоре после этого, поддержанные авторитетом Конгресса, мы попросили население сдать все имеющееся у него на руках золото по честной цене правительству Соединенных Штатов.⁴⁶ Сегодняшнее оживление банковского сектора показывает, что эта мера была правильной. Но когда почти два года спустя вопрос о соответствии этих действий Конституции разбирался Верховным судом, то их конституционность была подтверждена с перевесом всего пять голосов против четырех. Если бы один голос лег на другую чашу весов, то великая нация снова была бы ввергнута в хаос. В самом деле, четверо судей постановили, что право требовать по частному контракту в точности то, что там прописано, – это право более священное, чем основные цели, провозглашенные Конституцией, то есть

⁴⁶ Речь идет о президентском указе 1933 г., в соответствии с которым в США была проведена фактическая возмездная экспроприация золота частных лиц. За несколько месяцев население страны должно было сдать по фиксированной цене в банки все имеющееся у него золото. Запрещались сделки с оплатой золотом или в золотом эквиваленте. Требовать в суде золото по уже заключенным до Указа сделкам подобного рода стало невозможным: ответчики присуждались к выплате бумажных денег по соответственному курсу, – см. дальше цитату из Рузвельта (*прим. перев.*).

процветание и укрепление нации».

Очевидно, допустить подобную ситуацию впредь было нельзя. Рузвельт говорил:

«В прошлый четверг я уподобил американскую форму правления тройке лошадей, которых Конституция дала американскому народу, чтобы он мог возделывать свое поле. Эти три лошади – Конгресс, исполнительная власть и судебная система. Сегодня две лошади: Конгресс и исполнительная власть – тянут в одну и ту же сторону. Но третья – в обратную».

Затем Рузвельт напомнил, что в действительности Конституция США изначально не давала Верховному суду полномочий проверять конституционность законодательных актов, что такое право было предоставлено ему только в 1803 году. Однако тогда же судья Верховного суда Башрод Вашингтон подчеркнул, что Верховный суд должен «считать закон действующим, пока его несоответствие Конституции не доказано без всяких обоснованных сомнений». Рузвельт замечает:

«За последние четыре года это разумное правило – выносить решение лишь при отсутствии обоснованных сомнений – было отброшено. Верховный суд действовал не как юридический, а как политический орган».

Рузвельт считал, что его электоральный мандат да-

ет ему право изменить эту ситуацию и что «по зрелом размышлении о том, какие реформы нужны, представляется, что единственный конституционный метод действий... это влить новую кровь в наши суды». Президент также высказал предположение, что судьи Верховного суда перегружены работой и что эта нагрузка слишком тяжела для пожилых судей – а именно они и голосовали в суде против его законодательных инициатив. Он также предложил, чтобы судьи Верховного суда выходили в отставку по достижении семидесяти лет и чтобы коллегия была дополнена шестью новыми судьями. Представленный Рузвельтом Билль о реорганизации судебной системы должен был вывести из игры судей, назначенных при прежних, более консервативных администрациях и по большей части настроенных против «Нового курса».

Хотя Рузвельт умел очень искусно завоевывать поддержку населения, в данном случае опросы общественного мнения показали, что лишь 40 % респондентов одобряют план судебной реформы. Луис Брандейс был в это время судьей Верховного суда. Несмотря на то, что он по большей части одобрял законодательную деятельность Рузвельта, он высказался против попыток президента ограничить полномочия Верховного суда, а также не согласился с его мнением, что судьи якобы перегружены. Демократи-

ческая партия Рузвельта имела большинство в обеих палатах Конгресса, однако Палата представителей также по большей части отказалась иметь что-нибудь общее с биллем Рузвельта.

Тогда президент решил попытать счастья в Сенате. Билль был направлен в Судебный комитет верхней палаты, однако члены комитета после нескольких бурных заседаний так и не пришли к единому мнению. В конце концов комитет вынес негативное заключение, что билль являет собой «бесполезный, бесплодный и крайне опасный отход от конституционных принципов... не опирающийся ни на какой прецедент или юридическое обоснование». Сенат 70 голосами против 20 вынес решение вернуть билль в Комитет для исправления. Все положения, касающиеся «расширения» суда, были из него удалены. Рузвельт оказался не в состоянии обойти препятствия, которые поставил на его пути Верховный суд. Однако несмотря на эти препятствия компромисс все же был найден – акты о социальном страховании и регулировании трудовых отношений были признаны Верховным судом соответствующими Конституции.

Но еще более важным результатом, чем принятие двух этих законов, стал урок, который можно было вынести из сложившейся ситуации. Инклюзивные политические институты не только препятствуют отступле-

нию от инклюзивных экономических институтов, но и успешно противостоят атакам на них самих. В интересах Конгресса и Сената, где большинство составляли демократы, было бы поменять состав суда и тем обеспечить законодательную поддержку «Новому курсу». Но точно так же, как британская политическая элита начала XVIII века, осознавшая, что отмена принципа верховенства закона ставит под удар ее собственные завоевания в борьбе с монархией, конгрессмены и сенаторы 1930-х годов поняли: если президент поставит под сомнение независимость суда, то это нарушит баланс власти в системе, которая защищает от произвола президента их самих и обеспечивает существование плюралистических политических институтов.

А вдруг в следующий раз Рузвельт решит, что добиваться большинства в законодательных органах — слишком сложное и долгое дело и гораздо удобнее править с помощью указов? Это полностью подорвет политическую систему США. Конгресс, конечно же, не одобрил бы подобного, но президент вправе напрямую обратиться к нации, заявить, что Конгресс мешает проведению мер, необходимых для борьбы с Великой депрессией. Он может, в конце концов, с помощью полиции разогнать Конгресс...

Звучит фантастически? Но именно это случилось в

Перу и Венесуэле в 1990-е годы. Президенты Фухимори и Чавес, воспользовавшись мандатом, который им выдал народ, разогнали в своих странах парламенты, не желавшие идти им навстречу, и переписали конституции так, чтобы усилить власть президента. Боязнь вступить на скользкий путь, который может привести к ослаблению плюралистических политических институтов, – именно в свое время удержало Уолпола от давления на британский суд, а Конгресс США эпохи Рузвельта – от поддержки президентского плана судебной реформы. Так Рузвельт столкнулся с мощью механизма благотворной обратной связи.

Однако эта логика действует не всегда, особенно если речь идет об обществах, имеющих определенные инклюзивные черты, но в глубине своей экстрактивных. Мы уже рассматривали подобные общества на примерах Рима и средневековой Венеции. Еще одну иллюстрацию из этого ряда можно получить, сравнив безуспешные попытки Рузвельта повлиять на состав Верховного суда с аналогичными попытками в Аргентине – в этой стране похожая борьба развернулась в условиях доминирования экстрактивных институтов.

В 1853 году, согласно Конституции Аргентины, был учрежден Верховный суд примерно с той же юрисдикцией, что и у Верховного суда США. В 1887 году арген-

тинский Верховный суд, как ранее и его американский аналог, был наделен полномочиями выносить решения о конституционности тех или иных законов. Теоретически аргентинский Верховный суд мог стать одним из важнейших инклюзивных политических институтов в Аргентине, однако политическая и экономическая система страны в целом оставалась в высокой степени экстрактивной. Широкие слои населения Аргентины не были вовлечены в политический процесс. В 1946 году президентом Аргентины на демократических выборах был избран полковник Хуан Доминго Перон, появившийся на политической сцене после военного переворота 1943 года, когда он был назначен министром труда. На этом посту он создал политическую коалицию вместе с профсоюзами и рабочим движением, и эта коалиция стала главной опорой для его президентской кампании.

Вскоре после победы Перона его сторонники в парламенте внесли предложение об импичменте четырех из пяти членов Верховного суда. Обвинений было несколько. Одно из них – судьи, вопреки Конституции, признали законными два военных переворота (в 1930 и 1943 годах) – было практически издевательским, поскольку в последнем из них сам Перон играл заметную роль. Кроме того, судей обвиняли в том, что они отклонили некоторые законодательные акты – совсем

как чуть ранее в США!

Но прежде всего судьям ставили в вину, что непосредственно перед избранием Перона президентом Верховный суд вынес решение, согласно которому перонистская национальная программа новых трудовых отношений являлась неконституционной. Как и Рузвельт, подвергший суровой критике Верховный суд в ходе своей кампании 1936 года, Перон сделал то же самое на выборах 1946-го. Через девять месяцев после начала процесса импичмента нижняя палата парламента отправила в отставку троих судей (четвертый был уволен еще раньше). Сенат одобрил эти действия, и Перон назначил четырех новых судей Верховного суда. Теперь на пути Перона не было никаких препятствий: он обладал неограниченной властью, такой же, как и у военных режимов в Аргентине до его президентства. Назначенные им судьи, например, признали конституционным тюремное заключение для Рикардо Бальбина, одного из лидеров оппозиции и постоянного критика Перона. Теперь Перон мог править, как диктатор.

С того момента, как Перону удалось сформировать удобный для себя состав Верховного суда, подобная практика стала обычной для всех последующих президентов Аргентины. Политический институт, призванный ограничивать исполнительную власть, ушел

в прошлое. Режим Перона прекратил существование в результате очередного военного переворота в 1955 году, затем последовала длинная чересполосица военных и гражданских режимов, причем и те и другие вводили в состав Верховного суда собственных ставленников. Но смена состава суда происходила далеко не только при переходах власти от военных режимов к гражданским диктатурам или наоборот.

В 1990 году Аргентина наконец увидела два демократически избранных правительства подряд – одно демократическое правление сменилось другим, президентом стал кандидат от Перонистской партии Карлос Саул Менем. Однако в том, что касалось Верховного суда, демократический лидер повел себя примерно так же, как лидеры военных хунт. Действовавший на тот момент состав суда был назначен в 1983 году президентом Раулем Альфонсином. Так как в дальнейшем передача власти произошла демократическим путем, у Менема, казалось бы, не было никакой причины менять судей. Однако Менем продемонстрировал свои намерения уже в ходе выборов: он постоянно (хотя и безуспешно) призывал членов Верховного суда подать в отставку и даже запугивал их. Судье Карлосу Фиату он публично предложил должность посла. Однако Фиат в качестве ответа отправил Менему экземпляр своей книги «Закон и нравствен-

ность», сделав на нем надпись: «К вашему сведению, эту книгу написал я».

Не смущенный подобным отпором Менем через три месяца после вступления в должность направил в Палату представителей законопроект, предлагающий расширить состав Верховного суда с пяти членов до девяти. Одним из аргументов был тот же, который Рузвельт использовал в 1937 году: судьи перегружены. Закон был одобрен обеими палатами парламента, и это позволило Менему назначить четырех новых судей и обеспечить себе большинство в Верховном суде.

Победа Менема пробудила те опасные силы, о которых мы говорили раньше. Следующий шаг президента заключался в том, что он переписал конституцию и удалил из нее норму о допустимом числе президентских сроков, таким образом он смог участвовать в следующих выборах. После переизбрания Менем приступил к очередному изменению конституции, однако на этот раз его остановили – однако не аргентинские политические институты как таковые, а оппозиция в его собственной Перонистской партии: перонисты не хотели допустить единоличной диктатуры.

Со времени получения независимости Аргентина страдала от тех же институциональных проблем, которые поразили и остальную Латинскую Америку. Раз-

витие страны шло по пути порочного круга, а не в русле благотворной обратной связи. Вследствие этого прогрессивные шаги – такие как создание подлинно независимого Верховного суда – так и не были сделаны. В плюралистической государственной системе ни одна группа не хочет или не осмеливается полностью лишиться власти другую группу из страха, что затем под удар могут быть поставлены ее собственные полномочия. В то же время широкое распределение власти в обществе делает такие попытки весьма затруднительными. Верховный суд может сохранить независимость при условии, что он пользуется серьезной поддержкой широких слоев общества, которые не потерпят попыток лишить суд независимости.

Именно так дело обстояло в США, но не в Аргентине. В последнем случае законодатели были просто счастливы подорвать влияние Верховного суда, даже при том, что это ставило под угрозу их собственное положение. Объяснение этому состоит в том, что в условиях действия экстрактивных институтов устранение независимого суда приносит много выгод и плюсы при этом могут перевесить возможные риски.

Позитивный отклик и благотворная обратная связь

Инклюзивные политические и экономические институты не появляются из ниоткуда. Часто они возникают на фоне серьезного конфликта тех, кто поддерживает экономический рост, и тех, кто на тот момент обладает политической властью. Инклюзивные институты зарождаются при наступлении исторических точек перелома, таких как Славная революция в Англии или основание колонии Джеймстаун в Северной Америке, – то есть тогда, когда определенные факторы приводят к ослаблению правящих кругов и усилению оппозиции, и в результате возникают стимулы для построения более плюралистического общества. Исход политического конфликта невозможно предвидеть. Когда мы всматриваемся в прошлое, нам кажется, что множество исторических событий были неизбежными, но на самом деле путь истории не предопределен. И тем не менее мы можем сказать, что, когда инклюзивные политические и экономические институты уже выстроены, они запускают процесс благотворной обратной связи, который чем дальше, тем больше повышает вероятность их укрепления и даже расширения.

Благотворная обратная связь работает благодаря нескольким механизмам. Во-первых, логика плюралистических политических институтов делает узурпацию власти диктатором, партией или даже законно избранным президентом гораздо более сложным делом. Это пришлось обнаружить Франклину Рузвельту, когда он попытался преодолеть ограничения, которые наложил на власть президента Верховный суд. В свое время с этим же столкнулся и сэр Роберт Уолпол, попытавшийся в упрощенном порядке применить Черный акт. В обоих случаях слишком большая концентрация власти в руках одного человека или узкой группы людей начала бы подрывать устои плюралистических политических институтов, и главная особенность плюрализма – это как раз его способность противостоять подобным попыткам.

Плюрализм также поддерживает концепцию верховенства закона, то есть принцип, согласно которому законодательные нормы должны применяться одним и тем же образом ко всем гражданам, – это совершенно невозможно при абсолютной монархии. Но принцип верховенства закона, кроме того, предусматривает, что никакой закон не может применяться одной группой для нарушения прав другой группы. Что еще важнее, этот принцип открывает возможности более широкого участия населения в политическом процес-

се и создает все бóльшую инклюзивность, поскольку способствует продвижению идеи, что люди должны быть равны не только перед законом, но и в рамках политической системы. Концепция верховенства закона – один из тех принципов, которые в Британии XIX века ослабили сопротивление политической элиты и сделали возможным постепенное распространение избирательного права на всех взрослых граждан.

Во-вторых, как мы ранее уже несколько раз отмечали, инклюзивные политические институты поддерживают аналогичные институты экономические и сами в свою очередь получают от последних поддержку. Этот процесс запускает еще один механизм благотворной обратной связи. Инклюзивные экономические институты устраняют наиболее одиозные экстрактивные черты в экономике, такие как рабство или крепостное право, борются с монополиями и придают динамизм экономике в целом, и все это минимизирует те гипотетические выгоды, которые кто-либо мог бы получить – по крайней мере в краткосрочной перспективе – от узурпации политической власти. Так как экономические институты к XVIII веку уже были в Британии в достаточной степени инклюзивными, то элита, решись она бороться за неограниченную власть, получила бы меньше выгод и, в сущности, больше потеряла бы при проведении крупномасштабных репрес-

сий против сторонников демократии. Эта особенность благотворной обратной связи сделала постепенный процесс продвижения демократии в Британии XIX века и менее тревожным для элиты, и более успешным.

Совсем иначе дела обстояли в странах с абсолютистскими режимами, таких как Австро-Венгрия и Россия, где экономические институты все еще сохраняли высокую степень экстрактивности и где ответом на требования более широкого политического представительства в конце XIX – начале XX века стали репрессии – ведь элита слишком много теряла, если бы лишилась власти.

И наконец, инклюзивные политические институты поощряют расцвет свободных СМИ, а свободные СМИ предоставляют информацию и мобилизуют силы, противостоящие любой угрозе для институтов, – как это случилось в последней четверти XIX и первой четверти XX века, когда растущее могущество «баронов-разбойников» стало представлять угрозу самой сути инклюзивных экономических институтов в США.

Хотя исход постоянных конфликтов продолжает оставаться неопределенным, благотворная обратная связь, приводимая в действие всеми этими механизмами, задает мощное направление движения, в рамках которого инклюзивные институты остаются устойчивыми, способными противостоять разнообразным

угрозам и продолжают развиваться, как это было в Британии и США. К сожалению, как мы увидим в следующей главе, экстрактивные институты могут запускать столь же мощный процесс, способствующий их устойчивости, – порочный круг.

Глава 12

Порочный круг

Вы больше никогда не сядете в поезд, идущий в Бо

Западноафриканская страна Сьерра-Леоне стала британской колонией в 1896 году. А ее столица Фритаун была основана еще в конце XVIII века в качестве прибежища для освобожденных и репатриированных из США африканских рабов. Когда Фритаун перешел под власть Британии, во внутренних районах Сьерра-Леоне продолжали существовать мелкие африканские королевства. Во второй половине XIX века англичане постепенно распространили свою власть и на внутренние области страны, заключая один договор за другим с местными вождями. На основании этих договоров британское правительство 31 августа 1896 года провозгласило территорию Сьерра-Леоне своим протекторатом. Англичане выделили из числа местных правителей наиболее влиятельных и присвоили им новый титул – «верховный вождь» (*paramount chief*). В восточной части страны,

где сейчас располагается алмазодобывающий район Коно, англичане имели дело с могущественным и воинственным царем по имени Сулуку. Он был провозглашен верховным вождем, а подвластная ему область Сандор стала одной из административных единиц протектората.

Хотя царьки наподобие Сулуку и заключали договоры с британской администрацией, они не понимали, что, с точки зрения колонизаторов, эти договоры интерпретируются как карт-бланш для насаждения своей власти. Когда англичане попытались ввести «налог на хижины» – сбор в размере пяти шиллингов с каждого жилища, вожди подняли восстание, и разгорелась гражданская война, которая так и была названа: Война из-за налога на хижины (*Hut Tax War*). Она началась на севере, но сильнее всего бушевала на юге страны, особенно в провинции Менделенд, где преобладающей этнической группой была народность менде.

Восстание вскоре было подавлено, но оно обозначило для англичан проблему с управлением внутренними областями страны. К тому времени колониальные власти уже приступили к постройке железной дороги из Фритауна вглубь территории Сьерра-Леоне. Работы начались в марте 1896 года, а до города Сонго рельсы дотянулись в декабре 1898-го, в разгар Вой-

ны из-за налога на хижины. В документах британского парламента за 1904 год говорится:

«Восстание местных жителей, подавленное в феврале 1898 года, привело к полной остановке всех работ на железной дороге Сьерра-Леоне. Персонал был совершенно дезорганизован. Повстанцы нападали на железную дорогу, в результате этого весь персонал вынужден был бежать во Фритаун... Станция Ротифунк, находящаяся в 55 милях от Фритауна, полностью оказалась в руках мятежников».

На самом деле по первоначальному плану 1894 года железная дорога вовсе не должна была проходить через Ротифунк. Маршрут был изменен после начала восстания, и вместо северного направления было выбрано южное – через Ротифунк и Бо в Менделенд. Англичане хотели как можно быстрее получить быстрый доступ в Менделенд, сердце восстания, и также к другим потенциально ненадежным внутренним областям – на случай возможных будущих мятежей.

Когда Сьерра-Леоне стала независимой (1961), власть перешла в руки Милтона Маргаи и его Народной партии Сьерра-Леоне (НПСЛ), пользовавшейся поддержкой прежде всего на юге страны (особенно в Менделенде), а также на востоке. В 1964 году Милтона Маргаи сменил на посту премьер-министра его

брат, сэр Альберт Маргаи. Через три года НПСЛ проиграла выборы (их неоднозначные результаты были подвергнуты сомнению) оппозиционной Партии общенародного конгресса (ПОК) под руководством Си-аки Стивенса. Стивенс принадлежал к народности лимба, населяющей север страны, так что его партия пользовалась поддержкой главным образом у северных этнических групп – лимба, темне и локо.

Хотя железная дорога в южном направлении была изначально задумана англичанами для облегчения управления в Сьерра-Леоне, к 1967 году она имела уже чисто экономическое значение, так как по ней транспортировались главные экспортные товары страны: кофе, какао и алмазы. Выращиванием кофе и какао занимались фермеры менде, и железная дорога была для Менделенда настоящим окном в мир. В 1967 году провинция голосовала преимущественно за Альберта Маргаи.

Стивенс был гораздо более заинтересован в сохранении собственной власти, чем в поддержке экспорта из Менделенда. Его соображения были просты: все, что хорошо для менде, хорошо и для НПСЛ. А значит, плохо для него самого. Поэтому Стивенс разобрал железнодорожную линию, ведущую в Менделенд, а затем продал разобранные пути и подвижной состав, чтобы ничего нельзя было повернуть вспять. И сего-

дня, когда вы едете на машине из Фритауна на восток, вы проезжаете мимо разоренных железнодорожных станций Гастингс и Ватерлоо. Поезда на Бо теперь не ходят. Конечно, крутые меры Стивенса в конце концов привели к упадку некоторых важнейших для Сьерра-Леоне секторов экономики. Но, подобно многим другим лидерам постколониальной Африки, когда надо было делать выбор между концентрацией власти в собственных руках и поощрением экономического роста, Стивенс без колебаний выбрал первое. Вы больше никогда не сядете в поезд, идущий в Бо, потому что Сиаки Стивенс (как некогда царь Николай I, опасавшийся, что по железной дороге в его страну «приедет революция») боялся, что железная дорога усилит его политических противников. Как и многие другие правители, стоящие на страже экстрактивных институтов, он предвидел угрозы для своей власти и предпочитал принести экономический рост в жертву собственной безопасности.

Стратегия Стивенса на первый взгляд противоположна стратегии британских колониальных властей. Но на самом деле можно констатировать явную преемственность от британского колониального правления к режиму Стивенса, и эта преемственность хорошо иллюстрирует логику порочного круга. Стивенс управлял Сьерра-Леоне, отбирая ресурсы у населе-

ния и используя для этого методы, схожие с методами британских колониалистов. Стивенсу удалось остаться у власти до 1987 года, но не потому, что он переизбирался на всенародных выборах, а потому, что еще в 1967-м он установил жестокую диктатуру, убив или запугав политических оппонентов, по большей части членов НПСЛ. В 1971 году Стивенс провозгласил себя президентом, а после 1978 года в Сьерра-Леоне осталась только одна партия – стивенсовская ПОК. Диктатор успешно прибрал к рукам все рычаги власти в стране, пусть и ценой обнищания большей части внутренних областей.

В течение колониального периода англичане использовали в Сьерра-Леоне систему непрямого правления, как они это делали и в большинстве других африканских колоний. Основой этой системы были верховные вожди, собиравшие налоги, вершившие правосудие и поддерживавшие порядок на вверенных им территориях. С фермерами, выращивавшими кофе и какао, британцы вели дела не с каждым по отдельности, а заставляя их продавать всю свою продукцию через управление по сбыту (*marketing board*) – структуру, специально учрежденную колониальной администрацией якобы для облегчения жизни фермеров. Закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию менялись год от года в широком диапазоне. Цены на

какао сегодня могли быть весьма высокими, а в будущем году резко упасть. В зависимости от этого менялись и доходы фермеров. Один из аргументов в пользу управлений по сбыту было то, что именно эти организации (а не сами фермеры) возьмут на себя задачу сгладить колебания цен. Когда мировые цены были высокими, управление платило фермерам Сьерра-Леоне чуть меньше, а когда цены падали – наоборот. В принципе, это кажется неплохой идеей, однако в реальности все обстояло иначе.

Управление по сбыту в Сьерра-Леоне было учреждено в 1949 году. Конечно же, такое учреждение нуждалось в финансировании для своей деятельности. Самым естественным путем получения необходимых средств казалось следующее: управление платило фермерам чуть меньше, чем они теоретически могли бы получить – и в хорошие, и в плохие годы, а сэкономленные таким образом деньги можно было потратить на текущие административные расходы учреждения. Однако очень скоро это «чуть меньше» превратилось в «сильно меньше»: колониальные власти использовали управление по сбыту фактически как инструмент обложения фермеров тяжелым налогом.

Многие сторонники независимости стран Черной Африки считали, что наиболее порочные способы колониального управления уйдут в прошлое в мо-

мент обретения независимости, в частности, закончилась практика выкачивания дополнительного налога у фермеров с помощью управлений по сбыту. Однако этого не случилось. На деле эта практика лишь ужесточилась. К середине 1960-х годов производители пальмового масла получали от управлений по сбыту лишь 56 % от мировой цены на свою продукцию, производители какао – 48 %, кофе – 49 %. К тому времени, как Стивенс покинул свой пост, согласившись допустить в президентское кресло назначенного им самим преемника Джозефа Момо, эти числа понизились уже до 37, 19 и 27 % соответственно. Но даже это было лучше, чем в некоторые годы правления Стивенса, когда выплаты падали до 10 % – иными словами, 90 % возможного дохода фермера забирало себе правительство. Причем эти деньги не шли на общественные нужды, такие как постройка дорог или система образования, а обогащали самого диктатора и его приближенных, а также позволяли ему покупать политическую поддержку.

Частью политики непрямого правления было то, что англичане присваивали титул верховного вождя пожизненно. Чтобы получить этот титул (и соответствующую должность), надо было прежде всего принадлежать к одному из общепризнанных «правлящих домов» (*ruling houses*). Список этих правящих домов в

различных областях страны с течением времени менялся, но, как правило, в него входили семьи тех вождей и их приближенных, которые в конце XIX века заключили договоры с англичанами. Должность верховного вождя была выборной, однако это не были демократические выборы: решение о кандидатах принимал орган под названием Племенное управление (*Tribal Authority*), в который входили младшие деревенские вожди или те, кто был назначен верховными вождями, старшими деревенскими вождями или британской администрацией.

Можно было бы ожидать, что уж такой-то типично колониальный институт будет немедленно упразднен или по крайней мере реформирован, когда страна обретет независимость. Но, как и в случае с управлениями по сбыту, этого не случилось – племенные советы по-прежнему существуют, и сегодня верховные вожди все еще имеют полномочия по сбору налогов (это уже не «налог на хижины», но его близкий аналог, подушный налог). В 2005 году Племенной совет Сандора избрал нового верховного вождя. Шансы имели только кандидаты из правящего дома Фасулуку – единственного правящего дома в регионе. Верховным вождем стал Шеку Фасулуку, прапраправнук царя Сулуку.

Изучение методов работы управлений по сбыту и особенностей традиционного землевладения помогает понять, почему продуктивность сельского хозяйства в Сьерра-Леоне и в большей части других стран Черной Африки столь низкая. Политолог Роберт Бейтс в 1980-е годы попытался разобраться, почему сельское хозяйство в Африке столь неэффективно, хотя согласно хрестоматийной экономической теории оно должно бы стать здесь самым динамичным сектором экономики. Бейтс понял, что дело не в географии и не в тех факторах, которые были рассмотрены в главе 2 и согласно которым продуктивность сельскохозяйственного производства должна быть низкой по самой его природе. Причина, скорее всего, заключалась в том, что ценовая политика управлений лишала фермеров любых стимулов, которые могли бы побудить их инвестировать в производство, использовать удобрения или хотя бы бережно относиться к земле.

Причина, по которой управления по сбыту совершенно не принимали во внимание интересы сельских жителей, проста: эти интересы не были защищены никакой политической силой. Ценовая полити-

ка управлений была производным более фундаментальных местных политических факторов, которые делали право собственности ненадежным и уничтожали любые стимулы для инвестиций. Дело в том, что в Сьерра-Леоне верховные вожди не только обеспечивают законность и порядок, не только выносят судебные решения и собирают налоги – они еще являются так называемыми «хранителями земли». Хотя семьи, кланы и династии имеют право использовать свою землю и освященное традицией право собственности на нее, в конечном счете именно за вождем остается последнее слово в том, кто будет обрабатывать тот или иной участок. Ваше право собственности на землю защищено, только если у вас есть связи с вождем – например, вы происходите из того же правящего дома. Землю нельзя продать, купить, заложить, и если вы не родились в этом же самом округе, то вам не разрешат выращивать многолетние культуры, такие как кофе, какао или кокосы, из-за опасений, что со временем это позволит вам де-факто получить право собственности на землю.

Отличие экстрактивных институтов, которые развивались под властью англичан в Сьерра-Леоне, от инклюзивных институтов, возникших в других британских колониях, например в Австралии, лучше всего видно при сравнении способов использования мине-

ральных ресурсов. Алмазы были найдены в Коно (на востоке Сьерра-Леоне) в январе 1930 года. Это были аллювиальные речные россыпи, то есть их разработка не требовала глубоких шахт, первоначально алмазы просто намывали на речных отмелях. Некоторые социологи называют подобные камни «демократическими алмазами», потому что такой способ добычи допускает участие множества людей, а это создает потенциально инклюзивные возможности. Но не в Сьерра-Леоне. Полностью игнорируя демократическую природу поиска алмазов, британское правительство создало монополию *Sierra Leone Selection Trust*, чье действие распространялось на весь протекторат, и передало ее в управление компании *De Beers*, огромной южноафриканской алмазодобывающей корпорации. В 1936 году *De Beers* также получила право сформировать так называемые Силы по охране алмазов (*Diamond Protection Force*) – частную армию, которая через какое-то время превзошла по численности британские колониальные части в Сьерра-Леоне.

Но даже и после этого изобилие аллювиальных отложений алмазов затрудняло контроль и регулирование добычи. К 1950-м годам армии *De Beers* приходилось иметь дело с тысячами нелегальных старателей, хаотическая деятельность которых сопровождала

лась массой конфликтов. В 1955 году британское правительство отвело несколько алмазных приисков для независимых лицензированных старателей вне зоны действия монополии *Sierra Leone Selection Trust*, но в распоряжении компании все равно оставались самые богатые залежи в Йенгеме, Коиду и Тонго.

С получением независимости ситуация только ухудшилась. В 1970 году Сиака Стивенс фактически национализировал *Sierra Leone Selection Trust* и создал на ее основе компанию под названием *National Diamond Mining (Sierra Leone) Ltd*, в которой правительству (а на самом деле лично Стивенсу) принадлежал 51 %. Так Стивенс начал планомерно прибирать к рукам алмазную добычу в стране.

В Австралии в XIX веке алмазов еще не нашли, зато здесь было золото, которое обнаружили в 1851 году в Новом Южном Уэльсе, на территории нынешнего штата Виктория. Как и алмазы Сьерра-Леоне, австралийское золото тоже содержалось в поверхностных месторождениях, и надо было принимать решение, что с ними делать. Некоторые политики – например, Джеймс Макартур, сын лидера сквоттеров Джона Макартура, о котором мы рассказывали ранее (стр. 278–282), – предлагали огородить золотоносные площади и выставить на аукцион монопольное право на их разработку. Иными словами, предлагалось создать нечто

вроде австралийской версии *Sierra Leone Selection Trust*. Но в Австралии было немало и тех, кто выступал за свободный доступ к золотым месторождениям. Инклюзивная модель победила, и вместо установления монополии австралийские власти позволили любому, кто был в состоянии оплатить годовую лицензию, искать и добывать (*to dig*) золото. Вскоре диггеры (*diggers*), как стали называть этих искателей приключений, стали в австралийской политике заметной силой, особенно в штате Виктория. Диггеры сыграли важную роль в борьбе за всеобщее избирательное право и тайное голосование.

Мы уже видели два разрушительных следствия европейской экспансии и колониального управления в Африке: трансатлантическую работорговлю, предопределившую экстрактивное направление развития африканских политических и экономических институтов, и практику использования колониального законодательства и институтов для уничтожения африканского коммерческого сельского хозяйства, которое могло бы конкурировать с европейским. Последствия работорговли в Сьерра-Леоне, несомненно, ощущались очень сильно. Во внутренних областях страны ко времени европейской колонизации не сложилось сильного централизованного государства, вместо него имелись несколько маленьких по-

стоянно враждующих королевств, постоянно устраивающих набеги друг на друга для захвата пленных. Рабство было здесь укорененным, традиционным институтом, и 50 % населения было обращено в рабов.

Эпидемиологическая ситуация в Сьерра-Леоне делала невозможным широкомасштабное заселение этого края белыми колонистами, как это случилось в Южной Африке. Таким образом, конкуренция с белыми фермерами африканцам не грозила. Мало того, отсутствие мощной горнодобывающей промышленности означало, что в стране нет ни спроса на африканскую рабочую силу, ни стимулов специально создавать экстрактивный рынок труда, столь характерный для Южной Африки времен апартеида. Зато здесь действовали другие механизмы. Хотя производителям кофе и какао не приходилось конкурировать с белыми, их доходы все равно изымались с помощью правительственной монополии – управлений по сбыту.

Большой вред принесла Сьерра-Леоне и система непрямого правления. Во многих регионах Африки, где британские власти также хотели бы ввести эту систему, они сталкивались с тем, что у местного населения не было структур централизованной власти, которые можно было бы использовать. Например, у племени игбо (Восточная Нигерия) вообще не было во-

ждей до встречи с англичанами в XIX веке, и тогда британцы назначили игбо так называемых «уполномоченных вождей» (*warrant chiefs*). В Сьерра-Леоне же англичане ввели не прямое правление, используя уже существовавшие местные институты и системы власти.

Однако несмотря на то, что у людей, которые были определены верховными вождями в 1896 году, были на это некоторые исторические права, особенности непрямого правления и той власти, которой были наделены верховные вожди, полностью изменили политическую жизнь Сьерра-Леоне. Прежде всего возникла новая социальная страта – «правлящие дома», которой ранее не было. Наследственная аристократия пришла на смену существовавшим до этого более гибким социальным отношениям, при которых вожди нуждались в поддержке народа. Вместо этого была выстроена жесткая система, в которой пожизненно избранные вожди, которых поддерживали их покровители во Фритауне и в самой Британии, значительно меньше зависели от народа, которым правили. Англичанам было удобно подобное изменение порядков, поскольку они могли заменить упрямого вождя на более сговорчивого человека. И в самом деле, семья Маграи, откуда вышли два первых премьер-министра независимой Сьерра-Леоне, в свое время пришла к

власти в округе Нижняя Банта, поддержав англичан в Войне из-за налога на хижины и выступив против правившего в то время короля Ниамы. Король был низложен, а представителей семьи Маграи стали назначать вождями, и это продолжалось до 2010 года.

Особенно следует отметить преемственность между колониальным управлением и системой власти в независимой Сьерра-Леоне. Англичане создали управления по сбыту и использовали их для обложения фермеров налогом. Постколониальные правительства поступали ровно так же, только ставки были выше. Англичане создали систему непрямого правления с помощью верховных вождей. Правительства, действовавшие уже после получения независимости, не отвергли и этот колониальный институт, они так же использовали его для управления в сельской местности. Британия установила монополию на добычу алмазов и пыталась не подпускать к приискам африканских старателей. Постколониальные правительства делали совершенно то же самое.

Правда, англичане считали строительство железной дороги полезным предприятием с точки зрения управления Менделендом, а Саика Стивенс думал иначе, но Британия могла доверять своим солдатам и знала, что их можно отправить в Менделенд, если там начнется мятеж, а Стивенс, напротив, дове-

рять своим военным никак не мог. Как во многих африканских странах, сильная армия представляла бы угрозу для правления Стивенса. Именно по этой причине он сознательно ослаблял армию, сокращал ее численность, предпочитая использовать для силовых действий полувоенные формирования, верные лично ему. В ходе этого процесса диктатор все больше ослаблял и так слабую государственную власть, существовавшую в Сьерра-Леоне. Вместо армии на первые роли выдвинулось «Подразделение внутренней безопасности» (*Internal Security Unit, ISU*), аббревиатуру названия которого местные жители расшифровывали как *I Shoot U* («Я тебя застрелю»). Затем появился «Особый батальон сил безопасности» (*Special Security Division, SSD*), известный в народе как *Siaka Stevens's Dogs* («Псы Сиаки Стивенса»). Но в конце концов именно отсутствие армии, которая могла бы поддержать режим, привело к его падению: 29 апреля 1992 года группа всего из тридцати солдат под предводительством капитана Валентина Страссера свергла режим партии ПОК.

Развитие Сьерра-Леоне, или, скорее, отсутствие такового, можно рассматривать как пример порочного круга. Сначала британские колониальные власти построили экстрактивные институты, а затем политики независимой страны с радостью подхватили эстафе-

ту. Эта схема пугающим образом напоминает развитие событий в других странах Черной Африки. Такие же надежды на развитие после обретения независимости имелись и у Ганы, и у Кении, и у Замбии, и у многих других африканских государств. Но и в этих случаях экстрактивные институты самовоспроизводились по схеме порочного круга – и со временем они становились все более порочными. Во всех этих странах, например, продолжали существовать созданные британцами управления по сбыту.

Для возникновения подобного порочного круга существуют естественные причины. Экстрактивные политические институты порождают аналогичные экономические институты, обогащающие немногих за счет большинства. Диктатор, в чьих интересах работают эти экстрактивные институты, получает с их помощью средства для создания своей собственной частной армии, оплаты наемников, подкупа судей, для организации выборов таким образом, чтобы результаты не угрожали его власти. Он чрезвычайно заинтересован в сохранении этой системы. Поэтому экстрактивные экономические институты, в свою очередь, создают основу для существования экстрактивных политических институтов. В режиме, построенном на таких политических институтах, власть представляет для элиты большую ценность, поскольку она

бесконтрольна и сулит обогащение.

Кроме того, экстрактивные политические институты не предусматривают никаких сдержек против злоупотребления властью. Развращает ли вообще власть человека – это вопрос спорный, но лорд Актон был, безусловно, прав, когда говорил, что «абсолютная власть развращает абсолютно». Мы видели в предыдущей главе, что даже когда Франклин Рузвельт захотел использовать свои президентские полномочия способом, который он считал полезным для общества, и устранить при этом сопротивление со стороны Верховного суда, инклюзивные политические институты США не позволили ему выйти за рамки, которыми была ограничена его власть. Однако в условиях экстрактивных политических институтов никаких рамок для власти практически не существует, какой бы извращенной и антиобщественной она ни была. В 1980 году Сэм Бангура, управляющий Центробанком Сьерра-Леоне, подверг критике политику Сиаки Стивенса и обвинил диктатора в расточительстве. Вскоре банкир был убит: его выбросили с верхнего этажа здания Центробанка на мостовую улицы, по иронии судьбы носившей имя Сиаки Стивенса. Так экстрактивные политические институты порождают порочный круг: ведь они не предусматривают защиты граждан от тех, кто узурпировал государствен-

ную власть и злоупотребляет ею.

Еще один механизм, приводящий в действие порочный круг, – это повышение ставок в борьбе за власть. Экстрактивные институты порождают неограниченную власть и ведут к росту неравенства в доходах, а бенефициаром всех благ, которые приносит неограниченная власть, становится всякий, кому удалось встать во главе государства, так что возникают стимулы отчаянно бороться за власть и за доходы от нее, – именно это мы наблюдали на примере Рима и городов-государств майя. В свете вышесказанного не вызывает удивления, что экстрактивные институты, унаследованные многими африканскими странами от колониальных администраций, стали причиной борьбы за власть и гражданских войн. Эти конфликты не были похожи на английскую гражданскую войну или Славную революцию. Африканцы сражались не за реформы политических институтов, не за ограничения власти элит или создание плюралистической системы, а лишь за власть как таковую и возможность обогащения одной общественной группы за счет остальных. В Анголе, Бурунди, Чаде, Кот-д’Ивуаре, Демократической Республике Конго (Заире), Эфиопии, Либерии, Мозамбике, Нигерии, Руанде, Сомали, Судане, Уганде и, конечно же, в Сьерра-Леоне, как это будет рассмотрено более детально в следую-

щей главе, такие конфликты вылились в череду кровавых гражданских войн и привели к краху экономики и беспрецедентным человеческим страданиям – а одновременно и к деградации государства.

От энкомьенды к земельным захватам

14 января 1993 года Рамиро де Леон Карпио был избран президентом Гватемалы. Министром финансов он назначил Ричарда Айткенхеда Кастильо, а министром развития – Рикардо Кастильо Синибальди. У всех троих политиков было нечто общее: все они были прямыми потомками испанских конкистадоров, прибывших в Гватемалу в начале XVI столетия. Предком де Леона был знаменитый Хуан де Леон Кардона, а оба Кастильо возводили свой род к Берналу Диасу де Кастильо, тому самому, что оставил нам одно из самых известных описаний завоевания Мексики. В награду за службу Фернан Кортес назначил Кастильо губернатором города Сантьяго-де-лос Кабальерос (ныне гватемальский город Антигуа).

И Кастильо, и Де Леон стали основателями династий, как и многие другие конкистадоры, например Педро де Альварадо. Гватемальский социолог Марта Касаус Арсу выявила 22 гватемальские семьи, связанные брачными узами еще с 26 семьями, не входящими в состав основной группы. Ее генеалогическое и политологическое исследование показало, что именно эти семьи контролируют экономическую и по-

литическую жизнь Гватемалы с 1531 года. Даже при самом широком толковании того, какие именно семьи входят в состав элиты, общая численность этих семей не превышает 1 % населения страны (данные 1990-х годов).

В Сьерра-Леоне и большинстве стран Черной Африки порочный круг возник, когда экстрактивные институты, созданные колониальной администрацией, были унаследованы постколониальными правительствами. В Гватемале, как и почти повсюду в Центральной Америке, мы наблюдаем более простую, более явную разновидность порочного круга: те, кто держит в своих руках экономическую и политическую власть, выстраивают институты таким образом, чтобы эта власть принадлежала им и впредь. Такой тип порочного круга приводит к упрочению экстрактивных институтов, к закреплению власти в руках одной и той же элиты и дальнейшему отставанию страны.

Ко времени испанского завоевания Гватемала была густо населена, численность местного населения, принадлежавшего к народу майя, составляла, вероятно, около двух миллионов человек. Привезенные европейцами болезни и жестокая эксплуатация местного населения произвели здесь не меньшее опустошение, чем во всей остальной Америке. Указанной выше численности населения страна вновь достигла лишь

к 1920-м годам.

Как и в остальных частях Испанской империи, коренное население было поставлено в зависимое положение по отношению к конкистадорам при помощи института энкомьенды.⁴⁷ Как мы видели на примере колониальных Мексики и Перу, с энкомьендой были связаны и другие формы принудительного труда, в особенности *repartimiento* (распределение);⁴⁸ этот институт в Гватемале именовался также мандамьенто (*mandamiento* – «приказ»). Элита, состоявшая из потомков конкистадоров и некоторых представителей коренного населения, не только получала выгоды от использования этих инструментов принудительного труда, но и контролировала и монополизировала торговлю с помощью гильдии купцов, называвшейся Торговое консульство (*Consulado de Comercio*).

Большинство населения Гватемалы жило высоко в горах, вдали от побережья. Высокие цены на транспортировку товаров тормозили развитие экспортной экономики, и поначалу земля не представляла собой особой ценности. Большая часть по-прежнему оставалась в руках индейцев, которые жили крупными общинными хозяйствами, так называемыми эхидо (*ejidos*). Оставшаяся часть земли была по большей

⁴⁷ См. стр. 25.

⁴⁸ См. стр. 31.

части никем не занята, хотя номинально принадлежала правительству. Использование земли приносило меньше денег, чем регулирование и налогообложение торговли, сколь незначительны ни были объемы последней.

Так же как и в Мексике, гватемальская элита враждебно отнеслась к Кадисской конституции (стр. 28–32), и, так же как и в Мексике, это побудило ее объявить о независимости страны. После недолгого периода объединения страны с Мексикой и участия в Центрально-Американской федерации к власти в Гватемале пришел диктатор Рафаэль Каррера, правивший с 1839 по 1871 год. В эту эпоху потомки конкистадоров и элита из состава коренного населения поддерживали экстрактивные экономические институты колониальной эпохи практически в неизменном виде. Даже организация Торгового консульства после обретения независимости не изменилась. Хотя изначально это был институт королевской власти, он прекрасно чувствовал себя и при республиканском правлении. Так что провозглашение независимости оказалось просто переворотом, произведенным местной элитой, как это было и в Мексике. Эта элита продолжала использовать те же экстрактивные институты, от которых она получала так много выгод.

Забавно, что в этот период именно консульство от-

вечало за экономическое развитие страны. При этом, как и в колониальную эпоху, консульство преследовало свои собственные интересы, а вовсе не интересы государства. Одной из сфер его ответственности было развитие инфраструктуры, в частности портов и дорог, но, как и в Австро-Венгрии, и в России, и позже в Сьерра-Леоне, развитие инфраструктуры грозило привести к созидательному разрушению и дестабилизации привычной системы. Так что зачастую инфраструктурные проекты отвергались. Например, предлагалось построить порт в местечке Сучитепекес на тихоокеанском побережье. В то время удобные порты в Гватемале имелись только на побережье Карибского моря, и все они были под контролем Торгового консульства. Развитие тихоокеанского побережья было консульству совершенно не нужно, потому что новый порт существенно облегчил бы вывоз товаров из горных городов Масатенанго и Кесальтенанго и открыл доступ для этих товаров на различные рынки. А это могло подорвать монополию Консульства на международную торговлю.

В той же логике принимались и решения о строительстве дорог, за которые в масштабах страны отвечало все то же консульство. Вполне предсказуемым образом оно отказывалось от проектов, которые могли бы усилить конкурентов или угрожать в будущем

его монополии. Требования улучшить дороги раздавались в основном на западе Гватемалы и в Кецальтенанго (регион Лос-Альтос). Но если бы от Лос-Альтоса до Сучитепекеса была построена хорошая дорога, это могло бы привести к возникновению местного класса торговцев, которые стали бы конкурентами для коммерсантов, действовавших под эгидой столичного консульства. Эта дорога так и не была построена.

В результате действий своей элиты Гватемала в середине XIX века словно бы застыла во времени, а между тем остальной мир быстро менялся. Эти изменения в конце концов настигли и Гватемалу. Стоимость транспортировки снизилась в результате технологического прогресса: появления паровой тяги, железных дорог и новых, более быстроходных судов. Кроме того, повышение доходов населения Западной Европы и Северной Америки создало массовый спрос на многие товары, которые Гватемала потенциально могла бы производить.

В начале XIX столетия из Гватемалы экспортировались в основном некоторые натуральные красители, такие как индиго и кошениль, но куда более перспективным обещало стать производство кофе. В Гватемале было много земель, подходящих для выращивания кофе, и его стали культивировать все больше

– без всякой помощи консульства. С ростом мировых цен на кофе и расширением международной торговли кофейные прибыли должны были многократно увеличиться, и гватемальская элита всерьез заинтересовалась этой культурой. В 1871 году, после долгих лет правления, диктатор Каррера в конце концов был низложен группой людей, которые называли себя либералами.

Смысл термина «либерализм» (*liberalism*) меняется со временем, но в XIX веке в США и Европе он был близок к значению современного слова «либертарианство» (*libertarianism*), описывающего концепцию свободы личности, ограничения полномочий правительства и свободной предпринимательской деятельности. Однако в Гватемале все обстояло иначе. Гватемальские «либералы», которых возглавлял сначала Мигель Гарсия, а после 1873 года – Хусто Руфино Барриос, вовсе не были «новыми людьми», движимыми либеральной идеей. По большей части это были члены все тех же привилегированных семей. Они сохранили экстрактивные политические институты, но предприняли масштабную перестройку экономики под экспорт кофе. Они даже распустили Торговое консульство – ну так ведь и экономические обстоятельства изменились. Теперь экстрактивные экономические институты были нацелены на производство

и экспорт кофе.

Для выращивания кофе нужна земля и рабочая сила. Чтобы получить нужные земельные участки под кофе, «либералы» провели приватизацию (а на деле – просто захват) земли, получив в частную собственность участки, ранее находившиеся в общественном пользовании или принадлежавшую государству. Эти действия встретили сильное сопротивление, но, учитывая экстрактивные политические институты и степень концентрацию власти в Гватемале, элита в конце концов победила. В 1871–1883 годах почти миллион акров земли, по большей части находившейся в общинном пользовании у индейцев, а также в районах фронта, перешел в руки элиты, и лишь после этого начался быстрый рост производства кофе. Целью было создание крупных плантаций. Приватизированные земли были проданы с аукциона, чаще всего покупателями были члены традиционной элиты и их близкие. Затем вся мощь государства, находящаяся в распоряжении «либералов», была брошена на обеспечение крупных землевладельцев достаточным количеством рабочей силы с помощью адаптации к новым условиям различных традиционных схем принудительного труда. В ноябре 1876 года президент Барриос разослал всем губернаторам Гватемалы следующее указание:

«Поскольку в стране есть значительные площади земли, которые для использования в сельском хозяйстве нуждаются в большом количестве работников, в настоящее время остающихся за пределами общего движения к развитию продуктивных элементов нации, вам следует оказать всемерную поддержку экспорту сельскохозяйственной продукции. [Для этого] от индейских поселений, имеющих в вашей юрисдикции, надлежит обеспечить в пользу владельцев финкас [ферм] то количество работников, которое им необходимо, будь то пятьдесят или сто».

Репартимьенто, то есть насильственная мобилизация рабочей силы, так и не была отменена после получения независимости, но теперь подобная практика получила новую форму. Правила репартимьенто были закреплены в Указе № 177, который гласил, что работодатель может запросить у правительства (и получить от него) до 60 батраков на 15 дней, если его земля находится в том же департаменте, где они живут, и на 30 дней, если она находится за его пределами. Запрос может быть сделан вновь и вновь, если этого желает работодатель. Батраки отправлялись на работу принудительно, если не могли показать в своей персональной рабочей книжке (она называлась *libreta* – «книжечка») запись о том, что они недавно и с долж-

ным качеством выполнили эту повинность.

Либрету были обязаны носить с собой все сельские жители. В ней было указано не только имя предыдущего работодателя данного батрака, но и содержались сведения о его долгах: множество сельскохозяйственных рабочих оставались должны своим работодателям, а должник не мог покинуть своего хозяина без разрешения последнего. Указ № 177 прямо определял, что единственный путь избежать *репартименто* – это доказать, что ты в настоящий момент должен работодателю.

На работников началась настоящая охота. В дополнение к Указу были приняты также многочисленные законы о бродяжничестве, и любой, кто не мог доказать, что у него есть работа, немедленно отправлялся на принудительные работы либо на дорожном строительстве, либо на плантациях. Как и в Южной Африке XIX–XX веков, земельная политика в Гватемале после 1871 года была направлена на подрыв традиционной экономики коренного населения, чтобы заставить его работать за низкую плату. Практика *репартименто* продолжалась до 1920-х годов, система рабочих книжек и пакет законов о бродяжничестве оставались в силе до 1945 года, когда Гватемала испытала первое легкое дуновение ветра демократии.

И до 1871 года, и после гватемальская элита управ-

ляла страной с помощью вооруженных формирований. Эта практика продолжалась и тогда, когда кофейный бум пошел на спад. Хорхе Убико, официально занимавший пост президента в 1931–1944 годах, на самом деле правил дольше. Убико победил на президентских выборах 1931 года, на которых ему не противостоял ни один кандидат от оппозиции, потому что никто не осмелился выставить свою кандидатуру. Убико тоже не одобрял перемен, которые могли бы запустить созидательное разрушение и которые угрожали бы и его политической власти, и доходам – его и его приближенных. Иными словами, Хорхе Убико противился развитию промышленности по тем же причинам, что и Франц I в Австро-Венгрии, и Николай I в России: от промышленного пролетариата одни проблемы. В своей законодательной деятельности, беспрецедентной по ее параноидально-репрессивной направленности, Убико запретил даже использование таких слов, как *obreros* (рабочие), *sindicatos* (профсоюзы) и *huelgas* (забастовки). За любое из них можно было загреметь за решетку. Однако, хотя пост президента занимал Убико, реальные рычаги власти были в руках элиты.

Оппозиция режиму впервые громко заявила о себе в 1944 году, в авангарде протестов были университетские студенты. Народное недовольство все возраста-

ло, и 24 июня 311 человек (большинство из них принадлежали к элите) подписали «Меморандум 311», в котором объявили режим низложенным. Первого июля Убико сложил с себя полномочия. В 1945 году начался период демократического правления, но он оказался довольно кратким и закончился в 1954-м переворотом и кровавой гражданской войной. В следующий раз Гватемала увидела демократический режим только после 1986 года.

Испанские конкистадоры не испытывали колебаний и угрызений совести, создавая экстрактивную политическую и экономическую систему. Собственно, ради этого они и проделали столь долгий путь в Новый Свет. Большинство институтов, которые они создавали, рассматривались как временные установления. Например, энкомьенда считалась временной мерой, призванной получить нужное количество рабочей силы. У конкистадоров не было планов построить систему, которая сможет просуществовать еще четверста лет, и созданные ими институты за время своего существования претерпели значительные изменения, но лишь одно осталось неизменным – экстрактивная природа этих институтов. Менялись формы извлечения доходов, но не экстрактивная сущность институтов и формирования элит. Энкомьенда, репартимьен-

то и монополия на внешнюю торговлю – все эти инструменты предопределили появление системы рабочих книжек и земельных захватов. А большинство индейцев майя продолжали работать за гроши, лишенные образования, элементарных прав и социального обеспечения.

В Гватемале, как и в большинстве стран Центральной Америки, экстрактивные политические институты по типичной схеме порочного круга поддерживали существование аналогичных экономических институтов, а те, в свою очередь, вновь становились базой для экстрактивных политических институтов и укрепления власти одной и той же элиты.

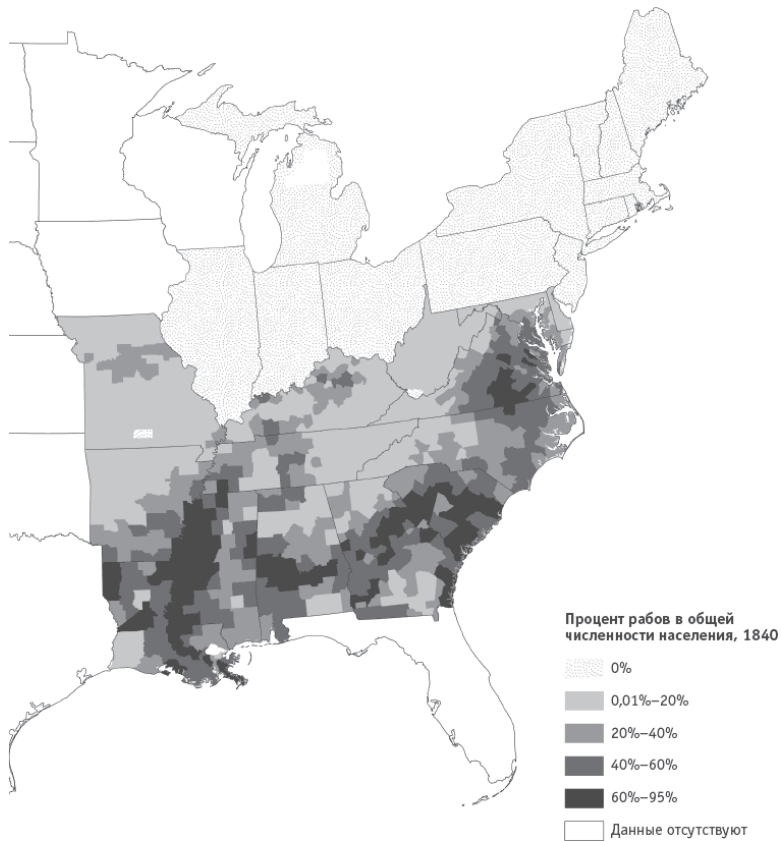
От раба к Джиму Кроу

В Гватемале экстрактивные институты просуществовали с колониальной эпохи до нашего времени, а власть при этом сохранялась в руках одной и той же элиты. Любые изменения в институтах происходили в результате изменения экономических условий, как это было с захватами лучших земель в годы кофейного бума. Столь же экстрактивными были и институты южных штатов США до гражданской войны. Экономические и политические решения были сосредоточены в руках элиты южан – владельцев плантаций и рабовладельческих хозяйств. У рабов не было ни политических, ни экономических прав. В сущности, у них не было никаких прав вообще.

Поскольку на Юге господствовали экстрактивные экономические и политические институты, он уже к середине XIX века был ощутимо беднее Севера. На Юге была слабо развита промышленность и сравнительно мало средств инвестировалось в инфраструктуру. В 1860 года объем промышленного производства всех южных штатов вместе взятых был меньше, чем объем производства одной Пенсильвании, Нью-Йорка или Массачусетса. Только 9 % населения Юга жили в городах – против 35 % в северо-западных шта-

тах. Плотность железнодорожной сети (в милях путей на площадь) на Севере была в три раза выше, чем в южных штатах. Соотношение плотности каналов было примерно таким же.

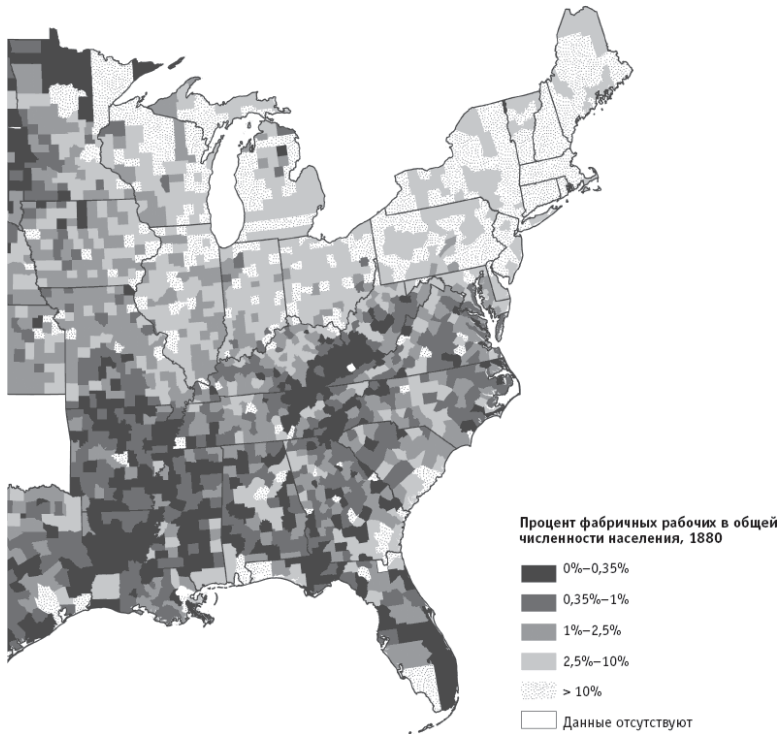
На карте 18 (стр. 352), показывающей распространение рабства, показана доля рабов в населении отдельных графств США по состоянию на 1840 год. С первого взгляда видно, что рабство концентрируется в основном на Юге, где в некоторых графствах, в частности расположенных по берегам Миссисипи, процент рабов достигает 95 % от населения. На карте 19 (стр. 353) можно увидеть последствия такого положения вещей – долю рабочей силы, занятой в мануфактурном производстве в 1880 году. Хотя по меркам XX века она невелика везде, тем не менее разница между Севером и Югом заметна сразу. В большинстве регионов Северо-Востока в промышленном производстве занято более 10 % всех работников. На Юге же, особенно в областях с большой концентрацией рабов, это значение близко к нулю.

Карта 18. Число рабов в графствах США в 1840 г.

Южные штаты не гнались за технологическими новинками даже в тех областях экономики, в которых они специализировались: с 1837 по 1859 год количе-

ство патентов, связанных с выращиванием кукурузы и пшеницы, в среднем составляло 12 и 10 в год соответственно. И в среднем всего один патент в год выдавался за изобретения, касающиеся наиболее важной для Юга культуры – хлопка. Не было никаких признаков того, что в обозримом будущем на Юг придут индустриализация и экономический рост. Однако вслед за поражением в гражданской войне последовали фундаментальные экономические и политические реформы. Рабство было отменено, черные мужчины получили избирательные права.

Карта 19. Число фабричных рабочих в США в 1880 г.

Эти важные перемены, казалось бы, должны открыть дорогу для радикальной трансформации экстрактивных институтов южных штатов в инклюзивные, поставить Юг на путь экономического процветания. Но – еще одна иллюстрация действия пороч-

ного круга – ничего этого не произошло. Вместо рабства экстрактивные институты приняли другую форму – так называемых «законов Джима Кроу». Прозвище «Джим Кроу» – это нарицательное обозначение чернокожего бедняка, взятое из песенки начала XIX века «Прыгай, Джим Кроу», эстрадного номера, где белый актер с вымазанным сажей лицом в сатирическом виде изображал негра. Песенка дала название целому пакету сегрегационных законов, принятых на Юге после окончания гражданской войны и периода Реконструкции. Они оставались в силе в течение почти целого столетия, пока не были отменены в ходе еще одной волны реформ, связанной с движением за гражданские права середины XX века. И все это время черное население было исключено из политической жизни и подвергалось разного рода давлению. Плантадорский тип сельского хозяйства, основанный на эксплуатации дешевой, малообразованной рабочей силы, никуда не делся, а уровень доходов в южных штатах продолжил падение по отношению к среднему по США. Порочный круг экстрактивных институтов оказался сильнее, чем многие тогда могли себе представить.

Причина того, что траектория политического и экономического развития Юга не изменилась даже после того, как рабство было отменено, а черные муж-

чины получили право голоса, состояла в том, что политический вес черного населения и степень его экономической независимости были чрезвычайно низки. Южане-плантаторы проиграли войну, но выиграли мир. Они все еще были организованной силой, и земля по-прежнему была в их руках. Во время войны освобожденным рабам обещали по 40 акров земли и мула в придачу, когда рабство падет, причем некоторые из них эту землю даже успели получить в ходе знаменитой кампании генерала Уильяма Шермана. Но в 1865 году президент Эндрю Джонсон аннулировал распоряжения Шермана, и долгожданная раздача участков так и не состоялась. В ходе дебатов в Конгрессе по этому поводу конгрессмен Джордж Вашингтон Джулиан прозорливо заметил: «И что толку было в акте Конгресса по отмене рабства, если старая сельскохозяйственная основа аристократической власти осталась на своем месте?»

Социолог Джонатан Уинер провел исследование устойчивости плантаторской элиты в пяти графствах «черного пояса» на юге Алабамы, где производится лучший хлопок. Проследив истории некоторых семей по данным переписей США и отобрав из них те, чья недвижимость стоила не менее 10 000 долларов, он обнаружил, что из 236 членов плантаторской элиты на 1859 год 101 человек входил в эту элиту и в 1870

году. Что интересно, этот «показатель устойчивости» мало отличается от того, что можно было наблюдать в предвоенный период: из 236 самых богатых плантаторов в 1850 году только 110 остались таковыми десять лет спустя. Тем не менее из 25 плантаторов, владевших самыми большими земельными участками в 1870 году, 18 (72 %) входили в число семей элиты и в 1860-м, а 16 были в числе элиты и в 1850 году. Хотя во время гражданской войны погибло 600 000 человек, плантаторов среди жертв было мало. По закону, написанному плантаторами в интересах плантаторов, на каждых 20 рабов в хозяйстве один член семьи рабовладельцев освобождался от военной службы. Пока сотни тысяч людей умирали на полях сражений за плантаторскую экономику южных штатов, большинство крупных землевладельцев и их сыновья всю войну просидели на своих террасах и таким образом обеспечили сохранение этой самой плантаторской экономики.

После окончания войны влиятельные плантаторы, под чьим контролем по-прежнему оставалась большая часть земли, сумели восстановить и свой контроль над рабочей силой. Хотя экономический институт рабства был отменен, в развитии Юга ясно прослеживается линия преемственности от этого института к плантаторскому земледелию, по-прежнему-

му требовавшему дешевой рабочей силы. Эта экономическая система поддерживалась разными средствами, включая контроль над местной политической системой и прямое насилие. В результате, по словам афроамериканского историка Уильяма Дюбуа, Юг превратился «в вооруженный лагерь по запугиванию черного населения».

В 1865 году законодательное собрание штата Алабама приняло «Черный кодекс». Это была серьезная репрессивная мера по отношению к чернокожей рабочей силе. Как и гватемальский Указ № 177, «Черный кодекс» Алабамы включал законы о бродяжничестве и о «переманивании» работников. Этот документ был принят, чтобы снизить мобильность рабочей силы и уменьшить конкуренцию на рынке труда, он гарантировал, что плантаторы Юга будут и дальше иметь в своем распоряжении необходимое количество низкооплачиваемых работников. Последовавший за гражданской войной период, известный как Реконструкция Юга, продолжался с 1865 по 1877 год. Политики-северяне, опираясь на армию, инициировали ряд реформ в южных штатах, однако организованное сопротивление элиты южан, которая оказывала поддержку так называемым «избавителям», выступавшим за освобождение Юга, не позволило демонтировать старую систему.

На президентских выборах 1877 года кандидат Резерфорд Хейз отчаянно нуждался в голосах южан в коллегии выборщиков – эта коллегия (существующая и до сих пор), согласно Конституции США, представляет собой центральное звено системы не прямых президентских выборов (формально граждане США отдают свои голоса за конкретного кандидата в президенты не напрямую, а выбирая выборщиков, которые уже затем выбирают президента в ходе голосования в коллегии). В обмен на поддержку коллегии выборщиков южане потребовали от Хейза обещания, что он выведет из южных штатов войска северян и предоставит Юг самому себе. Хейз согласился, получил поддержку Юга, стал президентом и вывел из южных штатов федеральные войска.

Время после 1877 года – это период настоящего возрождения довоенной плантаторской элиты. Частью Реконструкции было введение новых подушных налогов с избирателей и теста на грамотность как условия получения избирательного права, и это практически полностью закрыло доступ к этому праву как для бывших рабов, так и для беднейших слоев белого населения. Эти меры привели к желаемому результату: на Юге установился однопартийный режим во главе с правящей Демократической партией, а реальная власть сконцентрировалась в руках планта-

торской элиты.

Одним из следствий «законов Джима Кроу» стало появление школ «только для цветных», и, как и можно было ожидать, уровень образования в них был хуже. Штат Алабама специально ради этих школ в 1901 году переписал свою конституцию. Поразительно, что статья 256 конституции Алабамы до сих пор гласит:

«Обязанностью законодательного органа является учреждение и содержание системы публичных школ, распределение средств среди этих школ, разделение школ на заведения для белых и цветных детей. Законодательный орган должен учредить, организовать и поддерживать либеральную систему публичных школ по всему штату в интересах детей в возрасте с семи до двадцати одного года.

Средства на публичные школы должны распределяться графствам в пропорции, соответствующей числу детей школьного возраста в этих графствах, а по школам округов и небольших городов в пределах графств распределяться таким образом, чтобы обеспечить, насколько это практически возможно, обучение в течение одинакового срока в каждой школе округа или города. Для белых и цветных детей должны быть устроены отдельные школы, и никаким детям одной расы не следует позволять посещать школу другой расы».

Поправка по исключению статьи 256 из конституции Алабамы была с незначительным перевесом голосов отклонена законодательным собранием штата в 2004 году.

Лишение гражданских прав, законы о бродяжничестве, в частности «Черный кодекс» Алабамы, различные законы Джима Кроу и действия ку-клукс-клана, которые зачастую финансировались и поддерживались элитой, превратили послевоенный Юг в настоящее царство апартеида, где черные и белые проживали свою жизнь отдельно друг от друга. Как и в Южной Африке, целью этих законов и их правоприменительной практики был контроль над черным населением и рабочей силой.

Политики-южане в Вашингтоне также работали над сохранением экстрактивных институтов Юга. В частности, они обеспечивали гарантии того, что не будут одобрены такие федеральные проекты общественных работ, которые могли бы поставить под удар контроль элиты над черной рабочей силой. Как следствие всего этого, Юг вступил в XX век с необразованным, преимущественно сельским населением, с отсталыми технологиями, которые все еще требовали большого объема ручного труда и огромного количества лошадей, при этом механические устройства практически не использовались. Хотя доля городско-

го населения и росла, но темпы этого роста сильно отставали от темпов Севера. Например, в 1900 году лишь 13,5 % населения Юга жило в городах, в то время как на северо-востоке страны доля городского населения составляла 60 %.

В целом экстрактивные институты в южных штатах США опирались на власть землевладельческой элиты, на плантаторское земледелие и низкооплачиваемую, малообразованную рабочую силу. Эти институты были поколеблены лишь после Второй мировой войны, а окончательно обрушились только после того, как движение за гражданские права уничтожило политическую систему, которая служила им основой. И лишь после отказа от этой системы в 1950–1960 годах Юг начал медленно приближаться по экономическим показателям к Северу.

История американского Юга демонстрирует еще одну, весьма устойчивую черту порочного круга: как и в Гватемале, плантаторская элита южан оставалась у власти, а структура экономических и политических институтов обеспечивала сохранение власти в ее руках. Но в США, в отличие от Гватемалы, подобная система начала испытывать серьезные проблемы после поражения в гражданской войне, которая окончилась отменой рабства и уничтожила полное, закрепленное законом неучастие чернокожего населения в по-

литической жизни. Однако поскольку плантаторская элита продолжала контролировать огромный земельный фонд и была по-прежнему хорошо организована, она смогла выстроить на месте рабства новую систему институтов – законы Джима Кроу, помогавшие ей иным путем достичь тех же самых целей. Порочный круг показал себя куда более сильным фактором, чем многие, включая президента Авраама Линкольна, могли себе представить.

Порочный круг возникает, когда экстрактивные политические институты порождают аналогичные экономические институты, а последние, в свою очередь, становятся базой для первых – ведь экономическое могущество всегда можно конвертировать во власть. Когда «сказка про 40 акров и мула» исчезла из повестки дня, экономическое могущество плантаторской элиты Юга осталось незыблемым. И, как это ни грустно – хотя и вполне ожидаемо, – в положении черного населения Юга и экономическом положении южных штатов в целом ничего не изменилось.

Железный закон олигархии

Династия потомков царя Соломона⁴⁹ правила в Эфиопии вплоть до военного переворота 1974 года, организованного группировкой армейских офицеров-марксистов. Режим, который пал в результате переворота, казалось, застыл в окаменении столетия назад и представлял собой настоящий анахронизм.

День императора Хайле Селассие начинался с торжественного выхода во двор Большого дворца, построенного негусом Менеликом II в конце XIX века. Во дворе монарха ожидала толпа сановников, постоянно кланявшихся и отчаянно пытавшихся привлечь к себе высочайшее внимание. Затем император принимал придворных в Зале аудиенций, восседая на царском троне. Его величество был небольшого роста, так что ноги его не доставали до пола, и за императором всюду следовал специальный придворный – хранитель подушек, который подкладывал подушку нужного размера императору под ноги. У хранителя имелся набор из 52 подушек, чтобы в любой ситуации можно было подобрать подходящую. Селассие стоял во главе системы крайне экстрактивных институтов и управлял

⁴⁹ Согласно преданию, династия императоров Эфиопии вела свое происхождение от Менелика, сына царя Соломона и царицы Савской.

страной как личной собственностью, даруя подданным милость и покровительство или, напротив, жестоко карая за недостаточную верность. Ни о каком экономическом развитии Эфиопии под властью Соломоновой династии речи идти не могло.

Высшим органом государственной власти после переворота стал Временный военно-административный совет, он же Дерг (амхарск. – «совет», «комитет»). Первоначально Дерг сформировали 108 представителей различных армейских частей со всех концов страны. Одним из них был майор Менгисту Хайле Мариам, депутат от Третьей дивизии, расквартированной в провинции Харар. Хотя в своем первом декрете от 4 июля 1974 года офицеры заявили, что верны императору, они вскоре начали аресты членов правительства, проверяя, насколько сильное сопротивление это может встретить. Когда они убедились, что режим слаб, они взялись за самого императора: 12 сентября он был арестован.

Начались репрессии. Многие ключевые чиновники старого режима были без долгих разбирательств убиты. В декабре Дерг объявил, что Эфиопия отныне становится социалистическим государством. Император Хайле Селассие умер (вероятно, был убит) в тюрьме 27 августа 1975 года. В том же году Дерг национализировал земельную собственность, включая всю го-

родскую и сельскую землю, а также почти всю частную собственность. Авторитарные действия режима вызвали цепь вспышек сопротивления по всей стране.

Обширные регионы были присоединены к Эфиопии в ходе колониальной экспансии императора Менелика II, победителя в битве при Адуа, о которой мы уже говорили (стр. 237). Среди этих земель были провинции Эритрея и Тиграй на севере и Огаден на востоке страны. В первых двух в ответ на жестокости Дерга возникли движения за независимость. В свою очередь, во Временном военно-административном совете также начались распри, и скоро Дерг развалился на несколько фракций. Майор Менгисту оказался самым жестоким и самым умным из всех своих соратников. К середине 1977 года он физически устранил большинство своих соперников и единолично возглавил режим, который не потерпел немедленного краха только потому, что был спасен широкомасштабными поставками оружия и прибытием военнослужащих и военных советников из Советского Союза и с Кубы в конце ноября того же года.

В 1978 году были устроены национальные торжества в честь четвертой годовщины свержения императора Хайле Селассие. К этому времени Менгисту был бесспорным лидером Дерга. В качестве своей

резиденции он выбрал Большой дворец императора Селассие, который стоял заброшенным со времени упразднения монархии. Во время торжеств диктатор сидел на позолоченном кресле, совсем как когда-то император, и принимал парад. Официальные церемонии снова происходили в Большом дворце, и Менгисту восседал на императорском троне. Более того, он стал сравнивать себя с Теодросом II, императором-реформатором середины XIX века, пытавшимся возродить былую славу Соломоновой династии. Давит Волде Гиоргис, один из соратников и министров Менгисту, рассказывает в своих мемуарах:

«В начале Революции все мы отказывались иметь что-либо общее со старыми временами. Мы не водили машин и не носили костюмов, а галстук считался чуть ли не преступлением. Любая деталь внешнего облика, делавшая вас ухоженным и буржуазным, все, что намекало на благополучие и утонченность, отвергалось нами как часть старого порядка.

Но в 1978-м все это начало меняться. Материальное благополучие постепенно стало считаться приемлемым, а затем и необходимым. Модная одежда от лучших европейских дизайнеров стала униформой всех высших чиновников и членов Временного совета. У нас было все самое шикарное – лучшие дома,

роскошные машины, шикарный виски, шампанское, еда. Это был полный отказ от идеалов Революции».

Гиоргис живо описывает, как изменился Менгисту, когда стал единоличным диктатором:

«И тут проявился подлинный Менгисту: мстительный, жестокий и самовластный... Многие из нас, тех, кто до этого разговаривал с ним, не вынимая руки из карманов, потому что он был один из нас, вдруг обнаружили, что перед ним следует стоять навтыяжку и почтительно внимать ему. Раньше, говоря с Менгисту, мы обращались к нему «ты» (*ante*), теперь же мы поняли, что как-то незаметно переключились на почтительное «вы» (*ersiwo*). Он переехал в более обширный и роскошный кабинет во дворце Менелика, стал пользоваться машиной императора... Мы думали, что совершили Революцию во имя равенства, а получили нового императора».

Специфический вариант порочного круга, иллюстрациями которого могут служить и переход власти от Хайле Салассие к Менгисту, и переход от британского колониального управления в Сьерра-Леоне к диктатуре Сиаки Стивенса, кажется настолько необычным, что заслуживает собственного имени. Как мы уже упоминали в главе 4, немецкий социолог Роберт Михельс назвал подобную схему «железным

законом олигархии». По словам Михельса, внутренняя логика олигархических режимов – а на деле всех организаций с олигархической структурой – такова, что их институты самовоспроизводятся не только пока у власти пребывает одна и та же элита, но даже когда власть переходит к совершенно новым людям. Однако Михельс, возможно, упустил из виду, что история, по словам Карла Маркса, всегда повторяется – в первый раз в виде трагедии, во второй – в виде фарса. И дело не только в том, что многие постколониальные лидеры Африки перебрались в те же резиденции, ставили на должности тех же людей, практиковали те же способы управления рынком и изъятия ресурсов, что и колониальные власти или монархи предшествующего периода, – было и кое-что и похуже.

Конечно, выглядело фарсом, когда пламенный борец с колониализмом Стивенс занялся покорением того же народа менде, который пытались подчинить себе и англичане; когда для контроля над внутренними областями страны он стал опираться на тех же вождей, что назначили британцы; когда он управлял экономикой ровно теми же методами, что и колониальные власти, – экспроприировал доходы фермеров, ограничивал свободу торговли, монополизировал добычу алмазов.

Конечно, выглядело фарсом – но пополам с тра-

гедией, – когда Лоран Кабила, поднявший армию Заира на борьбу с диктатурой президента Мобуту, пообещавший освободить народ и положить конец удушающей коррупции и репрессиям, сам установил режим столь же коррумпированный и, возможно, столь же жестокий. И уж точно выглядело фарсом, когда Кабила попытался установить собственный культ личности по образцу культа Мобуту.

Разве не выглядит фарсом, что сам режим Мобуту опирался на нещадную эксплуатацию населения в гораздо большей степени, чем веком ранее Свободное государство Конго – колония бельгийского короля Леопольда? Фарсом, конечно, было и то, что марксист Менгисту поселился во дворце, едва не провозгласил себя императором и обогащался сам и давал обогащаться своей свите совершенно так же, как этот делали Хайле Селассие и другие императоры прежних эпох.

Эти фарсы, возможно, даже еще более трагичны, чем трагедии, которым они пришли на смену, – и не только из-за крушения надежд, порожденных переменами. Стивенс, Кабила, да и многие другие правители Африки начали свою карьеру с убийств политических оппонентов и просто невинных граждан. Диктатура Менгисту и политика Дерга привели к периодически повторяющимся вспышкам голода на плодород-

ной земле Эфиопии. И вновь история повторялась, но в крайне извращенной форме. Именно голод в провинции Волло в 1973 году и полное равнодушие императора к этой проблеме послужили поводом для консолидации оппозиции и последующего переворота. Но Хайле Селассие был, по крайней мере, просто безразличен – Менгисту же рассматривал голод как политический инструмент для ослабления оппозиции. И так, повторение истории для граждан Эфиопии и большинства стран Черной Африки было не только фарсом, не только трагедией – это был настоящий фильм ужасов.

Сущность «железного закона олигархии», этой специфической черты порочного круга, состоит в том, что новые лидеры берут верх над старыми, обещая радикальные изменения, но в результате все остается на своих местах. В каком-то смысле «железный закон олигархии» сложнее понять, чем другие версии порочного круга. В устойчивости экстрактивных институтов на американском Юге или в Гватемале есть ясная логика: одни и те же элиты продолжают управлять экономикой и политикой в течение столетий. Даже несмотря на серьезные потрясения, как это было в случае с плантаторами-южанами после гражданской войны, власть подобных элит остается непоколебленной, и они в состоянии сохранить и воссоздать при-

вычную систему экстрактивных институтов и вновь извлекать выгоду из нее. Но как понять того, кто пришел к власти во имя радикальных изменений, если он также начинает воспроизводить прежнюю систему? Ответ на этот вопрос еще раз демонстрирует, что мощь порочного круга куда более серьезна, чем это может показаться на первый взгляд.

Не все радикальные изменения обречены на провал. Славная революция была одним из таких успешных переворотов, и политические реформы, следовавшие за ней, возможно, являются наиболее важными за последние две тысячи лет. Французская революция была еще более радикальной, она привела к хаосу, политическому насилию и воцарению Наполеона Бонапарта, однако по ее окончании старый порядок воссоздать не удалось.

Возникновению сравнительно более инклюзивных политических институтов после Славной и Французской революций в наибольшей степени способствовали три фактора. Первый – это появление класса торговцев, желавших расчистить дорогу для созидательного разрушения, от которого они могли бы получить выгоды; эти «новые люди», ключевые фигуры революционных коалиций, не желали построения очередной системы экстрактивных институтов, которую они снова вынуждены были бы кормить.

Второй фактор – это сама природа широкой коалиции, сформировавшейся как в Англии, так и во Франции. К примеру, Славная революция была не путчем, организованным узкой группой заговорщиков ради специфических узких интересов, а обширным общественным движением, опиравшимся на купцов, промышленников, мелких дворян и другие политические группы. То же самое верно и в случае с Французской революцией.

Третий фактор коренится в истории английских и французских политических институтов. Именно они представляли собой базу, на которой могли расти и развиваться новые, более инклюзивные политические режимы. В обеих странах существовали традиции парламентаризма и разделения властей, восходящие в Англии и Франции соответственно к Великой хартии вольностей и Соборанию нотаблей. Более того, в обоих случаях революции случились на пике исторических процессов, которые к тому моменту и так уже ослабили силу абсолютистских или стремящихся к абсолютизму режимов. В обоих случаях существующие политические институты затрудняли новым правителям или узкой группе элиты доступ к контролю над государством, к узурпации экономических благ и установлению прочной и бесконтрольной политической власти. Правда, в ходе Французской рево-

люции небольшая группа якобинцев во главе с Робеспьером и Сен-Жюстом все-таки смогла захватить такую власть, и последствия этого были ужасны, однако это было временным явлением и не помешало созданию впоследствии более инклюзивных институтов.

Вся эта картина сильно отличается от ситуации, сложившейся в обществах с долгой историей крайне экстрактивных экономических и политических институтов и неограниченной властью верховного правителя. В таких обществах не могло появиться ни нового влиятельного класса торговцев или предпринимателей, готовых поддержать (в том числе и финансово) сопротивление существующему режиму, чтобы открыть дорогу для более инклюзивных экономических институтов; ни широких коалиций, которые создавали бы препятствия на пути к единоличной власти для любого из их собственных участников; ни политических сдержек, которые помешали бы новым правителям узурпировать власть.

Как следствие этого, Сьерра-Леоне, Эфиопии и Заиру значительно труднее было сопротивляться порочному кругу, начать движение в направлении инклюзивности. В этих странах не сложилось и традиционных (или исторически утвердившихся) институтов, которые могли бы ограничить власть правителя. В свое время подобные институты существовали в некото-

рых регионах Африки, а некоторые из них, например в Ботсване, пережили колониальную эру. Но в Сьерра-Леоне такие институты были гораздо менее развиты и на всем протяжении своего существования находились в тени системы «непрямого правления». То же самое можно сказать и о других британских колониях в Африке, будь то Кения или Нигерия. В Конго исконные местные институты были практически уничтожены бельгийскими колониальными властями и авторитарной политикой Мобуту.

Во всех перечисленных странах не было и «новых людей» – торговцев, предпринимателей или промышленников, которые поддержали бы новый режим и потребовали гарантий прав собственности и уничтожения старых экстрактивных институтов. Совсем наоборот: можно сказать, что в результате действия экстрактивных экономических институтов ни бизнесменов, ни эффективных управленцев в этих странах практически не осталось вовсе.

Международное сообщество было уверено, что обретение независимости африканскими странами повлечет экономический рост, которому будет способствовать государственное планирование и поощрение частного сектора. Но никакого частного сектора в бывших колониях попросту не было – если не считать сельских областей, население которых не было пред-

ставлено во власти, а потому пало первой ее жертвой. А обладание этой властью – и это, возможно, важнее всего – в большинстве случаев сулило огромные барыши. Поэтому власть не только привлекала самых беспринципных деятелей наподобие Стивенса, но со временем превращала их в настоящих чудовищ. Ничто не могло разорвать порочный круг.

Негативный отклик и благотворная обратная связь

Богатые страны богаты в конечном счете потому, что им удавалось развивать у себя инклюзивные институты в течение примерно последних трех столетий. Эти институты все более укреплялись благодаря процессу благотворной обратной связи. Поначалу довольно шаткие и только в весьма ограниченном смысле инклюзивные, они тем не менее запустили тенденцию, в результате которой степень их инклюзивности постепенно увеличивалась. Английская демократия началась не со Славной революции. Вовсе нет – в 1688 году лишь малая часть населения получила формальное представительство. Но гораздо важнее то, что стержнем революции был плюрализм. Когда этот плюрализм упрочился, начался процесс становления все большей инклюзивности, и этот процесс не был легким и беспрепятственным.

Так в Англии сложился типичный механизм благотворной обратной связи: инклюзивные политические институты создают препятствия на пути узурпации власти. Они также порождают инклюзивные экономические институты, а последние, в свою очередь, обеспечивают все большую устойчивость первым.

В условиях инклюзивных политических институтов богатство не концентрируется в руках узкой группы лиц, которые могли бы использовать свое экономическое могущество для получения непропорционально большого политического влияния. Более того, в этих условиях возможности извлечения из политической власти материальных выгод гораздо более ограничены, а это, в свою очередь, уменьшает стимулы, которые могли бы побудить какую-то группу или какую-то амбициозную личность попытаться установить полный контроль над властью. В моменты критических точек перелома сочетание определенных факторов (включая и реакцию существующих институтов на возможности и проблемы, возникающие в данной точке перелома) может, как показывает пример Англии, привести к созданию инклюзивных институтов. Но как только такие институты созданы, для их выживания уже обязательно требуется то же сочетание многочисленных факторов. Благотворная обратная связь (хотя и тут требуется некоторая удача) будет способствовать укоренению этих институтов, а иногда и запустит тенденции, направляющие общество в сторону еще большей инклюзивности.

Если благотворная обратная связь обеспечивает устойчивость инклюзивных институтов, то порочный круг ведет к закреплению экстрактивных. Но поскольку

ку история не predetermined, то порочный круг – это не смертный приговор, как мы увидим позже в главе 14. Тем не менее его влияние очень сильно. Порочный круг запускает мощный процесс негативной обратной связи, в ходе которого экстрактивные политические институты начинают порождать аналогичные экономические институты, а те, в свою очередь, снова и снова обеспечивают базу для укрепления экстрактивных политических институтов. Мы показали это наиболее наглядно на примере Гватемалы, где одна и та же общественная группа находилась у власти сначала в колониальную эпоху, а затем в независимой Гватемале на протяжении четырех столетий. Экстрактивные институты служили для обогащения элиты, а ее богатство обеспечивало ей продление ее доминирования.

Тот же порочный круг просматривается в долговечности плантаторской экономики Юга США, причем здесь бросается в глаза устойчивость этого процесса даже в условиях серьезных потрясений. Формально плантаторы-южане утратили контроль над экономическими и политическими институтами Юга после своего поражения в гражданской войне: рабство, служившее базой плантаторской экономики, было отменено, а черное население получило равные с белыми политические и экономические права. Однако граждан-

ская война не сокрушила ни политического могущества плантаторской элиты, ни ее экономических устоев, так что элита Юга оказалась в состоянии воссоздать ту же систему в других формах, но по-прежнему под своим политическим контролем и направленную на достижение тех же целей: обеспечить достаточное количество дешевой рабочей силы для плантаций.

Версия порочного круга, при котором экстрактивные институты выживают благодаря тому, что элита продолжает контролировать их и получать от них выгоды, – не единственная возможная его версия. Поначалу кажущаяся менее понятной, но от этого не менее реальная и не менее порочная схема негативной обратной связи предопределяет развитие многих стран и прослеживается в большинстве регионов Черной Африки, в особенности в Сьерра-Леоне и Эфиопии. В этой схеме, которую социолог Роберт Михельс назвал «железным законом олигархии», на смену свергнутому экстрактивному режиму приходят новые элиты, которые, однако, продолжают эксплуатировать все ту же систему губительных экстрактивных институтов, унаследованную от предшественника. Логика данной версии порочного круга, если рассматривать ее в историческом развитии, достаточно проста для понимания: экстрактивные политические институты практически не создают ограничений для

абсолютной власти, и ничто не мешает тому, кто занял место свернутого диктатора и получил контроль над государством, злоупотреблять властью и использовать ее в своих интересах. В условиях экстрактивных институтов власть сулит огромные преимущества и прибыли, поскольку позволяет присваивать чужую собственность и устанавливать монополии.

Конечно, «железный закон олигархии» на самом деле не является законом – по крайней мере, в том же смысле, в каком мы говорим о законах природы. Он не представляет собой неизбежного, безальтернативного пути, в чем мы убедились на примерах Славной революции в Англии или Реставрации Мейдзи в Японии.

Ключевым фактором во всех ситуациях, в которых мы видели поворот в сторону инклюзивных институтов, было следующее: та или иная широкая коалиция смогла стать достаточно влиятельной политической силой, чтобы солидарно выступить против абсолютизма и заменить абсолютистские институты более инклюзивными и плюралистическими. Революции – как один из результатов работы широких коалиций – повышают вероятность возникновения плюралистических политических институтов.

Однако в Сьерра-Леоне и в Эфиопии куда больше шансов было у «железного закона олигархии» –

не только потому, что существовавшие в этих странах институты были чрезвычайно экстрактивными, но и потому, что ни движение за независимость в Сьерра-Леоне, ни заговор офицеров в Эфиопии не были революционными движениями под эгидой широких коалиций. Скорее, это были действия конкретных лиц и узких групп, стремившихся к власти, чтобы использовать эту власть для изъятия благ у других.

Есть и еще одна, еще более деструктивная особенность порочного круга, упомянутая при описании городов-государств майя в главе 5. Так как экстрактивные институты создают значительное неравенство в обществе и сосредоточивают огромные богатства и неограниченные полномочия в руках тех, кто стоит у власти, появляется множество желающих бороться за эту власть. Таким образом, экстрактивные институты не только прокладывают дорогу для следующего режима (который, возможно, будет еще более порочным), но и создают почву для бесконечных конфликтов и гражданских войн. А гражданские войны, в свою очередь, приводят к еще большим страданиям людей и разрушают даже ту слабую централизацию, которой удалось достичь данному обществу. В результате, как будет показано в следующей главе, во многих случаях запускается процесс сползания в анархию, ведущий к краху государства, политическому хаосу и крушению

всех надежд на экономическое процветание.

Глава 13

Почему сегодня государства терпят неудачу

Как выиграть в лотерею в Зимбабве

Январь 2000 года, Хараре, столица Зимбабве. Распорядителю финальной церемонии Фалло Чававе выпала честь огласить имя победителя в национальной лотерее, которую проводит Банковская корпорация Зимбабве (*Zimbank*) – финансовая структура с частичным государственным участием. В лотерее мог принять участие любой клиент банка, на счетах которого в течение декабря 1999 года находилось пять и более тысяч зимбабвийских долларов. Вытянув билет, Чавава переменялся в лице. В официальном коммюнике Зимбанка происходящее было описано так:

«Распорядитель церемонии Фалло Чавава глазам своим поверить не мог, когда ему передали выигрышный билет на сумму сто тысяч зимбабвийских долларов и он увидел, что на

билете стоит имя его превосходительства Р. Г. Мугабе».

Президент Роберт Мугабе, который с 1980 года правит Зимбабве с помощью кнута и пряника (а чаще всего прямого насилия), выиграл сто тысяч зимбабвийских долларов – примерно в пять раз больше среднего ежегодного подушевого дохода в стране.

Zimbank заявил, что г-ну Мугабе – одному из тысяч равноправных участников – просто повезло в ходе честного розыгрыша. Вот так счастливчик! Нет необходимости говорить, что президент и так не испытывал нужды в деньгах: не так давно Мугабе назначил себе и министрам своего кабинета прибавку к зарплате почти в двести процентов.

Лотерейный билет президента – это всего лишь один из примеров крайней экстрактивности институтов Зимбабве. Можно называть такое положение дел коррупцией, но коррупция – это ведь тоже лишь симптом глубокого нездоровья государственного устройства страны. Тот факт, что Мугабе мог, если пожелает, даже выиграть в национальную лотерею, показывает, до какой степени все происходящее в Зимбабве находилось под его полным контролем.

Самая распространенная причина, по которой те или иные государства сегодня оказываются несостоятельными, это наличие экстрактивных институтов.

Зимбабве эпохи Мугабе живо иллюстрирует экономические и социальные последствия их воздействия. Хотя национальная статистика в Зимбабве весьма ненадежна, даже по самым оптимистичным оценкам, к 2008 году доход на душу населения в Зимбабве составлял примерно половину от дохода в 1980-м, когда страна обрела независимость. Но как бы драматично это ни звучало, даже эти цифры еще не полностью отражают снижение уровня жизни в Зимбабве. Государство здесь пришло в полный упадок и практически перестало выполнять основные общественные функции. В 2008–2009 годах ухудшение системы здравоохранения привело к вспышке холеры по всей стране. К 10 января 2010 года были зафиксированы 98 741 случай заболевания и 4293 смертельных исхода. Эта вспышка холеры оказалась самой смертоносной в Африке за предшествующие 15 лет. В то же время достигла беспрецедентного уровня массовая безработица: в начале 2009 года представитель Управления по координации гуманитарной помощи ООН называл невероятные цифры – 94 % безработных.

Корни многих экономических и политических институтов Зимбабве, как и большинства стран Черной Африки, берут свое начало в колониальном периоде. В 1890 году «Британская Южно-Африканская компания» под руководством Сесила Родса направила во-

енную экспедицию в Королевство Ндебеле, находившееся на территории современной провинции Матабелеленд, и также в соседнюю провинцию Машоналенд.

Благодаря превосходству в вооружении англичане быстро сломали сопротивление африканцев, и к 1901 году на территории нынешнего Зимбабве была создана колония Южная Родезия, названная в честь Родса. Теперь все эти земли стали частной собственностью (концессией) «Британской Южно-Африканской компании», и Родс собирался начать здесь разведку и добычу полезных ископаемых. Предприятие не осуществилось, однако плодородные земли новой колонии привлекли белых поселенцев, которые вскоре заняли большую часть ее территории. В 1923 году колонисты освободились от власти «Британской Южно-Африканской компании» и убедили британское правительство предоставить им самоуправление. То, что произошло в Родезии после этого, очень похоже на случившееся в Южной Африке десятилетием раньше, когда Земельный акт, принятый в 1913 году (стр. 265–266), узаконил в стране двойственную экономику. В Родезии были изданы подобные же законы, а вскоре после 1923 года было по южноафриканскому образцу создано «государство для белых», основанное на принципах апартеида.

Когда в конце 1950-х – начале 1960-х годов начался распад европейских колониальных империй, белая элита Родезии (примерно 5 % населения) под руководством Яна Смита в 1965 году также провозгласила независимость от Британии. Большинство правительств не признали независимость Родезии, а ООН ввела против нее экономические и политические санкции. Черное большинство начало партизанскую войну против режима Смита, причем партизаны базировались в соседних Мозамбике и Замбии. Международное давление и действия двух основных партизанских группировок – ЗАНУ (Зимбабвийского африканского национального союза) под руководством Мугабе и ЗАПУ (Зимбабвийского африканского народного союза) под командованием Джошуа Нкомо – в конце концов положили конец правлению белого меньшинства. В 1980 году возникло государство Зимбабве.

После установления независимости Мугабе быстро утвердил режим личной власти. Оппонентов он либо уничтожил, либо принудил к тому, чтобы они перешли на его сторону. Самые страшные акты насилия произошли в провинции Матабелеленд, традиционном оплоте ЗАПУ, где в начале 1980-х годов было убито до двадцати тысяч человек. В 1987 году ЗАПУ и ЗАНУ объединились в движение ЗАНУ-ПФ, и Джошуа Нкомо был устранен с политической сцены. Му-

габе удалось переписать конституцию, которую он получил в наследство от Родезии, хотя ее сохранение было одним из условий провозглашения независимости. Он объявил себя президентом (а начинал как премьер-министр), отменил для белого населения право голоса, которое также обещал сохранить во время переговоров о независимости, и, наконец, в 1990 году избавился от Сената и учредил в законодательных органах должности, на которые он один имел право назначать людей. Фактически было создано однопартийное государство под руководством Мугабе.

После установления независимости Мугабе перенял набор экстрактивных экономических институтов, созданных белым режимом, – различные меры регулирования цен, международной торговли и определенных отраслей промышленности, управление сбытом в сфере сельского хозяйства. Быстро развилась система государственного найма, причем рабочие места предоставлялись сторонникам ЗАНУ-ПФ. Строгие рамки правительственных ограничений экономики защищали интересы представителей партийной элиты, поскольку не давали сложиться независимому классу африканских бизнесменов, которые могли бы составить конкуренцию прежним монополистам у власти.

Все это очень напоминает ситуацию в Гане 1960-х, которую мы рассматривали в главе 2 (стр. 64–68).

При этом, как ни парадоксально, белые оставались в Зимбабве главным предпринимательским классом. Все наиболее сильные отрасли зимбабвийской экономики – прежде всего высокопродуктивный сектор сельскохозяйственного экспорта, – созданные еще в колониальную эпоху, были в руках белых и пока оставались нетронутыми. Но все это могло продолжаться, лишь пока Мугабе сохранял популярность.

Экономическая модель, построенная на регулировании и вмешательстве в работу рынка, быстро доказала свою нежизнеспособность, и в 1991 году, после жестокого налогово-бюджетного кризиса, при поддержке Всемирного банка и Международного валютного фонда начался процесс институциональных изменений. Ухудшение экономических показателей в конце концов привело к появлению серьезной политической оппозиции однопартийной системе: было учреждено Движение за демократические перемены (ДДП). Парламентские выборы 1995 года были совсем не похожи на конкурентные: ЗАНУ-ПФ получила 81 % голосов и 118 из 120 мест в парламенте, причем 55 депутатов вышли на выборы в качестве единственных кандидатов на своих участках.

Президентские выборы следующего году продемонстрировали еще больше признаков нарушений и фальсификаций. Мугабе получил 93 % голосов, а два

его соперника, Абель Музорева и Ндаванинги Ситтоле, сняли свои кандидатуры еще до голосования, обвинив правительство в давлении и фальсификациях.

После выборов 2000 года, несмотря на коррупцию, позиции ЗАНУ-ПФ начали ослабевать. На этот раз партия получила только 49 % на парламентских выборах и всего 63 места в парламенте. ДДП составило правящей партии сильную конкуренцию, одержав победу на всех избирательных участках в столице Хараре. На президентских выборах 2002 года Мугабе набрал «всего» 56 % голосов. И парламентские, и президентские выборы закончились в пользу ЗАНУ-ПФ лишь благодаря насилию, запугиванию и обману избирателей.

Мугабе ответил на падение своего политического авторитета усилением репрессий, а одновременно – определенными мерами, призванными вернуть утраченную народную поддержку. Началось полномасштабное наступление на белых землевладельцев. С 2000 года он вдохновлял и поддерживал многочисленные рейды, целью которых был захват и экспроприация земель. Часто эти рейды проходили под руководством объединений ветеранов, очевидно состоявших из бывших участников войны за независимость. Некоторые из экспроприированных участков были розданы членам этих групп, но большая часть

отошла представителям руководства ЗАНУ-ПФ. Отсутствие каких-либо гарантий прав собственности при режиме Мугабе привело к упадку сельского хозяйства, и единственным средством купить поддержку избирателей оказалось печатание денег, а это привело к небывалой гиперинфляции. В январе 2009 года в Зимбабве было законодательно разрешено использование иностранной валюты, в частности южноафриканского ранда, а зимбабвийский доллар исчез из обращения, как бесполезный клочок бумаги.

То, что произошло в Зимбабве после 1980 года, было типичным для Черной Африки в эпоху после обретения независимости. Страна унаследовала от колониальной эпохи набор в высшей степени экстрактивных политических и экономических институтов. В течение первых 15 лет независимости они в основном сохранялись без изменений. Несмотря на то, что периодически проводились выборы, политические институты не становились более инклюзивными. Экономические же институты претерпели некоторые изменения, например, ушла в прошлое ярко выраженная дискриминация черного населения, и теперь вместо Яна Смита и белых фермеров национальное богатство оказалось в руках Роберта Мугабе и руководства ЗАНУПФ. Общее благосостояние Зимбабве неуклонно падало.

Экономический и политический крах в Зимбабве – еще одно проявление железного закона олигархии. В данном случае экстрактивный и репрессивный режим Яна Смита был заменен на экстрактивный, репрессивный и к тому же коррумпированный режим Роберта Мугабе. Фальсифицированный выигрыш Мугабе в лотерею – всего лишь абсурдная иллюстрация, вершина исторически сложившегося айсберга коррупции.

Многие государства оказываются несостоятельными, поскольку их экстрактивные экономические институты не создают стимулов к накоплению, инвестициям и внедрению изобретений, а экстрактивные политические институты поддерживают этот статус-кво, укрепляя власть тех, кто получает выгоду от извлечения национального богатства. Экстрактивность институтов, хоть она может принимать разные формы в разных обстоятельствах, всегда оказываются первопричиной этой несостоятельности. Во многих случаях, как мы увидим на примере Аргентины, Колумбии и Египта, несостоятельность государства проявляется в виде отсутствия почти всякой независимой экономической активности, поскольку властные элиты осознают, что изымать в свою пользу национальные ресурсы они смогут лишь в ее отсутствие. Независимая экономическая деятельность всегда несет угрозу экс-

трактивным элитам.

В некоторых особых случаях, как, например, в Зимбабве и в Сьерра-Леоне (позже мы еще раз поговорим об этих странах), экстрактивные институты ведут государство к полному краху, уничтожая как краеугольные экономические стимулы, так и закон и элементарный порядок. Результатом может быть не только экономическая стагнация, но и, как показывает новейшая история Анголы, Камеруна, Чада, Республики Конго, Гаити, Либерии, Непала, Сьерра-Леоне, Судана и Зимбабве, – гражданская война, массовые депортации, голод и эпидемии. В результате многие из этих стран стали сегодня беднее, чем были в 60-е годы.

Крестовый поход детей?

23 марта 1991 года группа вооруженных людей под командованием Фоды Санко пересекла границу Либерии со Сьерра-Леоне и атаковала приграничный город Кайлахун. За двадцать лет до этого, в 1971-м, Фода Санко, бывший капрал армии Сьерра-Леоне, был посажен в тюрьму за участие в попытке переворота против диктатора Сиаки Стивенса. После освобождения он в конце концов оказался в Ливии, в одном из тренировочных центров для африканских революционеров, созданных полковником Каддафи. Там он познакомился с Чарльзом Тейлором, который замыслил свергнуть правительство Либерии. Под Рождество 1989 года вооруженная группировка Тейлора вторглась в Либерию, и Санко был с ним. Впоследствии именно с людьми Тейлора, среди которых в основном были либерийцы и граждане Буркина-Фасо, Санко начал вторжение в Сьерра-Леоне. Группировка называла себя Объединенным революционным фронтом (ОРФ) и заявляла, что ее цель – свергнуть «коррупцированную и тираническую» власть Партии общенародного конгресса, партии Сиаки Стивенса.

Как мы уже видели в предыдущей главе, Сиака Стивенс и его партия взяли на вооружение и усовер-

шенствовали экстрактивные институты колониальной эпохи. В 1985 году, когда больной раком Стивенс назначил себе в преемники Джозефа Момо, экономика находилась в полном упадке. Стивенс имел обыкновение цитировать поговорку: «Корова пасется там, где она привязана». И там, где когда-то пасся Стивенс, теперь кормился Момо. Дороги разрушались, школы были заброшены, национальное телевидение прекратило вещание в 1987 году, потому что министр информации продал кому-то передатчик, а два года спустя обрушилась и радиобашня, передававшая сигнал за пределы Фритауна, и трансляции из столицы прекратились. Аналитическая статья, напечатанная в 1995 году во фритаунской газете, очень верно описывает ситуацию:

«Под конец своего правления Момо перестал платить государственным служащим, учителям и даже членам высшего руководства. Органы центрального государственного управления пришли в упадок, и как результат начались пограничные инциденты, а повстанцы, вооруженные автоматическим оружием, начали просачиваться через либерийскую границу. Национальный временный правящий совет, повстанцы и солдаты, неотличимые от повстанцев [*rebels and sobels*], – все это создавало хаос, который неизбежен при полном

исчезновении правительства. И все это – не причины наших проблем, а их симптомы».

Упадок государства при Момо – еще одно следствие динамики порочного круга, запущенной экстрактивными институтами еще при Стивенсе. Этот упадок означал в том числе, что у ОРФ не могло возникнуть никаких трудностей при вторжении в 1991 году. Государство Сьерра-Леоне просто не было способно к сопротивлению. Стивенс уже давно лишил армию всякой реальной мощи, потому что опасался, что военные могут его свергнуть. В результате относительно небольшой группе вооруженных людей не составляло никакого труда ввергнуть большую часть страны в хаос. У ОРФ имелся манифест под названием «Пути к демократии», который начинался с цитаты из чернокожего революционера и философа Франца Фанона: «Каждое поколение должно среди привычного мрака найти свое предназначение, исполнить его или отречься от него». Раздел «За что мы боремся?» начинается так:

«Мы продолжаем борьбу, потому что устали быть вечными жертвами созданной государством бедности и деградации, навязанной нам годами автократии и милитаризма. Однако мы должны терпеливо идти навстречу миру, где все мы станем победителями. Мы преданы идее мира,

который, безусловно, необходим, но мы не брали на себя обязательств стать жертвами мира. Мы знаем, что дело наше – правое, и Бог/Аллах никогда нас не покинет в борьбе за создание новой Сьерра-Леоне».

Хотя Санко и другие лидеры ОРФ выдвигали политические лозунги и недовольство режимом ПОК могло побудить широкие слои жителей Сьерра-Леоне присоединиться к движению на ранней стадии, ситуация быстро вышла из-под контроля. Гражданская война, начатая ОРФ, привела страну к смертельной агонии, как это видно из свидетельства подростка из города Джеома на юге Сьерра-Леоне:

«Они нас собрали... выбрали нескольких из наших друзей и убили их... Их отцы были деревенскими начальниками, и в их домах нашли солдатские ботинки и другие вещи. И их застрелили, и только потому, что обвинили в укрывательстве солдат. Начальников тоже убили – как правительственных чиновников. Они выбрали кого-то, и он стал новым начальником. И они все время говорили, что пришли освободить нас от ПОК. А с какого-то момента вообще перестали выбирать, кого им убить, а просто расстреливали всех подряд».

В первый же год войны некие претензии на интеллектуальность происхождения движения ОРФ были

совершенно забыты. Санко безжалостно расправлялся со всеми, кто осмеливался критиковать нарастающий поток жестокости. Уже очень скоро мало кто хотел присоединиться к ОРФ по доброй воле, начался принудительный набор солдат, особенно детей (впрочем, занимались этим все противоборствующие стороны, в том числе и армия). И если гражданская война в Сьерра-Леоне начиналась как крестовый поход за создание лучшего общества, то в конце концов она стала крестовым походом детей. Конфликт сопровождался массовыми убийствами и повсеместными нарушениями прав человека и военными преступлениями, включая похищения и отсечение ушей и конечностей у пленных. Установив контроль над определенной местностью, ОРФ приступал к ее экономической эксплуатации. Это было особенно заметно в районах алмазных россыпей, где на промывку насильно сгоняли людей, но подобная практика применялась и в других областях экономики.

Однако не один только ОРФ совершал массовые убийства и организовывал принудительные работы: правительство занималось ровно тем же самым. Закон и порядок были попорчены, военная дисциплина совершенно исчезла, так что мирные жители совершенно не могли отличить солдата от мятежника. К окончанию войны в 2001 году около 80 000 человек было уби-

то и вся страна лежала в руинах: дороги и дома были полностью разрушены. Даже сегодня в городе Койду-Сефаду, административном центре округа Коно, алмазодобывающего района на востоке Сьерра-Леоне, можно увидеть целые улицы сожженных домов, изрешеченных пулями.

Итак, к 1991 году государство в Сьерра-Леоне пришло в полный упадок. Давайте вспомним, с чего в свое время начал Шиам, король бушонгов (стр. 133–136): он установил экстрактивные институты для укрепления своей власти и изъятия продукта, производимого остальными членами общества. Но даже эти экстрактивные институты и централизованная власть, сосредоточенная в руках короля, были улучшением по сравнению с хаосом беззакония и беспорядка, царившими в обществе леле на другом берегу реки Касаи. Подобное отсутствие законного порядка и централизованной власти оказалось в последние десятилетия роковым для многих африканских народов, частично из-за того, что процесс политической централизации был исторически медленным в большей части Черной Африки, но также и благодаря порочному кругу экстрактивных институтов, которые разъедали любую государственную централизацию, открывая дорогу к полному краху государства.

В течение десяти лет кровавой гражданской войны

(1991–2001) Сьерра-Леоне была типичным примером несостоятельности государства. Подобные государства терпят крах не по причинам географическим или культурным, а из-за действия экстрактивных институтов, концентрирующих власть и богатство в руках тех, кто контролирует власть. Экстрактивные институты, замедляющие экономическое развитие, эксплуатирующие население и ввергающие его в нищету, весьма распространены в Африке, Азии и Южной Америке. Чарльз Тейлор помог начать гражданскую войну в Сьерра-Леоне, одновременно развязав жестокое противостояние в Либерии, что и там привело к краху государства. Модель, согласно которой действие экстрактивных институтов приводит к гражданской войне и развалу государства, была реализована во многих странах Африки, например в Анголе, Кот-д’Ивуаре, Конго, Мозамбике, Демократической Республике Конго (Заире), Сомали, Судане и Уганде. Схожим образом возник когда-то конфликт, который почти тысячу лет назад привел к крушению городов-государств майя. Таким образом, еще одной причиной того, почему сегодня те или иные страны оказываются несостоятельными, является развал их государственного управления. А это, в свою очередь, оказывается следствием десятилетий существования в рамках экстрактивных экономических и политических институтов.

Государство – это кто?

Случаи Зимбабве, Сомали и Сьерра-Леоне, хоть и типичны для бедных стран Африки и, возможно, Азии, все же представляются исключительными. А как насчет Латинской Америки? Можно ли с уверенностью сказать, что в Латинской Америке нет несостоятельных государств? Может быть, их президенты просто недостаточно бесстыдны, чтобы выигрывать в национальную лотерею?

На территории Колумбии предгорья Анд постепенно переходят в большую прибрежную равнину, открывающуюся к Карибскому морю. В Колумбии эту местность называют *tierra caliente*, «горячая страна» – в противоположность территории Анд, *tierra fria*, «холодной стране». В течение последних пятидесяти лет большинство политологов в разных странах признавали Колумбию демократической страной. Соединенные Штаты охотно ведут с Колумбией переговоры о возможном заключении соглашения о свободной торговле и оказывают ей все виды помощи, особенно военной. По окончании короткого периода военного правления, который завершился в 1958 году, выборы проводились регулярно, правда, до 1974 года действовало соглашение, согласно которому политиче-

ская власть и президентство переходили от одной традиционной политической партии к другой – от консервативной к либеральной. Но сама эта система была санкционирована народом Колумбии в ходе всенародного волеизъявления, и все это кажется достаточно демократичным.

Однако, хотя у Колумбии и имеется долгая история демократических выборов, в этой стране не существует инклюзивных институтов. Напротив, ее история омрачена нарушениями гражданских свобод, внесудебными расправами, насилием над гражданским населением и гражданской войной. Совсем не этого мы ожидаем от демократии. Гражданская война в Колумбии отличается от гражданской войны в Сьерра-Леоне (в последнем случае в стране воцарился полный хаос), однако война в Колумбии повлекла большее число жертв. Правление военных в 50-х годах само по себе было отчасти ответом на гражданскую войну, которую в Колумбии называли просто *La Violencia* – «Насилие». Различные группы мятежников, в основном революционеры-марксисты, свирепствовали в сельских районах страны, похищая и убивая. Чтобы выжить в колумбийской глубинке, необходимо было платить той или иной группе вооруженных головорезов выкуп, который назывался *vacuna*, в дословном переводе – «вакцина», то есть нечто, даю-

щее вам «иммунитет» от похищения или убийства.

Однако не все вооруженные партизаны Колумбии были коммунистами. В 1981 году члены коммунистической повстанческой группировки *Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia* (ФАРК – Революционные вооруженные силы Колумбии) похитили фермера Хесуса Кастаньо, жившего в маленьком городке Амальфи в «горячей стране» на северо-востоке департамента Антиокия. От семьи потребовали выкуп в размере семи с половиной тысяч долларов – для сельских районов Колумбии это целое состояние. Семье удалось собрать нужную сумму, заложив ферму, однако Кастаньо все равно был убит. Это переполнило чашу терпения троих его сыновей – Карлоса, Фиделя и Висенте. Братья организовали военизированную группировку *Los Tangueros*, целью которой была охота на членов ФАРК и возмездие. Братья оказались хорошими организаторами, их группировка разрослась и начала устанавливать связи с похожими военизированными группами, образовавшимися по схожим причинам. Жители Колумбии по многим районам страдали как от рук левых повстанцев, так и правых вооруженных формирований, созданных для противодействия левым. Землевладельцы использовали вооруженные формирования для защиты от повстанцев, однако эти группировки занимались также торговлей наркотика-

ми, грабежами, похищениями и убийствами.

К 1997 году братья Кастаньо объединили несколько военизированных групп в национальную организацию под названием *Autodefensas Unidas de Colombia* (АУК – Объединенные силы самообороны Колумбии). Эти силы самообороны распространили свое влияние на значительную часть Колумбии, особенно на «горячую страну», департаменты Кордова, Сукре, Магдалена и Сесар. К 2001 году в рядах Объединенных сил самообороны состояло до тридцати тысяч боевиков. Организация состояла из нескольких групп – «блоков». В провинции Кордова действовал «Блок Кататумбо», которым командовал Сальваторе Манкузо. По мере роста влияния Объединенных сил самообороны в организации было принято стратегическое решение принять участие в политической жизни страны. Полевые командиры и политики искали расположения друг друга. Несколько руководителей Объединенных сил самообороны организовали в городе Санта-Фе-де-Ралито в департаменте Кордова встречу с известными политиками. Был выпущен документ, призывающий к «восстановлению страны», который подписали, с одной стороны, такие авторитетные лидеры АУК, как Хорхе-40, Адольфо Пас и Диего Весина (боевые клички Родриго Товара Пупо, Диего Фернандо Мурильо и Эдвара Кобо Теллеса соответственно),

а с другой – политики, в том числе сенаторы Уильям Монтес и Мигель де ла Эсприелла. К этому моменту Объединенные силы самообороны контролировали обширные территории Колумбии, и им было несложно повлиять на результаты выборов в Конгресс и Сенат в 2002 году. Например, в муниципалитете Сан-Онофре в департаменте Сукре выборы организовал полевой командир по кличке Кадена (по-испански это значит «цепь»). Один из очевидцев описывает это следующим образом:

«Посланные Каденой грузовики ездили по окрестностям Сан-Онофре, собирая людей. Сотни крестьян были привезены в районные центры, чтобы они смогли посмотреть на кандидатов, за которых им предстояло голосовать во время парламентских выборов, – на Хаиро Мерлано, кандидата в Сенат, и Муриэля Бенито Реболло, кандидата в Конгресс.

Кадена сложил в мешок записки с именами членов муниципального совета, вытянул две и сказал, что убьет этих двоих людей и еще других, также выбранных наугад, если Муриэль не победит».

Угроза сработала – каждый кандидат получил по сорок тысяч голосов по департаменту Сукре. Неудивительно, потому что мэр Сан-Онофре также был одним из политиков, что подписали пакт Санта-Фе-де-

Ралито. Вероятно, треть избранных в 2002 году конгрессменов и сенаторов обязаны своим избранием поддержке военизированных формирований. Карта 20 (стр. 380) показывает области Колумбии, подконтрольные вооруженным группировкам, хорошо видно, как широко распространилось их влияние. Сам Сальваторе Манкузо в интервью говорил об этом так:

«Тридцать пять процентов членов Конгресса были избраны в областях, где действовали структуры подразделений Самообороны. Это мы собирали там налоги, вершили правосудие, контролировали территорию, и каждый, кто хотел заняться политикой, должен был прийти к нам и иметь дело с нашими местными политическими представителями».

Карта 20. Военизированные группировки Колумбии в 1997–2005 гг.

Несложно представить себе, какие последствия имело подобное вмешательство военизированных формирований в политику для экономических институтов и общественного порядка. Экспансия Объединенных сил самообороны не была мирным процессом. Эта организация не только боролась с ФАРК, но и сама убивала и терроризировала мирных граждан, изгоняла сотни тысяч людей из их домов. По данным Центра мониторинга внутренних перемещений (ЦМ-ВП) норвежского Совета по делам беженцев, в начале 2010 года около 10 % населения Колумбии, почти четыре с половиной миллиона человек, подверглись внутренним депортациям. Кроме того, боевики военизированных группировок, как и говорил Манкузо, взяли на себя функции правительства, правда, налоги, которые они собирали, оседали в их собственных карманах. Примечательный документ, подписанный полковым командиром «Вооруженных крестьян Касанаре» по кличке Мартин Льянос (настоящее имя – Эктор Герман Буитраго) и мэрами муниципалитетов Таурамена, Агуасуль, Мани, Вильянуэва, Монтеррей и Сабаналарга в департаменте Касанаре (Восточная Колумбия), перечисляет правила, которым должны были следовать мэры:

9. Отчислять 50 % муниципального бюджета в распоряжение «Вооруженных крестьян Касанаре».
10. Отчислять 10 % от цены каждого муниципального контракта в пользу «Вооруженных крестьян Касанаре».
11. В обязательном порядке помогать в организации всех собраний, созванных «Вооруженными крестьянами Касанаре».
12. Допустить «Вооруженных крестьян Касанаре» к участию во всех инфраструктурных проектах.
13. Вступить в новую политическую партию, сформированную «Вооруженными крестьянами Касанаре».
14. Выполнять ее политическую программу.

Касанаре – департамент не из бедных. Напротив, уровень дохода на душу населения в нем самый высокий из всех департаментов Колумбии, поскольку здесь имеются значительные запасы нефти – а именно этот ресурс всегда чрезвычайно привлекателен для военизированных группировок. Едва заполучив власть, боевики начинали систематическую экспроприацию собственности. Сам Манкузо стал обладателем городской и сельской недвижимости на общую сумму, предположительно, примерно 25 миллионов долларов. Согласно разным оценкам, военизированные

группировки экспроприировали в Колумбии до 10 % от всех сельских земель.

В случае Колумбии несостоятельное государство все же не оказалось на грани полного краха, хотя и утратило контроль над значительной частью своей территории. Хотя государство и в состоянии обеспечить безопасность и выполнение общественных функций в больших муниципалитетах, таких как Богота или Барранкилья, в стране существуют обширные районы, где общественные функции предоставляются не в полном объеме, а закон и порядок практически отсутствуют: политику и ресурсы контролируют здесь альтернативные группы и личности, такие как Манкузо. В некоторых областях страны экономические институты функционируют достаточно хорошо, и заметен высокий уровень образования и предпринимательских навыков. В других областях институты крайне экстрактивны и неспособны обеспечить даже минимальную степень государственного контроля.

Нелегко объяснить, как подобная ситуация может сохраняться десятилетиями, даже веками. Но в реальности такое положение дел имеет свою логику – это одна из разновидностей порочного круга. Насилие и отсутствие достаточной степени централизации у государственных институтов на местах используются политиками на национальном уровне, при этом во-

енизированные формирования предоставлены сами себе. Подобная модель стала особенно явной в двухтысячных годах.

В 2002 году на президентских выборах в Колумбии победил Альваро Урибе. У него было нечто общее с братьями Кастаньо – боевики ФАРК убили его отца. Урибе строил свою кампанию, отвергая попытки предшествовавшей администрации заключить мир с ФАРК. На избирательных участках, расположенных в районах, подконтрольных военизированным группировкам, за него было подано на 3 % больше голосов, чем в других районах. В 2006 году, когда Урибе баллотировался на второй срок (и был переизбран), в районах, находившихся под контролем боевиков, за него проголосовали уже на 11 % больше, чем в других районах. Если Манкузо и его соратники могли обеспечить голоса на выборах в Конгресс и Сенат, почему бы не сделать то же самое во время президентских выборов – особенно если кандидат разделяет ваши взгляды и, вероятно, собирается быть терпимым по отношению к вам? В сентябре 2005 года Хаиро Ангарита, заместитель Сальваторе Манкузо и один из лидеров «Объединенных сил самообороны», заявил, что «горд тем, что принял участие в работе по переизбранию лучшего президента из всех, что были у Колумбии».

Сенаторы и конгрессмены, избранные от военизи-

рованных группировок, послушно голосовали за все, чего хотел Урибе, – в частности, за изменение конституции таким образом, чтобы он мог выставить свою кандидатуру в 2006 году (какового права у него не было в 2002-м, в начале его первого срока). Взамен президент Урибе издал закон, который разрешал участникам военизированных формирований сложить оружие на весьма мягких условиях. Разоружение, впрочем, не означало прекращения деятельности группировки, а лишь легитимизировало эту деятельность в тех (весьма значительных) частях Колумбии и в тех государственных структурах, над которыми военизированные формирования уже установили контроль. Этот контроль им было разрешено сохранить.

С течением времени в Колумбии многие экономические и политические институты становились более инклюзивными. Но определенные (и принципиально важные) экстрактивные элементы сохранялись. Отсутствие законности и гарантий прав собственности стали системными особенностями во многих областях страны, и это было следствием дефицита государственного контроля, особой формой недостатка государственной централизации, характерной для Колумбии. Политические институты этой страны не поощряют политиков как можно лучше исполнять общественные функции и устанавливать закон и порядок

на всей ее территории и не налагают на них достаточных ограничений, чтобы помешать им тайно или явно входить в сговор с бандами вооруженных головорезов.

El Corralito

В конце 2001 года Аргентина содрогалась в тисках экономического кризиса. В течение трех лет доходы падали, безработица росла, внешний долг достиг огромных размеров. Политические решения, которые впоследствии привели к подобному результату, были приняты еще в 1989 году правительством президента Карлоса Менема, пытавшимся обуздать гиперинфляцию и стабилизировать экономику. В течение некоторого времени эти решения, казалось, приведут к успешному результату.

В 1991 году Менем привязал аргентинский песо к американскому доллару: один песо отныне равнялся одному доллару, обменный курс был объявлен неизменным. Конец истории? Да, почти. Чтобы убедить население, что правительство намерено твердо придерживаться этого подхода, людей всячески поощряли открывать банковские счета в американских долларах. Долларами можно было расплачиваться в магазинах Буэнос-Айреса, их можно было снять в банкоматах по всему городу. Такая политика, пожалуй, помогла стабилизировать экономику, однако имела один большой недостаток: она сделала аргентинский экспорт очень дорогим, а импорт – очень дешевым.

Тонкая струйка экспорта иссякла, импорт лился рекой. Единственным способом заплатить за него были заимствования на внешнем рынке.

Такое положение дел оказалось разрушительным. Чем больше недоверия вызывал песо, тем бóльшую часть своего достояния люди отправляли на долларовые счета в банках. В конце концов, если правительство вдруг решит девальвировать национальную валюту, долларовые счета по-прежнему будут в полном порядке, не так ли? Аргентинцы совершенно справедливо не доверяли своему песо, но слишком доверяли своим долларовым счетам.

Первого декабря 2001 года правительство внезапно заморозило все банковские счета на 90 дней. Разрешалось снимать наличными лишь небольшую сумму еженедельно. Сначала это были 250 песо (то есть 250 долларов), затем 300 песо. Однако снимать наличные разрешалось только со счетов, открытых в песо. С долларовых счетов снимать наличные не давали – кроме тех случаев, когда владелец счета соглашался конвертировать доллары и получить на руки сумму в национальной валюте. Никто не хотел этого делать. Аргентинцы назвали эту ситуацию *El Corralito* – «загончик для скота»: вкладчики метались, словно коровы в загоне, не видя никакого выхода.

В январе была объявлена девальвация, и курс вме-

сто одного песо за доллар вскоре установился на уровне четырех песо за доллар. Казалось, это должно подтвердить правоту тех, кто полагал, что все сбережения надо держать в долларах. Однако все оказалось не так, потому что вскоре правительство в принудительном порядке конвертировало все долларовые счета в песо – однако по старому курсу, один к одному! Итак, человек, накопивший тысячу долларов, неожиданно обнаруживал, что у него осталось только 250 долларов. Правительство экспроприировало три четверти сбережений граждан.

Аргентина – страна, которая постоянно приводит экономистов в замешательство. Рассуждая о том, как трудно понять Аргентину, лауреат Нобелевской премии экономист Саймон Кузнец однажды произнес знаменитый афоризм о том, что существует четыре вида стран: «развитые, развивающиеся, Япония и Аргентина». Кузнец напомнил, что накануне Первой мировой войны Аргентина была одной из богатейших стран мира. Затем начался неуклонный спад, все большее удаление от других богатых стран Западной Европы и Северной Америки, и этот процесс привел в 1970–1980 годах к полному упадку. На беглый взгляд экономическое развитие Аргентины кажется загадочным, но причины ее упадка становятся яснее, если взглянуть на них сквозь призму инклюзивных и экс-

трактивных институтов.

В самом деле, хотя к 1914 году Аргентина уже имела пятидесятилетний опыт экономического роста, однако это был классический случай роста при экстрактивных институтах. Аргентиной в то время управляла небольшая группа аристократической элиты, которая серьезно инвестировала в сектор сельскохозяйственного экспорта. Экономика росла благодаря экспорту мяса, шкур и зерна, при том что мировые цены на эти продукты также росли. Как и во всех подобных случаях роста при экстрактивных институтах, в этом случае также не наблюдалось ни созидательного разрушения, ни развития инноваций. Такая ситуация была неустойчивой. Ко времени Первой мировой войны растущая политическая нестабильность и вооруженные протесты заставили элиты Аргентины предпринять попытки расширить политическую систему, что привело к активации сил, контролировать которые они не могли, и в 1930 году произошел первый военный переворот. Начиная с того момента и до 1983 г. Аргентина колебалась между диктатурой и демократией среди различных экстрактивных институтов. При военном правлении осуществлялись массовые репрессии, пик которых пришелся на 70-е годы, когда по меньшей мере девять тысяч жителей, а возможно и гораздо больше, были казнены без суда.

Сотни тысяч были брошены в тюрьмы и подвергались пыткам.

В периоды гражданского правления проводились выборы – своего рода демократия. Но политическая система оставалась далеко не инклюзивной. Со времен подъема Перона в 40-х годах в демократической Аргентине основной силой была созданная им партия *Partido Justicialista*, обычно называемая просто Перонистской партией. Перонисты победили на выборах благодаря огромной политической машине, которая успешно покупала голоса, раздавала посты и должности и участвовала в коррупции, предлагая государственные контракты и работу в обмен на политическую поддержку. В определенном смысле это была демократия, но не плюралистическая. Власть была сконцентрирована в руках Перонистской партии, которая практически не имела никаких ограничений в своих действиях, по крайней мере в тот период, когда военные еще не пытались отстранить ее от управления. Как мы видели ранее (стр. 329–332), если верховный суд пытался оспорить политический курс, то тем хуже для верховного суда.

В 1940-х годах Перон культивировал рабочее движение как основу политической деятельности. Когда оно ослабло под давлением военных репрессий в 70-е и 80-е годы, его партия просто стала покупать голоса

у других. Экономическая политика и институты были организованы таким образом, чтобы приносить доход своим сторонникам, а не для создания единых правил игры. Когда президент Менем столкнулся с ограничением количества президентских сроков, которое мешало его переизбранию в 90-х годах, картина оказалась такой же – он мог просто переписать конституцию и избавиться от ограничения. Как показывает *E/ Corralito*, даже при наличии выборов и всенародно избранного правительства в Аргентине правительство было в состоянии обойти право собственности и безнаказанно экспроприировать у собственных граждан. Над президентами и политическими элитами Аргентины существует очень мало контроля, и плюрализм совершенно отсутствует.

Что озадачивало Кузнецца и, без сомнения, многих других посещающих Буэнос-Айрес, это тот факт, что город кажется очень непохожим на Лиму, Гватемала-Сити и даже Мехико-Сити. Там не увидишь туземного населения и потомков бывших рабов. В основном видна великолепная архитектура, здания, построенные во время «прекрасной эпохи», годов роста при экстрактивных институтах. Но в Буэнос-Айресе можно видеть лишь часть Аргентины. Менем, к примеру, не был родом из Буэнос-Айреса. Он родился в Анильяко, в провинции Ла-Риоха, в горах дале-

ко на северо-западе от Буэнос-Айреса, и прослужил три срока в качестве губернатора провинции. Во времена завоевания Америк испанцами эта часть Аргентины была удаленной областью империи инков, густо заселенной туземными жителями (см. карту 1 на стр. 17). Испанцы создали там *энкомьенды*, где развивалась в высшей степени экстрактивная экономика выращивания продуктов питания и разведения мулов для горнодобывающих предприятий в Потоси на севере. На самом деле Ла-Риоха была гораздо больше похожа на область Потоси в Перу и Боливии, чем на Буэнос-Айрес. В XIX веке в Ла-Риохе жил знаменитый военачальник Факундо Квируга, который единолично управлял областью и повел свою армию на Буэнос-Айрес. История развития политических институтов Аргентины – это история того, как внутренние провинции, такие как Ла-Риоха, достигали соглашений с Буэнос-Айресом. Это были соглашения о перемирии: военачальники Ла-Риохи соглашались оставить Буэнос-Айрес в покое, чтобы там продолжали зарабатывать деньги. В ответ элиты Буэнос-Айреса оставляли попытки реформирования институтов «внутренних». И хоть с первого взгляда Аргентина казалась миром, отличным от Перу или Боливии, на самом деле разница была не так велика, стоило лишь оставить элегантные бульвары Буэнос-Айреса. Тот факт, что интересы

и политика внутренних провинций оказывались встроенными в аргентинские институты, объясняет, почему страна проходила тот же путь институционального развития, что и другие экстрактивные страны Латинской Америки.

То, что выборы не привносят инклюзивности ни в политические, ни в экономические институты, типично для Латинской Америки. В Колумбии военизированные формирования могут влиять на треть результатов национальных выборов. В сегодняшней Венесуэле, как и в Аргентине, демократически избранное правительство Уго Чавеса борется со своими оппонентами, выталкивает их из сектора государственной занятости, закрывает газеты, чьи публикации ему не нравятся, и экспроприирует собственность. Что бы ни делал Чавес, он гораздо свободнее и менее ограничен в своих действиях, чем сэр Роберт Уорпол в 20-х годах XVIII века в Британии, когда ему не удалось осудить Джона Хантриджа по Черному акту (стр. 302–308). В современной Венесуэле или Аргентине Хантриджу пришлось бы гораздо хуже.

Хотя демократия, развивающаяся в Латинской Америке, по идее диаметрально противоположна правлению элиты и на словах и на деле пытается перераспределить права и возможности, забрав их хотя бы у части элиты, все же она, безусловно, берет нача-

ло из экстрактивных режимов в двух смыслах. Во-первых, веками сохраняющееся при экстрактивных режимах неравноправие заставляет избирателей во вновь зарождающихся демократиях голосовать за политиков с экстремальными политическими установками. Дело не в том, что аргентинцы просто наивны и полагают, что Хуан Перон или более современные политики-перонисты, такие как Менем или Киршнеры, совершенно бескорыстны и заботятся об интересах избирателей; и не в том, что венесуэльцы в Чавесе видят свое спасение. Напротив, многие аргентинцы и венесуэльцы сознают, что все прочие политики и партии в течение долгого времени не могли дать им права голоса и обеспечить наличие самых базовых общественных услуг, таких как транспорт и образование, а также защитить от произвола местных элит. Многие венесуэльцы поддерживают сегодня политику Чавеса, даже при условии, что эта политика идет рука об руку с коррупцией и потерями, как многие аргентинцы поддерживали политику Перона в 40-х и 70-х годах XX века. Во-вторых, речь опять идет о лежащих в основе экстрактивных институтах, которые делают политическое поприще столь привлекательным и подходящим для авторитарных лидеров, как Перон и Чавес, а не для эффективной партийной системы, которая могла бы создать желаемые обществом альтернативы. Пе-

рон, Чавес и дюжины других авторитарных лидеров в Латинской Америке являют собой лишь еще одну грань железного закона олигархии, и, как видно из самого названия, корни этого железного закона растут из лежащих в его основании элитарных режимов.

Новый абсолютизм

В ноябре 2009 года правительство Северной Кореи провело денежную реформу. Частым поводом для таких реформ становятся затяжные периоды сильной инфляции. В 1960 году во Франции в результате денежной реформы появился новый франк, равный сотне старых франков. Старые франки оставались в обращении и даже использовались на ценниках, поскольку переход к новым франкам осуществлялся постепенно. Окончательно старые франки перестали быть платежным средством лишь в 2002 году, когда Франция перешла на евро.

На первый взгляд северокорейская реформа выглядела похоже. Как и французы в 1960-м, правительство Северной Кореи решило убрать два ноля со своих купюр. Сотня старых вон, национальной валюты Северной Кореи, отныне равнялась одной новой воне. Гражданам разрешалось обменять старые деньги на вновь напечатанные, правда, сделать это было нужно за неделю, а не за сорок два года, как в случае с Францией. Затем стало ясно, где скрывается подвох: правительство объявило, что можно обменять лишь сумму, не превышающую сто тысяч вон (потом, правда, сумму увеличили до пятисот тысяч).

Сто тысяч вон на черном рынке стоили около сорока долларов. Одним махом правительство уничтожило огромную часть личных сбережений северокорейских граждан. Неизвестно точно, о какой именно сумме идет речь, но, вероятно, она больше, чем сумма, которую экспроприировало в 2002 году аргентинское правительство.

Режим Северной Кореи – это коммунистическая диктатура, отрицающая частную собственность и рыночные отношения. Однако черный рынок контролировать сложно, и на этом рынке все сделки совершаются в наличных. Конечно, на черном рынке КНДР используется и иностранная валюта, особенно китайская, но и воны в ходу. Целью валютной реформы было наказать тех, кто пользуется услугами черного рынка, и, более того, помешать им сделаться настолько богатыми и сильными, чтобы стать угрозой режиму. Безопаснее держать людей в бедности. Но дело не только в черном рынке: жители Северной Кореи держат свои сбережения в наличных вонгах еще и потому, что в стране мало банков и все они государственные. Таким образом, правительство использовало валютную реформу для экспроприации большей части сбережений граждан.

Хотя правительство и утверждает, что свободный рынок – это зло, однако северокорейская элита весь-

ма любит блага, которые может предоставить этот рынок. В распоряжении лидера КНДР Ким Чен Ына имеется семиэтажный дворец развлечений, оборудованный баром с системой караоке и мини-кинотеатром. На первом этаже располагается огромный бассейн с волновой установкой, где Ким любит плавать на доске, снабженной маленьким мотором. Когда в 2006 году Соединенные Штаты ввели санкции против Северной Кореи, целью этих санкций было как можно больнее ударить элиту. Было запрещено экспортировать в Северную Корею более шестидесяти категорий предметов роскоши, включая яхты, гидроциклы, гоночные автомобили, мотоциклы, DVD-плееры и телевизоры с диагональю более 29 дюймов. Больше никаких шелковых шарфов, дизайнерских авторучек, мехов и кожаных чемоданов. А именно эти вещи особенно любили Ким и элита его коммунистической партии. Согласно статистике продаж французской компании *Hennessy*, до введения санкций коньячный бюджет Кима мог составлять до 800 тысяч долларов в год.

Невозможно понять происходящее сегодня во многих беднейших регионах мира без понимания коммунизма – этого нового абсолютизма XX столетия. Идеи Маркса помогли создать систему, которая должна была принести человечеству благосостояние, гуманность и всеобщее равенство. Ленин и его комму-

нистическая партия вдохновлялись идеями Маркса, однако практика оказалась радикально непохожей на теорию. Большевицкая революция 1917 году была кровавой драмой, лишенной малейших признаков гуманности. Равенство также было забыто, поскольку первое, что сделали Ленин и его окружение, – это создали новую элиту, во главе с партией большевиков. Они репрессировали и убивали не только политических противников коммунизма, но и других коммунистов, которые могли нести угрозу власти большевицкой элиты. А еще более страшные трагедии были впереди, и они пришли сначала с гражданской войной, затем со сталинской коллективизацией и массовым террором, в ходе которого погибло до сорока миллионов человек.

Российский коммунизм был жестоким, репрессивным и кровавым, но не уникальным. Экономическая разруха и небывалые человеческие страдания были вполне типичны и для других коммунистических стран, например для Кампучии при красных кхмерах в 1970-е годы, для Китая и Северной Кореи. Во всех случаях коммунизм приводил к страшной диктатуре и повсеместному нарушению прав человека. Помимо бедствий и массовых убийств, все коммунистические режимы порождали различные виды экстрактивных институтов. Экономические институты, будь то с эле-

ментами рынка или без них, создавались для изъятия ресурсов у населения, прокламировали лютую ненависть к праву собственности и обычно приносили нищету вместо процветания. В случае с Советским Союзом, как мы видели в главе 5, коммунистическая система сначала способствовала быстрому росту, а затем дрогнула и привела к стагнации. В Китае при Мао и в Камбодже при красных кхмерах последствия оказались гораздо более разрушительными – там коммунистические экономические институты привели к экономическому краху и голоду.

Коммунистическую экономику поддерживали, в свою очередь, экстрактивные политические институты, которые концентрировали всю полноту власти в руках коммунистической партии и не предусматривали никаких ограничений для осуществления ее полномочий. Хотя по форме эти экстрактивные институты были иными, они все же влияли на жизнь людей примерно так же, как и экстрактивные институты Зимбабве и Сьерра-Леоне.

Царь-хлопок

Сорок пять процентов экспорта Узбекистана приходится на хлопок, и это делает последний самой важной сельскохозяйственной культурой страны. Это положение сохраняется с тех самых пор, как при распаде Советского Союза в 1991 году Узбекистан стал независимым государством. При советском коммунистическом режиме все сельскохозяйственные земли Узбекистана пребывали под контролем 2048 хозяйств, находящихся в собственности государства. После 1991 года эти хозяйства перестали существовать, а земля была заново размежевана. Но это не значило, что земледельцы могли теперь вести независимую хозяйственную деятельность – хлопок слишком много значил для правительства Ислама Каримова, первого президента Узбекистана (он до сих пор остается у власти). Напротив, были выпущены указания, определяющие, что именно земледельцы имеют право выращивать и сколько из выращенного они могут продавать. Хлопок был ценным экспортным продуктом, и производители получали за свой продукт лишь небольшую часть мировой рыночной цены, остальное забирало правительство. За такие деньги никто не стал бы добровольно выращивать хло-

пок, поэтому правительству пришлось прибегнуть к принуждению. Каждый фермер был обязан выделить 35 % своей земли под хлопок. Такой порядок создавал много проблем, и прежде всего сложности с техникой. К моменту обретения независимости около 40 % урожая убиралось при помощи хлопкоуборочных комбайнов. После 1991 года – и это не удивительно, если учесть систему принуждения, созданную режимом президента Каримова, – фермеры оказались совершенно не заинтересованы в том, чтобы покупать и ремонтировать комбайны. И Каримов нашел решение, гораздо более дешевое, чем комбайны: школьники.

Коробочки хлопка созревают и готовы к сбору в начале сентября, как раз в то время, когда узбекские школьники возвращаются с летних каникул. Каримов издал указ, согласно которому власти на местах направляют в школы разнарядку по сборщикам хлопка. В начале сентября школы пустеют, и два миллиона семьсот тысяч школьников (данные 2006 г.) отправляются на поля. Гульназ, мать двоих таких детей, так описывает происходящее:

«В начале каждого учебного года, примерно в начале сентября, занятия в школе прекращаются и вместо классов учеников отправляют на сбор хлопка. Согласия родителей никто не спрашивает. Они работают без выходных [в

течение сезона сбора урожая]. Если по какой-то причине ребенка оставляют дома, учитель или классный руководитель приходит к нему домой и ругает родителей. Каждому ребенку устанавливают план сбора, от 20 до 60 килограммов в день, в зависимости от возраста. Если ребенку не удастся выполнить план, то на следующее утро его резко критикуют перед всем классом».

Сезон сбора длится два месяца. Ребенку из сельской местности может иногда повезти, если хлопковое хозяйство, куда его направят, находится недалеко от его дома: тогда он может ночевать дома и ходить на работу пешком или ездить на автобусе. Городским детям приходится спать в загонах для скота или в мастерских – вместе с техникой и животными. Там нет ни туалетов, ни кухонь.

Главные бенефициары подобного принудительного труда – это политические элиты во главе с президентом Каримовым, который фактически является собственником всего узбекского хлопка. Предполагается, что детям платят за их труд, но это лишь условность: в 2006 году, когда мировая цена на хлопок составляла примерно 1,4 доллара за килограмм, детям платили около 0,03 доллара за дневную норму (от 20 до 60 кг). Около 75 % урожая хлопка теперь собирают дети. Весной школы закрываются, поскольку начина-

ются обязательные работы по прополке, очистке почвы и посадке хлопка.

Как такое могло случиться? Узбекистан, как и прочие советские социалистические республики, собирався после распада Советского Союза развивать рыночную экономику и строить демократию. Однако, как и в случае со многими другими советскими республиками, все пошло совсем не так. Президент Каримов, который сделал политическую карьеру в Коммунистической партии Советского Союза, получил пост первого секретаря в Узбекистане в очень удачный момент – в 1989 году, как раз в год падения Берлинской стены. Он быстро превратился в националиста и в декабре 1991 года при решающей поддержке служб безопасности выиграл первые в истории Узбекистана президентские выборы. Получив власть, он сломил независимую политическую оппозицию, и его оппоненты теперь в тюрьме или в эмиграции. В Узбекистане нет независимых средств массовой информации и запрещена деятельность любых неправительственных организаций. Апогей репрессий пришелся на 2005 год, когда 750, а возможно, и больше демонстрантов было расстреляно полицией и армией в Андижане.

При помощи сил безопасности и в условиях тотального контроля над средствами массовой информации

Каримов провел референдум и увеличил срок своего президентства на пять лет, а в 2000 году был переизбран на новый семилетний срок, получив 91,2 % голосов. Его единственный конкурент на выборах заявил, что и сам проголосовал за Каримова! На президентских выборах 2007 года, которые во всем мире были признаны фальсифицированными, он получил 88 % голосов. Выборы в Узбекистане похожи на мероприятия, которые организовывал Иосиф Сталин в пору расцвета Советского Союза. Подобные выборы 1937 года были описаны корреспондентом *The New York Times* Гарольдом Дэнни, который процитировал в своем репортаже перевод из официальной газеты «Правда», дававшей картину напряжения и волнения на советских выборах:

«Пробило полночь. День двенадцатого декабря, день первых всеобщих, равных и прямых выборов в Верховный Совет, завершен. Скоро объявят результаты голосования. В комнате осталась только комиссия. Вокруг спокойно, торжественно горят лампы. Посреди всеобщего внимательного и напряженного ожидания председатель выполняет все необходимые формальности перед началом подсчета голосов – проверяет по списку, сколько было избирателей и сколько из них проголосовало, – результат 100 процентов. Сто

процентов! Какие выборы, в какой стране и за какого кандидата показывали стопроцентную явку?

Теперь начинается главное. Волнуясь, председатель проверяет печати на ящиках. Затем их проверяют члены комиссии. Печати нетронуты, и теперь их срезают. Ящики открыты. Все спокойно. Они сидят, внимательные и серьезные, – те, кто наблюдает за выборами и проводит их. Теперь пришло время открывать конверты. Три члена комиссии берут ножницы. Председатель встает. Члены счетной комиссии держат наготове свои тетради. Первый конверт разрезан. Все глаза устремлены на него. Председатель достает два бюллетеня – белый [за кандидата Совета Союза] и голубой [за кандидата Совета национальностей] – и читает громко и четко: «Товарищ Сталин!» Внезапно вся торжественность пропадает. Все в комнате вскакивают и аплодируют радостно и неудержимо первому бюллетеню первых всеобщих тайных выборов в соответствии со сталинской Конституцией – бюллетеню с именем создателя Конституции!»

Подобная картина беспокойного ожидания была характерна и для переизбрания Каримова, способного ученика Сталина в деле репрессий и политического контроля. Выборы, которые он смог организовать,

в своем сюрреализме соперничали со сталинскими.

Узбекистан Каримова – страна с крайне экстрактивными политическими и экономическими институтами. Примерно треть населения живет за порогом бедности, и средний годовой подушевой доход составляет около тысячи долларов. Однако не все показатели выглядят плохо. Например, по данным Мирового банка, в школу ходят сто процентов детей... если не считать сезона сбора хлопка. Грамотность также находится на высоком уровне, хотя режим не только контролирует все средства массовой информации, но также запрещает книги и осуществляет цензуру Интернета. И если большинство граждан страны получают лишь несколько центов в день за сбор хлопка, то семья Каримова и его приближенные – бывшие коммунистические функционеры, которые после 1991 года составили экономическую и политическую элиту Узбекистана, – баснословно обогатились. Экономические интересы семьи – зона ответственности дочери президента Гульнары Каримовой, которая, как предполагают некоторые, унаследует пост отца. В такой непрозрачной и закрытой государственной системе, как в Узбекистане, никто не знает точно, какие именно активы контролирует семья Каримова и сколько денег она аккумулировала, однако опыт американской компании *Interspan* показателен для понимания того,

что произошло в узбекской экономике за два последних десятилетия. Хлопок – не единственная сельскохозяйственная культура Узбекистана, часть страны идеально подходит для культивирования чая, и *Interspan* решила на инвестиции. К 2005 году компания контролировала свыше 30 % местного рынка чая, но потом у нее начались проблемы. Гульнара Каримова решила, что чайная промышленность выглядит экономически привлекательной. Вскоре сотрудники *Interspan* из числа местных жителей начали подвергаться преследованиям, арестам и даже пыткам. Работать стало невозможно, и в августе 2006 года компания ушла с рынка. Ее активы были поглощены быстро растущими структурами семьи Каримова, которые к тому моменту занимали 67 % рынка (начав с двух процентов всего двумя годами ранее).

Узбекистан во многом выглядит как реликт из прошлого, из забытых веков. Это страна, изнывающая под деспотической властью одной-единственной семьи и ее ближайшего окружения, с экономикой, построенной на принудительном труде – более того, на детском принудительном труде. Но на самом деле это не реликт, это часть современной мозаики сообществ, которые терпят крах под влиянием экстрактивных институтов, и, к несчастью, у Узбекистана много общего с другими бывшими советскими республиками, на-

чиная с Армении и Азербайджана и до Киргизии, Таджикистана и Туркменистана. Узбекистан напоминает нам, что даже в XXI веке экстрактивные экономические и политические институты могут принимать бескомпромиссно экстрактивную форму.

Игровое поле с уклоном

В девяностые годы в Египте проходили реформы. С 1954 года, когда военный переворот сверг монархию, в Египте установился квазисоциалистический общественный строй и главную роль в экономике играло государство. Принадлежащие государству компании доминировали во многих секторах. С течением времени социалистическая риторика утихла, заработал рынок и начал развиваться частный сектор. И все же это был еще не инклюзивный рынок, а рынок, контролируемый государством и горсткой бизнесменов, связанных с Национально-демократической партией (НДП). Эта политическая партия была основана в 1978 году президентом Анваром Садатом, и при его преемнике Хосни Мубараке связь бизнеса с партией все больше укреплялась. Мубарак, который стал президентом в 1981 году после убийства Садата, правил страной вместе с НДП до февраля 2011 года, когда ему пришлось отказаться от власти в результате народных протестов и выступлений военных, что мы обсуждали во вступлении (стр. 1).

Основные представители бизнеса получали в правительстве ключевые должности по направлениям, соответствующим их экономическим интересам. Ра-

шид Мохамед Рашид, бывший президент подразделения компании *Unilever* по Африке, Ближнему Востоку и Турции, стал министром внешней торговли и экономики; Мохамед Зохейр Вахид Гарана, владелец и исполнительный директор одной из крупнейших в Египте туристических компаний *Garana Travel*, стал министром по туризму; Амин Ахмед Мохамед Осман Абаза, основатель крупнейшей в Египте компании по экспорту хлопка *Nile Cotton Trade Company*, был назначен министром сельского хозяйства.

Во многих секторах экономики под давлением бизнесменов правительство ограничивало вход на рынок путем государственного регулирования. Среди таких секторов оказались массовые коммуникации, металлургия, автомобилестроение, производство алкогольных напитков и цементная промышленность. Каждый сектор был монополизирован, и высокие входные барьеры защищали связанных с политикой бизнесменов и компании. Крупные бизнесмены, близкие к политической элите, такие как Ахмед Езз (металлургия), семья Савирис (средства массовой информации, напитки и телекоммуникации) и Мохамед Носсейр (напитки и телекоммуникации), не только пользовались поддержкой государства, но и получали госзаказы и большие банковские кредиты, при этом им не приходилось предоставлять никаких гарантий в

обеспечение этих кредитов. Ахмед Езз одновременно был и председателем компании *Ezz Steel*, крупнейшей в стране металлургической компании, производящей 70 % всей египетской стали, и высокопоставленным функционером НДП, председателем комитета по планированию бюджета. А кроме того, близким приятелем Гамалая Мубарака, одного из сыновей президента.

Египетские экономические реформы 90-х годов, вдохновленные международными финансовыми институтами и экономистами, были нацелены на освобождение рынка и снижение роли государства в экономике. Главной идеей подобных реформ всегда бывает приватизация активов, которыми владеет государство. Приватизация в Мексике (стр. 38–40) вместо того, чтобы увеличить конкуренцию, просто заменила государственные монополии частными, способствовав обогащению близких к политической элите бизнесменов, таких как Карлос Слим. То же самое случилось и в Египте. Бизнесмены, связанные с режимом, имели возможность оказывать значительное влияние на приватизационную программу, и в результате эта программа принесла выгоду только богатой бизнес-элите – «китам», как их называли в Египте. Ко времени начала приватизации экономика находилась под контролем тридцати двух таких «китов».

Одним из них был Ахмед Заят, глава *Luxor Group*. В 1996 году правительство решило приватизировать компанию *Al Ahram (ABC)*, пивного монополиста в Египте. Предложение поступило от консорциума Египетской финансовой компании, который возглавлял застройщик Фарид Саад вместе с первой венчурной компанией Египта, основанной годом раньше. В консорциум входили Фуад Султан, бывший министр туризма, Мохамед Носсейр и Мохамед Рагаб, еще один видный бизнесмен. Эта группа имела хорошие связи в политических кругах, но, видимо, недостаточно хорошие. Ценовое предложение в 400 миллионов египетских фунтов было отклонено как слишком низкое.

У Заята связи оказались лучше. У него не было денег на покупку ABC, поэтому он выступил с планом, по изобретательности сравнимым со схемами Карлоса Слима. Акции ABC были впервые зарегистрированы на Лондонской фондовой бирже, и *Luxor Group* приобрела 74,9 % этих акций по цене 68,5 египетских фунтов за акцию. Три месяца спустя было проведено дробление акций в соотношении 2:1, и *Luxor Group* смогла продать их все по 52,5 фунта за акцию, получив 36 % чистой прибыли. В результате в следующем месяце Заят оказался в состоянии финансировать покупку ABC за 231 миллион фунтов. В это время ABC приносила около 41,3 миллиона египетских фунтов

годовой прибыли и имела резерв наличности в сумме 93 миллиона египетских фунтов. Это была неплохая сделка.

В 1999 году ABC распространила свою монополию не только на пиво, но и на вино, купив недавно приватизированную национальную винную компанию-монополиста *Gianaclis*. Это была очень прибыльная компания, надежно защищенная пошлиной в 3000 %, которой облагались импортные вина; ее прибыль составляла 70 % от продаж. В 2002 г. монополия снова поменяла хозяина: Заят продал ABC компании *Heineken* за 1,3 миллиарда египетских фунтов. За пять лет – 563 % прибыли.

Но и Мохамед Носсейр не всегда оказывался в проигрыше. В 1993 году он купил приватизированную *E/ Nasr Bottling Company*, у которой была монополия на бутилирование и продажу кола-колы в Египте. Связи Носсейра с тогдашним министром государственного бизнеса Атефом Эбейдом позволили ему совершить эту покупку практически в отсутствие конкурентов. Два года спустя Носсейр продал компанию за сумму, более чем в три раза превышавшую стоимость покупки. В конце 90-х был еще один пример попыток привлечь частный сектор: приватизация египетской киноиндустрии. И вновь благодаря политическим связям лишь две семьи смогли участвовать в пода-

че коммерческих предложений и имели право владеть кинотеатрами – одной из них была семья Савирис.

Египет сегодня – бедная страна. Не столь бедная, как большинство стран к югу от него, в Черной Африке, но все же около 40 % египтян очень бедны и живут меньше чем на два доллара в день. Есть большая ирония в том, что, как мы видели ранее (стр. 61–62), в XIX веке именно в Египте была предпринята поначалу успешная попытка институциональных изменений и экономической модернизации: это было в правление Мухаммеда Али, который запустил процесс экстрактивного экономического роста, продолжавшегося вплоть до аннексии Египта Британской империей. За время британского правления зародился комплекс экстрактивных институтов, которые продолжали действовать и тогда, когда власть в 1954 году перешла к египетским военным. Наблюдался некоторый экономический рост, делались инвестиции в образование, но большинство населения практически не имело экономических возможностей, в то время как новая бизнес-элита получала прибыль благодаря связям с властью.

Эти экстрактивные экономические институты и в этом случае опирались на поддержку институтов политических. Президент Мубарак планировал основать собственную политическую династию и готовил

своего сына Гамалея к роли преемника. Этому плану не суждено было осуществиться лишь благодаря падению режима Мубарака в начале 2011 года во время так называемой «арабской весны». Во времена Гамалея Абделя Насера, первого лидера Египта после революции 1952 года, в экономических институтах, казалось, можно было проследить некоторые черты инклюзивности: государство сделало более доступной систему образования и предоставило людям некоторые возможности, которых не было при предшествующем режиме короля Фарука. Но это был всего лишь очередной пример неустойчивости, возникающей при соединении экстрактивных политических институтов с определенной инклюзивностью экономических.

Неизбежным следствием, проявившимся в ходе правления Мубарака, стало то, что экономические институты сделались более экстрактивными, и это отражало процесс перераспределения политической власти в стране. «Арабская весна» была в определенном смысле реакцией на этот процесс. И это верно не только для Египта, но и для Туниса. Три десятилетия экономического роста в Тунисе при экстрактивных политических институтах обернулись противоположностью, когда президент Бен Али и его семья стали все больше обогащаться за счет экономики страны.

Почему бедные страны становятся бедными

Страны терпят экономическую катастрофу в результате действия экстрактивных институтов. Эти институты оставляют бедные страны в бедности и не дают им встать на путь экономического роста. Сегодня это видно на примере Африки (Зимбабве и Сьерра-Леоне), Южной Америки (Колумбия и Аргентина), Азии (Северная Корея и Узбекистан), Ближнего Востока (Египет). Эти страны совсем не похожи одна на другую. Некоторые из них находятся в тропиках, некоторые – в умеренных широтах. Некоторые были британскими колониями, а некоторые – колониями Японии, Испании или России. У них очень разные истории, языки и культуры. Но у них есть одно общее – это экстрактивные институты. Во всех этих случаях причина существования таких институтов – интересы элиты, которая использует их для сохранения власти и собственного обогащения за счет большей части общества. Разная история и различные социальные структуры, сложившиеся в этих странах, приводят к различиям в природе национальных элит и особенностях экстрактивных институтов. Причина долговечности этих экстрактивных институтов всегда заключена

в механизме порочного круга, а результат их действия всегда один – процесс обнищания народа идет во всех этих странах, хотя его интенсивность может быть различной.

Например, в Зимбабве элита – это окружение президента Роберта Мугабе и ядро партии ЗАНУ-ПФ, возглавившей некогда антиколониальное движение. Элита Северной Кореи – это клика, собравшаяся во круг Ким Чен Ына, и коммунистическая партия. В Узбекистане – президент Ислам Каримов, его семья и его оставшиеся с советской эпохи соратники. Эти группы, очевидно, очень разные, и эти различия, наряду с разнообразием государств и экономик, которыми они управляют, приводят к тому, что специфические формы, принимаемые экстрактивными институтами, оказываются разными. Например, поскольку Северная Корея была создана в результате коммунистической революции, в качестве политической модели там принято однопартийное руководство. Хотя Мугабе и пригласил в 80-х годах северокорейскую армию в Зимбабве для расправы со своими оппонентами в Матабелеленде, корейский тип экстрактивных политических институтов неприемлем для Зимбабве: Мугабе, пришедший к власти на волне борьбы с колониализмом, приходится маскировать свою диктатуру выборами, хотя на какое-то время ему и в самом деле

удалось выстроить однопартийное государство. Противоположная ситуация сложилась в Колумбии, в которой выборы проводятся на протяжении долгого времени и выборный процесс исторически сложился как способ перераспределения власти между либералами и консерваторами.

Не только природа элит оказывается различной, но и их численность. В Узбекистане Каримов смог поставить под свой контроль остатки советского государства, что дало ему в руки сильный инструмент для подавления и уничтожения альтернативных элит. В Колумбии отсутствие авторитета у центральной власти в регионах естественным образом привело к образованию раздробленной элиты – на самом деле элит так много, что периодически они принимаются уничтожать друг друга.

Как различия истории и социальных структур приводят к различиям в облике элит и особенностей политических институтов разных стран, так же различаются их экономические институты. В Северной Корее инструменты экстракции были позаимствованы из стандартного коммунистического набора: отмена частной собственности, государственное регулирование сельского хозяйства и промышленности.

В Египте полковник Насер, сосредоточивший в своих руках единоличную власть в 1954 году, создал,

как его многие называют, социалистический военный режим. Во время холодной войны Насер встал на сторону Советского Союза и начал экспроприировать иностранную собственность – например, национализировал Суэцкий канал, находившийся в то время под управлением Великобритании, а также большую часть экономики. Однако положение дел в Египте в 50-х и 60-х годах существенно отличалось от такового в Северной Корее 1940-х. В КНДР было гораздо проще создать экономику по радикальной коммунистической модели, поскольку Ким Ир Сен мог экспроприировать японские активы, имея перед собой в качестве образца экономическую модель китайской революции.

Египетская революция, напротив, была просто переворотом, совершенным группой военных офицеров. Когда Египет в ходе холодной войны вдруг перешел на другую сторону и занял прозападную позицию, египетские военные относительно легко и комфортно перешли от централизованной командной экономики к коррумпированному капитализму. При этом лучшие по сравнению с Северной Кореей показатели египетской экономики явились следствием ограничения экстрактивной природы египетских институтов. Во-первых, египетский режим, в отличие от северокорейского, не обладал тотальным контролем над экономикой,

и это заставляло его в какой-то степени искать поддержку населения, что властям КНДР совершенно не требовалось. Во-вторых, даже коррумпированный капитализм все же создает некоторые стимулы для инвестиций (пусть инвестор при этом обязательно должен быть угоден режиму), а в Северной Корее любые стимулы полностью отсутствуют.

Интенсивность экстракции общественных благ в различных странах, конечно, различная, и эти различия имеют важные последствия для благосостояния. Например, в Аргентине ни конституция, ни демократические выборы не в состоянии обеспечить подлинный политический плюрализм, однако эти институты тем не менее функционируют гораздо эффективнее, чем в Колумбии (по крайней мере, монополия на насилие в Аргентине принадлежит государству). Отчасти благодаря этому и доход на душу населения в Аргентине в два раза выше, чем в Колумбии. А если взглянуть в более широкой перспективе, то политические институты обеих латиноамериканских стран гораздо эффективнее ограничивают произвол элиты, чем институты Зимбабве или Сьерра-Леоне. В результате эти африканские страны значительно беднее, чем Аргентина или Колумбия.

Логика порочного круга также предполагает, что даже при полном развале экстрактивного государства

(как это случилось в Сьерра-Леоне и Зимбабве) эти институты продолжают действовать. Мы уже видели, что гражданские войны и революции, даже если они случаются в критических точках перелома, необязательно приводят к институциональным изменениям. События в Сьерра-Леоне, происходившие после окончания гражданской войны (2002), живо иллюстрируют такую возможность.

В 2007 году в результате демократических выборов партия ПОК (старая партия Сиаки Стивенса) вернулась к власти. И если новый президент Эрнест Бай Коррома не имел никакого отношения к прежним правительствам ПОК, то многие члены его кабинета имели, и самое прямое. Сыновья диктатора – Бокариэ и Йенго Стивенсы – даже были назначены послами в США и Германию. В некотором смысле это своеобразная версия ситуации, которая, как мы видели, сложилась в Колумбии: центральное правительство не пользуется никаким влиянием и не обладает никаким авторитетом в регионах страны, и это положение сохраняется на долгие годы, потому что отвечает интересам части национальной политической элиты. При этом, однако, основные государственные институты все же достаточно сильны, чтобы частичное отсутствие законности и порядка не превратилось все же в полный хаос. В Сьерра-Леоне – частично из-за более экстрак-

тивной природы экономических институтов, частично в силу особенностей развития страны – общество балансирует на грани хаоса.

Во всех этих случаях у экстрактивных институтов была долгая история – по меньшей мере с XIX века. Каждая из упомянутых стран попала в западную порочного круга. В Колумбии и Аргентине институты восходили ко временам испанского колониального правления (стр. 9–19). В Зимбабве и Сьерра-Леоне – к британскому колониальному режиму, установленному в конце XIX века. В Сьерра-Леоне практически не было белых поселенцев, так что этот режим строился на экстрактивных институтах, зародившихся еще в доколониальную эпоху, и еще более усугублял их. В Зимбабве экстрактивные институты были более новым явлением, так как британская Южная Африка насаждала здесь двойственную экономику. Узбекистан заимствовал экстрактивные институты у Советского Союза, а затем, как и Египет, модифицировал их в направлении кланового капитализма. Советские экстрактивные институты и сами были в известной степени продолжением институтов царского режима, заимствованных в соответствии со схемой «железного закона олигархии». Все эти разнообразные варианты порочного круга действовали по всему миру в последние 250 лет, и результатом этого действия стало воз-

никновение и усугубление мирового неравенства.

Рецепт борьбы с экономическим и политическим крахом сегодняшних стран – это трансформация их экстрактивных институтов в инклюзивные. Порочный круг подразумевает, что сделать это будет нелегко. Но ничего невозможного в этом нет, а «железный закон олигархии» – это вовсе не непреложный закон природы. Уже существующие элементы инклюзивности в институтах, или наличие широкой коалиции, готовой бороться с режимом, или просто непредсказуемые повороты истории – все это может сломать порочный круг. Так же как гражданская война в Сьерра-Леоне, Славная революция 1688 года была борьбой за власть. Но эта борьба имела совершенно другую природу, чем африканская гражданская война. Вполне возможно, что кто-то из членов парламента, боровшихся за свержение Якова II в ходе Славной революции, и видел себя в роли нового абсолютного властителя (каким стал Оливер Кромвель после английской гражданской войны). Но дело в том, что парламент представлял собой уже достаточно сильную и организованную широкую коалицию, где были представлены различные экономические интересы и различные точки зрения, и это делало маловероятным проявление «железного закона олигархии» в 1688 году. В следующей главе мы увидим другие примеры

стран, которые смогли выйти из привычной колеи и модернизировать свои институты, несмотря на долгую историю экстрактивности последних.

Глава 14

Ломая привычные схемы

Три африканских вождя

В сентябре 1895 года океанский лайнер «Замок Танталлон» прибыл в порт Плимут на южном побережье Англии. Три африканских вождя, Хама из Нгвато, Батоен из Нгвакетсе и Себеле из Квены, сошли с его на берег и в 8:10 сели на железнодорожный экспресс, следующий до вокзала Паддингтон в Лондоне. Три вождя прибыли в Британию с особой миссией: спасти свои владения – Нгвато, Нгвакетсе и Квену – и еще пять других племенных территорий народа тсвана⁵⁰ от Сесила Родса. Все эти восемь «королевств» тсвана составляли Бечуаналенд, получивший после обретения независимости в 1966 году название Ботсвана.

Народ тсвана имел дело с европейцами на протяжении почти всего XIX века. В 1840-х годах знаменитый шотландский миссионер Дэвид Ливингстон неоднократно бывал в Бечуаналенде и обратил местно-

⁵⁰ *Тсвана* – народ на юге Африке, проживающий в основном на территории нынешней Ботсваны.

го короля Сечеле в христианство. Первый перевод Библии на африканский язык был сделан именно на сетсвана, язык народа тсвана. В 1885 году Британия объявила Бечуаналенд своим протекторатом. Тсвана были довольны таким оборотом дел, потому что они думали, что это защитит их от дальнейшей европейской экспансии, в особенности от буров, с которыми у них были постоянные столкновения с 1835 года, с начала «Великого трека» – переселения во внутренние области Южной Африки тысяч буров, в свою очередь спасавшихся от британского колониализма. Британцы также хотели контролировать этот регион, чтобы положить конец дальнейшей экспансии буров (стр. 260–261), однако считали полномасштабную колонизацию нецелесообразной. Верховный комиссар Рей в 1885 году сформулировал позицию британского правительства следующим образом:

«У нас нет интересов в землях к северу от Молопе [протекторат Бечуаналенд], не считая необходимости построить дорогу во внутренние области. Мы могли бы ограничиться в настоящее время тем, чтобы не допускать захвата этой части Протектората различными авантюристами или иностранными державами, предпринимая лишь минимальные меры по управлению и заселению этих районов».

Однако ситуация для тсвана изменилась в 1889 году, когда корпорация Сесила Родса *British South Africa Company* начала экспансию из Южной Африки на север, захватывая огромные куски земли, которые впоследствии станут Северной и Южной Родезией (ныне Замбия и Зимбабве). К 1895 году, когда три вождя прибыли в Лондон, Родс положил глаз и на территории к юго-западу от Родезии, то есть на Бечуаналенд. Вожди понимали, что, если эта земля попадет под контроль Родса, они будут опустошены, а их население ждет жестокая эксплуатация. Тсвана не могли победить Родса силой оружия, но они собирались противостоять ему любыми возможными способами. Они решили выбрать меньшее из двух зол: пусть будет больший контроль со стороны британского правительства, но не аннексия земель тсвана компанией Родса. С помощью Лондонского миссионерского общества вожди прибыли в Лондон, чтобы попытаться убедить королеву Викторию и Джозефа Чемберлена, в то время министра по делам колоний, усилить контроль над Бечуаналендом и защитить их от Родса.

11 сентября 1895 года вожди впервые встретились с Чемберленом. Сначала говорил Себеле, затем слово взял Батоен и под конец – Хама. Чемберлен объявил, что он считает необходимым установить в регионе британский контроль для защиты племен от Род-

са. Вождей отправили в турне по Англии, чтобы консолидировать общественное мнение в поддержку их просьбы. Они посетили Виндзор и Ридинг рядом с Лондоном и выступили там с речами; они побывали в Саутгемптоне на южном побережье, в Лестере и Бирмингеме, которые традиционно поддерживали Чемберлена. Они ездили на север, в индустриальный Йоркшир, в Шеффилд и Лидс, Галифакс и Бредфорд. Они ездили на запад, в Бристоль и далее до Манчестера и Ливерпуля.

А тем временем в Южной Африке Сесил Родс готовился к тому, что впоследствии назовут «рейдом Джеймсона», – к вооруженному набегу на бурскую республику Трансвааль, вопреки строгому запрету Чемберлена. Эти события, видимо, заставили Чемберлена с еще большим сочувствием отнестись к бедам вождей. 6 ноября они снова встретились с ним в Лондоне. Беседа через переводчика шла следующим образом:

Чемберлен: Я буду говорить о землях вождей, и о железной дороге, и о законах, которые следует соблюдать на территориях, подвластных вождям... Теперь давайте взглянем на карту... Мы возьмем себе землю, необходимую для железной дороги, и не более того.

Хама: Я говорю, что, если господин Чемберлен хочет забрать эту землю сам, я буду этому рад.

Чемберлен: Скажите ему, что я буду строить железную дорогу сам, пользуясь глазами того, кого я туда пошлю, что я возьму лишь столько земли, сколько для этого потребуется, и что я выплачу компенсацию за все ценности, которые мне надо будет получить.

Хама: Я хотел бы понять, где будет проходить железная дорога. **Чемберлен:** Она будет проходить через его территорию, но будет обнесена оградой, и мы не будем забирать никакой земли.

Хама: Что касается меня, я верю, что вы так и сделаете и что будете поступать со мной в этом деле честно.

Чемберлен: Я буду соблюдать ваши интересы.

На следующий день Эдуард Фейрфилд из Министрства по делам колоний более детально разъяснил колониальный план Чемберлена:

«У каждого из трех вождей, у Хамы, Себеле и Батоена, остается земля, на которой они проживают, как и раньше, под защитой Ее Величества. Королева назначит к ним своего представителя, который поселится там же. Вожди должны управлять своим народом так же, как делают это в настоящее время».

Реакция Родса на то, что его обыграли три африканских вождя, была предсказуема. Он отправил те-

леграмму одному из своих сотрудников, где писал: «Я не мальчик для битья этим троим лицемерным дикарям».

На самом деле у вождей было нечто ценное, что нуждалось в защите от Родса. И они надеялись сохранить это нечто с помощью непрямого управления британцев. Дело в том, что к началу XIX века в государствах тсвана возникли ростки политических институтов. Для этих институтов был характерен необычный, по меркам Черной Африки, уровень централизации, а также особые процедуры коллективного принятия решений, которые можно рассматривать как зарождающуюся примитивную форму плюрализма. Так же как Великая хартия в свое время открыла английским баронам дорогу к участию в процессе принятия политических решений и наложила некоторые ограничения на действия английских монархов, так и политические институты тсвана, в особенности *кготла*, также предусматривали широкое участие в политическом процессе и ограничения власти вождей. Британский антрополог южноафриканского происхождения Айзек Шапера (1905–2003) описывал функцию *кготла* следующим образом:

«Все вопросы политики племени разбираются в конечном счете перед общим собранием всех взрослых мужчин на *кготла* (месте советов)

вождя. Такие встречи происходят часто... среди рассматриваемых тем... племенные споры, ссоры между вождем и его родственниками, введение новых податей, организация новых общественных работ, обнародование новых указов вождя...

Несогласие с мнением вождя не является здесь чем-то из ряда вон выходящим. Так как слово может получить каждый, эти собрания позволяют вождю узнать мнение всех присутствующих и дают ему возможность выслушать все жалобы. Если ситуация требует этого, ему и его советникам могут дать жестокий нагоняй, так как люди не боятся говорить на этих собраниях открыто и честно».

Еще одним ограничивающим фактором было и то обстоятельство, что должность вождя у тсвана была не наследственной, а открытой для любого человека, который проявил для этого достаточно таланта и способностей. Антрополог Джон Комарофф детально изучил политическую историю еще одного племенного образования тсвана под названием Ролонг и пришел к выводу, что, хотя теоретически у тсвана и были ясные правила наследования верховной власти, на практике эти правила могли применяться так, чтобы сохранить возможность отстранить от власти дурных правителей и позволить талантливому кандидату

стать вождем. По мнению антрополога, вступление на должность вождя было обусловлено личными качествами кандидата, однако задним числом его избрание объяснялось так, как будто именно он и был законным наследником. Это отражает пословица тсвана: *kgosi ke kgosi ka morafe*, то есть «король становится королем только милостью народа».

Вернувшись из Англии, вожди тсвана продолжили свои попытки обеспечить независимость своего народа с помощью британцев и сохранить свои исконные институты. Они согласились с постройкой железной дороги в Бечуаналенде, но ограничили вмешательство британцев в другие сферы их экономической и политической жизни. Они хорошо понимали, что строительство железной дороги, как и все остальные действия Британии, не принесет процветания в Бечуаналенд, пока он находится под колониальным управлением. История Кветты Масире, будущего президента независимой Ботсваны в 1980–1998 годах, ясно показывают, что они имели в виду. В 1950-х годах Масире был предприимчивым фермером, внедрявшим новые методы культивации сорго. Он нашел потенциального клиента – компанию *Vryburg Milling*, которая базировалась за границей, в южноафриканском Фрейбурге. Отправившись к начальнику железнодорожной станции Лобаце в Бечуаналенде, Масире попросил выде-

лить ему два вагона, чтобы отправить его урожай во Фрейбург. Начальник станции отказал. Тогда Масире попросил подключиться к делу своего белого приятеля. Начальник станции неохотно согласился, но запросил с Масире цену в четыре раза больше, чем запрашивал с белых. Масире сдался и пришел к следующему заключению: «Именно повседневное поведение белых, а вовсе не какие-то законы, которые не разрешали бы африканцам свободно владеть землей или получить разрешение на торговлю, не позволят черным развивать собственный бизнес в Бечуаналенде».

Однако в 1895 году и вожди тсвана, и их народ были счастливы. Возможно, наперекор всем обстоятельствам они смогли разрушить планы Родса. Так как Бечуаналенд все еще находился на обочине британской политики, установление непрямого правления не породило здесь тот тип порочного круга, какой сложился в Сьерра-Леоне (стр. 335–344). Тсвана удалось также избежать последствий колониальной экспансии наподобие той, что шла полным ходом во внутренних областях Южной Африки и превратила тамошние земли в источник дешевой рабочей силы для белых владельцев шахт и ферм.

Начальная стадия колониального процесса – это всегда точка перелома для большинства обществ,

критический период, когда происходят события, которые будут иметь важные и долговременные последствия для их экономического и политического развития. Как было показано в главе 9, в большинстве обществ Черной Африки (как и Южной Америке или Южной Азии) в ходе колонизации были установлены или усилены экстрактивные институты. Но тсвана смогли избежать и установления режима полного непрямого правления, и, что было бы еще хуже, захвата их земель Родсом. Но это не было слепой удачей. Причина вновь оказалась в том, как взаимодействовали существующие институты, созданные народом тсвана, с точкой перелома, возникшей в результате колонизации. Три вождя смогли проявить инициативу и отправиться в Лондон, потому что обладали необычно высоким политическим авторитетом по сравнению с другими племенными лидерами Черной Африки. Этой высокой степенью полномочий и легитимности они пользовались благодаря определенной степени плюрализма племенных институтов тсвана.

Еще одну точку перелома в конце колониального периода можно считать центральным фактором успеха Ботсваны в процессе развития инклюзивных институтов в этой стране. К 1966 году, когда Бечуаналенд обрел независимость и стал Ботсваной, великое путешествие вождей Себеле, Батоена и Хамы стало фак-

том далекого прошлого. За прошедшие с тех пор годы британцы вкладывали в Бечуаналенд мало средств. Ко времени получения независимости Ботсвана была одной из беднейших стран мира. Во всей стране имелось в целом 12 километров дороги с твердым покрытием, 22 человека, имеющих университетское образование, и около сотни людей со средним образованием. Кроме того, она со всех сторон была окружена странами, которыми управляли белые, – ЮАР, Намибией и Родезией, – и эти страны были настроены враждебно по отношению к молодым африканским государствам, во главе которых стояли черные африканцы. Мало кто включил бы Ботсвану в список стран, от которых стоит ожидать экономического успеха. И тем не менее в следующие 45 лет она стала одним из самых динамично развивающихся государств мира. Сегодня в Ботсване самый высокий подушный доход среди всех стран Черной Африки – он на том же уровне, что и у таких успешных восточноевропейских государств, как Эстония или Венгрия, и таких процветающих стран Центральной Америки, как Коста-Рика.

Каким образом Ботсване удалось сломать привычные схемы? Ответ очевиден – путем быстрого построения инклюзивных политических и экономических институтов после обретения независимости. С этого времени страна развивается демократическим путем,

в ней происходят регулярные выборы на конкурентной основе, в истории Ботсваны не было гражданских войн и интервенций иностранных государств. Правительство укрепляет экономические институты, основанные на праве частной собственности, обеспечивает макроэкономическую стабильность и поощряет развитие инклюзивной рыночной экономики. Но конечно же, самый интересный вопрос – каким образом Ботсване удалось прийти к устойчивому демократическому режиму, плюралистическим политическим и инклюзивным экономическим институтам, в то время как в других африканских странах ситуация сложилась прямо противоположная? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует разобраться в том, как критическая точка перелома (в нашем случае – окончание колониального правления) повлияла на существовавшие тогда в Ботсване институты.

В большинстве стран Черной Африки – к примеру, в Сьерра-Леоне и Зимбабве – обретение независимости обернулось упущенными возможностями и сопровождалось воссозданием того же типа экстрактивных институтов, которые существовали и в течение колониального периода. Но в Ботсване первые годы независимости прошли совсем иначе – опять-таки в основном из-за исторического фона, созданного традиционными институтами тсвана. В этот период в развитии

Ботсваны можно наблюдать много параллелей с развитием Англии после Славной революции.

Английское государство к моменту Славной революции уже достигло высокой степени политической централизации (еще в эпоху Тюдоров), но у Англии была Великая хартия и парламентские традиции, и все это могло в определенной мере ограничивать монархов и гарантировать известную степень плюрализма. В Ботсване степень централизации государства также была достаточно высока, а относительно плюралистические племенные институты пережили падение колониализма.

В Англии долго формировалась новая широкая коалиция, состоявшая из купцов, участвовавших в атлантической торговле, промышленников и занимавшихся торговлей мелких дворян, и эта коалиция выступала за упрочение прав собственности. В Ботсване также имелась коалиция, которой нужны были надежные процедурные правила: это были вожди тсвана, а также экономическая элита страны, владевшая главным местным богатством – скотом. Хотя большая часть земли тсвана тогда все еще находилась в общинном владении, скот был частной собственностью, и скотовладельцы были заинтересованы в том, чтобы права этой собственности были хорошо защищены.

Все это, конечно, не отменяет того факта, что ис-

тория не знает predeterminedности. Ее ход мог пойти совсем иначе и в Англии (если бы парламентские лидеры и новые монархи попытались использовать Славную революцию для узурпации власти), и в Ботсване, особенно если бы ей не так повезло с лидерами – Серетсе Хамой и Кветтом Масире, которые решили бороться за власть на честных выборах, в отличие от многих постколониальных лидеров Черной Африки.

Тсвана пришли к независимости, имея позади долгую историю развития институтов, ограничивающих власть вождей и обеспечивающих известную зависимость последних от мнения народа. Конечно, народ тсвана не были в этом уникален (даже в пределах Африки), но это был единственный народ, которому удалось сохранить подобные институты на протяжении всего колониального периода. Британская администрация здесь практически отсутствовала. Бечуаналенд управлялся из города Мафекинг в Южной Африке, и только во время передачи власти британцами в 1960-х годах столица была перенесена в Габороне. Причем новая столица и вновь учрежденные управленческие структуры не означали отмены местных институтов, а как бы пристраивались к ним – так, при постройке Габороне там были запланированы и новые *кготла*.

Обретение независимости также произошло относительно упорядоченно. Во главе движения за независимость стояла Демократическая партия Ботсваны (ДПБ), основанная в 1960 году Кветтом Масире и Серетсе Хамой. Хама был внуком короля Хамы III, его имя Серетсе означало «скрепляющая глина». Как оказалось, оно весьма ему подходило. Хама был наследственным вождем племени нгвато и самым влиятельным представителем элиты тсвана из входивших в Демократическую партию Ботсваны.

В стране не было управления по сбыту, так как британцы этой своей колонией не слишком интересовались. ДПБ учредила подобный орган в 1967 году, назвав его «Мясная комиссия Ботсваны», однако вместо того, чтобы просто отнимать ресурсы у владельцев ранчо и скота, эта комиссия действительно сыграла центральную роль в развитии местного скотоводства и мясной индустрии. Комиссия устанавливала барьеры между пастбищами, чтобы сдержать распространение ящура, а также организацией экспорта – и то и другое работало на экономическое развитие страны и создавало базу для инклюзивных экономических институтов.

Хотя первоначально экономический рост в Ботсване зависел от экспорта мяса, эта ситуация неожиданно изменилась, когда в стране были найдены ал-

мазы. Управление природными ресурсами в Ботсване также отличалось от того, что мы видели в других странах Африки. В течение колониального периода вожди тсвана пытались помешать поиску полезных ископаемых в Бечуаналенде, потому что они понимали, что если европейцы найдут здесь ценные металлы или драгоценные камни, то автономии их народа придет конец. Первый крупный алмаз обнаружили на земле нгвато, родине Серетсе Хамы. До того как об открытии было объявлено публично, Хама инициировал принятие нового закона, в соответствии с которым все богатства недр страны отныне принадлежали всей нации, а не отдельному племени. Это гарантировало, что доходы от добычи алмазов не вызовут в Ботсване рост имущественного неравенства. Это также дало новый импульс процессу централизации страны, так как теперь «алмазные деньги» можно было использовать на создание эффективной бюрократии и инфраструктуры и вкладывать в образование. В Сьерра-Леоне и многих других государствах Черной Африки алмазы служили лишь топливом для конфликтов между различными группами населения и гражданских войн и справедливо заслужили прозвище «кровавых алмазов». В Ботсване же доходы от алмазодобывающей промышленности были использованы во благо всей нации.

Изменения в законодательстве, касающемся национальных недр, не были единственной политической мерой правительства Серетсе Хамы по укреплению государства. Так, Акт о власти вождей (1965), принятый законодательным собранием еще до обретения независимости, и Дополнительный акт о власти вождей (1970) продолжили процесс централизации и установили приоритет государственной власти и избранного президента, лишив вождей полномочий по распределению земель и дав президенту право при необходимости смещать вождей. Еще одной сферой политической централизации стали мероприятия по дальнейшей унификации страны, например законы о том, что преподавание в школах должно идти только на двух языках – сетсвана и английском. Сегодня Ботсвана представляет собой однородную страну без этнической и лингвистической фрагментации, которая характерна для многих других стран Африки, – это как раз результат языковой политики: использование в школе только двух языков минимизировало возможность конфликта между различными племенами и группами.

Последний раз в переписи населения вопрос об этнической принадлежности ставился в 1946 году, и ответы на него показали высокую неоднородность населения в Ботсване. Например, в области Нгвато только

20 % относили себя безусловно к народу нгвато; хотя здесь присутствовали и представители других племен тсвана, для которых язык сетсвана не был родным. Эта сильная разнородность была впоследствии сглажена с помощью целенаправленных мер правительства, а также благодаря относительно инклюзивным институтам племен тсвана – подобно тому, как сглаживание разнородности населения в Британии (например, разницы между Англией и Уэльсом) было результатом политики британского государства. Со времени обретения независимости вопрос об этнической принадлежности при переписях населения более не задавался – теперь в Ботсване все были тсвана.

Ботсвана достигла заметных успехов после падения колониализма, потому что Серетсе Хама, Кветт Масире и Демократическая партия вели Ботсвану по пути к инклюзивным экономическим и политическим институтам. Когда в 1970-х годах в стране были обнаружены алмазы, это не привело к гражданской войне, а обеспечило хорошую финансовую базу для действий правительства, которое использовало прибыли от их добычи, чтобы инвестировать в сектор общественных услуг. Значительно меньше стимулов было устраивать заговоры или свергать правительство, чтобы получить контроль над государством. Инклюзивные политические институты принесли политиче-

скую стабильность и создали базу для инклюзивных экономических институтов. По знакомой уже нам схеме благотворной обратной связи, описанной в главе 11, инклюзивные экономические институты обеспечили устойчивость соответствующих политических институтов.

Ботсвана сломала привычные схемы развития, потому что при наступлении критической точки перелома, в момент обретения независимости, начала строить инклюзивные институты. Демократическая партия Ботсваны и ее элита, к которой относился и сам Хама, не пытались установить диктаторский режим, который мог бы обогатить ее за счет остального общества. И тут мы вновь видим пример того, как сложившиеся институты реагируют в критических точках перелома. Как мы уже показывали, в отличие от большинства стран Черной Африки, в Ботсване уже имелись племенные институты, обеспечивавшие определенную степень централизации власти, но в то же время обладавшие некоторыми плюралистическими чертами. Кроме того, экономическая элита страны многое приобретала от обеспечения надежных прав собственности.

Не менее важно и то, что непредсказуемый ход истории в данном случае был направлен в благоприятную для Ботсваны сторону. Серетсе Хама и Кветт Ма-

сире не были похожи на Сиаку Стивенса или Роберта Мугабе. Они честно работали над постройкой инклюзивных институтов на базе традиционных племенных институтов тсвана. Все это сделало куда более вероятным успешный для Ботсваны сценарий строительства инклюзивных институтов, в то время как остальные страны Черной Африки либо даже не пытались идти по этому пути, либо их попытки потерпели неудачу.

Конец экстрактивного Юга

1 декабря 1955 года, город Монтгомери, штат Алабама. В местном списке ордеров на арест отмечено время происшествия – 18:06. Водитель автобуса по имени Джеймс Блейк позвонил в полицию и сообщил о нарушении. К нему выехали офицеры Дей и Миксон. Позже в своем рапорте они написали:

«К нам поступил звонок, и после нашего прибытия на место водитель автобуса сказал, что у него в салоне цветная женщина сидит в отделении для белых и не хочет переходить назад. Мы... также увидели ее. Водитель расписался в ордере на ее арест. Против Розы Паркс (цветной женщины) были выдвинуты обвинения по статье 6 раздела 11 Городского кодекса Монтгомери».

Вина Розы Паркс состояла в том, что она заняла место в отделении для белых в автобусе – а по «законам Джима Кроу», действовавшим в штате Алабама, это считалось правонарушением. Паркс присудили к штрафу в 10 долларов и к выплате судебных издержек размером в 4 доллара. Но Роза Паркс была не кто-нибудь, а секретарь местного отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветно-

го населения (НАСПЦН), организации, которая вела долгую борьбу за гражданские права в южных штатах США. Ее арест послужил толчком для начала массового бойкота общественного транспорта города Монтгомери, который возглавил Мартин Лютер Кинг. Бойкот, начавшийся третьего декабря, был успешным и продолжался до 20 декабря 1956 года. Это стало началом процесса, который обрел свое логическое завершение в Верховном суде США, постановившем, что законы о сегрегации на общественном транспорте города Монтгомери и штата Алабама в целом не соответствуют конституции страны.

Бойкот автобусов в Монтгомери стал ключевым моментом в движении за гражданские права на Юге США, и все же это был лишь один из эпизодов в серии событий и изменений, которые в конце концов сломали привычный для Юга порядок вещей и привели к фундаментальным изменениям в институтах южных штатов. Как мы видели в главе 12, после гражданской войны землевладельческой элите Юга удалось восстановить экстрактивные экономические и политические институты, которые господствовали в этом краю до войны. Хотя в некоторых деталях эти институты изменились – так, например, рабство было теперь запрещено законом, – их негативное влияние на экономические стимулы и экономический рост на Юге оста-

лось неизменным. Юг был заметно беднее, чем другие части США, несмотря на то, что начиная с 1950-х годов местные институты более эффективно способствовали экономическому росту региона.

Характерный для южных штатов (и в конце концов демонтированный) тип экстрактивных институтов отличался от колониальных институтов Ботсваны в период до обретения этой страной независимости. Типологически отличались и точки перелома в этих странах, однако было у них и кое-что общее. Начиная с 1940-х годов активисты борьбы с дискриминацией и экстрактивными институтами, люди вроде Розы Паркс, стали все лучше координировать свои действия. Тем временем Верховный суд США и федеральное правительство стали все более систематически вмешиваться в ситуацию на Юге, реформируя местные экстрактивные институты. Таким образом, основным фактором, создавшим точку перелома на Юге, стало все более широкое распространение гражданских прав на черное население, и это положило конец безраздельному господству «старой» белой элиты.

Политическим институтам южан, как до гражданской войны, так и после нее, была свойственна ясная экономическая логика, и она не слишком отличалась от логики южноафриканского апартеида – и

там, и здесь основной целью было обеспечение дешевой рабочей силы для плантаций. Однако к 1950-м годам целесообразность этого подхода стала менее очевидной. Прежде всего полным ходом шла массовая миграция черного населения с Юга – следствие как Великой депрессии, так и Второй мировой войны. В 1940–1950 годах масштабы этой миграции исчислялись сотнями тысяч человек в год. Тем временем технологические инновации в сельском хозяйстве, хотя они и проникали на Юг довольно медленно, уменьшили зависимость владельцев плантаций от дешевой рабочей силы. Большая часть работ на плантациях была связана со сбором хлопка. Еще в 1950 году почти весь хлопок южных штатов по-прежнему собирался вручную. Но механизация этой процедуры уменьшила спрос на работу сборщиков. К 1960 году в важнейших «хлопковых» штатах: Алабаме, Луизиане и Миссури – почти половина хлопка собиралась при помощи комбайнов. Как раз в то время, когда количество черных работников на Юге стало быстро сокращаться, владельцы плантаций перестали испытывать в них нужду. Таким образом у элиты было все меньше причин бороться за то, чтобы удерживать на плаву старые экстрактивные институты. Однако это не значило, что они были готовы принять институциональные изменения. Напротив, застарелый конфликт

разгорался все сильнее. Непривычный союз черных южан и инклюзивных федеральных институтов США оказался способен оказать мощное давление, в результате которого началось движение от старых экстрактивных порядков к политическому и гражданскому равенству. В результате этого процесса были уничтожены барьеры на пути экономического роста на юге США.

Наиболее важный импульс к изменениям был дан движением за гражданские права. Именно стремление черного населения к равным правам с белыми было первичным, как показала ситуация в Монтгомери, а добиться равенства можно было лишь бросив вызов экстрактивным институтам, требуя равноправия, протестуя и объединяясь в борьбе. При этом у черных активистов была значительная поддержка извне, потому что южные штаты США все же не представляли собой отдельную страну, а белая элита не могла править совершенно по собственному произволу, как, например, элита Гватемалы. Будучи частью США, Юг должен был соблюдать Конституцию США и федеральное законодательство. И движение за реформы на Юге в конце концов получило поддержку от федеральной исполнительной и законодательной власти, а также частично и от Верховного суда, поскольку до этого движение за гражданские права заставило

услышать себя за пределами Юга и смогло мобилизовать федеральное правительство.

Вмешательство федеральных органов в реформу Юга началось с вынесенного в 1944 году решения Верховного суда о том, что допуск к праймериз (предварительным внутрипартийным выборам) только белых граждан противоречит Конституции. Как мы уже видели, в 1890-х годах афроамериканцев на Юге практически лишили избирательных прав, введя подушный налог с избирателей и тесты на грамотность (стр. 351–357). Эти тесты повсеместно использовались так, чтобы дискриминировать черное население, так как бедным и неграмотным белым они все равно позволяли голосовать. В особенно знаменитом случае, произошедшем в начале 1960-х годов, белый кандидат в избиратели был признан грамотным, когда в качестве ответа на вопрос о конституции штата он написал *FRDUM FOOF SPETGH*.⁵¹ Решение Верховного суда 1944 года было артподготовкой перед долгим сражением за открытие политической системы для черных, и суд понимал, что стоит на кону – контроль белых над политическими партиями.

За этим решением последовало дело «Браун против Управления образования», слушавшееся в 1954 году. В этом деле Верховный суд постановил, что се-

⁵¹ Бессмысленный набор букв.

грегация в школах и общественных учреждениях штата противоречит конституции. В 1962-м суд выбил еще одну подпорку из-под здания политического владычества белой элиты – диспропорционального представительства в законодательных органах. Когда законодательные органы формируются диспропорционально – как это было в «сгнивших округах» в Англии до Первого акта о реформе, – некоторые области и регионы получают пропорционально гораздо больше представителей, чем их доля в населении страны. Диспропорция в случае Юга означала, что сельские районы, цитадель белой плантаторской элиты, значительно лучше представлены во властных органах, чем городские. Верховный суд положил этому конец в 1962 году, вынеся решение по делу «Бейкер против Карра», которое устанавливало стандарт «один человек – один голос».

Но все судебные решения ничего не стоят, если они не проводятся в жизнь. В 1890-х годах федеральное законодательство, обеспечивавшее допуск чернокожих граждан к выборам, в сущности, так и не было применено, потому что местные правоприменительные органы находились под контролем элиты южан и Демократической партии, а федеральное правительство охотно смирялось со сложившейся ситуацией. Но когда черные стали подниматься против местной

элиты, бастион поддержки «законов Джима Кроу» начал рушиться, и Демократическая партия под влиянием своих членов – не южан выступила против расовой сегрегации. Отколовшиеся, консервативно настроенные демократы собрались под знамена Демократической партии за права штатов и выступили на президентских выборах 1948 года. Их кандидат Стром Турмонд победил в четырех штатах и получил 39 голосов в коллегии выборщиков. Но это были ничтожные результаты по сравнению с мощью единой Демократической партии в национальной политике, и они вовсе не означали захват партии белыми южанами. Стержнем предвыборной кампании Строма Турмонда было утверждение, что федеральное правительство не имеет права вмешиваться в дела штатов. Он заявил об этой позиции со всей определенностью:

«Хочу вам сказать, дамы и господа, что у армии не найдется столько солдат, чтобы заставить народ Юга отказаться от сегрегации и позволить ниггерам заходить в наши театры, в наши бассейны, в наши дома и в наши церкви».

Будущее показало, что Турмонд ошибался. Верховный суд постановил, что сегрегации не место в учебных заведениях, включая Университет штата Миссисипи в городе Оксфорд. В 1962 году, после долгих судебных баталий, федеральный суд решил, что мо-

лодой чернокожий ветеран военно-воздушных сил по имени Джеймс Мередит должен быть допущен до занятий. Это решение попытался оспорить так называемый «Совет граждан» – организация из города Индианола, штат Миссисипи, специально созданная в 1954 году для борьбы с десегрегацией Юга. Губернатор штата Росс Барнетт, выступая по телевидению 13 сентября, публично отказался выполнить решение суда, заявив, что университеты скорее закроются, чем согласятся на отмену сегрегации. Долгие переговоры между губернатором Барнеттом, президентом Джоном Кеннеди и генеральным прокурором Робертом Кеннеди в Вашингтоне закончились безрезультатно, и федеральное правительство решило силой обеспечить выполнение решения суда.

Был назначен день, когда маршалы Соединенных Штатов должны были ввести Мередита в университет. Чтобы не допустить этого, у кампуса стали собираться белые сторонники сегрегации. Накануне назначенного дня в университетский кампус вошли маршалы и взяли в кольцо административное здание. Их, в свою очередь, окружила толпа протестующих численностью в две с половиной тысячи человек, и вскоре вспыхнули беспорядки. Чтобы разогнать протестующих, маршалы вынуждены были использовать слезоточивый газ, но затем сами были обстреляны. К де-

сяти вечера в Оксфорд были введены 20 000 солдат федеральной армии и 11 000 национальных гвардейцев. В общей сложности 300 человек было арестовано. Мередит под охраной маршалов США и трехсот солдат, защищавших его от расправы, решил остаться в университете, который в конце концов и закончил.

Федеральное законодательство было важнейшим фактором в процессе институциональных реформ на Юге. При обсуждении Первого акта о гражданских правах в 1957 году Стром Турмонд, бывший тогда сенатором, произнес в Сенате речь длиной в 24 часа и 18 минут, чтобы если не воспрепятствовать принятию закона, то хотя бы отстрочить его. Во время этой речи он читал все что попало – от Декларации независимости до телефонных справочников. Но все было тщетно. За Актом 1958 года последовал Акт о гражданских правах 1964 года, отменивший весь пакет сегрегационных законов штатов и соответствующие правоприменительные практики. Акт об избирательных правах 1965 года объявил незаконными тест на грамотность, подушный налог с избирателей и другие методы, с помощью которых белые лишали права голоса черное население. Последний акт также значительно расширил федеральный контроль за проведением выборов в штатах.

Все эти события привели к значительным измене-

ниям в экономической и законодательной системах на Юге. К примеру, в Миссисипи в 1960 году только 5 % взрослого черного населения принимали участие в выборах. К 1970 году их число возросло до 50 %. В Алабаме и Южной Каролине это число за тот же период выросло с 10 до 50 %. Эти сдвиги изменили саму природу выборов – как в местные, так и в федеральные органы власти. Что еще более важно, политическая поддержка, которую Демократическая партия оказывала экстрактивным институтам ради дискриминации черного населения, ослабла. Теперь была открыта дорога и к широким изменениям в экономике. До институциональной реформы 1960-х годов черные были почти полностью вытеснены из текстильной промышленности. В 1960 году только 5 % работников ткацких фабрик были афроамериканцами. К 1970 году это число выросло до 15 %, а к 1990 – до 25 %. Экономическая дискриминация черного населения начала ослабевать, возможности получения образования для черных значительно выросли, и рынок рабочей силы на Юге стал более конкурентным.

Вместе с инклюзивными институтами на Юг пришли и быстрые экономические улучшения. В 1940 году доход на душу населения в южных штатах составлял лишь 50 % от среднего по стране. К 1990 году разрыв практически исчез.

Как и в Ботсване, ключевым фактором на американском Юге стало развитие инклюзивных политических институтов. Оно было следствием того, что нарастающее недовольство афроамериканцев экстрактивными институтами белых совпало с концом безраздельного господства Демократической партии на Юге. В очередной раз мы видим пример того, как укоренившиеся институты определяют механизм изменений. В данном случае ключевым моментом было то, что институты Юга были интегрированы в систему инклюзивных институтов США, и это позволило черному населению в конце концов призвать федеральное правительство на защиту своих интересов. В целом этот процесс облегчался тем, что массовая миграция черного населения с Юга и механизация производства хлопка привели к тому, что у белой элиты южных штатов осталось гораздо меньше поводов для сопротивления реформам.

Возрождение Китая

Коммунистическая партия под руководством Мао Цзэдуна в 1949 году одержала победу над националистами во главе с Чан Кайши. Первого октября была провозглашена Китайская Народная Республика. Политические и экономические институты, созданные после 1949 года, отличались высокой степенью экстрактивности. В политическом плане они обеспечили диктатуру Коммунистической партии Китая, а все прочие политические организации были запрещены. До самой своей смерти в 1976 году Мао полностью контролировал Коммунистическую партию и правительство.

Политическому авторитаризму соответствовали экстрактивные экономические институты. Сразу после победы Мао национализировал всю землю и разом уничтожил все права собственности. Он расправился с крупными землевладельцами (а также со всеми, кого он полагал противниками режима). Рыночная экономика отныне была под запретом. Сельские жители были организованы в коммунальные хозяйства. Вместо денег и заработной платы были введены «трудодни», определенное количество которых можно было обменять на различные товары. Введение в 1956

году внутренних паспортов означало, что запрещаются всяческие передвижения без разрешения властей – это было сделано для усиления политического и экономического контроля. Вся промышленность также была национализирована, и Мао начал амбициозную программу быстрой индустриализации с помощью «пятилетних планов», позаимствованных из советской практики.

Как это свойственно всем экстрактивным институтам, режим Мао был нацелен на то, чтобы извлекать ресурсы из страны, которую он контролировал. Как и в случае с правительством Сьерра-Леоне и местным управлением по сбыту, Коммунистическая партия Китая монополизировала продажу сельскохозяйственной продукции (прежде всего риса и пшеницы) и использовала эту монополию для того, чтобы фактически обложить крестьян тяжелым налогом. Попытки индустриализации, начатые с развертыванием второго пятилетнего плана после 1958 года, привели к политике пресловутого «большого скачка». Мао объявил, что выплавка стали за год должна удвоиться, а в течение ближайших 15 лет Китай обгонит по производству стали Великобританию. Средством для этого должны были стать маленькие кустарные доменные печи в крестьянских дворах.

Разумеется, эти цели были совершенно недостижи-

мы. Чтобы выплавить такое количество стали, нужен был металлолом, и люди были вынуждены переплавлять свои чайники и сковородки, а зачастую и сельскохозяйственный инвентарь – мотыги и плуги. Работники, которые должны были бы обрабатывать землю, стали металлургами, переплавили собственные плуги и лишились таким образом возможности прокормить себя и страну. Результатом стал ужасающий голод в китайской деревне. Хотя ученые до сих пор спорят о том, что в большей степени привело к такому исходу – политика Мао или случившаяся в то же время засуха, но никто не отрицает, что именно во время «большого скачка» погибло от 20 до 40 миллионов человек (мы даже не знаем точно, сколько было жертв, потому что в Китае под властью Мао не велся их учет). Подушный доход упал примерно на четверть.

Одним из следствий «большого скачка» стало то, что один из старейших членов Коммунистической партии Дэн Сяопин, победоносный командир времен революции, проводивший в свое время кампанию против «правых уклонистов», вылившуюся в репрессии против множества «врагов революции», поменял свои взгляды. На партийном съезде в Гуанчжоу в 1961 году Дэн сказал: «Неважно, черная кошка или белая, но если она ловит мышей, это хорошая кошка». Иными словами, не имеет значения, называется полити-

ка коммунистической или нет: Китай нуждался в такой политике, которая может повысить уровень производства и дать народу прокормить себя.

Впрочем, Дэну скоро пришлось ответить за свою неуместную прагматичность. Шестнадцатого мая 1966 года Мао заявил, что революции угрожают «буржуазно настроенные круги», мечтающие о возрождении капитализма. Ответом на это должна была стать великая пролетарская культурная революция. Идеологическую основу культурной революции составили «Шестнадцать тезисов». Первый из них гласил:

«Хотя буржуазия и побеждена, она все еще пытается использовать старые идеи, культуру и обычаи эксплуатирующего класса для соращения масс, влияния на их умы и попытки возвращения. Пролетариат должен с высоко поднятой головой встретить любой вызов буржуазии на идеологическом поле и использовать новые, пролетарские идеи, культуру и обычаи, чтобы изменить умственный настрой всего общества. В настоящее время наша цель – борьба против таких людей во власти, которые говорят о капиталистическом пути, критика и отвержение буржуазных академических авторитетов и идеологии буржуазии и всех прочих эксплуататорских классов, перестройка образования, литературы,

искусства и всего остального, что не соответствует социалистической экономической базе, так, чтобы обеспечить консолидацию и развитие социалистической системы».

Вскоре культурная революция, как и «большой скачок» до нее, начала рушить экономику и уничтожать человеческие жизни. По всей стране были сформированы отряды хунвейбинов («красных стражей») – молодых фанатичных членов компартии, которые использовались для репрессий против всех оппонентов режима. Множество людей было убито, арестовано или отправлено в ссылку. Когда некоторые члены партии высказывали озабоченность разгулом насилия, Мао отвечал так: «Гитлер был еще более жестоким. Чем более жестоко действуешь, тем лучше, как вы этого не понимаете? Чем больше людей вы убьете, тем более вы революционны».

Дэн получил кличку «сторонника капиталистического пути номер два» и в 1967 году предстал перед судом, а два года спустя отправился в ссылку в провинцию Цзянси, где работал в сельской мастерской по ремонту тракторов. Реабилитирован он был лишь в 1974 году, и Мао приказал премьер-министру Чжоу Эньлаю назначить Дэна первым вице-премьером. Уже в 1975 году Дэн Сяопин представил пакет из трех внутрипартийных документов, в котором пред-

лагался новый курс. Проект предусматривал восстановление высшего образования, возврат системы материальных стимулов в промышленности и сельском хозяйстве и чистку партийных рядов от «леваков».

Однако в это же самое время здоровье Мао пошатнулось, и власть стала концентрироваться в руках как раз тех самых левых радикалов в партии, которых Дэн хотел отстранить от управления. Жена Мао, Цзян Цин, и три других высокопоставленных функционера, ставшие впоследствии известными как «банда четырех», были сторонниками культурной революции и репрессий. Они хотели и дальше действовать по тому же сценарию, управляя страной при безраздельном господстве Коммунистической партии. 5 апреля 1976 года стихийный траурный митинг в память умершего в январе Чжоу Эньлая, начавшийся на пекинской площади Тяньаньмэнь, был разогнан войсками и полицией. «Банда четырех» обвинила в организации митинга Дэна, и тот в очередной раз был смещен со всех своих постов и сослан. После смерти Чжоу Эньлая Мао назначил премьером Хуа Гофэна, которому удалось сосредоточить в своих руках огромное могущество.

Сентябрь был ознаменован переломным моментом – умер Мао. Коммунистическая партия Китая до тех пор находилась под сильным влиянием своего вождя, а концепции «большого скачка» и культурной

революции были в основном его инициативами. Когда Мао скончался, наступил настоящий вакуум власти, который вылился в борьбу между фракциями, у каждой из которых было свое видение дальнейшего развития страны. «Банда четырех» стремилась продолжить политику культурной революции, видя в ней единственный способ сохранить власть компартии и свою собственную. Хуа Гофэн предпочел бы дистанцироваться от идей культурной революции, однако не мог сделать этого, потому что именно ей он был обязан своим возвышением в партийной иерархии. Он предпочел публично выступить за возврат к более сбалансированной доктрине и сформулировал это в программной статье, напечатанной в газете КПК «Жэньминь жибао» в 1977 году, таким образом:

«Какие бы идеи ни выдвинул Председатель Мао, мы будем последовательно проводить их в жизнь, и какие бы указания он ни оставил нам, мы будем неуклонно их выполнять».

Дэн Сяопин желал демонтировать коммунистический режим и заменить его на инклюзивную рыночную систему ничуть не больше, чем Хуа. Он тоже принадлежал к элите, которую привела к власти коммунистическая революция. Но Дэн и его сторонники считали, что заметного экономического роста можно достичь, не подвергая опасности их политическую власть: рост

в условиях экстрактивных политических институтов не затронул бы могущества партии, потому что китайский народ крайне нуждался в улучшении уровня жизни, а также потому, что любая сколь-нибудь заметная оппозиция была уничтожена в годы правления Мао, особенно во время культурной революции. Чтобы достичь этого, Дэн решил отказаться не только от идеологии культурной революции, но и поступиться большинством основных маоистских принципов. Он хорошо понимал, что экономический рост возможен только при серьезном сдвиге в сторону инклюзивных экономических институтов, то есть реформировать экономику можно было, только увеличивая в ней роль рыночных сил и стимулов. Дэн и его сторонники также хотели увеличить объем личной собственности у населения и снизить влияние Коммунистической партии на общество и органы управления, отказавшись, в частности, от концепции перманентной классовой борьбы. Группа Дэна готова была также обсуждать и идею иностранных инвестиций, международную торговлю, считала, что необходимо более активно интегрировать страну в мировую экономику. И тем не менее эти реформаторы были весьма ограничены в свободе маневра, так что ни построение по-настоящему инклюзивных экономических институтов, ни значительное снижение влияния Коммунистической партии

на экономику не стояли на повестке дня – даже как теоретически возможные в ближайшем будущем ша- ги.

Главным фактором в деле реформ стало могуще- ство Хуа Гофэна и его готовность употребить его против «банды четырех». Через месяц после смерти «великого кормчего» Хуа организовал заговор против «банды» и арестовал всех четверых. Ни в этом собы- тии, ни в последовавших за ним ничто не предвеща- ло, что сам Хуа Гофэн вскоре падет жертвой полити- ческих интриг Дэна. Те временем Дэн развернул кам- панию публичной дискредитации культурной револю- ции и стал постепенно заполнять ключевые посты в Коммунистической партии людьми, которые, как и он сам, пострадали в тот период. Хуа Гофэн в свою оче- редь отречься от культурной революции не мог. К тому же он относительно недавно вошел в партийную вер- хушку, и ему недоставало связей и надежных нефор- мальных уз, а вот Дэн подобную сеть выстраивал мно- гие годы.

В ряде речей Дэн подверг критике политику Хуа. В сентябре 1978 года он открыто выступил против тезисов последнего, заявив, что вместо того, чтобы позволить любой фразе Мао определять политику го- сударства, следовало бы «извлекать истину из фак- тов». Дэн искусно провоцировал общественное дав-

ление на Хуа, которое нашло самое яркое выражение в движении «Стена демократии». В июле 1978 года один из сторонников Дэна по имени Ху Цяому сформулировал несколько базовых принципов экономической реформы. Составной их частью была идея, что предприятиям следует разрешить быть более инициативными и самостоятельными в принятии производственных решений. Цены должны формироваться исходя из баланса спроса и предложения, а не устанавливаться правительством, а государственное регулирование экономики в целом надо ослабить. Это была радикальная программа, но влияние Дэна постоянно росло. В ноябре и декабре 1978 года на Третьем пленуме ЦК КПК произошел прорыв. Несмотря на возражения Хуа, было принято решение о том, что отныне все внимание партии будет сосредоточено не на классовой борьбе, а на экономической модернизации. Пленум объявил о начале ограниченного эксперимента с «системой ответственности хозяйств» в некоторых провинциях, что стало началом процесса демонтажа коллективного сельского хозяйства и введения экономической стимуляции в агрикультуре.

К следующему году Центральный комитет признал определяющую роль концепции «истина из фактов» и заявил, что культурная революция стала большим несчастьем для китайского народа. В течение этого

периода Дэн проталкивал своих сторонников на важные посты в партии, армии и правительстве. Хотя Дэн вынужден был действовать против группы Хуа Гофэна в ЦК с определенной осмотрительностью, он фактически создавал параллельные властные структуры. В 1980 году Хуа был вынужден уйти с поста премьер-министра, его сменил Чжао Цзыян. Через два года Хуа Гофэн был выведен из состава Центрального комитета. Но на этом Дэн не остановился. На XII партийном съезде (1982), а затем и на Национальной партийной конференции (сентябрь 1985 г.) он добился почти полной смены состава партийной верхушки и ухода ее старейших членов. Теперь партийное руководство состояло из более молодых и более ориентированных на реформы людей. За период с 1980 по 1985 год сменились 21 из 26 членов Политбюро, 8 из 11 членов Секретариата Коммунистической партии и 10 из 18 вице-премьеров.

Только теперь, когда Дэн и другие реформаторы завершили наконец свою политическую революцию и получили полный контроль над государством, они взялись за серьезные изменения в экономических институтах. Начали с сельского хозяйства. К 1983 году в соответствии с концепцией Ху Цяому была принята «система ответственности хозяйств», предусматривавшая введение экономической мотивации для кре-

стьян. Через два года была отменена обязательная продажа зерна государству по фиксированным ценам и введена более гибкая договорная система. Административный контроль за ценами на сельскохозяйственную продукцию значительно снизился. В городской экономике государственным предприятиям была дана большая свобода действий, и были определены четырнадцать «открытых городов», куда предполагалось привлечь иностранные инвестиции.

Именно сельская экономика первой откликнулась на эти инициативы. Введение материальных стимулов привело к резкому увеличению производства сельскохозяйственной продукции. В 1984 году зерна в стране было выращено на треть больше, чем в 1978-м, хотя в его производстве было занято меньше людей. Многие крестьяне нанялись на работу в так называемые «поселковые предприятия». Они появились после того, как наряду с имеющимися государственными предприятиями было позволено открывать новые. Постепенно экономические стимулы были введены также и в промышленном секторе, особенно на предприятиях, управляемых государством, хотя пока что речи не шло о приватизации, которая началась лишь в середине 1990-х годов.

Возрождение Китая означало дрейф одной из наиболее экстрактивных систем экономических институ-

тов в мире в сторону гораздо более инклюзивных институтов. Рыночные стимулы в сельском хозяйстве и промышленности, приход иностранных инвестиций и технологий поставили Китай на путь быстрого экономического роста. Как мы увидим в следующей главе, этот рост проходил в условиях экстрактивных политических институтов, хотя они уже и не были столь репрессивными, как во времена культурной революции. Но это не умаляет степени радикальности экономических перемен в Китае. Эта страна сломала привычные схемы, хотя и обошлась без трансформации своих политических институтов. Как и в Ботсване или в южных штатах США, критические перемены произошли в результате наступления точки перелома – в случае Китая такой точкой стала смерть Мао. И столь же неопределенным был поначалу вероятный исход событий – ничего невозможного не было бы и в победе «банды четырех», а останься они у власти, никакого экономического роста, который мы наблюдаем в Китае в течение последних 30 лет, не было бы. Однако опустошение страны и человеческие страдания – результаты «большого скачка» и культурной революции – вызвали такое желание перемен, что это позволило Дэну и его сторонникам выиграть политическую схватку.

Ботсвана, Китай и южные штаты США, как и Славная революция в Англии, Французская революция и Реставрация Мейдзи в Японии, – это живые примеры того, что предопределению нет места в истории. Несмотря на порочный круг, экстрактивные институты во всех этих случаях были заменены на инклюзивные. Но этот процесс никогда не бывает автоматическим или легким. Часто для того, чтобы какое-либо государство пошло по пути строительства инклюзивных институтов, необходимо сочетание разных факторов, в особенности совпадение критической точки перелома и наличия широкой коалиции сторонников реформ плюс укоренившихся и благоприятных для реформы институтов. Кроме того, нужна и определенная доля удачи, ведь путь истории – это не гладкая железнодорожная колея.

Глава 15

В поисках причин процветания и бедности

Исторические корни

Уровень жизни в разных странах мира различается разительно. Даже беднейшие граждане США имеют доход, доступ к здравоохранению, образованию, коммунальным услугам и прочие экономические и социальные возможности в степени, значительно превосходящей ту, в которой они доступны огромному количеству людей, живущих в странах Черной Африки, Южной Азии и Центральной Америки. Контраст между Северной и Южной Кореей, двумя Ногалесами или Соединенными Штатами и Мексикой показывает нам, что это достаточно недавнее явление. Пятьсот лет назад Мексика, а точнее, располагавшееся на ее территории государство ацтеков было явно богаче всех своих северных соседей, причем США обогнали Мексику только в XIX веке. Разрыв между двумя Ногалесами – еще более «свежий» феномен. Южная и Северная Корея были экономически, социально и культур-

но идентичны, пока по итогам Второй мировой войны страна не была разделена по 38-й параллели. Точно так же большинство примеров огромного разрыва в уровнях экономического развития относятся к последним двум столетиям.

Неизбежна ли была сложившаяся ситуация? Что именно в истории – или географии, или культуре, или в этническом составе – предопределило нынешнее положение, когда Западная Европа, Соединенные Штаты и Япония стали в последние два века во много раз богаче стран Черной Африки, Латинской Америки и Китая? Было ли неизбежным то, что промышленная революция XVIII века случилась в Англии, а затем распространилась на Западную Европу и «дочерние страны» Британии в Северной Америке и Австралии? Можно ли представить себе мир, где Славная революция и индустриализация происходят, скажем, в Перу, а затем инки колонизируют Западную Европу и обращают белых европейцев в рабов, – или это всего лишь альтернативная история, вид исторической научной фантастики?

Чтобы ответить на эти вопросы – а на самом деле даже чтобы просто подумать над ними, – нам понадобится теория, объясняющая, почему некоторые нации процветают, в то время как другие пребывают в упадке и в бедности. Такая теория должна называться как фак-

торы, которые приводят к процветанию или препятствуют ему, так и их исторические корни. Данная книга как раз предлагает такую теорию. Любое сложное социальное явление, как, например, разные пути развития сотен государств во всем мире, по всей видимости, имеет множество причин, что заставляет большинство исследователей с подозрением относиться к теориям, объясняющим такие явления какой-то одной причиной, теориям слишком простым и при этом слишком универсальным. Или же теориям, которые, напротив, предлагают различные объяснения для явно схожих явлений, наблюдаемых в разное время и в разных местах.

Мы же выдвинули простую теорию и используем ее для объяснения главных черт экономического и политического развития стран мира начиная с эпохи неолитической революции. В своем выборе мы руководствовались не наивной верой в то, что подобная теория может объяснить все, а уверенностью, что она поможет нам выявить определенные параллели, пусть для этого иногда и придется пожертвовать многими интересными деталями. И вообще, успешность теория определяется не тем, что она скрупулезно перечисляет все частности, а тем, что она дает полезное и эмпирически обоснованное объяснение ряду процессов, а также выявляет основные силы, двигающие эти

процессы.

Наша теория старается достичь указанных целей, действуя на двух уровнях. Первый – это различие между экстрактивными и инклюзивными экономическими и политическими институтами. Второй – это наше объяснение того, почему инклюзивные институты в некоторых странах мира появляются, а в других – нет. Первый уровень нашей теории посвящен интерпретации истории в свете развития институтов, а второй – тому, как история формирует институциональные пути развития государств.

Центральный пункт нашей теории – это связь между инклюзивными экономическими и политическими институтами и благосостоянием. Инклюзивные экономические институты, обеспечивающие права собственности, создающие ровное игровое поле и привлекающие инвестиции в новые технологии и знания, более благоприятствуют экономическому росту, чем экстрактивные экономические институты, которые приводят к изъятию ресурсов у большинства в пользу меньшинства и не могут обеспечить права собственности или дать стимулы для экономической деятельности. Инклюзивные экономические институты поддерживают соответствующие политические институты и сами же, в свою очередь, опираются на них. А инклюзивные политические институты – это те, что

обеспечивают широкое распределение политической власти и при этом позволяют достичь такой степени политической централизации, которая гарантирует законность и порядок, сохранность прав собственности и инклюзивную рыночную экономику. Равным образом, экстрактивные экономические институты синергетически связаны с экстрактивными политическими институтами, концентрирующими власть в руках меньшинства. Понятно, что это меньшинство стремится к сохранению и развитию экстрактивных экономических институтов, извлекая из них выгоду и используя ресурсы, чтобы упрочить свою политическую власть.

Описанные тенденции не подразумевают, что экстрактивные экономические и политические институты несовместимы с экономическим ростом. Напротив, элита и в условиях экстрактивности хотела бы, при прочих равных, по возможности большего экономического роста, который позволил бы ей извлекать больше благ. Экстрактивные институты, достигшие по крайней мере минимального уровня политической централизации, часто способны организовать некоторые условия для экономического роста. И тем не менее важным фактором здесь является то, что такой рост в условиях экстрактивных институтов не будет устойчивым по двум причинам. Первая состоит в том,

что устойчивый экономический рост требует инноваций, а инновации не могут не сопровождаться созидательным разрушением, которое приносит много нового в экономическую ситуацию и может дестабилизировать устоявшуюся политическую систему. Поскольку элиты, управляющие экстрактивными институтами, боятся созидательного разрушения, они сопротивляются ему, и любой рост, созревший под сенью экстрактивных институтов, будет весьма кратковременным. Вторая причина заключается в том, что власть в условиях экстрактивных институтов дает возможность получать огромные выгоды за счет общества, и это делает политическую власть весьма желанной. Вследствие этого всегда будет действовать множество сил, толкающих общество под власть экстрактивных институтов в сторону большей политической нестабильности.

Взаимодействие между экстрактивными экономическими и политическими институтами создает порочный круг, в котором экстрактивные институты имеют тенденцию к закреплению и усилению. Точно так же можно говорить и о благотворной обратной связи, соединяющей инклюзивные экономические и политические институты. Но ни порочный круг, ни благотворная обратная связь не predetermined. И в самом деле, какие-то государства сегодня живут в услови-

ях инклюзивных институтах (хотя исторически нормой были экстрактивные институты), поскольку общества этих стран способны сломать эти схемы и перейти к инклюзивности. Наше объяснение такого перехода – историческое, и все же оно не предполагает, что в истории существует предопределенность. Важнейшие институциональные перемены происходили в результате реакции существовавших в тот момент институтов на точки перелома. Подобные точки – это те или иные значительные события, разрушающие сложившийся политический и экономический баланс; такой точкой стала, например, «черная смерть» – эпидемия чумы XIV века, которая во многих регионах Европы унесла, по некоторым оценкам, от трети до половины населения. Другие точки перелома – это открытие атлантических торговых путей, что создало возможности для получения огромных прибылей для некоторых стран Западной Европы; промышленная революция, которая заложила основу для быстрых (и разрушительных для устоявшегося мирового экономического порядка) перемен.

Почему пути институциональных изменений так различаются в разных обществах? Ответ на этот вопрос надо искать в механизме институционального дрейфа. Подобно тому, как в двух изолированных одна от другой популяциях одного и того же вида набо-

ры генов начинают постепенно все более и более различаться в результате случайных мутаций (так называемый «дрейф генов»), два изначально схожих человеческих общества тоже будут все больше расходиться вследствие «дрейфа институций». Этот процесс также идет очень медленно. Конфликт из-за ресурсов и власти (то есть борьба за контроль над институтами) – постоянный процесс в любом обществе. Часто исход конфликта предугадать невозможно, а поле, на котором «играют» участники, зачастую имеет большой уклон. Любой результат такого конфликта толкает институциональный дрейф в ту или иную сторону.

Но это вовсе не обязательно накопительный процесс. Он не предполагает, что маленькие перемены в какой-то точке непременно со временем приведут к качественному изменению. Напротив, как мы видели на примере Римской Британии в главе 6, небольшие изменения возникают, а затем могут исчезнуть, чтобы впоследствии возникнуть вновь. И тем не менее, когда наступает точка перелома, эти небольшие перемены, драйверы институционального дрейфа, могут заставить изначально схожие общества встать на совершенно разные пути развития.

В главах 7 и 8 мы видели, что, несмотря на множество схожих черт у Англии, Франции и Испании, точ-

ка перелома в виде развития атлантической торговли имела наибольшее влияние именно на Англию из-за этих небольших различий – а именно того факта, что вследствие событий XV века английская корона не контролировала заморскую торговлю, а во Франции и в Испании такая торговля была монополизирована королевской семьей и связанными с ней группами. Как результат, во Франции и Испании именно монарх и ассоциированные с ним группы были главными бенефициарами тех огромных прибылей, которые несла с собой атлантическая торговля и колониальная экспансия, в то время как в Англии эти прибыли концентрировались в руках групп, оппозиционных монархии. Хотя институциональный дрейф – это всегда медленные и кажущиеся незначительными изменения, его взаимодействие с точками перелома приводит к институциональному расхождению, и это расхождение создает впоследствии все большие различия в институтах, на которые со временем повлияет следующая точка перелома.

История здесь – ключевой фактор, потому что именно исторический процесс, благодаря институциональному дрейфу, создает различия, которые станут решающими в очередной критический момент. Сами по себе точки перелома – это исторический поворотный пункт. А существование порочного круга или бла-

готворной обратной связи приводит нас к необходимости изучать историю, чтобы понять природу исторически обусловленных институциональных различий. Однако наша теория не декларирует исторического детерминизма – да и в целом никакого детерминизма. Именно по этой причине ответ на вопрос, с которого мы начали свои изыскания в этой главе, будет «нет» – нет никакого исторического закона, согласно которому Перу настолько беднее Западной Европы или Соединенных Штатов.

Прежде всего, что бы ни утверждали теории географического или культурного предопределения, эта латиноамериканская страна вовсе не приговорена к бедности вследствие своего географического положения или особенностей культуры. Согласно нашей теории, Перу сегодня настолько беднее Западной Европы или Северной Америки из-за действующих там институтов, и для того чтобы понять причины этого явления, нам нужно разобраться в историческом процессе институционального развития этой страны. Как мы видели в главе 2, пять тысяч лет назад империя инков, которая занимала территорию современного Перу, была богаче, более технологически развита и более политически централизована, чем небольшие сообщества тогдашней Северной Америки. Точкой перелома здесь стало испанское завоевание и

выбранный завоевателями способ колонизации, который значительно отличался от способа колонизации Северной Америки. Это стало следствием не исторически predetermined процесса, а непредсказуемого результата институционального развития в условиях точки перелома. По крайней мере три фактора влияли на изменение пути развития и приводили к совершенно различным долговременным схемам.

Во-первых, институциональные расхождения между двумя Америками, уже существовавшие в XV веке, предопределили то, каким образом обе они были колонизованы. Северная Америка пошла по институциональному пути, отличному от пути Перу, потому что до колонизации она была слабо заселена и тем привлекла европейских поселенцев, впоследствии вступивших в борьбу с губернаторами, которых пытались навязать им Вирджинская компания и британская корона. Испанские же конкистадоры, напротив, нашли в Перу централизованное экстрактивное государство, механизмы которого они сумели узурпировать, и многочисленное население, которое они смогли заставить работать в рудниках и на плантациях.

Не было и никакого географического предопределения, чего-то особого в расположении обеих Америк к моменту прибытия туда европейцев. Как появление централизованного государства бушонгов при

царе Шиаме стало результатом серьезных институциональных инноваций или, возможно даже, политической революции, как мы видели в главе 5, так же цивилизация инков в Перу и многонаселенность этой местности были следствием институциональных инноваций. Такое вполне могло бы произойти не в Перу, а в Северной Америке – скажем, в таком регионе, как долина Миссисипи, или даже в северо-восточных областях современных Соединенных Штатов. В таком случае европейцы обнаружили бы в Андах необитаемые пространства, а в Северной Америке – централизованные государства, и тогда Перу и Соединенные Штаты поменялись бы ролями. Европейские поселенцы устремились бы в Перу, а конфликт поселенцев и колониальной элиты со временем привел бы к образованию инклюзивных институтов именно здесь, а не в Северной Америке. Разумеется, последующие пути экономического развития тогда бы тоже сильно отличались от того, что мы в действительности наблюдаем.

Во-вторых, империя инков могла бы найти способ и более успешно противостоять европейской колонизации – как это сделала Япония, когда эскадра коммодора Перри вошла в залив Эдо. И хотя бóльшая экстрактивность инкской империи сравнительно с Японией эпохи Токугава наводит на мысль, что политиче-

ская революция по модели Реставрации Мейдзи была в Перу куда менее вероятна, все-таки нет никакой исторической неизбежности в том, что инки полностью подчинились европейскому владычеству. Если бы они были в состоянии сопротивляться или даже модернизировать свои институты под угрозой вторжения, вся картина исторического развития Нового Света, да и вообще вся мировая история была бы совершенно иной.

В-третьих (и это решающий фактор), нет ничего predeterminedного – ни с исторической, ни с географической, ни с культурной точки зрения – в том, что европейцы стали единственными колонизаторами в мире. Таковыми могли оказаться и китайцы, и даже те же инки. Конечно, такая картина кажется невероятной, когда мы смотрим на мир через призму событий XV столетия, когда европейцы сделали бросок на американский континент, а Китай, напротив, замкнулся в себе. Но сама по себе Западная Европа XV века представляла собой результат непредсказуемого институционального дрейфа, направляемого точками перелома, и ничто в этом процессе не было неизбежным. Западноевропейские державы не смогли бы выдвинуться на первые роли и завоевать мир, не пройди они через несколько исторических поворотных пунктов. Они включали в себя и специфический путь раз-

вития, на который встал феодализм, с постепенным исчезновением рабства и ослаблением власти королей; и тот факт, что за те столетия, что прошли с начала второго тысячелетия нашей эры в Европе, произошел быстрый рост политически независимых и экономически автономных городов; и то, что европейские монархии не так боялись морской торговли и, следовательно, не так стремились ее ограничить, как это делали китайские императоры во время династии Мин; и «черная смерть», пошатнувшая основы феодального порядка. Если бы события развивались иначе, мы бы сегодня жили в совсем другом мире, где Перу могло бы быть богаче Западной Европы или Соединенных Штатов.

Естественно, предсказательная сила любой теории, в которой важное место занимают и небольшие отличия, и непредсказуемость, весьма невелика. В XV или даже в XVI столетии, не говоря уж о нескольких веках, последовавших за падением Римской империи, мало кто мог предвидеть, какой серьезный поворот в сторону инклюзивных институтов произойдет в Британии. Лишь специфический процесс институционального дрейфа и природа точки перелома, возникшей с открытием атлантической торговли, сделала его возможным. Точно так же в разгар культурной ре-

волюции в Китае вряд ли многие могли предположить, что эта страна скоро встанет на путь радикальных изменений своих экономических институтов, а впоследствии и на путь стремительного экономического роста. Равным образом невозможно предсказать сколь-нибудь уверенно, как изменится та или иная страна через 500 лет. И все же это нельзя считать дефектами нашей теории. Обзор, который мы здесь представили, хорошо иллюстрирует ту мысль, что любой подход, основанный на историческом, географическом, культурном или иного рода детерминизме, неправилен. Небольшие различия и непредсказуемость – это не ключевая часть нашей теории. Это ключевая часть механизма истории.

Хотя делать какие-либо предсказания о том, какое общество станет более процветающим в сравнении с другими, и сложно, однако в этой книге мы постарались показать, что наша теория достаточно хорошо объясняет огромную разницу между богатством одних стран и бедностью других – разницу, существующую по всему миру. В оставшейся части этой главы вы увидите, что эта теория позволяет сделать и определенные предположения относительно того, общества какого типа имеют больше шансов добиться экономического роста в течение ближайших десятилетий.

Во-первых, порочный круг и механизм благотвор-

ной обратной связи приводят к значительной устойчивости и инерционности развития. Нет никаких сомнений, что в ближайшие 50 и даже 100 лет Соединенные Штаты и Западная Европа, благодаря их инклюзивным институтам, будут оставаться богаче (причем значительно богаче) стран Черной Африки, Ближнего Востока, Центральной Америки и Юго-Восточной Азии. Тем не менее в пределах этих широких рамок в течение следующего столетия произойдут серьезные институциональные изменения, вследствие которых каким-то странам удастся, сломав привычные схемы, из бедных стать богатыми.

Нации, которые не смогли достичь практически никакого уровня политической централизации, такие как Сомали или Афганистан, или же те, которые испытали коллапс государственной системы, как это случилось с Гаити после землетрясения 2010 года, разрушившего инфраструктуру страны, вряд ли придут к экономическому росту, располагая лишь экстрактивными институтами. Так же маловероятно и то, что они смогут преобразовать их в инклюзивные. Напротив, страны, которые вероятнее всего испытают рост в ближайшие несколько десятилетий – возможно, даже при экстрактивных институтах, – это те страны, которые сегодня достигли определенного уровня политической централизации. В Черной Африке это Бурунд

ди, Эфиопия, Руанда (то есть государства с долгой историей централизованной государственной власти), а также Танзания, которой удалось построить такую централизованную власть или, по крайней мере, заложить ее фундамент. В Латинской Америке подобного можно ожидать от Бразилии, Чили и Мексики, которые не только достигли политической централизации, но и сделали серьезные шаги по направлению к плюрализму. Из нашей теории вытекает также, что в Колумбии устойчивый экономический рост вряд ли возможен.

Наша теория показывает, что рост в условиях экстрактивных политических институтов (такой, например, как в Китае) вряд ли будет устойчивым – вполне вероятно, что он скоро выдохнется. Есть и менее ясные случаи. К примеру, Куба может перейти к инклюзивным институтам и приступить к серьезным экономическим переменам, а может и погрязнуть в застое, сохраняя свои экстрактивные политические и экономические установления. То же самое можно сказать и о Северной Корее или Бирме (Мьянме). Таким образом, хотя наша теория и предлагает инструменты для осмысления того, каким образом институты меняются, и предположений о последовательности этих перемен, однако сама природа этих «мутаций» (то, что в них важную роль играют незначительные отличия и

неопределенность) подсказывает нам, что более точные предсказания становятся очень трудным делом.

Еще большая осторожность требуется, когда мы пытаемся сформулировать политические рекомендации на основе нашего очерка о богатстве и бедности. Если направление процесса изменений в точках перелома задается существующими в стране институтами, то ими же обусловлена реакция общества на те или иные политические действия. Конечно, в целом наша теория гласит, что разные общества приходят к процветанию одним и тем же путем – превращая свои институты из экстрактивных в инклюзивные. Но и без глубокого анализа понятно, что простых рецептов такого превращения не существует.

Во-первых, механизм порочного круга подразумевает, что изменение институтов – гораздо более сложный процесс, чем их появление. В особенности потому, что экстрактивные институты могут воспроизводить себя в другом облики – мы видели это в главе 12 на примере «железного закона олигархии». Так что свержение экстрактивного режима президента Мубарака в феврале 2011 года никак не гарантирует, что Египет пойдет по пути строительства более инклюзивных институтов, – именно потому, что экстрактивные институты в состоянии воспроизводиться вопреки всем надеждам демократического движения.

Во-вторых, поскольку пути истории непредсказуемы, надо обладать недюжинной смелостью, чтобы формулировать общие политические рекомендации по переходу к инклюзивным институтам. И тем не менее наша теория все-таки может помочь в деле политического анализа, так как она позволяет распознать неверные политические рекомендации, основанные либо на неправильных предпосылках, либо на недостаточном понимании механики изменения институтов. В этом деле (как и во многих других) избежать тяжелых ошибок – такая же важная цель, как и попытаться найти простые решения, но, в отличие от последней, куда более достижимая. Возможно, это становится более всего понятно, когда мы рассматриваем политические рекомендации, предлагающие «авторитарный рост» и опирающиеся на успешный опыт китайского экономического роста нескольких последних десятилетий. Ниже мы объясним, почему такие рекомендации ошибочны и почему экономический рост в Китае, хотя и выглядит столь впечатляющим, на самом деле представляет собой еще один пример роста при экстрактивных институтах, который вряд ли перерастет в устойчивое экономическое развитие.

Неотразимый шарм авторитарного роста

Дай Гофан довольно рано распознал начинающийся в Китае урбанистический бум. Новые автострады, бизнес-центры, жилые дома и небоскребы начали расти в Китае 90-х годов повсюду, и Дай был уверен, что этот рост в следующее десятилетие будет только набирать скорость. По его оценкам, принадлежащая ему сталелитейная компания *Jingsu Tieben Iron and Steel* могла бы занять большой сегмент рынка, производя дешевую качественную продукцию, в особенности в сравнении с неповоротливыми государственными металлургическими предприятиями. Дай планировал построить огромный сталелитейный комбинат и в 2003 году действительно приступил к его строительству при поддержке местного партийного руководства города Чанчжоу. Однако к марту 2004 года строительство было заморожено по указу руководства КПК в Пекине, а Дай арестован в связи с обвинениями, которые так и не были оглашены публично.

Вероятно, власти были уверены, что они легко найдут свидетельства преступной деятельности Дая. В результате он провел следующие пять лет в тюрьме и под домашним арестом и лишь в 2009 году был

признан виновным в каких-то мелких правонарушениях. Его настоящее преступление состояло в том, что он затеял реализацию большого проекта, который мог бы составить конкуренцию государственным предприятиям, причем сделал это без разрешения Коммунистической партии. По крайней мере, именно такой урок вынесли из этого дела остальные игроки рынка.

Реакция Коммунистической партии на таких предпринимателей, как Дай, не должна удивлять. Чэнь Юнь, один из ближайших соратников Дэн Сяопина и предполагаемый архитектор рыночных реформ на их начальном периоде, суммировал взгляды большинства партийных кадров на экономику, уподобив ее «птице в клетке»: экономика – это птица, а партийный контроль за ней – клетка, она предназначена для того, чтобы птица была здоровой и ухоженной. Но клетку нельзя открывать, а то птица улетит. Когда важнейший пост в Китае, место генерального секретаря Коммунистической партии, занял в 1989 году Цзян Цзэминь, он пошел еще дальше и четко сформулировал те подозрения, которые питала партийная верхушка по отношению к бизнесменам, считая их «ищущими только своей выгоды дельцами и торговцами, которые мошенничают, воруют, суют взятки и уклоняются от налогов».

На протяжении всех 1990-х годов, хотя в страну начали поступать иностранные инвестиции, а государственные предприятия активно побуждались к расширению, частное предпринимательство встречало настороженное отношение, у многих бизнесменов отнимали собственность, а иногда они даже попадали в тюрьму. Хотя отношение к предпринимателям, подобное подозрительному отношению Цзян Цзэминя, сейчас менее распространено, подобные взгляды все еще популярны в Китае. По словам одного китайского экономиста,

«большие государственные компании вовлекаются в реализацию крупных проектов. Но когда к ним пытаются подступиться частные предприятия, особенно если это грозит конкуренцией с государственными, их на каждом углу подстерегают проблемы».

Несмотря на то, что сейчас множество частных компаний действуют на рынке Китая, многие экономические субъекты все еще находятся под контролем и защитой государства. Журналист Ричард Макгрегор рассказывает, что на столе руководителя любой крупной государственной фирмы в Китае стоит красный телефон. По нему партийное руководство отдает приказы: что компания должна сделать, куда она должна инвестировать деньги и каковы должны быть цели

этих инвестиций. Эти гигантские корпорации все еще находятся под партийным контролем, а это означает, что партийные бонзы могут по собственному желанию переставлять с места на место своих директоров, увольнять или продвигать их, причем без каких-либо объяснений.

Все это, конечно, не значит, что Китай не делает серьезных шагов в сторону инклюзивных экономических институтов, шагов, которые предопределили его впечатляющий экономический рост за последние 30 лет. Большинство бизнесменов чувствует себя в безопасности, но не в последнюю очередь потому, что они заручились поддержкой местных партийных кадров и верхушки КПК в Пекине. Многие государственные предприятия получают прибыль и участвуют в конкуренции на международных рынках. Это радикально отличает нынешний Китай от Китая времен Мао. Как мы видели в предыдущей главе, экономика Китая начала расти благодаря тому, что страна под руководством Дэн Сяопина предприняла ряд радикальных реформ, поставивших экономические институты на путь большей инклюзивности. Кроме того, Китай извлек выгоду из огромного количества дешевой рабочей силы и доступа к международным рынкам, капиталам и технологиям.

Хотя китайские экономические институты сегодня

несравнимо более инклюзивны, чем три десятилетия назад, Китай – это пример экономического роста в условиях экстрактивности. Несмотря на акцент на инновациях и технологиях, китайский рост базируется на усвоении существующих технологий и быстрых инвестициях, а не на созидательном разрушении. Важным аспектом экономической ситуации остается то, что права собственности в Китае до сих пор недостаточно защищены. Время от времени у каких-нибудь бизнесменов отбирают их собственность, как это случилось с Даем. Мобильность рабочей силы жестко регулируется, и самое базовое право собственности – право продавать собственный труд по собственному усмотрению – все еще соблюдается не в полной мере.

До какой степени экономические институты Китая все еще далеки от действительной инклюзивности, можно увидеть на примере того, как мало бизнесменов могут даже начать какую бы то ни было деятельность без поддержки местных или, что еще более важно, столичных партийных органов. Связь между бизнесом и партией весьма прибыльна для обеих сторон. Заручившееся поддержкой партии предприятие получает контракты на выгодных условиях, оно может выселять обычных людей с места жительства, чтобы экспроприировать их землю, оно может безнаказанно нарушать законы и нормативы. Те, кто встают у него

на пути, рискуют оказаться в тюрьме или даже в могиле.

Огромный вес Коммунистической партии и экстрактивных институтов в Китае напоминает о сходстве экономического роста в Советском Союзе в 1950-е и 1960-е годы с нынешним китайским ростом, хотя у этих явлений и есть ряд важных отличий. Советский Союз добился экономического роста в условиях экстрактивных экономических и политических институтов, потому что принудительно сконцентрировал ресурсы в индустрии с централизованным командным управлением – преимущественно в области вооружений и тяжелой промышленности. Такой рост был частично возможен, потому что необходимо было много наверстать. Рост в условиях экстрактивных институтов проще, когда нет необходимости в созидательном разрушении. Китайские экономические институты, без сомнения, более инклюзивны, чем были в Советском Союзе, но политические институты остаются экстрактивными. Коммунистическая партия в Китае всесильна и контролирует всю бюрократию страны, вооруженные силы, средства массовой информации и значительную часть экономики. У граждан Китая мало политических свобод, а уровень их включенности в политический процесс очень низок.

Многие наблюдатели надеялись, что экономиче-

ский рост в Китае принесет с собой демократию и большой плюрализм. В 1989 году было ощущение, что демонстрации на площади Тяньаньмэнь приведут к большей открытости и, возможно, даже к краху коммунистического режима. Но против демонстрантов были направлены танки, и вместо мирного изменения режима в историю вошла бойня на площади Тяньаньмэнь. После этих событий китайские институты стали во многом еще более экстрактивными. Реформаторы, такие как Чжао Цзыян, поддержавший на посту генерального секретаря КПК студентов на площади Тяньаньмень, были отстранены от дел, и партия с еще большей силой стала подавлять гражданские права и свободу слова. Чжао Цзыян более 15 лет оставался под домашним арестом, всякое публичное упоминание о нем было запрещено, чтобы он не стал символом для сторонников политических реформ.

Сегодня партийный контроль над средствами массовой информации, включая Интернет, достиг беспрецедентного уровня. Во многих случаях это обеспечивается самоцензурой: редакции СМИ хорошо знают, что им нельзя упоминать Чжао Цзыяна или Лю Сяобо,⁵² который остался в тюрьме даже после того,

⁵² Китайский правозащитник, лауреат Нобелевской премии мира 2010 года. Неоднократно приговаривался к различным срокам тюремного заключения, с декабря 2008-го также находится в тюрьме.

как получил Нобелевскую премию мира. Самоцензура поддерживается совершенно оруэлловскими механизмами слежки за разговорами и общением, закрытием веб-сайтов и газет и даже частичной блокировкой доступа к личным новостным лентам в Интернете. Все это проявилось в полной мере, когда в 2009 году появились новости о том, что сын генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао уличен в коррупции. Партийный механизм контроля за информацией был немедленно запущен на полную мощность и оказался способен не только не пропустить эти новости в китайскую печать, но и заблокировать их на сайтах *New York Times* и *Financial Times*.

Из-за партийного контроля над экономическими институтами возможности созидательного разрушения жестко ограничены, и ситуация не изменится без радикальных реформ политических институтов. Как и в свое время в Советском Союзе, в Китае экстрактивный экономический рост был облегчен тем, что стране надо было очень многое наверстать. Доход на душу населения в Китае все еще нельзя сопоставить с американскими или западноевропейскими стандартами. Конечно, китайский рост значительно более диверсифицирован, чем когда-то советский, он происходит не только в области вооружений или в тяжелой промышленности, а китайские бизнесмены демонстрируют

достаточную степень предприимчивости. И все-таки этот рост выдохнется, если экстрактивные политические институты не будут заменены на инклюзивные. А пока последние остаются экстрактивными, китайский экономический рост будет ограниченным, как это было во многих подобных случаях.

Китайский опыт поднимает несколько интересных вопросов о том, насколько устойчивым может оказаться экономический рост в условиях авторитаризма. Реальность подобного роста стала популярным аргументом у оппонентов «вашингтонского консенсуса»⁵³ – то есть представления, согласно которому для запуска экономического роста во многих слаборазвитых регионах мира необходимы либерализация рынков и торговли и определенные институциональные реформы. Наибольшая привлекательность этого аргумента – особенно в глазах правителей стран с экстрактивными институтами – состоит в том, что он позволяет им и дальше сохранять (и даже усиливать) собственную авторитарную власть и придает легитимность их грабительской экономической политике.

Как показывает наша теория, такой тип экономического роста возможен в особенности в тех странах, ко-

⁵³ *Washington Consensus* – определенный тип экономической политики, рекомендованный МВФ и Всемирным банком для применения в странах, переживающих финансовый и экономический кризис.

торые до этого испытали упадок государственной власти, и, возможно, подобный рост даже оказывается наиболее подходящим сценарием для многих стран – от Камбоджи и Вьетнама до Бурунди, Эфиопии и Руанды. Но из нашей теории также следует, что ни один тип экономического роста в условиях экстрактивных политических институтов не будет устойчивым.

В случае Китая процесс роста, основанного на «догоняющем» эффекте, на импорте иностранных технологий и экспорте низкотехнологичной промышленной продукции, продлится еще какое-то время. И тем не менее он закончится – по крайней мере тогда, когда Китай достигнет уровня жизни, сравнимого со среднеразвитыми странами переходной экономики. Наиболее вероятным сценарием здесь можно считать сохранение власти в руках Коммунистической партии и крепнущей экономической элиты Китая в течение ближайших десятилетий. В таком случае опыт истории и наша теория подсказывают, что экономического роста с созидательным разрушением и реальными инновациями так и не наступит, а выдающиеся показатели китайского роста начнут снижаться.

Однако подобный сценарий вовсе не предопределен. Его можно избежать, если Китай перейдет к инклюзивным политическим институтам до того, как экономический рост при экстрактивных институтах вы-

дохнется. И тем не менее, как мы увидим ниже, есть мало оснований полагать, что переход к более инклюзивным институтам в Китае близок или что он будет автоматическим и безболезненным.

Даже в самой китайской Коммунистической партии раздаются голоса, предупреждающие о подстерегающих страну опасностях и продвигающие идею политических реформ – то есть как раз перехода к более инклюзивным политическим институтам, если пользоваться нашей терминологией. Премьер Госсовета Вэнь Цзябао⁵⁴ недавно заявил: существует риск, что без политической реформы экономический рост может затормозиться. Мы считаем это предположение верным, даже если многие на Западе с ним несогласны. По мнению этих наблюдателей, у Китая есть свой собственный, альтернативный путь, на котором удастся поддерживать экономический рост в условиях авторитаризма, а не инклюзивных экономических и политических институтов. Однако это ошибка. Мы уже показали важнейшие корни китайского успеха – радикальное изменение экономических институтов, превращение их из коммунистических в более гибкие, создающие стимулы для роста производства и торговли. Если рассматривать ситуацию в таком ключе, в китайском опыте нет ничего исключительного по срав-

⁵⁴ Занимал эту должность в 2003–2013 годах.

нению с опытом других стран, которым удалось переход от экстрактивных к инклюзивным экономическим институтам. Таким образом, Китай добился экономического роста не благодаря своим экстрактивным политическим институтам, а вопреки им: своим успешным ростом в течение последних трех десятилетий он обязан радикальному сдвигу от экстрактивности в сторону значительно большей инклюзивности.

У защитников идеи экономического роста в авторитарных условиях есть и другой аргумент: признавая в целом непривлекательность авторитаризма, они считают его всего лишь переходным этапом. Эта концепция восходит к одной из классических теорий политической социологии – модернизационной теории, сформулированной Сеймуром Мартином Липсетом. Модернизационная теория утверждает, что все общества в период роста дрейфуют в сторону более современного, развитого и цивилизованного состояния, то есть, в сущности, к демократии. Многие сторонники модернизационной теории заявляют также, что, как и демократия, инклюзивные институты суть побочный продукт экономического роста. Более того, хотя демократия и не тождественна инклюзивным политическим институтам, регулярные выборы и относительно свободная политическая конкуренция могут привести

к развитию таковых. Развивая своего рода постмодернистскую версию модернизационной теории, колумнист *New York Times* Томас Фридман пошел еще дальше: по его мнению, как только в стране появилось достаточное число ресторанов «Макдональдс», за ними неизбежно последует приход демократии и возникновение необходимых институтов. Из всего этого складывается довольно оптимистическая картинка. За последние 60 лет мир стал свидетелем определенного экономического роста в большинстве стран, причем многие из них имели экстрактивные институты, в большинстве стран также вырос и образовательный уровень рабочей силы. Итак, поскольку доходы населения и уровень его образования продолжают расти, получается, что так или иначе все остальные хорошие вещи – такие как демократия, права человека, гражданские свободы, надежные права собственности – должны автоматически последовать из этого роста.

Модернизационная теория имеет много последователей как в академических кругах, так и за их пределами. К примеру, нынешняя концепция отношений США с Китаем сформирована на основании этой теории. Джордж Буш-старший так охарактеризовал политику США в отношении Китая: «Свободная торговля с Китаем – и время работает на нас!» Идея состояла в том, что свобода торговли Китая с Западом приво-

дит к экономическому росту Китая, а этот рост, в свою очередь, принесет с собой демократию и более инклюзивные политические институты. И тем не менее быстрый рост объемов торговли между США и Китаем начиная с середины 1980-х годов мало способствовал установлению демократии в КНР, и даже более тесная интеграция, которая, судя по всему, последует в ближайшее десятилетие, вряд ли будет иметь большой эффект.

На той же модернизационной теории основывались и многочисленные оптимистические мнения о будущем Ирака после вторжения в эту страну сил коалиции под руководством США. Несмотря на ужасающие экономические показатели этой страны при режиме Саддама Хуссейна, Ирак в 2002 году был не беднее многих стран Черной Африки, а уровень образования его населения был достаточно высок, так что многие верили, что там существует почва для развития демократии и гражданских свобод, а возможно, и для того, что мы называем плюрализмом. Эти надежды рассыпались в прах по мере погружения иракского общества в пучину хаоса и гражданской войны.

Модернизационная теория бесполезна также при попытках понять, как противостоять главной причине неудач многих государств – работе экстрактивных институтов. Главный аргумент в пользу модернизацион-

ной теории состоит в том, что именно в богатых странах и только в них существуют демократические режимы, уважаются гражданские права, развиваются эффективные рынки и в целом инклюзивные экономические институты. Однако при интерпретации этого факта модернизационная теория игнорирует огромное влияние инклюзивности на экономический рост. Как мы показали в этой книге, именно общества, в которых утвердились инклюзивные институты, пережили на протяжении последних трехсот лет экономический рост и именно поэтому они относительно богаты сегодня.

Как соотносится модернизационная теория с реальностью, легко понять, взглянув на факты слегка под другим углом: в то время как те страны, что выстраивали инклюзивные экономические и политические институты в течение последних нескольких веков, добились устойчивого экономического роста, авторитарные режимы (даже с более быстрым экономическим ростом в последние 60 или 100 лет), вопреки Липсету и его теории, более демократичными не стали. И это не должно удивлять. Рост в условиях экстрактивных институтов возможен именно потому, что он не требует автоматически смены этих самых институтов. В действительности этот рост часто возникает потому, что те, кто контролирует экстрактивные

институты, не рассматривают экономический рост как угрозу, а расценивают его как поддержку для своего режима – как это было с Коммунистической партией Китая в 1980-х. И неудивительно, что экономический рост, вызванный скачком цен на естественные ресурсы тех или иных стран (как это было в Габоне, России, Саудовской Аравии или Венесуэле), неспособен привести к фундаментальной трансформации авторитарного режима в демократию.

Исторические факты еще менее благоприятны для модернизационной теории. Множество относительно процветающих стран оказались во власти репрессивных диктатур и экстрактивных институтов. И Германия, и Япония первой половины XX века входили в число самых богатых и наиболее индустриально развитых государств мира, их граждане были сравнительно высоко образованы. Это не спасло ни Германию от растущей популярности Национал-социалистической партии, ни Японию от установления милитаристского режима, нацеленного на военный захват чужих территорий. А оба эти факта, в свою очередь, повлекли разворот экономических и политических институтов этих стран в сторону большей экстрактивности. Аргентина тоже была в XIX столетии одной из богатейших стран мира – такой же богатой, как Британия, а возможно, и богаче. Эта страна сумела извлечь

выгоду из мирового сырьевого бума, и ее население также имело самый высокий уровень образования в Латинской Америке. Однако демократия и плюрализм имели в Аргентине не больше успеха (точнее, даже меньше успеха), чем в большинстве других стран Латинской Америки. Как мы видели в главе 11, один путч в Аргентине следовал за другим и даже демократически избранные лидеры часто начинали вести себя как кровавые диктаторы. А если рассматривать совсем недавние времена, мы также не увидим никакого прогресса и движения в сторону инклюзивных экономических институтов, а наоборот – заметим, как это описано в главе 13, что аргентинские правительства и в XXI веке безнаказанно отбирают собственность у граждан.

Все эти факты иллюстрируют несколько важных идей. Во-первых, экономический рост при авторитаризме и экстрактивных политических институтах в Китае, хотя и будет, видимо, продолжаться еще некоторое время, но не перейдет в устойчивую фазу – как случилось бы, будь он поддержан по-настоящему инклюзивными экономическими институтами и созидательным разрушением.

Во-вторых, вопреки постулатам модернизационной теории, не следует рассчитывать, что авторитарный рост обязательно приведет к демократии. Китай, Рос-

сия и некоторые другие авторитарные режимы, переживающие в настоящий момент определенный экономический рост, через некоторое время упрутся в потолок этого роста и не преодолеют его, пока не трансформируют свои политические институты в более инклюзивном направлении – то есть пока их властные элиты не захотят это сделать или пока не возникнет сильная оппозиция, которая заставит элиты это сделать.

В-третьих, рост в условиях авторитаризма не может быть устойчивым в долгосрочной перспективе, так что международному сообществу не стоит оказывать подобным режимам поддержку, хотя различные страны Латинской Америки, Азии и Черной Африки выбрали для себя именно этот путь потому, что он служит интересам их правителей.

Невозможно сконструировать процветание

В отличие от теории, изложенной в данной книге, «теория невежества» всегда готова дать ответ на вопрос, как разрешить проблему бедности: если все дело в невежестве, значит, дело можно поправить просвещением народа и обучением правителей и политиков, и тогда мы сможем «конструировать» процветание по всему миру – стоит лишь дать политикам правильные советы и убедить их ввести «хорошие» экономические практики. В главе 2, когда мы обсуждали эту гипотезу, мы рассказывали про Кофи Бусиа – премьер-министра Ганы в начале 1970-х годов, судьба которого иллюстрирует неоспоримый факт: главное препятствие на пути реформ, которые снизили бы риски на рынке и подтолкнули экономический рост, – это вовсе не невежество политиков, а то противодействие, которое оказывают реформе политические и экономические институты их собственных стран. Тем не менее теория невежества все еще достаточно популярна в среде западных политиков, которые чрезмерно сконцентрированы на «конструировании процветания».

Такие попытки конструирования предпринимаются

в соответствии с двумя моделями. Первая, которую часто отстаивают международные организации вроде МВФ, подразумевает, что плохое развитие вызвано плохой экономической политикой, и вследствие этого «подопечным» странам предлагается определенный список улучшений («вашингтонский консенсус» как раз представляет собой пример такого списка). Эти улучшения касаются важных вещей, таких как макроэкономическая стабильность и привлекательные (во всяком случае, на первый взгляд) макроэкономические цели вроде сокращения государственного сектора экономики, гибкого валютного курса и либерализации платежного баланса (*capital account liberalization*). Касаются они и еще более серьезных макроэкономических материй – приватизации, повышения эффективности работы общественных служб, а возможно, еще и рекомендаций по улучшению работы самих органов государственного управления с помощью ряда антикоррупционных мер. И хотя сами по себе все эти мероприятия вполне разумны, но подход к ним международных организаций в Вашингтоне, Лондоне, Париже и в других местах до сих пор отличается неверной перспективой, которая мешает понять роль политических институтов и те препятствия, которые они ставят перед теми, кто направляет политику.

Попытки международных институций конструиро-

вать экономический рост, вынуждать бедные страны перенимать лучшие политические практики и лучшие институты, не приводит к успеху, потому что сначала приходится объяснить, почему здешние институты и политика плохи, а объяснение у международных советников только одно – потому что лидеры этих стран невежественны. После этого предложенные политические решения или не принимаются вовсе, или принимаются лишь на словах.

Многие страны по всему миру имитировали подобные реформы лишь в показном порядке, особенно страны Латинской Америки, находившейся в застое в течение всех 1980–1990 годов. На самом деле реформы были навязаны этим странам, при этом никто не озаботился тем, что политические институты там действуют своим чередом. И вот, даже там, где эти реформы были одобрены и их попытались осуществить, их суть была извращена или же политики постарались всяческими способами нейтрализовать их эффект. Все это можно проиллюстрировать на примере того, как «выполнялась» одна из ключевых рекомендаций международных институтов, направленная на достижение макроэкономической стабильности, – независимость центральных банков.

Эта рекомендация либо была принята лишь в теории, но не была реализована на практике, либо ее

эффект был сведен на нет с помощью определенных политических инструментов. Мера эта была принципиально важна. Многие правители тратили больше, чем получали из доходных статей бюджета, а затем заставляли центральный банк покрыть разницу, включив печатный станок. Неизбежно возникающая при этом инфляция создавала нестабильность и неопределенность. Рекомендации международных институций гласили, что независимые центральные банки (такие, например, как германский Бундесбанк) будут сопротивляться политическому давлению и обуздывают инфляцию. Президент Зимбабве Мугабе решил последовать международным рекомендациям, в 1995 году он объявил Центральный банк Зимбабве независимым. До этого показатель инфляции в Зимбабве плавал в районе 20 %, но к 2002 году он достиг 140 %, к 2003-му – почти 600 %, к 2007-му – 66 000 %, а в 2008 году составил 230 000 000 %! Естественно, в стране, где президент выигрывает национальную лотерею (стр. 368–373), никого не удивило, что закон о независимости Центробанка просто фикция. Вероятно, директор Центрального банка Зимбабве прекрасно знал, при каких обстоятельствах его коллега в Сьерра-Леоне «случайно выпал» из окна своего кабинета на верхнем этаже, когда у него возникли разногласия с диктатором Сиаквой Стивенсом (стр. 344).

Пусть вы формально независимы, но выполнять любые требования президента – это всегда разумный выбор, полезный для вашего личного здоровья (хотя и не для здоровья вашей национальной экономики).

Однако не все страны подобны Зимбабве. В Аргентине и Колумбии центробанки тоже стали независимыми в 1990-х годах, и они и в самом деле много сделали для снижения инфляции. Однако поскольку в обеих странах не произошло изменения политической ситуации, политическая элита смогла найти иные пути для покупки голосов, удовлетворения собственных амбиций и вознаграждения себя самих и своих сторонников. Так как деньги они печатать больше не могли, пришлось пойти другим путем. В обеих странах независимость центробанков вызвала огромный рост государственных расходов, широко финансируемых с помощью займов.

Второй подход к конструированию процветания нынче гораздо более популярен. Он признает, что нет простых способов «вытащить» страну от бедности к процветанию за пару недель или даже за несколько десятилетий. Напротив, согласно этой концепции, экономике грозит множество рыночных микрофиаско (*micro-market failures*), которые можно предотвратить дельным советом, а процветание сложится само, если те, кто принимает политические решения, смогут

извлечь выгоду из вновь открывшихся возможностей – что, опять-таки, достигается с помощью и под руководством экономистов и других советников. Рыночные фиаско в бедных странах повсеместны, заявляют приверженцы этого подхода, – к примеру, в системах образования, здравоохранения, общей организации рынка этих стран. Это, без всякого сомнения, верно. Но проблема в том, что эти микрофиаско лишь надводная часть айсберга, лишь симптом глубоко укоренившихся проблем. И политики и бюрократы, которые, как предполагается, будут выполнять добрые советы международных институтов, тоже являются частью проблемы. Многие попытки справиться с их неэффективностью, возможно, провалились именно потому, что эти чиновники совершенно не собираются бороться с институциональными причинами бедности.

Подобные проблемы можно проиллюстрировать на примере попытки неправительственной организации *Seva Mandir* улучшить систему здравоохранения в индийском штате Раджастан. История здравоохранения в Индии – это история укоренившейся неэффективности и постоянных провалов. Государственная система здравоохранения, по крайней мере в теории, общедоступна и дешева, а персонал в целом квалифицирован. Но даже самые бедные индийцы не пользуются

услугами государственного здравоохранения, вместо этого обращаясь к более дорогим, не поддающимся регулированию, а иногда даже некомпетентным частным медикам. Причиной тому вовсе не странная иррациональность индийцев: люди физически не могут получить медицинской помощи в государственных поликлиниках и больницах, поскольку там не только может не оказаться на месте медсестер, но зачастую и само учреждение закрыто без объяснения причин.

В 2006 году *Seva Mandir* в сотрудничестве с группой экономистов разработала систему стимулов, которая должна была побудить медработников округа Удайпур уделять больше времени работе. Идея была проста: *Seva Mandir* вводит регистраторы, отмечающие дату и время, когда медработник присутствовал на работе. Предполагалось, что медицинский персонал будет проставлять время на своих личных картах три раза в день, чтобы удостовериться, что они вовремя пришли на работу, оставались там в течение рабочего дня и вовремя ушли с работы. Если бы эта схема сработала и количество и качество предоставляемой медицинской помощи увеличилось бы, это стало бы прекрасным доводом в пользу того, что существуют простые решения для ключевых проблем развития.

На деле же данная мера имела совсем иные последствия. Сразу после запуска программы был отме-

чен резкий рост посещаемости медперсонала. Однако это продолжалось недолго. Через год с небольшим медицинские работники справились с *Seva Mandir*. Прогулы вернулись к прежнему уровню, кроме того, был отмечен рост числа отгулов – то есть дней, когда сотрудник не был на работе, однако это отсутствие было санкционировано администрацией. Отмечен был и рост «технических проблем» – иными словами, поломок регистраторов. Однако заменить сломанные счетчики *Seva Mandir* не могла, поскольку руководство поликлиник отказывалось с ней сотрудничать.

На первый взгляд, попытка заставить медсестер три раза в день отмечать время присутствия не выглядит особенно новаторской идеей. И действительно, такая практика давно используется на производстве, и даже в той же Индии, и она должна была бы восприниматься администрацией медицинских учреждений как возможное решение их проблем. Так что непохоже, что именно незнание столь простой схемы помешало использовать ее. И то, что происходило во время реализации этой программы, подтверждает наши подозрения. Руководители были в негласном сговоре с персоналом и являлись соучастниками этой «эпидемии прогулов». Они вовсе не хотели заставить медсестер работать или снизить им оплату, если не удастся

заставить их это делать.

Этот эпизод можно рассматривать лишь как слабую тень тех трудностей, которые неизбежно возникают при проведении действительно серьезных изменений в институтах. В упомянутом выше случае реформу похоронили не коррумпированные политики или влиятельные бизнесмены, а всего лишь руководство и персонал местных медицинских учреждений. Это показывает, что легкость преодоления многих рыночных микрофиаско может оказаться иллюзорной: институты, которые, собственно, и порождают эти неудачи, на всех уровнях будут сопротивляться вмешательству. Попытки сконструировать процветание, не затрагивая самого корня проблем – экстрактивных институтов и поддерживающей их политической практики, вряд ли принесут плоды.

Крах международной помощи

После нападения, совершенного «Аль-Каидой» 11 сентября 2001 года, международные силы под эгидой США довольно легко ликвидировали афганский режим талибов, которые укрывали главарей террористической сети и отказывались их выдать. В результате Боннских соглашений, подписанных в декабре 2001 года между лидерами бывших афганских моджахедов и влиятельными членами афганской диаспоры, включая Хамида Карзая, был выдвинут план по установлению в стране демократического правления. Первым шагом стал созыв Национального собрания, лойя-джирги, на котором Карзай был избран лидером правительства переходного периода. Казалось, ситуация в Афганистане начинает нормализоваться, и большинство афганцев желает забыть времена талибана. В международном сообществе преобладало мнение, что все, что теперь необходимо Афганистану, – это масштабная международная помощь. Вскоре в Кабул, столицу страны, прибыли представители Объединенных наций и ведущих мировых неправительственных организаций.

То, чем это кончилось, не должно удивить того, кто наблюдал за неудачами в деле международной помо-

щи бедным странам в последние пять десятилетий. Но удивительно это или нет, в данном случае опять был повторен привычный ритуал. Десятки профессионалов в деле оказания помощи вместе со всей своей свитой прибыли в город на собственных частных самолетах, всяческого рода неправительственные организации начали воплощать в жизнь свои программы, начались переговоры между правительствами и делегациями международных организаций. Миллиарды долларов потекли в Афганистан.

Однако мало что из этих денег было использовано для строительства инфраструктуры, школ или общественных служб, необходимых для построения инклюзивных институтов, или хотя бы на восстановление законности и порядка. Несмотря на то, что бóльшая часть инфраструктуры страны лежала в руинах, первый денежный транш был потрачен на организацию воздушного моста для доставки в Кабул бюрократов из ООН и других международных организаций. Второй самой насущной проблемой оказался недостаток шоферов и переводчиков. Для ее решения было нанято некоторое количество местных англоговорящих чиновников и школьных учителей, чтобы те возили и опекали наших бюрократов, а зарплату им установили во много раз большую, чем в среднем по стране. Так немногие квалифицирован-

ные местные чиновники оказались в роли обслуживающего персонала, а международная помощь начала разрушать афганский госаппарат, который она призвана была выстраивать и укреплять.

Крестьяне в одном удаленном районе центральной долины Афганистана услышали по радио объявление о новой многомиллионной программе по восстановлению домов в их местности. Спустя долгое время транспортная компания, принадлежавшая Исмаилу Хану, бывшему полковому командиру и члену афганского правительства, доставила сюда некоторое количество деревянного бруса. Однако брус был слишком большого размера по масштабам местного жилищного строительства, и крестьяне нашли стройматериалам единственное возможное, на их взгляд, применение – распилили их на дрова. Так что же случилось с миллионами долларов, которые были обещаны крестьянам? Из денег, выделенных на программу строительства, 20 % сразу ушло на оплату расходов головного офиса ООН в Женеве. Остальные деньги были перечислены некой неправительственной организации, которая перевела еще 20 % на покрытие расходов собственного офиса в Брюсселе, и так повторилось еще три раза (то есть на каждом этапе сумма уменьшалась еще на 20 %). Те немногие средства, что все же добрались до Афганистана, по-

шли на закупку леса в Западном Иране и на оплату транспортировки, которую (по чрезвычайно раздутым ценам) взяла на себя компания Исмаила Хана. Странно, что какие-то стройматериалы вообще добрались до деревни.

Это не единичный инцидент. По оценкам многих исследователей, только 10, от силы 20 % международной помощи достигает своей цели. Ведутся десятки расследований о мошенничестве, в которых функционеры ООН и местных органов обвиняются в перекачке на сторону денег, предназначенных для международной помощи. Но основная причина неудач заключается не в мошенничестве, а в некомпетентности. Кроме того, для международных организаций доставка помощи просто бизнес.

При этом афганский опыт по сравнению с другими случаями еще может быть сочтен относительно успешным. За последние 50 лет сотни миллиардов долларов были выданы правительствам разных стран мира в качестве помощи «для развития». Большая часть этой помощи была потрачена на накладные расходы и исчезла в результате коррупции, как и в Афганистане. Еще хуже то, что некоторая ее часть досталась диктаторам вроде Мобуту, который зависел от западной помощи, так как на нее он покупал лояльность своих подчиненных, укреплял соб-

ственную власть и обогащался. Картина в других частях Черной Африки была примерно такой же. Гуманитарная помощь, выдаваемая в качестве временной ссуды на преодоление кризиса (самые недавние примеры – это, скажем, Гаити и Пакистан), явно более эффективна, хотя и ее доставка до адресата сталкивается со схожими проблемами.

Несмотря на подобные неутешительные итоги выделения субсидий «на развитие», международная помощь – это одна из самых популярных политических практик, которую западные правительства, международные организации и различного рода неправительственные организации продвигают как способ противостояния бедности по всему миру. И конечно же, эта практика снова и снова терпит фиаско. Идея, что богатые западные страны должны отчислять из своих бюджетов огромные суммы на «помощь в развитии», чтобы разрешить проблему бедности в Черной Африке, Карибском регионе, Центральной Америке или Южной Азии, базируется на неправильном понимании причин бедности. Такие страны, как Афганистан, бедны из-за своих экстрактивных институтов – отсутствия гарантий прав собственности, дефицита законности и порядка, плохо работающей правоохранительной системы и удушающего влияния национальной (а в еще большей степени местной) элиты на политическую и

экономическую жизнь.

Повторное возникновение одних и тех же институциональных проблем означает, что международная помощь и впредь будет неэффективной: она будет расхищена и вряд ли достигнет тех, кому предназначена. При наихудшем сценарии она станет поддержкой для тех самых режимов, в которых и коренятся все проблемы данного общества. Поскольку устойчивый экономический рост может быть основан лишь на инклюзивных институтах, то поддержка экстрактивного режима никак не улучшит ситуацию. При этом значительная часть средств все же тратится по назначению: на специальные программы постройки школ в тех местах, где школ никогда не было, и на зарплаты учителям, которые в ином случае остались бы без средств к существованию. Хотя бóльшая часть помощи, осев в Кабуле, мало чем улучшила жизнь рядовых афганцев, однако были и заметные успехи в организации школ, особенно для девочек, которым при режиме талибов, да и ранее, образование было совершенно недоступно.

Единственным решением тут может быть организация помощи не на безусловной, а на «условной» основе. Согласно этой схеме, длительная международная помощь должна зависеть от того, выполнит ли правительство-реципиент ряд условий – к примеру,

оно должно предварительно либерализовать рынки или начать демократизацию. Администрация Джорджа Буша-младшего сделала серьезный шаг по направлению к условной помощи, запустив программу «Учет вызовов тысячелетия» (*Millennium Challenge Accounts*), которая поставила будущую помощь в зависимость от количественных показателей улучшений в некоторых сферах экономической и политической жизни стран-реципиентов. Но эффективность этой условной помощи, как выяснилось, оказалась не выше, чем безусловной. Те государства, которым не удалось выполнить условия доноров, по большей части получили помощь в том же объеме, как и выполнившие их. Причина приводилась простая: эти страны в большей степени нуждаются в помощи, как в помощи на развитие, так и в гуманитарной. И, как можно было предсказать, условная помощь не оказала видимого эффекта на государственные институты.

В конце концов, было бы весьма удивительно, если бы кто-нибудь вроде Сиаки Стивенса из Сьерра-Леоне или Мобуту из Заира вдруг стал разрушать те самые экстрактивные институты, на которых основано его благополучие, ради небольшой дополнительной порции международной помощи. Даже в Черной Африке, где подобная помощь составляет значительную часть бюджета некоторых государств, и даже после

введения программы «Учета вызовов тысячелетия», где реципиент должен был соблюсти ряд дополнительных условий, эта помощь сравнительно незначительна и не стоит того, чтобы вести подкоп под собственную власть и подвергать риску и собственное владычество, и, возможно, саму жизнь.

Но все это не означает, что от любой международной помощи, кроме гуманитарной, следует отказаться. Прекращение международной помощи приведет к еще большим человеческим страданиям, и это прекращение невозможно, потому что граждане многих западных государств испытывают комплекс вины из-за экономических и гуманитарных катастроф в разных странах мира, а оказание международной помощи позволяет им верить, что для решения этих проблем что-то делается. Даже если что-то работает не слишком эффективно, они все равно считают, что это лучше, чем ничего. Огромный комплекс международных учреждений и неправительственных организаций тоже постоянно требует и получает средства. Так что было бы бессердечным отнять помощь у наиболее нуждающихся стран. Да, большая часть ее будет разворована и потрачена впустую. Но если из каждого доллара международной помощи хотя бы десять центов дойдет до самых бедных людей мира, то у них станет на десять центов больше, чем было раньше, а это

лучше, чем ничего.

Из всего этого можно извлечь два важных урока. Во-первых, иностранная помощь – не слишком эффективное средство против краха государств, который сегодня происходит в разных регионах мира. Точнее говоря, совсем неэффективное. Чтобы сломать порочный круг бедности, странам нужны инклюзивные институты. Международная помощь обычно мало чем помогает в этом деле, а уж в ее сегодняшнем виде особенно. Знание причин мирового неравенства и бедности важно как раз затем, чтобы не обольщаться ложными надеждами. Так как эти причины заключаются в качестве институтов, любая иностранная помощь в рамках действующих институтов стран-реципиентов вряд ли обеспечит устойчивый экономический рост.

Во-вторых, поскольку ключевым фактором тут является развитие инклюзивных экономических и политических институтов, направление существующих потоков международной помощи по крайней мере частично на такое развитие могло бы принести пользу. Как мы видели, обставлять такую помощь условиями – это недостаточное решение, так как тут требуется, чтобы действующие правители чем-то поступились. А вот организация этой помощи таким образом, чтобы она помогла получить доступ к процессу принятия

политических решений для тех групп и лидеров, которые ранее не были допущены к этому процессу, а также для широких масс населения, возможно, имела бы большой смысл.

Расширение прав

Рабочий день 12 мая 1978 года на заводе по производству грузовиков «Скания» в бразильском городе Сан-Бернарду, казалось, начинался совершенно обычно. Однако рабочие волновались. Забастовки в Бразилии были под запретом с 1964 года, когда демократическое правительство президента Жуана Гуларта было свергнуто в ходе военного переворота. Однако только что до рабочих дошли новости о том, что правительство заморозило показатели инфляции, чтобы скрыть рост стоимости жизни. В семь утра должна была начаться новая смена, однако рабочие отложили инструменты. В восемь часов Жильсон Менезеш, заводской профсоюзный активист, собрал заседание профсоюза. Председателем Союза рабочих металлургической промышленности Сан-Бернарду был Луиш Инасио Лула да Сильва (или просто «Лула»). К полудню Лула был на фабрике. Когда руководство компании предложило ему убедить рабочих вернуться к работе, он отказался.

Стачка на заводе «Скания» была предвестником волны забастовок, захлестнувшей Бразилию. Первым пунктом требований стояло повышение зарплаты, но Лула позже подчеркивал:

«Я думаю, мы не должны разделять экономический и политический аспекты... Борьба велась за зарплаты, но в ходе этой борьбы рабочий класс одержал политическую победу».

Подъем бразильского рабочего движения был только частью гораздо более широкой общественной реакции на 14 лет военного правления. Интеллектуал левого толка Фернандо Энрике Кардозо, собиравшийся, как и Лула, после восстановления демократии в Бразилии претендовать на пост президента страны, заметил еще в 1973 году, что демократия в Бразилии может быть установлена лишь тогда, когда различные социальные группы, находящиеся в оппозиции военному режиму, выступят единым фронтом:

«Самая насущная необходимость – это возрождение активности гражданского общества... профессиональных ассоциаций, профсоюзов, церкви, студенческих организаций, кружков и дискуссионных клубов, общественных движений – иными словами, создание широкой коалиции, направленной на восстановление демократии и изменение нашего общества».

Завод «Скания» стал авангардом нарождающейся коалиции. К концу 1978 года Лулу захватила идея создать новую политическую организацию, Рабочую партию. Однако она не должна была быть партией

исключительно профсоюзов. Лула настаивал на том, что это будет партия всех наемных работников – и всех бедняков в целом. Попытки профсоюзных лидеров организовать политическую платформу совпали с началом подъема многих общественных движений. Восемнадцатого августа 1979 году в Сан-Паулу состоялся митинг, на котором предстояло обсудить вопрос организации Рабочей партии. На митинге присутствовали оппозиционные политики, профсоюзные лидеры, студенты, интеллигенция, представители сотни различных общественных движений, возникавших в 1970-х годах по всей Бразилии. Рабочая партия, рождение которой было провозглашено в октябре 1979 года в ресторане «Сан-Жудаш-Тадео» в городе Сан-Бернарду, должна была представлять все эти разнообразные группы.

Партия быстро воспользовалась некоторой политической открытостью, которую нехотя допустило военное правительство. На местных выборах 1982 года она в первый раз выдвинула своих кандидатов и в двух округах победила в борьбе за место мэра. В течение 1980-х годов, когда в Бразилии стала постепенно восстанавливаться демократия, Рабочая партия добивалась все большего контроля над местными администрациями. К 1988 году она контролировала 36 муниципалитетов, включая такие крупные горо-

да, как Сан-Паулу и Порту-Аллегри. На первых со времени военного переворота свободных президентских выборах в 1989 году Лула в качестве кандидата от Рабочей партии получил 16 % голосов в первом туре. Во втором туре, где его соперником был Фернанду Коллор, он набрал 44 % голосов.

В ходе борьбы за местные органы управления, которая еще усилилась в 1990-е годы, Рабочая партия вступала в символические союзы с местными общественными движениями. В Порту-Аллегри первая администрация от Рабочей партии после 1988 года запустила программу «Участие в бюджете» – механизм вовлечения рядовых граждан в решение вопросов о приоритетах в расходных статьях городского бюджета. В результате возникла система, ставшая впоследствии моделью для местных правительств по всему миру, и эта система сильно улучшила качество общественных услуг и качество жизни в городе. Управленческая эффективность партии на местах привела к большей политической мобилизации и успеху уже на национальном уровне. Хотя Лула и проиграл Кардозо на президентских выборах 1994 и 1998 годов, в 2002 году он все-таки стал президентом Бразилии. С тех пор у власти в этой стране стоит Рабочая партия.

Формирование широкой коалиции в Бразилии в результате консолидации различных общественных

движений и профсоюзных организаций оказало серьезное позитивное влияние на бразильскую экономику. Экономический рост в стране начиная с 1990 года был быстрым, доля бедных к 2006 году упала с 45 до 30 %. Экономическое неравенство, которое во время военного режима стремительно росло, значительно снизилось практически после прихода к власти Рабочей партии, а система образования значительно расширилась – если в 1995 году на душу населения приходилось в среднем шесть лет учебы, то в 2006-м – уже восемь. Теперь Бразилия входит в число стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) и стала первой латиноамериканской страной, завоевавшей серьезный вес в международной дипломатии.

Рост Бразилии, начавшийся в 1970-х годах, не был результатом программ, разработанных экономистами, или инструкций, которые бразильские политики получали бы от международных институтов и в которых говорилось бы, какую политику лучше проводить и как избегать финансовых крахов. Этот рост был достигнут и не с помощью вливаний иностранной помощи. Он не был естественным следствием модернизации, плодом совместной работы различных групп населения, желавших построить инклюзивные политические институты. А последние в конечном итоге спо-

способствовали возникновению более инклюзивных экономических институтов. Но началась трансформация Бразилии (как в свое время и Англии XVII века) именно с создания инклюзивных политических институтов. Как же может общество их построить?

Как мы видели, история знает множество примеров реформаторских движений, которые попали под действие «железного закона олигархии» и окончились сменой одних экстрактивных институтов на другие, часто еще более губительные. Мы видели, что в Англии 1688 года, во Франции в 1789-м и в Японии эпохи Реставрации Мейдзи процесс создания инклюзивных политических институтов начался с политической революции. Но подобная революция обычно несет с собой разрушение и страдания, а исход ее непредсказуем. Большевистская революция провозглашала, что стремится заменить эксплуататорскую экономическую систему Российской империи более справедливой и эффективной и это принесет свободу и процветание миллионам русских людей. Однако результат оказался прямо противоположным, и разрушенные большевиками институты были заменены куда более репрессивными и экстрактивными. Опыт Китая, Кубы и Вьетнама был схожим. Да и многие некоммунистические, однако насаждаемые сверху реформы окончились не лучше. Насер поклялся построить в

Египте современное эгалитарное общество, а кончилось все, как мы видели в главе 13, коррумпированным режимом Хосни Мубарака, Роберт Мугабе казался многим борцом за свободу, смело бросившим вызов расистскому и экстрактивному режиму Яна Смита в Родезии. Но институты Зимбабве не стали менее экстрактивными, а экономические показатели страны ухудшились даже по сравнению с колониальным периодом.

Что общего между политическими революциями, которые действительно открыли путь более инклюзивным институтам и постепенному институциональному развитию в Северной Америке, в Англии XIX века и в Ботсване после обретения независимости (и которые привели к значительному усилению инклюзивных политических институтов)? То, что в ходе этих реформ политические права получили действительно широкие слои населения. Плюрализм, краеугольный камень инклюзивных политических институтов, требует, чтобы доступ к политической власти была открыт для широких слоев общества, следовательно, когда исходным пунктом служат экстрактивные институты, допускающие к власти лишь узкую элитарную группу, это означает, что начинать необходимо с распределения власти в обществе. Как мы подчеркивали в главе 7, именно этот подход отличал Славную

революцию от простой замены одной элиты на другую. Корни английского плюрализма можно усмотреть в том, что свержение Якова II состоялось в результате действий широкой коалиции купцов, промышленников, мелкого дворянства, и даже многие представители английской аристократии не захотели оказаться на стороне короны. Уже до Славной революции началась мобилизация широкой коалиции и завоевание последней все больших политических прав для себя и, что еще важнее, для еще более обширных слоев общества – хотя, естественно, это все равно была малая часть общества, и Англия была далека от подлинной демократии в течение еще двухсот лет. Те факторы, что привели к появлению инклюзивных институтов в североамериканских колониях, схожи с описанными выше, как мы видели в главе 1. Повторим, что путь развития, по которому пошли Вирджиния, Каролина, Мэриленд и Массачусетс и который в конце концов привел к Декларации независимости и образованию инклюзивных политических институтов в США, также заключался в последовательном наделении политическими правами все более широких кругов общества.

Французская революция тоже демонстрирует нам процесс расширения политических прав: начавшись как протест против «старого порядка», она заложи-

ла основы более плюралистической политической системы. Но, с другой стороны, пример Французской революции (особенно период якобинского террора) показывает нам, что на пути процесса расширения прав тоже есть свои подводные камни. Как бы то ни было, Робеспьер и якобинцы в конце концов были сметены, и самым важным наследием Французской революции оказалась не гильотина, а реформы, оказавшие долговременное влияние на Францию и другие части Европы.

Можно увидеть много параллелей между этими двумя историческими процессами и тем, что начался в Бразилии с конца 1970-х годов. Хотя одной из основ Рабочей партии с самого начала было профсоюзное движение, однако такие лидеры, как Лула, стремились создать на его основе широкую коалицию. Эти стремления отвечали желаниям местных общественных движений по всей стране, и так партия стала получать большинство в местных органах власти, расширять гражданское участие в управлении и, в конечном счете, произвела что-то вроде революции в управлении на национальном уровне. В Бразилии, в отличие от Англии XVII века и Франции конца XVIII века, не случилось радикальной революции, в ходе которой политические институты претерпели бы жестокую в своей стремительности трансформацию. Од-

нако процесс распространения прав, начавшийся на фабрике в городе Сан-Бернарду, был так эффективен отчасти потому, что он совпал с фундаментальными политическими изменениями на национальном уровне – переходом от военного правления к выборной демократии. Переход же к демократии означал движение в сторону инклюзивных политических институтов: так появилось правительство, заинтересованное в предоставлении общественных услуг, расширении сферы образования и действительно равном политическом игровом поле.

Как мы уже видели, демократия еще не гарантирует плюрализма. Контраст между развитием плюралистических институтов в Бразилии и опытом Венесуэлы здесь очень показателен. Венесуэла тоже перешла к демократическому правлению в 1958 году, но это не сопровождалось расширением прав на местном уровне и не привело к распределению политической власти. Напротив, в Венесуэле расцвела политическая коррупция, nepotизм и повсеместные конфликты. В результате избиратели, пришедшие на участки, часто отдавали свои голоса потенциальным диктаторам-популистам вроде Уго Чавеса, уверенные, что лишь он один сможет противостоять традиционной элите страны. Вследствие этого Венесуэла до сих пор живет в условиях экстрактивных институтах, а Брази-

лия вырвалась из порочного круга.

Что нужно сделать, чтобы запустить процесс расширения прав, а значит, развития инклюзивных политических институтов? Честный ответ должен быть таким: подобного рецепта не существует. Естественно, имеются несколько очевидных факторов, при которых повышается вероятность того, что процесс расширения прав начнется. К ним относится наличие определенного уровня централизации государственной власти (чтобы успех общественных движений, бросивших вызов существующему режиму, не привел к немедленной анархии); наличие укоренившихся политических институтов, обеспечивающих определенную степень плюрализма (таких как традиционные политические структуры Ботсваны); наличие институтов гражданского общества, которые могли бы координировать протестные действия населения (чтобы оппозиционное движение не было легко подавлено и власть не перешла бы просто к другой группе элиты).

Однако наличие или отсутствие этих факторов исторически предопределено, и эта ситуация может меняться только очень медленно. Случай Бразилии показывает, как институты гражданского общества и ассоциированные с ними партийные организации могут быть выстроены «с нуля», однако это процесс медленный, и всегда не очень понятно, насколько успеш-

ным будет этот процесс в конкретных обстоятельствах той или иной страны.

Еще одно действующее лицо (точнее, группа действующих лиц) может сыграть ключевую роль в процессе расширения прав – это средства массовой информации. Процесс наделения правами широких слоев общества сложно координировать и поддерживать без распространения информации об экономических или политических злоупотреблениях тех, кто находится у власти. В главе 11 мы видели, какую роль играют СМИ в информировании населения и координации его требований при противодействии силам, подрывающим инклюзивные институты в США. СМИ могут также играть ключевую роль в побуждении широких слоев общества к политическим реформам, как мы показывали в той же главе 11, в частности в контексте британской демократизации.

Памфлеты и книги, информирующие и мобилизующие людей, сыграли важную роль в Славной революции в Англии, во Французской революции и в движении к демократии в Британии XIX века. Точно так же средства массовой коммуникации, особенно новые их формы, пришедшие вместе с новыми технологиями, такие как интернет-блоги, чаты, «Фейсбук» и «Твиттер», имели решающее значение для консолидации иранской оппозиции в ходе протестов против

фальсификации результатов выборов 2009 года (и последовавших затем репрессий). Эти же инструменты информации, видимо, сыграли центральную роль в протестах «арабской весны», продолжавшихся на момент завершения нами этой книги.

Авторитарные режимы часто недовольны работой средств массовой информации и коммуникации и делают все, чтобы подавить их. Крайне показательный пример – правление перуанского президента Альберто Фухимори. Хотя изначально Фухимори был избран на свой пост демократическим путем, в 1992 году он совершил переворот и установил в Перу диктатуру. Хотя выборы проводились и после этого, коррумпированный режим Фухимори управлял страной с помощью репрессий и подкупа. В этом он всецело полагался на свою «правую руку» – Владимиром Монтесиноса, руководителя могущественной разведки Перу. Монтесинос был очень пунктуальным человеком: он всегда был в курсе того, сколько и кому Фухимори заплатил за лояльность, а иногда даже снимал процедуру подкупа скрытой камерой. В этом была своя логика. Кроме собственно потребностей бухгалтерского учета, подобные записи давали гарантию, что сговор документально зафиксирован и сообщники так же «замазаны», как сам Фухимори и Монтесинос. После падения режима эти записи попали в руки журналистов

и властей. Фигурирующие там суммы показывают, насколько важен для диктатуры контроль над средствами массовой информации. Судьи верховного суда получали от 5000 до 10 000 долларов США в месяц, примерно столько же выделялось политикам из различных партий. Но когда речь заходила о газетах или телевизионных каналах, счет шел на миллионы. Фухимори и Монтесинос заплатили в одном случае девять миллионов, а в другом – десять миллионов долларов за контроль над телеканалами. За одну из важнейших газет они отдали миллион, а также платили от 3000 до 8000 долларов за «нужные» статьи. Фухимори и Монтесинос считали, что контроль над СМИ гораздо важнее, чем контроль над политиками и судьями. Один из приверженцев Монтесиноса генерал Белло в одной из видеозаписей формулирует так: «Если мы не контролируем телевидение, мы вообще ничего не контролируем».

Нынешние экстрактивные институты Китая так же сильно зависят от контроля китайских властей над СМИ, как мы уже видели – чрезвычайно изоциренного. Как отметил один китайский комментатор,

«чтобы сохранить ведущую роль Партии в процессе политической реформы, необходимо следовать трем принципам: партийный контроль над вооруженными силами, партийный контроль

над кадровой политикой и партийный контроль над новостями».

Однако, конечно, свободные СМИ и новые коммуникационные технологии могут помочь только частично, предоставляя информацию и координируя требования и действия тех, кто стремится к построению более инклюзивных институтов. Эта помощь приведет к значительным переменам только тогда, когда широкие слои общества мобилизуются и организуются, чтобы добиться политических перемен, и сделают это не из узких эгоистических и корпоративных интересов, а ради разворота общества в сторону большей инклюзивности. Начнется ли этот процесс в бедных странах? Откроет ли он дорогу к широкому распределению политических прав в обществе? Это будет, как мы уже видели на множестве примеров, зависеть от множества мелких, однако имеющих самое серьезное значение особенностей и от непредсказуемых поворотов хода истории.

Благодарности

Эта книга представляет собой плод пятнадцати лет совместных исследований, и за это время мы много кому были обязаны в практическом и интеллектуальном плане. Прежде всего, мы должны поблагодарить Саймона Джонсона, нашего давнего соратника, который был соавтором многих научных статей, сформировавших наше понимание сравнительной экономики развития.

Другие наши соавторы, с которыми мы работали над близкими исследовательскими проектами, также сыграли значительную роль в развитии наших взглядов, и мы особенно хотели бы поблагодарить Филиппа Агиона, Жан-Мари Балан, Марию Анжелику Баутисту, Давида Кантони, Исайю Чавеса, Джонатана Коннинга, Мелиссу Делл, Георгия Егорова, Леопольдо Фергюссона, Камило Гарсиа-Химено, Тарека Хасана, Себастьяна Мазукку, Джеффри Нугена, Нейла Парсонса, Стива Пинкуса, Пабло Керубина, Рафаеля Сантоса, Константина Сони́на, Давида Тикки, Рагнара Торвика, Хуана Фернандо Варгаса, Андреа Виндиньи, Алекса Волицки, Пьера Яреда и Фабрицио Дзибилотти.

Много других людей оказали нам помощь, подблад-

ривая или критикуя нас на протяжении этих лет. Мы особенно благодарны Ли Алстону, Абхиджиту Банерье, Роберту Бейтсу, Тимоти Бесли, Джону Коутсворту, Джареду Даймонду, Ричарду Истерлину, Стенли Энгерману, Петеру Эвансу, Джеффу Фридену, Петеру Гуревичу, Стефену Хаберу, Марку Харрисону, Элханану Хелпману, Петеру Линдерту, Карлу Ов Мёне, Дени Родрику и Барри Вейнгасту.

Два человека сыграли особенно важную роль в формировании наших взглядов и вдохновили нас на это исследование, и мы рады использовать эту возможность, чтобы выразить им нашу искреннюю благодарность: это Джоэл Мокир и Кен Соколофф, к сожалению, ушедшие навсегда до того, как эта книга увидела свет. Мы оба тяжело восприняли уход Кена.

Мы также очень благодарны тем ученым, которые присутствовали на организованной нами в феврале 2010 г. конференции по ранней версии рукописи нашей книги в Институте количественных социальных исследований в Гарварде. Мы отдельно хотели бы поблагодарить наших коллег-организаторов: Джима Альта и Кена Шепсли, а также участвовавших в дискуссиях Роберта Аллена, Абхиджита Банерье, Роберта Бейтса, Стенли Энгермана, Клаудию Голдин, Элханана Хелпмана, Джоела Мокира, Яна Морриса, Севкета Памука, Стива Пинкуса и Петера Темина. Мы

также благодарны Мелиссе Делл, Хезусу Фернандес Виллаверде, Сандору Ласло, Сурешу Наиду, Роджеру Оуэну, Дэну Трефлеру, Майклу Уолтону и Ноаму Яхтмену, которые не поскупились на обширные отзывы в ходе конференции и в других случаях.

Мы благодарны и Чарльзу Манну, Леандро Прадосу де ла Эскосура и Дэвиду Вебстеру за их квалифицированные советы.

На протяжении почти всего процесса исследования и написания этой книги мы оба были членами Программы Канадского института перспективных исследований (КИПИ) по исследованию институтов, организаций и экономического роста. Неоднократно мы выносили результаты исследований, связанных с этой книгой, на конференции КИПИ и извлекли много пользы из поддержки этой замечательной организации и ученых, с которыми она нас свела.

Мы также получали отзывы от буквально сотен людей на разных семинарах и конференциях по материалам этой книги, и мы просим прощения за то, что не можем выразить поименной благодарности всем, кто подавал нам хорошие советы или идеи в ходе этих презентаций и дискуссий. Мы также благодарны Марии Анхелике Баутисте, Мелиссе Делл и Леандеру Хелдрингу за их неоценимую помощь в исследованиях по нашему проекту.

И последнее, но не менее важное из того, что мы хотим сказать: мы были счастливы сотрудничать с замечательным, проникательным и в высшей степени заботливым издателем Джоном Махани. Отзывы и советы Джона необыкновенно улучшили нашу книгу, а его поддержка и энтузиазм в отношении проекта сделали последние полтора года работы над ним гораздо более приятными и менее напряженными, чем это могло бы быть.

Библиография и источники

Предисловие

Со взглядами Мохаммеда эль-Барадеи можно познакомиться в «Твиттере» по адресу: twitter.com/#!/EIBaradei.

Цитаты Мосааба эль-Шами и Нохи Хамед взяты из новостной ленты Yahoo! за 6 февраля 2011 года, по адресу: news.yahoo.com/s/yblog_exclusive/20110206/ts_yblog_exclusive/egyptian-voices-from-tahrir-square.

Информацию о двенадцати немедленных требованиях, опубликованных в блоге Ваеля Халиля, можно найти по адресу: alethonews.wordpress.com/2011/02/27/egypt-reviewing-the-demands/.

Цитата Реды Метвали взята с сайта канала «Аль-Джазира» (1 февраля 2011 года), english.aljazeera.net/news/middleeast/2011/02/2011212597913527.html.

Глава 1. Так близко – и так по-разному

Отличное описание исследования испанцами Рио-де-ла-Плата приведено в работе Rock (1992), глава 1. Вопросы открытия и колонизации гуарани описаны в работе Ganson (2003). Цитаты де Саагуна взяты из de Sahagun (1975), стр. 47–49. Работу Gibson (1963) можно считать фундаментальным источником по вопросам завоевания испанцами Мексики и созданных ими институтов. Цитаты лас Касаса взяты из las Casas (1992), стр. 39, 117–118 и 107 соответственно.

Деятельность Писарро в Перу описывается в работе Hemming (1983). В главах 1–6 рассказывается о встрече в городе Кахамарка, путешествии на юг и захвате столицы инков Куско.

О деятельности де Толедо можно прочитать в работе Hemming (1983), глава 20. Bakewell (1984) описывает работу *миты* Потоси, а Dell (2010) приводит статистическое свидетельство того, какой эффект эта деятельность оказала со временем.

Цитата Артура Юнга воспроизводится по Young (1973), стр. 8.

Известно немало хороших книг, описывающих раннюю историю Джеймстауна, к примеру Price (2003) и

Kupperman (2007). Огромное влияние на наше исследование оказали работы Morgan (1975) и Galenson (1996). Слова Анаса Тодкила взяты со стр. 38 Todkill (1885). Цитаты Джона Смита взяты из Price (2003), стр. 77, 93 и 96. Хартия Мэриленда, Конституция Каролины и другие колониальные конституции были выложены в Интернете в рамках проекта «Авалон» Йельского университета, по адресу: avalon.law.yale.edu/17th_century.

В главе 14 работы Bakewell (2009) обсуждаются вопросы независимости Мексики и ее конституции. В работах Stevens (1991) и Knight (2011) рассмотрены вопросы политической нестабильности после независимости и деятельности президентов страны. Значительная работа, описывающая экономическое ослабление Мексики после обретения независимости, была создана Coatsworth (1978). Haber (2010) сравнивает развитие банков в Мексике и Соединенных Штатах. Sokoloff (1988) и Sokoloff and Khan (1990) приводят портреты новаторов в США, подавших патенты на свои изобретения. Биографию Томаса Эдисона можно найти в работе Israel (2000). В работе Haber, Maurer, and Razo (2003) предлагается точка зрения на вопросы политической экономики режима Порфирио Диаса в духе нашего обсуждения.

Haber, Klein, Maurer, and Middlebrook (2008) приво-

дят детальное описание вопросов политической экономики в Мексике в XX веке. Вопрос распределения земель на фронтире в Северной и Латинской Америке рассматривается в работах Nugent and Robinson (2010) и Garcia-Jimeno and Robinson (2011). В работе HuDeHart (1984), глава 6, обсуждается вопрос депортации племени яки. О состоянии Карлоса Слива и его источниках рассказывается в работах Relea (2007) и Martinez (2002).

Наша интерпретация сравнительного экономического развития в Америке основана на нашем раннем исследовании, проведенном вместе с Саймоном Джонсоном, в частности Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001, 2002). Также на нее оказали значительное влияние работы Coatsworth (1978, 2008) и Engerman and Sokoloff (1997).

Глава 2. Теории, которые не работают

Взгляды Джареда Даймонда на вопросы неравенства в мире приведены в его книге «Ружья, микробы и сталь» (1997). Sachs (2006) предлагает собственную версию географического детерминизма. Различные мнения по вопросу культуры широко распространены в научной литературе, однако никогда прежде не были сведены воедино в одном труде. По мнению Weber (2002), причины промышленной революции в Европе связаны с протестантской Реформацией. Landes (1999) предположил, что северные европейцы развили уникальный набор культурных особенностей, заставивший их упорно работать, экономить и заниматься инновациями. В работе под редакцией Harrison and Huntington (2000) заявляется о важности культуры для сравнительного экономического развития. Мнение о наличии особенной британской культуры или идеальных британских институтов распространено достаточно широко и используется как для объяснения уникальности ситуации в США (Fisher, 1989), так и для более широкого объяснения вопросов сравнительного развития (La Porta, Lopez-de-Silanes, and Shleifer, 2008).

Работы Banfield (1958) и Putnam, Leonardi, and Nanetti (1994) содержат крайне убедительное объяснение того, как один аспект культуры («социального капитала», как его называют авторы) привел к бедности на юге Италии. Описание того, как экономисты используют определение культуры, приведено в работе Guiso, Sapienza, and Zingales (2006). Tabellini (2010) изучает корреляцию между степенью взаимного доверия в Западной Европе и уровнями дохода на душу населения. Nunn and Wantchekon (2010) демонстрируют связь между отсутствием доверия и социального капитала в Африке и исторической интенсивностью работорговли.

Вполне точная история Конго описана в работах Hilton (1985) и Thornton (1983). Теме исторической отсталости африканских технологий посвящены работы Goody (1971), Law (1980) и Austen and Headrick (1983).

Предложенное Роббинсом определение экономики взято из Robbins (1935), стр. 16.

Цитата Аббы Лернера взята из Lerner (1972), стр. 259. Идея того, что уровень невежества может объяснять степень сравнительного развития, упоминается во многих попытках анализа экономического развития и политической реформы – к примеру, Williamson (1990); Perkins, Radelet, and Lindauer (2006) и Aghion and Howitt (2009). Не так давно эта точка зрения по-

лучила мощное подкрепление в работе Banerjee and Duflo (2011).

В работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001, 2002) приводится статистический анализ сравнительной роли институтов, географии и культуры, демонстрирующий, что именно наличие институтов (а не другие типы объяснений) позволяют точнее всего объяснить нынешние различия в доходах на душу населения.

Глава 3. Как возникают богатство и бедность

Диалог между Хван Пьонг-Воном и его братом взят из интервью Хвана, взятого Джеймсом А. Фоули и приведенного в работе Foley (2003), стр. 197–203.

Понятие экстрактивных институтов взято из работы Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001). Терминология инклюзивных институтов была предложена нам Тимом Бесли. Терминология выигрывающих и проигрывающих экономических субъектов и описание их отличия от проигрывающих политических субъектов взяты из работы Acemoglu and Robinson (2000b). Данные о Барбадосе взяты из Dunn (1969). Наше описание советской экономики базируется на работах Nove (1992) и Davies (1998).

Allen (2003) приводит альтернативную и более позитивную интерпретацию советской экономической истории.

В литературе на тему социальных наук описывается множество исследований, связанных с нашей теорией и аргументацией. В работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2005b) описан проведенный нами обзор литературы и наш вклад в него. Институциональная точка зрения на сравнительное развитие основа-

на на идеях нескольких масштабных трудов. Особого внимания заслуживает работа North; см. North and Thomas (1973), North (1982), North and Weingast (1989) и North, Wallis, and Weingast (2009). Olson (1984) дал крайне интересное описание влияния политической экономии на экономический рост. Книга Mokyr (1990) представляет собой фундаментальный труд, связывающий экономических неудачников со сравнительными технологическими изменениями в мировой истории.

Понятие проигравших в экономическом плане субъектов широко распространено в социальных науках и объясняет, почему те или иные институциональные и политические исходы не возникают в реальности. Наша интерпретация, основанная на работах Robinson (1998) и Acemoglu and Robinson (2000b, 2006b), несколько отличается – мы считаем, что самым важным барьером для возникновения инклюзивных институтов является страх утратить политическую власть у элит. В работе Jones (2003) приводится множество сравнительных примеров по этой тематике, а в фундаментальном труде Engerman and Sokoloff (1997) на тему развития Америки эти идеи получили значительное развитие.

Важный вопрос интерпретации недостаточного развития в Африке с точки зрения политической эконо-

мии был детально изучен Bates (1981, 1983, 1989), работа которого оказала на нас огромное влияние. В важных работах Dalton (1965) и Killick (1978) много говорится о роли политики в африканском развитии, и в частности о том, как страх потери политической власти влияет на экономическую политику. Определение проигравших политических субъектов давалось ранее в других теоретических работах по политической экономии, к примеру Besley and Coate (1998), а также Bourguignon and Verdier (2000). Вопросы роли политической централизации и влияния государственных институтов в развитии активно обсуждались историками социологии, находящимися под влиянием работ Макса Вебера. Особенно примечательными являются работы Mann (1986, 1993), Migdal (1988) и Evans (1995). Вопрос связи между государством и развитием в Африке особенно подчеркивается в работах Herbst (2000) и Bates (2001). Не так давно свой вклад в изучение этого вопроса начали вносить и экономисты, к примеру Acemoglu (2005) и Besley and Persson (2011). Наконец, в работах Johnson (1982), Haggard (1990), Wade (1990) и Amsden (1992) подчеркивается, каким образом особенности политической экономии стран Восточной Азии позволили им стать настолько успешными в экономическом смысле. Finley (1965) отмечает, что именно рабство было причиной

отсутствия технологического динамизма в классическом мире.

Идея о том, что рост в условиях деятельности экстрактивных институтов возможен, однако способен выдохнуться, подчеркивается в работе Acemoglu (2008).

Глава 4. Груз истории: небольшие отличия и точки перелома

Работа Benedictow (2004) содержит довольно детальное описание «черной смерти», хотя к его оценкам количества людей, погибших из-за чумы, можно относиться по-разному.

Слова Бокаччо и Ральфа Шрусберийского воспроизводятся по Horrox (1994). В работе Hatcher (2008) приведен убедительный рассказ об ожидании и прибытии чумы в Англию. Благодаря работе проекта «Авалон» с текстом Статута о рабочих (на английском языке) можно ознакомиться в Сети по адресу: avalon.law.yale.edu/medieval/statlab.asp.

Влияние «черной смерти» на возникновение различий между Восточной и Западной Европой описывается в фундаментальных трудах North and Thomas (1973) и в особенности Brenner (1976). На наши мысли по этому вопросу оказал огромное влияние проведенный ими анализ того, как изначальное распределение политической власти повлияло на последствия чумы. Вопрос «второго издания» крепостничества в Восточной Европе рассматривается в работе DuPlessis (1997). Conning (2010) и Acemoglu and Wolitzky (2011) формализовали идеи Бреннера. Ци-

тата Джеймса Уатта воспроизводится по Robinson (1964), стр. 223–224.

В работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2005a) мы впервые представили точку зрения о том, что именно взаимодействия между атлантической торговлей и изначальными институциональными различиями привели к появлению отличий у английских институтов и, в конце концов, к промышленной революции. Понятие «железного закона олигархии» взято у Michels (1962). Понятие переломного момента было впервые предложено в работе Lipset and Rokkan (1967).

Фундаментальный анализ роли институтов в процессе долгосрочного развития Османской империи приведен в исследованиях Owen (1981), Owen and Pamuk (1999) и Pamuk (2006).

Глава 5. «Я видел будущее, и оно работает»: экономический рост в условиях экстрактивных институтов

Информация о миссии Стеффенса в России и его словах, сказанных Баруху, взята в Steffens (1931), гл. 18, стр. 790–802. Для оценки количества голодавших в 1930-х годах мы используем данные Davies and Wheatcroft (2004). Данные о переписи 1937 года взяты у Wheatcroft and Davies (1994a, 1994b). Природа инноваций в советской экономике изучается в работе Berliner (1976). Обсуждение принципов реальной работы сталинизма, и в частности экономического планирования, основано на работе Gregory and Harrison (2005). Вопрос неправильной оценки советского экономического роста авторами американских учебников по экономике рассматривается в работе Levy and Peart (2009).

Наша интерпретация жизни народов леле и бушонгов основана на исследованиях Douglas (1962, 1963) и Vansina (1978).

Концепция «длинного лета» приведена в работе Fagan (2003). Вполне детальное описание натуффий-

ской культуры и археологических исследований, упомянутых нами, рассматриваются в работах Mithen (2006) и Barker (2006). В фундаментальной работе об Абу-Хурейра, написанной Moore, Hillman, and Legge (2000), показано, каким образом выглядели оседлый образ жизни и институциональные инновации до перехода к земледелию. Общий обзор свидетельств того, что оседлый образ жизни предшествовал земледелию, приведен в работе Smith (1998), а описание происшедшего в натуфианской культуре можно найти в работе Bar-Yosef and Belfer-Cohen (1992). На наше отношение к неолитической революции оказала большое влияние работа Sahlin (1972), в которой также приведена история о народе йир-йоронт.

Наш рассказ об истории майя основан на выводах Martin and Grube (2000) и Webster (2002). Реконструкция истории населения города Копан взята из работы Webster, Freter, and Gonlin (2000). Сведения о числе датированных сооружений взяты из работы Sidrys and Berger (1979).

Глава 6. Отдаляясь друг от друга

В обсуждении истории Венеции используются выводы работы Puga and Trefler (2010), а также глав 8 и 9 Lane (1973).

Материал об истории Рима содержится в любом стандартном курсе истории. Наша интерпретация деятельности римских экономических институтов взята из работ Finlay (1999) и Bang (2008). Описание падения Рима основано на работах Ward-Perkins (2006) и Goldsworthy (2009). Вопрос институциональных изменений в поздней Римской империи рассматривается в работе Jones (1964). Истории о Тиберии и Адриане взяты у Finley (1999).

Исследование данных о кораблекрушениях впервые было предложено Hopkins (1980). См. работы De Callatay (2005) и Jongman (2007), описывающие этот метод и проект «Гренландский ледяной щит».

Таблички из Виндоланды можно увидеть в Сети по адресу: vindolanda.csad.ox.ac.uk/.

Использованная нами цитата взята из TVII Pub., no. 343.

Обсуждение факторов, приведших к падению Римской Британии, взято из работ Cleary (1989), глава 4; Faulkner (2000), глава 7; Dark (1994), глава 2.

История Королевства Аксум взята из работы Munro-Nay (1991). Важной работой на тему европейского феодализма и его истоков является Bloch (1961); вопросы феодализма в Эфиопии рассматриваются в работе Crummeу (2000). Phillipson (1998) проводит сравнение между крушением Аксума и Римской империи.

Глава 7. Поворотный момент

Историю о машине Ли и его встрече с королевой Елизаветой I можно прочитать (на английском языке) по адресу: calverton.homestead.com/willlee.html.

Данные Allen (2009b) о расценках на труд взяты из эдикта Диоклетиана о максимуме цен.

Наша точка зрения на причины промышленной революции следует во многом точке зрения North and Thomas (1973), North and Weingast (1989), Brenner (1993), Pincus (2009) и Pincus and Robinson (2010). На этих ученых, в свою очередь, оказали влияние более ранние марксистские взгляды на британские институциональные изменения и развитие капитализма; см. Dobb (1963) и Hill (1961, 1980). См. также идею Tawney (1941) относительно изменения социальной структуры английского общества вследствие политики Генриха VIII.

Текст «Magna Carta» доступен в Сети в рамках проекта «Авалон» по адресу: avalon.law.yale.edu/medieval/magframe.asp.

Оригинальная точка зрения на развитие государственных институтов при Генрихе VIII приведена в работе Elton (1953), а Neale (1971) связывает их с эволюцией парламента.

Информация о крестьянском восстании взята из работы Hilton (2003). Цитата Хилла о монополиях взята из Hill (1961), стр. 25. В вопросе периода личного правления Карла I мы следуем точке зрения Sharp (1992). Информация о поддержке парламента различными группами и регионами взята из Brunton and Pennington (1954), Hill (1961) и Stone (2001). В фундаментальной работе Pincus (2009) о Славной революции обсуждается множество конкретных изменений в политике и экономических институтах (к примеру, отмена «налога на очаги» и создание Банка Англии. См. также Pincus and Robinson (2010). Pettigrew (2007, 2009) обсуждает атаки на монополии, в частности Королевскую Африканскую компанию. Данные о петициях взяты из этой работы.

Knights (2010) подчеркивает политическую важность петиций. Информация о банке Hoare's взята из работы Temin and Voth (2008).

Информация об инспекторе Каупертвейте и бюрократии, связанной с акцизным налогообложением, взята из работы Brewer (1988).

Наш общий обзор экономической истории промышленной революции основан на работах Mantoux (1961), Daunton (1995), Allen (2009a) и Mokyr (1990, 2009), приводящих множество деталей об изобретениях и изобретателях, о которых мы рассказываем в

своей книге. История о семье Болдуин взята из работы Bogart and Richardson (2009, 2011), подчеркивающих связь между Славной революцией, реорганизацией прав собственности и строительством дорог и каналов. Данные о Ситцевом акте и Манчестерском акте взяты из работы O'Brien, Griffiths, and Hunt (1991), оттуда же взяты прямые цитаты из законов. Вопрос доминирования новых представителей в отрасли рассматривается в работах Daunton (1995), глава 7, и Crouzet (1985).

Наш анализ того, почему основные институциональные изменения происходили прежде всего в Англии, основан на выводах работ Acemoglu, Johnson, and Robinson (2005a) и Brenner (1976). Данные о количестве независимых купцов и их политических предпочтениях взяты из Zahedieh (2010).

Глава 8. Лишь бы не у нас: барьеры на пути развития

Данные о противодействии печатным прессам в Османской империи можно найти в работе Savage-Smith (2003), стр. 656–659. Сравнительные данные о грамотности населения взяты из работы Easterlin (1981).

Обсуждение политических институтов Испании основано на работе Thompson (1994a, 1994b). Свидетельства падения экономики Испании в этом периоде можно найти в работе Nogal and Prados de la Escosura (2007).

Обсуждение препятствий для экономического развития Австро-Венгрии основано на выводах Blum (1943), Freudenberger (1967) и Gross (1973). Цитата Марии-Терезии взята у Freudenberger, стр. 495. Все остальные цитаты графа Хартига и Франца I взяты у Blum. Ответ Франца на прошение депутации из Тироля цит по. Jaszi (1929), стр. 80–81. Также оттуда взят ответ Фридриха фон Гентца на предложение Роберта Оуэна (стр. 80). Детали деятельности Ротшильдов в Австрии описаны в гл. 2 Corti (1928).

Наш анализ ситуации в России основан на работе Gerschenkron (1970). Цитата Кропоткина взята со

стр. 60 издания его книги, вышедшего в 2009 году. Разговор между Николаем и Михаилом цит. по Saunders (1992), стр. 117. Фраза Канкринна о железных дорогах взята из Owen (1991), стр. 15–16.

Речь Николая на собрании производителей цит. по Pintner (1967), стр. 100.

Цитата А. А. Закревского взята из Pintner (1967), стр. 235.

Данные об адмирале Чжэн взяты у Dreyer (2007). Экономическая история раннего периода современного Китая описывается в работе Myers and Wang (2002). Фраза Тяня Чена взята из Myers and Wang, стр. 564–565.

См. работу Zewde (2002) по вопросу общего описания истории Эфиопии. Данные о том, насколько экстрактивной была Эфиопия исторически, взяты из работы Pankhurst (1961), так же как и приводимые нами здесь цитаты.

Наше описание институтов в Сомали и истории страны взято у Lewis (1961, 2002). Информация о «хере» рода хассан-угас приведена на стр. 177 Lewis (1961); наше описание столкновений кланов также основано на данных гл. 8 Lewis (1961), где приводится и множество других примеров. История Королевства Такали и письменности в нем описаны в работе Ewald (1988).

Глава 9. Развитие в целом

Информация о захвате Амбона и Банды Голландской Ост-Индской компанией и о ее негативном влиянии на развитие Юго-Восточной Азии основана на материалах Hanna (1978) и в особенности Reid (1993), гл. 5.

Цитаты Томе Пиреша также взяты у Reid, стр. 271; данные о датском влиянии в Магинданао – со стр. 299; данные о правителе Магинданао – со стр. 299–300. Данные о влиянии Голландской Ост-Индской компании на цены на специи взята у O'Rourke and Williamson (2002).

Детальный обзор рабства в африканском обществе и влияния работорговли приведен в работе Lovejoy (2000). На стр. 47 в таблице 31 приведены согласованные расчеты о развитии работорговли. В работе Nunn (2008) впервые были сделаны количественные расчеты влияния работорговли на африканские экономические институты и экономический рост. Данные о продаже оружия и пороха взяты из работы Inikori (1977). Слова Фрэнсиса Мура приводятся в работе Lovejoy (2000), стр. 89–90. В работе Law (1977) приведено исчерпывающее описание расширения государства Ойо. Расчеты влияния работорговли на население

ние Африки взяты из Manning (1990). В основе нашего анализа периода «законной торговли» лежат работа Lovejoy (2000), гл. 8, эссе в работе Law (1995) и важная книга Austin (2005). Данные о доле африканцев, бывших рабами в Африке, взяты из работы Lovejoy (2000), например стр. 192, таблица 9.2.

Данные о рабстве в Либерии взяты из работы Clower, Dalton, Harwitz, and Walters (1966).

Идея «двойственной экономики» была предложена Lewis (1954). Fergusson (2010) разработал математическую модель двойственной экономики. Предположение о том, что она явилась порождением колониализма, впервые было выдвинуто в сборнике работ под ред. Palmer and Parsons (1977). Описание ситуации в Южной Африке основано на работах Bundy (1979) и Feinstein (2005).

О деятельности моравских миссионеров рассказывается у Bundy (1979), стр. 46, а цитата Джона Хемминга взята со стр. 72 того же источника. Данные о распространении землевладения в Транскее взяты из Bundy, стр. 89; история Стефана Сонджики взята из Bundy, стр. 94; цитата Мэттью Близа – со стр. 97; а цитата европейского наблюдателя в Финголенде в 1884 году – из Bundy, стр. 100–101.

Слова Джорджа Албу цит. по Feinstein (2005), стр. 63; цитата секретаря по отношениям с коренными жи-

телями цит. по Feinstein, стр. 45; а слова Фервурда цит. по Feinstein, стр. 159. Данные о реальном заработке африканских горняков взяты у Wilson (1972), стр. 66. Слова Дж. Финдлея цит. по Bundy (1979), стр. 242.

Идея о том, что развитие богатых государств Запада является отражением недостаточной развитости остального мира, была изначально предложена Wallertsein (1974–2011), хотя этот автор и пишет о совершенно иных механизмах, чем мы.

Глава 10. Распространение процветания

Эта глава во многом основана на нашем раннем исследовании, проведенном вместе с Саймоном Джонсоном и Дэвидом Кантони: Acemoglu, Johnson, and Robinson (2002) и Acemoglu, Cantoni, Johnson, and Robinson (2010, 2011).

Обсуждение вопросов развития ранних институтов в Австралии основано на данных трудов Hirst (1983, 1988, 2003) и Neal (1991).

Оригинал документа, направленного на рассмотрение судьбе Коллинзу, можно (благодаря усилиям юридической школы австралийского университета Макуари) увидеть в Сети по адресу: www.law.mq.edu.au/scnsw/html/Cable%20v%20Sinclair,%201788.htm.

Оценка сторонников Уэнтворта, данная Макартуром, цитируется по работе Melbourne (1963), стр. 131–132.

Обсуждение происхождения Ротшильдов основано на работе Ferguson (1998); фраза Майера Ротшильда, обращенная к сыну, цит. по Ferguson, стр. 76.

Обсуждение вопросов влияния французских институтов на европейские взято из Acemoglu, Cantoni, Johnson, and Robinson (2010, 2011) и приведенных в

этой работе источников. Традиционный обзор Французской революции приведен в работе Doyle (2002). Информация о феодальных налогах и податях в Нассау-Узинген взята из работы Lenger (2004), стр. 96. Оценка исторического влияния гильдий на развитие Европы приведена в работе Ogilivie (2011).

Историю жизни Окубо Тосимити можно найти в работе Iwata (1964). Описание плана Сакамото Рёма из восьми пунктов приведено в работе Jansen (2000), стр. 310.

Глава 11. Благотворная обратная связь

Обсуждение Черного акта основано на материалах Thompson (1975). Отчет Баптиста Нанна о событиях 27 июня цит. по Thompson (1975), стр. 65–66. Остальные цитаты взяты из раздела книги Томпсона, посвященного законам, стр. 258–269, который заслуживает прочтения полностью.

Наш подход к вопросам демократизации в Англии основан на выводах Acemoglu and Robinson (2000a, 2001, and 2006a). Речь графа Грея цит. по Evans (1996), стр. 223. Комментарии Стефенса относительно демократии цит. по Briggs (1959), стр. 34. Цитата Томпсона взята из Thompson (1975), стр. 269.

Полный текст Великой хартии вольностей можно найти в работе Cole and Filson (1951), а также по адресу: web.bham.ac.uk/1848/document/peoplech.htm.

Цитата Burke взята из Burke (1790/1969), стр. 152.

Работа Lindert (2004, 2009) содержит детальное изучение вопроса совместной эволюции демократии и публичной политики за последние 200 лет.

Работа Keyssar (2009) содержит введение в эволюцию вопроса политических прав в США. Фраза Вандербильта приведена в Josephson (1934), стр. 15.

Текст обращения Рузвельта можно найти по адресу: www.theodore-roosevelt.com/sotu1.html.

Цитата Вудро Вильсона взята из Wilson (1913), стр. 286.

Текст обращения Рузвельта 9 марта 1937 года можно найти по адресу: millercenter.org/scripps/archive/speeches/detail/3309.

Данные о сравнительных сроках работы верховных судов в Аргентине и США приводятся в работе Iaryczower, Spiller, and Tommasi (2002). Helmke (2004) рассказывает о «расширении суда» в Аргентине и приводит цитату судьи Карлоса Фиата.

Глава 12. Порочный круг

Эта глава в значительной степени основана на наших теоретических и эмпирических исследованиях институционального постоянства, в особенности Acemoglu, Johnson, and Robinson (2005b) и Acemoglu and Robinson (2008a). Heath (1972), а также Kelley and Klein (1980) исследовали вопрос применения «железного закона олигархии» к боливийской революции 1952 года.

Цитата из материалов британского парламента воспроизводится со стр. 15 House of Commons (1904). Ранняя политическая история Сьерра-Леоне после обретения независимости отлично описана в работе Cartwright (1970). Хотя имеется несколько версий того, почему Сиака Стивенс убрал железнодорожную линию, можно предположить, что он сделал это для изоляции Менделенда. В этом мы соглашаемся с Abraham and Sesay (1993), стр. 120; Richards (1996), стр. 42–43, и Davies (2007), стр. 684–685.

В работе Reno (1995, 2003) отлично описан режим Стивенса. Данные об управлениях по сбыту сельскохозяйственной продукции взяты у Davies (2007). История об убийстве Сэма Бангуры приведена в работе Reno (1995), стр. 137–141. В работах Jackson (2004),

стр. 63, и Keen (2005), стр. 17, приводится обсуждение аббревиатур ISU и SSD.

Bates (1981) приводит отличный анализ того, как деятельность управлений по сбыту привела к разрушению сельскохозяйственной производительности в Африке после обретения независимости. См. Goldstein and Udry (2009) по вопросу о том, как политические связи с вождями племен определяют права собственности на землю в Гане.

Вопрос связи между политиками в 1993 году и конкистадорами рассматривается в работах Dosal (1995), гл. 1, и Casaus Arzu (2007). Наша точка зрения на политику торгового консульства совпадает с точкой зрения Woodward (1966). Цитата президента Барриоса взята из McCreery (1994), стр. 187–188. Данные о режиме Хорхе Убико взяты из работы Grieb (1979).

Обсуждение недостаточной степени развитости Юга США основано на работе Acemoglu and Robinson (2008b). В работе Wright (1978) описано состояние экономики работоторговли до гражданской войны, а Bateman and Weiss (1981) много говорят о чрезмерных затратах в отрасли. Fogel and Engerman (1974) дают иную и довольно противоречивую интерпретацию. Wright (1986) и Ransom and Sutch (2001) приводят оценку реальных изменений в экономике Юга после 1865 года. Слова конгрессмена Джорджа Вашинг-

тона Джулиана цитируются по Wiener (1978), стр. 6.

В той же книге содержится анализ состояния дел у элиты землевладельцев после гражданской войны. Naidu (2009) изучает влияние введения подушных налогов и теста на грамотность в южных штатах в 1890-х годах. Цитата У. Э. Б. Дюбуа взята из его книги Du Bois (1903), стр. 88. Статью 256 конституции Алабамы можно найти в Сети по адресу: www.legislature.state.al.us/CodeOfAlabama/Constitution/1901/CA-245806.htm.

В работе Alston and Ferrie (1999) обсуждается, каким образом южные политики блокировали федеральное законодательство, способное, по их мнению, разрушить экономику Юга. В работе Woodward (1955) детально описаны события, связанные с введением закона Джима Кроу.

Обзор революции в Эфиопии приведен в работе Halliday and Molyneux (1981). Информацию о подушке императора можно найти в работе Karuscinski (1983).

Цитаты Давита Волде Гиоргиса взяты из Dawit Wolde Giorgis (1989), стр. 49 и 48 соответственно.

Глава 13. Почему сегодня государства терпят неудачу

Репортаж Би-би-си об удачливости Мугабе в национальной лотерее и заявлении Зимбанка можно найти в сети по адресу: news.bbc.co.uk/2/hi/africa/621895.stm.

Рассказ о создании белого правления в Родезии основан на работах Palmer (1977) и Alexander (2006). В работе Meredith (2007) приведен хороший обзор современной политики Зимбабве.

Рассказ о гражданской войне в Сьерра-Леоне основан на материалах Richards (1996), Truth and Reconciliation Commission (2004) и Keen (2005). Результаты анализа, опубликованного в столичной газете в 1995 году, цитируются по работе Keen (2005), стр. 34. Текст манифеста ОРФ «Пути к демократии» можно найти по адресу: www.sierra-leone.org/AFRC-RUF/footpaths.html.

Слова подростка из Джеомы взяты из работы Keen (2005), стр. 42.

Рассказ о полувоенных формированиях в Колумбии основан на материалах работ Acemoglu, Robinson, and Santos (2010) и Chaves and Robinson (2010), которые, в свою очередь, базируются на мас-

штабной работе, проведенной колумбийскими учеными, в частности Romero (2003), Romero (2007) и Lopez (2010). В работе Leon (2009) приведено доступное и сбалансированное описание природы современных конфликтов в Колумбии. Серьезного внимания заслуживает веб-сайт, управляющийся еженедельной газетой *Semana*, www.verdadabierta.com/. Все цитаты взяты из Acemoglu, Robinson, and Santos (2010). Текст контракта между Мартином Льяносом и мэрами, подписанного в Касанаре, доступен на испанском языке по адресу: www.verdadabierta.com/victimarios/los-jefes/714-perfil-hector-german-buitrago-alias-martin-llanos.

Причины возникновения и последствия *Corralito* отлично описаны в серии статей в журнале *Economist*, доступных по адресу: www.economist.com/search/apachesolr_search/corralito.

Вопрос роли внутренних институтов в развитии Аргентины рассматривается в работе Saowers (1996).

Hassig and Oh (2009) приводят отличное и ценное описание жизни в Северной Корее. В главе 2 рассматривается роскошный стиль жизни руководителей страны, а в главах 3 и 4 – экономические реалии, с которыми сталкивается большинство жителей. Описание денежной реформы в стране можно найти в репортаже Биби-си по адресу: news.bbc.co.uk/2/

Данные о дворце увеселений и потреблении коньяка взяты из гл. 12 Post (2004).

Обсуждение вопросов детского труда и его использования при уборке хлопка в Узбекистане основано на материалах Kandiyoti (2008), доступных по адресу: www.soas.ac.uk/ac/events/cottonsector-in-central-asia-2005/file49842.pdf. Цитата Гульназ приводится на стр. 20 труда Kandiyoti. Информация о восстании в Андижане взята из материалов International Crisis Group (2005).

Описание выборов Иосифа Сталина в Советском Союзе взято из работы Denny (1937).

Проведенный нами анализ «коррупцированного капитализма» в Египте основан на работе Sfakianakis (2004).

Глава 14. Ломая привычные схемы

Рассказ о Ботсване основан на материалах Acemoglu, Johnson, and Robinson (2003); Robinson and Parsons (2006) и Leith (2005). Фундаментальными трудами на эту тему считаются работы Schapera (1970) и Parsons, Henderson, and Tlou (1995). Слова верховного комиссара Рея цитируются по Acemoglu, Johnson, and Robinson (2003), стр. 96. Информация о посещении Лондона тремя вождями взята у Parsons (1998), а все цитаты по этой теме – из его книг «Chamberlain», стр. 206–207; «Fairfield», стр. 209, и «Rhodes», стр. 223. Слова Шапиры цитируются по Schapera (1940), стр. 72. Цитата Кветты Масире взята из Masire (2006), стр. 43. Информацию об этническом составе племен тсвана можно найти в Schapera (1952).

Рассказ об изменениях на Юге США основан на данных Acemoglu and Robinson (2008b). Тема движения населения с Юга США рассматривается у Wright (1999); вопросы механизации уборки хлопка – у Heinicke (1994). Фраза «FRDUM FOOF SPETGH» приведена у Mickey (2008), стр. 50. Речь Турмонда, произнесенная в 1948 году, взята из www.slate.com/id/2075151/, где также можно прослушать ее аудиоверсию. История Джеймса Мередита и Университета

Миссисипи в Оксфорде приведена в Doyle (2001). В работе Wright (1999) можно найти информацию о влиянии законодательства о гражданских правах на показатели голосования черного населения Юга.

Вопросы природы и политики политических изменений в Китае после смерти Мао рассматриваются в работах Harding (1987) и MacFarquhar and Schoenhals (2008). Слова Дэн Сяопина о кошке цит. по Harding, стр. 58. Информация о первом тезисе культурной революции взята из Schoenhals (1996), стр. 33; слова Мао о Гитлере взяты из работы MacFarquhar and Schoenhals, стр. 102; информация о статье Хуа «Два „какие бы ни“» взята из работы Harding, стр. 56.

Глава 15. В поисках причин процветания и бедности

История Дай Гофня приведена в работе McGregor (2010), стр. 219–226. История красных телефонов также взята из McGregor, гл. 1. Вопросы контроля партии над СМИ рассматриваются в работах Pan (2008), гл. 9 и McGregor (2010), стр. 64–69 и 235–262. Цитаты об отношении партии к предпринимателям взяты из McGregor (2010), стр. 200–201 и 223. Комментарии Вэнь Цзябао относительно политических реформ в Китае приведены в www.guardian.co.uk/world/2010/aug/29/wenjiabao-china-reform.

Модернизационная теория детально описана в работе Lipset (1959). Аргументы против нее детально обсуждаются в работе Acemoglu, Johnson, Robinson, and Yared (2008, 2009). Цитата Джорджа Буша-старшего взята с news.bbc.co.uk/2/hi/business/752224.stm.

Обсуждение деятельности НПО и иностранной помощи Афганистану после декабря 2001 года основано на работе Ghani and Lockhart (2008). См. также работы Reinikka and Svensson (2004) и Easterly (2006), рассказывающие о проблемах иностранной помощи.

Обсуждение проблем макроэкономических реформ и инфляции в Зимбабве взято из Acemoglu,

Johnson, Robinson, and Querubin (2008). Обсуждение деятельности «Seva Mandir» взято из Banerjee, Duflo, and Glennerster (2008).

Основание Рабочей партии в Бразилии описано в Кеск (1992); забастовка в компании Scania описана в гл. 4. Слова Кардозо цит. По Кеск, стр. 44–45; Цитата Лулы взята из Кеск, стр. 65.

Усилия по контролю СМИ со стороны Фухимори и Монтесиноса описаны в работе McMillan and Zoido (2004), а цитата о контроле со стороны Коммунистической Партии Китая взята из работы McGregor (2010), стр. 69.

Источники для создания карт

Карта 1. Границы империи инков и схема дорог взяты из статьи John V. Murra (1984), «Andean Societies before 1532», приведенной в книге Leslie Bethell (ред.), «Cambridge History of Latin America», том 1 (New York: Cambridge University Press). Карта района, отведенного под миту, взята из книги Melissa Dell (2010), «The Persistent Effects of Peru's Mining Mita», *Econometrica* 78:6, стр. 1863–1903.

Карта 2. Нарисована с использованием данных, взятых из работы Miriam Bruhn and Francisco Gallego (2010), «The Good, Bad, and Ugly: Do They Matter for Economic Development?» (*Review of Economics and Statistics*).

Карта 3. Создана с использованием данных справочника «World Development Indicators» (2008), выпущенного Всемирным Банком.

Карта 4. Карта распространения диких кабанов адаптирована из W. L. R. Oliver; I. L. Brisbin, Jr.; and S. Takahashi (1993), «The Eurasian Wild Pig (*Sus scrofa*)» in W. L. R. Oliver, ed., *Pigs, Peccaries, and Hippos: Status*

Survey and Action Plan (Gland, Switzerland: IUCN), стр. 112–121. Карта распространения туров адаптирована из карты Cis van Vuure (2005), «Retracing Aurochs» (Sofia: Pensoft Publishers), стр. 41.

Карта 5. Адаптирована из книги Daniel Zohary and Maria Hopf (2001), «Domestication of Plants in Old World», 3 изд. (New York: Oxford University Press), карта распространения пшеницы 4, стр. 56; карта распространения ячменя – стр. 55. Карта распространения риса адаптирована из книги Te-Tzu Chang (1976), «The Origin, Evolution, Cultivation, Dissemination, and Diversification of Asian and African Rices», *Euphytica* 25, стр. 425–441, рисунок 2, стр. 433.

Карта 6. Карта Королевства Куба основана на Jan Vansina (1978), «Children of Woot» (Madison: University of Wisconsin Press), карта 2, стр. 8. В основу карты Конго легла карта из статьи Jan Vansina (1995), «Equatorial Africa Before Nineteenth Century», в книге Philip Curtin, Steven Feierman, Leonard Thompson, and Jan Vansina, «African History: From Earliest Times to Independence» (New York: Longman), карта 8.4, стр. 228.

Карта 7. Создана с использованием данных

системы Defense Meteorological Satellite Program's Operational Linescan System (DMSP-OLS), транслирующей изображения Земли в ночное время в период с 20:00 до 21:30 местного времени с высоты 830 км (<http://www.ngdc.noaa.gov/dmsp/sensors/ols.html>).

Карта 8. Создана на основании данных Jerome Blum (1998), «End of Old Order in Rural Europe» (Princeton: Princeton University Press).

Карта 9. Адаптирована из карт, приведенных в книге Colin Martin and Geoffrey Parker (1988), «Spanish Armada» (London: Hamilton), стр. i—ii, 243.

Карта 10. Адаптирована из книги Simon Martin and Nikolai Gripe (2000), «Chronicle of Maya Kings and Queens: Deciphering Dynasties of Ancient Maya» (London: Thames and Hudson), стр. 21.

Карта 11. Адаптирована из книги Mark A. Kishlansky, Patrick Geary, and Patricia O'Brien (1991), «Civilization in West» (New York: HarperCollins Publishers), стр. 151.

Карта 12. Карта семейных кланов Сомали адаптирована из Ioan M. Lewis (2002), «A Modern History of Somalia» (Oxford: James Currey), карта «Somali ethnic and clan-family distribution 2002»; карта Аксума адап-

тирована из книги Kevin Shillington (1995), «History of Africa», 2 изд. (New York: St. Martin's Press), карта 5.4, стр. 69.

Карта 13. J. R. Walton (1998), «Changing Patterns of Trade and Interaction Since 1500», в книге под ред. A. Butlin and R. A. Dodgshon, «An Historical Geography of Europe» (Oxford: Oxford University Press), рисунок 15.2, стр. 326.

Карта 14. Адаптирована из книги Anthony Reid (1988), «Southeast Asia in Age of Commerce, 1450–1680: Volume 1, Land Below Winds» (New Haven: Yale University Press), карта 2, стр. 9.

Карта 15. Создана на основе данных из статьи Nathan Nunn (2008), «The Long Term Effects of Africa's Slave Trades», *Quarterly Journal of Economics* 123, no. 1, стр. 139–176.

Карта 16. Приведенные в книге карты основаны на следующих – для Южной Африки, A. J. Christopher (2001), «Atlas of Changing South Africa» (London: Routledge), рис 1.19, стр. 31; для Зимбабве – Robin Palmer (1977), «Land and Racial Domination in Rhodesia» (Berkeley: University of California Press), карта 5, стр. 245.

Карта 17. Адаптирована из карты в книге Alexander Grab (2003), «Napoleon and Transformation of Europe» (London: Palgrave Macmillan), карта 1, стр. 17; карта 2, стр. 91.

Карта 18. Создана с использованием данных переписи 1840 года в США, доступных на сайте Национальной Историко-Географической Информационной системы: <http://www.nhgis.org/>

Карта 19. Создана с использованием данных переписи 1880 года в США, доступных на сайте Национальной Историко-Географической Информационной системы: <http://www.nhgis.org/>

Карта 20. Daron Acemoglu, James A. Robinson, and Rafael J. Santos (2010), «The Monopoly of Violence: Evidence from Colombia», доступна в Сети по адресу: http://scholar.harvard.edu/jrobinson/files/jr_formationofstate.pdf.

Использованная литература

Abraham, Arthur, and Habib Sesay (1993). "Regional Politics and Social Service Provision Since Independence." In C. Magbaily Fyle, ed. *The State and the Provision of Social Services in Sierra Leone Since Independence, 1961–1991*. Oxford, U. K.: Codesaria.

Acemoglu, Daron (2005). "Politics and Economics in Weak and Strong States." *Journal of Monetary Economics* 52: 1199–226.

– (2008). "Oligarchic Versus Democratic Societies." *Journal of European Economic Association* 6: 1–44.

Acemoglu, Daron, Davide Cantoni, Simon Johnson, and James A. Robinson (2010). "From Ancien Regime to Capitalism: The Spread of the French Revolution as a Natural Experiment." In Jared Diamond and James A. Robinson, eds. *Natural Experiments in History*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

– (2011). "Consequences of Radical Reform: The French Revolution." *American Economic Review*, forthcoming.

Acemoglu, Daron, Simon Johnson, and James A. Robinson (2001). "The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation." *American Economic Review* 91: 1369–1401.

– (2002). “Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution.” *Quarterly Journal of Economics* 118: 1231–94.

– (2003). “An African Success Story: Botswana.” In Dani Rodrik, ed. *In Search of Prosperity: Analytic Narratives on Economic Growth*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

– (2005a). “Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change and Economic Growth.” *American Economic Review* 95: 546–79.

– (2005b). “Institutions as the Fundamental Cause of Long—Run Growth.” In Philippe Aghion and Steven Durlauf, eds. *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: North—Holland.

Acemoglu, Daron, Simon Johnson, James A. Robinson, and Pablo Querubin (2008). “When Does Policy Reform Work? The Case of Central Bank Independence.” *Brookings Papers in Economic Activity*, 351–418.

Acemoglu, Daron, Simon Johnson, James A. Robinson, and Pierre Yared (2008). “Income and Democracy.” *American Economic Review* 98: 808–42.

– (2009). “Reevaluating the Modernization Hypothesis.” *Journal of Monetary Economics* 56: 1043–58.

Acemoglu, Daron, and James A. Robinson (2000a). "Why Did the West Extend the Franchise? Growth, Inequality and Democracy in Historical Perspective." *Quarterly Journal of Economics* 115: 1167–99.

– (2000b). "Political Losers as Barriers to Economic Development." *American Economic Review* 90: 126–30.

– (2001). "A Theory of Political Transitions." *American Economic Review* 91: 938–63.

– (2006a). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge University Press.

– (2006b). "Economic Backwardness in Political Perspective." *American Political Science Review* 100: 115–31.

– (2008a). "Persistence of Power, Elites and Institutions." *American Economic Review* 98: 267–93.

– (2008b). "The Persistence and Change of Institutions in the Americas." *Southern Economic Journal* 75: 282–99.

Acemoglu, Daron, James A. Robinson, and Rafael Santos (2010). "The Monopoly of Violence: Evidence from Colombia." Unpublished.

Acemoglu, Daron, and Alex Wolitzky (2010). "The Economics of Labor Coercion." *Econometrica*, 79: 555–600.

Aghion, Philippe, and Peter Howitt (2009). *The Economics of Growth*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Alexander, Jocelyn (2006). *The Unsettled Land: State-making and the Politics of Land in Zimbabwe, 1893–2003*. Oxford, U. K.: James Currey.

Allen, Robert C. (2003). *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

– (2009a). *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. New York: Cambridge University Press.

– (2009b). “How Prosperous Were the Romans? Evidence from Diocletian’s Price Edict (301 AD).” In Alan Bowman and Andrew Wilson, eds. *Quantifying the Roman Economy: Methods and Problems*. Oxford, U. K.: Oxford University Press.

Alston, Lee J., and Joseph P. Ferrie (1999). *Southern Paternalism and the Rise of the American Welfare State: Economics, Politics, and Institutions in the South*. New York: Cambridge University Press.

Amsden, Alice H. (1992). *Asia’s Next Giant*, New York: Oxford University Press.

Austen, Ralph A., and Daniel Headrick (1983). “The Role of Technology in the African Past.” *African Studies Review* 26: 163–84.

Austin, Gareth (2005). *Labour, Land and Capital in Ghana: From Slavery to Free Labour in Asante, 1807–1956*. Rochester, N. Y.: University of Rochester Press.

Bakewell, Peter J. (1984). *Miners of the Red Mountain:*

Indian Labor in Potosi, 1545–1650. Albuquerque: University of New Mexico Press.

– (2009). *A History of Latin America to 1825*. Hoboken, N. J.: Wiley – Blackwell.

Banerjee, Abhijit V., and Esther Duflo (2011). *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. New York: Public Affairs.

Banerjee, Abhijit V., Esther Duflo, and Rachel Glennerster (2008). “Putting a Band—Aid on a Corpse: Incentives for Nurses in the Indian Public Health Care System.” *Journal of the European Economic Association* 7: 487–500.

Banfield, Edward C. (1958). *The Moral Basis of a Backward Society*. Glencoe, N. Y.: Free Press.

Bang, Peter (2008). *The Roman Bazaar*. New York: Cambridge University Press.

Barker, Graeme (2006). *The Agricultural Revolution in Prehistory: Why Did Foragers Become Farmers?* New York: Oxford University Press.

Bar-Yosef, Ofer, and Avner Belfer-Cohen (1992). “From Foraging to Farming in the Mediterranean Levant.” In A. B. Gebauer and T. D. Price, eds. *Transitions to Agriculture in Prehistory*. Madison, Wisc.: Prehistory Press.

Bateman, Fred, and Thomas Weiss (1981). *A Deplorable Scarcity: The Failure of Industrialization in the*

Slave Economy. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Bates, Robert H. (1981). *Markets and States in Tropical Africa*. Berkeley: University of California Press.

– (1983). *Essays in the Political Economy of Rural Africa*. New York: Cambridge University Press.

– (1989). *Beyond the Miracle of the Market*. New York: Cambridge University Press.

– (2001). *Prosperity and Violence: The Political Economy of Development*. New York: W. W. Norton.

Benedictow, Ole J. (2004). *The Black Death, 1346–1353: The Complete History*. Rochester, N. Y.: Boydell Press.

Berliner Joseph S. (1976). *The Innovation Decision in Soviet Industry*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Besley Timothy, and Stephen Coate (1998). “Sources of Inefficiency in a Representative Democracy: A Dynamic Analysis.” *American Economic Review* 88: 139–56.

Besley, Timothy, and Torsten Persson (2011). *Pillars of Prosperity: The Political Economics of Development Clusters*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Bloch, Marc L. B. (1961). *Feudal Society*. 2 vols. Chicago: University of Chicago Press.

Blum, Jerome (1943). “Transportation and Industry in

Austria, 1815–1848.” *The Journal of Modern History* 15: 24–38.

Bogart, Dan, and Gary Richardson (2009). “Making Property Productive: Reorganizing Rights to Real and Equitable Estates in Britain, 1660 to 1830.” *European Review of Economic History* 13: 3–30.

– (2011). “Did the Glorious Revolution Contribute to the Transport Revolution? Evidence from Investment in Roads and Rivers.” *Economic History Review*. Forthcoming.

Bourguignon, Francois, and Thierry Verdier (1990). “Oligarchy, Democracy, Inequality and Growth.” *Journal of Development Economics* 62: 285–313.

Brenner, Robert (1976). “Agrarian Class Structure and Economic Development in Preindustrial Europe.” *Past and Present* 70: 30–75.

– (1993). *Merchants and Revolution*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Brenner, Robert, and Christopher Isett (2002). “England’s Divergence from China’s Yangzi Delta: Property Relations, Microeconomics, and Patterns of Development.” *Journal of Asian Studies* 61: 609–62.

Brewer, John (1988). *The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1773*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Briggs, Asa (1959). *Chartist Studies*. London:

Macmillan.

Brunton, D., and D. H. Pennington (1954). *Members of the Long Parliament*. London: George Allen and Unwin.

Bundy, Colin (1979). *The Rise and Fall of the South African Peasantry*. Berkeley: University of California Press.

Burke, Edmund (1790/1969). *Reflections of the Revolution in France*. Baltimore, Md.: Penguin Books.

Cartwright, John R. (1970). *Politics in Sierra Leone 1947–67*. Toronto: University of Toronto Press.

Casaus Arzu, Marta (2007). *Guatemala: Linaje y Racismo*. 3rd ed., rev. y ampliada. Guatemala City: F&G Editores.

Chaves, Isaias, and James A. Robinson (2010). "Political Consequences of Civil Wars." Unpublished.

Cleary, A. S. Esmonde (1989). *The Ending of Roman Britain*. London: B. T. Batsford Ltd.

Clower, Robert W., George H. Dalton, Mitchell Harwitz, and Alan Walters (1966). *Growth Without Development; an Economic Survey of Liberia*. Evanston: Northwestern University Press.

Coatsworth, John H. (1974). "Railroads, Landholding and Agrarian Protest in the Early Porfiriato." *Hispanic American Historical Review* 54: 48–71.

– (1978). "Obstacles to Economic Growth in Nineteenth-Century Mexico." *American Historical Review*

83: 80–100.

– (2008). “Inequality, Institutions and Economic Growth in Latin America.” *Journal of Latin American Studies* 40: 545–69.

Cole, G. D. H., and A. W. Filson, eds. (1951). *British Working Class Movements: Select Documents 1789–1875*. London: Macmillan.

Conning, Jonathan (2010). “On the Causes of Slavery or Serfdom and the Roads to Agrarian Capitalism: Domar’s Hypothesis Revisited.” Unpublished, Department of Economics, Hunter College, CUNY.

Corti, Egon Caeser (1928). *The Reign of the House of Rothschild*. New York: Cosmopolitan Book Corporation.

Crouzet, Francois (1985). *The First Industrialists: The Problem of Origins*. New York: Cambridge University Press.

Crummey, Donald E. (2000). *Land and Society in the Christian Kingdom of Ethiopia: From the Thirteenth to the Twentieth Century*. Urbana: University of Illinois Press.

Dalton, George H. (1965). “History, Politics and Economic Development in Liberia.” *Journal of Economic History* 25: 569–91.

Dark, K. R. (1994). *Civitas to Kingdom: British Political Continuity 300–800*. Leicester, U. K.: Leicester University Press.

Daunton, MartinJ. (1995). *Progress and Poverty: An*

Economic and Social History of Britain, 1700–1850. Oxford, U. K.: Oxford University Press.

Davies, Robert W. (1998). *Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev.* New York: Cambridge University Press.

Davies, Robert W., and Stephen G. Wheatcroft (2004). *The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–33.* New York: Palgrave Macmillan.

Davies, Victor A. B. (2007). “Sierra Leone’s Economic Growth Performance, 1961–2000.” In Benno J. Ndulu et al., eds. *The Political Economy of Growth in Africa, 1960–2000.* Vol. 2. New York: Cambridge University Press.

Dawit Wolde Giorgis (1989). *Red Teas: War, Famine and Revolution in Ethiopia.* Trenton, N. J.: Red Sea Press.

De Callatay, Francois (2005). “The Graeco—Roman Economy in the Super Longrun: Lead, Copper, and Shipwrecks.” *Journal of Roman Archaeology* 18: 361–72.

de las Casas, Bartolome (1992). *A Short Account of the Destruction of the Indies.* New York: Penguin Books.

Dell, Melissa (2010). “The Persistent Effects of Peru’s Mining *Mita*” *Econometrica* 78: 1863–903.

Denny, Harold (1937). “Stalin Wins Poll by a Vote of 1005.” *New York Times*, December 14, 1937, p. 11.

de Sahagun, Bernardino (1975). *Florentine Codex: General History of the Things of New Spain. Book 12: The Conquest of Mexico.* Santa Fe, N. M.: School of American

Research.

Diamond, Jared (1997). *Guns, Germs and Steel*. New York: W. W. Norton and Co.

Dobb, Maurice (1963). *Studies in the Development of Capitalism*. Rev. ed. New York: International Publishers.

Dosal, Paul J. (1995). *Power in Transition: The Rise of Guatemala's Industrial Oligarchy, 1871–1994*. Westport, Conn.: Praeger.

Douglas, Mary (1962). "Lele Economy Compared to the Bushong." In Paul Bohannan and George Dalton, eds. *Markets in Africa*. Evanston, Ill.: Northwestern University Press.

– (1963). *The Lele of the Kasai*. London: Oxford University Press.

Doyle, William (2001). *An American Insurrection: The Battle of Oxford Mississippi*. New York: Doubleday.

– (2002). *The Oxford History of the French Revolution*. 2nd ed. New York: Oxford University Press.

Dreyer, Edward L. (2007). *Zheng He: China and the Oceans in the Early Ming Dynasty, 1405–1433*. New York: Pearson Longman.

Du Bois, W. E. B. (1903). *The Souls of Black Folk*. New York: A. C. McClurg & Company.

Dunn, Richard S. (1969). "The Barbados Census of 1680: Profile of the Richest Colony in English America." *William and Mary Quarterly* 26: 3–30.

DuPlessis, Robert S. (1997). *Transitions to Capitalism in Early Modern Europe*. New York: Cambridge University Press.

Easterly, William (2006). *The White Man's Burden: Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good*. New York: Oxford University Press.

Elton, Geoffrey R. (1953). *The Tudor Revolution in Government*. New York: Cambridge University Press.

Engerman, Stanley L. (2007). *Slavery, Emancipation & Freedom: Comparative Perspectives*. Baton Rouge: University of Louisiana Press.

Engerman, Stanley L., and Kenneth L. Sokoloff (1997). "Factor Endowments, Institutions, and Differential Paths of Growth Among New World Economies." In Stephen H. Haber, ed. *How Latin America Fell Behind*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

– (2005). "The Evolution of Suffrage Institutions in the New World." *Journal of Economic History* 65: 891–921.

Evans, Eric J. (1996). *The Forging of the Modern State: Early Industrial Britain, 1783–1870*. 2nd ed. New York: Longman.

Evans, Peter B. (1995). *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Ewald, Janet (1988). "Speaking, Writing and Authority:

- Explorations in and from the Kingdom of Taqali.” *Comparative Studies in History and Society* 30: 199–224.
- Fagan, Brian (2003). *The Long Summer: How Climate Changed Civilization*. New York: Basic Books.
- Faulkner, Neil (2000). *The Decline and Fall of Roman Britain*. Stroud, U. K.: Tempus Publishers.
- Feinstein, Charles H. (2005). *An Economic History of South Africa: Conquest, Discrimination and Development*. New York: Cambridge University Press.
- Ferguson, Niall (1998). *The House of Rothschild: Vol. 1: Money’s Prophets, 1798–1848*. New York: Viking.
- Fergusson, Leopoldo (2010). “The Political Economy of Rural Property Rights and the Persistence of the Dual Economy.” Unpublished. <http://economia.uniandes.edu.co>.
- Finley, Moses (1965). “Technical Innovation and Economic Progress in the Ancient World.” *Economic History Review* 18: 29–4.
- (1999). *The Ancient Economy*. Berkeley: University of California Press.
- Fischer, David H. (1989). *Albion’s Seed: Four British Folkways in America*. New York: Oxford University Press.
- Fogel, Robert W., and Stanley L. Engerman (1974). *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. Boston: Little, Brown.
- Foley, James A. (2003). *Korea’s Divided Families: Fifty*

Years of Separation. New York: Routledge.

Freudenberger, Herman (1967). "The State as an Obstacle to Economic Growth in the Hapsburg Monarchy." *Journal of Economic History* 27: 493–509.

Galenson, David W. (1996). "The Settlement and Growth of the Colonies: Population, Labor and Economic Development." In Stanley L. Engerman and Robert E. Gallman, eds. *The Cambridge Economic History of the United States, Volume I: The Colonial Era*. New York: Cambridge University Press.

Ganson, Barbara (2003). *The Guarani Under Spanish Rule in the Rio de la Plata*. Palo Alto, Calif.: Stanford University Press.

Garcia-Jimeno, Camilo, and James A. Robinson (2011). "The Myth of the Frontier." In Dora L. Costa and Naomi R. Lamoreaux, eds. *Understanding Long—Run Economic Growth*. Chicago: University of Chicago Press.

Gerschenkron, Alexander (1970). *Europe in the Russian Mirror*. New York: Cambridge University Press.

Ghani, Ashraf, and Clare Lockhart (2008). *Fixing Failed States: A Framework for Rebuilding a Fractured World*. New York: Oxford University Press.

Gibson, Charles (1963). *The Aztecs Under Spanish Rule*. New York: Cambridge University Press.

Goldstein, Marcus, and Christopher Udry (2008). "The Profits of Power: Land Rights and Agricultural Investment

in Ghana.” *Journal of Political Economy* 116: 981–1022.

Goldsworthy, Adrian K. (2009). *How Rome Fell: Death of a Superpower*. New Haven, Conn.: Yale University Press.

Goody, Jack (1971). *Technology, Tradition and the State in Africa*. New York: Cambridge University Press.

Gregory, Paul R., and Mark Harrison (2005). “Allocation Under Dictatorship: Research in Stalin’s Archives.” *Journal of Economic Literature* 43: 721–61.

Grieb, Kenneth J. (1979). *Guatemalan Caudillo: The Regime of Jorge Ubico, 1931–1944*. Athens: Ohio University Press.

Gross, Nachum T. (1973). “The Habsburg Monarchy, 1750–1914.” In Carlo M. Cipolla, ed. *The Fontana Economic History of Europe*. Glasgow, U. K.: William Collins Sons and Co.

Guiso, Luigi, Paola Sapienza, and Luigi Zingales (2006). “Does Culture Affect Economic Outcomes?” *Journal of Economic Perspectives* 20: 23–48.

Haber, Stephen H. (2010). “Politics, Banking, and Economic Development: Evidence from New World Economies.” In Jared Diamond and James A. Robinson, eds. *Natural Experiments of History*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press.

Haber, Stephen H., Herbert S. Klein, Noel Maurer, and Kevin J. Middlebrook (2008). *Mexico Since 1980*. New

York: Cambridge University Press.

Haber, Stephen H., Noel Maurer, and Armando Razo (2003). *The Politics of Property Rights: Political Instability, Credible Commitments, and Economic Growth in Mexico, 1876–1929*. New York: Cambridge University Press.

Haggard, Stephan (1990). *Pathways from the Periphery: The Politics of Growth in the Newly Industrializing Countries*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.

Halliday, Fred, and Maxine Molyneux (1981). *The Ethiopian Revolution*. London: Verso.

Hanna, Willard (1978). *Indonesian Banda: Colonialism and Its Aftermath in the Nutmeg Islands*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.

Harding, Harry (1987). *China's Second Revolution: Reform After Mao*. Washington, D. C.: Brookings Institution Press.

Harrison, Lawrence E., and Samuel P. Huntington, eds. (2000). *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books.

Hassig, Ralph C., and Kongdan Oh (2009). *The Hidden People of North Korea: Everyday Life in the Hermit Kingdom*. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield Publishers.

Hatcher, John (2008). *The Black Death: A Personal History*. Philadelphia: Da Capo Press.

Heath, Dwight (1972). "New Patrons for Old: Changing Patron-Client Relations in the Bolivian Yungas." In Arnold Strickton and Sidney Greenfield, eds. *Structure and Process in Latin America*. Albuquerque: University of New Mexico Press.

Heinicke, Craig (1994). "African-American Migration and Mechanized Cotton Harvesting, 1950–1960." *Explorations in Economic History* 31: 501–20.

Helmke, Gretchen (2004). *Courts Under Constraints: Judges, Generals, and Presidents in Argentina*. New York: Cambridge University Press.

Hemming, John (1983). *The Conquest of the Incas*. New York: Penguin Books.

Herbst, Jeffrey I. (2000). *States and Power in Africa*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Hill, Christopher (1961). *The Century of Revolution, 1603–1714*. New York: W. W. Norton and Co.

– (1980). "A Bourgeois Revolution?" In Lawrence Stone, ed. *The British Revolutions: 1641, 1688, 1776*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Hilton, Anne (1985). *The Kingdom of Kongo*. New York: Oxford University Press.

Hilton, Rodney (2003). *Bond Men Made Free: Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381*. 2nd ed. New York: Routledge.

Hirst, John B. (1983). *Convict Society and Its Enemies*:

A History of Early New South Wales. Boston: Allen and Unwin.

– (1988). *The Strange Birth of Colonial Democracy: New South Wales, 1848–1884*. Boston: Allen and Unwin.

– (2003). *Australia's Democracy: A Short History*. London: Allen and Unwin.

Hopkins, Anthony G. (1973). *An Economic History of West Africa*. New York: Addison Wesley Longman.

Hopkins, Keith (1980). "Taxes and Trade in the Roman Empire, 200 bc–400 ad." *Journal of Roman Studies* LXX: 101–25.

Horrox, Rosemary, ed. (1994). *The Black Death*. New York: St. Martin's Press.

House of Commons (1904). "Papers Relating to the Construction of Railways in Sierra Leone, Lagos and the Gold Coast."

Hu-DeHart, Evelyn (1984). *Yaqui Resistance and Survival: The Struggle for Land and Autonomy, 1821–1910*. Madison: University of Wisconsin Press.

Iaryczower, Matias, Pablo Spiller, and Mariano Tommasi (2002). "Judicial Independence in Unstable Environments: Argentina 1935–1998." *American Journal of Political Science* 46: 699–716.

Inikori, Joseph (1977). "The Import of Firearms into West Africa, 1751–1807." *Journal of African History* 18: 339–68.

International Crisis Group (2005). "Uzbekistan: The Andijon Uprising," Asia Briefing No. 38, www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central—asia/uzbekistan/B038—uzbekistan—the—andijon—uprising.aspx.

Israel, Paul (2000). *Edison: A Life of Invention*. Hoboken, N. J.: John Wiley and Sons.

Iwata, Masakazu (1964). *Okubo Toshimichi: The Bismarck of Japan*. Berkeley: University of California Press.

Jackson, Michael (2004). *In Sierra Leone*. Durham, N. C.: Duke University Press.

Jansen, Marius B. (2000). *The Making of Modern Japan*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Jaszi, Oscar (1929). *The Dissolution of the Habsburg Monarchy*. Chicago: University of Chicago Press.

Johnson, Chalmers A. (1982). *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975*. Palo Alto, Calif.: Stanford University Press.

Jones, A. M. H. (1964). *The Later Roman Empire*. Volume 2. Oxford, U. K.: Basil Blackwell.

Jones, Eric L. (2003). *The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia*. 3rd ed. New York: Cambridge University Press.

Jongman, Willem M. (2007). "Gibbon Was Right: The

Decline and Fall of the Roman Economy.” In O. Hekster et al., eds. *Crises and the Roman Empire*. Leiden, the Netherlands: BRILL.

Josephson, Matthew (1934). *The Robber Barons*. Orlando, Fla.: Harcourt.

Kandiyoti, Deniz (2008). “Invisible to the World? The Dynamics of Forced Child Labour in the Cotton Sector of Uzbekistan.” Unpublished. School of Oriental and Africa Studies.

Kapuscinski, Ryszard (1983). *The Emperor: Downfall of an Autocrat*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich.

Keck, Margaret E. (1992). *The Workers' Party and Democratization in Brazil*. New Haven, Conn.: Yale University Press.

Keen, David (2005). *Conflict and Collusion in Sierra Leone*. New York: Palgrave Macmillan.

Kelley, Jonathan, and Herbert S. Klein (1980). *Revolution and the Rebirth of Inequality: A Theory of Inequality and Inherited Privilege Applied to the Bolivian National Revolution*. Berkeley: University of California Press.

Keyssar, Alexander (2009). *The Right to Vote: The Contested History of Democracy in the United States*. Revised Edition. New York: Basic Books.

Killick, Tony (1978). *Development Economics in Action*. London: Heinemann.

Knight, Alan (2011). *Mexico: The Nineteenth and Twentieth Centuries*. New York: Cambridge University Press.

Knights, Mark (2010). "Participation and Representation Before Democracy: Petitions and Addresses in Premodern Britain." In Ian Shapiro, Susan C. Stokes, Elisabeth Jean Wood, and Alexander S. Kirshner, eds. *Political Representation*. New York: Cambridge University Press.

Kropotkin, Peter (2009). *Memoirs of a Revolutionary*. New York: Cosimo.

Kupperman, Karen O. (2007). *The Jamestown Project*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press.

Landes, David S. (1999). *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor*. New York: W. W. Norton and Co.

Lane, Frederick C. (1973). *Venice: A Maritime Republic*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press.

La Porta, Rafael, Florencio Lopez-de-Silanes, and Andrei Shleifer (2008). "The Economic Consequences of Legal Origins." *Journal of Economic Literature* 46: 285–332.

Law, Robin C. (1977). *The Oyo Empire, c.1600–c.1836: West African Imperialism in the Era of the Atlantic*

Slave Trade. Oxford, UK: The Clarendon Press.

– (1980). “Wheeled Transportation in Pre-Colonial West Africa.” *Africa* 50: 249–62.

– (, ed. (1995). *From Slave Trade to “Legitimate” Commerce: The Commercial Transition in Nineteenth-century West Africa*. New York: Cambridge University Press.

Leith, Clark J. (2005). *Why Botswana Prospered*. Montreal: McGill University Press.

Lenger, Friedrich (2004). “Economy and Society.” In Jonathan Sperber, ed. *The Shorter Oxford History of Germany: Germany 1800–1870*. New York: Oxford University Press.

Leon, Juanita (2009). *Country of Bullets: Chronicles of War* Albuquerque: University of New Mexico Press.

Lerner, Abba P. (1972). “The Economics and Politics of Consumer Sovereignty.” *American Economic Review* 62: 258–66.

Levy, David M., and Sandra J. Peart (2009). “Soviet Growth and American Textbooks.” Unpublished.

Lewis, I. M. (1961). *A Pastoral Democracy*. Oxford, U. K.: Oxford University Press.

– (2002). *A Modern History of the Somali*. 4th ed. Oxford, U. K.: James Currey.

Lewis, W. Arthur (1954). “Economic Development with Unlimited Supplies of Labour.” *Manchester School of*

Economic and Social Studies 22: 139–91.

Lindert, Peter H. (2004). *Growing Public. Volume 1: Social Spending and Economic Growth Since the Eighteenth Century*. New York: Cambridge University Press.

– (2009). *Growing Public. Volume 2: Further Evidence: Social Spending and Economic Growth Since the Eighteenth Century*. New York: Cambridge University Press.

Lipset, Seymour Martin (1959). “Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy.” *American Political Science Review* 53: 69–105.

Lipset, Seymour Martin, and Stein Rokkan, eds. (1967). *Party System and Voter Alignments*. New York: Free Press.

Lopez, Claudia, ed. (2010). *YRefundaron la Patria. . de como mafiosos ypoliticos reconfiguraron el Estado Colombiano*. Bogota: Corporacion Nuevo Arco Iris: Intermedio.

Lovejoy, Paul E. (2000). *Transformations in Slavery: A History of Slavery in Africa*. 2nd ed. New York: Cambridge University Press.

MacFarquhar, Roderick, and Michael Schoenhals (2008). *Mao’s Last Revolution*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Mann, Michael (1986). *The Sources of Social Power. Volume 1: A History of Power from the Beginning to A. D. 1760*. New York: Cambridge University Press.

– (1993). *The Sources of Social Power. Volume 2: The Rise of Classes and Nation-states, 1760–1914*. New York: Cambridge University Press.

Manning, Patrick (1990). *Slavery and African Life: Occidental, Oriental, and African Slave Trades*. New York: Cambridge University Press.

Mantoux, Paul (1961). *The Industrial Revolution in the Eighteenth Century*. Rev. ed. New York: Harper and Row.

Martin, Simon, and Nikolai Grube (2000). *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. New York: Thames and Hudson.

Martinez Jose (2002). *Carlos Slim: Retrato Inedito*. Mexico City: Editorial Oceano.

Masire, Quett K. J. (2006). *Very Brave or Very Foolish? Memoirs of an African Democrat*. Gaborone, Botswana: Macmillan.

McCreery, David J. (1994). *Rural Guatemala, 1760–1940*. Palo Alto, Calif.: Stanford University Press.

McGregor, Richard (2010). *The Party: The Secret World of China's Communist Rulers*. New York: Harper.

McMillan, John, and Pablo Zoido (2004). “How to Subvert Democracy: Montesinos in Peru.” *Journal of Economic Perspectives* 18: 69–92.

Melbourne, Alexander C. V. (1963). *Early Constitutional Development in Australia: New South Wales 1788–1856; Queensland 1859–1922*. With notes to 1963 by the editor. Edited and introduced by R. B. Joyce. 2nd ed. St. Lucia: University of Queensland Press.

Meredith, Martin (2007). *Mugabe: Power, Plunder, and the Struggle for Zimbabwe's Future*. New York: Public Affairs Press.

Michels, Robert (1962). *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York: Free Press.

Mickey, Robert W. (2008). *Paths out of Dixie: The Democratization of Authoritarian Enclaves in America's Deep South, 1944–1972*. Unpublished book manuscript.

Migdal, Joel S. (1988). *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Mithen, Stephen (2006). *After the Ice: A Global Human History 20,000–5000 BC*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Mokyr, Joel (1990). *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. New York: Oxford University Press.

– (2009). *The Enlightened Economy*. New York: Penguin.

Moore, Andrew M. T., G. C. Hillman, and A. J. Legge (2000). *Village on the Euphrates: From Foraging to Farming at Abu Hureyra*. New York: Oxford University Press.

Morgan, Edmund S. (1975). *American Slavery, American Freedom: The Ordeal of Colonial Virginia*. New York: W. W. Norton and Co.

Munro-Hay, Stuart C. (1991). *Aksum: An African Civilisation of Late Antiquity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Myers, Ramon H., and Yeh-Chien Wang (2002). "Economic Developments, 1644-1800." In Willard J. Peterson, ed. *The Cambridge History of China. Volume 9, Part 1: The Ch'ing Empire to 1800*. New York: Cambridge University Press.

Naidu, Suresh (2009). "Suffrage, Schooling, and Sorting in the Post-Bellum South." Unpublished. Department of Economics, Columbia University. Available at tuvalu.santafe.edu/~snaidu/papers/suffrage_sept_16_2010_combined.pdf.

Narayan, Deepa, ed. (2002). *Empowerment and Poverty Reduction: A Sourcebook*. Washington, D. C.: The World Bank.

Neal, David (1991). *The Rule of Law in a Penal Colony*. New York: Cambridge University Press.

Neale, J. E. (1971). *Elizabeth I and Her Parliaments*,

1559–1581. London: Cape.

Nogal, C. Alvarez, and Leandro Prados de la Escosura (2007). “The Decline of Spain (1500–1850): Conjectural Estimates.” *European Review of Economic History* 11: 319–66.

North, Douglass C. (1982). *Structure and Change in Economic History*. New York: W. W. Norton and Co.

North, Douglass C., and Robert P. Thomas (1973). *The Rise of the Western World: A New Economic History*. New York: Cambridge University Press.

North, Douglass C., John J. Wallis, and Barry R. Weingast (1989). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

North, Douglass C., and Barry R. Weingast (1989). “Constitutions and Commitment: Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17th Century England.” *Journal of Economic History* 49: 803–32.

Nove, Alec (1992). *An Economic History of the USSR 1917–1991*. 3rd ed. New York: Penguin Books.

Nugent, Jeffrey B., and James A. Robinson (2010). “Are Endowments Fate? On the Political Economy of Comparative Institutional Development.” *Revista de Historia Económica (Journal of Iberian and Latin American Economic History)* 28: 45–82.

Nunn, Nathan (2008). “The Long-Term Effects of

Africa's Slave Trades." *Quarterly Journal of Economics* 123: 139–76.

Nunn, Nathan, and Leonard Wmtchekon (2011). "The Slave Trade and the Origins of Mistrust in Africa," forthcoming in the *American Economic Review*.

O'Brien, Patrick K., Trevor Griffiths, and Philip Hunt (1991). "Political Components of the Industrial Revolution: Parliament and the English Cotton Textile Industry, 1660–1774." *Economic History Review*, New Series 44: 395–423.

Ogilvie, Sheilagh (2011). *Institutions and European Trade: Merchant Guilds 1000–1500*. New York: Cambridge University Press.

Olson, Mancur C. (1984). *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities*. New Haven, Conn.: Yale University Press.

O'Rourke, Kevin H., and Jeffrey G. Williamson (2002). "After Columbus: Explaining the Global Trade Boom 1500–1800." *Journal of Economic History* 62: 417–56.

Owen, E. Roger (1981). *The Middle East in the World Economy, 1800–1914*. London: Methuen and Co.

Owen, E. Roger, and Sevket Pamuk (1999). *A History of Middle East Economies in the Twentieth Century*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Owen, Thomas C. (1991). *The Corporation Under Russian Law, 1800–1917*. New York: Cambridge

University Press.

Palmer, Robin H. (1977). *Land and Racial Domination in Rhodesia*. Berkeley: University of California Press.

Palmer, Robin H., and QJNeil Parsons, eds. (1977). *The Roots of Rural Poverty in Central and Southern Africa*. London: Heinemann Educational.

Pamuk, Sevket (2006). "Estimating Economic Growth in the Middle East Since 1820." *Journal of Economic History* 66: 809–28.

Pan, Philip P. (2008). *Out Of Mao's Shadow: The Struggle for the Soul of a New China*. New York: Simon & Schuster.

Pankhurst, Richard (1961). *An Introduction to the Economic History of Ethiopia, from Early Times to 1800*. London: Lalibela House.

Parsons, QJNeil (1998). *King Khama, Emperor Joe and the Great White Queen*. Chicago: University of Chicago Press.

Parsons, Q Neil, Willie Henderson, and Thomas Tlou (1995). *Seretse Khama, 1921/1980*. Bloemfontein, South Africa: Macmillan.

Perkins, Dwight H., Steven Radelet, and David L. Lindauer (2006). *Development Economics*. 6th ed. New York: W. W. Norton and Co.

Pettigrew, William (2007). "Free to Enslave: Politics and the Escalation of Britain's Transatlantic Slave Trade,

1688–1714.” *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., LXIV: 3–37.

– (2009). “Some Underappreciated Connections Between Constitutional Change and National Economic Growth in England, 1660–1720.” Unpublished paper. Department of History, University of Kent, Canterbury.

Phillipson, David W. (1998). *Ancient Ethiopia: Aksum, Its Antecedents and Successors*. London: British Museum Press.

Pincus, Steven C. A. (2009). *1688: The First Modern Revolution*. New Haven, Conn.: Yale University Press.

Pincus, Steven C. A., and James A. Robinson (2010). “What Really Happened During the Glorious Revolution?” Unpublished. <http://scholar.harvard.edu/jrobinson>.

Pintner, Walter M. (1967). *Russian Economic Policy Under Nicholas I*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.

Post, Jerrold M. (2004). *Leaders and Their Followers in a Dangerous World: The Psychology of Political Behavior*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.

Price, David A. (2003). *Love and Hate in Jamestown: John Smith, Pocahontas, and the Heart of a New Nation*. New York: Knopf.

Puga, Diego, and Daniel Trefler (2010). “International Trade and Domestic Institutions: The Medieval Response to Globalization.” Unpublished. Department of Economics, University of Toronto.

Putnam, Robert H., Robert Leonardi, and Raffaella Y. Nanetti (1994). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Ransom, Roger L., and Richard Sutch (2001). *One Kind of Freedom: The Economic Consequences of Emancipation*. 2nd ed. New York: Cambridge University Press.

Reid, Anthony (1993). *Southeast Asia in the Age of Commerce, 1450–1680. Volume 2: Expansion and Crisis*. New Haven, Conn.: Yale University Press.

Reinikka, Ritva, and Jacob Svensson (2004). “Local Capture: Evidence from a Central Government Transfer Program in Uganda.” *Quarterly Journal of Economics*, 119: 679–705.

Relea, Francesco (2007). “Carlos Slim, Liderazgo sin Competencia.” In Jorge Zepeda Patterson, ed. *Los amos de Mexico: los juegos de poder a los que solo unos pocos son invitados*. Mexico City: Planeta Mexicana.

Reno, William (1995). *Corruption and State Politics in Sierra Leone*. New York: Cambridge University Press.

– (2003). “Political Networks in a Failing State: The Roots and Future of Violent Conflict in Sierra Leone,” *IPG* 2: 44–66.

Richards, Paul (1996). *Fighting for the Rainforest: War, Youth and Resources in Sierra Leone*. Oxford, U. K.:

James Currey.

Robbins, Lionel (1935). *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. 2nd ed. London: Macmillan.

Robinson, Eric (1964). "Matthew Boulton and the Art of Parliamentary Lobbying." *The Historical Journal* 7: 209–29.

Robinson, James A. (1998). "Theories of Bad Policy." *Journal of Policy Reform* 1, 1–46.

Robinson, James A, and QJNeil Parsons (2006). "State Formation and Governance in Botswana." *Journal of African Economies* 15, AERC Supplement (2006): 100140.

Rock, David (1992). *Argentina 1516–1982: From Spanish Colonization to the Falklands War*. Berkeley: University of California Press.

Romero, Mauricio (2003). *Paramilitares y autodefensas, 1982–2003*. Bogota: Editorial Planeta Colombiana.

–, ed. (2007). *Para Política: La Ruta de la Expansión Paramilitar los Acuerdos Políticos*, Bogota: Corporation Nuevo Arco Iris: Intermedio.

Sachs, Jeffery B. (2006). *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. New York: Penguin.

Sahlins, Marshall (1972). *Stone Age Economics*. Chicago: Aldine.

Saunders, David (1992). *Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881*. New York: Longman.

Savage-Smith, Emily (2003). "Islam." In Roy Porter, ed. *The Cambridge History of Science. Volume 4: Eighteenth—Century Science*. New York: Cambridge University Press.

Sawers, Larry (1996). *The Other Argentina: The Interior and National Development*. Boulder: Westview Press.

Schapera, Isaac (1940). "The Political Organization of the Ngwato of Bechuanaland Protectorate." In E. E. Evans-Pritchard and Meyer Fortes, eds. *African Political Systems*. Oxford, U. K.: Oxford University Press.

— (1952). *The Ethnic Composition of the Tswana Tribes*. London: London School of Economics and Political Science.

— (1970). *Tribal Innovators: Tswana Chiefs and Social Change 1795–1940*. London: The Athlone Press.

Schoenhals, Michael, ed. (1996). *China's Cultural Revolution, 1966–1969*. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe.

Sfakianakis, John (2004). "The Whales of the Nile: Networks, Businessmen and Bureaucrats During the Era of Privatization in Egypt." In Steven Heydemann, ed. *Networks of Privilege in the Middle East*. New York: Palgrave Macmillan.

Sharp, Kevin (1992). *The Personal Rule of Charles I*.

New Haven, Conn.: Yale University Press.

Sheridan, Richard B. (1973). *Sugar and Slaves: An Economic History of the British West Indies 1623–1775*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press.

Sidrys, Raymond, and Rainer Berger (1979). “Lowland Maya Radiocarbon Dates and the Classic Maya Collapse.” *Nature* 277: 269–77.

Smith, Bruce D. (1998). *Emergence of Agriculture*. New York: Scientific American Library.

Sokoloff, Kenneth L. (1988). “Inventive Activity in Early Industrial America: Evidence from Patent Records, 1790–1846.” *Journal of Economic History* 48: 813–30.

Sokoloff, Kenneth L., and B. Zorina Khan (1990). “The Democratization of Invention During Early Industrialization: Evidence from the United States, 1790–1846.” *Journal of Economic History* 50: 363–78.

Steffens, Lincoln (1931). *The Autobiography of Lincoln Steffens*. New York: Harcourt, Brace and Company.

Stevens, Donald F. (1991). *Origins of Instability in Early Republican Mexico*. Durham, N. C.: Duke University Press.

Stone, Lawrence (2001). *The Causes of the English Revolution, 1529–1642*. New York: Routledge.

Tabellini, Guido (2010). “Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe.” *Journal of the European Economic Association* 8,

677716.

Tarbell, Ida M. (1904). *The History of the Standard Oil Company*. New York: McClure, Phillips.

Tawney, R. H. (1941). "The Rise of the Gentry." *Economic History Review* 11: 1–38.

Temin, Peter, and Hans-Joachim Voth (2008). "Private Borrowing During the Financial Revolution: Hoare's Bank and Its Customers, 1702–24." *Economic History Review* 61: 541–64.

Thompson, E. P. (1975). *Whigs and Hunters: The Origin of the Black Act*. New York: Pantheon Books.

Thompson, I. A. A. (1994a). "Castile: Polity, Fiscality and Fiscal Crisis." In Philip T. Hoffman and Kathryn Norberg, eds. *Fiscal Crisis, Liberty, and Representative Government 1450–1789*. Palo Alto, Calif.: Stanford University Press.

– (1994b). "Castile: Absolutism, Constitutionalism and Liberty." In Philip T. Hoffman and Kathryn Norberg, eds. *Fiscal Crisis, Liberty, and Representative Government 1450–1789*. Palo Alto, Calif.: Stanford University Press.

Thornton, John (1983). *The Kingdom of Kongo: Civil War and Transition, 1641–1718*. Madison: University of Wisconsin Press.

Todkill, Anas (1885). *My Lady Pocahontas: A True Relation of Virginia. Writ by Anas Todkill, Puritan and Pilgrim*. Boston: Houghton, Mifflin and Company.

Truth and Reconciliation Commission (2004). *Final Report of the Truth and Reconciliation Commission of Sierra Leone*. Freetown.

Vansina, Jan (1978). *The Children of Woot: A History of the Kuba People*. Madison: University of Wisconsin Press.

Wade, Robert H. (1990). *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Wallerstein, Immanuel (1974–2011). *The Modern World System*. 4 Vol. New York: Academic Press.

Ward-Perkins, Bryan (2006). *The Fall of Rome and the End of Civilization*. New York: Oxford University Press.

Weber, Max (2002). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Penguin.

Webster, David L. (2002). *The Fall of the Ancient Maya*. New York: Thames and Hudson.

Webster, David L., Ann Corinne Freter, and Nancy Gonlin (2000). *Copan: The Rise and Fall of an Ancient Maya Kingdom*. Fort Worth, Tex.: Harcourt College Publishers.

Wheatcroft, Stephen G., and Robert W. Davies (1994a). "The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics." In Robert W. Davies, Mark Harrison, and Stephen G. Wheatcroft, eds. *The Economic*

Transformation of the Soviet Union, 1913-1945. New York: Cambridge University Press.

– (1994b). “Population.” In Robert W. Davies, Mark Harrison, and Stephen G. Wheatcroft, eds. *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913-1945*. New York: Cambridge University Press.

Wiener, Jonathan M. (1978). *Social Origins of the New South: Alabama, 1860-1885*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.

Williamson, John (1990). *Latin American Adjustment: How Much Has Happened?* Washington, D. C.: Institute of International Economics.

Wilson, Francis (1972). *Labour in the South African Gold Mines, 1911–1969*. New York: Cambridge University Press.

Wilson, Woodrow (1913). *The New Freedom: A Call for the Emancipation of the Generous Energies of a People*. New York: Doubleday.

Woodward, C. Vann (1955). *The Strange Career of Jim Crow*. New York: Oxford University Press.

Woodward, Ralph L. (1966). *Class Privilege and Economic Development: The Consulado de Comercio of Guatemala, 1793–1871*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Wright, Gavin (1978). *The Political Economy of the Cotton South: Households, Markets, and Wealth in the*

Nineteenth Century. New York: Norton.

– (1986). *Old South, New South: Revolutions in the Southern Economy Since the Civil War*. New York: Basic Books.

– (1999). “The Civil Rights Movement as Economic History.” *Journal of Economic History* 59: 267–89.

Zahedieh, Nuala (2010). *The Capital and the Colonies: London and the Atlantic Economy, 1660–1700*. New York: Cambridge University Press.

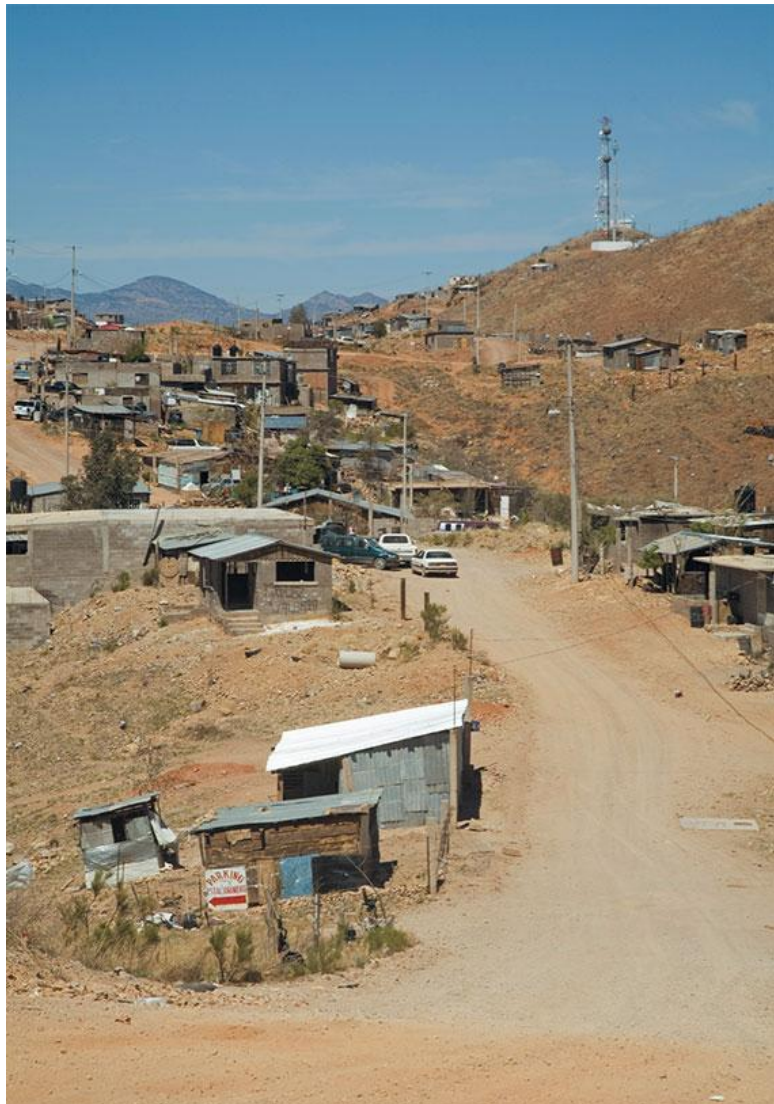
Zewde, Bahru (2002). *History of Modern Ethiopia, 1855–1991*. Athens: Ohio University Press.

Zohary, Daniel, and Maria Hopf (2001). *Domestication of Plants in the Old World: The Origin and Spread of Cultivated Plants in West Asia, Europe, and the Nile Valley* Third Edition, New York: Oxford University Press.

Фотографии

К северу от стены: Ногалес, штат Аризона (США)

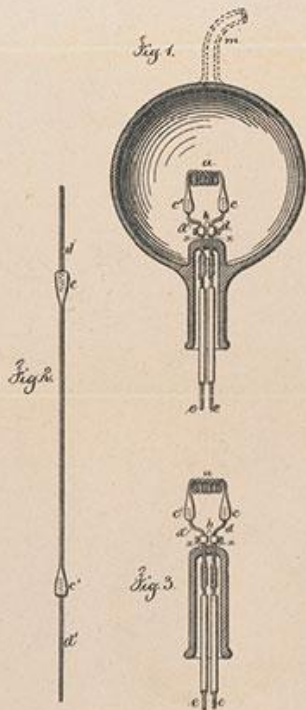

К югу от стены: Ногалес, штат Сонора (Мексика)

T. A. EDISON.
Electric-Lamp.

No. 223,898.

Patented Jan. 27, 1880.

Witnesses

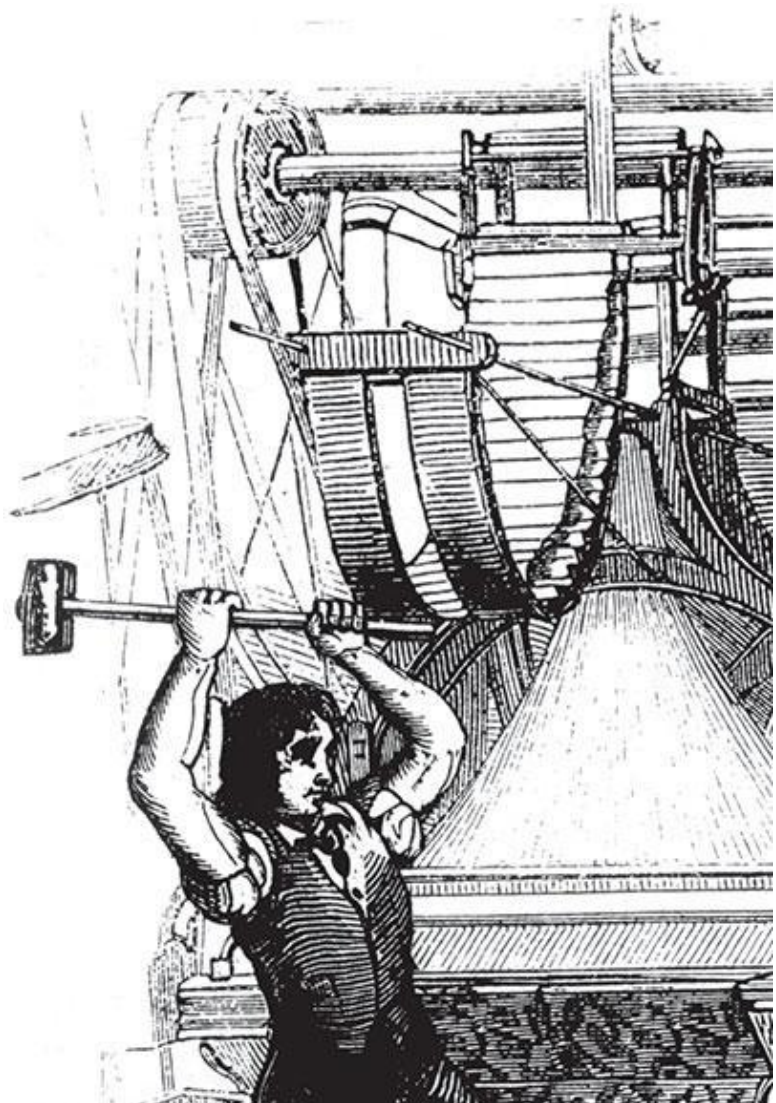
Chas. M. Smith
Geo. S. P. Mackay

Inventor
Thomas A. Edison

for Lemuel W. Ferrell

cut

Плоды свободной конкуренции: патент Томаса Эдисона на электрическую лампу накаливания (1880 г.)

Проигравшие в ходе промышленной революции:
английские луддиты уничтожают фабричные станки
(нач. XIX в.)

Сомали: крах централизованной власти

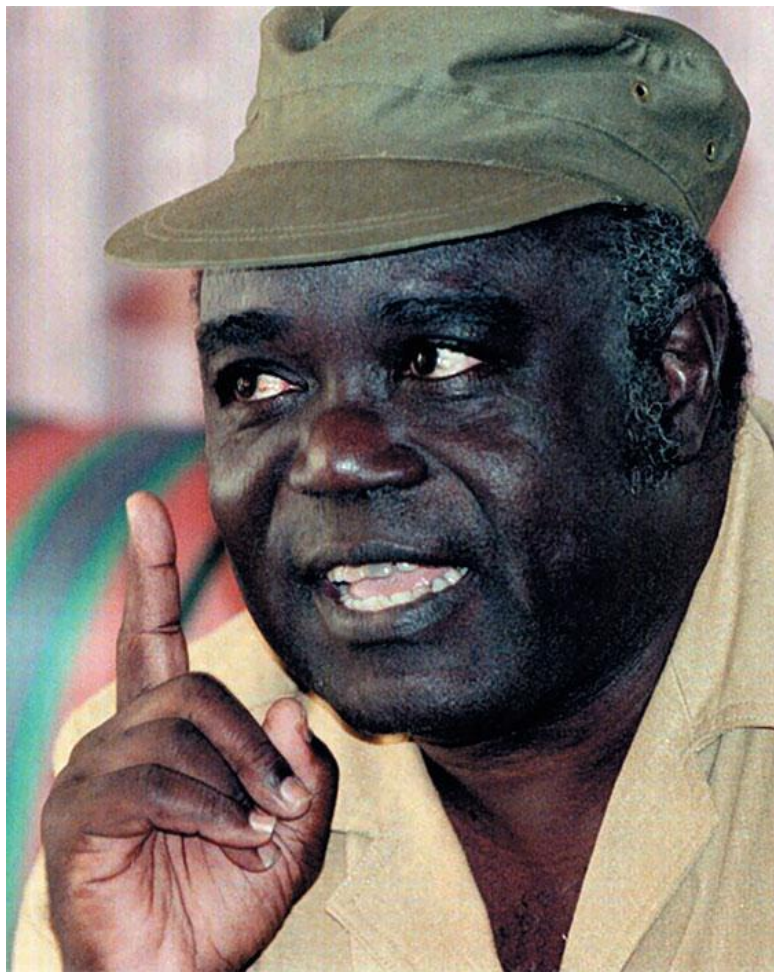
Король Конго: бенефициар экстрактивных экономических институтов

Леопольд II, король бельгийцев

Жозеф Мобуту

Лоран Кабила

«Славная революция»: прежде чем предложить Вильгельму III Оранскому корону Англии, ему зачитывают Билль о правах (1689 г.)

«Триумф смерти» Питера Брейгеля-старшего: эпидемия бубонной чумы в XIV столетии стала важной точкой перелома

Монарх африканского королевства Куба

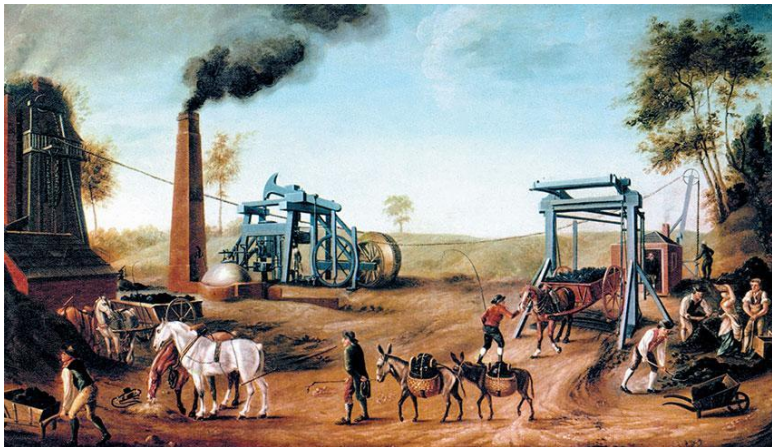
На заре неравенства: богатое погребение натуфийской культуры (ок. 12 500–9500 гг. до н. э.)

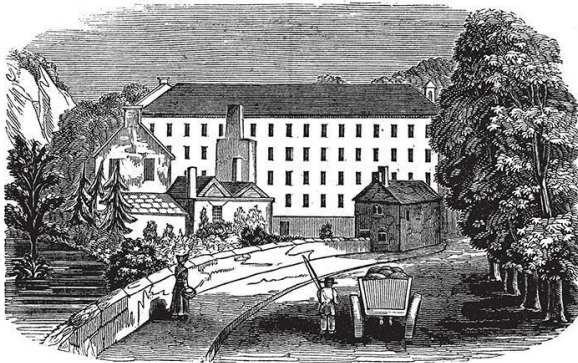
Экстенсивный рост: заключенные советского ГУЛАГа на строительстве Беломорско-Балтийского канала

Крушение империи: руины римской крепости Вин-доланда в Северной Англии

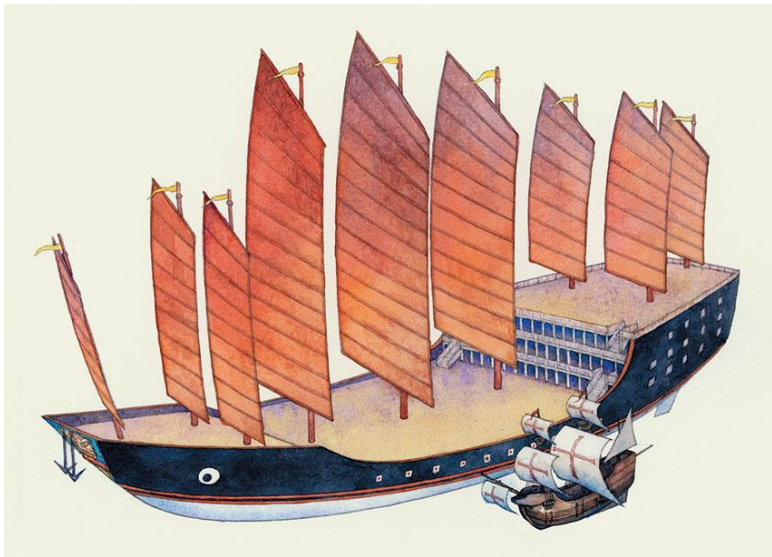

Инновации – основа инклюзивного экономического роста: паровая машина Джеймса Уатта (1782 г.)

ARKWRIGHT'S FIRST COTTON FACTORY AT CROMFORD.

Организационные реформы – необходимое условие развития инклюзивных институтов: фабрика Ричарда Аркрайта в Кромфорде (1771 г.)

«Корабль-сокровищница» адмирала Чжэн Хэ и флагман Колумба – каракка «Санта-Мария». В XV в. Китай технологически опережал Европу

Двойственная экономика, вид с птичьего полета:
нищета в провинции Транскей, процветание в провинции Наталь (ЮАР)

Промышленная революция ведет к изменению политических институтов: взятие Бастилии (1789 г.)

Монополии как угроза инклюзивным институтам:
компания *Standard Oil* (карикатура 1904 г.)

После колониализма: станция заброшенной железной дороги Фритаун – Менделенд (Сьерра-Леоне)

Экстрактивные институты сегодня: школьники на уборке хлопка в Узбекистане

Ломая привычные схемы: три вождя народа тсвана направляются в Лондон (1895 г.)

Борьба за гражданские права: Роза Паркс бросает вызов экстрактивным институтам американского Юга (1955 г.)

